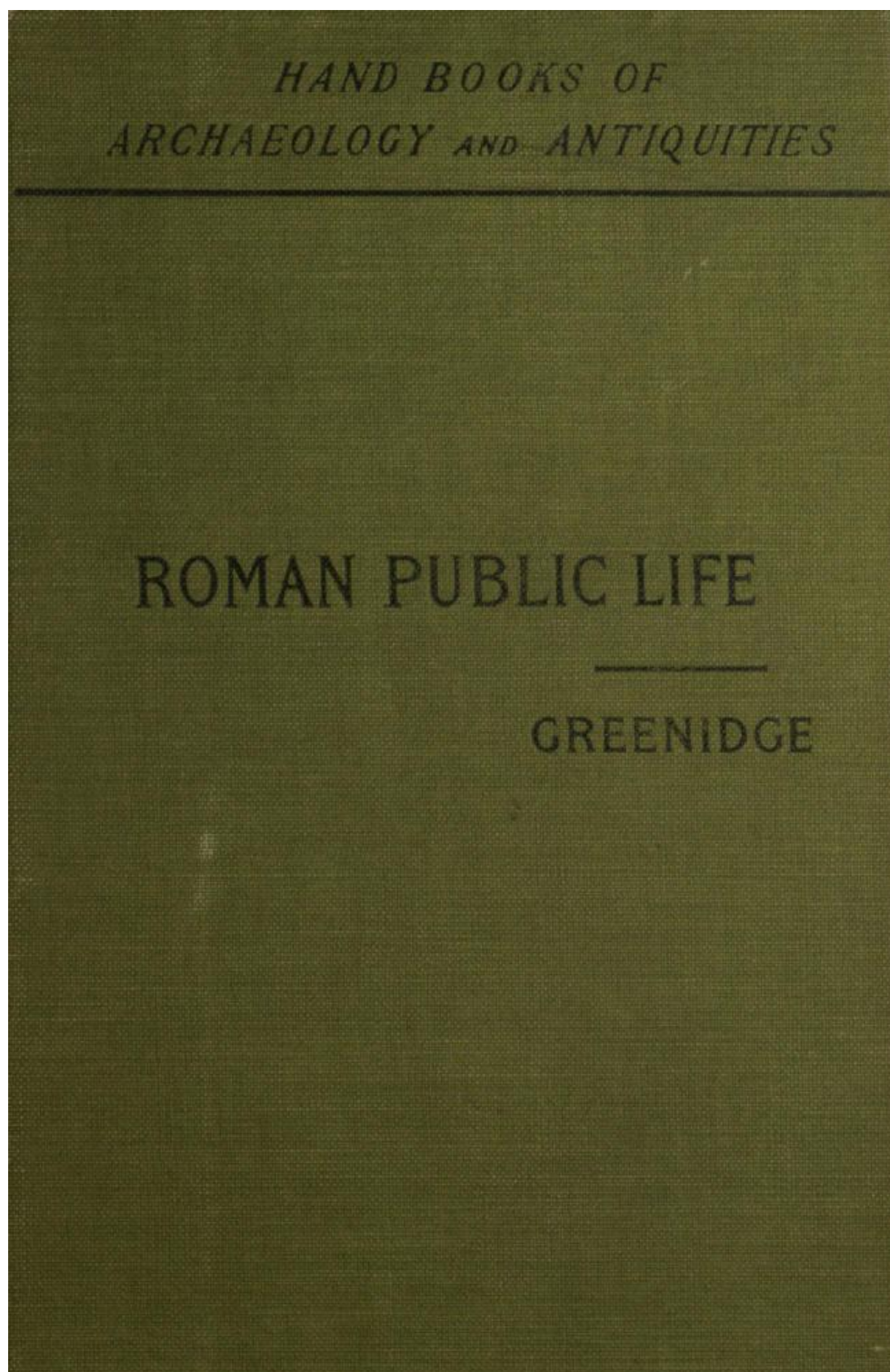

Общественная жизнь Рима

А. Х. Дж. Гринидж

The Project Gutenberg eBook of Roman Public Life.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге, или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Римская общественная жизнь

Автор: А. Н. J. Greenidge

Дата выхода: 20 мая 2021 [eBook #65392]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен MFR и Online Distributed Proofreading Team (<https://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГА "РИМСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ" ***

Электронная книга проекта "Гутенберг", "Римская общественная жизнь", автор А. Х. Дж. (Абель Хенди Джонс) Гринидж

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через Internet Archive. См. <https://archive.org/details/romanpubliclife00greeiala>

Справочники по археологии и древностям

РИМСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

РИМСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

А. Х. ДЖ. ГРИНДИДЖ, М.А.

ЛЕКТОР И ПОЗДНИЙ СТИПЕНДИАТ ГЕРТФОРДСКОГО КОЛЛЕДЖА И
ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ В КОЛЛЕДЖЕ БРАСЕНОУЗ, ОКСФОРД

Лондон

MACMILLAN AND CO., Limited

НЬЮ-ЙОРК: КОМПАНИЯ МАКМИЛЛАН

1901

Все права защищены

На

M. L. P.

J. T. W. G.

и

J. E. G. H.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель этой работы - проследить рост римской конституции и объяснить ее функционирование на двух этапах ее зрелости, в период развитой Республики и Принципата. Выбранное название, возможно, более кратко, чем любое другое, выражает характер плана, который я хотел бы осуществить. Моим желанием было затронуть, пусть и кратко, все важные аспекты государственной жизни, центральной, муниципальной и провинциальной, и, таким образом, продемонстрировать политический гений римлян в связи со всеми главными проблемами управления, которые он пытался решить. Этот замысел, как и многие другие всеобъемлющие планы, которые приходится адаптировать к рамкам одного тома, неизбежно подвергался изменениям в деталях; и поскольку одно из этих изменений затронуло весь объем книги, оно требует некоторого упоминания в предисловии.

Я намеревался вынести рассмотрение своей темы за пределы принципата и описать политическую организацию поздней империи, разработанную Диоклетианом и его преемниками. Однако я обнаружил, что обсуждение этого периода выведет мою работу за разумные пределы, которые можно отвести справочнику, и был вынужден отказаться от этого предприятия вопреки своей воле. Меня несколько утешило предположение, что конституция поздней империи, возможно, не была строго "римской". Это вердикт, с которым я частично согласен. Организация, центром которой был Константинополь, безусловно, была организацией империи, пронизанной социальными идеалами позднего Рима, принявшей латинский кодекс и использовавшей административную систему, истоки которой лежали в Италии; но в формах правления, которые представляла собой монархия, разрыв с прошлым был заметен. Абсолютизм не был чем-то новым, но обличье, принятое этим абсолютизмом, было поразительно новым. Дело не только в том, что классические

традиции были забыты, что, как говорит Гиббон, "чистота латинского языка была опорочена принятием в общении гордости и лести обилия эпитетов, которые Талли едва ли понял бы и которые Август отверг бы с негодованием", но и в том, что даже там, где можно проследить преемственность в государственных институтах, она заключается скорее в именах, чем в идеях. В Принципате мы видим извращенную Республику, в монархии - *Res publica* только в самом узком этимологическом смысле этих слов. Возможно, воцарение Диоклетиана все-таки знаменует собой завершение истинно "римской" общественной жизни.

Задача, даже в таком ограниченном виде, была долгой, и она была бы еще длиннее, если бы не любезная помощь, оказанная мне бывшей ученицей, мисс Мюриэл Клэй, из Леди Маргарет Холл. Помощь, оказанная ею при чтении гранков и проверке ссылок на оригинальные источники, не только облегчила работу над книгой, но и значительно улучшила ее благодаря устранению ошибок и неясностей. Я также должен поблагодарить ее за указатель предметов и указатель латинских слов, которые сопровождают этот том.

A. H. J. G.

Оксфорд, апрель 1901 г.

СОДЕРЖАНИЕ

(Ссылки даны на страницы)

ГЛАВА I

РАННЯЯ КОНСТИТУЦИЯ РИМА

Рост города

РАЗДЕЛ.

1. Ранние итальянские объединения; *pagus, vicus, gens*, 1. Рост города Рима, 2. Иностранное влияние на римскую жизнь, 3. *Элементы населения - патриции, плебеи, клиенты.*
2. Происхождение патрициев, 4; плебеев, 5. Клиентела, 7. *Организация римской семьи*
3. *Род*, 9. *Семья*, 18. *Сословие*, 24. *Рабство*, 24. Передача имущества и формы завещания, 26. *Капут*, 31. *Capitis deminutio*, 32. *Граждане и политические подразделения государства*
4. *Римское население*, 33. *Права гражданина*, 35. *Auspicium*, 36. *Племена*, 40. *Армия*, 41. *Курия*, 41. *Монархическая конституция*
5. *Отношение короля к народу*, 42. *Титулы и знаки отличия короля*, 44. *Способ назначения короля*, 45. *Религиозный характер монархии*, 51. *Правило фас*, 52. *Гражданские полномочия короля*, 57. *Сенат монархии*, 58. *Консилиум короля*, 61. *Делегаты короля*, 61. *Юрисдикция монархии*, 62. *Конституция Сервии*

6. Социальные изменения, приведшие к сервской реформе, 65. Сервийские племена, 66. Регистрация для военных целей; новая организация армии, 68. *Перепись населения*, 69. Передача политических прав новому собранию века, 75. Завершение монархии, 76.

ГЛАВА II

СТАНОВЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

Учреждение консулов и ограничение *imperium*, 78. Назначение квесторов, 80. Сенат ранней республики, 81. Создание диктатуры, 84. Правительство патрицианской аристократии, 85. Права плебеев, 87. Социальная борьба плебеев, 89. Создание трибуната, 93. Полномочия плебейских трибунов, 94. Плебейский консилиум, 96. Аэдилы плебса, 97. Сакросанкции плебейских магистратов, 99. Плебейский консилиум собирается по племенам, 100. Создание *трибунной комиссии*, 102. Агитация за издание кодекса, 102. Двенадцать таблиц, 104. Попытка деспотизма, предпринятая децемвирами, 107. Валерио-горацианские законы, 108. Разрешение междоусобных браков между орденами, 111. Учреждение *военных консульских трибунов* (*tribuni militum consulari potestate*), 112. Учреждение цензуры, 115. Борьба за консульство, 118. Законы Лициния-Секстиана, 119. Учреждение преторства и курульного эдильства, 120. Прием плебеев на должности, 122; и в религиозные коллегии, 123. Права, закрепленные за плебеями *законами Публия и Гортензия*, 124. Результаты тенденций плебейской эмансипации, 127. Новая аристократия, 129. Сохраняющееся различие между орденами, 131.

ГЛАВА III

КЛАССЫ НАСЕЛЕНИЯ И ТЕОРИЯ КОНСТИТУЦИИ В РАЗВИТОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Классы населения

1. Способы получения гражданства, 132. Способы получения гражданства, 134. *Ингениуты*, 135. Права и обязанности гражданина, 136. Развитая концепция *capitis deminutio*, 138. Изменения в римской семье, 140. Положение раба, 141. Вольноотпущенники, 144.

Теория конституции

2. Сложность конституции, 146. Теория государства, раскрытая в *междоцарствие*, 147. Обособленное существование плебса, 149. Ослабление магистратуры и возвышение сената, 150.

ГЛАВА IV

МАГИСТРАЦИЯ

Общая характеристика магистратуры

1. *Imperium* и *potestas*, 152. Административные полномочия магистратов, 152. Военные полномочия, 153. Право на

триумф, 156. Полномочия, осуществляемые в связи с народом, 158. *Контингент* и *комиция*, 159. Право действовать вместе с *плебсом*, 161. Право советоваться с сенатом, 161. Общие полномочия магистратов; *auspicia*, 162. *Принуждение*, 167. Конфликт между полномочиями магистратов; *obnuntiatio*, 172. Право запрета, 173. *Интерцессия*, 176. Гражданская и уголовная ответственность магистратов, 181. Квалификация для занятия должности, 183. Формальности выдвижения и избрания, 187. *Знаки отличия*, 191.

Отдельные магистратуры

2. Диктатор, 191. Равноправный магистр, 195. Консулы, 196. Преторы, 202. Эдилы, 208. Квесторы, 212. Цензоры, 216. Плебейские магистраты, 233. Малые магистраты, 234.

ГЛАВА V

НАРОД И ЕГО ВЛАСТЬ

Законодательство, 238. Форма *лекса*, 242. Контроль над внешними делами, 243. Выборные полномочия, 245. Судебные полномочия, 245. Отмена приговоров народом, 248. Отмена вне закона и амнистия, 249. Основания недействительности народных актов, 249. Различные *комиции*; *куриальная комиция*, 250. *Комиция центурии* и ее реорганизация, 252. *Комиция трибутов*, 253. *Плебейский консилиум*, 253. Выборы в религиозные коллегии, 254. Формальности, соблюдаемые на заседаниях ассамблей, 255.

ГЛАВА VI

СЕНАТ

Причины роста власти сената, 261. Способ назначения сенаторов, 263. Внешние отличия сенаторов, 265. Реформы Суллы, 266. Правила инициативы и дебатов в сенате, 267. *senatus consultum* и *senatus auctoritas*, 272. Полномочия сената; его пробабулевтическая власть, 273. Отстранение магистратов от должности, 275. Квазизаконодательная власть, 275. Право освобождения от законов, 276. Пересмотр законов, 276. Влияние на юрисдикцию, 277. Назначение специальных комиссий, 278. Объявление военного положения, 279. Полицейский контроль, 282. Контроль над внешней политикой, 282. Контроль над финансами, 286. Контроль над религией, 287.

ГЛАВА VII

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ РИМА И ПРИСОЕДИНЕНИЕ ИТАЛИИ

Разница между греческой и итальянской концепциями международного права, 289. Международные обычаи Рима, 290. Международные отношения с иностранными государствами, 292. *jus gentium*, 294. Лациумская федерация, 295. Расширение лиги и изменение ее характера, 296.

Организация Италии; *cives* и *socii*, 299. Предложения по расширению избирательного права, 310. Урегулирование после социальной войны, 312. Присоединение Цизальпинской Галлии, 314.

ГЛАВА VIII

ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ ПРОВИНЦИЯМИ

Происхождение провинциального управления, 316. Концепция провинции, 317. Вольные и союзные города, 317. *Stipendiariae civitates; lex provinciae*, 318. Налогообложение, 319. Губернатор и его подчиненные, 322. Сферы управления, 324. Юрисдикция, 325. Провинциальный эдикт, 326. Общая оценка провинциального управления, 328.

ГЛАВА IX

РЕВОЛЮЦИЯ И ПЕРЕХОД К КНЯЖЕСТВУ

Цели партии реформ, 331. Элементы в партии реформ, 332. Равновесие партий; *эквиты*, 333. Исход борьбы, 334. Единоличное правление Цезаря, 336. Триумвират и установление принципата, 338.

ГЛАВА X

ПРИНЦИПАТ

Полномочия принцепса

1. Главные основания власти принцепса; *proconsulare imperium* и *tribunicia potestas*; природа *imperium*, 341. Полномочия, связанные с *imperium*, 344. Полномочия, связанные с *tribunicia potestas*, 346. Принцепс как консул, 347; как цензор, 347. Чрезвычайные права, предоставленные принцепсу, 348. Освобождение от законов, 350. Принцепс как глава государственной религии, 350.

Титулы, знаки отличия и почести принцепса

2. Призвания и титулы, 351. Знаки отличия, 355. Другие почести, 355. Дом Цезаря, 356. *Amici* и *comites*, 357.

Создание, передача и отмена принципата

3. Избрание князя, 358. Назначение преемника, 360. Наследственное престолонаследие, 362. Низложение князя, 362. Признание правления, 363.

Другие власти в государстве - магистратура, комиция и сенат

4. Магистратура, 363. Отдельные магистраты, 367. Комиция, 371. Сенат, 373.

Главные департаменты государства; двойной контроль сената и принцепса

5. Диархия, 377. Законодательство; законодательная власть комиций, 377. Квазизаконодательная власть сената, 377; принцепса, 378. Юрисдикция, 381. Разделение гражданской юрисдикции, 382. Апелляционные гражданские суды, 382. Апелляция провинций, 385. Уголовная юрисдикция, 386.

Апелляционные суды по уголовным делам, 390. Право помилования, 391. Диархия в управлении, 393; в финансах, 394; в контроле над культом, 397; в контроле над чеканкой монет, 397. В какой степени диархия была реальностью, 397.

Сенаторская и конная аристократия

6. Сенаторский орден, 399. Конный орден, 402.

Функционеры принцепса

7. Префекты, 406. *Praefectus urbi*, 406. *Praefectus praetorio*, 409. *Praefectus annonae*, 411. *Praefectus vigilum*, 412. Кураторы, 413. Прокураторы, 414. Личные помощники; императорский секретариат, 418. Императорский консилиум, 420.

ГЛАВА XI

ИТАЛИЯ И ПРОВИНЦИИ ПОД ВЛАСТЬЮ КНЯЗЯ

Организация Италии

1. Разделение на области, 422. Падение *комиций*, 423. Ограничения местной юрисдикции, 423. Учреждение кураторов, 424; корректоров, 424. *Алиментарий*, 425.

Организация провинций

2. Общий характер изменений, произведенных принципатом, 426. Государственные и императорские провинции, 427. Изменения в положении свободных и союзных городов, 428. Способы предоставления иммунитета; *jus Italicum*, 429. Налогообложение, 429. Метод управления в государственных провинциях, 432; в императорских провинциях, 434. Прокураторские губернаторства, 432. Управление германскими провинциями и Египтом, 435. Романизация провинций, 436. Изменения в состоянии провинциальных городов, 437. *Мунера* их граждан и *декурионов*, 439.

Поклонение императору

3. Происхождение и характер поклонения цезарю, 440. Его распространение, 441. Его последствия, 442.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Два собрания племен, 445

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Ограничение трибуната в правление Нерона, 447

ИНДЕКС

СТРАНИЦА

(i.)	подданные	453
(ii.)	латинских слов	457
(iii.)	отрывков из античных авторов, упоминаемых в тексте	467

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ РИМА

- Herzog, E.-*Geschichte und System der römischen Staatsverfassung*. Leipzig, 1884-91.
- Karlowa, O.-*Römische Rechtsgeschichte*, Bd. I. ("Staatsrecht und Rechtsquellen"). Лейпциг, 1885.
- Lange, L.-*Römische Alterthümer*. Берлин, 1856-71.
- Madvig, J.-*Die Verfassung und Verwaltung des römischen Staates*. Лейпциг, 1881-82.
- Mispoulet, J.-*Les institutions politiques des Romains*. Париж, 1882-83.
- Mommsen, Th.-*Römisches Staatsrecht*. Bd. I. ("die Magistratur"), II. Abt. i. ("die einzelnen Magistraturen"), II. Abt. ii. ("der Principat"), III. ("Bürgerschaft und Senat"). Лейпциг, 1887-88.
- Моммзен, Т.-*Абрис ромейского государственного права*. Лейпциг, 1893.
- Rubino, J.-*Untersuchungen über römische Verfassung und Geschichte*. Кассель, 1839.
- Schiller, H.-"Staats- und Rechtsaltertümer" (*Handbuch der klassischen Altertums-Wissenschaft*, herausg. von Dr. Iwan von Müller, Bd. IV. Abt. ii.). München, 1893.
- Willems, P.-*Le droit public Romain*. Louvain, Paris, 1888.
- Zoeller, M.-*Römische Staats- und Rechtsaltertümer*. Бреслау, 1895.

2. ГОРОД РИМ, МОНАРХИЯ И РАННЯЯ ИСТОРИЯ РИМА

- Bernhoeft, F.-*Staat und Recht der römischen Königszeit im Verhältniss zu verwandten Rechten*. Штутгарт, 1882.
- Дайер, Т. - *История римских царей*. С предисловием об источниках и свидетельствах. Лондон, 1868.
- Гилберт, О. - *Гешикт и топография города Рима*. Лейпциг, 1883.
- Ине, В. "Ранний Рим, от основания города до его разрушения галлами" (*Эпохи древней истории*). Лондон, 1876.
- Ланчиани, Р. - *Древний Рим в свете последних открытий*. Лондон, 1888.
- Ланчиани, Р. *Руины и раскопки древнего Рима*. Лондон, 1897.
- Льюис, Г. - *Исследование достоверности ранней римской истории*. Лондон, 1855.
- Миддлтон, Дж. *Останки древнего Рима*. Лондон и Эдинбург, 1892.
- Pais, E.-*Storia di Roma*. Турин, 1898-99.
- Poehlmann, R.-*Die Anfänge Roms*. Эрланген, 1881.
- Рихтер, О.-Арт. "Пом" (Baumeister, A.-*Denkmäler des klassischen Altertums*). München, Leipzig, 1889.

Rubino, J.-*Untersuchungen* (Abschn. ii. "von dem Königthume"). Кассель, 1839.

Schwegler, A.-*Römische Geschichte im Zeitalter des Kampfs der Stände*. Tübingen, 1853-58.

3. СЕНАТ

Mommsen, Th.-*Römische Forschungen*, Bd. I. Berlin, 1879.

Rubino, J.-*Untersuchungen* (Abschn. iii. "von dem Senate und dem Patriciate"). Кассель, 1839.

Willems, P.-*Le Sénat de la République Romaine*. Louvain, 1883-85.

4. ЭКВИТЫ

Belot, E.-*Histoire des chevaliers Romains considérée dans ses rapports avec les différentes constitutions de Rome*. Париж, 1869-73.

Marquardt, J.-*Historiae equitum Romanorum libri quattuor*. Berlin 1840.

5. НАРОДНЫЕ СОБРАНИЯ

Borgeaud, C.-*Le plébiscite dans l'antiquité. Grèce et Rome*. Женева, 1886.

Huschke, P.-*Die Verfassung des Königs Servius Tullius als Grundlage zu einer römischen Verfassungsgeschichte*. Гейдельберг, 1838.

Mommsen, Th.-*Römische Forschungen*, Bd. I. Berlin, 1879.

Rubino, J.-*Untersuchungen* (Abschn. iv. "von den Volksversammlungen") Cassel, 1839.

Soltau, W.-*Entstehung und Zusammensetzung der altrömischen Volksversammlungen*. Берлин, 1880.

Soltau, W.-*Die Gültigkeit der Plebiscite*. Berlin, 1884.

6. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ДЕЛЕНИЕ

Beloch, J.-*Der italische Bund unter Roms Hegemonie*. Лейпциг, 1880.

Huschke, P.-*Die Verfassung des Königs Servius Tullius*. Гейдельберг, 1838.

Kubitschek, J.-*De Romanarum tribuum origine et propagatione*. Вена, 1882.

Kubitschek, J.-*Imperium Romanum tributim discriptum*. Вена, 1889.

Mommsen, Th.-*Die römische Tribus in administrativer Beziehung*. Altona, 1844.

7. АДМИНИСТРАЦИЯ ПРИ КНЯЖЕСТВЕ

Cuq, E.-"Le conseil des empereurs d'Auguste à Dioclétien" (*Mémoires présentés à l'Académie des inscriptions*). Париж, 1884.

Hirschfeld, O.-*Untersuchungen auf dem Gebiete der römischen Verwaltungsgeschichte*. Берлин, 1877.

Liebenam, W.-Forschungen zur Verwaltungsgeschichte des römischen Kaiserreichs. Лейпциг, 1888.

Liebenam, W.-Die Laufbahn der Procuratoren bis auf die Zeit Diocletians. Jena, 1886.

8. ГРАЖДАНСКИЕ И УГОЛОВНЫЕ СУДЫ

Bethmann-Hollweg, M. A. von.-"Der römische Civilprozess" (*Der Civilprozess des gemeinen Rechts*, Bde. I. II.). Bonn, 1864.

Geib, G.-Geschichte des römischen Criminalprocesses bis zum Tode Justinians. Лейпциг, 1842.

Гринидж, А. Юридическая процедура времен Цицерона. Оксфорд, 1901.

Keller, F. L. von.-Der römische Civilprozess und die Actionen. 5te Ausg. bearbeitet von Adolf Wach. Leipzig, 1876.

Mommsen, Th.-Römisches Strafrecht. Лейпциг, 1899.

Puntschart, V.-Die Entwicklung des grundgesetzlichen Civilrechts der Römer. Эрланген, 1872.

Rudorff, A.-Römische Rechtsgeschichte, Bd. II. Leipzig, 1859.

Wlassak, M.-Römische Processgesetze. Ein Beitrag zur Geschichte des Formularverfahrens. Leipzig, 1888-91.

Wlassak, M.-Edict und Klageform. Йена, 1882.

Zumpt, A.-Das Criminalrecht der römischen Republik. Берлин, 1865-69.

9. ЧАСТНОЕ И УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Cuq, E.-Les institutions juridiques des Romains. Париж, 1891.

Czyhlarz, C. von.-Lehrbuch der Institutionen des römischen Rechts. Прага, Вена, Лейпциг. 1895.

Giraud, C.-Histoire du droit Romain ou introduction historique à l'étude de cette législation. Paris, 1847.

Гудвин, Ф. - Двенадцать таблиц. Лондон, 1886.

Ihering, R. von.-Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufe seiner Entwicklung. Leipzig, 1877-83.

Karlowa, O.-Römische Rechtsgeschichte. Лейпциг, 1885.

Laboulaye, E.-Essai sur les lois criminelles des Romains concernant la responsabilité des magistrats. Париж, Лейпциг, 1845.

Mitteis, L.-Reichsrecht und Volksrecht in dem östlichen Provinzen des römischen Kaiserreichs. Лейпциг, 1891.

Mommsen, Th.-Römisches Strafrecht. Лейпциг, 1899.

Muirhead, J.-Historical introduction to the private law of Rome. Второе издание, пересмотренное и отредактированное Х. Гоуди. Лондон, 1899.

Ortolan, E.-*Histoire de la législation Romaine*. 1884.

Ortolan, E. -*Explication historique des instituts de l'empereur Justinien*. Paris, 1851.

Rein, W.-*Das Criminalrecht der Römer von Romulus bis auf Justinianus*. Лейпциг, 1844.

Roby, H.-*An introduction to the study of Justinian's Digest*, Cambridge, 1886.

Rudorff, A.-*Römische Rechtsgeschichte*, Leipzig, 1857-59.

Sohm, R.-*The institutes of Roman law*. Перевод Дж. К. Ледли, со вступительным очерком Э. Грюбера. Оксфорд, 1892.

Voigt, M.-*Die zwölf Tafeln. Geschichte und System des Civil- und Criminal-Rechtes, wie Processes der XII. Tafeln nebst deren Fragmenten*. Leipzig, 1888.

Voigt, M.-*Römische Rechtsgeschichte*. Leipzig, 1892.

Zumpt, A.-*Das Criminalrecht der römischen Republik*. Berlin, 1865-69.

10. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЭКОНОМИКА

Каннингем, У. - "Очерк западной цивилизации в ее экономических аспектах" (*Древние времена*, книга III). Кембридж, 1898.

Dureau de la Malle, A.-*Economie politique des Romains*. Париж, 1840.

Marquardt, J.-*Römische Staatsverwaltung*, Bd. II. 2te. Aufl., besorgt von H. Dessau und A. von Domaszewski. Leipzig, 1884.

11. СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ

Friedländer, L.-*Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms in der Zeit von August bis zum Ausgang der Antonine*. Лейпциг, 1862-71.

Ингрэм, Дж. *История рабства и крепостного права* (гл. iii.). Лондон, 1895.

Marquardt, J.-*Das Privatleben der Römer*. 2te. Aufl., besorgt von A. Mau. Leipzig, 1886.

Voigt, M.- "Privataltertümer und Kulturgeschichte" (*Handbuch der klassischen Altertums-Wissenschaft*, herausg. von Dr. Iwan von Müller, Bd. IV. Abt. ii.). München, 1893.

Wallon, H.-*Histoire de l'esclavage dans l'antiquité*. Paris, 1879.

12. ГИЛЬДИИ

Cohn, M.-*Zum römisches Vereinsrecht*. Берлин, 1873.

Liebenam, W.-*Zur Geschichte und Organisation des römischen Vereinswesens, drei Untersuchungen*. Leipzig, 1890.

Mommsen, Th.-*De collegiis et sodaliciis Romanorum*. Киль, 1843.

Waltzing, J.-*Etude historique sur les corporations professionnelles chez les Romains depuis les origines jusqu'à la chute de l'Empire d'Occident*. Louvain, 1895-99.

13. РЕЛИГИОЗНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Beurlier, E.-*Essai sur le culte rendu aux Empereurs Romains*. Париж, 1890.

Boissier, G.-*La religion Romaine d'Auguste aux Antonins*. Париж, 1874.

Bouché-Leclercq, A.-*Les pontifes de l'ancienne Rome*. Париж, 1871.

Guiraud, P.-*Les assemblées provinciales dans l'Empire Romain*, Paris, 1887.

Marquardt, J.-"De provinciarum Romanarum conciliis et sacerdotibus" (*Ephemeris Epigraphica*, vol. i. pp. 200-14).

Mourlot, F.-*Essai sur l'histoire de l'Augustalité dans l'empire Romain*. Paris, 1895.

14. МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ГОРОДА

Kuhn, E.-*Die städtische und bürgerliche Verfassung des römischen Reichs bis auf die Zeiten Justinians*. Лейпциг, 1864-65.

Liebenam, W.-*Städteverwaltung im römischen Kaiserreiche*. Лейпциг, 1900.

Mommsen, Th.-"Die Stadtrechte der latinischen Gemeinden Salpensa und Malaca in der Provinz Baetica" (*Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der königlich sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften*, Bd. II.). Leipzig, 1857.

15. ПРОВИНЦИИ

Арнольд, У. *Римская система управления провинциями до воцарения Константина Великого*. Лондон, 1879.

Marquardt, J.-*Römische Staatsverwaltung*, Bd. I. Leipzig, 1881.

Mommsen, Th.-*The provinces of the Roman Empire from Caesar to Diocletian*. Перевод Уильяма П. Диксона. Лондон, 1886.

16. ИСТОЧНИКИ И ДОКУМЕНТЫ

Брунс, К.-*Фонты юриспруденции римской старины*. Freiburg, 1893.

Kipp, Th.-*Quellenkunde des römischen Rechts*. Лейпциг, 1896.

17. ИНСКРИПЦИИ

Corpus Inscriptionum Latinarum. Берлин.

Надписи Regni Neapolitani, изд. Mommsen. Лейпциг, 1852.

Mommsen, Th.-*Res gestae divi Augusti ex monumentis Ancyrano et Apolloniensi*. Берлин, 1883.

Orelli-Henzen.-*Inscriptionum Latinarum selectarum collectio*. Цюрих, 1828-56.

Peltier, C.-*Res gestae divi Augusti*. Париж, 1886.

Вильманс, Г.-*Exempla inscriptionum Latinarum*. Берлин, 1873.

18. СЛОВАРИ ДРЕВНОСТЕЙ, СОДЕРЖАЩИЕ СТАТЬИ ПО РИМСКОМУ КОНСТИТУЦИОННОМУ ПРАВУ

Daremberg-Saglio.-*Dictionnaire des antiquités Grecques et Romaines* (A to Lib). 1875 и др.

Pauly.-*Real-Encyclopädie der classischen Alterthumswissenschaft*. 6 Bde. Stuttgart, 1839.

Pauly-Wissowa.-*Real-Encyclopädie*, etc. (новое издание вышеупомянутого, от А до Corn). 1893 и др.

Smith.-*Dictionary of Greek and Roman antiquities*. Третье издание, под редакцией У. Смита, У. Уэйта и Г. Э. Мариндина. London, 1890.

19. ИСТОРИИ РИМА

Джорджи, В. - *История Рима и римского народа, от его возникновения до основания христианской империи*. Перевод В. Дж. Кларка. Под редакцией Дж. П. Махаффи. Лондон, 1883-86.

Гардтхаузен, В. - *Август и его время*. Leipzig, 1891-96.

Гиббон, Э. *История упадка и падения Римской империи*. Под редакцией Дж. Б. Бэри. Лондон, 1896-1900.

Герцберг, Г. - *История ромейских кайзеррейхов* (Oncken, W. -*Allgemeine Geschichte, Hauptabth. 2, Thl. I*). Berlin, 1880.

История Рима до смерти Цезаря (How (W.) and Leigh (H.).-*A history of Rome to the death of Caesar*). Лондон, 1896.

Ihne, W.-*Römische Geschichte*. Leipzig, 1868-90.

Лонг, Г. - *Упадок Римской республики*. Лондон, 1864-74.

Меривейл, К. - *История римлян под властью империи*. Лондон, 1875-76.

Моммзен, Т. - *История Рима*. Перевод В. П. Диксона. Лондон, 1894.

Niebuhr, B.-*Römische Geschichte*. Neue Ausgabe von M. Isler. Berlin, 1873-74.

Нибур, Б. - *История Рима*. Перевод Вальтера (Ф.), Смита (В.) и Шмитца (Л.). Лондон, 1827-44.

Пелхэм, Х.-*Очерки римской истории*. Лондон, 1893.

Peter, C.-*Geschichte Roms*. Галле, 1881.

Ranke, L. von.-*Weltgeschichte*. Thl. II. ("die Römische Republik und ihre Weltherrschaft"). Thl. III. ("das altrömische Kaiserthum"). Лейпциг, 1883.

Schiller, H.-*Geschichte der römischen Kaiserzeit*. Gotha, 1883-87.

ГЛАВА I

ДРЕВНЕЙШАЯ КОНСТИТУЦИЯ РИМА

§ 1. Рост города

В развитой политической жизни Италии сохранилась форма объединения, известная как *pagus*[1] - этническая или, по крайней мере, племенная единица, которая сама состоит из ряда деревень (*vici*, ої коі). Этот район с группой деревень, возможно, представляет собой наиболее примитивную организацию италийских народов, занимающихся земледелием и скотоводством. 2] *Пагус*, по-видимому, напоминает племя (*tribus*) полностью сформировавшегося города-государства, 3] в то время как *викус*, возможно, часто представлял собой простой клан (*gens*) или делал вид, что представляет его. В центре района находилась крепость (*arx, castellum*), в которой жители укрывались во время опасности.

Действительно, существуют традиции изолированных подразделений, еще меньших, чем *пагус*. Род иногда изображается как одинокое странствие с толпой зависимых людей[4]. Но миграция сама по себе должна была разрушить самосуществование семьи; орда шире рода, и зародыш более позднего *civitas* должен был появиться сначала, возможно, в *pagus*, а затем в *populus*, объединявшем многих *pagi*. Поначалу союз мог быть незначительным и часто основывался лишь на владении каким-то общим святилищем. Большая часть гражданского и уголовного права регулировалась внутри семьи в форме домашней юрисдикции, сохранившейся в историческом Риме; но общий рынок предполагал споры, и они должны были решаться путем апелляции к арбитру (*arbiter*) еще до того, как возникла идея магистратуры. И наконец, военные нужды, будь то оборона или агрессия. Именно они создают силу, которая более, чем любая другая, делает государство. Мягкое царствование верховного жреца общего культа уступает место организованному правлению *империи*, и в результате появляется царь, *претор* или *диктатор*, а слаженность детской организации зависит от силы исполнительной власти.

В самом раннем городе Риме, к которому нас возвращает традиция или археологические исследования, это развитие уже было достигнуто. Квадратный город (*Roma quadrata*) был ограждением Палатина, "пастбища" раннего римского пастуха;[5] границы древнейшего *помериума*, как известно, в более поздние времена были границами этого участка,[6] и следы туфовой кольцевой стены еще можно увидеть. От этого центра город распространялся неравномерными концентрическими кругами.[Следы ритуала сохранили память о городе семи холмов (*Septimontium*) - не тех, что были у Сервиева Рима, а пяти меньших возвышенностей, трех (*Palatium, Cermalus, Velia*) на более древнем Палатине и двух (*Oppius, Cispius*) на недавно присоединенном Эсквiline; Две долины на последнем (Фагуталь и Субура) также носят название *montes*,[8] и, вместе с местами, действительно заслуживающими этого названия, населены *montani*, которые отличаются от *pagani*, жителей более низких земель под ними. Не исключено, что эти семь "холмов" когда-то были местами независимых или слабо связанных между собой деревень (*vici*, или, возможно, даже *pagi*), которые постепенно объединялись под центральной властью, и, поскольку стены государства никогда не могли совпадать с его территорией, каждое последующее ограждение должно показывать включение, добровольное или принудительное, гораздо большего числа мелких политических единиц, чем те, которые непосредственно поглощались укреплениями. Современные исследователи, следуя дальнейшим подсказкам, предоставленным сохранившимся ритуалом, считают, что было еще одно продвижение, прежде чем была достигнута эпоха Сервианского Рима, и что то, что известно как "Рим четырех областей", сохранилось в местах, связанных с часовнями Аргеев,[9] и сохранилось в

административных подразделениях города до конца Республики.^[10] К этим регионам были добавлены холмы Целий, Квиринал и Виминал, а Капитолий с его двумя вершинами теперь стал не просто частью города, но, как "глава" государства, его главным оплотом и местом его величайших храмов. Последним шагом в росте города стало ограждение, связанное с именем Сервия Туллия, укрепление, выходящее за пределы истинного *pomerium*, которое присоединило к городу весь Эсквилин на северо-востоке, Авентин на юго-западе, простиралось на запад до берега Тибра, где реку пересекает Pons Sublicius, и образовало *enceinte* республиканского Рима.

Не исключено, что с этим расширением города связано смешение различных этнических элементов. В то, что в основе разделения первобытных людей на три исходных племени лежит расовое различие, верили в древности и часто придерживаются в современном мире. Тити (или титиенсы) считались сабинами,^[11] рамны (или рамненсы) - римлянами; луцеры, по мнению одних, также были латинами, по мнению других - этрусками. Существует, однако, конкурирующая традиция об искусственном создании этих племен первым римским царем,^[12] и, если вспомнить произвольное применение в греческом мире названий племен, которые когда-то были значимыми,^[13] мы можем считать возможным, что великий *συνοικισμός*, типизированный именем Ромула, не сопровождался каким-либо большим смешением пришельцев с первобытным латинским населением. Существование сабинских богов, таких как Санкус, или сабинского ритуала, как это было показано Нумой Помпилием, не больше свидетельствует о сабинском смешении, чем раннее принятие эллинских божеств - о греческом;^[14] и хотя возможно, что сабинское племя когда-то поселилось на Квиринале, и почти наверняка в конце монархического периода в Риме правила этрусская династия, все же язык, религия и политическая структура раннего государства были истинно латинского типа. Конечно, были контакты с народами, более развитыми в материальной цивилизации или более одаренными в духовной жизни, и долг Рима перед этими контактами был велик. Рим перенимает халкидский алфавит; он получает ранние греческие божества, такие как Геркулес, Кастор и Поллукс; он делает свою статую Дианы на Авентине по образцу статуи Артемиды в Массилии; он подражает греческой тактической организации в своей ранней фаланге. Но очень сомнительно, что это обязательство распространялось на восприятие политических идей Эллады. Параллели между римской и эллинской организацией можно заметить в некоторых институтах, таких как *эквиты* и *перепись*; но они скорее военные, чем чисто политические, и во всех фундаментальных концепциях публичного права - правах граждан, индивидуальных и коллективных, власти магистрата и божественном характере даже светского правления - Рим сильно отличался от развитых греческих сообществ, с которыми он вступал в контакт, и, похоже, в своей политической эволюции он выработал свое собственное спасение. Более развитая цивилизация Этрурии, несомненно, восполнила некоторые пробелы в ее политической и религиозной организации как в результате контактов, так и в результате правления. Сила религиозных гильдий (*коллегий*) Рима может быть частично обусловлена подражанием этрусской иерархии; утонченность науки авгуров также может быть тосканской; и традиция, как мы увидим, берет из того же источника *знаки отличия* римского царя.

§ 2. Элементы населения - патриции, плебеи, клиенты

Свободное население Рима как развитого города-государства состояло из двух элементов - патрициев и плебеев. Окончательный источник этого различия, которое, несомненно, до основания города, можно только предполагать; но происхождение патрициата, вероятно, можно объяснить как результат частично более раннего поселения, частично превосходства в военной доблести. Воины, находящиеся в пределах бледного поля, принимают новых

поселенцев, но только на определенных условиях; эти условия закрепляются и становятся постоянным знаком неполноценности. Самой счастливой догадкой римских антикваров о происхождении патрициев было то, что изначально они были "свободнорожденными" людьми (*ingenui*), теми, кто мог указать на отцов (*patres*) и в свою очередь стать полноправными главами семей^[15] - короче говоря, теми, кто в те времена, когда семья с ее юридическим главой, а не просто человек, была истинной единицей жизни, были единственными полноправными гражданами Рима. Только такие люди могли быть партнерами в истинном владении собственностью, подавать и быть судимыми в своем собственном праве,^[16] и такое исключительное право на полную личность в частном праве они заявляли в силу своих общественных заслуг или привилегий - обязанности выходить на поле боя верхом или в тяжелых доспехах, права возвышать свой голос в собрании, когда они провозглашали царя или ратифицировали закон.

Вся свободная община, кроме *патрициев* и патрициев, рассматривается как "дополнение" последних, "народ" (*plebs, plebeii*), который вместе с полностью привилегированным классом составляет государство.^[17] Возможно, что на очень ранней стадии римской истории все эти плебеи находились в полукрепостном состоянии клиентелы; но даже когда до нас дошли самые ранние записи о Риме, это уже перестало быть так. Не только сын первоначального клиента обрел собственную свободу, но и человек может *стать* плебеем в Риме, не подвергая себя деградации *клиентелы*. Описано или можно представить себе не менее пяти способов, с помощью которых негражданин может стать гражданином, и по крайней мере один из них раскрывает возможность совершенно свободного плебея. В старой жизни *pagus* и *gens* более слабый искал защиты более сильного путем добровольного вассалитета, который после образования государства перерос в плебейство, ведущее свое происхождение от клиентелы. Аналогичное положение в конечном итоге занимал потомок манумилированного раба. Чужестранец (*hostis*) из города, не имевшего договорных отношений с Римом или отношений, гарантировавших взаимный обмен гражданством, должен был, если он забредал в этот новый дом, также обратиться к патрону и стать его клиентом. Менее определенно можно сказать, какова была судьба жителей завоеванного города, насильственно депортированных в Рим. Анналисты, правда, представляют таких людей как принятых в ряды граждан, ставших членами племени и *курии*;^[18] но вполне вероятно, что в доисторический период они становились клиентами, сразу же царя, которому они подчинялись, в конечном итоге, возможно, патрицианских домов, к которым он решил прикрепить их в качестве иждивенцев.^[19] Во всех этих случаях клиентела могла быть изначальной участью плебея; но вряд ли такова была судьба иммигранта, переехавшего в Рим из города, уже имевшего *jus commercii* с этим государством, и воспользовавшегося правом добровольного изгнания из родной земли (*jus exulandi*), претендовавшего на римский *civitas*. Существование таких отношений между Римом и городами Латинской лиги засвидетельствовано в очень ранний период, и они могли даже распространяться на города за пределами лиги.[Поскольку *jus commercii* подразумевает право подавать и получать иски от своего лица в римских судах, кажется, нет причин, почему такой иммигрант должен обращаться к римскому покровителю;^[21] но если он этого не делал, то в основных аспектах частного права он был совершенно свободным человеком, и иллюстрировал статус, к которому *quondam-client* должен был стремиться с раннего периода. Если право на межбрачные отношения (*jus conubii*), как и право на торговлю, было гарантировано договором между Римом и каким-либо другим городом, сомнительно, что этот дар когда-либо подразумевал возможность брачного союза с членами патрициата. По крайней мере, несомненно, что во времена Двенадцати таблиц (451 г. до н. э.), а значит, вероятно, и с самого раннего периода, общим для всех плебеев ограничением было то, что они не могли вступать в брак с членами патрицианских родов. Тем не менее, несмотря на то, что между

двумя сословиями существовала огромная пропасть, любое из них могло быть переведено в статус другого. Мы увидим, что традиция представляет голосование патрициев в их собрании как средство, достаточное для пополнения их ордена новой семьей; в то время как после того, как плебс создал свое собственное собрание, *переход в плебс* мог быть осуществлен актом этого органа.^[22] Переход из патрицианской в плебейскую семью приводил к тому же результату.

То, что клиента, о которой мы говорили, не была свойственна Риму, а являлась старым италийским институтом, отражено в легенде о *gens Claudia*, которая переехала из Региллума в Рим с огромным количеством иждивенцев^[23]. От рабства ее отделяет лишь тонкая грань. Если последнее было основано на завоевании во время войны, то первое, вероятно, было результатом добровольной защиты в суматохе кочевой жизни или, возможно, иногда следствием сюзеренитета сильной деревни над ее более слабыми соседями. В развитом государстве главным объектом этих отношений является юридическое представительство *патрона*, поскольку клиент не обладает собственной правосубъектностью. О состоянии клиента можно судить лишь по положению раба и сына семьи. Имущество, которым он обладал, могло быть всего лишь *пекулием*, небольшим скоплением скота и средств ведения хозяйства, которое хозяин позволил ему сформировать; если клиент обидел гражданина, можно предположить, что его тело могло быть отдано в возмещение ущерба (*noxae deditio*); Происхождение римского захвата земли на время (*precario*) можно, вероятно, проследить до разрешения патрона обрабатывать небольшой участок земли, который мог быть возобновлен по желанию;^[24] при отсутствии прямых наследников (*sui heredes*) личное имущество клиента могло перейти к членам защищающего клана (*gentiles*), так как он был привязан именно к клану, а не к семье.

Имеющееся у нас описание взаимных обязательств покровителей и клиентов,^[25] хотя и содержит много примитивных элементов, очевидно, относится к тому времени, когда клиенту разрешалось иметь собственную собственность и он часто был человеком со значительным состоянием, но когда, несмотря на эту власть, он, похоже, не появлялся лично в государственных судах. В обязанности патрициев входило толкование законов своим клиентам, принятие их защиты в судебных процессах и представление их интересов в качестве истцов.^[26] Клиент, с другой стороны, был обязан помочь получить в собственность дочь покровителя, если последний был беден; заплатить выкуп, если он или его сын были захвачены врагами; и, если его господин потерпел поражение в частном деле или понес общественный штраф, возместить расходы из своего собственного имущества. Если клиент нарушал одну из этих обязанностей, его считали виновным в измене (*perduellio*), и как светская рука отстраняла его от дерева несчастья, так и религиозная власть предавала адским богам покровителя, который сплел сеть обмана для своего иждивенца.^[27] Даже после того, как эффективное применение религиозных санкций исчезло, долг перед клиентом занимал лишь второе место после долга, который опекун должен был выполнять перед своим подопечным.^[28] Самые ранние клиентелы были строго наследственными; но связь должна была ослабевать с последующими поколениями, после развития плебейских прав и в то время, когда сами *клиентелы* обладали голосами в *comitia curiata*.^[29] Более того, плебей в этот период сам мог быть патроном, и его достижение полного гражданства в частном праве должно было считаться основанием для того, чтобы он имел право на эту обязанность защиты. Тем не менее, тело клиента все еще продолжает пополняться новыми членами; ведь античная форма *applicatio* все еще существует, и отпущенный на волю раб обязан выполнять обязанности своего патрона. Мы также знаем, что в IV и III веках патрональные права на вольноотпущенника распространялись на второе поколение^[30].

Слабый след наследственного клиентелизма, основанного на чисто моральных санкциях и сопровождавшегося, возможно, выполнением некоторых обязанностей старых отношений, все еще существует во втором веке. Нам рассказывают, что семья Мариев была клиентами плебея Геренния, и некоторые права этого родства распространялись и на него. Но нам также рассказывают, что в этот период был признан принцип, согласно которому эти узы навсегда разрывались с достижением клиентом должности курула,[31] то есть с облагораживанием его и его семьи.

§ 3. Римская семейная организация - род, семья, кабальеро и раб - распоряжение имуществом - понятие "капут"

Род (*gens*) - это совокупность лиц, происходящих из общего источника, социальный союз, обладающий общими правами в частном праве, теоретической основой которого было представление о происхождении от одного предка. Согласно юридической теории клана, все его отдельные члены, если бы их происхождение можно было проследить по всем степеням, происходили бы от двух лиц, находившихся во власти этого конечного предка; признаком этой первоначальной *potestas* было общее языческое имя[32].

Члены клана являются друг для друга либо *агнатами*, либо *язычниками*. Во многих случаях разница в номенклатуре основывалась лишь на степени определенности родства. Они были *агнатами*, когда общее происхождение можно было проследить на всех его этапах; они были *язычниками*, когда общее происхождение было лишь воображаемым фактом, основанным на обладании общим именем. Как правило, *агнаты* также являются *язычниками*; но могут существовать группы агнатов, которые никогда не могут быть *язычниками* - группы, то есть с доказанным родством по мужской линии, которые не могут, по причинам, которые мы вскоре укажем, образовать *род*.

Если мы считаем, что римский патрициат представлял тех, кто один обладал юридическим статусом глав семей (*patres*)[33] - поскольку семья является единицей клана, права члена клана (*gentilis*) подразумевают положение *paterfamilias*, - то из этого следует, что римские *gentes*, как их представляет традиция, изначально были исключительно патрицианскими, и что термины *gentilis*, *gentilitas* подразумевали полное равенство статуса среди единственных истинных членов государства.

Эти слова стали относиться только к определенной части общества в результате эволюции плебейских прав, то есть в результате того, что плебеи стали по строгому закону *patres familias*. Логическим следствием этого должно было быть то, что в тех случаях, когда группы таких семей носили общее имя и считались имеющими общее происхождение, эти группы должны были образовывать *gentes*. Но история нелогична, и этот вывод не был сделан.

Ни одна такая группа не могла образовать собственный *gens*, если бы считалось, что она изначально находилась в зависимости от патрицианского клана. Хотя со временем она стала юридически независимой и освободилась от всех пут клиентелизма, она все же была лишена права на клановое братство из-за этой первоначальной связи; она оставалась отростком (*stirps*), просто зависимой ветвью, и никогда не могла быть самостоятельным *родом*. Эта дисквалификация проявляется в определении *gentilitas*, данном юристом Скаэволой (консул 133 г. до н. э.), который в качестве двух условий называет свободное рождение во второй степени и отсутствие подневольной крови в родословной.[34] Это определение исключает из состава *gens* всех тех плебеев, которые изначально произошли от освобожденных рабов. Никто из тех, кто, как можно доказать, имел запятнанную рабскую кровь, никогда не мог быть *gentilis*. Но есть все основания полагать, что *servitus* трактовался и

в другом смысле, что клиента рассматривалась как квази-сервильное положение и навсегда лишала группу семей, чей предок мог быть доказан как клиент, права быть кланом.

Как правило, представить такое доказательство было сложно, если не невозможно; однако существовал один законный признак этого - ношение плебейским *мешиком* того же имени, что и патрицианским кланом. Презумпция закона в случае сосуществования плебейской группы семей с патрицианской группой с тем же именем, очевидно, заключалась в том, что первые когда-то были клиентами вторых и поэтому никогда не могли образовать собственный *gens*[35].

Но если существовали плебейские семьи, не имевшие отношения к клиентам, ничто не мешало им стать *gentes*. Правда, патриции иногда утверждали, что все плебейские семьи произошли от клиентелы[36], но это, как мы видели,[37] скорее всего, не относится к происхождению многих плебейских семей, и существует множество свидетельств того, что эта теория не была признана законом. Например, мы знаем, что наследство язычников делили между собой плебейские Минуции, а могилы язычников - плебейские Попилии[38].

Вышеприведенное описание показывает, что *род* опирается на естественную основу, что он якобы представляет самые широкие границы кровного родства; отсюда следует, что он не может быть искусственно создан или его члены перераспределены; что численность кланов не может регулироваться численно, разве что, возможно, путем добавления к существующему числу определенного количества дополнительных кланов, что крайне маловероятно; и что, будучи естественным, а не искусственным созданием, этот союз вряд ли будет иметь первостепенное политическое значение, а права его членов, скорее всего, являются правами частного, а не публичного права. Эти ожидания оправдались, но попытки указать на некоторые чисто политические характеристики этих объединений заслуживают рассмотрения[39].

(i.) Считается, что кланы были единицей голосования в первоначальном народном собрании Рима, *comitia curiata*. [40] Но отрывок, на котором основано это заключение, лишь подразумевает, что первоначально членство в этой *comitia* зависело от владения *gens*; в конечном итоге, в то время, когда в *куру* входили плебеи, от владения *familia*, а значит, предположительно, от *stirps* или *genus*.

(ii.) Древние власти проводят различие между *gentes maiores* и *minores* - различие внутри патрицианских *gentes*, сохранившееся до Республики. Из *minores* нам известно только одно имя - патриция Папирия; [41] список некоторых *gentes maiores* был восстановлен с некоторым правдоподобием на основе тех родов, которые обеспечивали *principes senatus*; это Aemilii, Claudii, Corneli, Fabii, Manlii и Valerii. [Традиция склонна считать, что это различие возникло на политической почве, [43] но это традиция, работающая на невозможной гипотезе, что патрициат возник из членства в сенате. Это политическое различие, несомненно, существовало в Сенате; но, вероятно, оно было обусловлено лишь соответствующей древностью, а значит, и достоинством *тех родов*, из которых происходили его члены. И эта связь с сенатом естественным образом приводит нас к третьему вопросу, связанному с политическим характером *gentes*, то есть к их отношению к первобытному совету государства. Теория конечной связи между ними берет начало в соответствии численности *gentes* и сената. По традиции, их число составляет 300. Считается, что римская община возникла в результате слияния трех доменов (*tribus*) в один. [44] Рост сената от 100, его первоначального числа, которое было установлено Ромулом, до 300, как его окончательного числа, объясняется постепенным слиянием этих трех племен с их 100 *gentes* каждое. [45] Параллель с первоначальной центумвиральной конституцией сената можно найти в

центумвирах италийских городов, и предполагается, что она произошла от того же неизменного деления *трибы* на 100 *gentes*.^[46]

Главными возражениями против этой точки зрения являются симметричное число, на которое она делит *gentes*, и тот факт, что сенат, согласно лучшей традиции, является органом номинантов, выбранных главным магистратом. Но все же в этой теории есть доля истины. Сенат действительно увеличился со 100 до 300 человек в результате включения в сообщество новых элементов, а значит, и в результате увеличения числа *гентов*. Цари и первые консулы, несомненно, при осуществлении своих полномочий по выбору желали, чтобы каждый из патрицианских родов был представлен в их совете. Поэтому добавление новых кланов добавляло новых членов в этот орган, и, следовательно, более низкое место в сенате занимали *gentes minores*, младшая ветвь патрициата.

Хотя сам по себе клан был нераспространенным, количество кланов, даже в старом патрицианском сообществе, было не таким уж большим. В общину могли вливаться новые *gentes* и даже выходить из нее старые *gentes*. Традиция говорит о приеме шести родов, некогда входивших в родительское государство Альба: Клоэлий, Куриаций, Геганий, Юлий, Квинтилий (или Квинций) и Сервилий;^[47] также, как говорят, были приняты сабиняне, например Валерии^[48]. Прием новых родов осуществлялся патрициями и, как и следовало ожидать, собранием, представлявшим все патрицианское тело, *comitia curiata*, под председательством короля. Их кооптировали пэры,^[49] и маловероятно, что патрицианский орден мог быть набран только по решению короля.^[50] Возможно, он мог выбрать плебеев в свой совещательный орган, сенат, как это делали первые консулы,^[51] хотя такой выбор крайне маловероятен; но даже этот акт не возвел бы таких плебеев в патриции. Прием новых родов подразумевает, что в патрициат могут быть приняты иностранцы или даже часть плебеев; в первом случае это может быть прием, во втором - создание *рода*. Эта возможность пополнения патрицианского ордена - путем создания или приема *gentes* - *отпала* во время Республики, поскольку в собрание куриий в конце концов стали принимать плебеев, а политического собрания, состоящего исключительно из членов, отвечающих всем условиям *язычников*, не существовало. Единственный случай изгнания *рода*, о котором сохранилось предание, - это случай с Тарквиниями; говорят, что постановление о том, что весь этот род утратил право быть членом римского государства, было принято Популом^[52].

Рассказы о принятии *gentes* в римскую общину сопровождаются традицией их совместного проживания в новом поселении. Так, Клавдии при приеме в *civitas*, по преданию, получили для себя и своих клиентов особый участок территории через Анио.^[53] Такая традиция сразу же предполагает тесную связь между *gens* и землей, в чем нет причин сомневаться. Однако возникают дальнейшие вопросы: был ли *gens* в целом владельцем земли, на которой он поселился, и была ли эта форма общего владения, признанная в раннем Риме. Следует признать, что традиция ничего не знает о таком владении. Дионисий представляет территорию, отданную Клавдиям, как предназначенную для раздела между различными *семействами рода*;^[54] в то время как в других рассказах о выделении земель мы слышим, что они были переданы *курии* (фратра)^[55] или отдельным лицам (*viritim*),^[56] но никогда - роду. Тем не менее, правдоподобная теория общего владения была основана на выживании как юридических терминов, так и родовых прав.^[57] Среди терминов, описывающих раннее территориальное владение, помимо *ager publicus*, мы имеем *heredium* и *ager privatus*. Частное владение *heredium* приписывается Ромулу,^[58] и, таким образом, рассматривается как модификация некоторой формы общего владения; *heredium* состоял всего из двух *югеров*,^[59] суммы, явно недостаточной для содержания семьи. Следовательно, должен был существовать и *ager privatus*, принадлежавший какой-то более крупной единице, и этой

единицей, естественно, должен был быть *род*. Считается также, что термины, обозначающие индивидуальную собственность - *manus, mancipium* - первоначально *относились* к движимому имуществу,[60] как если бы недвижимое имущество принадлежало к общему фонду. Наконец, с родом связано сохранение корпоративного права на собственность и связанных с ним коллективных обязанностей. Согласно правилам обычного наследования при отсутствии *suus heres*, имущество переходит к *proximus agnatus*, а затем к *gentiles*;^[61] и именно в связи с этим правом, которое сохранялось вплоть до конца Республики,^[62] определение *gentilis* имело такое юридическое значение.^[63] Это наследование, осуществляемое *язычниками* в целом, поскольку нет *proximus gentilis*, и в исторические времена оно должно было быть наследованием отдельных лиц, имущество делилось между теми, кто мог доказать свои притязания; но это может быть реликтом более раннего наследования *gens* как корпорации.

Но у *язычников* есть права и в *корпоративном* качестве. Согласно Двенадцати таблицам, они имеют право опеки над умалишенными^[64] и возвратное право опеки над женщинами и детьми.^[65] Опека (*tutela*) должна была давать им все права личности в римском праве, для осуществления которых у них должен был быть личный представитель. Но сама эта передача прав свидетельствует о том, что *gens* действовал как корпорация.

О корпоративных действиях в собственных интересах или в интересах государства почти ничего не известно, хотя есть следы совместной деятельности для поддержания достоинства семьи. Патриции Клавдии отказываются по общему согласию от *преименования* "Луций", поскольку два его носителя были осуждены за грабеж и убийство на большой дороге,^[66] а патриции Манлии отказываются от *преименования* "Марк" в связи с преступлением, совершенным однофамильцем;^[67] но такое соглашение вряд ли могло в исторические времена иметь иную поддержку, кроме желания отдельных членов соблюдать его. Пожалуй, самыми тесными из поздних связей *рода* были его общие культы и жертвоприношения. Они никогда, как в Греции, не возвышались до уровня великих общественных культов, но государство проявляло чрезмерную заботу об их поддержании; главным образом из соображений, что, если культ какого-либо рода угаснет, община потеряет благосклонность божества, к которому она принадлежала. Отсюда тесная связь языческих *сакр* с имуществом и наследованием.^[68] Имущество, в конечном счете, переходило к *язычникам*; а *сакры*, чтобы их можно было содержать, были необходимым бременем, связанным с ним. Выход *sacra* из семьи не имел большого значения; если они выходили из *рода*, то не было никакой гарантии их продолжения. В случаях перехода из семьи одного рода в семью другого *понтифики* обязаны были выяснить, как можно сохранить преемственность священных обрядов,^[69] и поэтому одной из форм, соблюдавшихся в случае смены *рода* путем адрогации, было *sacrorum detestatio*, публичное заявление о том, что человек, добивавшийся такой смены, перестал претендовать на участие в *сакрах* своего рода. Забота о преемственности *сакры* рода долгое время была одним из декларируемых, а возможно, и реальных препятствий для брака между патрициями и плебеями^[70].

Вопрос о *сакре* указывает на то, что принадлежность к *роду* могла быть как естественной, так и искусственной. Естественным способом вступления в род было рождение; в случае патрицианских родов, до того как право межродового брака было распространено на плебеев, брак с матерью-патрицианкой и церемония *confarreatio* были необходимы для получения ребенком *gentilitas*. Позже достаточно было любой формы брака, как это, несомненно, всегда происходило в случае плебейских родов. Ребенок, в соответствии с патриархальным принципом, принадлежал к клану своего отца.

Форма религиозного брака, свойственная патрициям, требовала смены *рода* со стороны жены; ведь женщина, вышедшая замуж по обряду *confarreatio*, становилась соучастницей имущества и *sacra* своего мужа[71], и есть даже некоторые следы того, что первоначально она также сменила свое языческое имя. Обычная плебейская форма брака по соглашению (*consensus*), которая в конце концов стала почти всеобщей, не приводила к тому, что женщина попадала в *potestas* своего мужа, если только эта власть не принималась, первоначально по праву предписания (*usus*), позднее - по обряду фиктивной покупки (*coemptio*). В таком случае она становилась членом семьи мужа, но сомнительно, что логический вывод был сделан и она также стала членом его *рода* (*gens*). Аномалия, если она существовала, может быть объяснена тем, что у плебеев, которые развили эти формы брака, как правило, не было *gentes*.

Род также мог смениться в результате усыновления. *Adrogatio* - возможно, единственная форма, известная старой патрицианской общине, - была способом, с помощью которого глава семьи добровольно подчинялся *potestas* другого. *Adoptio*, с другой стороны, представляла собой переход от одного *potestas* к другому. Если и существовала форма истинного усыновления по патрицианскому праву,[73] она утрачена, и самое раннее, о чем мы слышим, - это плебейская форма троекратной продажи, признанная в "Двенадцати таблицах". В более поздний период она могла осуществляться и по письменному завещанию.

Семья (*familia*)[74] в ее первоначальном и правильном значении - это совокупность членов семьи под общим главой; этим главой был *paterfamilias* - единственный член семьи, обладающий юридическими правами.

В основе римской концепции семьи лежат две идеи - единства и власти, и обе они необычайно совершенны. Первая достигается, а вторая осуществляется главой. Только благодаря ему семья является личностью; власть, которую он имеет над членами, подчиненными его воле, называется *potestas*. [75] Власть над детьми описывается как *patria potestas*, а над рабами - *dominica*. Юридически эти два понятия не различаются, есть только разница в этическом значении. Под эту *potestas* подпадают, во-первых, дети, как сыновья, так и дочери; во-вторых, потомки этих детей; в-третьих, жена, соединенная со своим господином формой брака, которая делает ее членом семьи; в-четвертых, жены сыновей и внуков, которые вошли в семью с помощью такой же обязательной формы брака. У этих членов семьи полностью отсутствуют независимые права. Что касается жены, то любое имущество, которым она могла обладать или которое она приобрела, переходило в абсолютную собственность ее мужа. Он отвечал за ее поведение и обладал правом умеренного наказания. Для более сурового наказания за проступки в семье требовалась поддержка семейного совета. Женщина не могла подать иск против своего господина, поскольку они были не двумя личностями, а одной. Он мог развестись с ней на веских основаниях,[76] но если она выходила замуж по форме, которая подчиняла ее его власти, у нее не было законных средств освободиться от его тиранического правления. Ее положение - положение дочери, и она наследует наравне со своими детьми. Решение о том, будет ли ребенок от брака воспитываться (*liberi susceptio*), принадлежало отцу, но в интересах государства в ранний период было подвергнуто определенным изменениям. Законы Ромула" - то есть раннее понтификальное право - предписывали воспитывать каждого ребенка мужского пола и первенца женского пола; на обнародование потомства должно было быть получено согласие пяти соседей,[77] а неподчинение этим канонам влекло за собой суровые наказания для родителя, пренебрегавшего благосостоянием государства. Дети и их потомки

никогда не выходят из-под абсолютного правления отца, пока он жив. Они не могут владеть собственностью, ибо все, что они приобретают, входит в общий фонд и находится в распоряжении главы семьи. В лучшем случае отец может разрешить сыну, как и рабу, использовать свой заработок для собственных нужд. Это и есть *пекулий*. Однако это всего лишь уступка, которая может быть отменена в любой момент. Если сын умрет, она переходит к отцу; если умрет отец, она переходит к наследнику.

Ребенок, не имея собственности, не может возместить причиненный ему ущерб. Он считается безответственным, и ответственность за его поведение возлагается на отца, который может либо выплатить компенсацию пострадавшему, либо отдать провинившегося, чтобы тот отомстил или использовал его в качестве средства для возмещения ущерба (*noxae deditio*);[78] в последнем случае ребенок навсегда становится собственностью другого. Отец может продать его; если он выходит за пределы страны, сын становится рабом; если в пределах страны, он становится таковым по частному, но не по публичному праву (*in causa mancipii*), и меняет рабство отца на рабство покупателя. В эпоху, не признававшую свободный трудовой договор, продажа сына была средством заставить его заниматься бизнесом.[79] Предписание Двенадцати таблиц (возможно, признание обычая, существовавшего гораздо раньше этого закона) о том, что трижды повторенная продажа сына влечет за собой потерю *patria potestas*,[80] было попыткой положить конец бесчеловечной торговле. Ребенок как вещь мог быть украден или задержан и как таковой стать объектом взыскания. В этом случае отец "защищает" его, как защитил бы движимое имущество или зверя, ушедшего из дома[81].

Отец мог подвергнуть ребенка бичеванию или заключению в тюрьму,[82] даже предать его смерти. Формула, используемая при адрогации (процедура, посредством которой мужчина передает себя в отцовскую власть другому), показывает, что *jus vitae necisque* был наиболее характерным аспектом *patria potestas*. [83] Эта власть никогда не подвергалась сомнению на протяжении всей республиканской истории и не имела юридических ограничений вплоть до эпохи Средней империи. [Иногда она использовалась как средство спасения чести семьи, и известны случаи, когда сын, виновный в краже, и дочь, виновная в распутстве, были преданы смерти; [85] иногда она применялась в интересах государства, чтобы наказать общественное преступление[86].

Хотя закон в некотором смысле является наброском жизни, было бы очень ошибочно наполнять содержание римской частной жизни по аналогии с этим суровым наброском. Как и большая часть теории римского права, она мало соответствовала фактам; и в этом несоответствии фактов и теории кроется сила и красота римской семейной жизни. Если между мужем и женой, отцом и ребенком не существует юридических обязательств, их место в цивилизованном обществе должны занять моральные обязательства; и само отсутствие юридических санкций делает эти моральные узы особенно крепкими. Так было и с римской семьей. Она представляла собой изолированную, самодостаточную единицу. Ее члены тесно прижимались друг к другу и к своему главе. Власть отца - источник единства семьи - способствовала преданности очагу, любви к дому, которая является отличительным признаком римлянина. Он создавал убеждение, что члены семьи, обязанные верностью общему вождю, должны лояльно относиться друг к другу во всех жизненных отношениях, а верность живому главе порождает верность его предшественникам; традиции этого союза, сохраняющиеся под властью длинной череды умерших предков, объясняют наследственную политику римских домов - первенство принципов, отстаиваемых на протяжении веков такими кланами, как Валерии, Порции и Клавдии.

Моральное влияние на *отца* также было велико. Он защищает не свои собственные эгоистические права, а права зависимой от него корпорации; "самопомощь" - вот суть принципов раннего римского права. В частных делах власть государства слаба, власть индивида сильна. Правление римского отца было благожелательным деспотизмом, который охватывает многих в сфере своих деспотических интересов, который заставляет других соблюдать свои права, потому что его интересы *не* являются личными, который порождает глубокое чувство моральной и религиозной ответственности перед слабыми, суровое непреклонное отношение к тому, кто посягнет на их права. Единственный "индивид", известный римскому праву, - это *отец семейства*, но это была прославленная индивидуальность, которая, господствуя над семьей, набирала силу, чтобы править миром.

Если подумать, что потеря характера должна была быть пропорционально велика в случае зависимых членов семьи, то следует помнить, что *patria potestas* для индивида - это преходящее состояние вещей. Каждый подданный готовится *стать отцом* в своем собственном праве. Со смертью существующего главы все до сих пор зависимые члены освобождаются от *potestas*; каждый образует свою собственную семью; даже внуки умерших сыновей становятся главами домов; дочери также освобождаются от власти, хотя, из уважения к слабости пола, они все еще находятся под опекой (*tutela*).^[87] Семья распадается на ряд *familiae*, и ни одна из них не имеет большего значения, чем другая. Ибо зло первородства было неведомо римскому праву. Ни одна наследственная каста, основанная на случайности рождения, никогда не формировалась; и когда мы видим, что возникает родовая аристократия, то это самый подходящий сын, который может сменить своего отца на политическом посту; ведь большая часть собственности, на которой основывалось политическое влияние, не переходила в руки какого-нибудь неспособного старшего брата.

Но, помимо моральных сдержек власти отца, которые отсутствие правовых ограничений делало особенно сильными, гражданское право, общественное мнение и позитивная мораль, находившая выражение в некоторых религиозных или полурелигиозных органах, накладывали определенные ограничения на возможное злоупотребление властью. Если отец слабоумный (*furiosus*), он вместе со своим имуществом передается под опеку ближайших родственников;^[88] если он расточителен (*prodigus*) и растрчивает имущество, которое (хотя юридически оно принадлежит ему) рассматривается только как доверенное лицо, он лишается права на все торговые отношения (*commercium*)^[89] и ему запрещается распоряжаться имуществом, которым он недостойно управляет.

Очень реальным обычным контролем, не предписанным гражданским правом, но принуждаемым могущественным государем, который римляне называли обычаем предков (*mos majorum*), была обязанность отца советоваться с советом родственников (*consilium domesticum*), прежде чем предпринять какой-либо крайний шаг по отношению к членам своей семьи. Он никогда не ограничивался агнатическим кругом; в него входили кровные родственники и родственники по браку, а также могли быть созваны и личные друзья вне семьи.^[90] Любое суровое наказание ребенка или развод жены должны были быть представлены на суд этого собрания. Насколько сильны были настроения в пользу этой процедуры, можно судить по тому, что в более поздние времена мы находим цензора (в республиканские времена личного выразителя морального чувства общества), который унижал сенатора, разведшегося со своей женой без совета семейного совета^[91]. Это настроение было лишь одним из выражений принципа, который проходит через всю римскую жизнь: ни один человек не должен действовать в важном деле, не прислушавшись к совету тех, кто наиболее квалифицирован, чтобы дать его.

Некоторые крайние злоупотребления отцовской властью были запрещены религиозным законом (*fas*), который в таких случаях предписывал *смертную* казнь. По предполагаемому закону Ромула, мужчина, продавший свою жену, должен быть принесен в жертву адским богам; если он разведется с ней без должной причины, половина его имущества должна быть конфискована в пользу жены, а половина - в пользу богини Цереры.[92] С секуляризацией римского права такие наказания исчезли, и сомнительно, что они часто требовали исполнения,[93] ведь подобные религиозные запреты в основном являются выражением сильных нравственных чувств.

Наконец, существовал принцип, согласно которому отцовская власть не может вмешиваться в *jus publicum*. Этот принцип распространяется как на людей, так и на имущество. В первом случае он означает, что сын может распоряжаться своим правом голоса независимо от отцовского контроля; что он может занимать магистратуру, подчиняющуюся его отцу; что, по крайней мере в поздние времена, даже функция опеки (*tutela*) может осуществляться без воли отца, ибо это тоже общественная обязанность.[94] Что касается имущества, то публичное право, хотя и не нарушает теорию, согласно которой все блага принадлежат *отцу*, все же не рассматривает их как объект чисто индивидуальной собственности. Отец является скорее доверенным лицом, чем собственником, и даже по сервской конституции, то есть, согласно традиции, до закрытия монархии, стоимость свободного владения считается подходящей для того, чтобы члены *семьи*, а не только ее глава, могли служить государству и в конечном счете пользоваться политическими правами[95].

Примером триумфа государства в его конфликте с частной собственностью служит положение кабалы (*nexus*). Здесь уместно остановиться на нем; ведь *nexus* в частном праве практически находится в положении подвластного сына. Это человек, который взял на себя долг под залог своей личности[96], и при невыполнении этого обязательства кредитор наложил арест на его тело и услуги. В частном праве он - раб, в публичном - свободнорожденный римский гражданин, которого можно призвать на службу в легионы, когда государству понадобится его помощь.

Было бы анахронизмом приступать к полному рассмотрению римского рабства в связи с началом римской истории. Почти все, что мы знаем о правовых отношениях рабов с их хозяевами, об их способностях и недостатках, об их надеждах на свободу, их положении в доме и влиянии на общественную жизнь города, относится к гораздо более позднему периоду. Однако этот класс, несомненно, существовал с самых ранних времен, и поскольку римские правовые представления с течением времени модифицировались, но никогда не изменялись полностью, можно дать слабые очертания условий рабства в регальский и раннереспубликанский периоды.

Во все периоды истории Рима рабство можно определить как отсутствие личности. Раб был вещью (*res*) и принадлежал к тому более ценному классу имущества, который римляне называли *res mancipi* и который включал землю и тягловых животных. Таким образом, он был частью домашнего хозяйства (*familia*),[97] передача любой части которого требовала самых торжественных форм римского права. Как о вещи, хозяин, как говорят, осуществлял над ним *dominium*; он мог поступать с ним по своему усмотрению и имел над ним власть жизни и смерти. Раб же не только не имеет никаких прав против своего хозяина, но и не может вступать в правовые отношения с другими людьми. У него нет ни законных родственников, ни законной жены; ему может быть позволено оставлять себе плоды своего труда, но даже воля хозяина не может сделать их его собственностью. Насколько эта "вещь" обладала

потенциальной личностью, мы не знаем - насколько, то есть, личность, присущая ему, могла быть реализована в результате последующего освобождения. В лучшем случае освобождение могло поднять раба до состояния клиента в этот ранний период - незначительный подъем по шкале фактических прав, но он мог быть оценен по достоинству за большую личную свободу и более надежную гарантию религиозной защиты, которые он давал. Но тот факт, что раб является частью усадьбы и в то же время разумным существом, делает его в самом прямом смысле членом семьи. Говорят, что владелец имеет над ним власть (*potestas*) - слово, которое используется только для управления разумными существами; и эта *dominica potestas* не отличается по существу от *patria potestas*, осуществляемой над сыном. Отношение к этим двум людям, несомненно, было разным, поскольку один из них когда-нибудь станет господином, а другой останется рабом, но их правовое отношение к *господину* было одинаковым.

Но правовой статус раба не является верным показателем его состояния. Это зависит от двух факторов: его происхождения и *социальных* отношений с хозяином; и по обоим этим показателям раннее рабство в Риме должно было выгодно отличаться от рабства более поздних времен. Работоторговля, скорее всего, была неизвестна, а состояние рабства, должно быть, было в основном результатом захвата во время войны у соседних государств. Рабство не так уж и унижительно, если оно полностью является следствием законов войны. Раб был италийцем, возможно, такого же знатного происхождения, как и его хозяин, и это, хотя и усугубляло горечь участи, должно быть, делало возможным тесное общение, которое было бы невозможно с варваром, и заставляло хозяина думать, что внезапный поворот колеса фортуны может поставить *его* в такое же положение в городе, как и его крепостного. Кроме того, рабство было домашним; где бы он ни работал - в доме, на общих землях клана или на небольшом участке земли, который хозяин называл своим, - раб никогда не был оторван от своего хозяина или его родственников. В ранние времена мы слышим о том, что он сидел за столом своего хозяина[98], был воспитателем и товарищем по играм детей своего господина[99]. В некоторых случаях он мог быть в лучшем положении, чем клиент или неприкрепленный плебей, занимающийся каким-нибудь мелким ремеслом. Безусловно, возможности для примитивной культуры, которые предоставляло римское домашнее хозяйство, были для него более открыты, чем для других сословий, исключенных из патрициата. В случае домашнего рабства, распространявшегося на небольшую территорию, общественное мнение обычно является мощным ограничителем капризов хозяина. Мы не знаем, нашло ли это мнение религиозное выражение в таких принципах, как те, что защищали права клиента; но тот факт, что цензор поздней Республики, сохранивший обязательства религиозного права, наказывает акты жестокости, совершенные *dominus*, [100] может показать, что раб не был полностью лишен божественной защиты.

Если, как мы видели, главный источник средств к существованию римлянина, земля, была не его собственностью, а собственностью клана, то ни при жизни, ни после смерти им нельзя было распоряжаться индивидуально, хотя, возможно, существовало некоторое право завещания на движимое имущество, классифицируемое как *res nec mancipi*. Когда теория общего владения была изменена признанием наследственного надела, завещание, возможно, стало возможным; но, несомненно, наследование по завещанию по-прежнему оставалось правилом. Впервые закон о наследовании известен нам по Двенадцати таблицам, которые допускали максимальную свободу завещания и наследования; но сохранились как теории, так и практика, которые показывают, что завещательное распоряжение изначально считалось исключением, а не правилом.

Во-первых, мы можем заметить, что даже в более поздние времена непосредственные наследники человека рассматривались как имеющие право на собственность, своего рода потенциальное владение, при жизни *отца*, и что наследование рассматривалось просто как продолжение владения (*dominium*);[101] и в соответствии с этим взглядом мы находим практику владения наследством в совместной собственности, сонаследники носили имя *consortes*. [102]

Во-вторых, самые ранние завещания, о которых нам известно, представляли собой публичные акты, совершаемые перед народным *собранием* (*comitia*). Самой древней была патрицианская форма завещания - *testamentum comitiis calatis* - совершавшаяся на *comitia curiata*, которая созывалась (*calata*) дважды в год. [103] Первоначальная цель этого публичного завещания неясна. Возможно, первоначально оно составлялось, когда не было прямого наследника (*suus heres*), который мог бы получить наследство, и сопровождалось некой формой усыновления наследника. Усыновленным мог быть сын, принадлежавший к другой семье; хотя о такой процедуре в римском праве больше нет никаких следов [104].

Публичность этого акта и редкость его совершения показывают, насколько исключительным должно было быть завещание, и что нормальным способом наследования было наследование по наследству. Но у нас нет оснований утверждать, что завещание на *comitia calata* было актом частного законодательства и было разрешено собравшимися бюргерами. Возможно, собрание было лишь формой, а собравшиеся могли выступать только в качестве свидетелей; [105] но сама публичность сделала бы почти невозможным переход сына семьи, если только не было выраженных оснований для лишения его наследства.

Вторым видом публичного завещания было военное завещание (*in procinctu*), [106] но наши власти оставляют нас в сомнении, могло ли это завещание быть сделано в любом собрании солдат, готовых встретить врага, и в любом месте, или же это был формальный акт, возможный только в большом собрании *exercitus* на *Campus Martius* - том собрании, которое в конце концов было организовано как законодательное собрание, существовало рядом с собранием курий и стало известно как *comitia centuriata*.

В первом случае это, возможно, была старая патрицианская форма завещания, неофициальная воля, допускавшаяся в чрезвычайных обстоятельствах, возможно, для того, чтобы бездетный солдат мог передать свое наследство. Мы не знаем, имело ли оно абсолютную силу или только зависело от обстоятельств, таких как отсутствие прямых наследников или соблюдение религиозных условий, одобренных последующим понтификальным контролем; при такой гипотезе товарищи завещателя вряд ли могли выступать иначе, чем в качестве свидетелей завещания.

По второй гипотезе, оно имело бы более близкую аналогию с завещанием, составленным в *comitia calata*, и могло быть введено только тогда, когда плебеи были допущены к политическим правам в этом собрании. Правда, это не является необходимым выводом, так как *патриции* собирались для войны в Кампусе задолго до зачисления плебеев на военную службу или их допуска к политическим правам; но мы можем, по крайней мере, сказать, что, когда это зачисление и допуск были осуществлены, эта форма завещания могла использоваться плебеями. Если мы примем традиционную дату сервского конститута, то он был общим для двух орденов до конца монархии.

Но существовал и третий тип завещания, чисто плебейский, который благодаря сравнительной простоте своей формы и готовности, с которой его можно было использовать

(поскольку он не зависел ни от случая, ни от формальных собраний народа), постепенно, в ходе последующего развития, вытеснил все остальные и стал преобладающей римской формой составления завещаний. Это было завещание *per aes et libram*, одно из применений *mancipatio* или торжественной передачи имущества "по меди и весам". В той форме, в которой оно известно нам, оно является поздним развитием, поскольку продажа имущества полностью перестала быть реальной и превратилась в фиктивную продажу; манципация фактически стала простой формальностью, и ее применение, как говорят, зависело от условия, что завещатель "*subita morte irguebatur*"[107] - условие, которое подразумевает, что в обычных случаях можно было прибегнуть к комитативному завещанию. Но поскольку плебеи изначально не имели доступа к этой форме завещания, завещание *per aes et libram* должно было использоваться среди них задолго до признания его формой, действительной для всей общины. Тогда оно рассматривалось как простое формальное применение манципации в особых случаях и как дополнение к комициату; пока не была признана его большая полезность, не усилились настроения в пользу свободного распоряжения имуществом, и Двенадцать таблиц, которые обеспечили победу плебейских форм над патрицианскими, признали его нормальным способом распоряжения завещанием.

По этому акту завещатель в присутствии пяти свидетелей и *либрипена* передавал все свое наследство (*familia*) под опеку и попечительство лица, называемого "приобретателем семьи" (*familiae emptor*). Для того чтобы законно распорядиться своим имуществом, продавец делает официальное объявление о цели продажи, а покупатель, уплачивая одну медную монету за вотчину, повторяет слова в той же форме: "Пусть моя опека и попечительство над твоей вотчиной будут куплены этой монетой, чтобы ты мог составить законное завещание в соответствии с общественным правом"[108] Эти слова, которые, возможно, не являются древнейшей формулой, показывают, что *familiae emptor* является простым доверенным лицом. Хотя передача не была обусловлена каким-либо прямым условием со стороны продавца,[109] подразумевалось, что она вступит в силу только после смерти завещателя. После этого *familiae emptor* становится опекуном наследства. Он является не наследником, а душеприказчиком, который распределяет имущество в соответствии с указаниями наследодателя, у которого он его приобрел.

Второй этап достигается за счет дополнительного значения, придаваемого форме распоряжения (*nuncupatio*), произнесенного продавцом. Двенадцать таблиц придали абсолютную силу таким указаниям,[110] и простое выражение воли наследодателя стало считаться существенной частью завещания. В этом объявлении мог быть упомянут настоящий наследник (*heres*), а *familiae emptor* отходила на второй план. Правда, его присутствие все еще необходимо для церемонии; он все еще заявляет, что берет наследство под свою опеку; но, как и человек, держащий весы, и пять свидетелей, он является лишь формальным помощником. Завещание перестало быть договором; это одностороннее волеизъявление и произвольное распоряжение имуществом. Оно может быть устным или письменным; последний этап в истории гражданского завещания наступает, когда завещателю разрешается предъявить документ свидетелям манципации с такими словами: "На этих восковых скрижалях содержится моя воля и завещание; прошу вас, квириды, засвидетельствовать это"[111].

Таким образом, на очень раннем этапе римской истории, возможно, уже в середине V века до н. э., человек мог осуществлять самую абсолютную власть над распоряжением своим имуществом. Единственным ограничением было то, что прямые наследники (*sui heredes*) должны были быть формально лишены наследства, если они хотели потерять свои права. Простой переход *filius familias* без формального лишения наследства (*exheredatio*) делал

завещание недействительным, и в этом случае *sui* наследовали освободившееся имущество.

Социальные и политические последствия такой опасной свободы, как право произвольного распоряжения завещанием, зависят от ее использования, а его использование зависит от характера народа. Римский характер во все периоды истории был привержен наследственной теории. В нее верили настолько сильно, что она заявляла о себе в тех сферах, где ее никогда не предполагали - во времена поздней Республики при наследовании должностей, в ранней Империи при наследовании принципата, а в применении к имуществу она была необходимым условием постоянства римской семьи. Для поддержания дома жесткая система наследования по завещанию вредна; она может не принести большого богатства, но часто приводит к большой бедности. Единственная удовлетворительная система - это тщательное рассмотрение каждого конкретного случая государством или отдельными лицами. Такой контроль со стороны государства был совершенно чужд римским принципам *laissez faire*, и история показывает, что децемвиры были правы, когда доверили эту дискреционную власть полностью *отцу*. Его функции доверительного собственника распространялись и на период после его жизни, а свобода завещания использовалась как средство справедливого приспособления имущества к обстоятельствам членов семьи. Сын, заключивший богатый брак, не должен был получать так много; тот, кому было суждено продолжить семейные традиции, мог получить больше, чем остальные. Ему могли дать *ередиум*, а младших сыновей призвать в колонии. Мы не знаем принципов, но то, что эти принципы были направлены на сохранение семьи, доказывают давние традиции знатных римских домов.

Юридический взгляд на римскую семью был бы неполным без рассмотрения прав или нарушений прав, зависящих от нее.

Полный правовой статус римского гражданина обозначался словом *caput*. Оно обозначало все права, которыми он обладал, но в первую очередь это понятие публичного права, поскольку обладание частными правами изначально рассматривалось как приложение к обладанию публичными. Таким образом, *caput* сохраняется, даже если осуществление частных прав на время затруднено, как в случае с подвластным сыном; *filius familias* обладает *caput*, хотя оно и изменено его подчинением отцу. Эта теория зависимости частных прав от публичных, общая для греческого и римского права, вероятно, объясняет вечную опеку над женщинами. *Мать-фамилия* занимает почетное положение в семье; она - королева, как и ее муж - король, но все же она подчинена браком юридическому положению собственной дочери, а после смерти мужа находится под опекой своих сыновей; ведь первобытное общество не может поверить, что существо, которое не может сражаться, не может занимать государственные должности или иметь право голоса, способно заботиться о своих собственных интересах. Выступление в суде в Риме, будь то для защиты своих или чужих прав, считалось публичным актом; и римские настроения настолько сильно не одобряли участие женщины в общественной жизни, что, когда одна из них осмелилась выступить на Форуме, сенат в тревоге обратился к богам с официальным запросом, что означает это знамение.^[112] Возможно, на ранней стадии развития римского права женщины не считались имеющими права, которые нужно защищать; позднее они считаются имеющими права и, следовательно, *caput*, но неспособными их защищать. Когда на последней стадии половые ограничения исчезают частично благодаря принятию закона,^[113] но главным образом благодаря ряду юридических фикций, впервые появляется способность женщин защищать свои интересы^[114].

Об ограничении, посредством которого уничтожается ряд гражданских прав, говорят как об "уменьшении *caput*" (*capitis deminutio*). В каждом случае это ущемление прав, уже имеющихся у индивида. Утрата публичных прав могла последовать только за утратой гражданства; но это не уменьшение, а уничтожение *caput*, и поэтому на ранней стадии римского права (когда не было признано никакого статуса, кроме гражданства) она не могла называться *capitis deminutio*. Этот термин должен был полностью относиться к потере частных прав, т. е. к потере прав, передаваемых в результате управления семьей.[115] Таким образом, *adrogatus* страдает от уменьшения *caput*, переходя во власть другого. Но изменение статуса с более высокого на более низкий (даже если более высокий статус не предполагал активных прав) в ранний период могло рассматриваться как посягательство на *caput*. Мы знаем, например, что *datio in mancipium* сына семьи считалась (в какой период точно не известно) связанной с этим, поскольку ребенок переходил из лучшего положения в худшее, хотя в своем прежнем состоянии он не имел собственных активных прав. Еще более странно, что, несомненно, в ранний период, факт перехода женщины во власть мужа (*conventio in manum*) считался имеющим такое последствие. Это едва ли можно понять в случае с *filia familias*, которая переходит от одного *potestas* к другому; но в случае с женщиной, только находящейся под бременем, более легким и все более ослабевающим, опеки своих родственников, это естественное, хотя и не строго юридическое представление".[116] Некоторые другие применения этой системы еще более искусственны и, возможно, являются творениями поздних римских юристов, которые стали считать, что сущность потери *caput* заключается в изменении статуса (*status commutatio*).[117] Таким образом, усыновление, которое является изменением с одного *potestas* на другой, и даже *manumission*, которая является свободой от власти, должны были включать его. Эти утверждения содержат некоторую историческую правду лишь в той мере, в какой оба эти изменения предполагают временное освобождение от власти.

Таким образом, первоначальное *capitis deminutio* является чисто частноправовым понятием и подразумевает различие между лицами *sui juris* и *alieni juris*. К первой категории принадлежат те, кто свободен от власти другого, ко второй - те, кто находится под властью *potestas*, *manus* и *mancipium*; среди граждан, таким образом, сын, жена и любой человек, отданный на воспитание другому. Лицо *alieni juris* не полностью лишено частных прав, но они необычайно неполны по своим последствиям. Так, подвластный сын имеет право на брак (*conubium*), но дети от этого брака находятся не в его власти, а в власти его отца; он имеет (если не в самый ранний период, то на протяжении большей части римской истории) право на участие в законном торговом бизнесе (*commercium*), но все, что он приобретает в результате этого бизнеса, принадлежит его отцу. Однако в его случае это состояние преходящее, в то время как в случае раба и *манципата* (за исключением возможности освобождения) оно постоянное.

И наоборот, факт принадлежности к *sui juris* не всегда подразумевает свободу действий; она может быть ограничена в силу возраста или пола. Несовершеннолетние и женщины могут быть свободны от *potestas*, но первые находились под временной, а вторые - под вечной опекой.

§ 4. Граждане и политические подразделения государства

Вся совокупность римских граждан образует *populus Romanus quiritium*,[118] или *populus Romanus quirites*. [119] Из терминов, поставленных в такое положение, *populus Romanus* - это более общее описательное название, а *quirites* - официальный титул, под которым к

гражданам обращаются в собрании. Однако оба слова имеют одно и то же значение; *populus* - это вооруженное войско,[120] а *quirites* - "носители копья"[121]. Если последняя этимология верна, то слово *quirites* в ходе развития, которое находит множество параллелей в римской истории, стало означать прямо противоположное своему первоначальному значению. В конце Республики оно обозначало граждан в их чисто гражданском качестве, носящих *тогу*, одежду мира, и выполняющих политические функции в городе; Цезарь однажды подавил мятеж своих легионов, обратившись к ним как к *квиритам*, показав этим обращением, что они распущены и больше не являются солдатами[122].

Более реальная историческая трудность в отношении первоначального значения этих слов заключается в том, чтобы определить, обозначали ли они весь народ, как плебеев, так и патрициев. В римских записях *populus* не используется как эквивалент только патрицианской общины; но все эти записи относятся ко времени после того, как плебеи получили политические права, по крайней мере, право служить в легионах и голосовать. Если *populus* и *quirites* обозначали совокупность сражающихся, а значит, привилегированных мужчин, то первоначально они, должно быть, относились исключительно к патрицианской общине. После Сервианской конституции эти слова обозначают весь народ (*universus populus*). Отныне *populus* и *plebs* различаются только как целое и часть - различие необходимо, поскольку плебс продолжал составлять отдельную корпорацию, исключавшую патрицианские семьи.[123] Таким образом, в более поздней официальной формуле *senatus populusque Romanus* обозначает две корпорации, последняя состоит из всех членов государства, но в нее включены отдельные члены меньшей корпорации.

Civis, слово неопределенного происхождения, означает менее определенно, чем *quirites*, обладание активными политическими правами. Отсюда его применение к женщинам и частично привилегированным членам государства - тем, кто в определенные периоды римской истории был наделен правами в частном праве, но был лишен возможности пользоваться избирательным правом или занимать должности. Возможно, что различие между полноправным гражданином (*civis optimo jure*) и неполноправным гражданином (*civis non optimo jure*), хотя, вероятно, и не является примитивным,[124] все же может быть древней концепцией римского права. Те плебеи, которые никогда не были или перестали быть полностью зависимыми от *патрона* в осуществлении своих юридических прав, практически принадлежали к этому последнему классу. До реформы Сервия, которая дала им политические привилегии, их можно было назвать *cives*; только после этой реформы их можно было назвать *quirites*. Возможно, именно благодаря этому изменению в конституции *cives* заменили *quirites* в качестве обозначения полноправных граждан со всеми их правами.

Если мы спросим, каковы были первоначальные права гражданина Рима, то не сможем сформулировать простую категорию, применимую ко всем *cives*. Если отталкиваться от периода, предшествовавшего реформам Сервия, то мы обнаружим, что частными правами в той или иной степени обладали все члены общины. Эти права обычно сводятся к торговым и брачным (*commercii et conubii*). Первое - это правоспособность приобретать полные права на всякого рода имущество, осуществлять его приобретение, передавать его в наиболее обязательных формах и защищать приобретенное право в своем лице с помощью римского процесса (*legis actio*). Этим *commercium* в равной степени обладали патриции и свободные плебеи. То, что право занимать отвоєванные у врага земли могло долгое время принадлежать только господствующему строю, не было нарушением права торговли;[125] ведь такие земли не приобретались, а лишь находились в ненадежном владении у государства, и привилегия была, скорее, фактической, чем юридической. *jus conubii* - это право заключать брак,

который рассматривается государством как полностью действительный (*matrimonium legitimum* или *jure civili*) и который, следовательно, дает право на *patria potestas*. Этим правом обладали патриции и, по крайней мере, свободные плебеи, но каждый класс только внутри себя. Между орденами не было права на межродовые браки, и член каждого из них осуществлял свое положение отца посредством различных церемоний.[126] Права, вытекающие из принадлежности к клану, - права наследования и религиозного общения - были, как мы видели, вероятно, разделены с патрициями по крайней мере теми плебеями, чьи предки никогда не находились в состоянии клиентства.

Общественные права - право голоса, право служить в качестве полностью экипированного солдата в легионах и, вероятно, право занимать должность делегата короля - принадлежали исключительно патрициям; и к этим привилегиям мы должны добавить право на самое полное общение с богами (*jus auspiciorum*).

Auspicium, или гадание по птицам, со временем стало применяться к любому обстоятельству, которое могло быть истолковано как выражение воли богов. Возможности человека по отношению к этим знакам - это отчасти право вызывать их, отчасти власть интерпретировать их. И право, и власть основываются на предположении, что между национальными богами и гражданами государства существует посредник,[127] и особенности концепции, которую римляне сформировали об этом божественном покровительстве, проявляются в их взглядах как на природу откровения, так и на квалификацию, требуемую для "посредника".

(i.) Откровение не является ответом на вопрос о будущих событиях, поскольку истинное гадание не является попыткой проникнуть в тайные советы богов; на эту профессию халдеев в Риме никогда не смотрели с благосклонностью, и никакая наука о будущем не поощрялась государством. Римская консультация с богами используется только в качестве проверки правильности уже сформированного человеческого решения[128]. Она говорит людям только о том, должны ли они выполнять уже намеченный курс действий; она может утвердить их в нем или предостеречь от него; и долг людей - искать знак либо поощрения, либо предостережения. Очень важно запомнить этот взгляд на руководство богов, поскольку он является главным признаком того, как римляне, несмотря на свой истинно религиозный дух (а может быть, и в результате его), подчинили теократический элемент мирскому. Главным следствием этого подчинения является беспрепятственное использование человеческого разума; религия используется в качестве теста, а не руководства для правильности действий. Это совершенно мирской взгляд на функцию религии в жизни, совсем не похожий на взгляд еврейского пророка, который подробно расспрашивает Бога, но только для того, чтобы истолковать закон, который является продуктом его, а не человеческой воли. Вера в то, что боги не дают указаний, а только советы, давала римлянину "внутреннюю свободу", которая заставляла его порой возмущаться божественным вмешательством, и мы найдем множество примеров того, как он принуждал к толкованию в соответствии со своими желаниями. Предзнаменования, которые не видят, не требуют внимания, и принимаются меры предосторожности, чтобы их не увидели. Принимая государственные акты, магистраты обязаны просить о знамениях; но все усилия человеческой изобретательности направлены на то, чтобы знамения были благоприятными[129].

(ii.) Очевидно, что, согласно этой теории религиозного вмешательства, между богами и их поклонниками не требуется жреческий посредник. Гадание как наука о будущем - это сложное искусство, которым не может владеть обычный человек. Оно требует знания ритуала, чтобы заставить божественное изречение; оно предполагает, что боги питают особое доверие к избранным участникам внутреннего культа, которым они открывают то, что скрыто от многих; оно требует преданности всей жизни и часто особых правил аскетизма и

чистоты, чтобы интерпретировать скрытые знаки; оно приводит, короче говоря, к вере в оракульную силу, в пророческий дар, в претензии специально выделенного священства.^[130] В Риме ничего этого не было. Право призывать покровителей не является священническим даром; им обладают, в большей степени, магистрат, в меньшей - все полноправные граждане первобытной римской общины. Правда, существует класс мудрецов, авгуров, главной функцией которых является толкование знаков, но их функция ограничивается толкованием; они обладают не большей властью, чем любой частный человек, и не меньшей, чем магистрат, для получения такого откровения. И все же, если помощь авгура была призвана, и его толкование было дано, этот вердикт был окончательным. Нам говорят, что неповиновение ему, по крайней мере со стороны магистрата, принимавшего общественное покровительство, в ранние времена каралось смертной казнью;^[131] это утверждение, вероятно, означает, что главы римской религии, понтифики, считали подобное нечестие таким, за которое боги не примут никакого возмещения, и за которое, следовательно, полагалось наказание в виде отлучения (*sacer esto*).

Говорят, что право принимать ауспиции было даром, свойственным патрициям; но степень этого дара можно оценить только с учетом четырехкратного деления ауспиций, которое, судя по его природе, должно быть, было примитивным, а не созданным в рамках более поздней дисциплины авгуров.

Они делились на *импетративные* (или *импетритивные*) и *облативные*.^[132] *Импетративными* считались те, которые искали и просили, и такие знаки могли быть получены из наблюдения за небом, полетом или звуками птиц. *К забывчивым* относились те, которые навязывались вниманию и которые, поскольку их не искали, обычно рассматривались как препятствие к действию и, следовательно, как неблагоприятные. Они были собраны из разнородной коллекции признаков плохого состояния (*dirae*). Очевидно, что право принимать или, как выражаются, иметь благоприятные знаки (*habere auspicia*) может относиться только к первой из этих двух категорий; именно это право считалось свойственным патрициям; только члены первоначальных родов, первобытные *patres*, имели право спрашивать знаки у богов, и считалось, что каждый важный акт их жизни, будь то общественный или частный, должен быть пронизан этим божественным общением. Считалось, что именно благодаря ауспициям возвышался город, достигалось политическое развитие и одерживались былые победы.^[133] Существование патрицианского ордена с этой точки зрения является необходимым условием существования самого государства, поскольку без него право вызывать божественную волю было бы полностью утрачено.^[134] Но никакая человеческая сила не могла помешать плебеям следовать религиозным устоям своих ставленников и внимать тем предупреждениям, которые доводились до их сведения. *Auspicia oblativa*, независимо от того, предназначались ли они богами для других, помимо патрицианского корпуса, или нет, должны были с древнейших времен пользоваться уважением плебеев и определять их политическое поведение, когда они стали корпорацией в государстве.

Право *принимать* покровительство не было ни жреческой, ни даже магистерской функцией, им обладал каждый патриций. Но человек в частном качестве мог осуществлять его только в своих личных делах; покровительство, предназначенное для руководства общественными действиями, принадлежало патрицианскому магистрату. Отсюда различие между *auspicia publica* и *privata*. Было время, когда ни один важный акт в деловой или домашней жизни не совершался без обращения к божественному руководству.^[135] Брак особенно требовал

обращения к покровителям; и даже когда обычай такого частного гадания был полностью отменен, сохранился обычай присутствия *покровителей*, друзей жениха, которые следили за надлежащим исполнением обрядов. [Конфарреацио было старше традиционного института коллегии авгуров, и маловероятно, что официальное вмешательство было связано с браком, тем более с такими делами, которые носили сугубо частный характер. Поэтому трудно понять, как плебеям могли помешать принять *auspicia privata*, хотя их использование, вероятно, вызывало насмешки со стороны патрицианских правителей. С одной стороны, мы видим, что неспособность плебеев участвовать в ауспициях была одним из аргументов против разрешения *conubium* между орденами; [137] с другой стороны, ауспиция продолжает оставаться неотъемлемой частью церемонии, которая была основана на плебейском брачном праве.

Иначе обстояло дело с ауспициями, принимаемыми от имени государства (*auspicia publica*). Только патриции обладают этой эгидой, и только магистрат, принадлежащий к этому ордену, может воспользоваться правом ее искать (*spectio*). [138] Это остается не только чисто магистерской, но и чисто патрицианской привилегией, и так называемые плебейские магистраты более поздних времен, как ни велика была их власть, не обладали этим даром. Совершенно верно, что после того, как плебс пробил себе дорогу в консулы, в этом праве нельзя было отказать плебейским обладателям верховной должности. Но это признание было основано на юридической фикции, согласно которой обладатель должности, некогда принадлежавшей *патрициям*, в религиозных целях являлся патрицианским магистратом [139].

Пользование полными политическими правами в Древнем Риме обуславливалось только принадлежностью к патрицианскому роду; полное гражданство здесь, как и в большинстве древних государств, зависело от рождения, а принадлежность к чисто частному объединению удовлетворяла всем требованиям, которые государство выдвигало в качестве условия достижения своих прав. Но существовали и другие формы объединений определенно политического характера, среди которых распределялись граждане и в качестве членов которых они осуществляли активные политические права или несли личные тяготы. Это три патрицианских племени - Рамны, Титии и Лукерьи, а также тридцать *курий*. Что касается вопроса о том, были ли это первичные и естественные объединения этнического характера или искусственные творения, созданные верховной властью после основания Рима, то мы уже видели [140], что *tribus*, вероятно, являются этническим выживанием, искусственно созданным; в случае с *curiae* остается гораздо менее определенным, были ли они спонтанным ростом или чисто искусственными творениями, или (что, возможно, более вероятно) в основном естественными объединениями, искусственно регулируемые по численности и группировке в соответствии с политической целью.

Племя, которое было делением не только тела гражданина, но и земли, было основой для налогообложения и военных сборов. [141] Мы ничего не знаем о первом бремени, но вполне вероятно, что в раннем римском государстве не существовало подробной схемы прямого налогообложения. Доходы от царских владений, вероятно, обеспечивали его самодостаточность, в то время как патриции-бюргеры служили в армии за свой счет и, несомненно, должны были покрывать расходы своих прислужников. Вероятно, в чрезвычайных ситуациях с землевладельцев племен взимался натуральный налог.

О военном бремени традиция сохранила несколько правдоподобных подробностей. Армия называлась *legio* или "сбор" [142] и состояла из трех "тысяч" (*milites*), [143] по одной от каждого из трех племен. Этими пешими воинами командовали три или девять племенных офицеров, *tribuni militum*. [144] Конница состояла из трехсот *celeres*, по одному от каждого из

трех племен, которыми командовали три *tribuni celerum*. Когда патрициат был расширен за счет добавления *gentes minores*,^[145] эти три сотни (*centuriae*) были увеличены до шести^[146].

Помимо тяжелой пехоты и кавалерии, возможно, существовал корпус легковооруженных войск (*velites* и *arquites*), который, несомненно, состоял в основном из клиентов. Мы не знаем, заставляли ли свободных плебеев служить; но если и заставляли, то только в этом низшем качестве, которое не требовало времени на обучение и затрат на содержание паноплии. Очевидно, что все бремя регулярных сборов и существовавших в то время военных налогов ложилось на плебеев, и перед окончанием монархии была предпринята попытка исправить это неравное распределение бремени - попытка, результатом которой стало упразднение патрицианских племен как ведущих подразделений государства и серьезное ущемление патрицианских прав.

Тридцать *курий*, которые изначально были местными единицами, о чем свидетельствуют их названия,^[147] были разделены, по десять в каждом из трех племен. Члены родов, принадлежавших к одной *курии*, назывались *куриалами*. Но, хотя *курии* имели местные центры, членство в этих органах не зависело от проживания в той или иной местности. Оно было наследственным; и если члены *рода* мигрировали из своей *курии*, то *язычники* все равно оставались членами этого государственного подразделения. *Курии* были как религиозными, так и политическими объединениями, которые с самого начала или в конце концов развились в тесную корпоративную жизнь. У каждой из них были свои *сакры*^[148] и место поклонения, содержащее алтарь и часовню, которая сама носила название *курия*;^[149] а религиозные дела каждой из них вел священник, называемый *курионом*, которому помогал *flamen curialis*.^[150] Тридцать *курионов* составляли коллегию, президентом которой был *curio maximus*.^[151]

Трудно сказать, насколько религиозная организация *курий* была естественным или искусственным развитием. Но в определении их важного политического характера, несомненно, была задействована хитрость. Первобытное народное собрание в Риме - это *comitia curiata*, состоящая исключительно из патрициев. Здесь каждый член патрицианского клана, достигший установленного законом возраста - вероятно, восемнадцати лет, с которых начиналась военная служба, - имел право подать один голос; большинство *куриалов* определяло голосование конкретной *курии*, а решение собрания определялось большинством групп.

Кроме того, они имели второстепенное значение в военном отношении; говорят, что через *куриалы* осуществлялась поставка рыцарей в корпус *целеров*^[152].

§ 5. Монархическая конституция

По общему мнению, монархическая конституция раннего Рима опиралась на ограниченный суверенитет народа, ограниченный чрезвычайной властью единственного магистрата. Народный суверенитет утверждался в юрисдикции, в законодательстве и в ратификации магистратской власти. Приписывание народу права апелляции по уголовным делам (*provocatio*)^[153] свидетельствует о том, что ему принадлежит либо суверенный атрибут помилования, либо некое право разбирать уголовные дела в последней инстанции. Традиция делает римский народ единственным источником закона,^[154] то есть постоянных постановлений общего характера, которые должны связывать общину,^[155] хотя инициатива в законодательстве может исходить только от короля; и если не считать постановлений Папской коллегии, которые не требовали санкции народа, эта теория первобытного

законодательства кажется верной; ведь самые ранние законы, принятые *комицией* после падения монархии, не знаменуют собой никакого насильственного разрыва в теории конституции. Мы не знаем, использовал ли король формулу, которую впоследствии использовали республиканские магистраты, добиваясь "воли и повеления" бюргеров (*velitis, jubeatis, quirites*); но закон (*lex*) с самого начала является чем-то "установленным" компетентной властью и обязательным, следовательно, в силу власти, которая его устанавливает.[156] После своего принятия он может или должен создавать договорные отношения между людьми,[157] но нет никакого намека на то, что он является результатом договора или сотрудничества между независимыми властями. Источник права, таким образом, прост: это воля народа, но из-за препятствий, создаваемых магистратурой, эта воля весьма ограничена в своих возможностях выражения. Народ также утверждается как источник чести в определенном смысле, и типичными иллюстрациями этой власти являются традиционные представления о том, что царские *знаки отличия* Этрурии, принятые римскими царями, были приняты ими только с согласия сената и народа[158], и что назначение должностных лиц для специальных целей, хотя теоретически они могли быть просто делегатами царя, должно было быть утверждено законами *куруи*. Говорят, что таким образом назначались квесторы, ранние прототипы более поздних магистратов в Риме[159].

Народ, таким образом, обладал определенными суверенными правами, но каждое право было ограничено огромной властью его личного представителя, который обладал всей исполнительной и законодательной властью, подразумеваемой в единственном праве инициативы. Мы даже не можем говорить о том, что народ *наделял* этим правом своего короля; ведь его право на избрание, как мы увидим, было, вероятно, столь же ограниченным, как и его законодательная власть.

Этот личный глава обладал множеством титулов, которые обозначали различные аспекты его правления - титулы, которые сохранились и в Республике, и, в зависимости от дифференциации функций, которые он объединял, применялись к различным магистратам. Как верховный судья он был *judex*, как вождь и военачальник - *praetor*,[160] *диктатор* и *magister populi*. [161] Наиболее общим титулом, который выделял его как универсального главу государства, как в религиозных, так и в гражданских вопросах, был *rex*, "регулятор" всего человеческого и божественного - титул, который сохранился в *rex sacrorum*, наследнике царя в жертвоприношении и в ритуале. Полномочия, на которых основывалась эта должность, были выражены словом *imperium*[162].

Отделение короля от государства, которым он правил, выражалось также в определенных внешних знаках (*insignia*), отличавших его от остальных бюргеров. Ему предшествовали двенадцать "вызывателей" (*lictors*),[163] каждый из которых нес связку прутьев (*fascis*), и острие топора сверкало из этих связок даже в стенах, поскольку военная юрисдикция короля могла осуществляться в пределах города. Его одеяние было "пурпурным" или, скорее, алым - цвет, в котором большинство народов видели эмблему суверенитета, но его одежда, вероятно, менялась в зависимости от ритуала, который он выполнял, и три вида полосатой одежды (*trabea*), сохранившиеся в Республике: пурпурная для священнослужителей, пурпурная с шафраном для авгуров, пурпурная с белой полосой для *рекса*[164], - вероятно, все были одеяниями царя. Традиция также приписывает ему орлиный скипетр, золотую корону, трон (*solium*) [165] и колесницу в стенах, от которой, как считается, произошло кресло для курульных (*sella curulis*). [166] Утверждение, что триумфальные *знаки* римского магистрата были лишь возрождением обычных украшений царя[167], чрезвычайно

вероятно; ведь корона, *toga picta* (развитие пурпурной мантии)[168] и колесница вновь появляются на римском триумфе.

Другие королевские prerogatives были связаны с первобытным представлением о патриархальной монархии. Король, хотя ему и не хватает абсолютизма *paterfamilias*, занимает в государстве примерно то же положение, что и отец в семье. В некотором смысле он является владельцем всей общины и как таковой способен распоряжаться *munerо* бюргеров.[169] Но значительная часть общественных владений была выделена для его личного пользования.[170] Эти земли короны, должно быть, обрабатывались в основном собственными клиентами короля, которые владели ими *по прекарию* от него;[171] поскольку нет причин сомневаться в том, что значительная часть полусвободных плебеев была непосредственной *клиентелой* короля, связанной с общиной главным образом через него, ее представителя. Возможно, это были пленники, которые подчинились государственному *закону* и которых завоеватель не пристроил в качестве иждивенцев к другим ведущим семьям общины.

Теория царской власти лучше всего выражается в способе, которым монарх восходит на трон. Обычно признаются следующие альтернативные принципы: наследственный, выборный или божественное право.

От наследственного принципа в Риме не осталось и следа. Ему противоречат факты традиционной истории, которая считала, что, когда наследственный принцип впервые реализовался в последнем царе, монархии пришел конец; его прямо отрицают более поздние авторы, размышлявшие о характере ранней монархии.[172] В пользу теории божественного права можно сказать гораздо больше. Ромул - сын бога и ожидает вердикта небес, прежде чем вступить в правление. Нума, его преемник, настаивает на том, что тот же вердикт должен быть обжалован.[173] Но если принятие эгиды является признаком божественного происхождения, то все в Риме почти в равной степени исходит от богов. Вероятно, как в раннем, так и в позднем Риме религия играла важную вспомогательную роль в общественной жизни, но у нас нет оснований полагать, что она когда-либо была единственной направляющей силой. Как мы увидим, при обсуждении вопроса об инаугурации царя эта теория возводит в ранг первичного и материального то, что было всего лишь вторичным и формальным элементом в передаче монархии, хотя этот формальный элемент был крайне необходим и важен.

Таким образом, римские мыслители были отброшены назад к теории избрания. Традиция единодушно представляет монархию как выборно-зависимую, т. е. основанную на свободном народном избрании или на таком избрании под руководством сената.[174] После смерти царя нет немедленного преемника с титулом на правление; на несколько дней назначается временный царь (*interrex*), и по его предложению царь избирается патрицианскими бюргерами на *comitia curiata*, с санкции патрицианского сената (*auctoritas patrum*).[175]

Выражая эти взгляды, римские мыслители пытались реконструировать монархию на основе знаний о собственной магистратуре, ибо они справедливо полагали, что эта магистратура была очень незначительной модификацией первоначальной царской власти. Избирательный принцип Республики не считался новшеством в теории магистратуры, и на это было две причины. Первая заключалась в том, что существовала реальная преемственность, поскольку выборный процесс всегда был вспомогательным по отношению к другому - выдвижению магистратом, который руководил выборами. Последний стал почти формальным процессом в Республике, но не задавался вопрос, не мог ли он в свое время

быть материальным элементом. Во-вторых, в монархии действительно существовал выборный элемент, сохранившийся в виде формы в Республике, формы, которую гипотеза о монархических выборах, принятая римскими антикварами, не могла объяснить. Странно, что в поисках своей теории царского назначения они не обратились к самому очевидному выжившему элементу монархии - диктатуре, на которой основывалась вся остальная реконструкция монархической власти.

В двух определенных случаях, сохранившихся от римской монархии, выборы не признавались; диктатор назначался консулом, а не его предшественником, поскольку это была лишь эпизодическая должность; а *rex sacrorum* назначался *pontifex maximus*,^[176] а не предыдущим *rex*; поскольку эта должность просто продолжала священнические функции короля, а религиозное руководство возлагалось на *понтифика*. Этот древнейший принцип назначения сохранился в республиканском Риме как неотъемлемая часть выборного процесса, чтобы вновь появиться в Принципате в тех случаях, когда выборы превратились в простую форму, в качестве живого принципа.^[177] Это, по сути, единственный принцип, который имеет непрерывную историю; выборы - это республиканская интерлюдия.

Если, таким образом, мы будем считать монархию не чисто выборной должностью и заменим выборы принципом выдвижения, то должны будем признать, что право, а возможно, и обязанность, римского царя заключалась в выдвижении своего преемника. Если при жизни царя не было должной номинации и, следовательно, не было четко обозначенного преемника монархии, обязанность обеспечить такого преемника переходила к сенату, из состава которого назначался *интеррекс*. По преданию, *междуцарствие* началось с первой вакансии царского поста после смерти Ромула^[178]. Когда такая вакансия произошла, эгида, под которой было основано государство и которая была знаком божественного принятия царского правления, "вернулась к *патрициям*"^[179], и нам говорят, что с самого начала это означало не *comitia curiata*, а патрицианский сенат. Самое раннее *междуцарствие* представлено как осуществление коллективного правления сенатом; но, по аналогии с единоличной магистратурой, оно имело форму создания последовательности *междуцарствий*. Первым шагом было разделение сената на *декурии*;^[180] на каждую декурию отводилось пятьдесят дней правления; в течение этого периода каждый отдельный член *декурии* осуществлял правление в течение пяти дней, и, согласно одному рассказу, последовательность декурий определялась по жребию (*sortitio*).^[181] Правило представлено как коллегиальное, вся декурия обладала *imperium*, а отдельный человек, правивший в течение пяти дней, имел *fasces* и внешние эмблемы королевской власти.^[182] В более поздние времена мы увидим, что, хотя *междуцарствие* сохранялось, вся процедура была упрощена отказом от коллегиального принципа. Если он когда-либо существовал, мы должны предположить, что, как только было принято решение сената, коллективное правило могло быть прервано любым *интеррексом*, кроме первого, выдвигающего короля.^[183] *Интеррегнум*, хотя и представлен нашими властями как неизменная часть процедуры назначения короля, вероятно, с самого начала был временной мерой, к которой прибегали только тогда, когда обычная процедура прерывалась по непредвиденным причинам, и не было определенно назначенного преемника.^[184]

Тем не менее, хотя монархия не была строго выборной, с назначением короля по традиции были связаны определенные квазивыборные процессы, как со стороны сената, так и со стороны народа.

Авторитет сената (*auctoritas patrum*) упоминается в связи со всеми передачами верховной власти.[185] Однако этот авторитет не вытекал из какой-либо теории о том, что сенат обладает выборными полномочиями, а был просто результатом универсального принципа, согласно которому ни один человек, облеченный властью, не должен действовать без совета со своим *консилиумом*, и был лишь следствием конституционной необходимости, которую король испытывал, советуясь с сенатом по поводу всех важных мер, затрагивающих народное благосостояние. Самым важным из них было назначение преемника.

Во-вторых, нам рассказывают о формальной ратификации власти короля народом, собравшимся в *comitia curiata*, которая продолжалась и в Республике под названием *lex curiata*, формальной санкции, всегда необходимой для ратификации уже принятого *imperium*. [186] Говорят, что она имела такой характер даже во времена монархии, и это, как считалось, доказывается тем фактом, что король сам предложил *lex curiata*, которая должна была дать санкцию на осуществление его собственной власти. [187] Такая процедура была действительно необходима, поскольку никто, кроме царя, не имел права ставить вопрос перед народом; следовательно, мы должны принять мнение, что *lex curiata* не была абсолютно необходима для осуществления власти и могла быть законно, хотя, возможно, и не конституционно, отклонена, как это сделал царь Сервий в начале своего правления [188].

Римские юристы, считавшие, что царь избирается, приписывали народу два разных действия при создании царя - сначала его избрание, а затем формальную ратификацию этого избрания [189]. Параллель этому, по-видимому, обеспечивалась республиканской практикой, где *lex* принимался уже избранными магистратами как необходимое предварительное условие для осуществления *imperium*. Но в этот период магистраты не избирались *comitia curiata*, и *lex* этого собрания - всего лишь пережиток, воспоминание о формальном суверенитете, которым продолжала обладать *кура*. Происхождение *lex curiata* гораздо более понятно, если король сначала выдвигался независимо от народа, а затем оспаривал его верность. Вероятно, это было не более чем аккламация при первом созыве *курии* королем. Предыдущий король, должно быть, уже объявил народу о своем выборе преемника, и народные настроения уже были выражены; таким образом, вероятность негативных возгласов, когда новый король оспаривал верность своих бюргеров, была невелика. Если существовала вероятность того, что вызов не будет принят, его, как мы видели, можно было отложить. Но осуществление царской *власти*, которое не было санкционировано этими двумя актами сената и народа - выраженной волей одного и объявленной верностью другого, - рассматривалось более поздними властями как неконституционное [190].

Назначение короля имело и религиозный аспект. Принятие им власти считалось неполным, пока не было доказано, что боги одобряют правление, которое он принял на себя. Это делалось путем первого принятия эгиды [191] - церемонии, которую соблюдали магистраты Республики, прежде чем приступить к исполнению своих обязанностей. Это было последним испытанием на право осуществлять светскую власть; но положение короля как верховного жреца общины предполагало еще одно посвящение.

Это была инаугурация, которая отличалась от принятия эспозиции. В обычной форме *ауспиции* лицо, вступающее в должность, само обладает правом *spectio*; [192] в Республике оно принадлежало магистратам как таковым и никогда не рассматривалось как чисто жреческая функция. При особой инаугурации, напротив, *spectio* достается кому-то другому, а не самому инаугурируемому. Царь-жрец Нума, естественно, ассоциируется с этой

церемонией по традиции; при нем назначенный авгур нанимается для наблюдения за знамениями,[193] и эта церемония инаугурации одним из представителей жречества, а не самим инаугурируемым, представляется как постоянная часть процедуры, необходимой для вступления на царский пост с этого времени. Но эта легенда Нумы становится несколько невероятной из-за того, что авгуры не имеют права *spectio*, и что из всех жрецов Республики только полумагистральный *pontifex maximus*, глава государственной религии, имеет право принимать эгиду. Тот факт, что *rex sacrorum* в Республике имел особую инаугурацию[194], мог бы поддержать легенду, если бы не то, что этот *rex* стал полностью жрецом и таким образом потерял право общения с богами через *spectio*. Вопрос об инаугурации царя, неважный сам по себе, перетекает в два более широких вопроса: первый - существовало ли в идее разделение между магистерскими и жреческими функциями царя; второй - был ли царь сам *pontifex maximus* и, таким образом, верховным главой римской религии.

Для ответа на первый вопрос небезопасно обращаться к более поздним примерам, поскольку священство и магистратура, возможно, впервые были разделены во времена Республики. Но традиция[195] и дошедшие до нас свидетельства представляют царя как *первого священника* в общине. Его преемник, *rex sacrorum*, в качестве священника занимает место выше трех великих *фламиниев* и *pontifex maximus* в ордене священства (*ordo sacerdotum*);[196] религиозные обязанности этого *rex* указывают на то, что функции царя были регулярным *культом*, а не случайными религиозными обязанностями римского магистрата,[197] в то время как его жена, *regina sacrorum*, имела свои собственные одновременные жертвоприношения[198].

Но должность первого жреца не означала в Республике главенства в римской религии; главный понтифик, который является ее главой, занимает, как мы видели, низшее место в ряду жречества. Значение *культа* и религиозного авторитета, проистекающего из высшего знания, - не одно и то же. Понтифики лишь во вторую очередь являются священниками, в первую же очередь они - религиозный орден, чье положение основано на знании религиозного закона (*fas*). Разделение между истинным жречеством и религиозным президентством, возможно, действительно было республиканским развитием, вызванным секуляризацией магистратуры; жреческие функции магистрата были продолжены в *rex sacrorum*, а религиозное президентство также было отделено от гражданской власти, но возложено на другое должностное лицо, главного понтифика. Но возможно, что это разделение было примитивным, а *культ* и знание религиозного права не сочетались. Очевидно, что в отношении царя к понтификальной коллегии царя большая неопределенность. В то время как один рассказ говорит о том, что Нума избрал Нуму Марция "понтификом",[199] другой описывает того же царя как учредившего пять понтификов,[200] и далее нам говорят, что до *lex Ogulnia* (300 г. до н. э.) коллегия состояла из четырех членов.[201] Расхождение между двумя последними сообщениями было устранено путем предположения, что сам царь считался членом коллегии, и что изгнание царя сократило число членов с пяти до четырех. [202] Возможно, что царь не носил титул *pontifex maximus* и все же был главой коллегии; возможно даже, что, как следует из одного процитированного нами сообщения,[203] был главный понтифик в качестве его делегата. Вряд ли мы можем отказать ему в месте в этом совете перед лицом доказательств, указывающих на его универсальное главенство в религии. Создание авгуров и жречества - его рук дело. Ромул назначает авгуров;[204] Нума учреждает трех великих фламиниев, салиев и понтификов, хотя большинство важных религиозных церемоний совершается им лично.[205] Следовательно, мы можем заключить, что назначение особых лиц в эти священнослужители должно было быть частью царской должности.[206] Было даже высказано мнение (в основном как вывод из того факта, что весталки и пламенники входили в *potestas pontifex maximus* Республики),

что первые были незамужними дочерьми царя, которые ухаживали за священным огнем государства в доме царя, а вторые - его сыновьями, в обязанности которых входило разжигать огонь для жертвенного поклонения конкретным божествам, Юпитеру, Марсу и Квирину. Эта приятная картина, возможно, представляет собой первобытное состояние патриархальной царской власти; но к моменту закрытия монархии она была уже давно перерождена. Здесь мы видим полностью развитую иерархию и существование религиозных гильдий, таких как понтифики и авгуры, которые занимаются наукой, а не простым ритуалом религии, и которые никак не связаны с домашними делами короля.

Во главе этой внушительной организации стоит *rex*, и в силу своего положения он является главным толкователем норм божественного права (*fas*). Это закон, который практически не имеет границ, он идет параллельно с гражданским правосудием (*jus*), но далеко выходит за его пределы. Удобно выделить три способа его действия. Один - чисто религиозный и ритуальный, выражающийся в контроле над жречеством, религиозными колледжами и культами. Второй проявляется в контроле над жизнью рядового гражданина в уголовных и гражданских делах. Третье - это то, что связывает римское государство с другими независимыми сообществами и формирует международное право того периода.

(i.) Контроль над жречеством и *культом* относится скорее к истории религии, чем к истории конституционного права, и в основном представляет собой юридический аспект в связи с вопросом о религиозной юрисдикции. О сложных вопросах, возникших в республиканские времена в результате столкновения религиозной и гражданской власти, вряд ли можно было еще слышать, поскольку верховный контроль над ними принадлежал одному и тому же человеку. Но сама природа этой дисциплинарной юрисдикции над священниками была предметом некоторых споров. К делу была применена излюбленная гипотеза о семейной юрисдикции, которая, возможно, верна в отношении фламенов и весталок, хотя даже в этой сфере сомнительно, по какому отцовскому праву глава религии мог предать смерти любовника весталки. Другие фазы власти еще более необъяснимы на этом основании. Право наказывать авгуров за нарушение ритуальных правил сохранилось и в Республике, и, похоже, это юрисдикция, осуществляемая над ними как над членами религиозного органа. Однако нет никаких следов того, что жречество занимало привилегированное положение, и во всех светских вопросах его члены подчинялись обычному закону. Привилегии, которыми они обладают, основаны на религиозных соображениях. Когда фламен был схвачен (*captus*) для бога, он становился свободным от отцовской власти,^[207] и гражданские власти не могли заставить его принести клятву.^[208] Лица весталок были неприкосновенны;^[209] святость как фламенов, так и весталок также наделяла их правом убежища. С узника, укрывшегося в доме фламена, снимались узы, а если преступник на пути к наказанию встречал его или весталку, его нельзя было бичевать или казнить в этот день. Но только в этих двух случаях ярко выражен отрыв от мира; у нас нет оснований полагать, что в самый ранний период истории Рима члены религиозных орденов были изолированы от массы народа с привилегиями и собственной юрисдикцией.

Контроль над *культом* и поддержание его чистоты отмечены как одна из самых ранних обязанностей *pontifex maximus*, и, должно быть, принадлежали царю. Именно он следит за тем, чтобы ни одно право предков не было оставлено без внимания, ни одно чужое не было приобретено.^{210]} Здесь мы имеем религиозную власть, которая управляет не только жречеством; поддержание *частных святынь* в ее глазах так же важно, как и *общественных*, и ее надзор должен был распространяться за пределы патрициата, ибо невозможно поверить, что религия заботилась только о *святынях* патрицианских кланов и стремилась только к тому, чтобы они не развращали культ предков. Плебей и клиент

находились под защитой богов и могли навлечь проклятие на общину необдуманном нововведением или пренебрежением.

(ii.) Контроль, осуществляемый *fas* над жизнью граждан в вопросах, не связанных непосредственно с ритуалом и культом, можно проиллюстрировать прежде всего на примере его уголовных санкций. Мы не можем сказать, что было время, когда римский закон рассматривал каждое преступление как грех, поскольку с самого начала мы сталкиваемся с дуализмом, и религиозные и светские санкции существуют бок о бок. Но религия оставила здесь более глубокий след, чем в других местах, - в названии наказания, в форме его применения, в еще более странном факте, что после исчезновения религиозных санкций нарушения обязательств, которые современный мир рассматривает как преступления, остались безнаказанными для светской руки.

Наказание за грех должно быть некой формой искупления. В монархии, как и в республиканские времена, это *piaculum*, назначаемый главой религии; причем назначаемый не произвольно, так как даже к концу монархического периода понтифики, несомненно, составляли классы преступлений с эквивалентным искуплением, направленным на то, чтобы отвратить гнев богов от всего сообщества. Помимо регулярно повторяющихся люстраций при переписи населения - следствие ощущения всеобщей греховности в обществе - таким образом могли быть искуплены и отдельные проступки. Таковыми были непреднамеренное убийство или смягчающие обстоятельства,[212] а также нарушение целомудрия Юноны в результате прикосновения *паэлекса* к ее алтарю.[В более серьезных случаях искупление могло быть принято только при отсутствии умысла,[214] как, например, в случае нанесения вреда богу ложной клятвой его именем.[215] Существовал также класс смертных грехов, за которые боги не принимали никакого искупления, кроме жизни и имущества самого грешника. Среди действий, которые вызывали такое *consecratio capitis*, были нарушение отношений клиента и покровителя,[216] жестокое обращение старших с их детьми,[217] вырывание или изменение межевых камней,[218] уничтожение кукурузы соседа ночью.[219] Богом, которого таким образом умиротворяли, часто было то божество, которое считалось особо оскорбленным поступком; но иногда голова и имущество не посвящались одним и тем же божествам. Лицо приписывалось Юпитеру, подателю жизни; земельное имущество - богам, питающим человеческий род, Церере и Либеру.[220] Этот обычай посвящения постепенно перестал иметь буквальное воплощение. Человек все еще мог быть объявлен *священным*, но отлучение от церкви заняло место погребения. Такой человек был отлучен от божественной и, следовательно, от человеческой помощи, а его убийца был лишен крови.[221] Эта теория, согласно которой человек отлучался от общества, а его жизнь сохранялась, имела большое значение в истории римского уголовного права. Она сохранилась в "запрете огня и воды" (*aquae et ignis interdictio*) и познакомила римлян с идеей, что самое суровое наказание не требует жертвования жизнью.

В вопросах частного права мы уже наблюдали присутствие религии в браке, усыновлении, завещании и передаче *священного*. Ее авторитет можно проиллюстрировать на примере формуляров гражданского судопроизводства. Здесь форма слов имела огромное значение, и в ранней Республике все обязательные *формулы*, будь то клятвы, которые должны были иметь силу, обеты или посвящения, были известны только понтифику. Торжественные формы права (*legis actiones*) исходили от той же власти, и в одном из их наиболее частых проявлений, *sacramentum*, процедура носила отчетливо религиозный характер.[222] Но кто может сказать, действовал ли король, когда он давал предписанную форму слов для действия, как религиозный или гражданский глава, как представитель *fas* или *jus*? Здесь мы находимся на границе между ними.

(iii.) Нации не знают общего *jus*, и *fas* является единственной опорой международного права. Каждый народ находится под защитой своих божественных покровителей; поэтому война двух народов - это состязание между их богами, а договор между двумя народами - договор между их соответствующими божествами. Но каждый народ в определенной степени находится под защитой богов другого народа. Юпитер Римский бессилен, если война, начатая Римом, несправедлива, и накажет свой народ, если тот запятнал его честь нарушением договора. Несмотря на отсутствие веры в опекунскую общину, права других народов все равно считаются находящимися под защитой римских богов.

Эти убеждения обусловили необходимость тщательной религиозной подготовки к объявлению войны, чтобы она была справедливой и священной (*justum piumque*),^[223] а также церемонии заключения мира, которая должна была связать общественное сознание (*fides publica*).^[224] Возможно, первоначально такой ритуал совершал сам царь; но традиция гласит, что в очень ранний период для этой цели была назначена специальная гильдия жрецов, фетиалов, или публичных ораторов.^[225] Их главными функциями были объявление войны и заключение мира, но ритуал, соблюдавшийся в обоих этих актах, может быть более уместно описать, когда мы имеем дело с международными отношениями Рима.

Существовали и другие религиозные предварительные условия войны, которые, хотя и не требовались божественным законом, было весьма целесообразно соблюдать, чтобы увеличить шансы на победу. Клятвы (*vota*) приносились родным богам, и чтобы они были действительными, они должны были быть облечены в форму, предписанную Папской коллегией.^[226] А иногда царь перед битвой или осадой произносил заклинание (*carmen*), цель которого - ослабить верность богов врагов их поклонникам и привлечь их на сторону Рима. Он подкупает их храмами, подношениями и почестями особого культа.^[227] Если подкуп окажется эффективным и город падет, он должен выполнить свое обещание. Завоеванные боги принимаются в Риме, и их поклонение гарантируется распределением их культов по патрицианским кланам.^[228] Сохранившиеся примеры этого *devotio* и *evocatio*, естественно, относятся ко времени Республики.^[229] В этот период формы предписываются понтификами. Но древность процедуры не вызывает сомнений. Результаты вызывания со стороны царя, который был своим собственным понтификом, проявляются в местных культах завоеванных городов Лациума, которые рано нашли пристанище в Риме.

Если перейти от религиозных к гражданским полномочиям царя, то легче оценить их масштабы, чем определить точные способы их осуществления. Позднее вера приписывала ему единоличную исполнительную власть в государстве. Римские цари обладали *πᾶσα ἀρχή* и осуществляли *imperium* по собственному усмотрению.^[230] Такие заявления не удивительны, если вспомнить, что подразумевается под *imperium* и что, судя по всему, в период монархии не существовало никаких юридических ограничений на его осуществление. *Imperium* подразумевал сочетание высшей военной и гражданской власти; он объединял юрисдикцию с командованием на войне и включал дальнейшее право общения с народом (*jus rogandi*); в то время как более поздние ограничения этой власти, ограничение должности по времени или коллегиальности, еще не были созданы. Король занимал свой пост пожизненно, и у него не было коллеги; другие должностные лица в государстве должны были быть просто делегатами, которым, согласно строгой теории конституции, он разрешал существовать.

Но если власть короля была юридически свободна от ограничений, а мы не верим, что существовал какой-либо большой свод *законов*, обязывающих его власть, она не могла быть свободна от ограничений, налагаемых обычаем и конституционным правом. Обычное право, обеспечивающее права народа, как говорят, было возведено Сервием Туллем в ранг

позитивного права.[231] Но даже ранние обычаи должны были образовывать своего рода кодекс - такой кодекс, как тот, который содержал понтификальные постановления, известные как *leges regiae*. [232] Именно вера в существование этого раннего обычного права привела к более позднему описанию власти короля как *imperium legitimum*. [233] Среди его конституционных обязательств было обязательство консультироваться с сенатом по любому важному вопросу.

Не приходится сомневаться, что первоначальный совет старейшин (*senatus*) был органом номинантов, выбранных царем в качестве его постоянного совещательного органа (*consilium publicum*). [234] Следовательно, должность сенатора не могла быть пожизненной; не могло быть ни определенного способа достижения этого достоинства, ни претензий со стороны отдельного лица на его сохранение. Новый король мог отказаться от созыва некоторых советников своего предшественника; он мог даже, возможно, менять *состав* своих советников в течение своего правления. В более поздние времена считалось, что свобода выбора была настолько велика, что на членах, которых король "обошел" (*praeteriti*), не лежало никакого клейма [235].

Однако традиция приписывает Сенату определенность, которая не согласуется с идеей чисто произвольного выбора. Его численность в любой момент времени фиксирована, и он в определенной степени является представителем всего патрицианского сообщества, поскольку увеличение числа полноправных бюргеров влекло за собой соответствующее увеличение численности этого органа. [236] Число, первоначально составлявшее 100 человек, [237] было последовательно увеличено до 300 перед закрытием монархии. [238] Двумя очевидными единицами представительства были *курии* и кланы; но последние, благодаря своей большей численности, лучше отражали мнение всей общины, и традиция, похоже, навязывала королю своего рода конституционную необходимость распределять своих советников как можно более равномерно среди патрицианских *родов*. [Таким образом, различие между старшими и младшими кланами было закреплено в процедуре Сената; [240] но влияние клана оставило свой самый сильный след, дав имя членам самого органа. Царь созывал глав семейств (*patres familias seniores*) и, спрашивая их совета, обращался к ним как к "главам домов" (*patres*).

Первобытному сенату приписываются два постоянных полномочия - *patrum auctoritas* и инициирование *интеррегнума*. Ни одна из этих прерогатив не была прямо предусмотрена конституцией, и сенат так и не становится корпорацией, обладающей самостоятельными полномочиями, вплоть до эпохи империи. Традиция упоминает "авторитет отцов" как необходимый для назначения нового короля; из этого можно сделать вывод, что он был необходим и для действительности законов, что, вероятно, не относится к периоду монархии. Как мы уже объяснили, это было законным правом только в той мере, в какой это был крайний случай необходимости для магистрата принимать совет. Возможно, ближе к концу монархии, когда речь шла о выборе преемника трона, обычай превратил его в постоянную прерогативу. *Междущарстие* опирается на несколько иную основу; это была власть, которая, согласно религии, должна была находиться в руках всего патрицианского сообщества; обычай делегировал эту власть патрицианскому сенату; так что здесь мы снова имеем прерогативу, которая полностью опиралась на обычай.

Менее постоянной привилегией, чем эти, был, вероятно, контроль над внешней политикой. Формула Фетиалов, которая, как говорят, датируется их учреждением во времена монархии, содержит следующее положение: "Но по этим вопросам мы будем советоваться со

старейшинами дома, как нам добиться наших прав"[241]. Таким образом, король был обязан советоваться с сенатом по всем вопросам, затрагивающим международные отношения государства. Для объявления войны, возможно, даже этого было недостаточно. Традиция считала, что в этом вопросе необходимо обращаться к народу, собравшемуся в *comitia curiata*[242].

С другой стороны, право заключать договоры (*foedera*) с государствами не могло быть ограничено таким образом. При заключении мирного договора сенат и, возможно, народ советовались; но это вряд ли могло иметь место при заключении договора, завершающего войну и заключенного на поле боя. В Республике сохранилось теневое и спорное право *императора* на поле боя заключать договор, который должен связывать народ. Это право отрицалось, но только на том основании, что генерал не может принести клятву, обязательную для общественного сознания. Но король был одновременно и генералом, и первосвященником; он, несомненно, мог принести эту клятву даже без помощи своих слуг, фетиалов.

Были и другие проявления власти короля как полководца, которые народ не мог контролировать. Одним из них было распоряжение добычей, взятой на войне, и завоеванными землями,[243] и утверждения, фиксирующие это право, находят поддержку в республиканских свидетельствах. Контроль над военными трофеями (по крайней мере, над их движимой частью) принадлежит республиканскому генералу, который подчиняется совету своего военного совета и иногда последующей ратификации сенатом. Первое условие могло быть необходимым во времена монархии, но вряд ли второе.

Военный совет был разновидностью небольших специальных *советов (consilia)*, которые король, несомненно, использовал для консультирования в различных сферах управления; и такие специальные советы должны были выбираться из большого *общественного совета (consilium publicum)*, сената. Одним из наиболее важных из них был тот, который обеспечивал его оценщиков в юрисдикции. О том, что в более важных делах, рассматриваемых лично царем, стало принято привлекать некий *консилиум*, говорит обвинение, выдвинутое традицией против Тарквиния Суперба, в том, что он пренебрег этой важнейшей гарантией справедливости. 244] В светской уголовной юрисдикции царя такой совет, без сомнения, должен был быть взят из сената. В религиозной юрисдикции, которую мы уже рассматривали, понтифики должны были быть совещательным советом.

Сенаторы также должны были в основном выбираться как делегаты царя, за исключением, возможно, тех, кто назначался для подчиненного командования на войне;[245] там в первую очередь обращали внимание на военную пригодность.

Главным из этих делегатов был префект города (*praefectus urbi*), *альтер эго*, которого царь оставлял в столице, когда сам отсутствовал в поле. 246] Ему должна была быть делегирована вся исполнительная власть, а вместе с ней право и обязанность советоваться с сенатом. Маловероятно, что право спрашивать народ было или могло быть делегировано.[247] В уголовной юрисдикции, как полагают, было сделано различие в делах, передаваемых на рассмотрение царю; более важные рассматривались им лично, менее важные передавались судьям, выбранным из сената.[248] Это может быть зародышем различия, которое, как говорят, было усовершенствовано Сервием Туллеем. Преступления, затрагивающие общественное благосостояние, он разбирал сам; преступления, совершенные в отношении частных лиц, он поручал другим[249].

Этот принцип делегирования упоминается только в связи с уголовной юрисдикцией. Но каковы бы ни были его масштабы, он обуславливал необходимость предоставления

магистратом своему делегату *формулы* или *lex*, которая являлась выражением *jus*. Это *jus*, "то, что правильно или подобает", выражало порядок общества, реализуемый через человеческое агентство, а не непосредственно через божественную волю.[250] Возможно, что даже в раннем Риме оно рассматривалось как право, способность действовать (*facultas agendi*) или свобода, которой пользуется один человек против другого, отдельные лица против корпораций или корпорации против отдельных лиц. Дифференциация между правами государства и правами индивида, всегда обозначавшаяся в процедуре задолго до того, как она была сформулирована в теории, нашла свое выражение в изменении, которое традиция приписывает Сервию.[251] Но четкой линии разграничения между этими двумя сферами никогда не существовало. Многие из того, что мы называем уголовным правом, в Риме относилось к гражданским искам, зависящим от частной инициативы, и такие иски в ранние времена мог подавать только глава семьи. Но в той мере, в какой у ранних римлян существовало уголовное право, в той мере, в какой преступление против личности могло рассматриваться как зло, причиненное обществу, это право было частью *jus publicum*.

Король был единственным выразителем этого чувства нарушенного права и единственным толкователем *jus*, установленного обычаем или законом. Над наказанием он, вероятно, почти не имел контроля. Оно было предписано в его постановлении и приводилось в исполнение его ликторами; но в различных формах - смерть в *беседке infelix* или с Тарпейской скалы - оно было установлено *mos majorum*. Судебный процесс представлял собой личное расследование (*quaestio*), проводимое королем с помощью избранных советников, и он мог сам вынести решение. Но иногда его решение было обусловлено. Он указывал преступление, по которому должен был быть судим обвиняемый, и наказание, которое должно было быть применено, но оставлял выяснение фактов своим делегатам.[252] Два таких класса делегатов относятся к царскому периоду: *duumviri perduellionis* и *quaestores parricidii*. [253]

Возможно, делегаты обращались к королю, но традиция не приписывает королю никаких полномочий по помилованию. Вопрос о том, существовала ли где-нибудь власть помилования, зависит от нашей интерпретации суда над Горацием,[254] который, как считается, представляет собой архетип *provocatio*. Из этой истории вытекает мнение, часто высказываемое другими авторитетами,[255] что апелляция к народу существовала в царский период, но с поправкой на то, что у граждан не было постоянного права апелляции к королю, подобного тому, которое обеспечивалось республиканскому магистрату *lex Valeria*. Царь, Тулл Гостилий, разрешает апелляцию.[256] Ранняя диктатура также была освобождена от необходимости разрешать ее, и в одном случае прецедент Горация был использован для того, чтобы показать, что, как царь разрешил, так и диктатор должен разрешить апелляцию.[257] Но диктатура - это возрождение *военной* стороны монархии с военной юрисдикцией, которую царь осуществляет над Горацием. Вполне возможно, что до конца монархии обычай устанавливал различные сферы уголовной юрисдикции для народа и короля соответственно;[258] в некоторых народ мог иметь право быть судьей в последней инстанции, и именно идея отзыва дела в другой суд предлагается словом *provocatio*, а не современная идея помилования.[259] В других сферах король мог судить один; *provocatio* здесь - это акт милости. Однако, если учесть масштабы военной и религиозной юрисдикции короля, компетенция народа должна была быть невелика;[260] а сам *provocatio* может быть порождением позднего монархического периода, результатом обычая, основанного главным образом на разрешении короля.

Гражданская юрисдикция, как говорят, основывалась на решении короля.[261] Насколько эта королевская юрисдикция была личной, мы не можем сказать, но при любых обстоятельствах король был главным источником *jus privatum*, поскольку только он и его понтифики знали формулы иска,[262] наиболее точная устная точность которых была необходима для успешного ведения дела. Вероятно, во многих случаях король давал лишь формулу иска, то есть постановление по закону, а затем передавал дело частному судье или арбитру (*judex privatus, arbiter*), тем самым иллюстрируя (хотя, возможно, и не в тех масштабах, которые были признаны в эпоху Республики) фундаментальное разделение судебной процедуры на *jus* и *judicium*. Это разделение юрисдикции, вероятно, является примитивным, а не, как иногда считают, модификацией, привнесенной позднейшей монархией.[263] Даже в республиканские времена *judex* выбирался по согласию сторон.[264] Он был арбитром между тяжущимися сторонами, согласованным на основе взаимного договора,[265] и результатом понятия самопомощи, столь заметного в раннем греческом и римском праве. Но тот, кто знает формы иска, должен стоять рядом и следить за тем, чтобы слова этих форм были правильно повторены. Таким хранителем *jus* является король или один из его понтификов. Таким образом, в конечном итоге государственный чиновник приходит к помощи при назначении судьи. Отсюда всего лишь небольшой шаг к тому, чтобы дать формулу действия, которая устанавливает право в данном случае, и предоставить судье решать вопрос о фактах.

§ 6. Конституция Сервия

За некоторое время до окончания монархии стала ощущаться абсурдность существующих конституционных механизмов. В вопросах частного права не было ни одного существенного различия между свободным плебеем и патрицием, а значительная часть плебса, возникшая из клиентелы, фактически находилась в состоянии независимости. Хотя их владение землей могло быть ненадежным, а право выступать от своего имени в судебных инстанциях - сомнительным, было практически невозможно избежать появления полной собственности там, где господин не заявлял о своем праве на протяжении многих поколений, или запретить личное исполнение требований там, где первоначальное покровительство было давно забыто или утрачено в связи с исчезновением патрицианской семьи, от которой зависел первоначальный клиент. На самом деле, невозможно сказать, где заканчивается класс свободных плебеев и начинается класс защищенных плебеев. Для целей, предусмотренных предстоящей реформой, носящей имя Сервия Туллия, было лучше, чтобы они рассматривались как равные и чтобы оба класса составляли единый орден. Суть этой реформы, по сути, сводится к признанию *равенства прав на земельную собственность*. Владение римской землей *ex jure quiritium* было гарантировано всему плебейскому ордену - возможно, даже тем зависимым и освобожденным рабам, чья клиентела, а значит, и шаткое владение землей, были патентованными;[266] а в отношении прав *commercium* орден был поставлен на один уровень с патрициатом.

Пока что цель реформы, по-видимому, заключалась в предоставлении привилегий определенным классам плебеев. На самом деле смысл ее был совершенно иным. Намерение реформатора - которое объясняет ту готовность, с которой изменения были приняты патрициями[267], - состояло в том, чтобы наложить бремя на всю плебейскую общину. Признание прав собственности было необходимым предварительным условием для введения налогов и полной квоты военной службы. *Патриции*, приветствовавшие такое распределение бремени, не предвидели, что из этих обязательств вытечет новый ряд прав, который подорвет их монополию на политическую власть.

Плебеи впервые были признаны, в некотором смысле, членами государства. Первой проблемой был выбор средства, с помощью которого они должны были быть включены в него; ведь простое членство в государстве, не основанное на принадлежности к какой-то низшей единице, было немыслимо для греко-римского мира. Многие плебеи не имели родов, поэтому их нельзя было сделать членами трех первобытных племен,[268] а когда вопрос об изменении был впервые поднят, то, вероятно, по той же причине, их сочли невозможным сделать членами *курий*. [269] Необходимо было придумать новые племена, которые включали бы всю общину. Главное бремя налогообложения, которое теперь возлагалось в равной степени на все классы, должно было лечь на землю. Что может быть естественнее, чем то, что трибы должны быть территориальными подразделениями, определенными таким образом, чтобы включать всю территорию, находящуюся в собственности римского народа? Установлено, что племена, которые специально названы местными,[270] включали только ту землю, которая была предметом квинритской собственности,[271] и из этого факта следует вывод, что вся земля, подлежащая квинритской собственности, была включена в состав племен. Поскольку считается, что племена Сервия включали в себя только сам город, обнесенный сервийскими стенами,[272] такая точка зрения приводит к поразительному выводу, что за пределами города не было земли в частной собственности, поскольку его границы были установлены Сервием, - что земля за его пределами, если она не была *ager publicus*, принадлежала какой-то более крупной корпорации, такой как *gens*. [273] Но такой вывод крайне неправдоподобен; именно развитие частной собственности привело к появлению богатого плебея, который часто не имел рода и не мог владеть землей совместно с другими, и такой владелец был наименее вероятным человеком в мире, чтобы иметь землю в городе или рядом с ним, даже если его границы были установлены Сервием.

Следовательно, если, как кажется, дело обстояло именно так, племена включали всех землевладельцев, они должны были простирались далеко за пределы города. Наши власти знали их в то время, когда их названия действительно сохранились, но когда они стали строго городскими подразделениями, полностью отделив деревню от городских племен. Если мы верим в городской характер четырех первоначальных *триб*, мы должны принять ясно выраженное, но в целом дискредитированное мнение, сохраненное Дионисием, что кроме этих четырех триб, которые охватывали только город, Сервий учредил двадцать шесть других, которые охватывали загородные районы[274].

Мнение о том, что четыре трибы[275] включали в себя загородные районы, предпочтительнее, и оно не противоречит ни тому факту, что они определенно обозначали части города, ни даже возможности того, что они были каким-то образом привиты к более древнему делению на *рамны*, *титии* и *луцеры*. [276] Местные образования искусственного характера, не зависящие от сопоставления, не неизвестны в раннем законодательстве; они встречаются в почти современной работе Клисфена Афинского. Но даже эта гипотеза излишня; каждое племя могло простираться непрерывно с вполне определенными границами за пределами городских стен. Деревенские части этих племен были на время полностью утрачены в результате опустошительных войн, последовавших за изгнанием царей, а когда *ager Romanus* был вновь восстановлен, была принята новая организация. Территория за стенами была разделена на деревенские племена,[277] и их число росло по мере распространения завоеваний Рима. Четыре названия сервских племен сохранились только для обозначения районов внутри города.

Хотя племена представляли собой разделы земли, и люди записывались в то племя, в котором находился их земельный надел,[278] нет веских оснований соглашаться с

бытующим мнением, что безземельный гражданин не записывался в племя.[279] Обычно предполагается, что единственной целью сервских племен была система регистрации для налогообложения и военных сборов. Если это так, а мы считаем, что эти повинности налагались только на земельную собственность, то отсюда следует, что *трибунами* были только владельцы земли. Но нет никаких свидетельств того, что их сфера деятельности была столь ограничена. Судя по всему, они были подразделениями *римского населения*, а лишенный наследства или разорившийся патриций, потерявший свою землю, все еще является членом этого *населения*. Племя, к которому принадлежал безземельный человек, зависело от его местожительства; именно местное положение человека в племени, а не земля, которой он владеет, служит критерием его членства и политических прав, которые оно впоследствии дает[280].

Система регистрации, которая была центральной идеей сервских реформ, по сути, была военной. Она признавала только тех людей, которые были пригодны к службе по богатству, рассматривала их как составляющих армию (*exercitus*) и делила эту армию на две ветви - пехоту и кавалерию. Эта военная организация признавала один первичный и два вторичных принципа в качестве основы классификации; первым было богатство, вторым - возраст, третьим - подразделение в стратегических целях, в качестве военной единицы использовалась "сотня" (*centuria*).

На данный момент мы можем не обращать внимания на кавалерию и сосредоточить свое внимание на основной массе горожан, составляющих пехоту. Они разделены на пять подразделений, которые в более поздний период стали называться *классами*. Основой деления было богатство, и решающий вопрос - "какое богатство?". Почти наверняка это не могло быть богатство, исчисляемое в деньгах. Хотя Рим был морским портом и торговым государством, сомнительно, что в это время в ходу были даже старые либры, которые использовались в качестве средства обмена по весу;[281] поэтому подробные отчеты о денежных оценках, с помощью которых были установлены классы, должны относиться к более позднему периоду истории этой организации. Альтернативой, которая была предложена, является земля.[282] Не было бы трудностей в принятии этой замены, параллельной аналогичной организации Солона, если бы не то, что гипотеза игнорирует источники богатства, которые раннее римское право, кажется, классифицировало с землей, то есть рабы и одомашненные животные. Эти *res mancipi* являются таким же объектом квинтской собственности, как и земля, и могут существовать без нее. Человек мог не владеть землей, но быть богатым скотом и овцами, которых он загонял на *общественный пастбище*, или рабами, занятыми в производительных ремеслах,[283] и государство было заинтересовано во всем, что находилось в надлежащей собственности и было предметом оценки (*res censui censendo*);[284] перепись сервов должна была основываться на *res mancipi*, и в определенной степени это была перепись на основе валюты, поскольку скот (*pecus*) был признан средством обмена (*pecunia*).

На основе такой переписи было выделено пять классов; перепись каждого из них, с точки зрения более поздней оценки, которая, вероятно, выражалась в *ассах секстантариев*, составляла соответственно 100 000, 75 000, 50 000, 25 000, 11 000 ассов.

Каждое из этих подразделений делилось на два в зависимости от возраста: *juniore*s (от восемнадцати до сорока пяти лет) составляли эффективную боевую силу, *seniore*s (от сорока пяти до шестидесяти лет) - домашнюю оборону. Последнее деление - на военные единицы, столетия (*centuria*), номинально состоящие из ста человек. Это была минимальная

численность низшего подразделения, но список переписи представлял не эффективную боевую силу легиона, организованную для сражений, а численность, пригодную для службы; поэтому столетия определенного класса были увеличены до квоты, необходимой для включения всех членов этого класса. Численное соотношение веков разных классов друг к другу очень поразительно. Века первого класса (восемьдесят) почти равны векам четырех других классов вместе взятых (в общей сложности девяносто). Если бы эта таблица отражала реальное соотношение социальных классов друг с другом, она показала бы удивительно равное распределение земли в государстве, настолько равное, что большинство землевладельцев можно было бы отнести к одному классу, поскольку в списке были бы представлены в основном владельцы земли (другие *res mancipi* обычно не отделяются от ее владения). Но пропорции классов могут свидетельствовать лишь о том, что веками более богатые граждане по-прежнему считались более постоянной силой, а остальные подразделения, не намного более многочисленные, хотя и составленные из более многочисленного населения, были лишь дополнительными. Мы знаем, что представители первого класса были более прекрасно экипированы,[285] и факт того, что они составляли основную силу армии, был бы доказан, если бы было верно, что только этот класс был изначально *classis* ("линия") и что все остальные были *infra classem*[286].

Как видно из прилагаемой таблицы переписи, масса граждан, чье имущество было ниже имущества низшего класса, не была полностью лишена средств к существованию. Они были организованы, согласно Ливию, в шесть, согласно Дионисию - в пять веков. Некоторые из них состояли из профессиональных людей, чьи услуги были незаменимы для армии и которые, возможно, были членами торговых гильдий (*collegia*), которые, как говорят, существовали в царский период.[287] Таковы были плотники (*fabri*), составлявшие два века, и рога носцы и трубачи (*cornicines* и *tibicines*), составлявшие по одному веку.

КЛАССИФИКАЦИЯ СЕРВОВ

Кавалерия

18 веков, без фиксированного имущественного ценза.

Пехота

1-й класс.	100 000 ослов (Ливий и Дионисий), [288] 120 000 ослов (Плиний и Фест). [289]	
	Сеньоры - 40 центов. }	80
	Juniores, 40 cent. }	
2-й класс.	75 000 ассов (Лив. и Дионис.).	
	Сеньоры - 10 центов. }	20
	Юниоры, 10 центов. }	
3-й класс.	50 000 ослов (Лив. и Дионис.).	
	Сеньоры, 10 центов. }	20
	Юниоры, 10 центов. }	
4-й класс.	25 000 ассов.	
	Сеньоры, 10 центов. }	20

	Юниоры, 10 центов.	}	
5 Classis-	11 000 ассов (Лив.), 12 500 (Дионис. 12½ мины).		
	Seniores, 15 cent.	}	30
	Juniores, 15 cent.	}	
Фабри - 2 цента. (голосование с 1 классом, Лив.; со 2 классом, Дионис.)	6 цент. (Лив.).		
	5 цент. (Дионис.).		
Accensi, cornicines, tibicines, 3 cent. (Лив.), 2 цент. (Дионис.) (голосование с 4-м классом, Дионис.).			
Capite censi, 1 цент.			
Всего, 193 века (Дионис.), 194 (Лив.).			

ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ

В интерпретации Моммзена,[290] который считает, что цифры даны в *ассах секстантариев* [т.е. *ассах* весом в две унции -1/6 либрала, как (более поздний *сестерций*)].

Согласно интерпретации Белота,[291] который считает, что цифры даны в *ассах либралов* (более поздних *сестерциях*).

	Старший как (¼ денария)	Более поздний (около 269 г. до н. э.) эквивалентен □ денария	
1-й класс	40,000	100,000	100,000
2-й "	30,000	75,000	75,000
3-й "	20,000	50,000	50,000
4-й "	10,000	25,000	25,000
5-й "	4,400	11,000	12,500

Другой век был образован *accensi* или *velati*. Это были люди без тяжелых доспехов, которые могли быть зачислены в армию по необходимости (*adscripticii*), или же они шли в бой как легковооруженные войска, готовые в любой момент принять доспехи и места павших легионеров.[292] Для этих трех групп не требовалось имущественного ценза, поскольку их место в армии этого не требовало. Но к ним Ливий и Дионисий добавляют еще один непрофессиональный класс, век *пролетариев*, который включал всю массу людей, не записанных в *сословия*. [293] Если, однако, мы верим в первоначально военный характер организации, для этого класса, кажется, нет места, которое не было бы уже заполнено *accensi* и *velati*. В более поздний период *accensi* стали более определенным органом, выступая в качестве помощников магистратов и образуя корпорацию с определенными иммунитетами,[294] и в этот период *proletarii*, возможно, были признаны в качестве класса, подлежащего налогообложению, которое было ниже минимального ценза. Но они, вероятно, не принадлежат к первоначальной сервской организации.

Граждане, включенные в переписной лист, назывались *классиками* (*classici*), о них говорили как о *locupletes* и *assidui*, причем последнее слово, вероятно, означало людей, "осевших на земле", "землевладельцев", каковыми и было большинство тех, кого первоначально

зачислили в *классы*.^[295] Остальные были гражданами с детьми (*proletarii cives*). Использование переписи для целей налогообложения дало этому классу другие названия. В отличие от *assidui*, которые регистрировались по их имуществу, они назывались *capite censi* как зарегистрированные по их *caput* или просто как главы семьи; и далее, когда обложение распространялось ниже минимальной переписи, о них говорили как об *aerarii*, поскольку их участие в тяготах государства проявлялось только в уплате налогов (*aes*). Слово *aerarii*, по-видимому, всегда обозначало тех, кто не входил в список переписи^[296].

Кавалерия была адаптацией старого патрицианского корпуса *equites*^[297] к новым условиям. Шесть первоначальных веков были сохранены и состояли, как и прежде, из патрициев;^[298] они по-прежнему носили имена древних племен и назывались соответственно *Titienses*, *Ramnes*, *Luceres*, *priores* и *posteriores*.^[299] Они продолжали называться *sex centuriae*, или (после того как века получили право голоса) *sex suffragia*.^[300]

К ним добавились двенадцать новых веков (*centuriae equitum*), состоявших, как и *сословия*, из патрициев и плебеев. Но, в отличие от *классов*, они не зачислялись по имущественному цензу. Это объясняется тем, что они представляли собой не список мужчин, пригодных к службе, а собственно службу, постоянный корпус, отбираемый королем, расходы которого в значительной степени покрывались государством. В более поздние времена каждый рыцарь при вступлении в корпус получал средства для обеспечения себя парой лошадей^[301] (*aes equestre*), а также регулярную денежную сумму на их содержание (*aes hordearium*), причем последняя выплачивалась за счет незамужних женщин и сирот, которые обладали имуществом, но по природе дела не могли быть причислены к переписи^[302].

Каждый из этих веков формировал отряд в сто человек под началом *центуриона*,^[303] и эти восемнадцать веков римских рыцарей с общественными лошадьми (*equites Romani equo publico*) оставались неизменными по численности и (за исключением того, что *половые суфражи* перестали выбираться из патрициев) по характеру до конца Республики. Хотя для этого сословия не требовалось определенной переписи, оно, вероятно, с самого начала выбиралось из самых богатых и знатных граждан; ведь его постоянное существование подразумевает наличие досуга. По возрасту сословие не делилось на *seniores* и *juniore*s по очевидной военной причине. Все они были *юниорами* и, вероятно, молодыми людьми, которых освобождали от веков, как только возраст снижал их работоспособность.

Эта центуриатная организация, похоже, практически не связана с четырьмя сервскими племенами,^[304] кроме того, что основой квалификации была земля, и что вся земля, являвшаяся частной собственностью, была зарегистрирована в племенах. Первичным значением этого термина было собрание и регистрация военнообязанных. Вторичное значение он приобрел, когда (в какой период, мы не знаем, но, возможно, с момента его первой организации) он стал использоваться как схема сбора налогов с зарегистрированного богатства граждан в *классах*. Акт регистрации (*переписи*) был торжественной религиозной функцией, которую проводил король. Он проводил нумерацию своего воинства, следил за тем, чтобы каждый воин соответствовал своему рангу, исключал из этих рядов людей, запятнавших себя грехом, а затем завершал осмотр церемонией очищения (*lustrum*). Только в связи со сбором налогов, налагаемых этим сбором, племя имело значение. Века были военными единицами, которые распадались, как только распускалась армия; племя было постоянным, поэтому военный налог (*tributum*), возможно, с самого начала собирался председателями племен^[305].

Передача политических прав от патрицианского корпуса этому новому собранию была настолько далека от мотива изменений, что, вероятно, никогда и не предполагалась. Но

такая передача была неизбежна по самой природе вещей. Помимо общего факта, что гражданская армия должна получить перевес в политической власти, существовали определенные государственные акты, которые с самого начала неизбежно выполнялись собранием веков, или очень скоро выяснилось, что они выполняются этим собранием быстрее, легче и правильнее, чем *comitia curii*.

Во-первых, клятва верности королю, впервые выраженная в *lex curiata*[306], могла быть возобновлена при каждой переписи. Теперь это выражение верности, о котором просил магистрат, стало *lex centuriata*[307].

Во-вторых, большинство народных изречений или *законов* раннего Рима должно было касаться военных вопросов, и удобство, если не чувство последовательности, должно было вскоре продиктовать, что они должны произноситься армией. Выбор офицеров оставался за царем; но если для назначения высших делегатов требовалась ратификация народа,[308] то вскоре она должна была быть предоставлена веками. Царская юрисдикция, которую народ оспаривал с помощью *provocatio*, по сути, является военной юрисдикцией;[309] и, следовательно, осуществление этой юрисдикции, когда король разрешил апелляцию, должно было вскоре считаться принадлежащим армии. Именно этому собранию надлежало объявить о предложении объявить войну[310]; именно этому собранию, представлявшему налогоплательщиков, надлежало назначить военный налог (*tributum*).

Мы не можем проследить последовательные шаги в приобретении власти на протяжении веков или ее превращении из армии в *комицию*. Они должны были стать главными политическими изменениями, наполнившими последние годы монархии и первые дни Республики; ведь даже сама отмена монархии, какой бы революционной она ни была, была меньшим изменением в структуре конституции, чем этот переход атрибутов суверенитета от одного собрания к другому, от единого к смешанному порядку. *Комиция куриатов* не была внезапно лишена своих полномочий; но организаторский гений одного верховного магистрата подготовил почву для перемен, которые стали прообразом постепенных неощутимых революций, через которые предстояло пройти Риму.

Перемены, завершающие историю этого периода, хотя и не были столь радикальными, но были гораздо более внезапными и бурными. Сама монархия была свергнута. История попыталась снабдить эту революцию всеми правовыми основаниями и юридическими формами, которые она могла призвать на помощь. Сервию пришлось в голову завершить свою демократическую деятельность установлением полного *imperium*;[\[311\]](#) а Таркин Гордый, последний из великой этрусской династии, нарушил конституционные устои монархии[\[312\]](#) и правил, не оспаривая верности народа.[\[313\]](#) То, что существовали некоторые страшные злоупотребления королевской властью, проявлявшиеся в ассоциациях, возникавших вокруг слов *rex* и *regnum*, и в клятве, которая делала любого, кто стремился к монархии, преступником,[\[314\]](#) мы можем без колебаний допустить; ведь Рим, как показывает власть, которую он продолжал вверять своим магистратам, еще не перерос идею королевской власти. Но конституционного способа сместить царя не существовало. Эгида вернулась к отцам в недозволенном виде, и война, которую вели Таркин и Этрурия, - это война за сохранение принципа божественного права. Но Рим все же придерживался мнения, что божественность магистратуры все еще сохраняется; эгида снова покинула руки отцов и была передана двум гражданам, выбранным из *патрициев*[\[315\]](#).

ГЛАВА II

РОСТ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

Два новых магистрата, назначенные на пост главы государства, были, как и король, вооружены *imperium* с его объединенными полномочиями военного руководства и юрисдикции. Поэтому они носили старые титулы *преторов* и *судей*,^[316] а от тех наименований, которые обозначали единоличное верховенство в государстве, таких как *диктатор* или *magister populi*, пришлось отказаться. Новые магистраты должны были занимать свой пост в течение года, а затем передавать свою власть двум преемникам. Но их право на назначение не было окончательным. Они, правда, были вольны назвать в качестве своих преемников тех, кого пожелают, но это назначение должно было быть немедленно утверждено народом, собравшимся в их столетиях; и, возможно, от них уже ожидали, что они представят в эту *comitia* имена всех кандидатов, предлагавших себя на этот пост, хотя они, конечно, могли отказаться принять такие имена,^[317] и выдвижение, или, как его иногда называли, *creatio*, было существенной частью ранних консульских выборов. Таким образом, в римскую конституцию была введена новая практика прямых выборов, но это было лишь усовершенствованием предыдущей практики утверждения кандидатуры^[318]. Гораздо более новой идеей, которая отличала консульство от монархии и продолжала отличать его от созданной впоследствии диктатуры, была идея *коллегиальности*^[319], когда два должностных лица осуществляли совершенно одинаковую сферу компетенции, что неизбежно приводило к столкновению, если не удавалось достичь согласия. Вечного столкновения удалось избежать благодаря простому правилу, согласно которому несогласие одного магистрата делало недействительным действие его коллеги. Но если такое несогласие не было выражено (или не могло быть выражено из-за отсутствия коллеги), повеление одного магистрата имело обязательную силу для общины. Его царственная компетенция не уменьшалась, а лишь потенциально ограничивалась присутствием коллеги. Коллегиальность, рассматриваемая как защита от злоупотреблений *imperium*, настолько прочно вошла в народное воображение как характерная черта новой должности, что прежние титулы, заимствованные из монархии, уступили место титулам *консулов*^[320].

Но этого ограничения было недостаточно. Неограниченная военная юрисдикция магистрата, как считалось, не соответствовала новому *режиму*. Первым из консулов П. Валерием был принят закон, позволявший в веках обжаловать любой приговор магистрата, вынесенный против жизни римского гражданина. Этот *lex Valeria* (509 г. до н. э.) завершил народную юрисдикцию, которая росла во времена монархии,^[321] и с этого времени никакая власть, кроме народа, не имеет права выносить окончательный смертный приговор в стенах города;^[322] за пределами этой сферы военная юрисдикция консула может быть утверждена без апелляции - отсюда различие между *imperium* дома (*domi*) и за границей (*militiae*); границей между сферами первоначально был *pomerium*, позже - первая веха от города.^[323] Без этого предела топоры носятся в пределах *fascis*, в его пределах они откладываются. Традиция добавляет, что именно это окончательное признание народного суверенитета привело к обычаю консула опускать *фасции* перед народом, когда он к нему обращался.^{324]} Не похоже, что это великое изменение было навязано высшим органам государства какими-либо народными волнениями. Она не является частью плебейского движения. Сенат и народ, патриции и плебеи должны были в равной степени принять как неизбежность гибель власти, которая в период монархии превратилась в тень.

Переход от монархии также стал свидетелем первой попытки ослабить единство исполнительной власти. Консулы получили двух генеральных помощников - ежегодно назначаемых *квесторов*. Мы уже обращали внимание на традицию, которая относит этих

чиновников к царскому периоду,[325] но она не полностью противоречит той, которая представляет их как часть новой конституции 509 года. Из временных делегатов они превратились в постоянных помощников консулов. Их сфера деятельности была столь же неограниченной, как и у самих консулов; они должны были просто исполнять его приказы. Но два отдела, в которых они представляли верховную магистратуру, должны были заметно выделяться с самого начала. Это были уголовная юрисдикция и финансы.[326] "Городские квесторы" (*quaestores urbani*), как их впоследствии стали называть, чтобы отличить от их провинциальных коллег, были известны как *quaestores parricidii*[327] и *quaestores aerarii*. В своем первом качестве они были делегатами, которых магистрат привлекал к уголовной юрисдикции, вероятно, занимая в отношении процедуры то же место, что и *дуовиры* в процессе Горация. [328] Обозначение *parricidii*, однако, может показывать, что они привлекались к таким уголовным делам, которые не затрагивали непосредственно благосостояние государства,[329] и рядом с ними *дуовиры perduellionis* вновь появляются через определенные промежутки времени в период ранней Республики. Обычно считается, что их финансовые функции подразумевают существование государственной казны (*aerarium*). Традиция приписывает первому консулу Валерию Публиколе ее учреждение и делает квесторов хранителями ее богатств и, вероятно, архивов.[330] Общественный сундук Рима, должно быть, был достаточно примитивным делом в те времена, когда чеканные деньги не были в общем употреблении; но не исключено, что в это время финансы стали определенным отделом. Это уже не могло быть чисто внутренним делом; земли царей стали коронными землями государства; череда войн, в которые был втянут Рим, должна была сделать необходимым постоянный сбор военного налога; никому не могло быть более естественно поручено контролировать и распределять доходы, чем постоянным делегатам консулов; и формализм римского характера заставляет нас поверить, что консулы имели регулярные способы действовать через своих квесторов, и что эти должностные лица ограничивали власть своих хозяев. Не исключено, что первоначально квесторы назначались консулами без прямого вмешательства народа, но это не исключает ратификации выбора народом. [331] Только около 449 года их выборы были переданы вновь созданной *комиции* племен.

И как консулы назначали своих делегатов, так и продолжалась царская традиция, по которой они назначали членов своего государственного совета, Сената. В выборе членов они были юридически так же неограниченны, как и король, и могли созывать новых членов или не созывать тех, кто уже был в списке.[332] Согласно закону, состав Сената теперь мог меняться ежегодно. Но обычай, видимо, был сильнее закона. Орган приобрел определенность в своей конституции, основанную на его представительном характере и, вероятно, на фактическом пожизненном членстве, которую нелегко было уничтожить, а консул имел под боком коллегу, который мог сдерживать любую попытку капризного смещения или выбора. Непродолжительный срок пребывания в должности уже должен был заставить магистрата не желать пользоваться властью, которую в ближайшем будущем можно было так легко обратить против себя. Дискреционная власть магистрата сделала бы возможным выбор плебеев, теперь, когда они обладали всеми основными правами полноценного гражданства:[333] но не похоже, что этот выбор мог осуществляться часто, если вообще мог осуществляться. Патрицианские кланы имели тесную наследственную связь с сенатом; *междоусобица*, которое заключалось в передаче покровительства *от патрициев*, давно было одной из его привилегий, и предрассудки патрицианской магистратуры вряд ли позволили бы ей проникать в низший орден советников. Если есть доля правды в истории о том, что после отмены монархии поредевшие ряды *patres* были вновь увеличены до 300 человек за счет включения в них лиц, прошедших специальную регистрацию (*adlecti* или *conscripti*),[334] то эти добавленные члены, вероятно, как и их предшественники, были

патрициями. Это значительное увеличение (по некоторым данным, до 164 членов) породило временное различие между старыми и новыми членами, которое - выраженное в формуле призыва "qui patres, qui conscripti (estis)" - в конце концов слилось в общее название "отцы-призывники". "[335] Возможно, это выражение возникло в результате отказа или изменения какого-то первоначального принципа отбора; но если считать, что *conscripti* применимо исключительно к плебейам, то для происхождения этого термина следует принять более позднюю дату, чем начало Республики[336].

История последующих ста пятидесяти лет показывает, что сенат является оплотом патрицианских предрассудков. Власть, от которой плебеи пытаются освободиться, - это *patrum auctoritas*, и магистратура вскоре должна была уступить требованиям новых бюргеров, если бы ее не поддерживал патрицианский совет. Однако в период ранней Республики сенат был властью, явно второстепенной по отношению к магистратам. Двумя его несомненными прерогативами были *interregnum* и *patrum auctoritas*. Первая осуществлялась, возможно, даже более редко, чем при монархии, поскольку к ней нельзя было прибегнуть, если один из двух консулов не мог назначить преемника. Вторая власть, с другой стороны, должна была стать гораздо более формальной, чем во времена монархии. Тогда это было не более чем требование совета, чтобы с ним советовались по важным делам; [337] теперь оно выдвигалось как неотъемлемая часть процедуры государства; оно оформлялось после голосования в собрании, и ни один закон или выборы не могли быть действительными, если они не получили формального согласия *patres* после того, как прошли через народ. Мы не можем проследить расширение других полномочий сената; но мы должны предположить, что он занял более независимое положение перед лицом консулов, чем при царе. Возможно, создание казначейства и финансовых квесторов, которые могли быть выбраны из совета, привело к его первой связи с финансами. Новое значение, которое приобрели внешние дела в постоянных войнах, в которые Рим был вовлечен с народами Италии, несомненно, должно было усилить контроль над этим ведомством.

Но в целом самый ранний период истории Республики - это эпоха власти магистратуры. Традиции монархии были настолько мало забыты, что через восемь лет после установления республики царская власть в измененном виде была восстановлена. [338] В 501 году до н. э., во время войны с латинянами, консулы назначили человека с царским титулом и полномочиями. Подразумевалось, что этот *magister populi*, или, как его стали называть впоследствии, *диктатор*, [339] должен оставаться у власти только до тех пор, пока длится опасность; поскольку опасность изначально была военной, максимальным сроком пребывания на этом посту считалась одна кампания продолжительностью шесть месяцев. В течение этого времени он должен был осуществлять полный регентский *imperium*, как в городе, так и за его пределами, и сопутствующую военную юрисдикцию без права обжалования. Первоначально он понимался как чисто военный чиновник и командующий пехотой; командование кавалерией он поручал магистрату, который, по аналогии с магистратами монархии, был его делегатом и носил титул "хозяина коня" (*magister equitum*). [340] Диктатура задумывалась как чисто военная должность, и, хотя в позднейших конституциях она иногда использовалась для других целей, никогда не теряла своего примитивного характера. Хотя на какое-то время она препятствовала некоторым из наиболее характерных функций консулов, она была не приостановкой, а частью конституции. Маленькое, борющееся и по сути военное общество, такое как ранний Рим, рассматривало военное положение как случайную необходимость; бывали моменты, когда опасность для

государства была настолько велика, что считалось, что обычные гарантии защиты граждан должны быть отменены, если считалось, что они могут помешать безопасности содружества. Диктатура имела как внутреннюю, так и внешнюю сторону своего военного характера; она даже, возможно, в самом начале своего учреждения была предназначена для контроля над непокорными гражданами, а также для противостояния врагу,^[341] и, таким образом, была в некоторой степени партийным оружием в руках патрициев против непокорного плебса. Мы увидим, что эта суммарная военная юрисдикция в пределах города была впоследствии упразднена без особого ущерба для полезности этого института. Его истинным достоинством было созданное им единство управления, преимущества которого стали более очевидны в результате столкновения властей магистратов на более позднем этапе истории. Но опыт зла разделенной власти не сразу указал на необходимость этой должности. Диктатура была неотъемлемой частью первоначальной республиканской конституции; закон, разрешающий ее, был забыт - возможно, это был первый *lex Valeria*, который обеспечивал апелляцию к обычным магистратам; но право консула объявлять военное положение, как он делал это, назначая диктатора, никогда не подвергалось сомнению, как и параллельное право, узурпированное сенатом в более поздние времена, вооружать консула военной юрисдикцией. Но хотя назначение диктатора не могло рассматриваться как нарушение или даже как нарушение конституции, оно справедливо считалось мощным партийным оружием в руках патрицианской магистратуры; и попытки плебса были направлены, пусть и безуспешно, на ограничение этой могущественной власти, которая преобладала над всеми привилегиями и законами.

Однако предполагалось, что назначение диктатора связано с исключительными обстоятельствами. И только когда мы смотрим на мирную жизнь государства, на отправление закона магистратом или на выражение народной воли в *комициях*, мы можем оценить прочность позиции, которую занимали патрицианские семьи.

Уголовное право, которое, несомненно, в этот период становилось все более секуляризованным и отделенным от прямого контроля религии, было монополией чиновничьего класса. Уголовное дело - это расследование, проводимое исключительно по инициативе магистрата; ни один вопрос не мог быть вынесен на рассмотрение народа до тех пор, пока он его не расследовал, и тогда он представлялся только в *подготовленной им форме*. В ранних народных судах Рима не было права на внесение поправок; народ мог ответить только "да" или "нет" на поставленный перед ним вопрос. Нам неизвестен объем народной юрисдикции; возможно, что на рассмотрение собрания выносились только приговоры, затрагивающие *капиталы* граждан.^[342] Но не было никакой реальной гарантии, что даже такие вопросы можно было вытеснить из магистратского суда. В *lex Valeria*, допускавшем *provocatio*, не было предусмотрено никакого наказания для магистрата, нарушившего его положения; единственная надежда заключалась в вето его коллеги, и, если два консула были согласны, они могли грубо переступить через закон. Консулы якобы были единственными хранителями уголовного кодекса; поскольку невозможно представить себе, чтобы в эпоху, когда письменность почти не использовалась, два человека, выбранные по самым разным основаниям, могли считаться подходящими толкователями этой формы *jus*, мы должны, даже в области уголовного права, отойти от них и искать его истинный источник в этом грозном органе - коллегии понтификов. Учеба и деятельность этого органа известны нам, однако, главным образом в связи с божественным, семейным или, как его стали называть в более поздние времена, гражданским правом. Переход от монархии к аристократии ввел в Риме, как и в Греции, эпоху религиозной тирании. Король, который является главой как религиозной, так и светской жизни государства, может удерживать равновесие между классами. Он скорее подавляет, чем поощряет своих советников; он

может найти в народных правах полезную защиту от религиозной дерзости. Но уберите короля и замените его аристократией, подобной патрициату, члены которой поочередно занимают высшие должности; пусть в этом органе не будет различий между духовенством и мирянами, чтобы не было конфликта между светской и священной властью, который может позволить третьей власти закрепиться; пусть этот орган обладает монополией на гражданское право - и мы получим непревзойденные возможности для судебной тирании. В течение двухсот лет (509-304 гг.) знание процессуальных форм, *legis actiones*, составлявших все содержание гражданского права, было открыто только для патрицианских понтификов.[343] Нам говорят, что даже после наглядной кодификации и публикации закона в Двенадцати таблицах, формулы могли быть правильно повторены только под руководством коллегии, которая для этой цели ежегодно назначала одного из своих членов "председателем по частным искам". Правда, теория гражданского судопроизводства была такой же, как и во времена монархии; магистрат решал, какое особое процессуальное правило применимо, а затем дело разрешалось арбитром, выбранным сторонами.[344] Но магистрат часто должен был быть неумелым, один из членов коллегии всегда должен был стоять рядом с ним, а понтифик, исполняющий обязанности, был не просто советчиком сторон, но и свидетелем исполнения. Однако понтифики были не просто переводчиками. У них, как у хранителей *fas*, была своя сфера права, реликты которой сохранились и в поздней Республике, и в этой сфере они были судьями. Они имели градуированную шкалу искупления грехов (*piacula*); они были полицией, охранявшей святость праздничных дней (*feriae*) и налагавшей духовные наказания на самого магистрата, осмелившегося осуществлять юрисдикцию в день, который они объявили священным; они издавали и приводили в исполнение предписания, охранявшие священные места (*loci sacri*) и места погребения.[Обеты (*vota*), чтобы быть эффективными, должны быть предписаны ими, и особенно эффективными были те фиксированные формы молитв (*certae preces*), которые они диктовали слово в слово (*de scripto praeire*).

Чем могли похвастаться плебеи против этой фаланги патрицианской власти?

Определенное количество голосов в *комициях* - вот и все, чем они обладали. Но это право голоса, за исключением некоторых установленных пунктов - объявления войны и, при соблюдении закона, уголовной юрисдикции, - было очень неэффективным, поскольку собрание полностью зависело от созыва и выражения мнения патрицианских консулов и могло быть прервано из-за благочестивых угрызений патрицианских авгуров; и мы уже видели, как даже выбор магистратов мог быть затруднен формальностями, которыми все еще были обусловлены выборы.[346] Но даже если бы этих неблагоприятных обстоятельств удалось избежать, сила голоса плебеев была невелика. В *comitia centuriata* входили в основном представители собственнического класса - по большей части землевладельцы; и даже в этом собрании два первых класса и рыцари, которые должны были состоять в основном из патрициев, имели большинство голосов (118 из 193). Мелкие фермеры и ремесленники имели всего 74 или 75 голосов; огромная масса пролетариата была либо совсем не представлена, либо могла распоряжаться всего одним голосом. Важно выяснить, были ли эти исключенные из столетий классы представлены в других местах, или существовало ли собрание, обладавшее реальной властью, в котором были бы одинаково представлены патриции и плебеи.

Несомненно, доказано, что в какой-то период в течение первых трех веков Республики плебеи были включены в состав *comitia curiata*.[347] Это изменение было результатом двух обстоятельств: во-первых, полного равенства частных прав между членами двух орденов - адрогации и усыновления, которые следовали за владением *familia*, а во многих случаях и

gentilitas, были общими для обоих, что делало невозможным проведение различий между *куруалами*; во-вторых, реакционного влияния центуриатного собрания, которое подчеркивало идею, что патриции и плебеи вместе составляют *Populus*.

Такие изменения должны были происходить постепенно; но когда они произошли, принятие плебеев сделало это собрание полностью демократическим по форме, поскольку право голоса в этой *комиции* зависело не от земли или богатства, а просто от личного членства в *куруии*, которая была общей для всех граждан. Но уже само сравнение такого органа с тщательно тимократической организацией *comitia centuriata* заставляет нас предположить, что к моменту принятия плебеев *куруия* перестала быть властью. О том, какого состояния достигла *comitia curiata* в исторические времена, будет рассказано в другом месте. Ее самое отличительное право - *lex curiata* - возможно, было реальной властью в руках патрициев, пока они были ее единственными членами, хотя их преобладание в *comitia centuriata* сделало бы конфликт между этими двумя органами маловероятным; но, вероятно, никогда не было времени, когда массы плебеев, собравшиеся *curiatim*, нарушали вердикт патрициев, а богатые плебеи собирались *centuriatim*.

Если учесть эту ситуацию, то неудивительно, что ведущими чертами первого периода развития римской конституции (494-287 гг. до н. э.) стали попытка ограничить власть магистратов и борьба плебса за равенство с патрициатом. Эти две борьбы не идут параллельными линиями, а переплетаются в каждой точке, поскольку магистратура представляла патрициат. Они также не представляют собой просто попытку ослабить или получить политические привилегии; на ранних стадиях мотивом плебса является не честолюбие, а защита. Их первые усилия имеют негативную цель - защиту прав, а не позитивный замысел - попытку приобщиться к политической власти, которая была закрыта для их порядка.

Традиция представляет раннюю социальную борьбу плебса как сосредоточенную вокруг двух вопросов - владения общественной землей и закона о должниках и кредиторах. Они, несомненно, были тесно связаны между собой, поскольку уступка земли означала облегчение долгового бремени, но агитация, развернувшаяся вокруг общественной земли, направлялась отдельными лицами, была лишь эпизодической и не привела к постоянным результатам; она является частью не столько конституционной, сколько политической истории, и ее истинная природа затуманена тем фактом, что мы не можем сказать, насколько летописцы перенесли на этот ранний период обстоятельства аграрной агитации более позднего времени. Но ранний способ распределения общественных земель заслуживает внимания, поскольку, будучи одним из несомненных недовольств плебса, он, возможно, послужил одним из мотивов, приведших к первой великой политической реформе. Отвоеванная у врага земля иногда выделялась государством более бедным гражданам небольшими участками (*ager assignatus*); в более поздние времена она иногда продавалась государством через своих квесторов (*ager quaestorius*); и в обоих этих случаях она становилась частной собственностью. Но в начале Республики распространился обычай оставлять большую часть завоеванных земель - особенно тех, которые годились только для выпаса скота или были опустошены во время войны, - в качестве государственного домена (*ager publicus*) и предоставлять их в пользование (*occupatio*) скваттерам, которые платили государству за свои привилегии часть продукции (*vectigal*), десятину или пятую часть. Значительная часть таких *ager publicus*, вероятно, изначально входила в состав владений короля и принадлежала его клиентам, которые, разумеется, были представителями низшего класса плебса. Но в новых условиях все это стало собственностью государства; и была выдвинута или подтверждена теория, что в этом случае только патриции могут быть его

жильцами,[348] привилегия, которая, вероятно, возникла из предположения, что только завоеватели земли могут делиться военными трофеями.[349] Эта привилегия - понятная, но юридически абсурдная, поскольку предполагала, что клиенты государства должны принадлежать к определенному ордену, - больше не могла поддерживаться на тех же основаниях, поскольку теперь плебеи шли в бой и могли справедливо претендовать на долю в военных трофеях. Но сохранение этого принципа, даже если бы он был справедливым, не могло полностью решить социальную проблему. Пролетариат, не имевший доли в выигрыше, все равно был бы справедливо исключен; но это, по крайней мере, принесло бы пользу мелкому плебею-земледельцу, и, возможно, именно он больше всего нуждался в помощи.

Ведь мелкий независимый землевладелец находился в безнадежном положении - гораздо более безнадежном, чем клиент или освобожденный раб, который мог требовать защиты своего господина. Его положение было обусловлено законом о должнике и кредиторе, который, похоже, был неизвестен старому патрицианскому сообществу и зародился в плебейском ордене, но который патрициат, приняв плебейские формы права, мог использовать с ужасающей силой против его изобретателей. Первоначальная процедура представляла собой одну из разнообразных форм *nexum*, или обязательного обязательства, созданного медью и весами (*per aes et libram*). Человеку, взявшему в долг, разрешалось продать свои вечные услуги кредитору на условиях невозврата долга в течение определенного времени.[350] По истечении установленного срока должник и вся его семья переходили во власть покупателя; он становился его кабальером (*nexus*) до тех пор, пока долг не был выплачен его трудом. Поскольку в таких обстоятельствах долг никогда не мог быть погашен, мелкий крестьянин становился простым зависимым членом семьи богатого землевладельца, опираясь на его милость и подчиняясь его капризам. Для создания такого состояния не требовалось судебного процесса. Достаточно было простого свидетельства (возможно, перед магистратом) свидетелей договора. Порабощение гражданина, правда, было запрещено римским публичным правом,[351] и связь оставалась бюргерской.[352] Но очень тонкая грань отделяла такое состояние от фактического рабства.

Вероятно, в ранние времена плебейское право не признавало никаких долгов, кроме тех, что создавались нексальным договором. Но по мере расширения римской торговли соблюдение этого ограничения стало невозможным; усовершенствование процедуры распространило это наказание на долги, возникшие по патрицианской форме простого словесного обещания (*stipulatio, sponsio*). Форма процедуры в этом случае известна нам из Двенадцати таблиц. Если долг признавался или доказывался в суде, должнику давался тридцатидневный срок для уплаты; по истечении этого срока он арестовывался кредитором (*manus injectio*) и доставлялся к консулу, который, если не находилось защитника (*vindex*) для оспаривания долга, передавал его в руки кредитора (*addictus*). Последний мог забрать его домой и заключить в кабалу, но должен был давать ему фунт кукурузы в день. Затем следовал еще один промежуток в шестьдесят дней, в течение которых заключенный предстал перед магистратом в три судебных дня (*nundinae*). В последний из них его судьба была предрешена. Он больше не находился даже в состоянии нексуса. Его кредитор мог предать его смерти или продать в рабство за Тибр.[353] Если кредиторов было больше, чем один,[354] они могли разделить тело должника на равные части; а Двенадцать таблиц давали иммунитет кредитору, который брал больше, чем положенную ему долю плоти. Эта смертная казнь, несомненно, была гуманной альтернативой вечному заключению. Даже если она не допускала апелляции (*provocatio*) к смертной казни, опасность, которую можно было донести до родственников и друзей путем постепенного нанесения увечий, обезображивающих, но не смертельных, должна была побудить их к попыткам добиться выкупа. Именно применение

этого закона долга, возможно, в еще более суровой и примитивной форме, вызвало первое сопротивление плебса. Вечная борьба за существование, в которую теперь был вовлечен Рим, заставляла его армии постоянно находиться в поле, и мелкий крестьянин на службе, не имевший рабов, должен был позволить своему хозяйству разориться в его отсутствие и заложить свое тело, когда он вернется.[355] Наиболее очевидным средством было всеобщее выступление против военных сборов; и это было предпринято. Уже в 495 году в Риме поднялся бунт, который удалось усмирить только благодаря обещаниям популярного консула Сервилия, что *некси* должны быть отпущены на службу и что никто не должен захватывать товары или залогов у солдата, пока он находится в поле. Освобожденные граждане рассеяли вольсков и арунцев; наградой им стало более строгое исполнение закона о долгах другим консулом Аппием. К Сервилию обратились, но он не стал использовать свое право вето против коллеги. Было очевидно, что никто не мог рассчитывать на то, что консульский *ауксилиум* будет использован в интересах плебеев.[356] Теперь отчаявшиеся плебеи выступили против призыва в армию; ответом патрициев стало назначение диктатора. Снова армия вышла на поле против вольсков и сабинян; но, когда победа была обеспечена, легионы не были распущены, и был найден предлог для нового похода. На пути из Рима плебейские контингенты внезапно свернули к холму на территории Крастумерия, который из-за клятвы, принесенной на его вершине, отныне назывался "Горой проклятий" (*sacer mons*).[357] План, тщательно продуманный на предшествовавших кампаниях собраниях и совещаниях,[358] теперь был приведен в исполнение. Плебс уже собирался на неофициальные собрания (*concilia*), чтобы обсудить свои претензии. Все, чего им не хватало, чтобы стать корпорацией, которая могла бы соперничать с *Populus*, - это иметь во главе магистратов с большими и признанными полномочиями. Теперь они собрались в боевом порядке, чтобы осуществить это решение; и не было ничего противоестественного в том, что два плебейских магистрата, которых они выбрали для соперничества с консулами, носили военное звание трибунов.[359] Условием примирения с патрицианским государством, которое они покинули, было то, что эти должностные лица должны были иметь право приостанавливать действие постановления консулов, если оно было направлено против члена плебса. Но так как правительство не внушало доверия, плебс обязался клятвой, подобной той, что была дана при изгнании короля, уничтожить любого, кто нанесет обиду или оскорбление их магистратам. Признание этих новых магистратов с полномочиями, связанными с их назначением, было оформлено *lex centuriata*, принятым, возможно, в самый год отделения (494 г. до н. э.). Должность *трибунов плебса* или *плебеев* была максимально приближена к должности консулов. Первоначально их было два, и по отношению друг к другу они обладали правом взаимного вето, которое подразумевал принцип коллегиальности. С самого начала они были магистратами плебса, поэтому никто, кроме плебеев, не имел права быть избранным,[360] и с самого начала они должны были избираться собранием плебса. Это собрание, однако, не сохранило своего первоначального военного характера, и единицей голосования, естественно, выбранной для городских собраний, на которых назначались трибуны, была *курия*, к которой плебеи принадлежали уже некоторое время. Это собрание плебеев было известно как *concilium plebis curiatim*[361].

Что касается власти, то трибуна с самого своего возникновения имеет двойной характер. Он обладает негативным контролем над всем народом (обычно в лице магистрата), осуществляемым в защиту плебеев, и позитивной властью внутри плебейской общины. Первая власть проявляется в праве вето, вторая - в праве требовать решений (*scita plebei* или *plebiscita*) от плебейского *консилиума*. Первая власть - предлагать помощь (*auxilium*) любому плебею[362], который чувствует себя ущемленным постановлением магистрата, и

приостанавливать это постановление путем применения права "вето" - была *смыслом существования* трибуната. Трибун был создан для того, чтобы противостоять консульскому *imperium (contra consulare imperium)*,^[363] и тот факт, что он мог осуществлять эту власть только лично, налагал на него определенные обязательства. Трибун не мог ночевать вне стен, а двери его дома были открыты днем и ночью.^{364]} Несомненно, именно из-за того, что эти председатели плебса не справлялись с просьбами о помощи, их число было увеличено сначала до четырех (471 г. до н. э.), а до 449 г. до н. э. - до десяти^[365] - изменения, которые были утверждены веками и сенатом.

Но негативный контроль над магистратами государства должен быть совершенно неэффективным, если нет средств принуждения к этому контролю. Если бы трибуны не обладали властью принуждения, консул, исполняя закон о долге или призывая плебеев к сбору, просто отменил бы их вето. Следовало бы ожидать, что подобные нарушения закона будут пресекаться судебным преследованием в общинных судах. Но это не соответствовало римскому представлению о магистратуре. Каждый магистрат в большей или меньшей степени обладал правом принуждать к исполнению собственных постановлений (*coercitio*), ограниченным лишь правом апелляции или вето своего коллеги; и в этой власти нельзя было отказать трибуну. Логическим следствием права вето было то, что он мог осуществлять *принуждение* против самих консулов; неприкосновенность его личности (гарантированная плебсом и признанная популярами) делала сопротивление безнадежным, и все орудия *принуждения* - *арест*, тюремное заключение, штрафы, порка и смерть - были в распоряжении защитника плебса.

Coercitio подразумевает суммарную юрисдикцию, а наложение штрафов сверх определенного предела, бичевание или смерть подвергали магистрата *провокации* и, следовательно, делали его соучастником судебного процесса перед народным собранием. Отсюда вытекает судебная власть трибуна, также являющаяся необходимым следствием его права вето. Несомненно, при создании должности это следствие не было предусмотрено. Когда же выяснилось, что это необходимое сопровождение трибунской власти, традиция сообщает нам, что оно было поставлено под сомнение патрициями. Исторически никчемный, но типичный процесс над К. Марцием Кориоланом в 491 году до н. э. вызвал протест, что *jus* трибунов распространяется только на плебеев.^[366] Протест был пустым, поскольку *jus auxilii* не могло существовать без *jus rognae* против его нарушителей. Нарушение плебейских прав, на которое трибун отвечал принуждением и юрисдикцией, всегда было посягательством на безопасность или достоинство самого трибуна. Даже причинение вреда отдельному лицу в результате нарушения постановления трибуна было вредом, причиненным плебеям через него; считалось, что оно не затрагивает остальных членов общины; отсюда неестественное мнение наших анналистов, что, когда трибун выносил приговор, против которого подавалась апелляция, он выносил дело на рассмотрение собрания плебеев.

Это право на обращение подразумевает власть, известную как *jus agendi cum plebe*. Эта власть не могла быть предусмотрена при учреждении трибуната, но она оказалась необходимым следствием *auxilium*. Его приобретение означало новое нарушение прав патрицианских магистратов; ведь созыв плебса означал отторжение значительной части популяции от консулов. Два вызова двух собраний, содержащих одних и тех же людей, разными магистратами означали неизбежный конфликт полномочий, и право трибунов вести дела с плебсом могло быть обеспечено только определенной гарантией от вмешательства консулов. Эта гарантия была дана, согласно традиции, постановлением самого плебса, принятым в 492 году до н. э., через два года после учреждения трибуната, под

председательством трибуна Сп. Эта дата, вероятно, слишком ранняя, и постановление должно было быть впоследствии ратифицировано вековым *лексиконом*. Оно гласило, что когда трибун обращается к плебсу, никто не должен выступать против него или перебивать его; что трибун должен оштрафовать нарушителя и потребовать обеспечения. В случае непредоставления гарантий преступник должен быть наказан смертью, а его имущество конфисковано в пользу богов. Если же штраф оспаривался, то решение должно было оставаться за народом. Независимо от того, кто здесь подразумевается под словом "народ" - популы или плебеи, - плебейское собрание, несомненно, опиралось на этот закон в случае нанесения обиды или оскорбления своему магистрату.

Но право действовать вместе с плебеями, которое таким образом гарантировалось трибуну, имело и другой, более позитивный аспект. Оно могло быть использовано для получения официальных постановлений, принятых всем плебейским *консилиумом* в своих интересах, и для придания этому органу характера гильдии, которая в определенных пределах могла принимать правила, обязательные для всех ее членов. До тех пор, пока постановления этого органа носили чисто самостоятельный характер, не нарушали публичного права и добровольно принимались всеми членами, они не нуждались в формальной ратификации со стороны какой-либо высшей инстанции. Но иногда принимались постановления, которые Плебс был не в состоянии провести в жизнь; в этом случае они представляли собой простые петиции к единственной признанной законодательной власти - консулам, председательствовавшим в *comitia centuriata*. У нас есть пример такой процедуры, датированный сорока годами после создания трибуната, который показывает, насколько далеко идущими могли быть требования этого *консилиума*. В 456 году до н. э. трибун Ицилий добился от этого собрания резолюции о том, что Авентин, до этого времени являвшийся государственной собственностью, [368] должен быть передан плебсу. С этим ходатайством он обратился к консулам и сенату и попросил их получить согласие *comitia centuriata* в надлежащей форме закона. [369] Такую же процедуру следует представить себе для любого *плебисцита*, касающегося вопросов, затрагивающих всю общину, вплоть до 287 года, когда, как мы увидим, эти постановления плебса были впервые подняты до уровня законов. В принятии своих решений плебс зависел от трибуна так же, как *комиция* от консулов; на *рогату* магистрата можно было ответить только "да" или "нет" бюргеров. Избирательные процедуры были похожи на выборы всего народа. Трибун, прежде чем покинуть свой пост, назначал преемников и представлял их имена плебсу. Отличия заключались в том, что голосование проводилось *куриями*, а не *веками*, что *patrum auctoritas* здесь не имело места, и что формальное принятие эгиды не было необходимым для действительности процедуры, хотя, несомненно, трибуны использовали свое право принимать частную эгиду [370], чтобы придать святость акту плебса.

В одном другом и менее важном отношении эта община плебса была создана по образцу более крупной общины популов. В год, когда был учрежден трибунат, магистраты плебса получили двух помощников, [371] которые находились с ними в таком же отношении, как два квестора с консулами. Их функции были так же неопределенны, как и у квесторов; но, когда полномочия трибуната были немного лучше установлены, эти делегаты, как и их прототипы, похоже, занимались в основном уголовной юрисдикцией и финансами. Они также хранили архивы плебса в храме Цереры, и считается, что именно от этого произошло их название *aediles* (возможно, это не первоначальный титул). [372] Они служили трибунам при осуществлении *принуждения*, захватывая преступника или вынося ему смертный приговор. Мы видим, что они выполняли эту функцию во время суда над Кориоланом. [373] После того как трибуны получили уголовную юрисдикцию, они помогали им в качестве делегатов. [374] Их первоначальные финансовые функции несколько неопределенны; но на такие функции

наводит их должность в храме Цереры и архивы, которые они там охраняли - функции, которые находят точные параллели в функциях квесторов в храме Сатурна. Возможно, в их обязанности входил надзор за принудительным трудом (*operae*) плебеев, и это могло привести к ранней связи с ремонтом дорог и зданий. Их полицейские функции, надзор за рынком и, прежде всего, поддержание государственной религии в массах вряд ли можно отнести к этому раннему периоду.[375]

Возможно, первоначально эдилы назначались их начальниками, но избрание *консилиумом* плебса под председательством трибуна - единственная известная нам форма их назначения. Эта должность была узаконена вместе с трибунством, и ее обладатель обладал той же личной святостью, что и трибун, переданной сначала по присяге, а затем по закону[376].

Ибо власть этих плебейских магистратов целиком покоится на суеверной вере, сознательно применяемой для восполнения пробела в публичном праве. Можно было бы подумать, что магистраты, избранные широким кругом граждан, чьи полномочия были признаны публичным правом, были бы достаточно защищены своим положением. Но римляне были рабами юридических формул. Плебс не был ни общиной, ни даже сначала узаконенной корпорацией внутри города; трибуны не были магистратами государства и не носили никаких знаков отличия; у них не было *imperium* и *auspicia*, и поэтому они не могли быть защищены законом об измене (*perduellio*), который мстил за зло, нанесенное государству в лице его магистрата. Замена должна была быть найдена в религиозной санкции. Пожалуй, Рим - единственное государство, в котором демагог или "защитник народа" определенно наделен ореолом святости. Сначала его наделил народ, за который он выступал. Плебс на Монсе Сакер дал клятву уничтожить любого, кто разрушит его трибун, - клятву, которую они сохранили для своих потомков. Святенность трибунов, таким образом, изначально не имела под собой никаких религиозных оснований, поскольку народ не объявлял такого преступника *священным*, и клятва не была принесена магистратом от имени всей общины. Это было просто заявление части народа о нарушении прав, которые, по их мнению, оправдывали революцию; и это заявление было принято римским государством, когда оно признало трибунат. Но неприкосновенность плебейских магистратов не получила юридического признания до восстановления должности в 449 году до н. э. Тогда нарушитель величия трибуна становился *sacer homo*[377] в более позднем смысле "преступником" для всей общины, а эдилы и плебейские *децемвиры* были защищены тем же запретом. Однако римские юристы считали, что этот закон не дает *сакросанкции*, по крайней мере трибуну; ее дает "древняя клятва" плебса; закон лишь объявляет наказание, которое может быть исполнено любым членом общины. Это мнение имело большое значение, поскольку признавало за плебсом юрисдикцию капитала во всех случаях, когда пострадали его магистраты; и, хотя последующая практика была неблагоприятна для этой юрисдикции, ее законность не может быть поставлена под сомнение. Трибун сам защищал свою личную неприкосновенность и неприкосновенность своих сослуживцев, поскольку именно он единолично выносил наказание или предлагал его *консилиуму*. Преступление, связанное с нарушением плебейских свобод, первоначально не могло носить определенного названия; в более поздние времена оно было объединено под расплывчатым понятием *majestas*, "посягательство на величие государства". Наказание могло быть смертным, в то время как действия, рассматриваемые как посягательство, могли быть очень незначительными. Физическое принуждение, удары, попытка убийства были очевидными случаями; но насильственное сопротивление воле трибуна[378] подпадало под эту категорию, а после принятия закона, гарантировавшего плебсу право на собрание, - любое действие, будь то со стороны магистратов или отдельных лиц, которое прерывало собрание плебса, созванное трибуном[379].

Фактически, в первые годы борьбы плебеев права корпорации были представлены только полномочиями трибуна, через которого только она и требовала официального признания; таким образом, с 494 года и до эпохи децемвирального законодательства (451 год) трибунат предпринимает усилия, чтобы добиться лучшего представительства плебейской общины и обеспечить равенство в отправлении закона, что должно сделать менее необходимой неуклюжую негативную систему постоянного вмешательства их *auxilium*.

Первая попытка, по-видимому, была в некоторой степени обеспечена *плебисцитом*, принятым Публилием Волероном в 471 году, который постановил, что *консилиум* плебса, вместо того чтобы собираться, как раньше, по *куриям*, теперь должен собираться по трибам (*tributim*).^[380] Поскольку это было чисто самостоятельное постановление, оно, вероятно, не требовало согласия сената и народа,^[381] и нам говорят, что патриции смотрели на него с неодобрением. Причины их возражений нелегко понять, как и то, что плебеи выиграли от этого изменения.^[382] Число триб в это время неизвестно, но, вероятно, их было двадцать одна. Этот рост был вызван отказом от принципа сервов. После того как римская территория, в значительной степени утраченная в первые годы Республики, была восстановлена, было принято совершенно новое подразделение *ager Romanus*. Четыре племени сервов были ограничены кольцевой стеной города, а земля за стенами теперь была разделена на *трибы*, которые назывались сельскими (*rusticae*) в отличие от городских племен (*tribus urbanae*). Шестнадцать из этих сельских триб носят имена патрицианских *родов*;^[383] они, должно быть, были названы по родовым поселениям и, очевидно, были созданы первыми. Дионисий^[384] утверждает, что во время суда над Кориоланом (491 г. до н. э.) число племен составляло двадцать одно; но с некоторой долей правдоподобия предполагается, что двадцать первое было добавлено в этом самом 471 году, когда племя впервые использовалось для голосования, чтобы создать неравенство голосов, и что оно носит свое *местное* название (*Clustumina* или *Crustumina*) в память об отделении плебса от Священной горы. [Плебс, возможно, обратился к консулам с просьбой добавить еще одну трибу к государственному делению, поскольку только они могли осуществить это изменение, поскольку создание трибы было административным актом, который никто, кроме магистратов общины, не мог осуществить.]

Эти трибы, как и прежние, были местными, и хотя нет никаких доказательств в пользу мнения, что в них входили только землевладельцы, все же семнадцать сельских триб, естественно, состояли в основном из крестьян-собственников и, следовательно, были бы лучшим органом для плебейских настроений, чем *курии*, в которых безземельные плебеи-клиенты все еще могли быть представителями своих патрицианских господ.

Это изменение вскоре привело к неожиданным последствиям. В какой-то период между принятием закона Публия и введением в действие Двенадцати таблиц новая плебейская практика была принята за основу для собраний всего народа. Популяры стали собираться по племенам и образовывать *трибутную комиссию* (*comitia tributa*). Двенадцать таблиц доказывают, что этот орган рано обрел судебную компетенцию;^[386] но история великих перемен, поставивших демократическое собрание популов рядом с тимократической *comitia centuriata*, нам совершенно неизвестна. Вероятно, первоначальные полномочия этого нового парламента не были широкими, и, возможно, первоначально они ограничивались рассмотрением незначительных судебных апелляций магистратов. Примерно через двадцать лет было признано удобным доверить новому собранию выборы квесторов. Его привлекательность заключалась в легкости и скорости, с которой народ мог быть созван на собрание трибунов в стенах города, по сравнению с величественными формальностями сбора армии в Кампусе.

Вторым важным шагом трибуната стала попытка обеспечить равное отправление закона.

В 462 году трибун К. Теренций Арса внес на *консилиум* плебса предложение назначить комиссию из пяти человек, чтобы она прояснила формы судопроизводства и тем самым установила пределы судебному капризу консулов;^[387] а в следующем году на этот счет было принято постановление всей коллегии трибунов. Очевидно, что эта мера требовала санкции популов, а получить ее в течение многих лет было невозможно. Даже если не принимать во внимание тот факт, что трибуны, очевидно, намеревались, чтобы их комиссия состояла исключительно из плебеев, это предложение было революционным в крайней степени; ведь это было не что иное, как требование кодекса, письменной системы правил, которая должна была заменить эластичные принципы правосудия, которые были одной из основ патрицианской власти, и которая вульгаризировала бы ужасную святость консульства и понтификальной коллегии. Кроме того, должно быть, считалось, что кодификация должна означать компромисс - некое признание плебейских требований, которое ослабило бы позиции правящей касты. Поэтому магистраты и сенат оказали упорное сопротивление, и законопроект, если он вообще прошел *concilium plebis*,^[388] не был допущен ни на шаг дальше. Но плебс упорствовал в своих усилиях, и ответом на сопротивление патрициев было возвращение из года в год тех же трибунов, формулирующих те же требования. В 458 году до н. э. коллегия обратилась к консулам по этому вопросу и попросила их сформулировать свои возражения против законопроекта;^[389] на какое-то время появилась надежда на соглашение, но в конце года в требуемом согласии снова было отказано. Последовало еще три года агитации, и тогда стало ясно, что от первоначального предложения необходимо отказаться. Трибуны выразили готовность, чтобы инициативу взяли на себя патрицианские магистраты и назначили совместную комиссию. Тем временем за годы обсуждений первоначальное предложение приобрело более широкие масштабы. Вместо простой кодификации предлагалось провести реформу, которая должна была носить полностью внепартийный характер. Информация о греческих кодексах должна была собираться комиссией из трех человек - предложение, ценное во многих отношениях; оно было полезно для целей отсрочки, создавало видимость образованности и тщательности работы, и, возможно, такая основа считалась абсолютно необходимой для выработки правил по пунктам, которые неопределенная римская процедура никогда не рассматривала. Возвращение посланников в 452 году, после трехлетнего отсутствия, возобновило требования трибунов о немедленном продолжении работы. Спор между орденами по поводу состава комиссии завершился компромиссом. В комиссию могли быть допущены плебеи; но, по сути, влияние патрициев было настолько сильным, что первая коллегия, избранная *comitia centuriata*, состояла, по-видимому, полностью из членов этого ордена.^[390] Назначение комиссии было полной отменой конституции. Консульство было упразднено; плебеи отказались от своего трибуната, как полагали некоторые, навечно, введенные в заблуждение надеждой, что публикация закона сделает ненужной такую проверку консульской власти, и как часть компромисса с патрициями, и оговорили только, что некоторые привилегии, которые они уже получили по закону, не должны быть упразднены. [Временное правительство, назначенное на 451 год, имело форму коллегии из десяти человек, наделенных консульской властью, но не подпадающих под действие закона об апелляции]^[392]. Работа была закончена в течение года, кодекс был вывешен на десяти табличках (*tabulae*) и опубликован для широких масс. Народ был созван и сообщил, что комиссия создала равные права для всех,^[393] и весь свод законов был принят в качестве *lex comitia centuriata*. Но в конце года было объявлено, что работа еще не завершена. Вновь была приостановлена конституция и назначена новая коллегия из десяти человек, на этот раз всецело из плебеев.^[394] Были добавлены два новых раздела, доведя таким образом число *табул* до двенадцати; они также были подтверждены веками и после того, как

правительство "нечестивой десятки" злоупотребило своей властью и пало, были опубликованы вместе с остальными частями кодекса консулами 448 г. [395].

Хотя закон Двенадцати таблиц (*lex duodecim tabularum*) был по большей части кодификацией существующих правил, он знаменует собой явный прогресс в признании прав плебеев, и поэтому имел огромное политическое значение при разработке правил для всего государства. Почти во всех важных случаях предпочтение было отдано плебейскому праву. Причиной тому было не уважение к правам плебеев (децемвиры вновь ввели в действие правило, запрещавшее браки между орденами), а простота и способность этого закона к универсальности. Кодекс представляет собой не случайный сборник, а научную компиляцию; его целью было "выравнивание" закона, арбитраж между сословиями, что часто входило в задачу греческого законодателя; и в достижении этой цели комиссары проявили больше мудрости, чем любой греческий законодатель, о котором мы слышали. Идея принятия законов для какого-либо класса или еще более глупая идея идеального логического соответствия поразительно отсутствуют. Кодекс полностью соответствует римскому в своей осторожности и здравом смысле, уважении к прошлому, которое он игнорирует только тогда, когда старые обычаи нарушают правила здравого смысла, и разумном презрении к симметрии. Такой кодекс мог быть изменен в деталях, но никогда не был отменен. Он оставался "источником всего публичного и частного права", и справедливо, ибо, по словам Тацита, он был "завершением равного права" [396] Его ритмичные предложения заучивали наизусть школьники во времена Цицерона. [Сложные комментарии к нему были написаны республиканским юристом Аэлием, имперским юристом Гаем и Лабео, стоящим на стыке двух режимов; а в VI веке н. э. Юстиниан, находясь в преклонном возрасте, все еще соблюдает многие положения, относящиеся к младенческому периоду римского законодательства.

Двенадцать таблиц содержали "весь свод римского права" (*corpus omnis Romani juris*), [398] не в том смысле, что они были полной и подробной системой, а в том, что они высказывались по всем важным или спорным вопросам во всех областях права, частного, уголовного и публичного.

Постановления частного права включали в себя правила, касающиеся брака и семейных отношений, распоряжения завещанием, наследования, долгов и ростовщичества. Признавался брак по согласию плебеев, скрепленный *ростовщичеством*. Эмансипация признавалась как следствие троекратной продажи сына, а форма усыновления, вероятно, уже использовавшаяся в плебейской общине, была таким образом сделана универсальной. [399] Закон также способствовал эмансипации рабов, купивших свою свободу, и таким образом помог создать богатый класс вольноотпущенников. [400] Была признана совершенная свобода распоряжения завещанием в соответствии с плебейской формой завещания *per aes et libram*; при наследовании по завещанию и при опеке права *агнатов*, общие для плебеев, были признаны предшествующими правам язычников, иногда собственным патрициям. [401] Свобода договора, гарантированная "Таблицами", подразумевала старый суровый закон о долгах; но наказание было определено, процедура тщательно описана, и должнику предлагались все лазейки для бегства. [402] В то же время ростовщичество сурово каралось; десять процентов (*unciarium fenus*) были признаны законной нормой процента, и ростовщик, превысивший ее, наказывался строже, чем вор, и должен был вернуть долг в четырехкратном размере. [403] Были установлены правила процедуры для всех гражданских исков, такие как вызов сторон и свидетелей и продолжительность судебного разбирательства. Но закон не раскрывал формы иска; они по-прежнему были скрыты понтификами.

В уголовных делах Двенадцать таблиц признают старый принцип самопомощи; конечность должна была быть отдана за конечность; но за незначительные проступки разрешалась компенсация, и двадцать пять ассов были полным возмещением за обычное нападение. Но сохранились и старые религиозные наказания: человека, уничтожившего стоящую кукурузу, вешали в жертву Церере,[404] а невольный убийца мог искупить свою вину *пиалумом* барана. Закон жестко пресекал злоупотребление свободой слова: за заклинания или клевету на гражданина полагалась смерть.[405] Такому же наказанию подвергался *судья*, принявший взятку;[406] а за *perduellio* в форме "возбуждения врага против государства или передачи гражданина врагу" также полагалась смертная казнь.[407] Видимо, имелось в виду уголовное судопроизводство, поскольку в законе упоминаются *quaestores parricidii*. [408]

Принцип конституции, гарантировавший гражданину справедливое судебное разбирательство, был поддержан, поскольку, по словам Цицерона, Двенадцать таблиц предоставляли *provocatio* "от всякого суда и наказания"[409] В двух других аспектах они ограничивали юрисдикцию народа. Утверждалось, что ни один закон или уголовный приговор (ибо он имел форму *lex*) не должен быть направлен против частного лица (*privilegia ne inroganto*), и было установлено, что смертный приговор не может быть вынесен иначе как "величайшей из *комиций*" (*nisi per maximum comitiatum*),[410] т. е. собранием веков. Позднейшая интерпретация считала, что этот пункт наносит удар по капитальной юрисдикции *плебса* (*concilium plebis*); однако сомнительно, насколько эта экстраординарная юрисдикция, опирающаяся на религиозную санкцию, могла быть затронута законом, который, как мы увидим, вообще не рассматривал *плебс* в качестве политической корпорации. Другим важным конституционным положением этого кодекса было положение, предоставлявшее право на свободное объединение. Двенадцать таблиц, строго запрещая тайные собрания (*coetus nocturni*)[411], которые, предположительно, преследовали изменнические цели, разрешали свободное формирование гильдий (*collegia* или *sodalicia*). Такие коллегии не должны были нуждаться в специальной хартии; правила, которые они устанавливали для собственного руководства, должны были иметь силу, если они не нарушали публичного права.[412] Наконец, кодекс гарантировал суверенитет народного собрания, объявив, что его последнее постановление должно быть окончательным, не устанавливая границ сферы его законодательной деятельности.[413] Это свидетельствовало о римском убеждении, что в праве не должно быть окончательности. Сами Двенадцать таблиц не были защищены от отмены. Это был прогноз дальнейшего развития, следующего за старым, конституции, этапы которой были отмечены эластичностью и ростом, а не жесткостью и революцией.

В новом законе, похоже, не упоминались *плебс* и *трибуны*, поскольку они едва ли были частью конституции; и все же в кризисе, последовавшем за падением *децемвирата*, вопрос, который собрался вокруг этих игнорируемых полномочий, был достаточно велик, чтобы затмить все остальные проблемы.

Плебс мог бы удовлетвориться компромиссом, если бы не неудачная попытка деспотизма, предпринятая второй коллегией *децемвиров*. Невозможно поверить, что эту узурпацию действительно одобрял *патрициат*, и что они стремились бесконечно долго сдерживать неизбежные нападки *плебеев* на *магистратуру*, бесконечно долго сохраняя это правило десяти ежегодных комиссаров без права апелляции; но они терпели свое правило и поддерживали свои оправдания, чтобы не уходить в отставку, пока два акта тирании не подняли мятеж в обоих римских лагерях. Солдаты-*плебеи* отказались от верности правящему совету и сначала под руководством военачальников, которых они сами выбрали, заняли *Авентин*; затем, в сопровождении большинства безоружных *плебеев* Рима, они во второй раз

проложили себе путь к Монс Сакеру (449 г. до н. э.). Сенат в тревоге послал двух своих членов, Валерия и Горация, пользовавшихся хорошей репутацией среди плебеев, узнать их желания. Ответ был таков: амнистия за нарушение военной дисциплины, связанное с сецессией; восстановление *provocatio* (что означало распад децемвирата) и трибунской власти.[414] Требования не увеличились со времени первой сецессии; защита - это все, чего плебеи еще требовали.

Все было удовлетворено; *децемвиры* были принуждены сенатом к нежелательному отречению; трибунат был восстановлен, и, поскольку плебейского магистрата не существовало, был предпринят необычный шаг - выборы проводил *pontifex maximus*. [415] Затем трибун Дуилий добился от плебса резолюции, согласно которой консулы должны быть созданы с правом апелляции. Она была принята сенатом, [416] который назначил *интеррекса*. *Комиции* веков вернули Валерия и Горация. Под руководством консулов собрание приняло ряд законов (*leges Valeriae Horatiae*), которые более чем удовлетворили требования плебса. Один из них гарантировал вечность *provocatio*, постановив, что "никто не должен в будущем создавать магистратуру, к которой нельзя было бы апеллировать; любой, кто создаст такую магистратуру, не должен быть защищен никаким священным или профанным законом и может быть безнаказанно убит". "Этот закон, очевидно, был вызван неограниченной властью только что упраздненного децемвирата; он не просто подтвердил первый *lex Valeria*, [418] ибо сделал создание абсолютной судебной власти путем *rogatio* магистрата смертным преступлением, даже если это предложение было принято народом. Но сфера обжалования не расширялась; "создание" магистрата относилось к выборам, санкционированным народом, и, следовательно, не затрагивало права консула назначать диктатора, от которого не было обжалования; оно также не расширяло пределы обжалования за пределы первоначальных границ - *помериума* или, в крайнем случае, первой вехи города [419].

Два других закона были направлены на то, чтобы придать плебейской общине законное существование. Один давал юридическую санкцию *sacrosanctitas* плебейских магистратов, устанавливая, что любой, кто нанес им ущерб, должен быть *sacer* для всей общины. [420] Другой придавал более обязательный характер официальным постановлениям, принятым на *консилиуме* плебса. Его смысл неясен, но несомненно, что он знаменует собой важный этап в развитии *плебисцита*. Нам говорят, что он был призван разрешить спорный вопрос о том, являются ли постановления плебса обязательными для патрициев; [421] и что он сделал это, постановив, что "все, что плебс повелел своими трибами, должно связывать народ (*ut, quod tributim plebes jussisset, populum teneret*)". Возможно, что наш авторитет неправильно понял смысл этого закона, но вряд ли это заблуждение настолько велико, как это представляют себе некоторые современные теоретики. Несомненно, что здесь не подразумевается, что *плебисцита* с этого времени имела силу законов; было решено, что постановления плебса приобрели силу парламентских актов только спустя более 160 лет. Недавние попытки истолковать закон Валерио-Горациев основывались на предположении, что он касался некоего способа, с помощью которого *плебисцит* мог стать *lex*, что он облегчал превращение резолюции плебса в обязательный закон *Populus* через посредника, консулов или сенат. [422] Формулировка закона (вряд ли столь далекая от оригинала, как предполагалось) едва ли дает основания для такого мнения; в ней говорится лишь о придании "обязательного характера" таким резолюциям. Следует помнить, что в это время плебейская община не была действительно связана постановлениями своего собственного *консилиума*, поскольку он не был юридически признанной корпорацией. Закон Валерио-

Гораций мог сделать его таковым, корпоративным органом, принимающим решения, обязательные для всех его членов. Но закон, действительный для корпорации, действителен и для тех, кто не входит в нее. Правда, постановления, обладающие такой обязательной силой, должны сразу же относиться только к делам общины, которая их диктует. Так было и в случае с *плебисцитом*. Все самостоятельные постановления плебса обязывали плебеев в первой степени, патрициев, если они нарушали существующие права, - во второй. Все *плебисциты* более широкого масштаба должны были оставаться простыми петициями к консулам.[423] Вряд ли можно представить себе, что закон точно различал, что было возможно для плебеев, а что нет; достаточно было признать уже установленную максиму, что корпорации могут устанавливать свои собственные правила *dum ne quid ex publica lege corrumpant*. [С этого времени и вплоть до 287 г., всякий раз, когда мы находим *плебисциты*, затрагивающие вопросы национального интереса или вносящие изменения в конституцию,[425] мы должны предполагать, что они были вынесены магистратами на рассмотрение народа для ратификации в качестве законов; хотя, несомненно, неопределенные пределы плебейской прерогативы часто превышались.

Первое великое изречение плебеев, следовавшее за Валерио-Горациевым законом, было именно такого характера, поскольку предусматривало уголовное (а значит, и общественное) наказание за отступление от обязанностей перед плебеями. По предложению трибуна М. Дуилия плебс постановил, что "всякий, кто оставит плебс без трибунов или создаст плебейскую магистратуру без апелляции, должен быть подвергнут бичеванию и казни"[426] Это был способ, с помощью которого плебс пытался оградить себя от возможного отказа от своих свобод, подобного тому, который привел к возникновению децемвирата.

Плебс, получивший таким образом свои первоначальные привилегии, признанный корпоративным органом и почувствовавший, благодаря Двенадцати таблицам, что его закон в основном является законом государства, стал стремиться к чему-то большему, чем защита. С этого времени начинается непрерывная борьба за полное уравнивание двух орденов. Ее открыл трибун Канулей в 445 году. Он справедливо считал, что социальное должно предшествовать политическому равенству, и предложил собранию плебеев разрешить браки между патрициями и плебеями.[427] Единственным разумным возражением, которое консулы, представлявшие чувства патрициев, могли выдвинуть против этой меры, был избитый временем предлог, который, как говорили, повлиял на децемвиров при включении запрета в свой кодекс, а именно. что у плебеев не было покровительства и что исчезновение чистой расы означало бы разрыв цепи, связывающей государство с небом.[428] Но этот предлог выражал реальные опасения патрициата. Междоусобные браки между орденами разрушили бы религиозный барьер, охранявший консульство; это был приз, к которому стремился плебс. В самом деле, предложение, исходившее от трибунов в начале года, уже приняло форму *rogatio* о том, что "народ должен иметь право выбирать консулов по своему усмотрению либо из плебса, либо из *патрициев*"[429] По вопросу о браке возникла обычная борьба, с обычным результатом. Консулы возглавляли оппозицию до тех пор, пока могли; наконец сенат был побежден, магистраты были вынуждены вынести вопрос на рассмотрение народа, и браки между орденами были узаконены.[430] Трибуны последовали за своей победой, настаивая на своей мере по открытию консульства. Было решено, что открытое сопротивление бесполезно, и прибегли к приему, который иллюстрирует римский гений приспособляемости, достойного политического сутяжничества и одновременного удовлетворения требований разума и предрассудков. Непосредственным злом было вторжение плебеев на высшие посты; но в течение некоторого времени должно было

нарастать ощущение, что исполнительный механизм государства ни в коей мере не соответствует предъявляемым к нему требованиям. Два консула были одновременно и военачальниками, и единственными администраторами высшей гражданской и уголовной юрисдикции, и единственными должностными лицами, на которых возлагалась обязанность регистрировать и распределять тяготы между гражданами. Такое сочетание функций не могло продолжаться с расширением политических горизонтов Рима, и теперь была сделана первая попытка разделить военные, судебные и регистрационные обязанности верховного магистрата.

Для достижения этой цели и одновременно для уступки плебсу было решено заменить консульство должностью военного трибуна с консульской властью (*tribunus militum consulari potestate*). [Это изменение, разрешение на которое, возможно, было дано специальным лексиконом, [432] заключалось в том, что некоторые из обычных легионерских делегатов консула были подняты до уровня командира и подавлены последним. [433] Эти чрезвычайные должностные лица избирались на *comitia centuriata* под председательством одного из главных магистратов, будь то консул или консульский трибун на данный момент. Обычное число - шесть - было, несомненно, подсказано шестью трибунами старой *legio* или армии. Но это полное число назначалось не всегда. Вопрос о том, сколько военных трибунов должно быть создано на тот или иной год, зависел от потребностей государства. Иногда избирались три, иногда четыре, иногда шесть - число, которое, кажется, никогда не превышалось. [434] Формально определять, сколько этих офицеров должно быть назначено на тот или иной год, должен был магистрат, руководивший выборами, а практически, возможно, сенат. Поскольку военные должности ниже верховного командования уже давно были открыты для плебеев, само собой разумеется, что плебеи имели право быть избранными в консульскую трибуну; их допуск, собственно, и был одним из мотивов изменений. [435] Однако патрицианский элемент присутствовал почти исключительно в первые годы существования этой магистратуры, и к концу ее существования он в значительной степени преобладал. Даже если отбросить версию о том, что только через сорок пять лет после учреждения консульской трибуны (400 г. до н. э.) на эту должность был избран плебей, [436] то важно отметить, что, хотя встречаются чисто патрицианские коллегии, нет ни одного случая, когда коллегия состояла бы исключительно из плебеев. Этот факт может быть просто демонстрацией аристократического характера выборных должностей и показывает, что массы предпочитали безопасность государства продвижению своего собственного ордена; ведь военное мастерство и опыт, и даже знание законов, по-прежнему искали в основном в рядах *патрициев*. [437] Постепенно, однако, плебеи приобщались к власти и проявляли больше доверия к лидерам своего ордена. В любом случае, 400 год знаменует собой поворотный момент в истории этой должности. После него мы видим, что плебеев избирается все больше; в 399 и 396 годах они составляют большинство в коллегии, и события склоняются к тому, что вскоре будет выдвинуто требование, чтобы место в высшей магистратуре было зарезервировано для кандидатов, представляющих большинство граждан.

Власть консульских трибунов была, вкратце, властью консулов; они имели те же *jus, imperium* и *potestas*, [438] и пользовались их знаками отличия. [439] Они председательствовали на выборах своих преемников и брали на себя эгиду по этим случаям, причем признание права плебея совещаться с народом *auspicato* разрушало последние барьеры религиозных предрассудков. [440] Если эта магистратура считалась ниже по достоинству, чем консульство, и лишь "тенью" этой высокой должности, [441] то, должно быть, только потому, что ее разделяло большее число коллег, и из убеждения в ее эпизодическом характере. Однако в качестве любопытного факта отмечалось, что по конституционным причинам,

неизвестным даже ранним анналистам, ни один консульский трибун никогда не пользовался триумфом[442].

Не следует думать, что консульство было каким-либо образом упразднено этой исключительной магистратурой; оно просто оставалось в подвешенном состоянии в течение определенных лет. Каждый год заново решалось, кого назначать - консулов или военных трибунов. Традиция считает, что это решение принимал сенат;[443] но осуществлял ли он эту функцию по закону[444] или просто как советник магистрата, который должен был проводить выборы, неизвестно. Эти дискреционные полномочия показывают, что трибунал рассматривался как исключительная должность; но его военное и политическое удобство привело к тому, что в годы, когда он был в моде, он практически заменил консулата. Период существования военного трибуната составляет семьдесят семь лет, с 444 по 367 год. В эти годы насчитывается двадцать две консульские *коллегии* и пятьдесят одна военная трибуна.[445] Передышка длилась полвека, и компромисс сохранялся до тех пор, пока в 367 году не было достигнуто окончательное урегулирование плебейских претензий.

Тем временем консульство было изменено еще одним способом, который наносил ущерб власти должности, но был призван сохранить влияние на патрициат. В учреждении цензуры мы видим тот же двойной мотив, который повлиял на правительство при создании консульской трибуны: чувство, что два человека не могут управлять всеми делами растущего государства, и желание не делить с плебеями неограниченные полномочия верховной власти.

У короля, а затем и у консулов был обычай через определенные промежутки времени оценивать эффективную военную мощь государства. Первоначально это была регистрация всех патрицианских бюргеров, но после реформ Сервия она превратилась в нумерацию всех граждан, чтобы выявить военнообязанных, определить класс, в который они должны быть зачислены, а в случае взимания дани - обязанность каждого домохозяйства платить налог на имущество (*tributum*). Для этих целей достаточно было вызвать и опросить глав семейств (*patres familiarum*). Их ответы составляли протокол, в соответствии с которым налагались военные и финансовые обременения, а также определялось политическое влияние в *comitia centuriata*. От этой записи зависело и признание гражданства, ведь, вероятно, с древнейших времен принадлежность к племени была символом обладания гражданскими правами, а теперь, когда племя было основой *плебисского консилиума* и *трибунной комиции*, голос получал каждый, кто был записан в одну из *триб.* Важность, которую приобрела перепись, была несовместима с консульским исполнением ее обязанностей. Судебные и военные функции ежегодных магистратов мешали ее регулярности и полноте, а временное прекращение консульства давало возможность возложить эти обязанности на других магистратов. В 443 году до н. э. были учреждены две новые должности, называемые *цензорами*,[446] которые должны были избираться *комициями* веков. Эта должность должна была принадлежать только патрициату, возможно, потому, что считалось, что торжественная церемония очищения (*lustratio*), которой завершалась перепись, не может быть надлежащим образом выполнена руками плебеев. Никто еще не мечтал о будущем величии этой должности; ее начало было небольшим,[447] и трибуны не оказывали никакого сопротивления закону, учреждавшему должность, которая должна была стать величайшей из политических наград.

Цензура, хотя и постоянная, была в определенном смысле эпизодической должностью, поскольку срок пребывания цензоров у власти никогда не мог совпадать с промежутком между каждой переписью - обычно этот промежуток составлял пять лет. Первоначальный срок пребывания в должности неизвестен; возможно, предполагалось, что цензор будет

занимать свой пост до тех пор, пока не выполнит свои обязанности. Только в 434 году до н. э. цензура была ограничена определенным сроком в полтора года в соответствии с *lex Aemilia*, предложенным диктатором 1600 Мамеркус Аемилиус.[448] Обязанности цензора были столь же широки, как и масштабы переписи. Его основной функцией была регистрация, но одним из значений регистрации было наложение денежного бремени на отдельных лиц; отсюда первая связь цензора с финансами. Другое следствие регистрации имело еще большее значение. Квалификация характера всегда должна была считаться необходимым условием для выполнения даже самых низких государственных функций в Риме. Допуск к вечам и трибам, а значит, и к активным избирательным правам и службе в армии, был возможен только для тех, кто не был запятнан преступлением. Светское основание, вполне достаточное для уважающей себя общины, возможно, подкреплялось религиозной идеей о том, что ни один нечистый человек не должен присутствовать на мистической церемонии очищения. Подобная проверка характера могла быть проведена консулами лишь самым беглым образом. Но теперь, когда была назначена магистратура, имевшая досуг для тщательной проверки, было неизбежно, что правило нравов (*regimen morum*) со временем затмит все остальные аспекты цензуры и что это двойное папство должно стать самым достойным и самым страшным органом государства.

Помимо учреждения консульского трибуната, цензуры и передачи выборов квесторов вновь созданной *comitia tributa*,[449] годы с 449 по 377 не отмечены какими-либо значительными конституционными изменениями. Это были годы компромисса, но не урегулирования; неугомонность реформаторской партии сдерживалась постоянным давлением войны. Она не могла обвинить военную политику правящего класса, который вел свои армии к победе и делал все необходимые уступки плебейским талантам. Это была эпоха войн с эквами, вольсками и этрусками, осады Вейи, в ходе которой Рим совершил свое первое большое территориальное завоевание, и кельтских переселений, которые превратили Рим в пепел, но сделали его оплотом центральных италийских народов против северных вторжений и дали ему силы переделать и реформировать латинскую коалицию, непосредственным главой которой он был. Периодические недовольства в этот, как и в любой другой период, вызывались необходимостью распределения земель и давлением долгов. Сп. Маэлий пал в 439 году, а М. Манлий - в 384 году; но правительство, хотя и не хотело, чтобы ему навязывали свою руку, не отказывалось идти на уступки бедности. В 406 году гражданам, находившимся на внешней службе, было выдано жалованье, а земли, отвоеванные у Вейи, спустя несколько лет были распределены между плебеями. Пока недовольство бедняков сдерживалось, правительство могло позволить себе делать безобидные и неизбежные уступки плебеям более высокого ранга. В 421 г. число квесторов было увеличено с двух до четырех; из-за длительного отсутствия армий было решено, что к каждому консулу в поле должен быть приставлен специальный квестор.[450] Трибуны потребовали, чтобы определенная доля этих мест была зарезервирована для плебеев. В этом им было отказано, но был достигнут компромисс, согласно которому любое из четырех мест могло быть заполнено из плебеев - уступка, которая была неизбежной, так как должна была ощущаться нелепость допуска плебеев к высшему званию в государстве и исключения их из этой подчиненной обязанности. Разрешение, однако, вступило в силу только через двенадцать лет (409 г. до н. э.); но тогда плебеи были избраны на три из четырех вакансий в *комициях* племен.[451] Первая регулярная выборная магистратура, как бы ни были ограничены ее полномочия и достоинство, теперь была завоевана плебеями.

Тем временем временное правительство дрейфовало дальше. Оно одерживало военные успехи, постепенно устанавливая гегемонию в Италии. Но последствия войны теперь, как и в прежние времена, были губительны для тех, у кого это правительство искало поддержки.

Несмотря на паллиативные меры в виде выплаты жалования армии и периодической раздачи земли, значительная часть крестьян снова оказалась в плачевном состоянии. Мы не можем сейчас говорить о социальных проблемах плебеев в целом; те представители плебса, которые стали занимать места в сенате[452] и стремились к военному трибунату или квесторству, были столь же богаты, как их патрицианские соратники. Между представителями двух орденов шла острая борьба за должности. Патрицию теперь приходилось вымалывать место на курульном кресле. Первый закон против агитации (*ambitus*) был принят в 432 году; он запрещал кандидату белить свою тогу мелом перед выборами[453] - примитивная мера, но она показывает, что плебейский электорат наконец-то стал властью. Но хотя отдельные представители плебса поднимались в верхние слои общества, в массе своей они все еще состояли из разорившихся земледельцев. Положение, которое они считали безвыходным, было, если не считать сурового закона долга, нормальным состоянием современного пролетариата. Но идеал античного гражданина был выше нашего; они желали быть владельцами свободной земли или земли, находящейся в бессрочном пользовании у государства.

Этим недовольством воспользовались более богатые плебеи,[454] желавшие добиться полного политического равенства между сословиями. В 378 году раздались громкие крики против капиталистов; война с вольсками дала трибунам возможность воспрепятствовать военному сбору, и от правительства нехотя удалось добиться некоторых временных уступок должникам.[455] Когда в следующем году бремя было вновь наложено, два честолюбивых плебея, Л. Секстий и К. Лициний Столо выступили с предложением, что единственным надежным способом окончательно исправить положение низшего класса является предоставление одного из мест в консулате членам их собственного ордена. Они сформулировали программу, которая представляла собой привлекательную мешанину социальных и политических мер. Провозглашенный ими *плебисцит* обещал временное освобождение от долгов, предлагал ограничить количество государственных земель, которыми мог владеть каждый человек, и объявлял, что военный трибунал должен быть упразднен, консульство должно быть восстановлено, а один из двух консулов отныне *должен* быть плебеем. Эта всеобъемлющая мера, покушавшаяся на землю, капитал и должности,[456] была легко осуществлена. Два трибуна стояли в одиночестве, и их восемь коллег без труда убедили наложить свое вето на революционную меру. Но вскоре выяснилось, что если вето может быть использовано против интересов плебса, то отрицательные полномочия трибунов могут быть использованы, с такой же законностью и таким же малым оправданием, чтобы парализовать жизнь государства. Два трибуна, в силу верховной власти, которую им с годами обеспечила *их сакросанкция*, запрещали избирать любых магистратов из народа. Пять лет подряд Лициний и Секстий переизбирались трибунами; в течение всего этого периода (375-371) единственными назначенными магистратами были плебейские эдилы и трибуны, а государство оставалось без главы. Война с Велитреем заставила трибунов смягчить свой анархический эдикт на 370 год. Но в результате длительного противостояния число трибунов, наложивших вето, сократилось до пяти. Теперь к первоначальным предложениям был добавлен еще один пункт, согласно которому число двух *дуумвиров sacris faciundis*, хранителей священных книг, хранилища, снабжавшего политические интриги самым надежным оружием, должно быть увеличено до десяти, и половина этих *децемвиров* должна быть плебеями.[457] Ни один из трибунов 368 года, похоже, не был готов оказать действенное сопротивление ни одному из положений закона,[458] и патриции, изгнанные из своей первой крепости, нашли убежище в лице диктатора. Это был знак того, что они проиграли игру, ибо диктатура не могла быть вечной. Но лидерам плебса требовались самые напряженные усилия, чтобы удержать своих последователей на уровне их первоначальных требований. Бездуховные общинники, не

сумевшие избрать членов своего ордена, консульских трибунов и квесторов, когда это было в их силах, выступали за то, чтобы разделить предложения, сразу принять социальные меры и оставить вопрос о консульстве на будущее время. Но Лициний и Секстий не были готовы быть социальными лидерами без вознаграждения. Единственное разделение, которому они подвергли сложную меру, - это проведение в 368 году пункта о разделении нового децемвирата с плебеями; остальные пункты были отложены. В следующем, 367 году до н. э., они стали трибунами в десятый раз. Оппозиция была измотана, и законы Лициния-Секстия были приняты в их первоначальном виде. Величайшая из плебейских побед была одержана; с этого времени плебс стал действительно доминирующим элементом в государстве. То, что он еще несколько лет не утверждал своего всемогущества, не имело большого значения; все, чего он желал в дальнейшем, должно было прийти. Поскольку в Риме магистратура была гораздо могущественнее народа, то орган, осуществлявший всю высшую запретительную власть через трибунат и монополизировавший половину высшей позитивной власти через консульство, должен был стать верховным. Даже чисто патрицианская привилегия *patrum auctoritas* не была большой помехой для этой власти. Чем больше плебейского элемента входило в сенат, тем больше он становился вопросом формы.

Неожиданным эффектом законов Лициния стало появление в государстве двух новых магистратур. Они были известны как преторство и курульное эдильство. Учреждение первой должности было конституционным изменением первой величины, являясь не чем иным, как добавлением третьего коллеги к консулам. Его представляют как часть компромисса между орденами: плебеи позволили создать третью, чисто патрицианскую магистратуру в обмен на конфискованные консулы[459]. Но даже если предположить, что преторство изначально принадлежало только *патрициям* - в чем с некоторым основанием сомневаются[460], - создание этой должности было продиктовано скорее необходимостью, чем амбициями. Невозможность для консула уделять должное внимание юрисдикционным обязанностям была одним из мотивов, приведших к созданию консульского трибуната. Теперь, когда консульство было окончательно восстановлено, необходимо было предусмотреть постоянное отделение гражданской юрисдикции от этой должности. Поскольку юрисдикция подразумевала *imperium*, а все обладатели этой царской прерогативы обязательно были коллегами, претор был коллегой консулов. Он был создан, как гласила фраза, "под той же эгидой"[461], а значит, тем же собранием и при тех же формальностях избрания. Он носил ранний титул консулов, который, несмотря на его несоответствие его обычным мирным обязанностям, прилип к нему исключительно. Но, хотя он был нужен главным образом для целей юрисдикции, одна ветвь *imperium* не могла быть выделена для исключения других. Претор обладает всеми аспектами верховной власти, способностью командовать на войне, инициировать законодательство, созывать и вести дела в сенате. О том, как эти полномочия были согласованы с аналогичными полномочиями консулов и подчинены им, будет рассказано в другом месте. Основные дела первоначального претора не пересекались с делами его коллег, поскольку, хотя теоретически консул, возможно, никогда не терял контроля над гражданской юрисдикцией,[462] практика решила не вмешиваться в нее, и претор более 120 лет (366-242) был единственным гражданским магистратом Рима. В конце этого периода был назначен второй претор, в обязанности которого входило решение дел между иностранцами (*peregrini*) и между римскими гражданами и иностранцами - дополнение, ставшее необходимым в связи с ростом территории и деловой активности Рима и не имеющее дальнейшего политического значения.

Преторство, если оно и было когда-то патрицианской прерогативой, недолго оставалось таковой. Через тридцать лет после его учреждения (337 г. до н. э.) плебей К. Публилий Филон успешно претендовал на этот пост. Возражения председательствующего магистрата,

основанные на законе или обычае, были отклонены, и плебеи были признаны имеющими право на эту должность[463].

Назначение одновременно с претором еще двух аэдилов ничего не дало патрициям, но очень много дало государству. Военные обязанности, которые мешали консулу вершить правосудие и заниматься регистрацией, также мешали ему посвящать себя *мелочам* полиции и рыночных правил. Аномалия заключалась в том, что эти обязанности, в той мере, в какой они выпадали на долю особых должностных лиц, находились в руках двух плебейских помощников трибуна.[464] Именно от них два новых магистрата позаимствовали свои имена, а сходство титулов и функций привело к счастливому результату - к объединению в одну корпорацию плебейских должностных лиц и новых магистратов общины. Последние в более поздние времена были известны как *курульные эдилы (aediles curules)*, от курульного кресла, которое у них было общим с магистратами, облеченными *властью (imperium)*. Патрициат, как говорят, был первоначальным условием для получения этой должности;[465] но очень скоро от него отказались в пользу практики, согласно которой курульные эдилы выбирались поочередно из патрициев и плебеев.[466] Позже - в какой период точно не известно - магистратура ежегодно становилась доступной для членов обоих орденов.

Приход плебеев к консульству стал ключом к положению; он разрушил последние притворные религиозные предрассудки, и через несколько лет патрицианская защита всех должностей была свергнута. В 356 году появился первый плебейский диктатор;[467] похоже, не требовалось никакого закона, чтобы обеспечить плебеев доступ к этой должности; квалификация для консулата считалась *ipso jure* открывающей проход к диктатуре. В 351 году плебеи впервые были допущены к цензуре;[468] но простого допуска было недостаточно, и в 339 году один из законов, принятых плебейским диктатором К. Публилием Филоном, *зарезервировал* одно из двух мест в цензуре для членов его ордена.[469] Насколько трудно было бы плебеев получить эту должность, если бы не было такого постановления, показывает тот факт, что первая исключительно плебейская цензура датируется только 131 годом до н.э. Что касается занятия обоих консульских мест плебеем, то, по-видимому, существовало сомнение в его законности, которое было устранено в 342 г. *плебисцитом*, принявшим закон, провозглашавший "uti liceret consules ambos plebeios creari." [471] Мы уже отмечали захват ими претуры в 337 г. до н.э.

Оставалась еще одна крепость, но очень сильная, которую плебейским *принципатам* предстояло взять штурмом. Это был круг жреческих коллегий. Две религиозные гильдии, имевшие первостепенное политическое значение, помимо децемвирата (*sacris faciundis*), в который плебеи уже были приняты, были гильдиями понтификов и авгуров. Коллегия понтификов, которая при монархии состояла из пяти членов, теперь состояла из четырех, причем место, занятое изгнанным царем, так и не было, по-видимому, заполнено.[472] Коллегия авгуров, которая должна была состоять из шести, также была в это время по какой-то случайности сокращена до четырех членов.[473] В 300 г. до н. э. два трибуна, К. и Кн. Огульний, выдвинули законопроект об увеличении числа авгуров до девяти, а понтификов - до восьми, причем в обоих случаях дополнительное число должно было быть взято от плебса.[474] Эта мера, как понимали, в первую очередь отвечала интересам знатных плебеев, уже обладавших курульными должностями и триумфальными украшениями, но в значительной степени способствовала соблюдению прав плебса как корпорации; ведь религиозное вето отныне, хотя и могло использоваться знатью против интересов низших сословий, не могло быть использовано патрициями для противодействия плебейским мерам. Законопроект, ставший законом, устанавливал религиозное равенство двух орденов в той мере, в какой религия была политической силой. Правда, как мы увидим, плебеи всегда были

исключены из некоторых неполитических священнослужителей; но, с другой стороны, один из религиозных колледжей государственного значения, созданных в более поздние времена - *triumviri epulones*, созданный в 196 году до н.э. для подготовки *epulum Jovis* и банкетов в честь других богов[475] - похоже, с самого начала состояла исключительно из плебеев.[476] Однако изменения, хотя и косвенно благоприятствовавшие плебейам, не носили демократического характера; жречество сохранялось в пределах нескольких знатных семей благодаря принципу назначения. Метод кооптации, который мы находим существующим с 453 г. до н. э.[477] Только в последнее столетие Республики *lex Domitia* (104 г. до н. э.) решился предоставить выборы не популу, а специальному собранию, состоящему из семнадцати из тридцати пяти племен, выбранных по жребию, и даже тогда формы выдвижения главой коллегии и кооптации ее членами соблюдались неукоснительно[478].

Описывая захват должностей и почестей плебейской знатью, мы рискнули несколько предвосхитить хронологическую последовательность событий. Общинники тоже получили в этот период свою долю политической эмансипации. За тридцать девять лет до Огульниевского закона были приняты законодательные меры, направленные на повышение независимости плебса как корпорации и освобождение собраний популяров от юридического контроля патрициев. В 339 г. до н. э. плебейский диктатор К. Публилий Филон провел закон, сделавший *плебисцит* обязательным для народа (*ut plebiscita omnes Quirites tenerent*).[479] Смысл этого закона явно не был понят нашей властью. Его претенциозная формулировка почти идентична формулировке Валерио-Горацианских мер:[480] но то, что было сделано по этому поводу, не нуждается в повторении, и целью Публилиевого закона должно было быть обеспечение более немедленной юридической силы тем мерам, принятым плебсом, которые не относились только к этой корпорации, чтобы сделать, фактически, этапы перехода от *plebiscitum* к *lex* вопросом формального, а не реального значения.[481] Другой закон, принятый тем же диктатором, имел отношение к *patrum auctoritas*. Мы уже видели, во что превратилась эта власть, вероятно, на заре Республики.[482] Это было право патрицианских членов сената принимать или отвергать любые меры популяров, собранных куриями или веками. Оно никогда не затрагивало *плебисцита*, и мы слишком мало знаем о *comitia tributa*, чтобы сказать, представлялись ли ей меры этого органа или нет;[483] препятствование *comitia curiata* к этому времени не имело значения, и *lex Publilia* ограничился применением *auctoritas* к вечам. Этим законом было установлено, что согласие на законы, принятые *comitia centuriata*, должно быть дано до начала голосования.[484] Вскоре после этого (возможно, в 338 г. до н. э.) это положение было распространено *lex Maenia* на выборы.[485] Очевидно, что ни одно из этих положений не могло сделать *auctoritas* ничтожным, поскольку для части сената было не сложнее отказаться от вынесения вопроса на рассмотрение народа, чем отклонить его после принятия. Однако эти положения могли свидетельствовать о том, что *auctoritas* превращалась в простую форму; но ее формальный характер был обусловлен быстро растущим преобладанием плебеев в сенате.

Но хотя народные собрания, таким образом, были свободны от контроля патрициев, а магистраты, подчиняясь лишь самоограничению в виде необходимости принимать советы от сената, могли добиваться от *комиции* любых высказываний, которые им заблагорассудится, в существующей системе законодательства был один серьезный недостаток, который требовал исправления. Плебейская магистратура, которую обстоятельства возвысили над всеми другими властями, не обладала свободой других магистратов. *Постановления* трибунов, принятые плебсом, все еще нуждались в дополнительной санкции, чтобы стать законами. Эту аномалию можно было устранить одним из двух способов: либо предоставив трибуну право созывать собрания народа и председательствовать на них, сделав его

фактически магистратом общины и тем самым отменив все различия между *Populus* и *Plebs*, либо устранив препятствия, которые все еще мешали трибунскому законодательству в *concilium plebis*. Консерватизм римского характера и, возможно, классовое чувство, возродившееся в начале III века в связи с новой вспышкой плебса, привели к принятию последнего курса. В 287 году общинники, угнетенные долгами, снова отделились - на этот раз от Яникула. Назначенный для урегулирования плебейский диктатор удовлетворил социальное недовольство политической уступкой. Он принял закон, который, по мнению большинства наших авторитетов, дословно совпадает с законами Валерио-Горациев и Публилия, [486] но, похоже, имел совершенно иной и гораздо более определенный характер. Юристы [487] считают *lex Hortensia* мерой, придавшей постановлениям плебса полную силу законов. Отныне между *lex* и *plebiscitum* существует лишь разница в форме и названии; их *potestas* одинакова, [488] и даже юридические формулы используют эти слова как практически идентичные. [489] Закон мог отменить плебисцит, а плебисцит - закон; [490] в случае конфликта между ними действовало правило Двенадцати таблиц, согласно которому более поздний закон отменял более раннее постановление. Поэтому неудивительно, что в анналах, даже претендующих на точность, *Populus* и *Plebs* используются безразлично, [491] и только иногда, тщательно отметив, кто является председательствующим магистратом в конкретном случае, мы можем определить, является ли постановление, которое он издает, декретом *comitia* или *concilium*. Разница в законодательных полномочиях двух собраний со временем стала не более чем разницей в праве магистратуры; [492] если *комиции* веков и племен возглавлялись магистратами с *imperium*, то *консилиум* плебса мог созываться и рассматриваться только плебейскими магистратами. Однако прошлая история различных собраний была решающей в отношении их выборных и судебных функций, а практика еще больше определяла объем полномочий каждого из них. Но во времена *lex Hortensia* разница между двумя парламентскими суверенами - *Populus* и *Plebs* - была еще более заметной; патриции, исключенные из *concilium*, все еще оставались значительным органом, а трибун еще не стал, как магистраты с *imperium*, полностью слугой сената. [493] Закон Гортензия имел в то время политическое значение, которое впоследствии потерял; но он имел скрытое значение, которое имело жизненно важное значение для истории государства. Увековечив плебс как отдельную корпорацию, он сохранил трибунат во всем его первобытном величии и тем самым сохранил власть, которую впоследствии использовал в качестве инструмента сенаторского и монархического правления.

Тенденции плебейской эмансипации были почти все в пользу высших классов; о том, что это никогда не было демократическим движением или движением, возглавляемым демократически настроенными людьми, наиболее ярко свидетельствует полное безразличие, проявленное лидерами к экономическому злу, от которого страдали массы, и которое они использовали как инструмент для развития своих амбиций. Солон одним махом отменил рабство за долги; для римлянина это святое дело, выражение *римской верности*; в то время как греческий проотάτης боролся за других, римский покровитель боролся за себя. Однако продолжающееся давление привело к тому, что во второй половине четвертого века были предприняты некоторые предварительные усилия, чтобы смягчить проклятие долга. *Марсианский лекс* 352 года до н. э. давал должнику право на суммарный арест (*manus injectio*) ростовщика для взыскания четырехкратной неустойки за незаконные проценты; [494] а в 326 году была предпринята попытка дать будущим хозяевам мира власть над своим телом. В 313 году был принят *lex Poetilia*, запрещавший заключать в тюрьму *nexi*, которые могли поклясться, что у них есть разумные надежды в конечном итоге удовлетворить своих кредиторов; [495] таким образом, было отменено большинство договоров под залог личности; хотя *addictio* и заключение в тюрьму должников по решению суда продолжались в течение всей Республики и в Империи. Но если суровость закона была одним злом, то

незнание его форм было другим, почти столь же великим. Случайность помогла исправить ситуацию. Понтифик Аппий Клавдий изложил формы действий в письменном виде; но книга, предназначенная для руководства понтификов, была немедленно открыта для нечистых глаз народа его секретарем, неким Кн. Флавий, сын вольноотпущенника. Мошенник-секретарь также вывесил табличку с перечнем судебных дней (*dies fasti*), в которые можно было совершать *legis actio*.^[496] Теперь *penetralia* понтификальной коллегии стала достоянием масс, и хотя главные понтифики по-прежнему в течение веков давали римскому праву самые высокие имена, они исповедовали эту науку открыто,^[497] а светское преподавание вскоре сорвало покров с тайных черт юриспруденции.

Но, не считая этих незначительных преимуществ, масса плебеев не принимала сколько-нибудь значительного участия в триумфе своего ордена. Истинная причина того, что отдельный римлянин оказался отодвинут на задний план, может быть выяснена только путем анализа причин, которые, как мы вскоре увидим, сформировали как теорию, так и практику развитой римской конституции. Достаточно взглянуть на распределение власти в римском государстве на момент войны с Пирром или начала борьбы с Карфагеном, чтобы проследить, к каким болезненно неадекватным результатам привели эти столетия волнений.

Старая аристократия ослабила свою исключительную власть, но только для того, чтобы дать место еще более крепкой хватке новой. Это была аристократия смешанного происхождения, состоявшая в равной степени из ведущих патрицианских и плебейских семей. Критерием *благородства* была способность указать на предков, занимавших должности, которые давали право сидеть на стуле курульных. Внешним признаком знатности было обладание так называемым *jus imaginum*. Сами *имагины* представляли собой восковые портреты-маски, сделанные с лица умершего, и использовались в основном для погребальных церемоний. Оригинал лепили, чтобы поместить его на лицо умершего и таким образом увековечить его жизнь в другом мире; копию же хранили, чтобы придать правдоподобие его фиктивному воскрешению, которого требовало погребение одного из его потомков. На таких похоронах нанимали актеров для представления могущественных умерших; они надевали их *образы* и украшали их знаками отличия тех должностей, которые они занимали при жизни, - *тогой претекста* консула или претора, пурпурной мантией или *тогой пикта* цензора, и они сидели на курульных креслах вокруг Форума, чтобы слушать оратора, который напоминал им об их собственных великих делах.^[498] Поскольку публичные похороны на Форуме были уступкой государства, перспективное право выставить свою маску, составлявшее *jus imaginum*, было строго законной привилегией. Им обладали все те, кто носил *тогу претекста* и *sella curulis*^[499] - диктатор, хозяин коня, консул, цензор, претор и курульный эдил. Но, даже не считая случаев столь торжественной мумификации, *имаго* служило знаком ранга его обладателя. Когда его не использовали в торжественных случаях, он висел на бюсте в крыльях центрального зала (*атриума*) дома знати. Под каждым портретом шла надпись (*titulus* или *elogium*), в которой приводились имена и деяния изображенного человека. Портреты соединялись линиями вдоль стен, на которых изображалось *родословное* древо. Возможно, что эта выставка в *атриуме* рассматривалась как публичная, и первоначально она могла быть ограничена законом; но в более поздние времена, кажется, лучше заключить, что только погребальная выставка была предметом особого *jus*.^[500] Но этот внешний знак знатности, который в Риме занял место современного почетного титула, имел значение для подчеркивания различия между *нобиями* и *игнобиями*, для сближения плебейской аристократии с патрицианской, которая до принятия законов Лициния обладала исключительным правом, и для утверждения наследственного права на должность, которое римский электорат был слишком готов признать. Признание этого права было менее опасным, чем в большинстве современных государств, поскольку первородство не

признавалось при передаче почестей,[501] и именно способного, а не старшего сына голос *комиции* возводил на кресло курула. Притязания также могли потускнеть от неупотребления, и плебей, чьи ближайшие предки занимали высокое положение, демонстрировал более яркую вывеску, чем патриций, который был связан с благородным *происхождением* неблагородными узами.[502] Но патрициат сам по себе давал своего рода благородство, которое, независимо от его основы, могло быть оправдано должностью, поскольку среди членов ордена было мало тех, кто не мог указать на курульных предков в прошлом. Хотя плебея, который *впервые* получил должность курульного и таким образом перестал быть *ignobilis*, называли *novus homo*, это обозначение, похоже, никогда не применялось к представителю патрицианского *рода*. [503] Дворянство, если оно было однажды получено, никогда не могло быть утрачено; но наследственные притязания на право голоса избирателей были малоэффективны, если не сопровождались исключительными заслугами или богатством. Притязания последних получили своеобразное юридическое признание благодаря правилу, установленному во время первой Пунической войны, согласно которому расходы на общественные игры не должны покрываться исключительно за счет казны. [Эдильство, будь то курульное или плебейское, как мы увидим, не было обязательной ступенью в восходящей шкале магистратур; но, поскольку оно занималось до претуры и консульства, очевидно, что блестящее представление народу, которое занимал этот пост, часто делало бесплодными усилия его менее удачливых конкурентов, и что этот узаконенный подкуп исключал из должностей как бедных *nobiles*, так и борющихся *novus homo* [505].

Идея привилегированной знати, которая закрывала свои ряды для новых людей, утвердилась к моменту второй Пунической войны. [506] К концу этой войны старая аристократия достигла зрелости и начала угасать; и хотя такие люди, как Катон или Цицерон, могли пробиться вперед благодаря настойчивости и способностям, или вера в привилегии могла быть грубо поколеблена тем, что народ ввел в свою среду Варро или Мария, аристократы стали смотреть на приток новой крови как на загрязнение ордена. [Время, очищающее все вещи, сделало рабскую кровь успешного плебея такой же голубой, как и кровь потомка королей, у которых он сидел.

Но, несмотря на этот нечестивый союз древних врагов, различие между орденами так и не было упразднено. Во времена Цицерона отдельные права патрициев еще могли перечисляться и отстаиваться оратором. Помимо теневых и неэффективных полномочий *patrum auctoritas* и *interregnum*, они обладали половиной мест в больших жреческих коллегиях, которые делились между орденами, а некоторые жрецы - Rex Sacrorum, три великих Фламиния и Салии - выбирались исключительно из их рядов. [508] Место патрициата в теории конституции - как показывают *auctoritas* и *interregnum* - было, как мы увидим, очень велико; но это теоретическое значение давало очень мало власти, и плебеи, с их исключительными магистратурами, закрытыми для *patres*, с одним местом, зарезервированным для них в консульстве и цензуре, и другим, доступным для их ордена, победили в долгой гонке за почестями.

ГЛАВА III

КЛАССЫ НАСЕЛЕНИЯ И ТЕОРИЯ КОНСТИТУЦИИ В РАЗВИТОЙ РЕСПУБЛИКЕ

§ 1. Классы населения

К моменту издания *lex Hortensia* (287 г. до н.э.) республиканская конституция во всех существенных пунктах (рассматриваемая как конституция города-государства) завершила свой рост; но прежде чем перейти к рассмотрению теории и практики развитого полиса, необходимо остановиться и выяснить, какие изменения за эти столетия республиканского развития произошли в положении гражданина и других классов города, которые частично разделяли или были исключены из его прав, и какие изменения претерпели несколько основных правовых норм, обозначающих контуры их социальной среды.

Слияние патрициев и плебеев в одну общину вызвало необходимость в универсальном понятии гражданства, применимом ко всей совокупности, обладающей активными политическими правами, в то время как растущая практика предоставления частичных гражданских прав членам некоторых итальянских общин привела к различию между полностью привилегированным и частично привилегированным гражданином. Первые - это *civis optimo jure*, вторые - *civis non optimo jure*. Здесь мы будем говорить только о первых; рассмотрение вторых будет уместнее отложить до той части нашей работы, которая посвящена Итальянской конфедерации.

Обычным способом приобретения гражданства было, естественно, рождение, либо от двух граждан, либо от гражданина и иностранца. Вопрос о необходимости брака родителей для получения детьми полноценного гражданства мы вскоре рассмотрим; главный вопрос, который встает перед нацией, - это вопрос о подданстве ребенка, родившегося от гражданина и иностранки. В этом случае старый принцип римского права (возможно, пример универсального принципа итальянского права) гласил, что, если между родителями существует *conubium*, дети следуют статусу отца; если *conubium* не существует, природа диктует, что они должны следовать статусу матери.^[509] Но произвольное исключение из этого принципа было сделано в неизвестную дату в римском праве *lex Minicia*, который постановил, что в случае союза без *конубиума* между римлянином и иностранцем, дети должны следовать статусу менее привилегированного родителя; ребенок *гражданки Рима от перегрина*, таким образом, сам становился *перегрином*.

Исключительными способами создания граждан были (i.) государственное закрепление *civitas* за *peregrini* или полной *civitas* за *cives non optimo jure*, а также (ii.) освобождение рабов.

(i.) Государственное обеспечение *гражданства* было исключительной мерой лишь постольку, поскольку требовало специального законодательного акта.^[510] Необычайная либеральность Рима в этом отношении, никогда не имевшая себе равных в жизни древнего города-государства, - либеральность, которая распространила имя римского гражданина сначала на Италию, а затем на большую часть цивилизованного земного шара, - не была результатом внезапно принятой политики, а сохранялась с момента рождения города^[511] до всемирно значимого эдикта Каракаллы (212 г. н.э.). Достаточно привести несколько цифр, чтобы понять, насколько увеличилась численность населения благодаря этому. К концу первой Пунической войны (240 г. до н. э.) число граждан мужского пола, внесенных в списки переписи, составляло 260 000 человек; в 124 г. оно возросло до 394 726; в 85 г., после присоединения большей части Италии, - до 963 000.^[512] При Августе (28, 8 до н. э. и 14 н. э.)

цифры составляли 4 063 000, 4 233 000 и 4 937 000; а перепись Клавдия (47 н. э.) дала результат в 5 984 072 *civium capita*[513].

В Республике дар гражданства передавался исключительно по декрету народа (*jussu populi*). Такие декреты могли быть как постоянного, так и частного характера; они могли передавать дар сразу получателям или через посредников-делегатов. Постоянные постановления - это в основном те, которые регулировали состояние зависимых от Рима территорий. Мы увидим, что права латинских колоний предоставляли возможности для получения гражданства; уголовные законы иногда давали иностранцу дар *civitas* в качестве награды за успешное судебное преследование;[514] а после падения Республики набор легионеров из провинций был одним из самых плодотворных источников пополнения рядов граждан. Если народ не принимал решения напрямую, то через сенат, выступавший в качестве его делегата,[515] или через комиссаров, которым поручалось основание колоний. Обычно это были специально назначенные *Illviri coloniae deducendae*; во всех таких случаях делегирования полномочий они предоставлялись *lex*. [516] В последнем веке Республики мы видим, как развивается обычай разрешать специальным указом такие полномочия генералам на местах. Марий во время Кимврийской войны получил в свои руки дар гражданства, а *lex Корнелия Геллия* предоставил аналогичные полномочия Помпею во время его испанских кампаний[517]. Это была ступенька к праву, которым обладал единственный главнокомандующий, принцепс, предоставлять гражданство по своему усмотрению.

(ii.) Любая совершенно законная форма манумиссии давала рабам гражданство. Любая форма принималась по инициативе хозяина, но для того, чтобы она была совершенно правильной (*manumissio justa*)[518], он должен был соблюдать определенные нормы права. Наиболее распространенной формой была *manumissio vindicta*. Это была одна из многочисленных фиктивных форм старого захвата имущества (*vindicatio*), примитивного римского метода взыскания. Человек из соломы, называемый *adsertor in libertatem*, появлялся перед любым магистратом, который мог претендовать на проведение *legis actio*[519], объявлял раба свободным и касался его головы посохом (*vindicta*).[520] Господин уступал, и за этой уступкой своих прав (*in jure cessio*) следовало объявление магистрата, что раб свободен.[521]

Второй формой было занесение в реестр граждан цензором, когда проводилась перепись, по просьбе хозяина (*manumissio censu*). Именно ложное заявление хозяина о том, что человек свободен, придавало действительность этой форме[522].

Третьей и более поздней формой была манумиссия по завещанию (*manumissio testamento*), при которой хозяин либо распоряжался свободой раба в своем завещании, либо оставлял ее в доверительное управление своему наследнику[523].

Сравнительное неудобство этих форм привело к появлению других, более простых способов манумиссии: объявление о свободе перед друзьями (*inter amicos*), письмо рабу с предложением жить как свободный человек (*per epistolam*) или даже приглашение обедать как свободный человек за столом своего хозяина (*per mensam*).[524] Манумиссия, осуществленная таким неофициальным способом, хотя и защищалась гражданскими судами, не давала политических прав гражданства.

Гражданин, ставший таковым в результате манумиссии, был *либертином* (*libertinus*); все остальные к концу Республики были свободнорожденными (*ingenui*). Как мы увидим, отличие, которое давало *ingenuitas*, было важным, поскольку это условие было обязательным для

армии, магистратуры и высших *орденов* государства. Но понятие "свободное рождение", хотя и простое в конце Республики, имеет свою историю, и *ingenuitas* не во все времена имело одно и то же значение. В конце IV века до н. э. *ingenuus* был тем, кто происходил не просто от свободных, а от свободнорожденных предков, ибо термин *libertinus* - всегда его противоположность - использовался для обозначения не только манумированного раба, но и его потомка в первой степени.[525] До конца Республики сын вольноотпущенника или вольноотпущенницы был *ingenuus*, единственным условием было "рождение в состоянии свободы".[526] Учитывался только статус матери, статус отца не принимался во внимание, а условие брака, которое не могло быть принято во внимание, если один из родителей был несвободен, было необязательным.

Законный брак, должно быть, в ранние времена был условием *ingenuitas* в плебейской, как, несомненно, и в древней патрицианской общине. Но до конца Республики это условие тоже игнорировалось, и незаконнорожденные дети (*spurii filii*) были поставлены на один уровень в отношении почестей и должностей с рожденными от брака.[527] Это был один из многочисленных триумфов закона природы над законом государства.

Права (*jura*) гражданина в развитой республике были теми, которые мы перечислили как принадлежащие свободному плебею монархии,[528] с добавлением большинства исключительно патрицианских привилегий. К ним относились права на брак и торговлю с вытекающими отсюда последствиями, *patria potestas* и право на составление завещаний, а также право на занятие домениальной земли и избирательные и должностные права. Патриции все еще обладали некоторыми незначительными привилегиями,[529] и все еще поддерживалась старая теория, которая сохраняла *auspicia* за патрициями. Но в условиях, когда императорской властью владели плебеи, эта доктрина поддерживалась фикцией, которая давала занимающему "народную" и, как ее все еще продолжали называть, "патрицианскую" магистратуру патрицианскую *ауспицию*.

Обязанности гражданина - это определенные услуги, которые он должен оказывать государству и которые оплачиваются либо его личным трудом, либо его имуществом.

Название этих повинностей (*moenera, munera*, связанное с *munire*, "укреплять") показывает, что они были связаны с военной обороной города. Первоначально большинство таких повинностей, вероятно, покрывалось личным трудом горожан[530]. Даже финансовое бремя, которое впоследствии легло на имущество (*munera patrimonii*), в значительной степени покрывалось их принудительным трудом (*operae*).[531] В муниципальном законодательстве конца Республики мы находим услуги граждан, требуемые для таких поборов, как ремонт дорог и стен (*munatio*), которые в наше время покрываются тарифами.[532] Но *трибут*, в какое бы время он ни был впервые введен, стал удовлетворять большинство потребностей, которые раньше удовлетворялись этим принудительным трудом. Другие общественные нужды в Республике удовлетворялись за счет контрактов, заключаемых цензором, о которых мы будем говорить в связи с этой должностью. Теперь можно было провести четкое различие между большим бременем для имущества - данью - и большим бременем для личности - военной службой[533].

Со времени переписи сервов дань взималась с имущества, составлявшего основу *сословий* - первоначально, следовательно, с *res mancipi*;^[534] позднее она взималась со всего имущества и выплачивалась всеми зарегистрированными гражданами, которые были *sui juris*; *aes hordearium* и *equestre* на содержание рыцарей по-прежнему выплачивались детьми и женщинами, которые также были *sui juris*.^[535] Самым низким налогом, как мы уже видели, облагалась собственность в 1500 ассов.^[536] Налог, однако, не был, подобно военной

службе, градуирован по *сословиям*, а взимался единообразно, обычно по ставке один к 1000 (□ процента). Дань была чрезвычайным налогом и взималась, как и военная служба, только тогда, когда этого требовали нужды государства, практически при отсутствии резервного фонда в *азарии*. Государство рассматривало его скорее как заем, чем как свой долг, и иногда считало себя обязанным, когда его финансы были более процветающими, возвращать деньги плательщикам.[537] Огромные доходы, полученные государством в результате третьей Македонской войны в 167 году до н. э., привели к прекращению дани,[538] и больше прямой налог в Риме не собирался, пока в конце III века н. э. он не был вновь введен Диоклетианом и Максимианом. Дань, действительно, не соответствовала императорскому положению Рима. Она предназначалась для покрытия расходов на содержание легионов, но с созданием империи каждая провинция сама покрывала расходы на свои военные нужды.

Служба в легионах (*ополчении*) теоретически была бременем; от нее время от времени освобождали, как от хлопотной повинности,[539] а гражданина, не явившегося на призыв, продавали в рабство[540] за Тибр.[Но отношение к сбору и чувства граждан возвели это бремя (*munus*) в привилегию (*honor*); именно по этой причине для легионеров всегда требовалось свободное рождение, и ряды никогда не были запятнаны приемом людей подневольной крови. Перепись сервов по-прежнему служила мерилom военной службы как в *легионе*, так и в отборном корпусе гражданских кавалеристов (*equites*). Законная продолжительность службы на большей части Республики составляла шестнадцать, максимум двадцать ежегодных кампаний (*stipendia*) для пешего воина и десять кампаний для рыцаря. Выполнение *мунира* дани и военной службы требовало третьей обязанности, которая была условием обеих. Это присутствие гражданина, который был *sui juris*, на переписи населения с целью регистрации. Все, кто пренебрегал этой обязанностью (*incensi*), могли быть проданы в рабство за Тибр[542].

Представления о человеке как субъекте прав, об их обладании и их нарушении породили постепенно развившуюся теорию *jura*, которой был наделен гражданин, и способа их утраты, которая играет большую роль в рассуждениях юристов. Она примыкала к примитивной идее *capitis deminutio*, понижения статуса в результате утраты семейных прав.[543] Постепенно юриспруденция развила идею *caput* или личности, которой обладает каждый человек независимо от гражданства, идею, идущую параллельно с концепцией закона цивилизованного мира (*jus gentium*), независимого от *jus civile*. С этой точки зрения о потере *гражданства* можно было говорить как о *capitis deminutio*. Кроме того, существовало посягательство на личность, еще большее, чем утрата гражданства, жертвой которого мог стать естественный человек. Это была потеря свободы. Об этих двух великих унижениях *caput* говорили как о *magna capitis deminutio*:[544] но в конце концов более точная классификация дала следующие три степени потери статуса:[545]

(i.) *Capitis deminutio maxima* - это потеря *гражданственности* и *свободы* в результате того, что человек становится пленником врага. С утратой свободы политические и, следовательно, частные права[546] переставали существовать *ipso jure*. Обязательства международного права также могли привести к такому состоянию; римский генерал, заключивший договор с врагом, который народ не принял, был выдан в качестве козла отпущения за нарушенную веру общины[547] (*deditus*), и аналогичное обращение было применено к тому, кто нарушил неприкосновенность посланников[548] или к генералу, который вел войну с государством в союзе с Римом.[549] Подобная потеря статуса происходила и по гражданскому праву, когда оно предписывало рабство в качестве меры

наказания - например, в случае *incensi* или тех, кто уклонялся от военной службы[550], - или разрешало продажу должника или ребенка в чужую страну[551].

(ii.) *Capitis deminutio media* (или *minor*[552]) - это потеря только *гражданских прав*.

Это могло произойти добровольно в результате принятия гражданства другого города, поскольку принцип древнеримского права гласил, что человек не может быть членом двух независимых общин. [553] Изгнание из Рима, которое следовало за осуждением за уголовное преступление, относилось к этому типу отказа от гражданства, поскольку изгнание всегда считалось добровольным актом. Принудительное воздержание от римского *гражданства*, которое требовало продолжения пребывания в изгнании, производилось декретом об объявлении вне закона (*aquae et ignis interdictio*)[554], часто принимаемым народом против человека, который находился в добровольном изгнании за преступление.

(iii.) *Capitis deminutio minima* - первоначально утрата семейных прав - была неправильно истолкована позднейшими юристами как изменение семейного статуса.[555] Ее применение уже рассматривалось.[556]

Существовали средства для восстановления статуса, утраченного в любом из этих трех случаев. Утрата *familia* в ее первоначальном смысле[557] могла быть восстановлена путем эмансипации; утрата *civitas*, если она навязывалась государством, - специальным актом, отменяющим эту утрату (*restitutio in integrum* в уголовном праве). *Libertas* могла быть восстановлена посредством осуществления права, известного как *jus postliminii*. Возвращение, непреднамеренное или преднамеренное, пленника в пределы своей страны уничтожало состояние рабства и восстанавливало *ingenuitas* и права бывшего пленника. Хотя это было названо юридической фикцией[558], это было прямым следствием простого принципа, согласно которому римлянин не мог быть порабощен на римской земле.

Римская семья подверглась многим изменениям с тех пор, как мы рассматривали ее в последний раз.[559] *Patria potestas*, действительно, существовала во всей своей старой строгости, и власть жизни и смерти над детьми все еще находила случайное выражение; но единство семьи было в значительной степени разрушено слабостью брачных уз. В моду вошла модификация брака *usus*, которая признавала согласие сторон, без предписывающего владения, посредством которого утверждался *potestas*, в качестве единственной связи, которая, таким образом, могла быть расторгнута в любой момент по отказу мужа или по взаимному согласию. Жена оставалась членом *семьи* своего отца и, если она была *sui juris*, сохраняла свою собственность; ведь опека над женщинами не соответствовала духу эпохи и, хотя и не была отменена, уклонялась от нее с помощью хитроумных юридических фикций. [560] Никогда, пожалуй, женщины не были свободнее от социальных кандалов и юридических уз, чем в последние полтора века Республики, и одной из черт их независимости было косвенное, но очень сильное влияние на политику.

Но наибольшие изменения в римском обществе были связаны с ростом численности рабов, которые в городе и той части Италии, которая составляла римский домен, свели свободных граждан к меньшинству.

Правила *jus gentium*, которые в данном случае, как и во многих других, являются чистым международным правом, разрешали обращать пленника в рабство до тех пор, пока он не ступит на свою родину, если эта страна является независимым государством.[561] Этот принцип, примененный к победоносным войнам Рима, наводнил Италию образцами различных национальностей, которые использовались для различных целей. Эти военнопленные, как правило, сразу же переходили из собственности государства в

собственность частных лиц. Их продавали квесторы,[562] часто в лагере,[563] и работорговец шел по следам успешного полководца.[564] Одна только война могла обеспечить все необходимое для самого роскошного общества, если судить по результатам второго завоевания Македонии, в результате которого в Италию попало 150 000 эфиротских пленников,[565] и по последствиям походов Цезаря и Лукулла. Но ее дополняла оживленная работорговля, которая после падения Коринфа и Карфагена (146 г. до н. э.) сосредоточилась на Делосе, а к концу Республики достигла таких размеров, что во времена правления киликийских пиратов, как говорят, в течение одного дня туда ввозили и продавали 10 000 рабов.[566] Именно из последнего источника привозили разносторонних выходцев с Востока: фригийцев, мисийцев, лидийцев, ликийцев, пафлагонцев, эллинизированных представителей "народов, рожденных в рабстве", которые, исповедуя толкование, часто направляли и контролировали волю своих медлительных римских хозяев.

Их использование было двояким: они были либо рабочими в мастерской и на поле, либо домашними на вилле или во дворце, и их присутствие в любом качестве было чревато для Рима важными политическими последствиями. Овладение механическими искусствами и ремеслами делало хозяйство римской знати самодостаточным[567], а конкуренцию свободного ремесленника - почти безнадежным делом. В деревне они постепенно вытесняли и свободных рабочих, и фермеров. Преимущество дешевой рабочей силы, которую не могли вырвать из рук хозяина нужды далеких войн, уже в ранний период было признано вельможами при возделывании своих обширных поместий.[568] После приобретения провинции Сицилия, поставлявшей в Рим дешевое продовольствие, рабский труд в крупных поместьях стал экономической необходимостью, поскольку это было единственное условие, при котором теперь можно было продуктивно выращивать кукурузу. Участь плантационного раба, неизвестного своему хозяину и отданного на милость надсмотрщика, была позорной пародией на прежнее домашнее рабство. Однако государство ничего не предпринимало. Раб не обладал никакими правами, как и в те времена, когда он, возможно, и не нуждался в них. В случае с домашним рабством моральное влияние интеллектуально более высокой расы часто было адекватной заменой отсутствию прав, а дополнительное *утешение* находилось в двери освобождения, которая всегда была открыта для фаворита. Римлянин не был неблагодарным и понимал, что именно раб сделал его индивидуальной силой в мире. Непревзойденный административный потенциал таких людей, как К. Гракх, Красс, Цезарь и Помпей, не имеющий аналогов в современном мире, во многом был обусловлен их абсолютным командованием людьми, возможно, менее оригинальными, но зачастую более способными к комбинированию и детализации, чем они.

Полезность для господина - вот та цель, на которую были направлены изменения в законе о подневольном состоянии. Раб мог принести пользу своему господину договором, заключенным с третьим лицом, но не мог ухудшить его положение.[569] *Господин* мог предъявить иск по договору, хотя раб, не имея юридической личности, мог заключить только естественное обязательство (*naturalis obligatio*), но он не нес ответственности за убытки. Однако, чтобы защитить третьих лиц и придать необходимый юридический кредит этому полезному агентству, претор постепенно установил ряд квази-обязательств для господина, которые действительно были в его интересах; ведь без них рабское агентирование стало бы невозможным. Так, если господин потворствовал договору раба, он нес ответственность (*actio quod jussu*); если раб с ведома господина вложил свой *пекулий* в торговлю, это имущество, хотя по строгому закону и не принадлежащее ему, могло быть востребовано кредиторами после вычета долгов раба перед господином (*actio tributaria*). Наконец, любое обязательство, возникшее *из пекулия*, могло быть взыскано кредиторами, при этом

сохранялось право господина на вычет своих собственных требований против него (*actio de peculio*), а любая материальная выгода, полученная господином от договора с рабом, принималась во внимание, и имущество *господина* становилось ответственным в этой степени (*actio de in rem verso*).[570] Раб, по сути, не имея собственной личности, является лучшим из агентов, и теория агентирования, завещанная нам римским правом, - один из самых совершенных и постоянных результатов ее системы рабства.

Помимо этих отношений с хозяином, раб по-прежнему игнорировался законом. Он мог давать показания в суде только под пыткой.[571] Если ему причиняли зло, то возмещения ущерба требовал не он, а его хозяин,[572] в то время как сам господин был судьей в преступлениях, которые он совершал против себя или домочадцев. [То, что за преступления против других людей раба судили в рамках обычного уголовного процесса, было уступкой обществу, а не преступнику, и чувство незащищенности свободного населения перед гораздо более многочисленной зависимостью выразилось в жестоком законе, согласно которому за убийство римлянина в его собственном доме следовало мстить смертью всей семьи, спавшей под крышей в момент совершения преступления][574].

Государство само владело рабами, которых называли *servi publici*. Некоторые из них находились на службе у храмов или жреческих коллегий. Другие находились в распоряжении магистратов, таких как цензоры или эдилы,[575] для выполнения мелких обязанностей по присмотру и охране порядка. Их посредничество в заключении контрактов, несомненно, было столь же полезным для государства, как и посредничество частных рабов для отдельных лиц. Такой агент (*actor publicus*) содержался при казне для приобретения имущества,[576] которое, как его *peculium*, находилось под властью государства.

Мы видели, что манумиссия в должной форме делала из раба гражданина. Таким образом, *libertini* не являются третьим сословием в государстве и требуют отдельного рассмотрения только в той мере, в какой предоставление им свободы было обусловлено выполнением определенных обязанностей перед их бывшими господами, и в той мере, в какой отсутствие свободного происхождения (*ingenuitas*) влекло за собой определенные политические ограничения.

Отношение *libertus*[577] к своему бывшему хозяину, который теперь становился его *патроном*, в определенной степени напоминало отношение древнего клиента к своему господину. Вольноотпущенник должен был оказывать своему манумиттеру почтение и повиновение (*obsequium*);[578] он не мог преследовать его или выступать против него свидетелем в уголовном суде,[579] и ему требовалось разрешение претора, чтобы возбудить даже гражданский иск против своего бывшего хозяина или его ближайших родственников.[580] Право патрона на наследование имущества вольноотпущенника в случае его смерти без наследников,[581] если это не было семейным правом, оправдывалось тем, что капитал, с которым вольноотпущенник начинал жизнь, должен был быть в целом подарен господином, независимо от того, имел он форму *пекулия* или нет. Это обстоятельство, должно быть, также считалось оправданным, чтобы оправдать манумиссию при условии продолжения выполнения определенных услуг *господину*. Но привилегией налагать такие условия злоупотребляли, и ее пришлось ограничить эдиктом претора Рутилия,[582] который практически свел их к выполнению определенных личных услуг (*operae*). О том, что вольноотпущенник по-прежнему рассматривался как придаток семьи, наиболее ярко свидетельствует уголовная юрисдикция - вплоть до смертной казни - осуществляемая над ним главой семьи даже в конце Республики[583].

Политическое положение *либертини*, вероятно, было лучше в начале, чем в конце Республики. При сервском режиме они были, вместе со всеми остальными гражданами, членами племен; были ли они сначала членами веков, зависит от вопроса, всегда ли свободное рождение было обязательным условием для военной службы, а это вопрос, по которому доказательства нас полностью подводят;[584] но когда *comitia centuriata* перестала быть военной и превратилась в чисто политическое учреждение, нет никаких оснований предполагать их исключение. Они должны были быть членами *comitia tributa* и *concilium plebis* с самого раннего учреждения этих двух органов. Вольноотпущенники (редко землевладельцы и обычно механики) принадлежали в основном к четырем старым городским племенам. Эта случайность стала законным предписанием к 312 году до н. э. В этом году революционная перепись Апп. Клавдия, о которой мы расскажем в другом месте,[585] распространила их на все племена,[586] а возможно, согласно их переписи, и на все века. В 304 г. до н. э. вернулись к старому порядку, который ограничивал право голоса вольноотпущенников.[587] Цензоры 169 г. пошли дальше и ограничили их всех одним племенем.[588] Конфликт потребовал вмешательства закона, и, вероятно, это был *lex Aemilia* (от М. Аэмилия Скаурус, консул 115 г. до н. э.), который восстановил старый принцип ограничения городских племен.[589] Но вопрос о праве голоса вольноотпущенника стал боевым кличем в последнее столетие Республики. В 88 г. до н. э. демократический трибун Сульпиций принял закон, по которому *вольноотпущенник* получал право голоса в племени своего покровителя.[590] Он был отменен оптиматами, но второй триумф демократов в 84 г. до н. э. снова восстановил закон,[591] пока приход Суллы к власти окончательно не установил ограничение четырьмя городскими племенами.

Вольноотпущенники были освобождены от бремени регулярной военной службы в легионах, поскольку не считались достойными этой чести.[592] Этот же предрассудок не распространялся на флот, и на эту службу *либертини* нанимались свободно.[593] Отсутствие свободного рождения также было основанием для исключения из магистратуры, а значит, и из сената, ступенькой к которому это было.[594]

§ 2. Теория конституции

Римская конституция не утратила своей сложности в результате роста. С течением веков любопытный, но сравнительно простой тип государства превратился в мешанину конституционного права и обычаев, сквозь которую не мог пробиться даже зоркий глаз римского юриста и которую даже его способность к фиктивному толкованию и изобретению компромиссов не могла свести к системе. Отсутствие логики, которое обычно сопровождает консерватизм, недостаточно основательный, чтобы быть последовательным, породило машину, результаты работы которой на какое-то время оказались вполне удовлетворительными. Она завоевала мир и некоторое время управляла им с некоторой долей приличия и успеха. Если бы равновесие сохранялось на практике так же, как и в теории, смешанные конституции имели бы самые уверенные притязания на уважение и признание мира. Но поскольку узлы, которые не смог развязать юрист, были разрублены мечом, а конституция вернулась к типу, гораздо более простому, чем тот, что был в ее основе, мы должны предположить слабость смешанной системы, которая, возможно, не сделала ее неадекватной в качестве правительства города-государства или даже Италии, но определенно сделала ее неспособной императорскому правлению. Испытание было суровым, и конституция, которая не выдержала напряжения, не должна быть полностью осуждена. Ведь империя - это всего лишь нарос на жизни государства, проверка ни его благодати, ни его жизнеспособности. Чистое рассмотрение римской конституции будет, насколько это возможно, игнорировать этот аномальный рост, и, хотя большая часть ее

структуры была результатом войны,[595] сможет показать, что ее существенные особенности не были следствием завоевания.

Римское государство все еще было ограниченным народным суверенитетом; настолько ограниченным, что народ, то есть патрицианско-плебейский *populus Romanus*, зависел не только от волеизъявления, но даже от своего существования, от жизни верховных магистратов. В практике Республики вплоть до ее заката прекращение консульства, в результате неизбрания или смерти его обитателей, приводило к приостановке жизни государства. Народ мог собираться только под сенью высшего *imperium* или *auspicia* - меньшие патрицианские магистраты были бесполезны; ведь претор, хотя формально и являлся коллегой консулов,[596] не мог проводить консульские выборы[597] - и город находился в подвешенном состоянии, пока *auspicia* во всей своей чистоте не была восстановлена, если бы это был только один человек. Тем временем ауспиции вернулись к "отцам",[598] и только они могут их восстановить. Таким образом, первый основополагающий элемент теории римской конституции, каким бы абсурдным он ни казался, заключается в том, что конечный суверенитет принадлежит патрициям - членам сената.[599] Как эта теория воплощалась на практике и какие изменения претерпела со времен монархии, можно увидеть, рассмотрев процедуру, последовавшую за республиканским *междуцарствием*.

Условиями, необходимыми для *интеррегнума*, были отсутствие консулов, магистратов с консульской властью или диктатора. Отставка всех остальных так называемых патрицианских магистратов, то есть *magistratus populi*, была еще одним необходимым предварительным условием, поскольку эгиды не могла вернуться к *патрициям* до тех пор, пока ее занимал, будь то *maiora* или *minora auspicia*,[600] патрицианский магистрат. [Поэтому, когда внезапно возникал повод для назначения интеррекса, сенат обязан был уведомить патрицианских магистратов и попросить их уйти с должности. 602 Плебейские магистраты по-прежнему выполняли свои функции.

В поздней Республике именно сенат принимал все дальнейшие необходимые меры. В ранней Республике его созыв был невозможен, и патрицианские сенаторы по своему усмотрению назначали интеррекса. Но после того как трибун, все еще занимавший свой пост, получил право вести дела с сенатом, именно он поставил вопрос, а сенат предложил *патрициям* собраться для этой цели. С этого времени курфюрсты не считали себя обязанными собираться иначе, как по предложению сената[603].

Коллегиальный принцип царского *междуцарствия* и использование жребия[604] исчезли; согласие патрицианских сенаторов приняло форму избрания (*creatio*)[605] одного интеррекса (*prodere interregem*). Этот магистрат назначал своего преемника, как консул назначает диктатора,[606] каждый последующий интеррекс занимал свой пост в течение пяти дней. Число интеррексов не было ограничено, их количество варьировалось от минимальных двух до известных максимальных четырнадцати;[607] но их должно было быть не менее двух, поскольку первый не мог участвовать в консульских выборах, вероятно, потому, что считался получившим *auspicia* незаконным образом. Квалификация интеррекса заключалась в том, что он должен был быть патрицием[608] и сенатором, и случаи, кажется, показывают, что он неизменно выбирался из числа предыдущих обладателей куркульных должностей.[609] Первый интеррекс, несомненно, руководствовался пожеланиями сената или *патрициев* при выборе своей кандидатуры, и весь список мог быть подготовлен до его назначения. С учреждением высшей регулярной патрицианской должности, то есть с избранием единственного консула, *интеррегнум* неизбежно заканчивался, и интеррекс уходил в отставку.

Повторное назначение главного магистрата вновь вызывало к жизни народ, и, как правило, он увековечивал себя, увековечивая магистратуру. Была, правда, одна большая часть народа, которая имела непрерывное существование как корпорация - это *консилиум* плебса с его председателями, трибунами. С 287 года этот *консилиум* стал независимым законодательным сувереном, и ничто так четко не характеризует теоретический дуализм народного суверенитета в Риме, как тот факт, что один парламент мог продолжать существовать, в то время как другой, *comitia* в ее различных формах, бездействовал. Разделение исполнительной, судебной и даже совещательной власти - не редкость в правительствах смешанного типа; разделение неограниченной законодательной власти встречается реже и нигде не выражено так четко, как в Риме; ведь для принятия парламентского акта не требовалось сотрудничества двух собраний - отдельное *решение* каждого имело силу закона.^[610] Правда, на практике этот фундаментальный дуализм не ощущался так остро, поскольку отдельные элементы *Populus* и *Plebs* были во всех смыслах одинаковы. Мы можем лучше всего подчеркнуть практическое сходство и теоретическое различие, взглянув на два собрания племен. За исключением выборных вопросов, они почти ничем не отличались друг от друга в сфере своей компетенции - каждое из них было законодательным и судебным собранием. Но они находились под председательством магистратов разных видов, и это обусловило небольшое различие в их конституции. Когда трибуны плебса созывали народ по трибам, члены немногочисленных патрицианских семей не присутствовали; когда консул или претор созывал народ по трибам, патриции могли присутствовать.^[611] Принципиальное различие в теории здесь мало что дало на практике.

Хотя этот двойной суверенитет - безобидный, если не считать его побочного эффекта в виде сохранения трибуната, - был результатом развития плебейских привилегий, гораздо более серьезные последствия имело то, что мы отмечаем как вторую ведущую идею периода роста римской конституции,^[612] ослабление магистратуры. Это ослабление - отчасти в результате борьбы за свободу, отчасти из-за случайных обстоятельств, таких как отвлекающие факторы войны, - с самого начала приняло форму, которая не позволила Риму когда-либо расшириться до демократии. Ранние греческие государства приняли систему ослабления единоличной магистратуры, сначала путем разделения ее функций между несколькими носителями, а затем, когда этого оказалось недостаточно, путем намеренного отнятия у них полномочий и передачи их тщательно организованным народным органам. В Риме принцип разделения был не совсем неизвестен; так, цензура и претория взяли на себя часть функций консульства, но принцип массовой передачи полностью отсутствовал; даже узурпация народом юрисдикции столицы была модифицирована условием, что он мог собираться только по вызову магистрата. Принцип ослабления, принятый в Риме, заключался в увеличении числа магистратов без существенного изменения характера магистратуры. Увеличение происходило частично за счет последовательного применения принципа коллегиальности, частично за счет установления новых полномочий в противоречии со старыми. Результатом стал хаос. В развитой конституции было двадцать ежегодных магистратур - десять трибунов, два консула, восемь преторов, каждый из которых был вооружен правом принимать действительные акты парламента и накладывать вето на постановления своих коллег и нижестоящих чиновников. Правда, между ними существовала юридическая субординация: консул уступал трибуну, претор - консулу, и строгое применение закона свело бы римскую конституцию к олигархии десяти. На самом деле трибунат слишком рано оказался на стороне знати, чтобы думать о расширении своих полномочий; в коллегии царили разногласия, и история коллективной магистратуры была вечным конфликтом и, следовательно, слабостью. Слабость эту разделял и народ, ведь он полностью зависел от магистратуры. Пошатнув власть своих представителей, они пошатнули свою собственную; а некоторые радикальные недостатки в народной организации, которые мы обсудим при

более детальном рассмотрении собраний, усугубляли их неспособность управлять. Поскольку руководство магистратами и народом было одинаково невозможно, а центральное правительство должно было где-то размещаться, его подходящее место неестественно искали в единственном опытном, постоянном и совещательном органе государства - сенате.[613] Принятие бразд правления властью, которая как независимая власть не предполагалась в первоначальной конституции, неизбежно породило свод конституционных обычаев наряду со старым конституционным правом. Применение этого нового кодекса можно оценить только при более детальном рассмотрении трех факторов правления - магистратуры, народа и сената.

ГЛАВА IV МАГИСТРАЦИЯ

§ 1. Общая характеристика магистратуры

Коллективные полномочия магистрата, как мы видели, были выражены словом *imperium*; возможно, они также выражались более расплывчатым термином *potestas*. Когда со временем были созданы магистратуры, не обладавшие *imperium*, *potestas* неизбежно становилось единственным словом, выражавшим родовую власть магистратуры; *imperium* превращался в особый вид этой власти. Таким образом, можно было говорить о консулярном *imperium* или о консульском *potestas*, но только о *tribunicia potestas*. [614]

Трудно рассматривать в совокупности особые проявления этой власти, так как магистратуры подразделялись по степени различия полномочий. Чтобы избежать путаницы и повторений, лучше всего в этом общем очерке дать полный перечень магистратских полномочий и указать в каждом случае, где они предоставляются или не предоставляются конкретным лицам, занимающим должность. Магистерские полномочия можно разделить на (i) административные, (ii) осуществляемые в связи с народом, (iii) осуществляемые в связи с сенатом, и (iv) некоторые общие полномочия, лежащие в основе всех этих сфер деятельности - право интерпретировать волю богов через покровителей и право приводить в исполнение указы.

(i.) *Административные полномочия.* Сфера административной деятельности с первых дней Республики была разделена на два ведомства - командование дома (*domi*) и за границей (*militiae*); разделительной линией между ними иногда служил *помериум*, иногда - граница, обозначенная первой вехой за городом [615].

Домашнее управление может быть адекватно рассмотрено только тогда, когда мы имеем дело с отдельными магистратурами. Но общая форма, в которой оно проявлялось, может быть рассмотрена и здесь. Это было право издавать приказы в форме эдиктов (*jus edicendi*), применимых к специальным отраслям управления под контролем магистратов, от квестора до консула. [616] Эдикты всех магистратов соответствовали друг другу в своей общей форме; они содержали приказы, запреты и советы. Все они в ранний период издавались в письменном виде, и разница между ними заключалась лишь в том, что если одни, такие как эдикты консулов и квесторов, были эпизодическими и, когда необходимость в них отпадала, отменялись, то другие, такие как эдикты цензоров, преторов, курульных эдилов и провинциальных губернаторов, были постоянными (*perpetua*), поскольку вызывались постоянно существующими потребностями, и поэтому передавались магистратами своим

преемникам (*tralaticia*). Среди них выделялись цензоры и преторы; первые создали кодекс римской морали, вторые - систему судопроизводства.

Административные обязанности за границей принадлежали исключительно магистратам с *imperium*, то есть в обычном порядке консулам и преторам, в исключительных обстоятельствах - диктатору.[617] Рассмотрение провинциальной администрации можно отложить до тех пор, пока мы не займемся провинциями и промагистратурой, которую создало императорское правительство. Здесь уместно отметить исключительные полномочия, которые военное командование давало магистрату в отношении лиц и услуг бюргеров, и почести, которые оно возлагало на своего обладателя.

Первым правом, которое давало военное командование (*imperium* в более узком смысле[618]), было право на формирование армии путем принудительной воинской повинности (*dilectus*). Однако оно осуществлялось только верховным магистратом, то есть консулами или диктатором, а не претором. Это было чисто магистерское право, и при сборе регулярной консульской армии из четырех легионов консулы, вероятно, не зависели от каких-либо указаний. В конце концов, обычай предписывал, что, когда требовались исключительные силы, разрешение на их сбор должно было исходить от сената.[619] В рамках этого разрешения консулы действовали по своему усмотрению. Они созывали всех *юниоров* на встречу с ними, раньше на Капитолии, позже в Campus Martius; под их контролем военные трибуны выбирали, кого хотели, и связывали призывников военной присягой (*sacramentum*).[620] Хотя по форме эта присяга была клятвой личной верности особым командирам, приносилась обоим сослуживцам[621] и должна была возобновляться при каждой смене командира, [622] ее основное значение заключалось в том, чтобы дать солдату право использовать оружие против врагов и изменить то, что было бы просто разбойничьими действиями (*latrocinium*), на действия законной службы (*legitima militia*).[623] Второстепенной ассоциацией с присягой в ранние времена могло быть то, что нарушивший ее становился *священным*, и что месть богов могла быть удовлетворена суммарной казнью, которую генерал налагал на преступника.[624] Право налагать смертную казнь за военные преступления, однако, не нуждалось в этой религиозной санкции; оно было следствием *принуждения императора*, когда выходило за рамки *provocatio*[625] и не сдерживалось вето коллеги.[626] Еще одним правом, предшествующим ведению войны, было назначение офицеров армии - военных трибунов, центурионов, декурионов и командиров всех родов войск. Назначение на все эти должности, от высших до низших, первоначально находилось в руках консулов; но тенденция Республики состояла в том, чтобы вывести выбор высших военных команд из сферы усмотрения магистрата. В 362 г. до н. э. создание шести военных трибунов постоянной армии из четырех легионов было передано народу в *comitia tributa*:[627] к 207 г. все двадцать четыре были избраны таким образом,[628] и постоянный военный трибунал стал одной из регулярных мелких магистратур государства. [Трибуны для других легионов, которые могли быть собраны, по-прежнему назначались консулами,[630] и иногда народ отказывался от права избрания в их пользу.[631] В вопросах снабжения большинство магистратов зависело от сената; но первоначальный контроль консула над *aerarium* сохранился в праве приказывать квестору выплачивать ему любые деньги, необходимые для военных расходов.[632]

Когда подготовка к войне была завершена и консулы вышли на поле боя, их дискреционная власть в ведении кампании, в финансах и в юрисдикции, была почти абсолютной. Первая власть была ограничена лишь условием, что они не могли вести войну против государства, которое находилось в каком-либо союзе с Римом, без согласия народа; вторая получила некоторое ограничение после назначения военных квесторов в 421 году;[633] третья была

теоретически неограниченной на протяжении всей истории Республики, но получила некоторое изменение из-за растущего чувства святости жизни римского гражданина, которое заставило генералов в последнее столетие Республики более осторожно выносить смертные приговоры своим офицерам и солдатам.[Важно помнить, что эта абсолютная юрисдикция *militiae* ни в коей мере не ограничивалась армией; каждый римский гражданин в сфере управления генерала и каждый провинциал, когда эти сферы превратились в постоянные провинции, были в равной степени подвержены военному положению.[635] Провинциал в действительности часто был в лучшем положении, чем римлянин, живущий в провинции. Он мог иногда апеллировать к свободам, предоставленным его городу по хартии; но римлянин обнаружил, что его *palladia - provocatio* и *intercessio* - исчезли в этой сфере[636].

Победа над врагом давала полководцу право претендовать еще на две привилегии - титул и народное признание успеха, - которые были строго регламентированы конституционным правом. Каждый обладатель *imperium* обязательно был *imperator*; но с самого раннего периода Республики считалось неприличным, чтобы обладатель весьма ограниченного *imperium* внутри стен использовал этот титул. Он предназначался для генерала, командующего армией; *imperator* - это и официальный, и привычный титул, под которым к нему обращались солдаты. Но даже при таких обстоятельствах он не использовался самим генералом в качестве части его официального обозначения. Для этого требовалась победа; солдаты после битвы провозглашали его завоевателем, выкрикивая знакомое имя; с этого времени предполагалось, что оно запечатлено на нем особым образом и может быть включено в список его титулов.[637] Обычай предписывал принимать эту честь только в результате большой и решительной победы;[638] но честолюбие и соперничество провинциальных губернаторов в конце концов привели к тому, что самые незначительные успехи стали отмечаться подобным образом.

Приветствие было обычной предварительной церемонией триумфа - торжественного шествия полководца по городу к Капитолию во главе победоносной армии. Поскольку титул *императора* мог быть присвоен только главнокомандующему и был несовместим с делегированной властью, на триумф обязательно приглашались магистраты, обладавшие правом верховного командования - диктатор, консул и претор,[639] а также тот из них, кто в момент победы обладал высшей властью. Таким образом, диктатор обычно исключал консула,[640] консул - претора; а когда командовали два консула, право принадлежало тому, кто обладал *imperium* и *auspicia* в день победы.[641] То же правило действовало, когда честь предоставлялась промагистратам; здесь также независимое командование было необходимым условием триумфа.

Другие условия устанавливались обычаям. Изначально требовалось возвращение победоносной армии - правило, которое делало самого достойного генерала, передавшего свои войска преемнику, неспособным к триумфу[642] и от которого с ростом постоянных армий пришлось отказаться ради правила, согласно которому провинция должна быть приведена в состояние мира (*provincia pacata*).[643] Война должна быть *справедливой* (*justum bellum*), а не простым подавлением восстания граждан или рабов; [644] и, наконец, был установлен обычай, что это должна быть война, масштаб которой подтверждался падением 5000 врагов.

Право на триумф полностью зависело от усмотрения генерала; и пока он выбирал Альбанскую гору в качестве места проведения своего военного представления, никакая власть не могла ему помешать.[646] И только когда он желал войти в город Рим для более

величественного шествия к Капитолию, он встречал трудности на своем пути. Триумф подразумевал демонстрацию полного военного *imperium* в пределах города;^[647] и, хотя нет недостатка в примерах магистратов, которые под свою ответственность успешно отстаивали это право,^[648] установился обычай, что разрешение на эту демонстрацию должно быть дано государством. Первоначально оно могло быть дано народом,^[649] но разрешение на осуществление полного *imperium* в течение одного дня вскоре потребовало согласия сената, тем более что его контроль над финансами позволял ему предоставлять или отказывать в деньгах, которыми оплачивались расходы на триумф.^[650] С промагистратом дело обстояло иначе. Проконсул обладал только *imperium militiae*, но не в стенах города, и поэтому сенату было невозможно признать проявление власти, которой не существовало. В этом случае требовалось особое освобождение от законов, которое первоначально мог дать только народ. Сенат взял на себя инициативу, попросив трибунов внести *плебисцит*, санкционирующий это соглашение.^[651] Непрерывность *imperium* от магистратуры до промагистратуры изначально была условием триумфа. Так, в нем было отказано старшему Сципиону Африканскому, который был избран проконсулом, не имея никакого предыдущего *imperium*.^[652] К концу Республики оба эти угрызения совести были отменены. Триумф проконсулам присуждался сенатом, причем без учета того, что они занимали какой-либо предыдущий *imperium*^[653].

(ii.) Полномочия, осуществляемые в связи с народом. Взаимоотношения магистрата с собравшимся народом были двух видов: он мог созвать его для передачи информации: в этом случае собрание называлось *contio*;^[654] или он мог созвать его для принятия постановлений, обязательных для общины: такое собрание принимало одну из различных форм *comitia*. Первая власть (*contionem habere*) часто была предварительной для осуществления второй (*cum populo agere*); ведь *contio* или ряд *contiones* обычно предшествовали официальным собраниям, на которых принимались законы или *плебисциты*,^[655] и фактически были необходимым предварительным мероприятием, поскольку в случае законодательства это была главная возможность для рекомендаций или критики законопроекта, а в случае народной юрисдикции - единственное средство, с помощью которого народ мог составить оценку доказательств. Магистрат был, по сути, главным средством конституционной агитации и, как таковой, самым демократическим институтом в Риме.

Но использование *contio* не ограничивалось предварительной подготовкой законодательства. Это была форма, в которой народ призывался в свидетели любого публичного акта,^[656] а также для того, чтобы выслушать повеления магистрата, когда они выражались в форме устных эдиктов.^[657] Существенной чертой такого собрания было то, что народ приглашался для встречи с магистратом и выслушивания его мнений; массы были просто слушателями; а то, что это не было случайным собранием, еще больше подчеркивалось торжественностью процедуры - официальным вызовом, вступительной молитвой^[658] и возведением магистрата на трибуну. Мы не можем с уверенностью сказать, как далеко распространялось это право на проведение *contio*. Им, несомненно, обладали консулы, преторы, цензоры и трибуны, а возможно, и все магистраты вплоть до квестора.^[659] Здесь, как и в других ведомствах, ощущался конфликт магистратских полномочий, и высший магистрат мог созвать к себе *консилиум*, созданный нижестоящим.^[660]

Римская конституция не признавала права на публичные собрания; собрание граждан могло быть расценено как нарушение спокойствия, или на него можно было наложить *принуждение* со стороны магистрата. Но увеличение числа магистратов и соответствующее

расхождение их мнений частично заменяло это народное самоограничение. Любой магистрат мог представить гражданина на *contio* и дать ему право говорить (*producere in contionem, dare contionem*);[661] коллега или начальник мог наложить вето на это разрешение;[662] но обычай, должно быть, делал такое использование *intercessio* очень редким. Право на предоставление *contio* давало ограниченное право на обсуждение законодательных вопросов выдающимся частным лицам; но это было не единственное его применение. Это было единственное средство, с помощью которого политические лидеры, оказавшиеся в частном положении, как Помпеи после возвращения с Востока или Цицерон после отъезда из ссылки, могли выразить свои взгляды;[663] это был также удобный способ, с помощью которого магистрат мог обосновать свою линию поведения. Мы видим, как иностранный король и государственный информатор таким образом оказывают влияние на народные умы. *jus contionis dandae* означало увеличение магистратской власти и не было истинной уступкой демократии; оппозиционный демагог, который не был магистратом или полезен магистрату, не имел возможности заявить о себе в Риме.

Право добиваться обязательных решений от народа, собранного в комиции (*jus cum populo agendi*), всегда оставалось неотъемлемым атрибутом *imperium*; как таковое оно принадлежало при обычных обстоятельствах консулу и претору, при исключительных - диктатору, интеррексу и консульским трибунам. Им также обладал один, по крайней мере, из случайных делегатов высших магистратов, хозяин коня.[664] Эти магистраты могли собирать комиции в любой форме - по куриям, по столетиям или по племенам. Никто из низших магистратов не обладал правом созывать собрание и председательствовать на нем; но расширение *provocatio* и последующий рост народной юрисдикции привели к тому, что низшие магистраты, наделенные судебными полномочиями, должны были встречаться с народом. Так, курульные эдилы защищали свои приговоры перед *comitia tributa*;^[665] делегаты консульской уголовной юрисдикции, *quaestores parricidii* и *duumviri perduellionis* выносили свои приговоры перед *comitia of the centuries*.^[666] Ни один плебейский магистрат не имел *jus agendi cum populo*; поэтому, когда трибун, осуществляя свою юрисдикцию, желал подчиниться предписаниям Двенадцати таблиц, которые ограничивали рассмотрение дел о капитале комицией веков, он должен был просить патрицианского магистрата - в данном случае претора - созвать для него собрание к определенному дню (*diem a praetore petere*).^[667] Когда претор называл день (*diem dixit*), трибун появлялся в собрании в качестве обвинителя^[668].

Право требовать от плебса официальных решений (*jus cum plebe agendi*) принадлежало исключительно плебейским магистратам. Только трибуны имели право председательствовать в консилиуме, но и здесь рост народной юрисдикции привел к тому, что плебейские эдилы должны были защищать свои приговоры перед плебеями^[669].

(iii.) Полномочия, осуществляемые в связи с сенатом. Право выносить дела на рассмотрение сената (*jus cum patribus agendi, consulendi senatus, referendi ad senatum*) идет параллельно с правом вести дела с популярами, и как таковое оно приписывается Цицероном^[670] тем же магистратам - консулам и преторам, диктатору, *magister equitum* и *interrex*. Оно с необходимостью принадлежало консульским трибунам ранних времен и было одним из атрибутов *praefectus urbi*^[671].

Первоначально это право не принадлежало трибунам плебса, поскольку они были сначала результатом революции, а затем в течение многих веков председателями независимой от народа корпорации. Но после того как *lex Hortensia* сделал плебейский консилиум одним из законодательных органов общины, было бы опасно для сенатского правления лишать председателя этого собрания права советоваться с сенатом.^[672] Включение трибунов в круг

магистратов с *jus consulendi* было одним из условий постоянного контроля сената над законодательной инициативой.

(iv.) *Общие полномочия: auspicia u coercitio*. - Теперь нам предстоит рассмотреть некоторые магистратские полномочия, которые нельзя рассматривать как отдельный отдел, поскольку они сопряжены со всей сферой официальной власти. Первое из них, которое мы рассмотрим, - принятие эспозиции - было в равной степени обязанностью, как и правом. Соблюдение *auspicia publica* - это не просто действие, которое магистрат может совершить, но то, которое он должен совершить, если хочет, чтобы его власть осуществлялась должным образом. *Imperium* и *auspicia* неразрывно связаны друг с другом;^[673] это божественная и человеческая стороны одной и той же власти, и каждый важный акт человеческой деятельности должен предваряться призывом к божественной помощи. Мы уже объясняли, что единственными покровителями, которые должным образом связаны с магистратурой, были те, что известны как *impetrativa*, и что поиск их - дар *spectio* - всегда был особым атрибутом патрицианской магистратуры^[674] и, следовательно, не принадлежал трибунам и аэдилам плебса. Что касается другой категории покровителей - *oblative*, - то все магистраты не только находятся на одном уровне друг с другом, но и ниже уровня самого захудалого гражданина. Гражданин, если он набожный человек, может приостановить начатое дело, если появится дурной знак. Магистрат обязан это сделать, если знак, по общему мнению, является дурным или был объявлен таковым коллегией понтификов или сивиллиными книгами. Римская теология признает пять категорий покровительства; четыре из них относятся к классу *impetrativa*, одна - к классу *oblative*.^[675] Последняя, как более простая и общая для всех магистратов, может быть рассмотрена первой.

(1) *Диры* - это разнородное собрание знаков дурного предзнаменования. К ним относилось все, что нарушало тишину (*silentium*)^[676] во время принятия эгиды, например, падение чего-либо в храм (*caducum auspicium*)^[677] или внезапный шум, например, писк мыши.^[678] Такими были также любые внезапные события, которые, казалось, предупреждали о том, что нужно отступить от однажды взятого курса: полет ворон в сторону идущего или вокруг его головы и спотыкание его ноги на пороге;^[679] борьба птиц в воздухе, закончившаяся поражением тех, что летели со стороны лагеря генерала;^[680] захват волками межевых камней только что заложенного города,^[681] и многие другие. Особо страшным предзнаменованием был приступ эпилепсии, называемый, благодаря своей способности приостанавливать собрания, *morbus comitalis*. Такие знаки, чтобы быть эффективными помехами, должны иметь очевидную связь по времени и месту с действием, которому они препятствуют, и, кроме того, должны быть замечены агентом. Поэтому вспышка молнии была самым эффективным *auspicia oblative*. Менее сильные знаки можно было игнорировать, затушевывая чувства. Авгур, которого магистрат спрашивает, нет ли тишины, не смотрит вокруг, а сразу отвечает "да";^[682] во время жертвоприношений дуют в флейты, чтобы заглушить все остальные звуки,^[683] а генерал, настроенный на борьбу, принимает меры предосторожности, путешествуя в закрытой повозке.^[684] Если предзнаменование было замечено магистрату другим человеком, он был обязан обратить на него внимание. Об этом объявлении (*nuntiatio* или *obnuntiatio*) мы поговорим в другом месте; оно относится к истории конфликта между властями различных магистратов.

Четыре других класса предзнаменований относятся к категории *auspicia impetrativa*. К ним относятся.

(2) Знаки по полету птиц (*signa ex avibus*), древнейшая форма авгуральной дисциплины, о чем свидетельствуют сами слова *augures* и *auspicium*, и та, которая в ранней Республике использовалась во всех торжественных государственных актах, таких как созыв *комиций* или назначение диктатора[685].

(3) Близким к этому было предсказание по движениям и звукам четвероногих зверей (*signa ex quadrupedibus*); но к концу Республики эти формы гадания, требовавшие изучения и исследования, уступили место двум оставшимся классам, которые было легче интерпретировать или которыми легче манипулировать в политических целях. Это были *coelestia auspicia* и *auspicia ex tripudiis*[686].

(4) Главными небесными знаками (*coelestia auspicia*) и самым верным выражением воли Юпитера были гром и молния. Гром, по-видимому, иногда считался исключительно дурным предзнаменованием;[687] но направление молнии определяло ее значение: если она лежала слева от наблюдателя, это сулило удачу, если справа - несчастье[688].

(5) *Auspicia ex tripudiis* - это знаки, подаваемые при кормлении прирученных птиц (*aves internuntii Jovis*), как правило, домашних. Если во время еды у них что-то падало изо рта (*tripudium solistimum*), а тем более если падающий предмет издавал звонкий звук (*sonivium*), этот знак воспринимался как согласие богов на задуманное дело. Такой способ предсказания был удобен по двум причинам. Он всегда был доступен; птиц можно было возить с собой в клетках под присмотром их хранителей и толкователей их действий, *пуллариев*. Поэтому этот способ предсказания был особенно популярен в лагере, а священные куры были неизменными спутниками римской армии. Кроме того, благоприятный знак можно было так легко получить. Разгневанному римскому адмиралу, бросавшему в море своих кур, которые не хотели есть, не хватало терпения вырвать у них желанное предзнаменование длительным голоданием или кормлением кашей, которую они не могли проглотить с достаточной быстротой[689].

Поначалу эспозиции были сопровождением *imperium*; позднее, когда они стали атрибутом всей патрицианской магистратуры, их значение менялось в зависимости от потенции магистрата. О должностных лицах с *imperium* говорили, что они обладают *maxima auspicia*, и промагистраты, естественно, включались в этот список, поскольку эгида была так же необходима на войне, как и в мире; цензоры, ввиду важности этой должности, считались *maxima*, хотя случаи, по которым они принимались, были настолько уникальными, что их нельзя было отнести к той же категории, что и консулов и преторов; низшие магистраты, эдилы и квесторы, назывались *minora*. [690] Это было не более чем формальное различие, имевшее отношение лишь к важности соответствующих сфер деятельности, за которыми велись наблюдения, и не определявшее виды покровительства, которые могли быть оказаны каждым магистратом.

Поводы для покровительства магистрата охватывали все публичные акты любой важности. В трех случаях, прежде всего, оно считалось необходимым; это назначение магистрата, проведение *комиций* и отъезд генерала на войну. Главным правилом соблюдения было то, что эгида должна быть принята в тот же день и в том же месте, где должно было быть совершено действие. Тот факт, что римский гражданский день (*dies civilis*) начинался в полночь[691], был удобен для обеспечения необходимой тишины (*silentium*); иногда, чтобы предотвратить какой-либо недостаток (*vitium*), сам акт совершался до рассвета. Так, консул, назначая диктатора, "поднимается в тишине ночи"[692], чтобы сделать это. Церемониал всех публичных ауспиций[693] был следующим. На нужном месте, в пределах или за пределами

poterium, в зависимости от цели, выделялось священное место (*templum*), в котором магистрат устанавливал свою палатку (*tabernaculum capere*)[694], одна сторона которой была открыта для наблюдения. После полуночи он вставал и, сидя на полу, совершал обряд. Его действительность зависела только от его личного наблюдения; но он мог пригласить на помощь опытных помощников.[695] Следствием невозможности получить благоприятное предзнаменование было неисполнение задуманного действия; единственным выходом было дожидаться другого дня и снова искать благоприятного предзнаменования (*repetere auspicia*).[696] Если акт совершался вопреки дурным предзнаменованиям или последующие размышления показывали недостатки церемонии, говорили, что акт подвергся *vitium*, которое сделало его недействительным; принятый закон не имел силы, и магистрат, избранный таким образом с ошибкой (*vitio creatus*), должен был сложить свои полномочия.[697] В случае, если выборы консулов были таким образом нарушены, последствия могли быть серьезными; ведь если недостаток был обнаружен после их вступления в должность, возобновление покровительства (*renovatio auspiciorum*)[698] могло быть осуществлено только через *interregnum*. Именно в этой связи вступала в силу власть авгуров, поскольку они были толкователями небесных знамений. Неудивительно, что членство в коллегии авгуров было высшим стремлением римского государственного деятеля, ведь его постановление могло отменить закон, предотвратить смертный приговор или заставить консула отречься от престола. Правда, авгуры могли давать свои советы только по просьбе магистрата или сената, но, поскольку мера или выборы, не поддерживаемые правительством, могли быть легко оспорены таким образом, решение о будущем государства часто полностью зависело от коллегии авгуров. Их полномочия по толкованию распространялись и на гораздо более частые *auspicia oblativa*, и при их составлении даже инициатива, как мы увидим, могла исходить от авгура.

Поскольку *auspicia publica* были личными знаками, предназначавшимися для отдельных людей, столкновение между ауспигиями коллег, занимавшихся одним и тем же делом, было не исключено. Каков был результат такого столкновения в случае магистратов, занимающихся *domi*, неизвестно.[699] В полевых условиях эффективные ауспигии находились в руках консула, чья очередь командовать наступила,[700] или, в случае совместного командования, в руках высшего магистрата; таким образом, ауспигии консула погашали ауспигии претора.[701] В поздней Республике эта трудность почти не существовала, так как совместное командование двух магистратов с *imperium* стало очень редким, и проконсул или пропретор принимал эгиду один.

Покровительство было способом, с помощью которого воля бога открывалась магистрату. Другая универсальная власть - *принуждение (coercitio)* - была способом, с помощью которого воля магистрата навязывалась человеку. Это был метод, с помощью которого он заставлял повиноваться своим приказам или обеспечивал выполнение государственных обязательств, которые он должен был обеспечивать. Таким образом, принуждение было связано с уголовной юрисдикцией, но отличалось от нее в двух отношениях. Во-первых, *coercitio* была направлена не на принуждение к исполнению постоянных обязательств человека перед ближними, что является объектом уголовного права, а на пресечение исключительных действий, направленных против государства в целом; во-вторых, реально доступные средства *coercitio* могли применяться магистратом под его собственную ответственность, в то время как юрисдикционную власть он делил с народом. Это второе различие, однако, было неизвестно конституционной теории. Магистрат мог использовать любые средства принуждения против вредного или непокорного гражданина - он мог применять штрафы, узы и бичевание;[702] но штраф, превышающий определенный предел, и бичевание приводили к *provocatio*; в этом случае магистратское принуждение вело к юрисдикции.

Объектами магистратского *принуждения* далеко не всегда были частные лица. Оно могло быть направлено против сенаторов и судей, а также осуществляться любым начальником над любым нижестоящим магистратом, чтобы заставить его уважать или принудить к исполнению своих обязанностей.

Самый суровый способ принуждения - вынесение смертного приговора - был, как мы видели, изначально присущ *imperium*, но стал невозможен благодаря двум законам Валериана от 509 и 449 гг. до н.э.[703] Третий *lex Valeria* от 300 г. до н.э. запрещал казнить или бичевать того, кто подал апелляцию; но в этом законе повторилась слабость прежних постановлений; он объявлял нарушение магистратом этого закона *improbe factum*. [704] Эффективная санкция, по-видимому, впервые была введена одним из трех законов Порция; [705] несомненно, в конце Республики нарушение *provocatio* влекло за собой смертную казнь магистрата.

Что касается смертной юрисдикции трибунов, то мы видели, как их молчаливое признание апелляции привело к появлению этой юрисдикции. [706] Но теоретически принуждение трибуна, когда оно использовалось для защиты святости его собственной личности, не подлежало обжалованию. [707] Здесь старые религиозные наказания оставались в силе, и в 131 году до н. э. трибун притащил цензора, который унизил его, на Тарпейскую скалу с намерением сбросить его вниз - от этой участи его спасло только вето коллег трибуна [708].

Бичевание, которое встречается в ранней Республике как наказание, применявшееся при военных сборах, [709] было практически отменено как способ *принуждения* третьим *лексиконом* Валерия от 300 г. до н. э. [710] и законами Порция, в которых угроза такого наказания была обжалована, причем последние законы налагали тяжелое наказание на магистрата, который его применял.

Тюремное заключение (*abductio in carcerem, in vincula*), хотя и не признавалось в римском праве в качестве наказания, играло двойную роль в *принуждении*. Это был один из способов, с помощью которого магистраты защищали свое достоинство и добивались повиновения не только от частных граждан, но и от низших магистратов и сенаторов; кроме того, он применялся в качестве меры предосторожности, чтобы обеспечить явку на суд того, кого обвиняли. Применение этой суровой меры против магистратов любой властью, кроме трибуна, редко; [711] но она играет большую роль в трибунских анналах, и временное заключение консула стало привычной чертой партийных разборок в последние годы Республики. [712] Это был простой способ подавить оппозицию слишком ретивого оптимата, и вето коллеги трибуна было единственным средством освобождения главы государства. [713] Превентивное заключение с целью обеспечить явку обвиняемого на суд было редкостью в Риме. Обычай давать поручителей или залог (*vades, vadimonium*) был признан довольно рано, [714] но принятие такого обеспечения полностью зависело от магистрата [715].

Наложение штрафа (*multa*) было самым распространенным способом принуждения к повиновению, и им обладали все магистраты, за исключением квестора. [716] Уже в 454 году до н. э. право налагать штрафы (*jus multae dictionis*), которое до сих пор принадлежало только консулам, было предоставлено "всем магистратам", включая, таким образом, трибунов и плебейских эдилов, согласно лексу *Aternia Tarpeia*, принятому в собрании веков. [717] Лекс Менения Секстия (452 г. до н. э.) установил максимальный штраф, который мог наложить магистрат по собственной инициативе (*multa suprema*), в размере двух овец или тридцати волов [718] - первый предел для бедняков, второй - для богачей. После того как в децемвиральный период в моду вошли чеканные деньги или, по крайней мере, металл на

вес, лекс Юлия Папурия (*de multarum aestimatione*) от 430 г. до н. э. установил 3000 либральных ослов в качестве крайней суммы, которую мог наложить магистрат[719]. Наложение штрафа, превышающего эту *multa suprema*, приводило к тому, что чиновник, объявивший его, должен был обратиться к народу. [Провокация против *multae* направлялась в *comitia* или *concilium* племен в зависимости от того, какие штрафы налагались патрицианскими или плебейскими магистратами, и мы увидим, как эта апелляция приводила эдилов в контакт с этими двумя собраниями.[721] Некоторые законы продолжали устанавливать абсолютный предел даже для штрафов, выносимых на суд народа. Обычно они ограничивались менее чем половиной имущества обвиняемого[722].

Но полномочия трибунов по наложению денежных штрафов выходили далеко за пределы полномочий других магистратов. Право конфисковать все имущество человека, посвятив его богу (*consecratio bonorum*), пережиток, как и казнь на Тарпейской скале, старой религиозной юрисдикции и столь же мало подлежащий обжалованию, иногда применялось ими в крайних случаях,[723] и, как и другие исчезнувшие реликвии древности, возродилось во время партийной борьбы в период конца Республики.

Другим способом принуждения, специально применявшимся против магистратов и чиновничьего сословия, была конфискация предметов их собственности в качестве залога (*pignoris capio*).[724] Им обладали все магистраты, имевшие право *принуждения*, и применялся он скорее как наказание, чем как гарантия хорошего поведения. Поэтому залогов часто уничтожались,[725] и мы видим, как один консул в поисках удовлетворения своего оскорбленного достоинства разбил кресло курульного претора, который не встал, чтобы поприветствовать его, когда он проходил мимо[726].

Хотя после того, как *provocatio* ограничила право применять смерть и бичевание, средства *принуждения* были одинаковыми для всех магистратов, формальное различие в способе их применения существовало между высшими и низшими магистратами, а также между магистратами с *imperium* и трибунами. Консулы и другие магистраты с *imperium* имели право вызывать провинившихся в свой трибунал (*vocatio*), а также подвергать их личному аресту (*prensio*).[727] Квесторы и низшие должностные лица не имели ни одного из этих прав; а теория о том, что трибун является исключительным магистратом, который должен оказывать помощь лично[728], сохранялась до тех пор, что он имел только право на арест.[729] Иногда мы встречаем трибунов, которые выполняли свои мандаты собственными руками, но одного их присутствия было достаточно для того, чтобы *prensio* имела силу; в ранние времена они использовали своих эдилов для совершения насилия, в более поздние - своих *viatores*. 730] К концу Республики это различие было стерто, и трибуны без формального права вызывали к себе отдельных лиц. 731]

Простое перечисление полномочий римской магистратуры проливает мало света на работу гражданской конституции. Вопрос, который мы сейчас рассмотрим, - конфликт властей - с этой точки зрения более поучителен, хотя бы потому, что он показывает, почему Рим не мог управляться своими магистратами.

Первая причина конфликта была религиозной и возникла из-за использования или, скорее, злоупотребления эгидой, которое мы до сих пор воздерживались обсуждать, поскольку оно лишь косвенно связано с *jus auspiciorum*. Оно проистекало из власти, которой обладал не только магистрат, но и каждый римский гражданин. Любой человек, ставший свидетелем дурного предзнаменования (например, один из *диров*, принадлежавших к классу *auspicia oblativa*), был обязан сообщить об этом магистрату, собирающемуся приступить к

выполнению важного дела. Наиболее частым поводом для такого *obnuntiatio*[732] было проведение *комиций*. Уважение, которое оказывал этому объявлению магистрат, руководящий процессом, естественно, зависело от положения, которое занимал объявивший в государстве. Извещение частного и неизвестного гражданина могло быть воспринято с подозрением; извещение же авгура, который ожидал в *комиции* таких знаков[733] или другого магистрата, обычно вызывало уважение. Но если *obnuntiatio* авгура, плебейского магистрата и частного гражданина зависело от случая, то *obnuntiatio* патрицианского магистрата могло быть результатом замысла. Наблюдение за небом, как мы видели, было излюбленной формой *spectio* городского магистрата, и существовало твердое убеждение, что если он попросит знамения, то оно придет. Появившаяся молния могла быть счастливым или несчастливым предзнаменованием для самого магистрата; но, независимо от того, появилась ли она слева или справа, она, как *auspicium oblativum*, была неблагоприятна для проведения *comitia*. [734] Поэтому патрицианскому магистрату достаточно было сказать, что "он будет наблюдать за небом" (*se servaturum de coelo*), чтобы приостановить все заседания *comitia* и *concilium*. [735] Поэтому эдикт, которым консулы созывали *comitia centuriata*, содержал слова "ne quis magistratus minor de coelo servasse velit." [736] Патрицианское *obnuntiatio* было мощным оружием в политике, противовесом плебейскому *intercessio*.

Неопределенность в отношении необходимости соблюдения большинства этих религиозных посланий потребовала принятия законодательства; и около 153 года до н. э. были приняты два закона, *lex Aelia* и *lex Fufia*, которые, наряду с другими комициями, [737] утверждали правила для *obnuntiatio*. [738] Значение этих правил совершенно неясно, но, похоже, они признавали право магистрата наблюдать за небом в ущерб общественным делам и пытались определить значение объявлений, сделанных плебейскими магистратами, авгурами и, возможно, даже частными лицами. Скандальное использование эгиды консулом Бибулом в 59 году до н. э. стало потрясением для национальной совести, а неэффективность его процедуры придавала смелости врагу. В следующем году трибун П. Хлодий отменил по крайней мере ту часть закона, которая способствовала злоупотреблению *spectio*; *obnuntiatio* часто использовалось в качестве политического двигателя после этой даты, но его авторами были трибуны и авгуры, [739] что показывает, что в этих случаях оно было основано на исповедуемом случайном наблюдении *auspicia oblativa*.

Другие способы конфликта основывались на полномочиях, присущих магистратуре; это право запрета, которым обладали высшие магистраты по отношению к низшим, и право вето, которым обладали вышестоящие по отношению к нижестоящим или коллеги с равными полномочиями по отношению друг к другу.

Право запрета было следствием *major potestas* и принадлежало всем высшим магистратам по отношению ко всем низшим. Трибун имел его против всех должностных лиц, кроме диктатора; консул - против претора и против всех магистратов, кроме диктатора и трибуна. Право магистрата запрещать отличалось от заступничества магистрата тем, что последнее было направлено против совершенного акта и делало его *недействительным*; первое было просто запретом, основанным на некоторой власти, которую высший магистрат имел в резерве; этой властью было принуждение, использование которого угрожало в случае неповиновения приказу; поэтому, если *принуждение* не было эффективно выдвинуто, *акт, противоречащий приказу, был действительным*. [740]

Сфера применения этой власти зависела от обстоятельств; чаще всего запрет был направлен против определенных конкретных действий. Общение низшего магистрата с народом, не получившее одобрения его начальника, могло быть затруднено этим способом;

так, высший магистрат имел право *avocare contionem* от низшего.[741] Трибун обладал им в высшей степени, и было грубым нарушением его величества, когда любой другой чиновник созывал часть народа, к которому он обращался.[Консул мог воспрепятствовать претору вводить *rogatio*,[743] а для защиты от возможности *obnuntiatio*, когда он сам проводил *comitia*, последовательно запрещал ему в этот день обращаться к небу.[744] Подобным образом пресекались и другие, более вопиющие злоупотребления магистратской властью, например, попытка триумфа без согласия сената или народа,[745] или попытка продлить магистратуру сверх назначенного срока.[746]

Но при особых обстоятельствах запрет может быть гораздо более широким, чем это; он может распространяться на приостановку всех функций магистрата или даже на принудительное прекращение почти всей активной жизни государства.

Высший магистрат, хотя и не мог отнять должность у нижестоящего или даже заставить его отречься от престола, мог пресечь злоупотребление его функциями, запретив все дальнейшие действия с его стороны. Эта власть, практически равная отстранению от должности, дважды встречается в наших анналах, направленная консулом против претора - в одном случае за нарушение уважения, в другом - за революционные действия.[747] Эта власть не была ограничена Римом. Губернатор провинции обладал аналогичной возможностью увольнять из подвластной ему страны чиновников, опозоривших его администрацию[748].

Гораздо более всеобъемлющим актом был указ магистрата, обладавшего *большой властью* (*major potestas*), о том, что все низшие магистраты должны приостановить выполнение своих функций. Такое прекращение государственных дел было известно как *justitium* - название, происходящее от приостановки деятельности того отдела, который был самым постоянным признаком активной жизни государства, - судов закона (*juris statio*). Указ обычно произносился высшим из присутствующих в Риме магистратов, обладавших *imperium*, диктатором[749] или консулами[750]; как правило, *justitium* предлагался на голосовании сената[751] и для решения определенных непредвиденных обстоятельств. Самыми обычными обстоятельствами, которые требовали его проведения, были внезапная война, или восстание в пределах Италии и ее окрестностей (*tumultus*),[752] или общественный траур после национального бедствия, или смерть выдающегося человека.[753] Прекращение *justitium* (*justitium remittere*[754]) объявлялось декретом магистрата, который его предписывал.

Хотя такой запретительный приказ приостанавливал все отправление правосудия, как гражданского, так и уголовного, сопровождался закрытием *аэрария*[755] и даже прекращением заседаний сената, он не обязательно прерывал все дела государства, поскольку мог быть объявлен для того, чтобы направить исключительное внимание на какую-то особую сферу управления. Так во время опасности продолжались военные сборы,[756] а во время социальной войны, когда все другие судебные дела были приостановлены, комиссия Вариана все еще заседала, чтобы совершить свою мстительную работу над друзьями союзников[757].

Таково было конституционное применение этой исключительной власти. Но его ценность как политического оружия была слишком очевидна, чтобы не стать частью арсенала трибунов. Мы видели, как ее использовал трибун Лициний,[758] а его примеру в последнем веке Республики последовал его великий преемник в аграрной агитации, Тий Гракх. Гракх. В 133 году он издал эдикт, "запрещавший всем другим магистратам заниматься делами, пока не

закончится голосование по его закону; он наложил свои печати на храм Сатурна, чтобы квесторы не могли вынимать или вносить деньги; он объявил о штрафе, который он наложит на преторов, осмелившихся ослушаться, так что каждый в ужасе отказывался от доверенного ему управления"[759] Высшие патрицианские магистраты, консулы и преторы, не могли использовать такое прямое оружие. Однако они могли косвенно препятствовать прохождению *плебисцита*, назначая на день комиций один из тех подвижных праздников, дата которых устанавливалась их властью[760], и таким образом превращая его в *dies fastus*.

Intercessio, хотя иногда и используется для описания власти запрета, о которой мы только что говорили,[761] более правильно применять к власти, которой обладали не только высшие магистраты, но и равные им, чтобы наложить вето на акты, уже совершенные магистратами равной или более низкой власти. Таким образом, оно было следствием не только *major*, но и *par potestas*, и его неизменным следствием была недействительность акта, против которого оно было выдвинуто. Заступничество сопровождало *par potestas* консулов; с созданием низших магистратур возникло представление о *major potestas* как о дающем эту власть, а кульминационным пунктом в истории заступничества стало создание трибуната. Трибунат был великим защитником от незаконных или несправедливых действий магистратов, которые были безответственны в течение года пребывания в должности, а *главная власть* трибуна над каждым магистратом делала его защитником интересов, первоначально плебса, а затем и всего общества.

Чтобы вето было ценным, оно должно было предполагать некоторую осведомленность о деле, на которое наложено вето; поэтому мы не удивлены, что, за исключением случая трибуна, *intercessio* обычно ограничивалось рамками коллегиальности. Так, диктатор имел право наложить вето на консула, консул - на претора; хотя не исключено, что консул мог наложить вето на акты эдила и квестора, которые не были его коллегами[762].

Трибун, находясь за пределами своей коллегии, мог прибегать к заступничеству против всех патрицианских магистратов, кроме диктатора, - против консула, претора, эдила и квестора. Однако с развитием римской конституции появились магистраты, между которыми не могло существовать никаких отношений, оправдывающих вето; их нельзя было установить, например, между эдилом и квестором или между консулом и цензором, и, соответственно, эти магистраты не имели права препятствовать действиям друг друга.

Существовали три общих ограничения, которые только и делали эту странную власть практически действующим принципом конституции. Первое, необходимое для предотвращения полной путаницы, заключалось в окончательности заступничества. Вето не могло быть отменено, а акт, который был объявлен недействительным, не мог быть вновь признан действительным в результате применения этой власти. Второй причиной был его чисто *гражданский* характер; в полевых условиях разделенное командование не допускалось, и заступничества, следовательно, не существовало. В-третьих, вето могло быть наложено только на то, что явно являлось актом магистрата. Мы найдем примеры этого правила в особых случаях применения интерцессии; важным следствием этого было то, что ни приговор *iudex* по гражданским делам, ни, после появления постоянных уголовных судов, *приговоры судей* по этим *квесторам* не могли быть отменены магистратом.

Заступничество удобно рассматривать с точки зрения трех сфер магистратской власти, против которых оно было направлено - *эдикта* (*edictum*[763]), *порецции* и *senatus consultum*.

(i.) Заступничество могло быть направлено против декретов любого рода - против тех, которые издавались в ходе гражданской юрисдикции претором, в ходе уголовной юрисдикции консулом, эдилом или квестором, или в ходе осуществления других

административных функций, таких как военные сборы. Заступничество во всех этих случаях основывалось на *appellatio* - просьбе о помощи (*auxilium*), которую подавал человек, считавший себя пострадавшим от декрета. Апелляция должна была быть подана лично магистрату, и *заступничество* осуществлялось им лично. Так, мы видим трибунов, идущих по следам консулов, чтобы предложить помощь по случаю ожидаемого сбора,[764] а претор занимает место рядом с креслом своего коллеги, ожидая апелляции на его решения.[В гражданской юрисдикции *intercessio* могла применяться на любой стадии разбирательства перед магистратом (*in jure*); апелляция обычно подавалась одним из городских преторов другому, хотя они могли обладать разными судебными департаментами (*provinciae*).[766] Общий принцип заключался в предоставлении взаимного права вето магистратам, обладавшим в некоторой степени сходными полномочиями и знаниями. Но это правило не распространялось на трибуна. Его вмешательство было направлено как против гражданской[767] и уголовной юрисдикции, так и против осуществления административной власти, особенно консульской. В таких случаях, как консульская повинность или сбор налогов квестором,[768] трибун выступал не против общего постановления, а против его применения к отдельным случаям путем *принуждения* со стороны магистрата. Апелляция такого рода, поданная трибунам, иногда становилась предметом квазисудебного процесса, особенно если она подавалась всей коллегии.[769] Сохранившееся изображение этого процесса показывает апелляцию по консульскому сбору; апеллянты и обжалуемый магистрат предстают перед трибунской коллегией (*ad subsellia tribunorum*);[770] *коллегия* взвешивает аргументы и затем выносит свой вердикт, иногда с обоснованием своего решения.[Не исключено, что в таких случаях *коллегия* соглашалась вынести решение большинством голосов, хотя, если один трибун упорствовал в наложении вето, он мог отменить согласие всех своих коллег.

(ii.) Заступничество против *rogatio*, в отличие от права запрещать магистрату спрашивать народ,[772] стало в очень ранний период Республики исключительным правом трибуна. Оно могло произноситься в любом из собраний и против любой меры, вынесенной на рассмотрение этих собраний: против выборов,[773] против *законов*, в том числе формальных актов, таких как *lex curiata*,[774] и против *плебисцита*. [775] Обычай заставлял при заступничестве против *rogatio* соблюдать определенные формальности; кажется, было нерегулярным произносить вето до наступления дня голосования,[776] и даже до того, как были произнесены речи за и против закона.[777] В случае с законами правильным временем для наложения вето, по-видимому, был момент, когда вступительные акты магистрата заканчивались и до начала голосования; [778] на выборах мы видим, что трибун вступает в дело после того, как проголосовало первое племя[779].

(iii.) Заступничество против постановления сената (*senatus consultum*) теоретически было вето на постановление магистрата, по которому он дал совет. Первоначально оно принадлежало *par majorve potestas*. Оно осуществлялось трибуном против трибуна,[780] консула,[781] и претора,[782] а на протяжении большей части истории Республики - консулом против консула.[783] Трибун обладал правом вето на сенатские постановления в то время, когда у него не было не только права созыва сената, но даже места в палате. В ранние времена он ставил свою скамью перед открытыми дверями, чтобы рассматривать передаваемые ему декреты и выражать свое одобрение или несогласие.[784] Но когда со временем трибун получил право участвовать в дебатах и созывать сенат, его заступничество стало заменять консулов; и хотя консульское вето на *senatus consultum* продолжало применяться еще долго после того, как вето на *rogatio* перестало быть признанным, оно не

встречается после времени Суллы (81 г. до н. э.).[785] Здесь снова наметилась тенденция сделать трибунат единственной запретительной властью, а трибуна - единственным блюстителем закона.

Осуществление права вето в сенате упрощалось тем, что магистрат, намеревавшийся воспрепятствовать принятию решения, заранее сообщал о своем намерении. В этом смысл заявления, которое часто делал магистрат в сенате, например консул, о том, что "он не допустит продолжения какого-либо дела" (*non passurum quicquam agi*).[786] Это заявление экономило время палаты, поскольку вето не объявлялось во время дебатов, а обычно после голосования по мерам[787] или во время голосования.[788] Таким образом, вето не прерывало процедуру, и даже угроза вето не приостанавливала конкретного дела. Предложение, на которое было наложено вето, в случае одобрения большинством голосов сената оформлялось как постановление палаты (*senatus auctoritas*). Как декрет оно утрачивало обязательную юридическую силу, но оставалось мнением, которым мог руководствоваться любой магистрат, желающий его соблюдать. Иногда сенат просил магистрата приостановить заступничество (*intercessionem remittere*),[789] а иногда прилагал к определенному декрету общее порицание любого магистрата, который должен был наложить на него вето.[790] Заступничество по некоторым видам *senatus consulta* могло быть запрещено законом. Так, *lex Sempronia (de provinciis consularibus)* от 123 г. до н. э. запрещал применять вето при назначении сенатом консульских провинций[791].

Нет нужды говорить, что при таком конфликте полномочий в римской магистратуре не существовало истинной теории ответственности, поскольку она подразумевает единство власти. Но описание того, что можно назвать вторым элементом ответственности, - способности быть наказанным или быть вынужденным выплатить компенсацию за злоупотребление функциями, - станет подходящим дополнением к истории заступничества.

Гражданская и уголовная ответственность магистратов обеспечивалась теми же судами и теми же процессами, что и обычных граждан. Единственной привилегией, которой они пользовались, было то, что, как правило, их не могли судить за уголовное преступление в течение года пребывания в должности, и что никто, кроме магистратов без *vocatio* и *prensio* (то есть квесторов и эдилов), не мог быть вызван в преторский суд.[792] Не существовало особой категории политических преступлений, которые мог совершить только магистрат, хотя верно, что он в большей степени, чем обычные граждане, подлежал суду за определенные преступления; его способность нанести вред государству по трусости или невежеству подвергала его обвинению в *perduellio* в большей степени, чем обычного гражданина; Но *народный суд* судил его как гражданина, а не как магистрата, и общее правило, согласно которому магистрат освобождался от судебного преследования в течение года пребывания в должности, делало его фактически *privatus*, когда он предстал перед судом. Совершение преступлений, которые не подлежали рассмотрению народными судами, должно было привести его в обычные гражданские трибуналы. Если он грабил гражданина, это был *furtum*; если он нападал на него способом, не оправданным его властью *принуждения*, это была *injuria*. Было, правда, одно преступление, которое мог совершить только магистрат или чиновник - присвоение государственных средств. В очень ранние времена это, возможно, подпадало под расширительное понятие *perduellio* и каралось уголовно.[793] Несколько ранних законов, таких как *lex de ambitu* V века, были направлены исключительно против магистратов или кандидатов в магистраты; эти законы, несомненно, определяли наказание, которое должно было быть назначено,[794] но их толкование было оставлено на усмотрение обычных органов уголовной юстиции, *comitia*.

Но по мере роста внешней активности Рима и усиления индивидуальной ответственности командиров, удаленных от центра событий и оторванных от коллегиального контроля, возможности магистратских проступков стали слишком велики, чтобы допустить сохранение этой простой системы. От первоначальной теории, правда, не отказались: магистрата судили в тех же гражданских и уголовных судах, что и обычного гражданина, но первый шаг в разграничении обычной и политической юрисдикции был сделан, когда возбуждение уголовного дела против магистрата стало обязанностью специального ведомства. Именно трибуны теперь использовались государством - то есть сенатом - в качестве прокуроров в уголовных делах. Это было грубое правосудие, которое они вершили; различные обвинения, которые они выдвигали, едва ли можно было описать конкретными именами, и лишь в немногих случаях наказание было определено законом. Они формулировали наказание и выносили его на суд народа, выступая в качестве обвинителей либо перед племенами, либо, когда предлагаемое ими наказание было смертным, перед веками, и народ, посредством специального законодательного акта, принимал или отвергал их предложение.[795] Их высшая *власть* и, в случае нанесения ущерба их личности, их *sacrosanctitas* давали им законное право принудить любого магистрата к апелляции или привлечь его к суду в течение года его пребывания в должности; но так сильны были чувства против этого оскорбления магистратуры, что вето коллеги откладывало решение до истечения официальных функций провинившегося.[796] Эта политическая юрисдикция, однако, была направлена не только против магистратов, но и против любых лиц, занимавших официальную должность, против штабных чиновников (*legati*) генерала,[797] против посланников[798] и сенаторов,[799] и даже против фермеров, занимавшихся сбором налогов (*publicani*).[800] Обычными жертвами, однако, были консулы и преторы, а вменяемые в вину преступления были в основном такими, которые подпадали под понятие измены[801] или были открытыми нарушениями правил, регулирующих деятельность магистратуры;[802] но иногда это были проступки, нанесенные частным лицам, которые могли рассматриваться в гражданских судах[803].

Рост провинциальной территории Рима сделал невозможным сохранение этой неуклюжей и случайной юрисдикции. Создание постоянных уголовных судов (*quaestiones perpetuae*), с их председателями и присяжными, было реакцией провинций на Рим. В другом месте мы будем говорить о смешанном характере этих судов, которые были сформированы из сплава идей, заимствованных из уголовного и гражданского права. Самые ранние из них обеспечивали более быстрое возмещение ущерба и более суровые наказания за правонарушения магистратов, чем могли дать гражданские суды. Другие были основаны на классификации политических преступлений. Большая кодификация уголовного права, проведенная Суллой (81 г. до н. э.), сделала трибунскую юрисдикцию ненужной, хотя она еще появлялась время от времени во время партийной борьбы в период заката Республики.

Теперь мы рассмотрели все важные аспекты магистратуры в целом; но прежде чем перейти к описанию отдельных функций магистратов в администрации, насколько это еще не было предвосхищено, будет удобно слегка коснуться формальных условий, необходимых для занятия должности в Риме. Эти условия часто иллюстрируют положение магистрата в государстве, а иногда создают реальные ограничения для его власти.

Квалификационные требования для занятия государственной должности (*jus honorum petendorum*) основывались на общем принципе, согласно которому в патрицианские магистратуры мог попасть любой гражданин,[804] а в плебейские - только тот, кто имел плебейское происхождение.[805] Но в это общее правило были внесены некоторые

ограничения, основанные отчасти на идее достоинства должности, отчасти на мнении о необходимости определенного опыта для выполнения столь ответственных функций.

Во-первых, гражданство не имело своего частноправового значения. Возможно, *де-юре* вольноотпущенники и не были лишены права занимать должности;^[806] но списки магистратов показывают, что не только сыновья вольноотпущенников не имели права занимать должности, но что магистратура была практически зарезервирована за теми, кто мог похвастаться свободным дедом^[807].

Во-вторых, некоторые профессии считались необходимым условием для получения магистратуры, а другие - препятствием к ней. В таком военном городе, как Рим, не удивительно обнаружить, что определенная военная служба требовалась от того, кто мог возглавить армию государства, и что в течение большей части Республики *capite censi* были полностью исключены из магистратуры. Продолжительность службы, требуемая от пехотного солдата, неизвестна; для *equus equo publico* она составляла десять лет службы "в лагере или провинции"^[808] еще при К. Гракхе (124 г. до н. э.).^[809] Эта военная квалификация дает нам минимальный возраст в двадцать восемь лет, необходимый для занятия должности квестора. В период Цицерона, с другой стороны, возраст составлял тридцать лет,^[810] а военная квалификация, хотя она все еще частично сохранилась в муниципальном праве,^[811] кажется, была отменена для Рима. Напротив, занятие любым ремеслом или профессией, за которую получали плату, было дисквалификацией для занятия должности, пока занимались этим ремеслом или профессией.^[812] Это было, в некоторой степени, результатом предубеждения против *βαναυσία*, которое встречалось среди всех военных народов;^[813] но, поскольку должности в Риме были неоплачиваемыми, это было также необходимым положением для обеспечения должного внимания к исполнению обязанностей магистратуры.

В-третьих, доступ к магистратуре мог быть затруднен прошлыми моральными проступками человека или его уголовным осуждением. Ошибочно полагать, что в Риме существовал определенный класс *инфамов*, отстраненных от должности. Некоторые уголовные законы предусматривали в качестве одной из мер наказания временное или постоянное исключение из магистратуры. Исключение по родственным основаниям - известным моральным проступкам кандидата, его предыдущему осуждению в позорном гражданском процессе, тому факту, что в этот момент над его головой висело обвинение в преступлении - было полностью делом магистрата, который председательствовал на выборах. Он действовал исключительно по собственному усмотрению, хотя, естественно, и по совету *консилиума* опытных людей, отказываясь принять имя такого кандидата.^[814] Эта замечательная власть была результатом все еще сохраняющейся теории, согласно которой магистрат выдвигал своего преемника, а выборы народом были лишь дополнительным актом.

Другие ограничения на вступление в магистратуру определялись предыдущим занятием должности. Магистрат, председательствовавший при замещении вакантных должностей в обычных магистратурах, не мог сам избираться;^[815] а два закона далее предусматривали, что в случае учреждения новой должности по закону ни *rogator* меры, ни его коллеги или родственники не должны иметь права на эту должность.^[816]

Продолжение и накопление магистратур было также запрещено *плебисцитом* 342 г. до н.э., который постановил, что между сроками пребывания в одной и той же магистратуре должно пройти не менее десяти лет и что две магистратуры не должны занимать одну и ту же

должность в один и тот же год.[817] Это законодательство стало отправной точкой для серии мер, известных как *leges annales*, которые определяли порядок занятия различных магистратур (*certus ordo magistratuum*),[818] возраст, дающий право на каждую из них, промежутки времени, который должен пройти между занятием двух магистратур и промежутки между занятием одной и той же магистратуры. В 180 году до н. э. был принят *lex Villia, plebiscitum* всеобъемлющего характера, в котором был указан возраст, с которого можно было занимать каждую магистратуру;[819] он, по-видимому, также определил интервал, который должен пройти между занятием двух патрицианских магистратур, поскольку примерно с этого периода мы находим начало правила, которое действовало во времена Цицерона, что между патрицианскими должностями в *gradus honorum* должен быть двухгодичный интервал.[820] Наконец, Сулла в 81 г. до н. э. вновь ввел правила о *certus ordo* и интервале между одними и теми же магистратурами, объявив, что квесторство должно быть занято до преторства, а преторство - до консульства, и что должно пройти десять лет до возобновления той же магистратуры.[821]

Действительность выборов зависела от соблюдения определенных форм, первая из которых касалась председательствующего магистрата. Если на выборах плебейских магистратов председателем мог быть только трибун, то консулы и преторы создавали *magistratus populi*, но, как мы уже показали в связи с *междоусобицей*, на консульских и преторских выборах не мог председательствовать никто, кроме консула.

Первым делом кандидат должен был прислать свое имя (*profiteri*) в магистрат, которому было предназначено председательствовать. Это *профетирование* должно было быть сделано за три недели (*trinum nundinum, intra legitimos dies*)[822] до даты выборов. После того как магистрат изучал имена кандидатов и убеждался в их квалификации, для народа составлялся список кандидатов[823]. До середины прошлого века до н. э. кандидатам не обязательно было находиться в Риме; но после 63 г. до н. э. какой-то неизвестный закон предписывал им лично совершать *professio*,[824] а аналогичное положение было вновь включено в закон Помпея *de jure magistratuum* от 52 г. до н. э.[825] В промежутке между *professio* и выборами агитация, начавшаяся задолго до открытого выдвижения кандидатов, становилась все более оживленной. Законная *ambitio* почти возвысилась до достоинства формального акта. Кандидат в ослепительно белом одеянии (*candidatus*), окруженный cortejem и сопровождаемый рабом с хорошей памятью на имена (*nomenclator*), приветливо здоровался со всеми встречными гражданами и тепло пожимал руку деревенскому избирателю. Привычка Рима расширять свое избирательное право делала сельские выборы всегда важными; но после социальной войны агитация, последовавшая за *professio*, была ничто по сравнению с тем, что ей предшествовало. Муниципальные избиратели, которые не могли приехать по обычным законодательным делам, стекались в Рим на выборы летом; и чтобы добиться успеха, нужно было обзвонить всю Италию от Падуса до Лацинского мыса. Агитация такого гигантского масштаба требовала времени и продуманной организации. Мы видим, что Цицерон начал агитировать 17 июля 65 г. до н. э. за консульские выборы 64 г.; а люди, более обеспеченные по рождению, богатству и рангу, начали работу, приведя в движение огромную машину, во главе которой стояла какая-нибудь знатная компания в Риме (*sodalitas*), а орудиями были избирательные агенты (*divisores*), каждый из которых отвечал за часть племени. Используемые средства не обязательно были незаконными, хотя имена *дивизоров* стали ассоциироваться со взяточничеством,[826] а ряд законов - не длиннее, однако, чем цепь постановлений, которые Рим обычно посвящал какой-то особой теме, - стремился все более строгими наказаниями искоренить зло, которое исчезло только вместе с самими народными собраниями.

После того как народ своим голосованием выбирал нового магистрата, президент должен был исполнить последнюю обязанность в виде *renuntiatio*, или официального объявления результатов выборов. О том, что это не было чисто формальным актом, свидетельствует право президента отказать в возвращении юридически или даже морально неквалифицированного кандидата, проскочившего через предыдущие этапы выборов[827].

Если мы считаем, что король при жизни назначал своего преемника,[828] то с самого начала должен был существовать интервал между назначением и вступлением в должность. Такой промежуток существовал на протяжении всей Республики для большинства ежегодных магистратур; только диктатор, цензоры, магистраты, созданные в результате междуцарствия (*ex interregno*) или избранные для замещения освободившегося места (*suffecti*), вступали в должность сразу после своего избрания. Для обычных магистратов существовал более или менее значительный промежуток между избранием и вступлением в должность; для патрицианских магистратур он изначально был коротким, поскольку выборы были одним из последних актов годового правления консула, а новые консулы и преторы вступали в должность с конца III века 15 марта,[829] с 153 г. до н. э. 1 января.[830] Но в последние годы Республики - возможно, в результате изменений, внесенных Суллой, - выборы повсеместно проводились в июле; это давало шестимесячный интервал между избранием и вступлением в должность для консулов и преторов и более чем четырехмесячный - для квесторов и трибунов, которые вступали в должность 5 и 10 декабря соответственно[831].

В течение этого времени избранный магистрат был *designatus*, и, хотя его *imperium* или *potestas* неизбежно не действовал, он занимал определенное положение в государстве и мог выполнять некоторые официальные функции, подготовительные к магистратуре, например, издавать эдикты, которые становились обязательными после его вступления в должность.[832] Еще до *renuntiatio* он приносил присягу на верность государству[833], которая, однако, могла быть принесена только тогда, когда кандидат присутствовал на выборах.

Вступление в должность означалось еще одним клятвенным обещанием соблюдать законы (*in leges*) - обычай, который, вероятно, вырос из права народа связывать настоящих или будущих магистратов *execratio* соблюдением определенного *lex*. [834] Отказ принести ее в течение пяти дней влек за собой потерю должности; [835] только *Flamen Dialis*, который мог не присягать, мог требовать освобождения и с согласия народа приносить присягу через заместителя.[836] В период поздней Республики мы также находим свидетельства присяги, которая завершала срок пребывания в должности; магистраты по истечении срока своих полномочий обращались к народу и клялись, что за время своего правления они умышленно не сделали ничего против интересов государства, но всеми силами старались способствовать его благосостоянию[837].

Принятие магистратуры влекло за собой право и обязанность демонстрировать определенные внешние знаки достоинства, которые отличали хозяев общества от их подданных. Ликторы и фасции сохранились от монархии и использовались как знак достоинства и для принуждения со стороны магистратов с *imperium*, в масштабах, как мы увидим при описании различных магистратур, пропорциональных силе *imperium*. Остальные магистраты обладали только слугами - *cribae*, *praecones*, *accensi*, *viatores*, *servi publici*-, необходимыми для выполнения их приказов.

Как и ликторы, пурпурная мантия - почти универсальный символ королевской власти в древнем мире - и кресло курульного магистрата перешли к республиканским магистратам; но королевская мантия могла использоваться только в триумфальном шествии, где

возрождались другие царские *знаки отличия*,^[838] или на праздниках.^[839] В мирном одеянии курульных магистратов пурпур стал узким подолом (*praetexta*) вокруг тоги. Квесторы, не включенные в этот список, похоже, не носили никакой особой одежды; а трибуны и плебейские эдилы своим полным отсутствием магистерских *знаков отличия* показали, что они никогда не считались магистратами общины.

В военной одежде также вновь появляется царский цвет. Выйдя за пределы *pomerium*, магистрат может надеть алый военный плащ (*paludamentum*), который надевается поверх доспехов. Кинжал (*pugio*)^[840], носимый на шее или на поясе, и топоры, которые теперь можно было вложить в фасции, стали дополнительными знаками неограниченного *imperium*.

Эти *знаки отличия* были не просто пустыми знаками, подкреплявшими власть, которая не снискала настоящего уважения. Если сенат показался посланнику Пирра собранием царей, то перед ним был орган, члены которого в течение некоторого периода своей жизни получали почести, причитающиеся царям. Почитание должности как священного доверия, столь характерное для республиканских форм правления, усиливалось в римском сознании гением абстракции, который видел в отдельном носителе власти не магистрата, а магистратуру, и почти суеверным почитанием форм закона. Для римлян было само собой разумеющимся, что они должны соскочить со своего коня, когда встречаются магистрата,^[841] что они должны освободить ему место на дороге, что они должны подняться со своего места, когда он проходит мимо, и что они должны стоять с обнаженной головой перед ним в *contio* или *comitia*. Случайному римлянину, для которого эти вещи не были очевидны, вскоре напоминали о его обязанностях *принуждением* магистрата, который имел все возможности для защиты собственного достоинства; его жизнь была сделана законом столь же священной, как и жизнь самого государства, ибо покушение на безопасность римского магистрата было изменой (*perduellio*).

§ 2. Отдельные магистратуры

После этого общего обзора магистратуры мы можем взглянуть на то, какое место в государственном управлении отведено отдельным магистратам, насколько это еще не предвосхищено записью их обязанностей.

Диктатор

Единственным верным способом назначения диктатора (*dicere dictatorem*) было назначение его одним из консулов,^[842] который, как мы видели, во избежание неблагоприятных предзнаменований, объявлял о своем выборе между полночью и утром.[Вопрос о том, кто из консулов будет осуществлять эту власть, решался либо владением *fascies*, принадлежавшим только действующему консулу, либо одним из двух излюбленных способов решения вопросов коллегиального действия - соглашением (*comparatio*) или использованием жребия (*sortitio*).^[844] Но эта чисто консульская функция со временем, как и все чрезвычайные акты управления, была узурпирована сенатом. В какой период был достигнут этот результат, мы сказать не можем, так как анналисты перенесли конституционные соблюдения третьего века до н.э. в самые ранние времена.^[845] Наконец, был достигнут момент, когда сенат не только предлагал целесообразность выдвижения, но и имя кандидата;^[846] оппозиция этим указаниям была конституционно возможна,^[847] но была сдержана *фактической* властью сената с трибуналом в качестве его инструмента. К концу IV века до н. э. обычай еще более закрепил правило, согласно которому назначаемое лицо должно быть бывшим консулом.^[848] Древнее положение о том, что диктатор может быть назначен только на римской земле, было признано невыполнимым, поскольку консул,

получая послание сената, часто находился далеко от города, а *ager Romanus*, по истинно римской моде, вольно трактовался как включающий всю Италию.[849] После назначения нового магистрата его *imperium* подтверждался *lex curiata*. [850] Знаки отличия диктатора в одном отношении были даже больше, чем у короля. Так как консул унаследовал двенадцать царских ликторов, то диктатору, чтобы яснее показать его высший *imperium*, предшествовали двадцать четыре; [851] и топоры были видны вместе с *fascēs* даже в стенах. [852] Диктатор, назначенный на случай чрезвычайной ситуации, будь то война или революция [853], не имел специального обозначения, относящегося к этой ситуации, но был метко описан как созданный для ведения дел государства (*rei gerundae causa*). [854] Но незначительные потребности мира могли привести к назначению диктатора для особой цели; Мы находим диктатора, назначенного для проведения выборов (*comitiorum habendorum causa*), [855] в одном случае для составления списка сената (*legendo senatui*), [856] а другие - для чисто церемониальных или религиозных целей - для проведения игр (*ludorum faciendorum causa*) [857] и организации празднеств (*feriarum constituendarum causa*) [858] и за вбивание гвоздя (*clavus annalis*) в храм Юпитера (*clavi figendi causa*), [859] акт естественной магии, который должен был служить специфическим средством против моровой язвы. Эти диктаторы *imminuto jure*, назначенные для особой цели, должны были уйти в отставку сразу же после ее выполнения. [860] Шестимесячный срок пребывания диктатора *rei gerundae causa* [861] никогда не превышался по закону, но он мог быть сокращен, поскольку, похоже, диктатор должен был уйти в отставку, когда консул, который его назначил, покидал свой пост. [862]

Создание диктатора не упраздняло другие народные магистратуры, а лишь приостанавливало их *самостоятельную* деятельность. Диктатор был *collega major*, предоставленный консулам, которые по-прежнему продолжали под его руководством командовать армиями, [863] и даже те войска, которые набирались диктатором, приносили присягу повиновения также консулам. [864] Преторы по-прежнему заседали в судах, а мелкие чиновники продолжали выполнять подчиненные функции управления. Но считалось, что при диктаторе все магистраты, за исключением плебса, существовали по принуждению. [865] Несомненно, что присутствие диктатора не приводило к юридическому сокращению полномочий трибунов; столь же несомненно, что конституционный обычай диктовал, что *auxilium* этих городских магистратов не должен действовать, когда государство находилось на военном положении. [866] Коллизии были неизбежно редки, поскольку обязанности диктатора уводили его далеко в сторону.

Эта чрезвычайная власть все же имела некоторые нормальные ограничения. Диктатор никогда не вмешивался в гражданскую юрисдикцию; он не имел права, которым обладали консулы в Риме, брать деньги из *азрария* без постановления сената. [867] Правительство, естественно, не желало, чтобы магистрат, по всем признакам являющийся королем, вел войну за пределами Италии; и есть только один пример, когда диктатор командовал во внеитальянском мире. [868]

Впоследствии было введено еще одно ограничение его первоначальных полномочий, имевшее самые серьезные последствия. Диктатор был подчинен *provocatio* в пределах города, [869] вероятно, по *lex Valeria* от 300 г. до н. э. [870] - изменение, которое, хотя и не ограничило власть этой магистратуры на местах, предотвратило ее использование для безжалостного подавления так называемой смуты в Риме. Хотя здесь мы видим начало посягательства на гражданскую власть, военные полномочия этой должности сохранялись еще целое столетие. Только во время Ганнибаловой войны в эту магистратуру были введены два ослабляющих элемента - народное избрание и коллегиальность. В 217 году до н. э., когда

после катастрофы на Тразименском озере было трудно связаться с единственным оставшимся в живых консулом, К. Фабий Максим был избран диктатором,[871] предположительно на *comitia centuriata* под руководством претора. В том же году недоверие и неуместная уверенность народа возвели М. Минуция, хозяина коня, в равное с Фабием положение[872]. Оба акта были признаками того, что эта должность считалась анахронизмом, и следующий год (216) знаменует собой последний случай военной диктатуры.[Последний диктатор (*comitiorum habendorum causa*) был назначен в 202 г.;[874] ведь применение этого имени к Сулле и Цезарю было передачей титула конституционной должности, в первом случае - учредительной власти, во втором - монархии, причем ни в том, ни в другом случае не сохранялся даже древний способ выдвижения[875].

Magister Equitum

Каждый диктатор, с какой бы целью он ни назначался,[876] назначал своим делегатом конного мастера,[877] который, в отличие от других делегатов, обладал *imperium*, шестью фасками[878] и рангом, равным претору.[879] Эти отличия оправдывают утверждение, что он был магистратом[880] и, очевидно, курульным, хотя его власть строго зависела от власти его назначенца.[Как магистрат, он просил *lex curiata* для ратификации своего *imperium*,[882] и, похоже, имел право задавать вопросы народу и вести дела с сенатом.[883] В этих трех отношениях его должность отличалась от должности *tribuni celerum* монархии. Поскольку диктатор был меньшим королем, *magister equitum* был большим лейтенантом; но, несмотря на теоретическую независимость его положения, его услуги были полностью в распоряжении диктатора, который мог заставить подчиняться его приказам, если необходимо, с помощью смертной казни.[884] Хотя первоначально он был назначен, как следует из названия, для единоличного руководства *экви́тами* под высшей властью диктатора и всегда в какой-то степени сохранял свой характер генерала кавалерии, отсутствующий начальник мог поручить ему полное командование в лагере или в Риме.[885] Эта должность была полезной, так как она давала Риму двух генералов, обладавших испытанными военными способностями, во время опасности и устраняла недостатки, которые могли возникнуть из-за того, что диктатору приходилось использовать некомпетентных консулов или преторов в качестве своих подчиненных. Это соображение также объясняет, почему, чтобы получить опытных людей на эту должность, установился обычай выбирать бывших консулов или бывших преторов[886].

Консулы

Консулы после избрания на *comitia centuriata* могли, по крайней мере в более поздние времена, надевать *знаки отличия* своего ранга и вести все обычные официальные дела в государстве, не дожидаясь согласия *куруи*. Первым их действием было принятие эгиды; она всегда была благоприятной, так как стоявший рядом *haruspex*[887] для проформы объявлял, что слева была замечена молния. Вооруженные этим согласием, они вступали в претексту и, предшествуемые своими ликторами, совершали первый важный акт власти. Этот акт был вызовом сената[888] и свидетельствовал о том, что они были магистратами, стоящими выше всех в римской исполнительной власти. Ведь на протяжении всей республиканской истории консулат - хотя по власти он часто уступал трибунату или диктатуре, а по почтению, которое он внушал цензуре, - был высшей титулярной должностью в государстве.[889] О ранге консулов достаточно говорит тот факт, что именно их именами датировались годы,[890] а также церемониальное уважение, которое оказывали им другие магистраты.[891]

Рассматривая функции консулов, мы должны различать два периода истории Республики. Первый длится с момента их учреждения до 81 года до н. э.; второй - с этого года, когда

реформы Суллы внесли изменения в их положение, которые ощущались до тех пор, пока существовали консулы. Это изменение не привело к изменению их полномочий, а лишь к изменению сферы их деятельности. В первый период они являются главами всего государства и правят везде, куда простирается римская энергия; во второй они практически являются главными магистратами только города Рима и Италии.

Теория коллегиальности, согласно которой каждый отдельный член коллегии наделялся всей полнотой власти при условии вето своего асессора, не требовала единой деятельности консулов в каждом департаменте государства. Они разделяли свои функции, иногда еще до вступления в должность,^[892] и в ранние времена сохранились следы фундаментального разделения полномочий, выраженного терминами *domi* и *militiae*: один консул иногда выходил в поле во главе армии, а другой оставался дома для ведения дел гражданской администрации.^[893] Такое соглашение, лишавшее коллегию ее значения как гаранта от правления одного человека, было, однако, очень необычным, и, как правило, консулы вместе присутствовали в Риме или принимали совместное командование за границей. Но совместная деятельность в городе - даже после того, как обязанности по регистрации были переданы цензору, а обязанности по гражданскому правосудию - претору, - в некоторых департаментах была почти невозможна. Это было устранено принципом ротации, в соответствии с которым администрация и фасции на один месяц передавались каждому консулу по очереди,^[894] старший из них получал символ власти первым, а тот, кто обладал им в данный момент, назывался *консулом-майором*.^[895] Это различие никогда не исчезало полностью, так как Цезарь, как нам говорят, возродил в свое консульство (59 г. до н. э.) старый обычай, по которому ликторы шли позади консула, не имевшего *fascis*.^[896] Но задолго до времени Цезаря положительное сотрудничество между консулами в городе было обычным делом. Они вместе созывали сенат, и многие консульские законы носили имена двух рогаторов. Однако оставалось несколько важных актов, которые, хотя с моральной, если не с юридической точки зрения, требовали согласия обоих консулов, все же могли быть выполнены только одним из них. Таковыми были выборы магистратов и назначение диктатора. В этих случаях вопрос о том, кто из консулов должен действовать, часто решался по соглашению (*comparatio*) или по жребию (*sortitio*).

Во всех внутренних делах, за исключением гражданской юрисдикции и финансов, консулы были главами администрации,^[897] а это, в условиях развитой республики, означало, что они были главными слугами сената. Именно консулы регулярно консультировались с этим органом, выражали его декреты, а также повеления, которые они имели конституционное право издавать по собственной инициативе, в форме эдиктов и выносили законодательные меры, получившие сенатское одобрение, на рассмотрение *комиций* веков и племен. Именно они представляли государство иностранным царям и народам и вводили их посланников в сенат.

Консульская юрисдикция была двух видов - административная и уголовная. Административная юстиция республики занималась главным образом финансовыми вопросами, затрагивающими интересы общества, такими как денежные требования государства к частным лицам или частных лиц к государству. Регулярное исполнение этой обязанности возлагалось на цензоров, но в промежутках между цензурами она переходила к консулам. Мы также находим их, выносящими решения по имущественным вопросам между городами Италии.^[898] В этом вопросе они, несомненно, действовали по указанию сената.

Уголовная юрисдикция консулов выражалась тремя способами. На протяжении столетий она осуществлялась через квесторов и представляла собой обычную юрисдикцию в отношении обычных, а не политических преступлений; она утверждалась как часть их *coercitio*, с

обжалованием или без обжалования в зависимости от характера вынесенного приговора;[899] или же это могла быть юрисдикция без обжалования, делегированная народом. В другом месте мы проследим развитие обычая, согласно которому *comitia* передавала юрисдикцию по определенным преступлениям специальным комитам. Народ, который при таком делегировании действовал по совету сената, обычно оставлял назначение комиссии на усмотрение этого органа, а сенат выбирал либо консула, либо претора.[900] Мы также находим консула, председательствующего на уголовном расследовании (*quaestio*), вызванном каким-либо вопросом международного права, например вопросом о том, должен ли отказ народа от договора иметь своим следствием капитуляцию генерала, виновного в его заключении.[901]

Неограниченная *власть* консула в поле (*militiae*), которая утверждалась, когда он пересекал *romerium*[902] и требовала санкции *lex curiata*, в период ранней Республики, когда войны ограничивались Италией, обычно осуществлялась обоими консулами вместе. Чтобы избежать неудобств и опасностей, связанных с правилом двух главнокомандующих равной силы, был принят принцип ротации, когда каждый консул получал верховное командование на один день.[903] Но этот прием был необходим только тогда, когда военные соображения диктовали, что все римские силы должны действовать вместе. Часто римские армии одновременно направлялись против различных пунктов Италии, и, естественно, возникал обычай, что каждый консул должен командовать половиной регулярной армии из четырех легионов и, таким образом, иметь независимую сферу действий (*provincia*).[В оборонительной войне, например, против Ганнибала, Италия, естественно, делилась на две консульские провинции;[905] но эта практика стала еще более необходимой, когда римское оружие вышло за пределы полуострова, и в период приобретения империи, с начала первой Пунической войны до завершения борьбы с Грецией (264-146 гг. до н. э.), Italia как провинция была разделена на две части. В период приобретения империи, с начала первой Пунической войны до окончания борьбы с Грецией (264-146 гг. до н. э.), Италию в целом и какую-нибудь чужую страну, например Грецию или Македонию, консулы регулярно занимали в качестве провинций. 906] Принятые меры для постоянного управления провинциями, сначала через преторов, а затем через промагистратов, как правило, ограничивали их использование для этой цели; но вплоть до времени Суллы (81 г. до н. э.) консул мог в любое время быть назначен в трансмаринскую провинцию. 907

Консулы решали вопрос о распределении *провинций* по соглашению или по жребию,[908] со временем *sortitio* стала более обычной практикой. Иногда сенат осмеливался предложить, чтобы один из консулов был более квалифицирован для особого департамента, и в этом случае неизбежное согласие его коллеги позволяло ему занять его *extra sortem*. [909] Но по мере расширения деятельности Рима и увеличения числа доступных магистратов с *imperium*, важным стал вопрос не о том, кто должен иметь один из двух департаментов, а о том, какими должны быть консульские провинции. Право назначать провинции (*nominare provincias*) к концу Ганнибаловой войны стало неоспоримой прерогативой сената [910] и одним из самых надежных способов контроля над консулами. Эта власть *де-факто* была официально признана законом трибуна К. Гракха в 123 г. до н.э. Хотя она едва ли нуждалась в юридическом признании, а целью *lex Sempronia* было ослабить дискреционные полномочия сената, постановив, что консульские провинции должны быть определены до избрания консулов, которые должны были их занять.[911] В этот период консульские кафедры почти всегда были иностранными командами; но после окончания социальной войны и реформ Суллы их получали проконсулы после истечения года их полномочий в Риме.

Мы не знаем точного содержания *lex Cornelia de provinciis ordinandis*. Сулла ничем не нарушил военного *imperium* консулов; после, как и до его закона, им было разрешено "приближаться к любой провинции";[912] но он придумал некоторые средства для отделения внутренних дел от иностранных команд, которые, кристаллизуя установленный обычай, ограничивали консулов и преторов гражданским управлением Рима и Италии и отправляли их после года пребывания в должности проконсулов и пропреторов в провинции. Полномочия, предоставленные военным *imperium*[913], были отныне утрачены, и консул в конце Республики имел меньше конкретных функций, чем любой магистрат; даже его уголовная юрисдикция исчезла до создания постоянных судов. Тем не менее консул, соблюдавший конституционные формы, был главным толкователем воли сената; в то время как тот, кто, подобно Цезарю в 59 году до н. э., нарушал все эти формы, мог осуществлять почти монархическую власть. Обладание консульством было великим ежегодным призом, который оспаривали и почти в равной степени получали консервативная и реформаторская партии со времен Гракхов до конца Республики,[914] и это соревнование не было полностью направлено на обеспечение военного *imperium*, который лежал за ним. Гражданская должность еще могла сделать способного человека, опирающегося на влиятельных сторонников, вершителем судеб государства[915].

Преторы

Мы видели, как функции гражданской юрисдикции были переданы второстепенному коллеге консулов, и как впоследствии был добавлен второй коллега для рассмотрения дел, в которых затрагивались интересы *peregrini*. [916] На этом потребности в судебных магистратах не могли закончиться. Провинции Сицилия и Сардиния, приобретенные в результате первой Пунической войны, требовали юрисдикции, и около 227 г. до н. э. им были даны два претора; еще два были добавлены в 198 г. до н. э. для двух недавно приобретенных испанских провинций, таким образом, их число достигло шести. *Лекс Баэбия* (около 180 г. до н. э.) постановил, что четыре и шесть преторов должны избираться поочередно, вероятно, с мудрой целью сделать преторское управление трудными испанскими провинциями двухгодичным; но этот закон вскоре был приостановлен, и шесть преторов продолжали избираться ежегодно вплоть до времени Суллы (81 г. до н. э.). [917] Правда, с 198 по 81 год к Римской империи было присоединено множество провинций, но принцип управления промагистратами получил признание еще в период их создания; преторы, как и консулы, становились все более и более городскими чиновниками, а необходимость пополнить их число возникла в связи с развитием уголовного права. Для председательства в гражданских и уголовных судах Рима требовалось не менее восьми преторов, поэтому Сулла добавил двух к первоначальным шести.

Разнообразие функций, выполняемых преторами, объяснялось тем, что они имели общий и специальный характер. При вступлении в должность, после избрания веками, они сразу же, как низшие коллеги консулов, могли выполнять любую из обязанностей, вытекавших из *imperium*. Затем им поручалась какая-то особая должность, какая-то определенная провинция; но осуществление этого не уничтожало их способности к общим действиям. Для командования на войне, а также для осуществления хотя бы гражданской юрисдикции - оба атрибута полного *imperium* - им требовался *lex curiata*. Каждый имел право на шесть ликторов и являлся с полным их числом, когда управлял провинцией за пределами города; но при осуществлении своей юрисдикции дома он нанимал или получал разрешение только на двух. [918] Конкретный титул претора зависел от его провинции; из двух первоначальных домашних преторов один был известен как *praetor qui inter cives jus dicit*, или, в разговорной фразе, которая стала титульной, как *praetor urbanus*; другой - как *praetor qui inter peregrinos*

jus dicit, известный, наконец, как *praetor peregrinus*. Но об обоих домашних преторах часто говорили, что они имеют *городские провинции* и осуществляют *городскую юрисдикцию*[919]. Их ранг был выше, чем у их коллег - поэтому их имена, как и имена консулов, использовались для знакомства[920] - и из двух *преторов городской претор* считался занимающим более видное положение.[Его обязанности, естественно, были гораздо более трудоемкими, чем у его коллеги, а закон, согласно которому он не должен был отсутствовать в Риме более десяти дней в течение года пребывания в должности[922], делал его более ярко выраженным гражданским чиновником.

Полномочия преторов, взятые в их естественном порядке, можно разделить на (i) общие административные обязанности в Риме и (ii) обязанности их специальных отделов. В первой из этих сфер они действовали в силу своего собственного *imperium*, но *по вине* консулов, и обычно, следовательно, когда консулы отсутствовали в городе. Если же они действовали в присутствии консула, то это происходило по уполномочию сената, и по закону консулы могли запретить эти действия.[923] Такой запрет сената был конституционным способом принуждения консулов к исполнению их обязанностей. Таким образом, преторы могли созывать сенат,[924] предлагать *rogatio*,[925] проводить сборы[926] и осуществлять уголовную юрисдикцию, делегированную народом.[927] Обычно, однако, эти обязанности выполнялись ими только в отсутствие консулов, и *претор города* обычно брал на себя инициативу,[928] хотя созыв сената обоими домашними преторами и даже провинциальным претором был небезызвестен.[929]

Особые функции преторов всегда распределялись по жребию (*sortitio*). В период, когда некоторые преторы управляли провинциями, регулярная сортировка принимала форму назначения двух городских *провинций* двум, а иностранных провинций - двум, а затем четверем членам коллегии.[930] Но в III и начале II века, до того как пророгация командования стала нормальным принципом и когда Рим имел в своем распоряжении мало магистратов с *imperium*, эта регулярная сортировка не всегда могла соблюдаться. Иногда два городских преторства объединялись,[931] или *претор peregrinus* мог получить в командование Италию, например Цизальпинскую Галлию.[932] Таким образом, претор мог быть освобожден для командования флотом или в Галлии (в Ариминуме). Нарушение *sortitio* и назначение претора *extra ordinem*[933], естественно, было делом рук сената. После Суллы два гражданских и шесть уголовных судов были распределены между восемью преторами по жребию.

Гражданская юрисдикция, будь то городские или провинциальные преторы, по-прежнему придерживалась древней формы, согласно которой вынесение решения по закону (*in jure*) было обязанностью магистрата, а вынесение решения по факту (*in judicio*) - функцией одного *judex* или, в случаях, требующих быстрого решения, коллегии "взыскателей" (*recuperatores*). Постановления *городского претора* первоначально следовали формам *legis actio*, но в вопросах, касавшихся *peregrini*, у претора появился обычай разрабатывать формулы действий (*formulae*), которые связывали *judex* в его решении. Удобство этой процедуры распространяло ее почти на все дела, и по *lex Aebutia* неопределенной даты более простая формулярная процедура почти полностью заменила более сложные положения *legis actiones*. [934] Формула представляла собой условное оправдание или осуждение; претор говорил судье: "Если окажется, что долг причитается, обязательство возникло и т. д., осуди подсудимого на определенную сумму или на сумму, оставленную по твоей оценке; если условие не очевидно, оправдай его" (*si paret... condemna; si non paret, absolve*). Своим решением судья менял условный приговор на категорический и окончательный.

В большинстве общин такие постановления преторов были эпизодическими изложениями фиксированного кодекса или неопределенного свода статутного и обычного права. В Риме

была принята полезная практика, благодаря которой живой закон, в отличие от мертвой буквы единственного кодекса и уставов, вышедших из употребления, представал перед глазами всего народа. Преторы объявляли с помощью эдиктов, издаваемых при вступлении в должность, какие решения они будут выносить в том или ином случае. Эдикт был "живым голосом гражданского права";[935] и неудивительно, что ко времени Цицерона он занял место "песни" Двенадцати таблиц в юридическом образовании римской молодежи.[936] Профессией эдикта было толкование римского права; но это толкование принимало форму "помощи, дополнения и даже исправления гражданского права"[937]. Таким образом, речь шла не о *гражданском праве* Рима, а о его действительных модификациях, выраженных в том, что в настоящее время известно как магистратское право (*jus honorarium*). Гражданское право, конечно, предполагалось как фон этих документов; оно нашло выражение во многих формулах, которые продолжали давать магистраты, а сам *альбом*, вероятно, содержал линию разделения, которая показывала, где заканчиваются формулы, основанные на *jus civile*, и начинаются те, которые основаны на магистратских обещаниях. Наиболее типичный язык *jus honorarium* - это приказ, завуалированный под форму обещания; претор утверждает: "При определенных обстоятельствах я разрешу или не разрешу дело" (*judicium, actionem dabo ... non dabo*). Реже формулировки носят более императивный характер: "Я принужу к уплате или присяге" (*solvere aut jurare cogam*); до решения вопроса о праве "я запрещаю применять силу" (*vim fieri veto*).

Рассмотрение закона, созданного судьей, который может быть следствием прецедентов, взятых из уже решенных дел, и, следовательно, просто признанием практики, уже вошедшей в обиход,[938] но все еще выраженной, как в данном случае, в чисто абстрактной форме, вызывает множество вопросов. Во-первых, относительно его действительности. Эдикт был законом, действовавшим в течение года (*lex annua*):[939] ограничение, которое могло бы породить весьма неудовлетворительную неопределенность в отношении его действительности для будущих тяжущихся и последующих магистратов, если бы не тот факт, что он был фактически непрерывным и что он принимался, только чтобы быть слегка измененным в соответствии с законодательными изменениями или требованиями удобства, последовательными обладателями гражданской юрисдикции. Говоря техническим языком, эдикт был *perpetuum et tralaticium*. [940] Во-вторых, мы должны рассмотреть ограничение магистрата и те силы, которые обязывали его соблюдать свой собственный провозглашенный закон. В Риме вето успешно действовало для этой цели[941] еще до принятия *lex Cornelia* 67 г. до н.э., который обязывал магистрата придерживаться постановлений его собственного эдикта.[942] При формировании эдиктных правил сам факт публичности в таком юридически одаренном сообществе, как римское, должен был удерживать магистрата в рамках благоразумия; когда он сознавал, что не обладает достаточной юридической подготовкой, часто приходилось обращаться за помощью к выдающимся юристам.

Эдикт является источником большинства современных римских законов; названия *Дигест* Юстиниана часто представляют собой комментарии к его рубрикам, взятые из трудов ученых-юристов, и то, что он стал прототипом мирового права, вполне естественно, если принять во внимание способ его создания. Это был не только коллективный труд многих поколений талантливых людей, которые, к счастью, не исповедовали юриспруденцию, но и результат согласования римского права сначала с правом Италии, а затем с правом провинций. Зачатки признания "закона цивилизованного мира" (*jus gentium*) должны быть более древними, чем институт *претора Перегринуса*, поскольку уже более века *претор*

Урбанус издавал эдикты не только для *cives*, но и для *peregrini*; Но когда для *peregrini* был издан отдельный всеобъемлющий эдикт, равенство нашло более систематическое выражение, и его реакция на сравнительно жесткие формы городских эдиктов была неизбежно велика; но сила этой реакции, возможно, была даже превзойдена силой провинциальных эдиктов (*edictum provinciale*), изданных первоначально иностранными преторами, а затем проконсулами и пропреторами в каждой из зависимых от Рима областей.

Присоединение преторов к уголовной юрисдикции, за исключением редких случаев создания специальной судебной комиссии, было связано с ростом постоянных судов. Эти *quaestiones perpetuae* или *judicia publica* в значительной степени были созданы по образцу гражданской процедуры, в которой компенсация взыскивалась через суд *recuperatores*. Поэтому преторы казались наиболее подходящими председателями, а размер коллегии, как мы видели, был[943] увеличен Суллой, чтобы соответствовать растущему числу этих судов. Для уголовной юрисдикции было выделено шесть преторов, чьи провинции, возможно, определялись сенатом и, несомненно, распределялись между назначенными магистратами с помощью жребия.[944] Хотя общий принцип распределения делал каждого претора председателем юрисдикции, предписанной одним законом, который создавал *quaestio*, сферы юрисдикции ни в коем случае не были фиксированными. Группы *квесторов* или их филиалы[945] могли перестраиваться каждый год, и, возможно, даже не было необходимости в том, чтобы один претор сохранял определенную сферу юрисдикции на протяжении всего срока пребывания на своем посту. Общие административные функции должности могли вмешиваться в юрисдикцию, и иногда возникала необходимость в корректировке первоначального распределения *провинций*, вероятно, с согласия сената[946].

Эдилы

О соединении плебейских и курульных эдилов в одну должность свидетельствует то, что они упоминаются вместе там, где упоминаются или предписываются законом их обязанности[947], и это слияние было настолько полным, что иногда невозможно определить, относится ли историческая ссылка к плебейской или патрицианской магистратуре. Но в соответствующих квалификационных требованиях к должности, формах избрания и *знаках отличия* разделение все же было полным. Плебейские эдилы по-прежнему должны были быть плебеями, в то время как курульные эдилы попеременно принадлежали то к одному, то к другому сословию;[948] первые избирались плебсом, вторые - народной *трибутной комиссией*; первые сидели на скромной скамье плебейских чиновников и не имели отличительной одежды, вторые восседали на курульном стуле и носили *претексту*;[949] аномалия заключалась в том, что одна должность вообще не была магистратурой, а другая - собственно магистратурой, которая давала ее обладателю право на место в сенате. Единственная привилегия плебейских эдилов - *sacrosanctitas*, которую они разделяли с трибунами, - исчезла вследствие их работы в качестве должностных лиц государства[950].

Теперь эдилы занимали общее положение помощников консулов в управлении городом; для выполнения этой задачи им были отведены некоторые особые сферы компетенции[951].

(1) Они продолжали заботиться о государственных архивах - первоначально ими в ограниченной степени владели плебейские эдилы[952] - и каким-то неизвестным образом разделили с квесторами хранение *senatus consulta* в *aerarium Saturni*[953].

(2) *Cura urbis* включала в себя ряд обязанностей, связанных с общественными местами, зданиями и функциями города. Эдилы должны были следить за мощением улиц, настаивать на том, чтобы частные лица содержали в порядке дорожки перед своими домами, и сдавать в аренду за государственный счет обновление тех улиц, которые были связаны с общественными зданиями.[954] Они следили за тем, чтобы все общественные места, такие как дороги и площади, были чистыми и свободными от препятствий, отчасти из санитарных соображений, отчасти для предотвращения посягательств частных зданий на общественные места.[Они контролировали водоснабжение и запрещали частным лицам, при попустительстве водопроводчиков (*aquarii*), брать из общественных каналов больше, чем им полагалось.[956] Их контроль над общественными зданиями и храмами ограничивался инспекцией и надзором, поскольку ремонт таких зданий, по крайней мере, когда он проводился в больших масштабах, сдавался в аренду цензорами. С этой *aedium sacrarum procuratio*[957] был тесно связан контроль за культом общины, который обязывал их следить за тем, чтобы в примитивную форму римского культа не проникали иноземные новшества.[958] Об их полицейских обязанностях свидетельствуют эдикты, которые они издавали для поддержания порядка на публичных играх,[959] а также контроль за частными местами, куда допускалась публика, такими как бани, таверны и т. п.[960].

Эдилы располагали обычными средствами принуждения для исполнения своих постановлений; они изымали залогов (*pignora*) и налагали штрафы (*multae*).[961] Когда последние превышали предел *multa suprema*, дело передавалось на рассмотрение народа; плебейские эдилы защищали свои штрафы перед *concilium plebis*, курульные - перед *comitia tributa*. Из *cura urbis* также возникла аномальная гражданская юрисдикция, которая была ограничена курульными эдилами; в одной из форм гражданского иска, которая сохранилась в их эдикте, кодифицированном при Адриане, а именно в случае ущерба, причиненного дикими зверями общественным дорогам, именно они давали формулу и назначали *iudex* или *recuperatores*[962].

(3) Их забота о рынке описана Цицероном в наиболее важном из ее подразделений - заботе о поставках кукурузы (*cura annonae*).[963] Их обязанностью было регулировать цены, насколько это возможно, особенно путем предотвращения монополий; эдилы часто продавали кукурузу по умеренной цене, установленной государством, хотя иногда амбиции заставляли их самих нести убытки;[964] и именно они, как правило, руководили распределением, предписанным более поздними законами *фрументариев*. [965] Снабжение армии в Италии кукурузой из городских магазинов также было одной из их забот. [966] Другими обязанностями, вытекающими из их контроля над рынком, были соблюдение законов о роскоши,[967] проверка весов и мер с поддержанием их нормального стандарта,[968] а также регулирование продажи рабов и скота. Эти полномочия нашли свое выражение в гражданской юрисдикции, которая в данном случае также была ограничена курульными эдилами. Именно они давали формулу возврата рабов и скота, проданных под ложным предлогом, и назначали судей в таких случаях[969].

(4) *Cura ludorum* эдилов заключалась не в простом руководстве празднествами, как у других магистратов, а в организации регулярно повторяющихся игр, в значительной степени за их собственный счет. Игры проводились совместно соответствующими парами коллег,[970] самый древний праздник, *ludi Romani*, находился в руках курульных,[971] *ludi plebeii* - плебейских эдилов.[972] Другие праздники, учреждаемые время от времени - *Megalesia*, *Cerealia*, *Floralia* - увеличивали бремя эдильства. Мегалесия, очевидно, выпала на долю курульных эдилов,[973] остальные, по-видимому, безразлично отдавались обоим парам.

Иногда эдилы выполняют функции уголовной юрисдикции, которые не могут быть тесно связаны ни с одним из их особых полномочий и которые, следовательно, не вытекают из обычного *принуждения* (*coercitio*). Эта уголовная юрисдикция, как и гражданская юрисдикция курульных эдилов, была аномалией, поскольку эти магистраты не обладали *imperium*. Ее можно объяснить отчасти выживанием (так как некоторые полномочия подобного рода осуществлялись плебейскими эдилами), а отчасти - соображениями удобства. До учреждения *quaestiones perpetuae* в Риме ощущалась острая нехватка уголовных судов. Квесторы занимались рассмотрением тяжких смертных преступлений против отдельных лиц, а трибуны - политической юрисдикцией. Нужна была магистратура для рассмотрения обычных и менее тяжких преступлений с денежным штрафом (*multa*) перед народом, и она была найдена в эдильстве. Правда, эдилам не запрещалось возбуждать дела о политических преступлениях, которые можно было бы штрафом, например, о легком случае *majestas*[974] или подкупе судейской коллегии;[975] а вынесение решения о нарушении мира (*vis*) было вполне совместимо с их полицейскими обязанностями.[976] Но, как правило, мы находим их в классе обычных преступлений, несколько ниже достоинства трибунского преследования. К ним относились прелюбодеяние, совершенное мужчиной или женщиной,[977] ростовщичество,[978] незаконные операции с кукурузой,[979] а также преступление, связанное с превышением количества земли, которой закон разрешал владеть человеку.[980] К судебной карьере эдилов побуждал необычный обычай, позволявший им оставлять себе собранные штрафы и использовать их на любые общественные цели, которые они пожелают. Мы видим, что они тратились на здания и украшения города, а плебейские эдилы - на свои игры[981].

Квесторы

Мы уже говорили об уголовных следователях (*quaestores parricidii*), которых традиция относит к монархии,[982] и о более определенных помощниках консулов по уголовной юрисдикции и финансам (*quaestores parricidii et aerarii*), которых относят к ранней Республике.[983] Мы видели, что, сначала назначенные консулами, они вскоре были избраны племенами,[984] и мы были свидетелями открытия этой должности для плебеев, когда в 421 году до н.э. число квесторов было увеличено с двух до четырех, и один из этих чиновников был приставлен к каждому консулу на местах.[985] Около 267 г. до н. э. для целей италийского управления были добавлены еще четыре, и больше никаких изменений не зафиксировано, пока Сулла не довел их число до двадцати,[986] хотя не исключено, что было какое-то промежуточное увеличение.

После того как квестор стал самостоятельной магистратурой, срок его полномочий продолжал быть ежегодным; но консулярный квестор - это настолько часть своего начальника, что после того, как продление *imperium* стало обычным делом, двухгодичный срок полномочий, частично в Риме, частично в провинции, должен был стать правилом.[987] Ранг квестора был самым низким в *cursus honorum*,[988] и он не имел никаких *знаков отличия*, присущих курульным магистратам. На монетах он изображен на стуле с прямыми ногами, с мешком или сундуком для денег и посохом, значение которого неизвестно.

Квесторские *провинции* были определены до вступления этих магистратов в должность декретом сената[989], а отдельные лица были назначены в свои отделы по жребию; хотя, вероятно, всегда по особой милости сената, известны случаи, когда командиры сами выбирали себе помощников[990].

Департаменты можно сгруппировать под тремя названиями: городской, военный и италийский.

(i.) Общая обязанность помощи, которую оказывали консулам два городских квестора (*quaestores urbani*), лишилась одного из своих атрибутов в результате утраты ими уголовной юрисдикции в середине II в. до н. э.; ведь после создания первого *quaestio de sicariis* они уже не могли быть нужны в качестве делегатов в *parricidium*.^[991] Их функции отныне, как и в течение некоторого времени, были в основном финансовыми. Их старая связь с *aerarium* обеспечила им хранение ключей от этой сокровищницы,^[992] опеку над хранившимися там штандартами^[993] и, прежде всего, над огромной массой государственных бумаг и архивов, которые там хранились. В них содержались законы^[994] и декреты сената,^[995] список судей,^[996] государственные счета (*tabulae publicae*), включавшие ведомости о деньгах, пожалованных магистратам^[997], и расчеты провинциальных губернаторов с *aerarium* в отношении прямой дани, выплачиваемой им провинциалами. С этой финансовой опекой были связаны обязанности квесторов по сбору денег. Им *publicani* обычно выплачивали суммы, которые они гарантировали за аренду государственных доходов.^[998] В их руках также находился сбор штрафов, налагаемых *народной судебной системой* и взыскиваемых *quaestiones* за казнокрадство и вымогательство.^[999]

Квесторы также осуществляли продажи от имени казны - не тех больших частей общественного достояния, которые отчуждались цензорами, а текущих приобретений, таких как рабы и добыча, захваченная на войне,^[1000] а также той части завоеванной земли, которая сразу же шла с молотка (*ager quaestorius*). [Эта тройная функция - опека, сбор и продажа - давала городским квесторам непревзойденное понимание состояния государственных доходов, и поскольку они были ежегодными, а цензоры - составители бюджета - лишь эпизодическими чиновниками, мы не удивляемся тому, что они выступают с финансовыми отчетами в сенате^[1002].

(ii.) Общая помощь, которую квесторы должны были оказывать консулам, была распространена, как мы видели,^[1003] в 421 году до н. э. на их деятельность на местах. Каждому консулу или претору, принявшему военное командование, назначался определенный квестор (диктатор освобождался от того, что рассматривалось как ограничение дискреционных полномочий магистрата), и, после того как появился обычай расширять *imperium*, эти помощники сопровождали проконсулов и пропреторов в их провинциях. Срок полномочий квестора продлевался вместе со сроком полномочий должности, с которой он был связан,^[1004] поскольку связь между начальником и подчиненным считалась почти такой же личной, как между отцом и сыном.^[1005] Мы рассмотрим эти отношения более подробно, когда перейдем к рассмотрению организации провинций. Здесь же достаточно отметить, что, хотя функции квесторов были в основном финансовыми, во всех остальных отношениях они были настоящими административными делегатами магистратов с *imperium*,^[1006] и постоянно занимались судебными и военными делами.

(iii.) Квесторы Италии, вероятно, были идентичны квесторам флота (*classici*) и являлись результатом организации Италии, последовавшей за войной с Пирром (267 г. до н. э.). Для целей Пирровой войны было создано двенадцать квесторов, число которых, когда они получили постоянные должности, сократилось до четырех.^[1007] Три из этих должностей могут быть определены приблизительно. Одним из них была Остия, и на этот пост возлагалась обязанность поставлять кукурузу в Рим.^[1008] Вторым, по-видимому, были леса Италии.^[1009] Третий находился в Галлии,^[1010] возможно, в Равенне или Ариминуме. Четвертый неизвестен, но, возможно, был квестором в Лилибее на Сицилии, который после создания первого сицилийского претора в 227 г. до н. э. должен был стать провинциальной должностью. Остальные три сохранились до Республики как сферы италийской

администрации.[1011] Функции этих квесторов заключались главным образом в сборе контингентов с союзников в виде кораблей и людей,[1012] защите побережья, а в Остии, как мы видели, - в поставках кукурузы для столицы.

Еще один квесторский отдел упоминается Цицероном - *провинция Аквария (provincia aquaria)*, которая, вероятно, занималась водоснабжением столицы. Неизвестно, была ли эта функция закреплена за одним из итальянских квесторов[1013].

Цензоры

Мы уже описывали учреждение цензуры в 443 году до н. э.[1014] и видели, что патрицианское звание первоначально было необходимым условием для занятия этой должности. Первое упоминание о плебейском цензоре относится к 351 г. до н. э.[1015] Один из законов Публилия 339 г. до н. э., как говорят, распространил на цензуру положение закона Лициния о консульстве и постановил, что один цензор должен быть плебеем;[1016] но только в 131 г. до н. э. мы находим двух плебейских цензоров[1017].

Выборы на эту должность, как и на другие высшие магистратуры, происходили в *comitia centuriata*[1018] под председательством консула. Затем выборы утверждались не *lex curiata*, как в случае с другими магистратами, а *lex centuriata*,[1019] форма законодательного утверждения, которая отмечает цензоров как особых должностных лиц, занимающихся организацией *экзерциции*.

По рангу цензор занимает аномальное положение. Хотя у него нет *imperium* и права созыва народа и сената, его причисляют к *majores magistratus*, он обладает "высшей *auspicia*",[1020] сидит в кресле курула, носит тогу с пурпурными полосами и (честь, которой не удостоивался ни один другой магистрат) погребен в полном пурпуре короля.[1021] В политическом отношении цензор был вершиной карьеры. В ранний период ее часто занимали бывшие консулы, но затем она практически стала принадлежать только консулам, а ее огромные полномочия, высокая этическая значимость и сравнительная редкость сделали ее целью тех, кто уже достиг главного титулярного достоинства государства.

Четыре атрибута этой должности очень важны для определения ее характера. Первый из них давал ей необходимые полномочия, остальные создавали здоровое ограничение ее полномочий.

(1) Цензура была безответственной должностью.[1022] Ее носители не могли быть призваны к ответу за любое действие, совершенное в связи с *переписью*, любое действие, которое было результатом *ensoria potestas*, ратифицированной *lex centuriata*; и хотя *lectio senatus* была более поздним дополнением к их функциям, эта власть, похоже, была включена в компенсацию. Этот принцип иммунитета был закреплён в декрете сената от 204 года до н. э.[1023] и, хотя часто оспаривался трибунами, сохранялся до конца Республики. Одним из последствий *плебисцита* Хлодиана 58 года до н. э., ограничившего дискреционные полномочия цензоров в *regimen morum*,[1024] должна была стать их судебная ответственность за нарушение его положений; но этот закон был вскоре отменен. Цензоры также были свободны от обычного ограничения, создаваемого трибунским заступничеством; было явно недействительным в отношении конкретного *potestas*, осуществляемого при *переписи*,[1025] хотя *obnuntiatio* могло быть использовано против созыва народа на *перепись* и *lustrum*, как и против любого другого *contio*. [1026]

(2) Ограничение срока полномочий восемнадцатью месяцами нарушало непрерывность магистратуры и символизировало, что эта должность была лишь эпизодической. Цензорные

ордонансы действовали в течение всего пятилетнего периода *люструма*, но, каково бы ни было первоначальное намерение ограничения срока полномочий, оно было сохранено в качестве эффективной гарантии против осуществления столь огромных полномочий в течение непрерывного периода в четыре или пять лет[1027].

(3) Переизбрание в цензуру было запрещено, поскольку постоянный моральный контроль, осуществляемый одними и теми же людьми, был бы нетерпим[1028].

(4) Коллегиальный принцип действовал здесь так же, как и в других должностях, но нигде проверка вето не была более необходимой и более здоровой, чем в его влиянии на произвольные моральные суждения цензоров. Без него сенат мог бы быть заполнен одним человеком, а разжалование с самых высоких должностей и на основании самых скудных доказательств могло бы быть вызвано капризом и сопровождаться непопулярностью, которую разделение ответственности делает менее интенсивной.[1029] Коллегиальные отношения в этом случае были более тесными, чем в любой другой магистратуре. Их обладатели должны были избираться вместе, имя назначенного по отдельности цензора не принималось;[1030] и, то ли из соображений удобства, то ли из религиозных соображений, было принято постановление, что если одна должность освобождается в результате отречения или смерти, обладатель другой должен уйти в отставку[1031].

Первоначальные и конкретные полномочия цензоров, как бы ни были они различны, образуют совершенное единство. Вкратце их работа сводится к подсчету и очищению народа. *Перепись* сопровождается (i.) регистрацией, то есть отнесением людей к соответствующим государственным подразделениям; (ii.) решением вопроса о финансовом бремени, основанном на оценке имущества людей; (iii.) рассмотрением моральных качеств людей с точки зрения их пригодности к выполнению различных государственных функций, известным в целом как *regimen morum*; (iv.) очищение (*lustrum*), возможно, чтобы отвратить гнев богов от беззакония, связанного с численностью народа, возможно, просто регулярно повторяющееся искупление невольного греха, причем добровольные грешники сначала удалялись путем исключения, осуществляемого *cura morum*.

К этой совокупности добавились две функции: во-первых, *lectio senatus*, которая, хотя и не является частью *переписи*, представляет собой результат той же деятельности и является неотъемлемой частью *regimen morum*; во-вторых, финансовые обязанности, такие как взимание налогов и *opera publica* - функции, которые мог выполнять любой из верховных магистратов. Они не являются неотъемлемой частью *переписи*, и эта часть деятельности цензоров осуществляется под сенаторским надзором[1032].

I. Хотя в глазах цензоров и всего мира *lectio senatus* были первыми из их обязанностей, они были лишь поздним приложением к их должности. Даже в 311 г. до н. э. консулы все еще могли отбросить цензорский список и вернуться к практике выбора собственного консилиума,[1033] а еще позже (216 г. до н. э.) для восполнения пробелов в приказе мог быть выбран диктатор.[1034] *lex Ovinia*, плебисцит неопределенной даты, возможно, возложил на цензоров основную ответственность за *lectio*, но сохранившийся фрагментарный пересказ его содержания лишь ограничивает их дискреционные полномочия в осуществлении своего выбора. Цензоры должны выбирать "лучших людей" - указание, которое, интерпретированное с учетом наших знаний о более поздних методах отбора, подразумевает, как минимум, выбор бывших курульных магистратов,[1035] а как максимум - тщательную проверку всего списка магистратов (включая плебейских эдилов и квесторов) перед назначением цензорских кандидатов[1036].

Составление сенатского списка было, в соответствии с оценкой его важности, первой работой цензоров после их вступления в должность. Она была выполнена быстро, поскольку не было созыва сената как корпорации или даже отдельных лиц, как при *переписи*. Возможно, сенатору предлагались возможности снять с себя обвинения,[1037] но без формальной процедуры было не обойтись, и нигде произвол цензоров не проявлялся так сильно, как при выполнении этой самой серьезной из их обязанностей.

Отклонение принимало форму проставления отметок (*notae*) против имен в реестре; эти имена опускались в пересмотренном списке. Затем происходило *sublectio* новых имен, и здесь порицание выражалось путем исключения тех, кто претендовал на место в палате.[1038] Вето, которое действовало в своей постоянной отрицательной манере, позволяя одному цензору оставить имя, опущенное другим,[1039] или даже, возможно, помешать избранию нового члена, выбранного его коллегой, и письменные основания для порицания, приложенные к отклоненному имени (*subscriptio censoria*),[1040] были некоторыми гарантиями против капризного исключения.

Автоматический метод набора в сенат, введенный Суллой, привел к изменениям в отборе цензоров. Магистраты, похоже, потеряли право отклонять претендентов, их право исключения ограничивалось именами, уже включенными в список. Неизвестно, сохранили ли цензоры на последующих *луструмах* право отменять однажды произнесенные *infamia*; но обычным способом возвращения места изгнанному сенатору было добиваться всенародного избрания и входить в сенат через магистратуру[1041].

II. *Перепись* открылась призывом к народу встретиться с цензорами на Campus Martius. В первую очередь цензоры хотели изучить армию, представленную в центуриатных списках, и, следовательно, именно членов этого органа они вызывали лично; *capite censi*, с их голосами в трибах и налогооблагаемым капиталом, могли быть представлены только *curatores tribuum*,[1042] хотя цензор мог вызвать любого члена бюргерской общины, которого пожелает.[1043]

Финансовая проверка при каждой *переписи*, целью которой был рейтинг *трибутов*, основывалась на данных последней проверки. Таким образом, существовал определенный способ проверки деклараций, которые теперь давал под присягой каждый глава семьи, а в сомнительных случаях должны были приниматься внешние доказательства. Декларации составлялись в соответствии с инструкциями общей формулы (*lex censui censendo*), которую опубликовали цензоры;[1044] но общие условия всегда были одинаковыми. Сначала указывался размер имущества, затем его стоимость. Но оценка отдельного владельца не обязательно должна быть принята цензорами; они часто давали преувеличенную оценку предметам роскоши[1045] или выражали свое неодобрение социальным или моральным преступлениям, произвольно и чрезмерно оценивая товары преступников[1046].

Все имущество, оцененное таким образом, должно было стать объектом квинритской собственности. Первоначально это были только земля и связанные с ней животные (*res mancipi*),[1047] такие объекты, которые передавались по манципации и для доказательства передачи которых из рук в руки мог быть вызван свидетель манципации. Но растущее торговое сообщество должно было учитывать и движимое имущество, и на протяжении всего исторического периода все объекты собственности, телесные или бесплотные, которые составляли *rescilia* в более позднем смысле этого слова, подлежали оценке и налогообложению.[1048] После того, как в Италии прекратилось прямое налогообложение (167 г. до н. э.), оценка перестала применяться. Но имущество еще некоторое время определяло виды военной службы и избирательные права, а цензоры по-прежнему должны

были проверять профессии оцениваемых, хотя, возможно, проверка проводилась с меньшей строгостью, чем раньше.

Поскольку только глава семьи мог дать отчет об имуществе, именно ему цензор задавал необходимые вопросы о лицах, находящихся на его попечении. Респондент называл не только свое имя, имя своего отца и свой возраст, но и делал аналогичные заявления о сыне, дочери и жене.[1049] Расспросы о членах семьи женского пола проводились в основном по моральным соображениям; они не имели значения для регистрационной работы, целью которой было распределение избирательных прав и воинских повинностей. Из трех подразделений римского государства - *курия*, племя, век - первое не рассматривалось цензором, поскольку *курия*, как и *род*, передавалась по наследству. Назначение племени менялось в разные периоды. Если в истории цензуры не было времени, когда она была ограничена землевладельцами,[1050] то обладатель надела, естественно, регистрировался в *трибе*, где находился его участок, а невладелец - в той, где он проживал. Но к 312 году до н. э. безземельные граждане уже были ограничены четырьмя городскими трибами; радикальный цензор того года распределил их даже по сельским трибам, чтобы увеличить избирательную силу этого *forensis factio*;^[1051] но в 304 году до н. э. безземельный пролетариат снова был ограничен *городскими трибами*,^[1052] и отсюда возникло постоянное различие между более почетными сельскими и менее почетными городскими трибами. Собственно говоря, это различие между землевладельцем и безземельным гражданином не могло продолжаться, когда все имущество, как личное, так и недвижимое, стало иметь равную стоимость при *переписи населения*, а принадлежность к племени стала практически наследственной. Но это была наследственность, которая могла быть нарушена цензором в любой период регистрации. Он мог, как мы увидим, произвольно перевести человека из отцовского племени в одно из четырех городских подразделений, которые, отчасти по историческим причинам, отчасти потому, что в них проживали вольноотпущенники, считались менее знатными.

Распределение по векам естественным образом следовало за имущественными и возрастными различиями, которые позволяли попасть в эти органы. Список, в котором излагалось это распределение, по-прежнему был преимущественно армейским, но таблица старших (*tabulae seniorum*), несомненно, содержала имена тех, кто уже достиг возраста обязательной службы. *Sexagenarii*, хотя молодые крови могли возражать против того, чтобы они голосовали за войну, в которой им не суждено участвовать, или избирали генерала, которым они не будут руководить, все же имели право принимать участие в обсуждениях *comitia centuriata*.

Очевидно, что полная перепись племен и веков включала все избирательные единицы Рима, и, несмотря на то, что индивидуальная проверка *aerarii* могла и не проводиться,^[1054] мы должны предположить, что существовал племенной список *всех* граждан, подтверждавший право голоса на *comitia tributa* и *concilium plebis*. Но почти наверняка, когда историк упоминает о переписи республиканского времени, он воспроизводит лишь список армии,^[1055] жизненно важный элемент регистрации в военном государстве. Все, не достигшие военного возраста, исключаются, и даже был сделан вывод, что в исторических списках сами *сеньоры* не фигурируют.^[1056] *Пролетарии* потенциально и в некотором смысле фактически являются членами римской армии;^[1057] но очень сомнительно, что они фигурируют в республиканских списках. Возможно, только в эпоху принципата перепись содержала имена всех римлян мужского пола старше военного возраста^[1058].

III. Слово *equites* в первую очередь и правильно применялось только к гражданской кавалерии из 1800 человек, служивших на лошадях, поставляемых государством.^[1059] Они

составляли *centuriae equitum equo publico*, и этот класс был *ordo equester* в строгом смысле слова.

Правда, впоследствии значение *equites* стало более широким. Примерно в конце V века лицам, обладавшим определенным цензом и не входившим в конные столетия, было разрешено служить в коннице на собственных лошадях.[1060] Они не представляли собой определенную группу, но отбирались для конкретной службы командиром, если цензоры признавали их денежную квалификацию.[1061] Следствием этого стало то, что термины *eques* и даже *ordo equester* были перенесены на этих потенциальных рыцарей и стали обозначать всех, кто обладал определенным цензом, который в Принципате и, вероятно, в поздней Республике составлял 400 000 сестерций.[1062] Цензура занималась этим более широким кругом рыцарей только в качестве органа, подтверждающего денежную квалификацию отдельных ее членов. Единственным органом *эквитов*, который он признавал и рассматривал как корпорацию, был орган восемнадцатого века.

Смотр рыцарей (*equitum census*,[1063] *recognitio equitum*[1064]) проходил, как и смотр остальных граждан, не в *Campus Martius*, а на Форуме. Весь корпус по одному проходил мимо цензора, каждый рыцарь вел своего коня за уздечку, пока герольд называл его имя.[1065] Первым вопросом, который рассматривали цензоры, был вопрос о разряде. Пока рыцари оставались кавалерией Рима, служба была бременем, и бременем, которое с конца второго века Республики стало несовместимым с местом в Сенате.[1066] В период Гракхов, как мы видели, нужно было доказать десятилетнюю службу, прежде чем рыцарь мог требовать увольнения.[1067] Увольнение обычно удовлетворялось, если условия были выполнены, но цензоры, в качестве меры наказания, требовали права не засчитывать прошлую службу и даже навязывать рыцарю дополнительную службу за свой счет.[1068] Бесславное увольнение до окончания срока службы было следствием военной небрежности, проявлявшейся, например, в потрепанном состоянии общественной лошади (*impolitia*),[1069] или любого морального изъятия, который в других сословиях повлек бы за собой увольнение из сената или триб. Формой увольнения было "продай коня" (*vende equum*), удержания - "веди его дальше" (*traduc equum*).[1070] Последней обязанностью цензоров было заполнение вакантных пробелов в веках. Это делалось путем зачисления по собственному усмотрению квалифицированных членов из пехоты (*pedites*).

Эта процедура была лишь одним из примеров того широкого порицания, которое было направлено на гражданское тело во время его регистрации в *Campus Martius*. Этой проверке предшествовал эдикт, в котором цензоры объявили некоторые из своих моральных канонов - канонов, которые, как мы полагаем, передавались из коллегии в коллегию и от которых редко отступали, - и одновременно осудили новые пороки, которые, по их мнению, подрывали жизнь государства.[1071] Поступки, вызывавшие их осуждение, удобно рассматривать под четырьмя названиями.

(i.) Те, что касаются семейной жизни и частных отношений. Отец как домашний судья[1072] нес полную ответственность за поведение маленького семейного мирка, а цензор осуществлял свой контроль над женщинами викарно, через их мужей.[1073] Объектами цензорского осуждения были жестокое наказание рабов,[1074] проступки клиента, которые раньше карались понтификальным правом,[1075] плохое воспитание детей, будь то излишняя суровость или чрезмерное потакание,[1076] а также неисполнение родовых *сакральных* обрядов.[1077] Цензоры не одобряли безбрачие,[1078] облагая постоянных холостяков дополнительным налогом. [1079] Они не поощряли *брачные союзы*, такие как союзы между свободнорожденными гражданами и вольноотпущенницами,[1080] и следили за юридической свободой разводов. В обычном браке по *общему согласию* простого

отречения мужа было достаточно, чтобы расторгнуть узы;[1081] но цензоры сдерживали безрассудное использование этой власти, и мы находим сенатора, разжалованного за развод с женой без совета семейного совета.[1082] Они также наказывали за плохое хозяйство, пренебрежение имуществом,[1083] роскошную жизнь,[1084] и следили за добросовестностью (*fides*) при исполнении неофициальных договоров, которые еще не были защищены санкциями гражданского права. Особенно это касалось опеки (*tutela*),[1085] но их контроль распространялся на все правовые отношения, которые, как считалось, предполагали *добросовестность*, такие как партнерство, мандат и депозит[1086].

(ii.) Дисквалификации объявлялись следствием определенного образа жизни, ремесла или профессии. Актеры были навсегда лишены всех гражданских привилегий,[1087] а гладиаторы, вероятно, подвергались аналогичной деградации.[1088] К числу бесчестных профессий относилась работа ростовщика, взимающего чрезмерные проценты.[1089]

(iii.) Нарушения политического долга в любой сфере вызывали недовольство цензора. Магистрат мог быть разжалован за жестокость или неподчинение при исполнении своих обязанностей,[1090] за пренебрежение конституционными формальностями,[1091] за злоупотребление покровительством,[1092] или даже за принятие закона, способного нанести ущерб нравственности общества.[1093] Судья мог быть наказан за получение взятки ,[1094] солдат или офицер - за уклонение от службы, трусость или неповиновение,[1095] а избирательный гражданин - за злоупотребление своей судебной или выборной властью. [1096] Позорное поведение в суде также могло повлечь за собой порицание. Это касалось сговора обвинителя с обвиняемым или злонамеренного преследования по уголовному делу (*praevaricatio, calumnia*),[1097] а также присутствия при даче ложных показаний и ложных клятв. Поскольку светское наказание за лжесвидетельство не предусматривалось, его выявление было уделом цензоров[1098].

(iv.) Иногда цензоры объявляли лишение прав в результате судебного приговора.[1099] Воровство и другие частные преступления сопровождалось позором, и иногда порицание не зависело от приговора суда.[1100] Порицание, следовавшее за уголовным осуждением, могло быть либо собственным творением цензоров[1101], либо простым исполнением лишения прав, уже предписанного законом. Ко второму типу относились лишения, налагаемые *lex Cassia* от 104 г. до н. э.[1102] или *lex Calpurnia de ambitu* от 67 г. до н. э., последний из которых предписывал вечное исключение из сената в результате осуждения[1103].

IV. Последствия цензорских *infamia* частично зависели от ранга дисквалифицированного лица, но всегда в той или иной степени регулировались тяжестью проступка. Сенатор удалялся из списка, рыцарь - из конных веков, простолюдин, как говорят, *tribu moveri* или *aerarius fieri*, или и то и другое.[1104] "Удаление из племени" имеет два значения: либо более мягкое наказание в виде перевода из высшего племени в низшее, либо более суровое - полное исключение из племен, тогда как *aerarium facere* подразумевает исключение из веков.[1105]

V. *Люструм*.- После того как ряды различных орденов были таким образом очищены, на Марсовом поле за все собранное войско приносилась люстрационная жертва (*lustratio*).[Волы, овцы и свиньи (*suovetaurilia*), которых вели вокруг войска и затем приносили в жертву богу, были одновременно искуплением греха и благодарностью за благословения, о которых молились на предыдущем *lustrum* и которые были дарованы. 1107] Завершение этой церемонии ознаменовало окончание функций цензора, по крайней мере тех, которые были связаны с *переписью*.

VI. *Другие функции цензоров* - Необходимость разделения функций, породившая цензуру, привела к тому, что финансовые обязанности, аналогичные, но не связанные с *переписью*, были взяты из других магистратур и прикреплены к этой должности. Это была сдача в аренду государственных доходов, содержание государственного имущества и административная юрисдикция, связанная с этими обязанностями.

Римское государство, управляя государственным имуществом, всегда отдавало предпочтение системе подряда. Эта система заключалась в покупке или аренде посредниками (*publicani*) перспективного источника дохода, который человек или компания обрабатывали на свой страх и риск. Иногда посредник сам становился *владельцем* или *подрядчиком* источника богатства, из которого извлекался доход. Этот принцип применялся к ограниченным источникам богатства или к тем, которые требовали особых промышленных приспособлений, таким как рыбные промыслы, солеварни, рудники, лесные угодья. Эта система прямого земледелия иногда применялась к домениальным землям как в Италии, так и в провинциях. Таким образом был решен *вопрос с Кампаном*, а царские владения царей, которых вытеснил Рим, вместе с конфискованной территорией Коринфа были сданы в долгосрочную аренду *publicani*,^[1108] которые, несомненно, в большинстве случаев сдавали эти территории в субаренду более мелким владельцам. Такие контракты выставлялись на аукцион, а их условия определялись *lex censoria*, продиктованным цензором как представителем государства. Этот *lex*, помимо указания доходов, которые должен был выплачивать арендатор, также определял условия, на которых должен был заключаться договор^[1109].

Второй вид сборщика налогов - это настоящий посредник.^[1110] *Мытарь* здесь не сам занят обработкой источника богатства; он не *собственник* и не *жильец*, а тот, кто купил у государства право взимать доход с такого жильца. Это право выставляется на аукцион и покупается за фиксированную сумму, за которую компания успешных подрядчиков предоставляет обеспечение. Их прибыль зависит от перспективного превышения доходов, которые они собирают, над суммой, которую они согласились заплатить. Так поступали с общественными землями, которые оставались открытыми для захвата скваттерами (*occupatorius ager*). Это была либо обработанная земля (*ager*), которой пользовался *владелец*, либо пастбищная земля (*silva pascua, saltus*), на которой *пастор* пас свои стада. И тех и других государство терпело при условии, что они платили фиксированную дань за свое нестабильное владение.^[1111] *Мытари* были людьми, имевшими право взимать эту *подать* с пользователей земли, и пошлины, которые они могли собирать, определялись *lex dicta*, по которой цензор продавал право.^[1112] Еще одним классом доходов, собираемых таким образом, были портовые пошлины (*portoria*). В их основе лежала та же ведущая идея использования общественной земли частным лицом; он платит за это использование, а право сбора этого *вектигала* на определенной территории продается компании *publicani*. Эта система налогового обложения получила большое распространение благодаря применению ее в провинциальном управлении. Римлянин перевел десятину (*δέκατη, decima*), которую он нашел в Сицилии и Азии, на свой собственный привычный *вектигаль*, но на некоторое время он придерживался существующих условий местного сбора, и в Сицилии десятина продавалась на самом острове в соответствии с *lex Hieronica*. [Азия стала первой провинцией, где был применен эксперимент по коллективной продаже налогов в Риме. ¹¹¹⁴ Эта система, очевидно, была распространена на азиатские провинции, организованные Помпеем, а цензура стала обычным средством, с помощью которого доходы огромного царства могли быть куплены компанией римских спекулянтов.

Цензоры пользовались большими дискреционными полномочиями при заключении этих договоров, но пересмотр уже заключенных принадлежал не им, а сенату.[1115] Их чисто исполнительные полномочия объясняют тот факт, что они не могли отчуждать собственность римского народа. Везде, где описывается продажа общественных земель или зданий этими должностными лицами, мы должны предполагать согласие народа или сената.

Степень контроля цензоров над имуществом государства делала их реестры (*tabulae*) похожими на бюджет, который должен был служить руководством для государственных расходов. Хотя этот бюджет составлялся только раз в пять лет, он был достаточно стабильным, поскольку переменные доходы (в отличие от неизменных поступлений, таких как фиксированная дань некоторых провинций) оценивались по промежутку времени, прошедшему между одним *люструмом* и другим. Необычный прирост, например, от добычи, который мог появиться в любой год, стал бы основанием для заявления квесторов, постоянных чиновников *аэрария*.

Но, хотя сметы составлялись цензором, он имел мало отношения к общим расходам. Он не имел отношения к провинциям и армии и ограничивался содержанием и расширением общественной собственности государства. Он был либо создателем, либо ремонтником *опера publica*, таких как дороги, акведуки, храмы и общественные здания.[1116] Такие здания или ремонтные работы сдавались в аренду подрядчикам, причем государство здесь становилось должником частной компании и стремилось получить самую низкую смету за работу.[На ремонт или новые работы сенат предоставлял кредит (*pecunia attributa*), который предписывал квесторам использовать эти деньги по усмотрению цензоров.[1118] В пределах этой суммы они могли действовать по своему усмотрению в отношении способов расходования средств, хотя, несомненно, прислушивались к советам сената. Эти гранты и цели, на которые они использовались, были известны под странным названием *ultra tributa*,[1119] обозначением, которое, возможно, является пережитком того времени, когда такие *оперы* не сдавались в аренду, а были бременем (*munera, moenia*), причитающимся в качестве добровольной дани общины[1120].

Эти финансовые функции цензоров привели к возникновению административной юрисдикции. Опекая общественные места, они решали, где частные здания посягали на государственную собственность,[1121] или где общественные здания были узурпированы *частными лицами*. [1122] Иногда они могли выносить решения о денежных штрафах, предназначенных для обеспечения прав государственной собственности, поскольку иногда они использовали свою власть принуждения и объявляли различные штрафы (*multae*), чтобы заставить подчиниться;[1123] но такая квазиуголовная юрисдикция, должно быть, чаще осуществлялась эдилами, и, когда размер штрафа требовал апелляции, он должен был быть вынесен и защищаться последними магистратами. Юрисдикция, напоминающая гражданско-правовую, была связана с *ultra tributa*, когда возникал вопрос, был ли договор выполнен удовлетворительно или нет, и со спорами об общественной земле, причем в последнем случае спор чаще всего возникал между *мытарем* и *владельцем*, [1124] но иногда, без сомнения, между тем, кто претендовал на роль владельца, с одной стороны, и посредником или арендатором, с другой. Форма этой юрисдикции была различной. Иногда, когда спор шел между государством и частным лицом, как в спорах об *ultra tributa*, приговор был результатом чисто магистерского рассмотрения, хотя мы можем предположить, что цензор мог, если ему было угодно, вынести *решение* в таком случае. Если спор возникал между двумя *privati*, даже если один из них занимал квазиофициальное положение *publicanus*, вынесение *judex* или *recuperatores* было, по крайней мере в поздней Республике, обычным делом[1125].

Плебейские магистраты

Случайное сохранение трибуната из-за неспособности децемвирата выполнять свою работу, а следовательно, и плебейского собрания во всей его чистоте, привело к сохранению магистратуры, выбираемой только плебеями и только из плебса. Но плебейский эдильс был объединен с одноименной курульной должностью практически в единую магистратуру, о которой уже шла речь;[1126] а трибулат настолько тесно связан со всеми этапами конституционного развития и организации Рима, что все его ведущие функции уже были рассмотрены.

Мы видели способ его учреждения и необычную религиозную основу, на которой покоилась его власть,[1127] и наблюдали, как число лиц, занимающих эту должность, увеличивалось с двух до четырех и, наконец, до десяти.[1128] Также были описаны право получения решений от плебса, принудительная власть и юрисдикция, которой обладала эта должность.[1129] Далее мы остановились на аномальной двойственности этой должности и увидели, как в определенном смысле она не является магистратурой, поскольку трибун не имеет ни необходимых *знаков отличия*[1130], ни права принимать *auspicia impetrativa*,[1131] но как, с другой стороны, она становится практически народной магистратурой, когда функции, изначально чисто плебейские, начинают использоваться в интересах всего государства. Право действовать вместе с плебсом давало трибунам право инициировать законодательство, когда *плебисцита* была поднята до уровня *leges*;^[1132] в своем выборном качестве они не только председательствовали при назначении своих преемников и плебейских эдильов, но через плебс могли не только создавать малые магистратуры, такие как триумвират *agris dandis assignandis*,^[1133] но в последние годы Республики фактически проводили выборы таких должностных лиц. [Запретительная власть и право вето,^[1135] ограниченные на время Суллой, но вскоре восстановленные во всей своей полноте,^[1136] стали, при конституционном использовании, защитой всего государства от незаконных или неконституционных действий других магистратов и составляли главную основу власти сената. Их связь с сенатом из просто запретительной превратилась в положительную,^[1137] и в конце концов они разделили председательство в этом органе. Наконец, их полномочия по принуждению и юрисдикции расширились до судебного контроля над магистратурой; они были обвинителями провинившихся чиновников и, вплоть до разработки *quaestiones*, представляли собой главное средство, которым располагало государство для принуждения к уголовной ответственности своей исполнительной власти^[1138].

Малые магистраты

Среди мелких магистратов (*minores magistratus*)^[1139] выделяется группа, известная в конце концов, а возможно, и во времена Республики, как *viginti-sex-viri*.^[1140] Эта группа была просто собранием мелких коллегий, а не самой *коллегией*. Вероятно, большинство ее членов первоначально назначались высшими магистратами; в более поздние времена все они избирались в *comitia tributa*, хотя, несомненно, для каждой коллегии требовался отдельный акт о выборах.

(a) *Illviri capitales*, иногда называемые менее техничным именем *Illviri nocturni*, вероятно, из-за их обязанности тушить пожары, были введены в качестве постоянного института около 289 года до н. э.^[1141] Их общей функцией была помощь другим магистратам в уголовной юрисдикции. После вынесения приговора они охраняли заключенных и приводили в исполнение смертный приговор.^[1142] Их обязанностями до уголовного процесса были превентивное заключение обвиняемого и проведение первого допроса после предъявления

уголовного обвинения.[1143] Они также рассматривали обычные обвинения в полицейском суде, такие как обвинения в бродяжничестве или ночном нарушении спокойствия[1144], и выполняли полицейские функции в городе, например, следили за порядком на улицах. 1145] Когда они выступали в качестве магистратов, которые могли вынести окончательный приговор, они, по-видимому, имели дело с рабами и иностранцами. Нет никаких свидетельств того, что они обладали правом выносить приговоры гражданам или какой-либо высшей юрисдикцией, которая бы приводила их в контакт с народом.

(b) Триумвират мастеров монетного двора (*Illviri monetales*),[1146] первоначально эпизодический, впервые становится постоянной должностью примерно во время социальной войны[1147].

(c) Шесть санитарных комиссаров, действовавших, вероятно, в качестве подчиненных эдилов и носивших титулы *Ilviri viis in urbe purgandis* (или *viarum curandarum*), *Ilviri viis extra propiusve urbem Romam passus mille purgandis*, впервые упоминаются в Муниципальном законе Цезаря (45 г. до н. э.). В первом случае речь шла об очистке улиц внутри Рима, во втором, возможно, о тех, что находились в радиусе мили от стен[1148].

(d) *Xviri stlitibus judicandis* имеют странную историю; из простых судей они превращаются в мелких магистратов народа. Это, несомненно, те самые децемвиры, которых Валерио-Горацянские законы 449 года до н. э. сделали неприкосновенными,[1149] причина такой защиты в том, что они были присяжными, принимавшими решения в делах о свободе, этом высшем плебейском праве, которое, как показывает история Вергиния, иногда могло быть оспорено. Ко времени Цицерона они все еще остаются судьями в делах о свободе, но уже возвышаются до ранга независимых магистратов[1150].

(e) *Illviri praefecti Capuam Cumas*[1151] были выборными делегатами, которые представляли юрисдикцию претора в муниципиях и колониях Кампанского округа. Об их функциях будет уместнее говорить, когда мы будем рассматривать организацию Италии.

Некоторые судебные и военные должности также замещались путем всенародных выборов. Нехватка судей по уголовным делам в Риме после введения *quaestiones perpetuae*[1152] привела к тому, что ежегодно назначался председатель главного суда, который рассматривал обычные преступления, а именно убийства и родственные преступления (*quaestio de sicariis*). О магистратском положении этих судей *quaestionis* свидетельствует как фиксированная квалификация - обычно, возможно, всегда, назначается бывший эдил[1153] - так и тот факт, что, подобно магистрату, приносящему присягу в *leges*,[1154] эти судьи клянутся соблюдать специальный закон, которым они управляют.[1155] Они, вероятно, избирались народом в *comitia tributa*. [1156]

Подчиненные военные должности также находились в распоряжении народа, и мы уже отмечали, как трибунал легионов стал отчасти квазимагистратом.[1157] В 311 году до н. э. назначение консульских делегатов для командования и содержания флота также было поручено племенам.[1158] Эти *Ilviri navales* не были ежегодными чиновниками, но, подчиняясь эпизодическому характеру римского флота, появлялись, когда война требовала его создания. Эта должность, по-видимому, исчезла ко второму веку до нашей эры.

Еще более редким явлением было создание *трибунной комиссии* (*comitia tributa*), а в более поздние времена иногда и *плебейской консилией* (*concilium plebis*)[1159] мелких магистратов с чрезвычайными функциями. Такими были должностные лица для управления

колонией (*coloniae deducendae*), для наделения землей (*agris dandis assignandis*) или для посвящения храма (*aedi dedicandae*). К этой категории относятся и случайные кураторы, занимавшиеся поставками кукурузы и дорогами (*annonae, viarum*).

ГЛАВА V НАРОД И ЕГО ВЛАСТЬ

Мы уже отметили двойственность процедуры, с помощью которой осуществлялась власть народа, и видели, что каждый народный акт зависел от *rogatio*.^[1160] Но можно удобно выделить различные сферы народной деятельности. Их можно разделить на (i.) законодательные или квазизаконодательные акты; (ii.) выборные; (iii.) судебные.

(i.) Что касается собственно законодательства, то римляне, как и любое другое правительство, признающее теорию парламентского суверенитета и не предусматривающее учредительного собрания, не проводили различий между конституционными и другими законами. Но в нашем перечислении мы можем с удобством провести различие между теми постановлениями, которые изменяли структуру конституции и затрагивали общественные права, и теми, которые касались только частных отношений граждан друг к другу.

В конституционном законодательстве власть народа была неограниченной. Он мог создавать новые парламенты, как это делала *Народная трибутная комиссия* (*comitia tributa populi*);^[1161] он мог делегировать все полномочия по законодательству уже существующим парламентам, как это делал *плебейский консилиум* (*concilium plebis*);^[1162] он мог передавать полномочия, почти равные суверенным правам, отдельному лицу, как в конечном итоге они передавали их принцепсу. Они могли приостановить действие конституции и создать временное правительство, как они делали, когда наделяли учредительными полномочиями децемвиров или Суллу.

Они также могли соблюдать или создавать правила, ограничивающие их собственные полномочия. Результатом соблюдения правил стала *формула*, которая появилась в римских законах, объявляющая их действие недействительным, если они противоречат какому-либо фундаментальному обязательству - *fas* или *jus*, которое лежит в основе государства и которое сам народ не смеет нарушать. Это требование было выражено в спасительной оговорке -

Si quid jus non esset rogarier, ejus ea lege nihilum rogatum"^[1163].

В первую очередь эта оговорка защищала закон от нарушения религиозных обязательств;^[1164] но, в интерпретации Цицерона, это была декларация уважения даже к некоторым окончательным светским правам - например, к праву на обладание гражданством.

Создание ограничений можно проиллюстрировать положением Двенадцати таблиц, запрещавшим принимать законы в ущерб отдельным лицам (*privilegia*),^[1165] а также принципом - возможно, скорее правилом процедуры, аналогичным формальностям законодательства, - запрещавшим принимать законы по разным вопросам *в совокупности* (*per saturam*); это положение было повторно введено в действие *lex Caecilia Didia* 98 года до н. э.^[1166]

Создание новых магистратур также входило в полномочия народа, а первоначально и продление срока полномочий. В 327 г. до н. э., в начале второй Самнитской войны, консул К. Публилий Филон продлил свой *imperium plebiscitum*;[1167] хотя уже в 308 г. до н. э. при пророгации командования консула К. Фабия Максима упоминается только сенат, давший свою санкцию[1168].

Учреждение специальных судебных комиссий для принятия безапелляционных решений в случаях, когда обычные власти считались неспособными справиться с преступлением или заговором, было, согласно строгой теории конституции, полностью в руках народа. Комиссии такого рода встречаются в 187,[1169] 172,[1170] и 141[1171] годах до н. э. Во всех этих случаях имело место сотрудничество между сенатом и народом, и только в революционный период народ решается на создание комиссии по уголовному расследованию собственным авторитетом[1172].

Общественные права индивида также находились под контролем *комиции*, а присвоение гражданства было исключительно народным даром. Как первоначально патрицианская *комиция* могла одна кооптировать патрициев,[1173] так и в более поздние времена собрание всего *Populus* могло одно принимать новых партнеров в свои права. Гражданские права могли быть предоставлены отдельным лицам или общинам, полностью или частично, и плебс был для этого одинаково компетентен с популом.[1174] Опосредованное предоставление гражданства могло быть сделано путем наделения народом властью магистрата, которому было поручено основание поселения, как в случае с *lex Appuleia* от 100 г. до н. э., когда *Марий получил право на гражданство*. [1175] Гражданство также могло быть даровано императором за хорошую службу на поле боя; но полномочия должны были быть предоставлены народом, а в некоторых случаях, возможно, и одобрены задним числом. Такое право было законодательно предоставлено Помпею после войны с Серторием;[1176] но Помпей мог временно предоставить гражданство во время кампании. Марий предоставил это право на поле боя;[1177] возможно, он уже обладал властью, данной ему народом,[1178] или рассчитывал на последующую ратификацию своего акта.

Лишение гражданства общины, законность которого в поздней Республике ставилась под сомнение любой властью,[1179] могло быть осуществлено, если вообще могло, только народом, а народ в данном случае мог быть представлен плебсом. Именно этот орган вынес решение о судьбе Капуи в 210 году до н. э., и его решение повлекло за собой уголовное осуждение, наказание в виде продажи в рабство. Однако сам народ не стал выносить решение о лишении гражданства, а оставил судьбу капуанских мещан на усмотрение сената[1180].

Народ мог также предоставить право голоса тем, кто уже обладал гражданством без него. Это было настолько полностью народным даром, что даже предварительное обсуждение сената не считалось необходимым для такого наделения. Когда в 188 году до н. э. один из трибунов предложил предоставить избирательное право *муниципиям* Формия, Фунди и Арпинум, на него наложили вето четверо его коллег, настаивавших на том, что сначала должно быть принято решение сената. Но, уступив наставлениям об истинном принципе таких даров, они в конце концов сняли свое возражение[1181].

Лишение права голоса - *tribu movere* в крайнем смысле - похоже, было сохранено цензором,[1182] хотя протест против его использования для лишения права голоса целого класса был поднят в 169 г. до н. э.[1183]. Только народ мог возложить на себя новое бремя, а налогообложение полностью принадлежало *комиции*[1184].

Переходя к законодательству по частным вопросам, мы видим, что любое фундаментальное изменение в правовых отношениях граждан друг к другу должно осуществляться народом. Закон Двенадцати таблиц сам по себе является *lex centuriata*, и нам достаточно вспомнить такие законы, как о ростовщичестве или *lex Voconia* о наследовании, как типы множества других. В области гражданского судопроизводства также требовались фундаментальные изменения, такие как разрешение использовать *формулу* вместо *legis actio* в делах, подпадающих под *jus civile*.^[1185] Однако мы считаем, что вопрос о том, осуществляются ли такие изменения народом или властью отдельных лиц, является лишь вопросом степени. В вопросах материального права огромные изменения произошли благодаря интерпретирующей власти претора,^[1186] в то время как в процедуре многое было оставлено на усмотрение понтификов, магистратов и юристов. Тот же принцип разделения полномочий применим и к полицейским нормам. Как бы ни были широки полномочия магистратов по принуждению, масштабные посягательства на свободу личности, такие как законы о суммировании, были делом рук народа.

Здесь мы можем сделать паузу, чтобы рассмотреть форму *закона*, и особенно ту его часть, которая обеспечивала его действительность - его санкцию. Полный закон состоял из трех частей: (1) преамбулы (*praescriptio*), которая описывала формальные обстоятельства его принятия; ⁽¹¹⁸⁷⁾ (2) текста, в котором строго соблюдался подробный и исчерпывающий формализм; (3) санкции, которая содержала наказания, налагаемые на тех, кто нарушал положения закона. Однако сама по себе *пуана* не была достаточным условием для создания совершенного закона. *Совершенный закон* - это закон, который объявляет действие недействительным и налагает наказание за неповиновение. Наложение наказания без объявления недействительности составляло *lex minus quam perfecta*.^[1188] Закон без санкции был *несовершенным*.^[1189] Метод отмены, который чаще всего практиковался в Риме, был скорее заменой, чем объявлением ничтожности прежнего закона. Поэтому санкция законов часто оставляет безнаказанными тех, кто своим послушанием навлекает на себя муки и наказания, объявленные предыдущей мерой.^[1190] Отмена может быть полной или частичной, и для выражения этого различия был разработан ряд технических терминов.^[1191]

Попытка некоторых законов обеспечить окончательность путем запрета отмены была неизбежно тщетной, поскольку противоречила всей теории парламентского суверенитета.^[1192] Возможно, однако, что *священные законы* ранней Республики, такие как тот, который делал трибуна священным, рассматривались как неизменные. *execratio*, которая была их санкцией, могла рассматриваться как фундаментальное религиозное обязательство и как таковое считаться одним из тех священных прав, которые, как мы видели,^[1193] ни один закон не мог нарушить.

Суверенная привилегия освобождать людей от законов, естественно, сначала принадлежала самому законодательному органу; но в результате любопытной революции, которую мы проследим в другом месте,^[1194] эта необычная привилегия стала прерогативой сената.

Народный контроль над внешними делами, хотя и остается, с юридической точки зрения, законодательным, имеет большее сходство с административными функциями греческого или современного правительства. Здесь магистрат был наделен правом действовать во всех деталях, и мы увидим, как эта магистратская сфера была узурпирована сенатом. Народ контролировал только фундаментальные отношения Рима с иностранными государствами. Их деятельность ограничивалась объявлением войны, заключением договоров и выдачей хартий.

Объявление войны, согласно римским представлениям, было строго необходимо только тогда, когда договорные отношения или даже временами отношения, приближавшиеся к договорным, нарушались. Такое заявление мог сделать только народ.[1196] Но международная точка зрения не была единственной доминирующей в этом вопросе. С народом, должно быть, советовались во многих случаях, когда не было договорных отношений, и причиной тому была просто целесообразность его волеизъявления по вопросу, который мог иметь жизненно важное значение для общества. В этом качестве народ неизменно представляла *comitia centuriata*. [1197] Что касается заключения международных отношений, то в другом месте мы коснемся спорного вопроса [1198] о том, имела ли магистратура право связывать народное сознание договором, заключенным под присягой, или для этого требовалось согласие народа. Сохранение спора в такой поздний период, как Югуртинская война, доказывает, что федеративная власть когда-то была привилегией магистратуры; этот факт также подтверждается включением в договоры, заключаемые полководцами, пункта о том, что договор будет действителен только в случае его ратификации народом [1199]. [1201] По природе дела перед *комициями* могли быть представлены лишь наброски соглашения, а детали урегулирования оставались на усмотрение полководца, которому помогала комиссия. [1202] Организация провинции и *lex provinciae*, следовавшие за подчинением округа, обычно не интерпретировались в свете договорных отношений; это работа полководца и senatorской комиссии. С другой стороны, города с договорами (*civitates foederatae*) и города с хартиями (*civitates liberae*) имеют свои права, предоставленные им народом. В первом случае права гарантируются безотзывным соглашением, клятвенно заверенным *фетиями*; во втором - отзывной хартией (*lex data*), которая в 71 г. до н. э. все еще остается постановлением народа (*lex rogata*). [1203] Мы увидим при рассмотрении вопроса о сенате, что даже в этом вопросе о предоставлении договоров или хартий отдельным государствам senatorская власть посягала на власть народа.

(ii.) Мы уже видели, как теоретически народная власть выборов была модификацией принципа выдвижения; [1204] после ее признания принципы, регулирующие ее, практически стали принципами законодательства, магистрата, задающего вопросы, и народа, повелевающего. Представление двойного сообщества здесь выражено более ярко, чем в случае с законодательством; поскольку, хотя о *плебисците* часто говорят как о *lex*, никто не приписывает трибуну положение *народного магистрата*, и какими бы широкими ни были его полномочия, теоретически он всегда остается главой плебейской общины. Предварительные условия избрания, необходимые для кандидата на должность, уже были рассмотрены, [1205] а дальнейший процесс избрания будет рассмотрен, когда мы опишем процедуру *комиции* в целом.

(iii.) Происхождение юрисдикции народа, как мы видели, неясно; но вполне вероятно, что она возникла не только из *provocatio*, [1206] и даже в тех случаях, когда она возникала, апелляция имела тенденцию к исчезновению, поскольку магистрат, признающий ограничения, наложенные на его *imperium* законом, не выносил приговор, а сразу передавал дело на рассмотрение народа. Суд перед народом (*judicium populi*) происходил, когда магистрат признавал ограничения своей власти; *провокация* (*provocatio*) - крайне редкое явление в поздней Республике - требовалась для начала той же процедуры, когда магистрат отказывался признать эти ограничения.

Судебная компетенция различных магистратов и *комиций* определялась отчасти законом, отчасти обычаем. Были признаны два основополагающих принципа:.

(1) Дела о смертной казни должны рассматриваться веками. Исключение составляет специальная юрисдикция Плебса по капитальным делам [1207].

(2) Дело, возбужденное магистратом, могло рассматриваться только в том собрании, к которому магистрат был компетентен обращаться. Из этого принципа было два исключения: во-первых, консульские делегаты - квесторы и *duumviri perduellionis* - хотя и не обладали *jus agendi cum populo*, все же руководили собраниями, в которых подавалась апелляция на их решение;^[1208] и, во-вторых, трибун, осуществляя обвинение в капитале в *comitia centuriata*, обращался к этому органу, а возможно, и председательствовал в нем.^[1209]

Но, как правило, официальный характер магистрата, который ведет обвинение, и характер наказания, которое он предлагает, являются признаками того, какое собрание выносит окончательный приговор по делу.

Капитальная юрисдикция консулов, выраженная через квесторов, осуществлялась в *comitia centuriata*; апелляция на *принуждение* консулов и преторов, когда наложенный ими штраф превышал предел *multa suprema*^[1210], рассматривалась в *comitia tributa populi*.

Юрисдикция эдилов^[1211] всегда осуществлялась перед трибами; курульные эдилы как *magistratus populi* должны были рассматривать свои дела в *comitia tributa populi*; плебейские эдилы, которые, будучи магистратами плебса, не имели права обращаться к народу, выступали перед *concilium plebis*. Что касается трибунов, то там, где их юрисдикция была капитальной, она могла в некоторых случаях осуществляться *concilium plebis*, но обычно требовала выступления перед *comitia centuriata*,^[1212] где она была денежной, трибун неизменно передавал дело на рассмотрение своего собственного собрания плебса.

Процедура в *народном суде* состояла из двух этапов. На первом этапе магистрат, намеревавшийся вынести приговор, выходящий за пределы его личной юрисдикции, проводил предварительное расследование (*anquisitio*).^[1213] Оно проводилось с полной гласностью перед неофициальным собранием или *contio*, которое он создал.

Предварительное следствие повторяется три раза, причем не обязательно в один и тот же день. Магистрат представляется как обвинитель, а его высказывания на этих собраниях называются *обвинениями* (*accusationes*). Его окончательное решение, вытекающее из разбирательства третьего *contio*, представляет собой законопроект (*rogatio*), который он уведомляет о своем намерении вынести на рассмотрение *comitia*. Наказание, предлагаемое в этом законопроекте, не обязательно должно быть первоначальным, поскольку в ходе расследования магистрат мог изменить свое первоначальное предложение^[1214].

Законный срок для обнародования законопроекта - три недели - истекал, и по его истечении предложение выносилось магистратом на рассмотрение *комиции*. Затем оно либо принималось, либо отвергалось (обязательно без поправок) собравшимся народом. Этому формальному собранию (*comitia*) в судебных, как и в законодательных актах, предшествовало *contio*; окончательное изложение магистратом своего предложения перед этим *contio* называется "четвертым обвинением" (*quarta accusatio*).^[1215] Если по какой-либо случайности, например из-за дурного предчувствия, законопроект не проходил через *comitia*, то для возобновления процесса требовалось новое обнародование с еще одним трехнедельным интервалом. Эта необходимость делала повторное преследование тем же магистратом по тому же обвинению очень редким^[1216].

До сих пор мы рассматривали случай *judicium populi* в результате признания магистратом ограничений своей власти. Но существует возможность его отказа от такого признания, и в этом случае дело может быть передано на рассмотрение народа только посредством апелляции (*provocatio*), поданной обвиняемым. Такое положение вещей было в средней и поздней Республике необычным, но не неизвестным, поскольку юрисдикция *duumviri*

perduellionis, как мы знаем из дела Рабирия,[1217] иногда регулировалась таким образом, что обращение к народу было неотъемлемой частью процедуры.

В таком случае вместо одного магистратского расследования проводилось два. Первое - *quaestio*, в результате которого магистрат выносил обжалуемый приговор; второе - *anquisitio* перед народом, предшествующее решению в *comitia*. Иногда случалось, что эти два этапа процедуры проводили разные магистраты, так как если человек обжаловал решение магистрата в провинции или на месте, то этот магистрат мог быть не в состоянии вести дело в Риме.

С самого начала народ был представлен как отменяющий свои собственные приговоры.[1218] Эта отмена была просто отменой закона и, возможно, первоначально не рассматривалась как пересмотр своего собственного приговора судом. Не было предусмотрено, что конкретное собрание, вынесшее приговор, должно его отменить. Однако иногда это все же происходило. Например, Попилий, который был признан ответственным за судебные убийства, последовавшие за судьбой Ти. Но, с другой стороны, Метелл, "запрещенный" консульским законопроектом, который должен был быть принят в *comitia centuriata*, [1220] был восстановлен *rogatus* трибуна, [1221] а сам Цицерон, изгнанный трибунским постановлением, был возвращен из ссылки консульским законом, принятым в *comitia centuriata* [1222].

Дальнейший шаг в осуществлении этой власти был сделан, когда были предприняты попытки отменить решения судов уголовных комиций декретами народа. Впервые это было сделано в 88 г. до н. э. трибуном П. Сульпицием Руфом, который провел *плебисцит* для восстановления изгнанников, осужденных комиссией Вариана. [1223] Другие предварительные шаги в том же направлении привели к биллю Цезаря от 49 г., которым он восстановил тех, кто был осужден по помпейским законам 52 г. до н. э. [1224] Примеры этого периода обычно иллюстрируют отмену постановлений специальных комиций, которые сами по себе были политическим оружием, вызванным партийным конфликтом, но М. Антоний, будучи трибуном, как говорят, добился восстановления человека, осужденного за обычное преступление, [1225] и, следовательно, предположительно на основании обычной *quaestio perpetua*, и кажется очевидным, что ко времени Цицерона эта власть реституции *со стороны комиции* стала рассматриваться как практически помилование. Каждое из трех законодательных собраний было компетентно "восстанавливать" (*restituere*). Предложения обычно вносили трибуны, но Цезарь также использовал для этой цели преторианские рогаии (вероятно, до *comitia tributa*) [1226].

Два полномочия, аналогичные отмене приговора, - это снятие запрета и амнистия.

Под объявлением вне закона подразумевается не то, что следовало за *aquae et ignis interdictio*, которое было актом народа и подтверждением уголовного приговора, а то, что следовало за декретом сената, объявившего отдельных лиц *хозяевами*. Хотя можно было бы ожидать, что сенат, принявший постановление, будет органом, отменяющим такое постановление, мы находим убеждение в том, что для возвращения объявленных вне закона требуется *lex* или *plebiscitum*. Марий сделал вид, что такое разрешение было необходимо для его въезда в Рим в 87 году до н. э. [1227], а Октавиан в 43 году до н. э. принял закон, отменяющий запрет Долабеллы [1228].

Амнистия - это акт, который подразумевает отсутствие судебного разбирательства и осуждения, вынесенного судом или другим органом; она дает иммунитет от последствий

преступных деяний, которые еще не были осуждены. Однако это прерогатива не народа, а сената. Именно постановлением этого органа в 44 г. до н. э. убийцам Цезаря был предоставлен иммунитет (впоследствии не соблюдавшийся),^[1229] а аналогичным актом в 33 г. до н. э. была объявлена амнистия сенаторам, которые во время гражданской войны за свой счет собирали войска^[1230].

Случайные основания недействительности этих законодательных или квазизаконодательных актов народа уже были рассмотрены вскользь. Мы говорили об условиях покровительства и заступничества,^[1231] пренебрежение которыми делало закон *ipso jure* недействительным, и то же самое следствие следовало за нарушением формальных правил, которые народ установил для своего руководства, таких как правила промюльгации, которые мы вскоре обсудим, или положение против объединения разнородных мер в одном законопроекте.^[1232] В ранний период республиканской истории такие недействительные постановления, если они принимали форму выборов, подвергались процедуре, напоминающей отмену, и существует множество примеров, когда магистраты *vitio creati* были вынуждены отказаться от своей должности, и после их отречения возобновлялась процедура выборов;^[1233] и даже в случае законов, противоречащих фундаментальным принципам конституции, во все времена считалось более безопасным добиться их формальной отмены. [Но более логичная идея абсолютной ничтожности, не требующая отмены, впоследствии возобладавала, и мы увидим, что именно сенат, как проводник исполнительной власти, объявляет законы недействительными из-за формальных недостатков.

Когда мы переходим от "народа" в целом к его проявлениям в отдельной *комиции* и в *консилиуме* плебса, мы обнаруживаем, что, хотя исторически мы имеем дело с разными парламентами, практически мы имеем дело с римской общиной, занимающейся разными порядками дня по разным формальным правилам. Народ должен быть организован одним способом для одной функции, другим способом - для другой,^[1235] но под меняющимися формами существует единство состава, которое не позволяет нам рассматривать различные собрания как различных государей.^[1236] Единственное нарушение этого единства заключается в том, что патриции всегда исключались из *консилиума* плебса.^[1237]

Старейший суверен Рима, *comitia curiata*, был лишь тенью своего прежнего "я". Ее основной конституционной функцией было принятие *lex curiata*, которое было необходимо для ратификации первоначально *imperium*^[1238], а с созданием новых патрицианских магистратур и связанных с ними *potestas*.^[1239] Однако, хотя теоретически ни одна магистратура не была должным образом учреждена (*justus*), пока ее обладатель не получил ратификацию *курии*, мы знаем, что в случае с теми, кто имел *imperium*, и мы можем заключить, что в случае с другими, большинство обычных функций могло осуществляться без этой санкции. Только полное осуществление *imperium*, будь то юрисдикция, военное командование или передача должности, находилось в подвешенном состоянии до тех пор, пока не был получен *lex*. Без него претор не мог вершить правосудие в своем трибунале,^[1240] консул не мог проводить собрание для создания своего преемника,^[1241] а магистрат или промагистрат не мог осуществлять полный *imperium* на местах,^[1242] пока двусмысленная формулировка *lex Cornelia de provinciis ordinandis* не сделала требование в этой последней особенности сомнительным^[1243].

Во времена Цицерона *куриальная комиция* была представлена всего лишь тридцатью ликторами,^[1244] и столь же скудное присутствие могло быть достаточным для других формальных актов, которые она сохранила от античности. Таковы акты *comitia calata*.^[1245] Публичная воля и завещание, составленные на этом собрании, исчезли в конце Республики;

но *comitia* по-прежнему собиралась под председательством *pontifex maximus* для инаугурации *rex sacrorum* и *flamines*, и под тем же руководством для *detestatio sacrorum*, составленного тем, кто переходил из своего рода либо по акту адрогации, либо по переходу из патрицианского в плебейский орден.[1246].

Центуриатная комиция (*comitia centuriata*), известная как "величайшая из комиций" (*comitiatus maximus*),[1247] не только из-за ее важности как выражения воли государя, но и из-за возможности принудить к явке собравшуюся армию, всегда сохраняла что-то от своего военного характера и ассоциации с *imperium*. Его созыв и председательство по праву принадлежат только магистратам с *imperium*. Консулы являются его обычными председателями при выборах и принятии законов; претор подходит к нему для целей юрисдикции, а интеррекс - для выборов консула. Выборы магистратов с *imperium* и цензоров были ограничены этим органом, и мы уже видели, как утверждалась и нарушалась его верховная судебная власть.[1248] Только армия могла объявлять войну,[1249] но ее законодательная власть, хотя и не утраченная, редко утверждалась после признания суверенитета в двух собраниях племен, которые было легче созвать и организовать.

Но собрания племен не только не ущемляли власть собраний веков, они стали более поздней моделью последних, и тенденция к уменьшению влияния богатства проявилась в реорганизации *comitia centuriata* на племенной основе.[1250] Дата этого изменения неизвестна, но, поскольку перераспределение веков в его окончательной форме предполагает существование тридцати пяти племен, изменения не могут быть ранее 241 года до н. э. Главным принципом новой организации было то, что пять классов были распределены по всем племенам таким образом, чтобы в одном племени было два века каждого класса - один век *seniores* и один *juniores*. Таким образом, каждое сословие имело два голоса в племени и семьдесят голосов в целом. Восемнадцать веков рыцарей по-прежнему оставались за пределами племени; так же как и четыре века *fabri*, *accensi*, *tibicines* и *cornicines*, и пятый век *proletarii*, который, вероятно, существовал в это время.[1251] Общее число веков, таким образом, составляло 373 (350 + 18 + 5). Большинство из этого числа составляет 187, но первый класс и *эквиты* вместе имеют теперь только 88 голосов, теряя таким образом свое преобладание в силе голоса. Несмотря на такое распределение по племенам, голосования по племенам нет. Единицей голосования по-прежнему является век, и именно количество веков решает вопрос. Организация все еще осуществляется по классам, семьдесят веков каждого класса голосуют как отдельные органы. [1252] *equites*, кажется, все еще имели право голосовать первыми,[1253] и первый класс имел преимущество перед остальными, так как жребий, который определял *centuria praerogativa*[1254], кажется, был брошен только среди семидесяти групп *seniores* и *juniores*, принадлежащих к этому классу.[1255]

Восстановление Суллой старого метода голосования (88 г. до н. э.)[1256] не было постоянной реформой. Он исчез во время цинской реакции, и сомнительно, что диктатор возобновил его. Если да, то она вскоре исчезла вместе с другими элементами его аристократической реорганизации.

Трибутная комиссия была самой удобной из всех собраний полноправного населения и, следовательно, наиболее часто использовалась для принятия законов. Ее председателями были патрицианские магистраты, обычно консулы и преторы, а для целей юрисдикции - курульные эдилы. Он избирал этих эдилов и других низших магистратов народа, а также

двадцать четыре трибуна первых четырех легионов. Его юрисдикция ограничивалась денежными штрафами.

Плебс (concilium plebis), практически суверенный орган государства, отличался от этого последнего собрания в двух отношениях. Его могли созывать только плебейские магистраты, и в него никогда не входили патриции.[1257] Помимо издания общезначимых декретов (*plebiscita*), он избирал магистратов плебса и в качестве судебного органа рассматривал сформулированные ими наказания. По строгой букве Двенадцати таблиц эта юрисдикция должна была ограничиваться наложением штрафов,[1258] но, помимо случаев проявления столичной юрисдикции в ранний период своей истории, она продолжала обладать неоспоримым правом объявлять вне закона (*aquae et ignis interdictio*) любого, кто уже находится в изгнании,[1259] а после времени Кая Гракха существуют следы независимой столичной юрисдикции, которую она осуществляла против магистратов, нарушивших *provocatio*[1260].

Свобода этого плебейского собрания была на время ограничена постановлением Суллы (88 г. до н. э.), предписывавшим не выносить на его рассмотрение никаких мер, не получивших предварительного одобрения сената;[1261] но прежние полномочия беспрепятственного законодательства были восстановлены в 70 г. до н. э. Если Сулла также отобрал право обвинения у трибуна,[1262] высшая юрисдикция плебса была восстановлена постановлением, вернувшем ему законодательную власть, ибо трибунские преследования продолжают до конца Республики.

Аномальное использование народного избирательного права было применено в случае выборов в священнические коллегии. Раньше они были отделены от светской жизни государства, и даже когда реформаторский дух велел подчинить их голосу народа, религиозные предрассудки запретили вмешательство *комиции*. Избирательный орган состоял из семнадцати племен, выбранных по жребию из тридцати пяти, и этот орган, который *не* был *Populus*,[1263] возглавлялся понтификом.[1264] Эта организация, вероятно, впервые была применена около середины третьего века до н. э. для создания *pontifex maximus*: она получила большое распространение в конце второго века. Закон Домициана, *плебисцит* 104 года до н. э., применил выборы в измененной форме к религиозным коллегиям - вероятно, к четырем великим гильдиям понтификов, авгуров, квиндецемвиров и эпулонов. Коллегия, о которой идет речь, представляла свою кандидатуру, народ избирал ее и снова проводил *конгрегацию*, после чего избранный кандидат торжественно кооптировался членами своей гильдии.[1265] Сулла отменил этот способ назначения, а вместе с ним, возможно, и всенародные выборы главного понтифика, восстановив аристократический способ кооптации; но назначение семнадцатью племенами было восстановлено в 63 г. до н. э. в результате плебисцита трибуна Лабиена.[1266]

Нашей последней задачей в связи с народом и его властью будет описание предварительных собраний *comitia* и *concilium*, а также способа ведения дел на этих собраниях.

Законными днями собраний (*comitiales dies*) считались те, которые не были ни священными (*nefasti*), ни посвященными делу правосудия (*fasti*). Оставшиеся свободными 194 дня были разделены на *нундины (nundinae)*, первые дни восьмидневной недели, в которые нельзя было проводить даже *собрания*,[1267] и подвижные праздники (*feriae conceptivae*), которые устанавливались магистратами. Эти правила времени были обязательны для всех собраний

населения и плебса; правила места различались для разных собраний. Собрание *курий* собиралось в пределах *помериума*, обычно в Комиции на северо-западе Форума.[1268] Веки, с другой стороны, должны были собираться вне стен, и местом их собраний обычно был *Сампус Мартиус*, но иногда находил собрания в других местах, таких как "роща Петелина за речными воротами" и неизвестное место под названием *Aesculetum*. [1269] Изначально оба собрания племен не были привязаны к какой-либо местности, за исключением того факта, что плебейские, как чисто городские, магистраты не могли легко найти дорогу за пределы стен. Но в 357 г. до н. э. консул в своем лагере в Сутриуме, опасаясь военного влияния, потребовал от плебеев принять *рогатину* и ввести правило не требовать решения от народа в военных владениях, [1270] и с тех пор оба собрания плебеев проводились в пределах первой веки. Открытое пространство Капитолия (*area Capitolii*) было одно время их обычным местом для выборов и принятия законов, но в более поздний период Республики было найдено удобным проводить выборы как низших, так и плебейских магистратов на *Сампус Мартиус*, а местом для законодательства племен были выбраны Ростры на Форуме, обычный центр демагогических разборок и обычное место сбора *конттионов* [1271].

Первым шагом в общении магистрата с народом, который должен был привести к принятию обязательного закона, было издание им декрета с указанием дня собрания [1272] и описанием характера закона, который он собирался ввести. Это промугация [1273] принимала различные формы в зависимости от цели предполагаемого собрания. При судебном преследовании оно содержало имя обвиняемого, характер обвинения и предлагаемое наказание; при выборах - по крайней мере, места, которые должны были быть заняты, а в более поздние времена, вероятно, и список кандидатов; [1274] при законодательстве - текст закона, который должен был стать предметом *рогатии*. По-видимому, не было предусмотрено, чтобы текст оставался неизменным, пока закон Лициния-Юниана 62 г. до н. э. не стал предусматривать, что копия обнародованного закона должна быть помещена в *aerarium* как гарантия того, что в него не были внесены поправки до того, как народу будет предложено принять его [1275].

Минимальный интервал между промугацией и собранием составлял три *nundina*, то есть 24 дня, и это условие было столь же необходимым для юрисдикции и выборов, как и для законов. [1276] В назначенный день первым действием магистрата, который должен был руководить собранием популов, было *auspicatio* в священной ограде (*templum*), которая составляла центр собрания. Только небесные знамения [1277], по-видимому, были целью этого утреннего наблюдения; но для плебейских собраний такое наблюдение не требовалось; их беспокоили только *auspicia oblativa*. [1278] Покровительство принималось до восхода солнца, и если оно было благоприятным, то глашатай отправлялся вокруг стен, приглашая народ встретить магистрат на рассвете. [1279] Этого было достаточно для *комиций* племен. [1280] Для веков требовались более тщательные приготовления. О собраниях объявляли с Ростры, а с Яникула вывешивали красный флаг, чтобы показать, что он охраняется, пока армия занята в Кампусе. [1281] Военный рог трубил на *арксе* и вокруг стен, а если повестка была в суд, то перед домом обвиняемого. [1282]

Когда народ собирался, президент открывал заседание молитвой, [1283] а *рогатии* зачитывался с просьбой, "желают ли квиниты и приказывают ли они это" (*velitis, jubeatis*). Теперь магистрат обращается к *конттио*, и *рогатия* подвергается ограниченному обсуждению. Президент объясняет и советует, а собранные им должностные лица или сенаторы выражают свою поддержку или несогласие. [1284] Это обсуждение всегда предшествовало законодательным актам. [1285] Когда *комиция* собиралась для юрисдикции, возможно, были

некоторые дебаты даже в *quarta accusatio*;^[1286] вероятно, только на выборах они полностью отсутствовали.

По окончании обсуждения *contio* распускалось. Тех, у кого не было голосов, удалили из загона;^[1287] тем, у кого голоса были, магистрат сказал: "*Si vobis videtur, discedite, quirites*",^[1288] тем самым предлагая им разойтись по своим отделениям, будь то племена, курии или века. Ограждение считалось достаточно большим, чтобы вместить всех привилегированных граждан, хотя где такое пространство можно было найти на Капитолии или на Форуме - одна из загадок римской топографии. Это помещение было разделено в продольном направлении на столько отделений (*consaepta*), сколько было избирательных участков. Каждое отделение было связано с магистратским трибуналом галереей (*pons*), идущей по всей длине корпуса, причем эта высокая галерея была соединена с различными отделениями для голосования отдельными нисходящими *понтами*.

Голоса в каждом отделении принимались по отдельности и отдавались на выходе из различных *понтиев*. На протяжении большей части республиканской истории голоса подавались устно, счетчики (*rogatores*) отмечали их на табличках с помощью точек (*puncta*).^[1289] В законодательстве утвердительный ответ был *uti rogas*, отрицательный *antiquo*; в юрисдикции оправдание и осуждение произносились *libero* и *damno*; на выборах, похоже, использовались *dico* и *facio*.^[1290] Но во второй половине второго века Республики было введено голосование. Изменения происходили постепенно. Сначала тайна выборов была обеспечена лексикой *Габиния* 139 года, а юрисдикции, за исключением случаев измены (*perduellio*), - лексикой *Кассия* 137 года. Лекс *Папурия* от 131 г. распространил этот принцип на законодательство, и, наконец, лекс *Каэлия* от 107 г. признал его для случаев государственной измены.^[1291] В законодательстве и юрисдикции сохранялись старые формулы: раздаваемые таблички обозначались V и A или L и C. Для выборов раздавались пустые таблички, на которых избиратели писали имена.^[1292] Таблички теперь бросали в урну (*cista*) на выходе из каждого *понтифика*. Подсчет голосов (*diribitio*) находился в руках кассиров, которых иногда называли старым именем *rogatores*, но также говорили о них как о *diribitores*.^[1293] За урнами следили общественные *смотрутели*, а в случае выборов кандидатам разрешалось поставить у каждой урны по одному стражнику.^[1294]

Вопрос решался голосованием групп. В собраниях курий и племен голосование групп происходило одновременно, в собраниях веков - в порядке, который мы уже описали.^[1295] В двух предыдущих собраниях порядок оглашения голосов групп должен был определяться жребием.^[1296] Чтение (*pronuntatio, recitatio*) продолжалось только до того момента, когда было получено абсолютное большинство за или против меры. Когда выяснялось, что шестнадцать курий или восемнадцать триб подали одинаковые голоса, чтение прекращалось, и тогда магистрат официально объявлял результат (*renuntiatio*). В *comitia centuriata* объявление результатов могло происходить без голосования всех веков, поскольку результат каждого голосования объявлялся сразу после того, как группа подавала голос, и необходимое большинство могло быть достигнуто до того, как все группы проголосовали. Абсолютное большинство требовалось как на выборах, так и при принятии законодательных актов, и поэтому кандидат, набравший лишь относительное большинство голосов, не был избран^[1297].

Записи голосования хранились некоторое время на случай, если решение будет оспорено.^[1298] Промульгированный лекс, как мы видели, хранился в *аэрарии*, как и законы, принятые задолго до этого положения, но они хранились без порядка и метода, и требовались опытные помощники, чтобы отыскать нужный закон.^[1299] Похоже, что регулярных для публикации даже недавних мер было немного; но те, которые считались

важными, первоначально рисовались на дереве, а позже гравировались на бронзе и закреплялись в храмах или других общественных местах^[1300].

ГЛАВА VI СЕНАТ

Римская конституция в том виде, в котором мы ее оставили к концу периода ее становления, была хаотичным результатом попыток остановить внутреннюю революцию, а также слабых и неверно направленных усилий отрегулировать отношения устаревших властей. Государство, в котором три народных собрания имеют право принимать обязательные акты парламента, в котором двадцать магистратов с противоречивыми полномочиями имеют право выяснять суверенную волю народа, не имеет организации, способной удовлетворить потребность, ради которой существуют конституции, - упорядочить все потребности гражданской жизни с помощью ряда единообразных актов, имеющих вечную силу. Правда, поиск личного авторитета является предметом теоретического, а не практического исследования. Средний человек, который, к счастью, является той силой, которая в конечном итоге определяет форму, которую примет политика, ищет только закон и не заботится о его источнике. Расплывчатость высшей власти не влияет на него, если правила, которые она устанавливает, жесткие и обязательные; он принимает принципы вместо личностей, и этим он доказывает, что он более научен, чем ученые. Но основополагающие принципы, лежащие в основе личной власти в государстве, слишком обширны по своему охвату, чтобы сразу же применяться к нуждам человеческой жизни. Они требуют интерпретации посредством законодательной и исполнительной власти; и если эти акты интерпретации должны иметь характер принципов, то диктующие их органы должны иметь фиксированный характер и постоянную жизнь, и должна быть какая-то гарантия того, что они будут подчинять свои суждения накопленному опыту прошлого. Ни такого характера, ни такой гарантии нельзя было найти в существующих элементах римского государства, имевших строгое юридическое признание. *comitia* могла, подобно парламенту в современном государстве, где не существует положения об учредительном собрании, продолжать бесконечную карьеру по выработке конституции; магистраты могли толковать законы по своему усмотрению и, споря между собой о достоинствах своих противоречивых толкований, парализовать государство или ввергнуть его в анархию. Чувствовалось, что где-то должна находиться центральная власть, власть, которая должна направлять народ и контролировать магистратов, власть, которая, прежде всего, должна предотвращать ужасные конфликты между соперничающими властями, столь активно поощряемые существующим законодательством.

Вряд ли в какой-то момент становления римской конституции было необходимо поднимать вопрос о том, где искать эту власть. Цепь обстоятельств, некоторые из которых были внутренними, а некоторые - внешними, обеспечила формирование группы людей, обладающих тремя основными качествами, необходимыми для осуществления центральной власти - постоянством, опытом и свободой обсуждения. С каждым шагом по пути расширения народных привилегий власть римского сената увеличивалась; объяснение этой аномалии следует искать в том факте, на котором мы уже останавливались: распределение власти между народными собраниями и увеличение числа магистратур привели к такому ослаблению власти магистратов и народа, что оба оказались неспособны к каким-либо притязаниям на эффективное правление. Длинная череда войн, в которые был вовлечен Рим,

с начала борьбы с Пирром до завершения третьего поединка с Карфагеном, и новые обязанности по управлению, связанные с организацией Италии и предыдущих провинций, продемонстрировали эту неспособность в еще более ярком свете. Но рост авторитета сената нельзя объяснить главным образом потребностями внешнего управления; ведь фундаментальные изменения, обусловившие его главенство, произошли, когда Рим был не более чем городом-государством, и сенат правил бы, если бы Рим продолжал управлять территорией, не большей, чем та, которой владел критский город. Империя стала окончательной ратификацией, печатью власти сената; но истоки этой власти следует искать не в случайности завоевания, а в работе самого римского разума.

Обстоятельства, определившие рост власти этого великого государственного совета, связаны, во-первых, с конституцией самого совета; во-вторых, с изменениями в его председательстве; в-третьих, с поглощением им отдельных полномочий, одни из которых он черпал из некомпетентных рук магистратов и народа, а другие создавал сам.

(i.) Номинальный орган, каким первоначально был сенат, мог формироваться по воле номинатора. Личный выбор консулами своих близких друзей, привычка опускать при ежегодном пересмотре списка имена тех, кто был чужд им по симпатиям, хотя и благоприятствовали достоинству аристократии, создавая впечатление, что исключение основано на произвольном предпочтении, а не на порицании, все же уменьшали независимость и снижали престиж произвольно выбранных таким образом советников. Верно, что отбор осуществляли два консула, и суждение одного из них могло быть уравновешено предубеждением другого; верно и то, что общественное мнение было бы шокировано выбором недостойных членов магистратуры, а сама аристократия возмутилась бы исключением имени, отмеченного великими деяниями его обладателя во время пребывания на посту; Но самосуществование этого совета могло быть обеспечено только одним великим средством - отнять у магистрата, чьей обязанностью было советовать, выбор людей, чьей обязанностью было давать ему советы. Возможность осуществить это изменение была предоставлена учреждением цензуры. Выбор сената (*lectio senatus*) действительно не является частью *переписи*, и мы не знаем, когда эта самая высокая из всех привилегий цензоров была передана новой власти. Но к 312 году, как мы уже видели, не только была осуществлена передача, но и были введены условия отбора, которые сделали сенат частично органом бывших курульных магистратов, частично - номинантов, которые хорошо послужили государству в низших звеньях магистратуры или в высших чинах армии. Теперь перед глазами всех претендентов на должность стояла не годовая магистратура, временная по своей природе и обремененная всевозможными ограничениями, а место в сенате, которое было ступенькой к ней. Внутри этого очарованного круга ранги все еще имели значение, и "слуги порядка"^[1302], какими теперь стремились стать магистраты, могли найти в пышных показах эдила, высоких судебных функций претора, военного руководства консула и морального контроля цензора постепенное удовлетворение самых разнообразных амбиций. Но еще до того, как была пройдена точка перехода, отмеченная курульной магистратурой, римский аристократ был склонен отождествлять свои интересы с интересами дома, к которому его определила судьба и неизбежное народное голосование. Интерес даже в большей степени, чем убеждения, оправдывал такой выбор; огромными номинальными полномочиями магистратуры он мог распоряжаться лишь год, а членом клики Трехсот он был всю жизнь. И угнетающее влияние, которое общение с несколькими десятками мужчин среднего возраста и опыта должно оказывать на молодость, даже если она одарена гением, завершило работу, которую начали интерес и смутная классовая симпатия. Новый член общества двигался в том узком кругу идей, который благодаря своей узости оказался достаточно сильным, чтобы сбить с толку Пирра, Ганнибала и Филиппа и

наполовину завершить организацию мира. Люди, поднявшиеся выше него - Сципион, Гракхи, Цезарь - встречали на своем пути бесконечные трудности, а оригинальность замысла, отсутствие которой бросается в глаза при организации Римской империи, приводила ее обладателей к изгнанию, смерти или монархии. Но сдерживающее влияние ощущалось только в основных принципах политики; в контроле деталей администратору по-прежнему была предоставлена свобода действий, и в римском сенаторе лучшего периода можно найти индивидуальность однообразного, благопристойного и трезвого типа в сочетании с высоким средним уровнем практических способностей. Узость интересов, корыстолюбие и коррупция, которые являются основными грехами корпорации с гарантированным сроком правления, в случае римского сената были ослаблены еще и тем, что благодаря выборному принципу он всегда находился в постоянном контакте с народом. Правда, сенат был парламентом, члены которого избирались пожизненно, и поэтому легко мог перестать представлять желания избирателей; но каждый член, пока он не получал желанный приз консулата, постоянно подчинялся голосам народа, чтобы переходить от ступени к ступени почета. Восприимчивость "великого ручного зверя" нужно было уважать; его глаза должны были быть ослеплены случайными народными мерами, военными достижениями, на худой конец частными щедротами или блестящими шоу. Система курий, действовавшая на выборах, могла сделать многое, но не все; гонка за почестями давала стимулы, достаточные даже тогда, когда общественное мнение его собственного ордена терпело неудачу, чтобы поддерживать советника Рима на высоком уровне эффективности.

Практически наследственный аристократический орден стремится прикрепить к себе дворянские титулы и внешние отличия в одежде. Демократическая номенклатура римлян препятствовала развитию первого, и хотя внутри сената ранги были четко обозначены, а различия между консулами, преторами, эдилами и бывшими обладателями меньших магистратур соблюдались в порядке дебатов, эти обозначения не использовались в качестве постоянных эпитетов. Но стремление подчеркнуть внешними знаками различие функций, столь ярко выраженное в римской общественной жизни, в полной мере проявилось в сенаторском одеянии. Настоящий или бывший курульный чиновник носил тогу магистрата с пурпурной полосой, рядовой сенатор носил на своей тунике полосу того же цвета, которая в последнее столетие Республики отличалась своей шириной от той, что носил орден эквитов. Еще более отчетливой частью сенаторских знаков отличия является сенаторский башмак из красной кожи (*calceus mulleus*), который, отличаясь как по форме, так и по цвету, не носили другие члены государства. Происхождение этого отличия неясно; традиция объясняет сандалию как царскую обувь,^[1303] которую продолжали носить патриции-сенаторы в качестве потенциальных царей (*interreges*).^[1304] Золотое кольцо сенаторы делили с членами конного ордена. Поскольку знатность сенатора заканчивалась вместе с его жизнью, нет нужды говорить о том, что эти знаки отличия не могли передаваться потомкам. Однако, поскольку некоторые из них - золотое кольцо и, возможно, *latus clavus* - имели лишь социальную санкцию, не исключено, что практически наследственный характер нобилитета привел к тому, что их стали носить члены сенаторских семей, которым суждено было продолжить карьеру своих отцов. По крайней мере, нет оснований полагать, что юношеский орден латиклавиус был изобретением императора Августа^[1305].

Отождествление магистратуры с сенатом, которое практически завершилось к концу III века Республики, было законодательно закреплено диктатором Суллой. Теперь квесторство стало ступенькой к сенату;^[1306] от личного отбора цензоров, который, в силу неписаного обычая, с каждым годом становился все слабее, отказались; к их более важному праву отклонять

недостойных членов можно было прибегать только тогда, когда цензура время от времени оживала. Автоматический способ набора в орден должен был, если мы хотели обеспечить власть и достоинство, о которых мечтал реакционный законодатель, сопровождаться столь же автоматическим способом лишения звания тех, кто оказался недостойн его. Но такой системы придумано не было, и нравственность сената впервые была оставлена на волю случая, а точнее, на разумную надежду, что после тридцати одного года (самый низкий период жизни, когда можно было сохранить сенаторское достоинство) сформировавшийся характер не испортится.

Более важным фактором изменений, внесенных корнелианским законодательством, стало постоянное увеличение численности сената. Удвоенный благодаря немедленным действиям диктатора, этот орган продолжал оставаться в составе около 600 членов; двадцать ежегодных добавлений бывших магистратов обычного квесторского возраста позволяли ему сохранять этот нормальный уровень. Такой большой размер сенаторского органа - одна из самых удивительных его особенностей, если учесть, с какими делами ему приходилось иметь дело. Секреты, которые в современном кабинете министров произносятся с затаенным дыханием, в Риме провозглашались вслух на собрании размером с современный парламент. Но здесь не было отчетов о заседаниях для глаз и ушей внешнего мира, и тайна о причинах политики иногда сохранялась слишком хорошо. К такой секретности часто относились как к чему-то подозрительному исповедуемые лидеры народа на закате Республики, а сознание опасности, ощущаемое в Сенате, казалось толпе простой слабостью. История Сената, если и не покажет бесполезность тайной дипломатии, то, возможно, докажет, что нет необходимости в том, чтобы эта дипломатия была эффективной и поручалась немногим.

(ii.) Свобода и власть совещательного собрания в значительной степени зависит от неограниченного права на дебаты и инициативу, которым обладают его отдельные члены. Теоретически римский сенатор был сильно ограничен в осуществлении обеих этих полномочий. Орган, к которому он принадлежал, всегда сохранял свой формальный характер совета советников; магистрат мог созывать его или нет по своему усмотрению, мог отказаться поставить перед палатой тот или иной вопрос или не дожидаться мнения (*sententiae*) некоторых подозреваемых членов, мнения, которое они не имели права высказывать без спроса. Пока эти полномочия находились в руках двух консулов, заговор молчания мог легко помешать выражению решения сената; но когда право созыва и постановки дел перед палатой стало собственностью преторов в силу их *imperium*, а затем, в результате аномального признания революционной власти, было распространено на трибунат, число возможных председателей увеличилось до двадцати, и сенат снова черпал свою силу из разногласий магистратов. Двадцать человек, даже если все они представляют аристократию, должны также представлять различные оттенки мнений и попытаться вызвать мнения, соответствующие их собственным, которые затем могут быть представлены на одобрение и голоса палаты. С самого начала сложилась практика, что только определенное выражение мнения, исходящее из какой-то части палаты, должно быть представлено на одобрение ее членов, поэтому магистрат, стремящийся внести желаемое предложение (*relatio*), теперь в значительной степени зависит от сенатора. А те немногие пробелы, которые еще остаются в инициативе последнего, заполняются хитроумными фикциями дебатов. Сенатор поднимался, выплескивал из своей души заветные взгляды по вопросам, не имеющим отношения к дебатам,^[1307] а затем приводил свою речь в соответствие с правилами палаты, завершая ее официальным мнением по прямому вопросу, поставленному перед ним магистратом. По крайней мере, в одном случае мы видим обратный метод; великое политическое преступление, связанное с разрушением Карфагена, было подготовлено знаменитой *sententia* Катона,^[1308] часто повторявшейся в речах на

несвязанные темы и не имевшей никакого отношения к вопросу, непосредственно стоявшему перед палатой.

Чтобы понять, какими возможностями для получения информации и свободой дебатов обладал сенат, мы должны иметь четкое представление о функциях его председателей и положении рядовых магистратов в этом собрании. Право созыва и право постановки дел на рассмотрение были неразделимы; и тем и другим обладали три порядка магистратов - консулы, преторы и трибуны. Но закон, в виде полномочий, предоставленных *major potestas*, не позволял претору пользоваться своим правом созыва вопреки консулу, а обычай предписывал трибуну не пользоваться этим правом, когда консул находился в Риме. Но после того, как повестка была выдана и исполнена, созывающий совет не является его единственным председателем. Каждый из трех классов магистратов обладает правом созыва, причем каждый в порядке, установленном обычным правом. Сначала идут ходатайства консулов; за ними следуют ходатайства преторов, а затем наступает очередь трибунов.[1309] Эта система очередности, хотя и необходимая для предотвращения путаницы, при обычных обстоятельствах была делом сравнительно неважным. Она могла стать серьезным препятствием для свободы дебатов только в том случае, если консул резко прекращал заседание, не дождавшись решения по какому-то насущному вопросу[1310], или если какой-нибудь сенатор принимал метод систематической обструкции, тратя часы на многословные ораторские выступления, пока заход солнца не делал перерыв в делах юридически необходимым. Но первый способ был революционным по своему характеру, а в случае его применения - подходящей подготовкой к революции; в то время как второй, похоже, использовался, как младший Катон во время консульства Цезаря, в качестве оружия против наступательной *реляции*, уже представленной палате. [1311] Сам президент имел достаточно полномочий для удовлетворения таких замыслов; в данном случае консул вывел из зала мешающего стойка. [1312]

Более серьезной опасностью было бы отсутствие информации от должностных лиц, которые сменяли консула при внесении предложений в палату; но это было исключено благодаря праву магистратов говорить (*verba facere*) без приглашения в любой период дебатов. Этим правом обладали те магистраты, которые сами председательствовали; квесторы, чьи финансовые отчеты были незаменимы, и эдилы могли пользоваться им только по принуждению. Эта привилегия была тем необходимее, что председательствующие магистраты, по крайней мере, не могли спросить своего мнения у должностного лица, которое занимало внимание палаты; они не могли дать совет, так как сами обращались за ним к другим.

Обычай с такой же тщательностью определил способ, которым следует выяснять мнение неофициальных и советующихся членов палаты. Вопрос "Каков ваш совет?" (*quid censes?*) задавался президентом каждому сенатору в порядке, соответствующем его официальному рангу. Во времена активности цензуры именно эта магистратура определяла первый выбор президента; цензоры ставили во главе своего списка имя какого-нибудь выдающегося человека (часто самого бывшего цензора), и именно к этому "начальнику сената" (*princeps senatus*) обращались за мнением в первую очередь. Но после реформы Суллы, внесшей изменения в конституцию ордена, несмотря на периодическое возрождение цензуры, нет никаких определенных свидетельств о сохранении этого достоинства. Отныне на первом месте стоит корпус консулов, из которых председательствующий магистрат - по крайней мере, консул, открывающий дела палаты, - выбирает себе первого советника, не руководствуясь никакими установленными правилами, но учитывая старшинство или личные отличия[1313]. Единственным исключением из этой практики была вторая половина года,

когда избранные консулы, либо в силу своего квазимагистерского положения, либо потому, что им самим, возможно, придется выполнять обсуждаемые декреты, имели приоритет перед консулами.[1314] От последних вопрос переходил через *преториев* к эдиликам или трибунам и, наконец, к самому низкому классу - бывшим квесторам; и вполне вероятно, что в каждом классе соблюдалось правило советоваться с назначенным магистратом, прежде чем с бывшим магистратом. Очевидно, что такая процедура, если ее строго придерживаться, оставляла членам сената, не являющимся курульными, лишь ничтожно малые шансы на участие в дебатах. Их всегда называли *педариями*, в отличие от *курульных*; первоначально они были кандидатами цензоров, а после Суллы в их число вошли бывшие трибуны и плебейские эдилы, а также члены квесторского ранга. Поскольку они редко участвовали в дебатах, у них редко была возможность высказать свое мнение, и отсюда возникло ошибочное представление некоторых антикваров о том, что *педариям* было предоставлено право голоса, но не право дебатов.[1315] Но подобные ограничения, вытекающие из практики, а не из закона, никогда не накладывались римлянами. Репутация человека, не достигшего ранга курула, могла превышать репутацию всех остальных сенаторов; принцип, который открывал уста Бибула и закрывал уста Катона, в определенных случаях признавался вредным, и именно последний в качестве избранного трибуна, то есть *педария*, принял решение, осудившее на смерть заговорщиков-катилинорианцев[1316].

Из массы мнений, высказанных в ходе дебатов, президент мог выбрать любое, которое ему было угодно представить на суд палаты. Защитой для отдельного сенатора здесь служило количество председательствующих магистратов. Как правило, при вынесении *sententiae* на голосование соблюдался тот же порядок, что и при их выработке; но из совокупности мнений, которые, при различии в деталях, давали практически один и тот же совет, президент мог выбрать то, которое, по его мнению, наиболее точно или наилучшим образом сформулировано, и представить его на рассмотрение совета. Конечно, это был необычный шаг, когда во время исторических дебатов 5 декабря 63 года до н. э. Цицерон поставил на голосование *sententia* Катона вместо аналогичных, но более слабых постановлений консулов;[1317] но консул, осуществляя свой дискреционный выбор, действовал вполне в рамках своих прав.

Учитывая жесткость процедуры и размер органа, иногда удивляешься количеству дел, которые, как представляется, были рассмотрены на одном заседании сената. Но быстрота дебатов объясняется как правилами процедуры, так и римским темпераментом. Что касается первого, то следует помнить, что ни одно предложение не могло быть внесено, если на него не надавил магистрат, что не было различия между предложениями по существу и поправками, что альтернативные предложения, следовательно, не должны были подробно представляться в отделении, что принятие одного предложения обычно отменяло все *sententiae* по тому же вопросу, что предложения об отсрочке не имели приоритета перед другими предложениями, и что дела палаты не прерывались этим современным приемом для потери времени. Мы также должны помнить, что разделение в современном смысле этого слова было редкостью, и, похоже, редко возникала необходимость в подсчете числа членов, которые, соответственно, поддерживали или не поддерживали предложение.[1318] Оценка голосования фактически происходила во время дебатов; был обычай сенатора, часто не вставая, выражать несколько слов согласия с предыдущей речью,[1319] и не было необычным покидать свою скамью и занимать позицию рядом с человеком, мнение которого он поддерживал.[1320] Таким образом, мнение палаты часто можно было узнать еще до окончания дебатов; если оно не было очевидным, консул призывал к разделению (*discessio*);[1321] даже в этом случае маловероятно, чтобы прибегали к подсчету, если только партии с обеих сторон не были очень уравновешены. Другие причины быстроты можно найти

в римском темпераменте и интеллектуальной атмосфере дома. Римлянин, пока его лучшая натура не была испорчена школами Афин и Родоса, был человеком немногословным; сенат был наименее склонным к тому, чтобы быть покоренным пышным красноречием; ясность и краткость были наиболее востребованными качествами, и даже в конце Республики, когда сенат предался опасному удовольствию слушать тщательно сплетенные предложения, "горшки с краской" Цицерона[1322] все еще, по всей вероятности, были исключением, а не правилом.

Голос большинства сената воплощался в резолюции (*senatus consultum*). Рассматриваемая как простой совет магистратуры, она не имела никакой юридической силы; ее обязательный характер проистекал из того факта, что это было постановление магистрата, применявшееся к сфере, в которой он сам был компетентен издавать подобные предписания. Поэтому, как мы уже видели,[1323] вето, наложенное на декрет сената коллегой или начальником магистрата, который его вызвал, не является исключением из правила, согласно которому акты корпораций или частных лиц не подлежали такой форме признания недействительности. Так мало того, когда на декрет было наложено вето, совет сената все еще оставался в силе. Отмененное постановление по-прежнему составлялось, но оно превращалось лишь в *auctoritas*. [1324] Оно все еще имело достаточную силу, чтобы связывать конституционно мыслящих магистратов, но оно уже не налагало на общество обязанности подчиняться ему. *Consultum* или *auctoritas* составлялся на месте проведения собрания вскоре после принятия резолюции, которая в нем содержалась. Поскольку не было постоянных ответственных должностных лиц, которые следили бы за его редактированием, президент назначал небольшую комиссию для удостоверения подлинности документа; [1325] в нее обычно входили автор резолюции и несколько его сторонников.

(iii.) Сенат пользовался своей развитой властью двух различных аспектах. Он был органом, который осуществлял право предварительного обсуждения вопросов, которые должны были быть представлены на суд номинально более высокой власти, народа, и это был совет, который исповедовал дачу окончательных указаний магистратам по выполнению их административных обязанностей. У него не было собственной сферы, в которой он мог бы действовать без помощи магистратов и народа, и поэтому его формальная независимость гораздо меньше той, которой обладал такой орган, как афинские *буллы*. Единственный государственный орган, в котором он, по-видимому, обладает независимой властью, - право увековечивать саму жизнь *civitas* путем назначения интеррекса - принадлежит строго не сенату, а его патрициям; и даже для осуществления этого права в период Республики движущая сила должна была исходить в конечном счете от плебейского магистрата[1326].

Сенат, осуществляя проболевтическую власть, демонстрировал чувство собственной ограниченности. Иногда, как мы увидим, он узурпировал отдельные полномочия, принадлежавшие по праву народу; но, как правило, его окончательная власть ощущалась только в той обширной сфере исполнительного влияния, которая ранее была доверена магистратам. Он мог контролировать, но не узурпировать суверенные полномочия народа; он не избирал магистратов; он не обладал законодательной властью; он не мог объявлять войну или заключать мир; он не смел расширять границы римского гражданства путем предоставления франшизы; он не претендовал на осуществление юрисдикции или еще более суверенного права помилования.

Однако, если вспомнить, что деятельность *комиции* во всех этих вопросах могла быть приведена в движение только магистратом, а совет сената превратился в реальную власть контроля, легко понять, что первый шаг в каждой важной мере должен быть сделан под контролем этого всепроникающего совета. Его проболевтическая власть основывалась на

соблюдении магистратом определенных неписаных правил, которые регулировали осуществление как его позитивных, так и негативных полномочий. Считалось, что ни один магистрат не должен спрашивать народ по какому-либо важному вопросу без совета сената и что он не должен отказываться от осуществления этого права по его просьбе; что право вето должно применяться только по усмотрению совета и что в просьбе о его применении не должно быть отказано. Эти неписанные принципы, как правило, были достаточно сильны, чтобы сковать действия магистрата его убеждением в их необходимости; когда это убеждение было недостаточно сильным, сенат прибегал к своему последнему конституционному оружию - вето дружественного магистрата. Для этой цели обычно использовалась коллегия трибунов; ее численность давала наибольший простор для разногласий, так как из десяти законно верховных магистратов государства обычно можно было найти по крайней мере одного, для которого слово сената было законом. Блокирование законодательства посредством *intercessio* сенатского трибуна можно проиллюстрировать на примере попытки Октавия отменить аграрное законодательство старшего Гракха[1327], попытки аннулировать административное постановление обширного характера посредством вето, наложенного на предложение претора Ювентия, когда он без консультации с сенатом и без предварительного уведомления консулов попытался побудить народную комицию к объявлению войны с Родосом[1328].

При рассмотрении полномочий сената перед нами открываются два пути: мы можем либо рассматривать их в порядке их роста и показывать, как совершались последовательные узурпации, либо описывать их в том виде, в каком они существовали. Первый метод представляет больший исторический интерес, но, помимо его сложности и неясности из-за частого отсутствия доказательств, он приведет к совершенно несистематической классификации совокупности приобретенных прав. Поэтому предпочтительнее рассмотреть полномочия Сената в их развитой форме, предварительно предупредив, что они были получены за очень длительные промежутки времени и разными способами. Некоторые из них, такие как контроль над финансами, были узурпированы у магистрата; другие, такие как освобождение от законов, были украдены у народа; на третьи, такие как контроль над деталями провинциального управления, сенат имел совершенно особое право, эти полномочия были созданы в период роста его верховной власти.

К выборам магистратов сенат поздней республики не имел прямого отношения, и только народ претендовал на, возможно, не совсем конституционное право их смещения. Но ближе к концу своего пребывания у власти, когда борьба за существование заставила его напрячь свои прерогативы до предела, мы видим, что сенат претендует на очень похожее право отстранять магистрата от выполнения функций его должности. Обвинение в беспокойных делах послужило мотивом для отстранения Цезаря от преторства, а Метелла Непоса - от трибуната в 62 г.[1329], а Целий Руф был изгнан, по обвинению в аналогичном проступке, из кресла курульного претора в 48 г.[1330] Использование этого метода позволило отстранить Цезаря от должности претора.[Использование этой власти против претора или вообще против любого магистрата, подчиняющегося *major potestas* трибуна, вполне понятно; ведь последний мог по приказу сената запретить любому должностному лицу выполнять его обычные функции; как эта власть могла быть использована против самого трибуната - одна из скрытых тайн сенатской узурпации.

На законодательную власть, то есть на установление фундаментальных изменений в гражданских отношениях, сенат никогда не претендовал; он также никогда не обладал никаким юридическим правом предлагать или препятствовать принятию закона. *Право patrum auctoritas*, как и *interregnum*, принадлежало только патрициям, а право

предварительного обсуждения, на которое претендовал поздний Сенат в целом, было лишь одним из неизбежных результатов баланса сил в магистратуре. Те незначительные приближения к законотворчеству, которые встречаются, были просто результатом консультаций магистратов по спорным вопросам. Сенат подтвердил древний принцип, согласно которому признание раба, которое может обречь его хозяина на смерть или изгнание, не должно выбиваться из него пытками;[1331] оно даже может настолько нарушать свободу договора, что предполагает текущую ставку процента[1332] - принцип, который претор мог бы соблюдать, если бы ему было не все равно или если бы его коллеги обязывали его к этому.

Но здесь мы снова сталкиваемся со странной аномалией: Сенат может разрушать там, где не может создавать. Он претендовал на суверенную привилегию освобождать отдельных лиц от действия законов, и эта претензия, которая была признанной узурпацией, была санкционирована обычаем. Раньше такие послабления мог давать только суверенный народ, но предложение, представленное народу, сначала одобрялось сенатом. Постепенно второй этап в процедуре был отменен, так как считался лишь формальной санкцией уже совершенного действия; сенатское право на диспенсацію сохранялось до тех пор, пока на него не покусился трибун Корнелий (67 г. до н. э.). Предложение вернуть его народу успешно сопротивлялось, но был достигнут компромисс, в результате которого было решено, что ни один акт диспенсации не должен быть действительным, если он не был одобрен палатой, состоящей не менее чем из двухсот членов.[1333] Это положение, очевидно, призванное предотвратить злоупотребление властью в чисто личных или партийных целях, не выполнило своей задачи, поскольку подобные *senatus consulta* были получены влиятельными людьми под самыми незначительными предлогами и для самых недостойных целей.[1334]

Соблюдение определенных форм всегда было необходимо для того, чтобы законодательная деятельность народа была регулярной и действительной. В странах, признающих суверенитет парламента, хранителем таких форм является, во-первых, сама законодательная палата, во-вторых, судебные инстанции, которые могут или должны быть вправе отказать во введении в действие любого закона, принятого с нарушением таких формальностей. Именно так обстояли дела в Риме. В самих законах содержались положения, объявлявшие их недействительными в случае, если они будут признаны нарушающими принципы конституции, и у судебных инстанций хватило мужества противостоять постановлениям даже временного правительства диктатора Суллы. Но и исполнительная власть могла сомневаться в правильности введения в действие меры, которую она признавала незаконной; и в этом исполнительная власть была проводником сената. Отсюда вытекает его право указывать на недостатки законодательного акта, устанавливая тот факт, что магистрат неправомерно опросил народ и что ответ народа, таким образом, не имеет законной силы. Использование этого права однажды привело к величайшему перевороту в римской истории. Именно указав на то, что закон младшего Ливия Друза, содержащий среди прочих пунктов дарение *civitas* союзникам, является незаконным, поскольку противоречит условию, установленному *lex Caecilia Didia* (98 г. до н. э.), согласно которому совершенно разные постановления не должны содержаться в одном и том же *rogatio*,[1335] сенат положил начало грозному заговору, который вылился в начало социальной войны. История также донесла до нас попытку отменить этим способом народное решение гораздо меньшего масштаба. В сенате было предложено сделать основанием для отзыва Цицерона уведомление о предполагаемых нарушениях *плебисцита* Клодия; но изгнанный оратор, хотя и считал, что "в этой идее есть что-то", все же предпочел гораздо более безопасную форму отмены постановления самим народным голосом[1336].

Когда мы переходим от законодательства к его дополнению юрисдикцией, то обнаруживаем, что Сенат практически не вмешивается в регулярный ход гражданского или уголовного судопроизводства. В исключительных случаях он мог определить сферу деятельности претора,[1337] а своим практическим весом при объявлении *justitium* мог приостановить работу судов; но он не вмешивался в детали этих дел, и апелляции к магистратам, накладывающим вето, оставались на их собственное усмотрение.

Что касается уголовной юрисдикции регулярных судов, то, хотя сенат никогда не брал на себя право определять процедуру или приговор, он иногда проявлял инициативу в судебном преследовании, предлагая выдвинуть обвинение, и этот намек мог содержаться в сенатском решении, что определенный образ действий был *contra rem publicam*. [1338] Что касается чрезвычайной комиссии, то истинная теория Республики состояла в том, что она может быть создана только народом. Процедура, принятая против Хлодия за нарушение обрядов *Vona Dea*, типична для конституционного метода, который должен был применяться всегда. Преступление, которое он совершил - хотя и расплывчато названное "кровосмешением", - было таким, которое в этой конкретной форме было неизвестно римскому праву. Вначале консультируется коллегия понтификов, которая объявляет это деяние преступлением против религии (*nefas*); затем составляется декрет Сената с указанием состава преступления и процедуры, которая максимально приближена к процедуре обычных уголовных судов. Затем этот декрет передается на ратификацию в суд народа. [1339] Акты о привлечении к ответственности - это прискорбное признание слабости политической, социальной и правовой системы; но было правильно, что эта слабость не должна исправляться административным органом, представляющим одну касту.

Однако существовали определенные чрезвычайные ситуации, которые, как считалось, не могли быть устранены даже путем создания специальной судебной комиссии. Эпидемии преступлений, такие как отравления, поджоги, убийства, казалось, требовали немедленного осуществления магистратского *imperium*, а для его осуществления сенат является направляющей и контролирующей силой. Такое осуществление магистратского *принуждения* по приказу сената практически является объявлением военного положения, хотя сенат своим декретом не создает новой власти, а просто призывает магистрат высвободить силы, скрытые в его *imperium*. Прежняя Республика предусматривала приостановку конституционной процедуры в виде диктатуры в качестве средства реагирования на такую чрезвычайную ситуацию; в более поздней конституции такого положения не было, и бремя ответственности легло на совместные плечи сената и магистратов. Законно ли осуществление такой суммарной юрисдикции в отношении капитала, зависело от статуса и пола жертв. Если 170 женщин, преданных смерти за отравление в 331 году до н. э. [1340], были казнены по магистратскому указу, это было законно, поскольку женщины не имели права на обжалование. Аналогичная законность была и в отношении провинциалов; [1341] а если подобные приговоры выносились италийским союзникам, [1342] это было грубым нарушением договорных обязательств, но не законов Рима. Только гражданин мужского пола не мог быть предан смерти подобным образом; и если римские члены великого преступного общества гильдии вакханок были казнены без права обжалования, [1343] это было судебное убийство, оправданное лишь ужасом, возбужденным в общественном сознании самыми черными преступлениями, маскирующимися под личиной религии. До нас дошла фрагментарная копия декрета, которым был пресечен этот "заговор"; в нем сенат считает, что "смертная казнь должна быть применена", [1344] но декрет своей формулировкой не приостанавливает действие обычных законов об обжаловании.

Эта защита государства от заговоров (*conjuraciones*), возможно, была прецедентом для власти, законность которой, осуществляемой сенатом в последнее столетие Республики, вызывала жаркие споры. Это была власть объявлять о существовании состояния вещей, которое греки называли бы *πόλεμος*, выделять партию в государстве и ее лидеров как врагов (*hostes*) Республики, причем последняя якобы представлялась самим Сенатом и магистратами, которые были дружелюбны к нему, и советовать магистратам, которые были ее председателями, прежде всего магистратам с *imperium*, а иногда даже промагистратам,[1345] использовать все средства суммарного принуждения, чтобы предотвратить надвигающуюся опасность. Формула вверения опеки над обществом клике дружественных магистратов выражалась в словах "чтобы консулы, преторы и трибуны плебса (с добавлением иногда других должностных лиц с *imperium*) следили за тем, чтобы государство не пострадало".[1346] После принятия этого декрета ответственность сената прекращается; магистраты действуют на свой страх и риск и не могут вновь переложить на себя ответственность за судебное убийство, которое они могли совершить во исполнение своих указаний, вновь посоветовавшись с сенатом о виновности своих жертв или о способе казни, который должен быть применен.[1347] Были очевидные причины, которые делали невозможным, чтобы эта власть основывалась на каком-либо отдаленном прецеденте; как и власть, о которой шла речь выше, она заменяла исчезнувшую диктатуру, которая была неотъемлемой частью конституции, и после падения этой должности в Риме не было революции, предшествовавшей той, которая, по мнению консерваторов, была начата законодательством Гракхов. Но, даже не считая вопроса о прецеденте, абсурдность претензий сената на роль защитника республики проявляется в том, что противоположная партия в *стазисе* может более верно представлять теорию конституции, как это сделала партия Гракхов, чем само правительство сената; широкая грань отделяет политическую оппозицию, даже с максимальной силой, поддерживающей ее, от преступного заговора против общества, а принятием этого "окончательного декрета" сенат объявил себя *автором* революции. Спор о праве здесь неразрешим: неразрешимость зависит от того, что в Риме не было постоянного правительства, кроме конвенции и силы.

Тем не менее, римское чувство заявило бы, что были времена, когда декрет и его последствия были оправданы. На силу можно ответить только силой, и такое скопление, как армия Катилины в Этрурии, было справедливым объектом для нападения со стороны исполнительной власти; но чувства не позволили бы казнить без апелляции нескольких пленников, захваченных в городе, какой бы серьезной ни была опасность. Военное положение должно быть признано, но в римском государстве не было власти, которая могла бы объявить военное положение и привести в исполнение его последствия.

Осуществление этой беспрецедентной власти вызвало бурный протест со стороны истинного правительства - народа. [1348] Плебисцит, принятый младшим Гракхом, был направлен более непосредственно против магистратов, и он улучшил законы Валериана, постановив, "что ни один *judicium* не должен осуществляться на *голове* римского гражданина без согласия народа".[1349] Но возможно, что он возложил на сенаторов индивидуальную ответственность за постановление, санкционирующее такое поведение магистратов,[1350] и почти наверняка отменил положение закона Двенадцати таблиц, объявив, что плебс может осуществлять юрисдикцию капитала в отношении магистрата, виновного в нарушении положений этой меры.[Отныне не могло быть и речи о незаконности *ultimum senatus consultum*, поскольку возражения Цицерона о том, что закон Гракхов защищал только жизнь *cives*, а лица, указанные сенатом, были объявлены *hostes*,[1352] - это спор по кругу. Именно эту последнюю возможность отрицал закон Гракхов; и хотя здравый смысл мог истолковать некоторые открытые действия как признак войны против общества,

никакая степень измены не могла *ipso jure* превратить гражданина во врага, если только эта измена не была доказана в судебном порядке.

Более оправданным, чем власть, которую мы только что рассмотрели, был полицейский контроль, который осуществлял сенат в Риме. Здесь, как и в других вопросах управления, его внимание было ограничено большими и исключительными чрезвычайными ситуациями. В отсутствие всех возможностей для выражения общественного мнения в Риме, кроме как через магистрат, древние торговые гильдии (*collegia artificum*) были удобными центрами для проведения выборов в демократических интересах. Тот факт, что к концу Республики их вес был брошен на анτισенаторские весы, заставил правительство рассматривать их существование как вредное для общественного порядка. Декрет Сената от 64 г. до н. э. резко распустил все гильдии, кроме самых почтенных, которые, как предполагалось, ведут свое происхождение от Нумы;[1353] и это внезапное подавление можно рассматривать как последний шаг в долгой карьере административного вмешательства, о котором история не сохранила никаких записей. Частные политические клубы, известные под названиями *sodalitates* и *decuriati*, не находились под непосредственным контролем магистрата; для их принуждения сенат должен был обеспечить принятие закона. [1354] Но мелкие детали, связанные со взяточничеством и коррупцией, были в его компетенции. Он нарушал неприкосновенность дома магистрата, позволяя проводить там обыск в поисках уличающих доказательств коррупции, и предписывал, что тот, кто будет виновен в укрывательстве в своем жилище профессиональных агентов по выборам (*divisores*), должен подвергнуться порицанию и возможному судебному преследованию[1355].

Если мы теперь перейдем от исправительных мер к административной деятельности Сената, то обнаружим, что она проявлялась главным образом в департаментах иностранных дел, финансов и религии.

Основными сферами внешней деятельности являются объявление войны, заключение мира и создание союзов. Все эти полномочия по праву принадлежали народу, и в отношении первого из них никогда не возникало сомнений, что сенат занимал лишь позицию постоянного советника. Две последние власти сливаются друг с другом, так как государство, не состоявшее в союзе с Римом, было, согласно грубым понятиям господствующего международного права, врагом Республики. В период Республики периодически появляются признаки острого, но выгодного спора о том, обладает ли правом заключать обязательные договоры от имени Республики *император* на местах, а также сенат и народ. Клятва полководца, принесенная им в случае успеха, и отказ от нее в случае неудачи, а в данном случае - передача врагу в качестве козла отпущения несчастного полководца, спасшего жизни римлян, но не римскую честь, связанного и обнаженного - таковы были удобные результаты этого состояния юридического сомнения. В Каудинских вилах в Самниуме, Нумантии в Испании и окрестностях Сутула в Нумидии римские полководцы и их заблуждающиеся противники стали равными жертвами этого спора.[1356] Но в конце концов возобладало мнение, что без согласия сената и народа никакой клятвенный договор (*foedus*) не может быть обязательным.[1357] Практика разделения этих полномочий между советом и собранием менялась от времени к времени. В самый ранний период заключение мирного договора, по-видимому, входило в компетенцию магистрата, а значит, и сената; в конституции средней республики, как нам сообщает Полибий, такое соглашение всегда выносилось на ратификацию народа,[1358] но в конце республиканской истории встречаются случаи, когда в качестве решающего органа упоминается только сенат[1359].

Но народ во все времена был лишь окончательной ратификационной инстанцией в этих вопросах. Дипломатические переговоры, предшествовавшие заключению соглашения с

иностранным государством, всегда находились в руках сената. Когда посланники обращались к *императору* в поле, его обязанностью было направить их к консулам и их совету; насколько он сам вступал с ними в предварительные переговоры, зависело от его собственного усмотрения, но в лучшие дни Республики он не мог никакого определенного соглашения. Способ, которым сенат принимал посланников от того или иного государства, различался в зависимости от того, имело ли это государство уже договорные отношения с Римом или находилось в состоянии естественной войны. Постоянное представительство дружественного народа - кроме как через неопределенные отношения со знатным римским домом - было еще неизвестным приемом; но посланникам такого государства делалась уступка в виде приема их в городе.[1360] Представители врага, с другой стороны, не имели права на прием в стенах.[1361] Смущение, вызванное приближением подозреваемого Евмена Пергамского в 166 г. до н. э., привело к тому, что было принято постановление о том, что цари ("плотоядные животные" Катона) не должны приниматься в Риме лично.[1362] К концу республиканского периода (67 г. до н. э.) требование улучшить порядок ведения дел, а также подозрения, вызванные сделками посланников, задерживающихся в Риме, с политическими куриями, привели к принятию закона о том, что месяц февраль должен быть посвящен приему легаций. [1363] Поскольку большинство посланников в это время прибывали из государств, находящихся в сфере влияния Рима, провинциалам было выгодно иметь определенное время, в которое они могли высказывать свои претензии.

Самое насущное требование вступить в новые отношения с государствами, естественно, сопровождало организацию провинции. Непосредственное внимание к этому требованию было в компетенции генерала-завоевателя, хотя иногда ему помогали десять комиссаров (*legati*), назначенных сенатом.[1364] Вся работа по организации, известная как закон провинции (*lex provinciae*), носила имя *императора*, а *лекс Рупилия* в Сицилии, *лекс Помпея* в Вифинии и закон Метелла на Крите сохранили память об отдельных победителях и организаторах. В данном случае *лекс* - это устав (*lex data*), а не комитат (*lex rogata*), и если вспомнить, что организация провинций происходила в период сенаторского правления, то мы не удивляемся отсутствию формальности в виде консультации с народом.

Назначение внешних сфер управления (*provinciae*) для магистратов было одним из самых важных полномочий, связанных с сенаторским управлением провинциями. Мы уже видели, как первоначальная теория о том, что магистрат выбирал свое ведомство, уступила место сенаторскому отбору. Несмотря на то, что провинции назначались не конкретным лицам, а обладателям определенных должностей, это право наделения давало большое покровительство в руки сената; он мог награждать или наказывать консулов или проконсулов, назначая им более или менее важные округа[1365], а жребий (*sortitio*), по которому определялись отдельные обладатели, часто подтасовывался[1366].

Окончательная организация Италии и провинций также предоставила сенату новые сферы влияния. Вольные города, простиравшиеся по всей Италии и находившиеся в качестве привилегированных единиц в провинциях, были подчинены его контролю. Они отказались от всех притязаний на внешнюю власть, и именно сенат регулировал противоречивые притязания государств как в пределах, так и за пределами Италии.[1367] Когда права вольного города были закреплены не договором, а шаткой хартией, сенат мог отменить некоторые пожалования, которые, согласно условиям хартии, могли быть отменены по желанию.[1368] В детали провинциального управления и отношения подвластных городов к правителю сенат, похоже, редко вмешивался напрямую. Но мы должны помнить, что в каждой провинции губернатора сопровождал сенатский комитет в форме *консилиума*, состоявший из его легатов и любого сенатора, случайно оказавшегося в провинции.[1369]

Его обязанностью было передавать все важные дела на рассмотрение этого совета, а самые важные вопросы он должен был оставлять на усмотрение сената дома.[1370]

Власть над кошельком, которая была гарантией стольких народных свобод, не была доступна народу в Риме. Избежав столь раннего введения прямого налогообложения, они лишились грозного оружия, с помощью которого могли бы бороться с сенатом. По этой причине признанная неспособность этого органа ввести новый налог для общества не была большим ограничением его полномочий после 167 года до н. э., когда исчез италийский *трибут*. [1371] Контроль над деталями финансов, которые никогда не принадлежали народу, а всегда были у исполнительной власти, был главной опорой его власти в этом департаменте. То обстоятельство, что контроль над сметой был передан случайным чиновникам, цензорам, а детали расходов были изъяты из рук консулов и переданы в руки наиболее подчиненных магистратов, квесторов, достаточно объясняет рост центральной направляющей власти, которую можно рассматривать в трех ее отношениях: к имуществу государства, к смете и к расходам.

Главным достоянием государства в поздней Республике были доходы, получаемые от провинций, и очевидно, что сенат определял их размер, когда ратифицировал условия *lex provinciae*. Но более древний источник доходов - публичные владения государства - также находился под его контролем. Он разрешал занимать или использовать государственные земли и постановлял их отчуждение путем продажи или дарения. [1372] Он также принимал или отклонял дары и завещания государству, а предложение Ти. Гракха о том, что народ должен распоряжаться движимым имуществом, оставленным Атталом III, царем Пергама, [1373] задело одну из самых неоспоримых сенаторских прерогатив.

Самые важные сметы тех статей доходов и расходов, которые менялись время от времени, составлялись, как мы уже видели, [1374] каждые пять лет цензорами. Но сенат пользовался правом распоряжаться и даже отменять распоряжения этих чиновников; к ним обращались с апелляцией на невыгодный договор, [1375] а на время вакансии цензора они назначали магистратов, которые должны были председательствовать при новых финансовых назначениях [1376].

Контроль над казной, как при голосовании за крупные поставки, так и при детальном расходовании средств на определенные цели, был полным. Провинциальный бюджет, включавший в себя пособия для различных губернаторов, утверждался сенатом, и этот *senatus consultum de provinciis ornandis* [1377] был одним из наиболее эффективных средств контроля над магистратурой. Специальные суммы, выделенные на военные или иные цели, либо выплачивались напрямую [1378], либо зачислялись квесторами на счет заграничных командиров или домашних чиновников. [1379] Мы уже видели, что только консул мог приказывать квесторам платить без разрешения сената; [1380] но, поскольку консул после Суллы редко выезжал на поле боя, контроль сената над расходами в конечном итоге не прерывался даже при таком выживании.

Если мы перейдем от самого материального к самому духовному элементу человеческой жизни, то обнаружим, что и он в определенной степени регулируется сенатом. Хотя религия в различных ее отделах находилась под контролем специальных гильдий, эти коллегии не обладали большой инициативой, и для исполнения их воли требовалась исполнительная власть. Сенат отвечал на объявления о блудных случаях, предлагая коллегиям жрецов формы искупления. В сивиллиных книгах можно было найти ответы, политический смысл которых был даже больше, чем религиозный. Когда опасную аннексию Египта можно было предотвратить несколькими строчками на этих таинственных листах, [1381] неудивительно,

что их собственные хранители, *децемвиры*, едва ли осмеливались разворачивать их без разрешения сената. Деятельность *комиции* иногда затруднялась привычкой сената назначать внеочередные праздники (*feriae*),^[1382] а успешный полководец зависел от его воли в продолжительности благодарственных молебнов (*supplicationes*), следовавших за его победой.^[1383] Принятие нового бога в римский пантеон, вероятно, в строгом соответствии с законом было правом народа,^[1384] но, похоже, оно было молчаливо уступлено сенату.^[1385]

ГЛАВА VII

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ РИМА И ПРИСОЕДИНЕНИЕ ИТАЛИИ

Народы Греции и Италии при многих общих чертах сходства обнаруживают некоторые поразительные различия в своих представлениях о международных отношениях. Панэллинские настроения, создавшие теневой закон наций, не имеют паниталийского аналога. За пределами греческого города-государства существовало только чувство национальности, чтобы создать правила человеческого поведения; но именно по этой причине правила, когда они были созданы, имели общегреческую силу. В Италии мы получаем более узкие, но более тесные группы; ее история - это история лиг, и неизбежным результатом этой более концентрированной жизни была теснота международных связей между членами федерации, которая заметно контрастировала с неопределенностью отношений между изолированными группами.

Религиозные и этнические узы, выразившиеся в очевидном сходстве институтов, были в Италии, как и в других странах, самыми сильными связующими силами между государствами; но в Италии они были лишь первыми грубыми связками, которые уступали место более прочным политическим узам и распадались на части, когда выстраивалась более прочная цепь. Праздник Альбанской горы стал для латинян, как священный центр Вольсиний для этрусков, религиозным символом прочной лиги. За пределами лиги национальные и религиозные чувства были слабы. Не было ни Дельф, которые направляли бы итальянские народы, ни Олимпии, в которой они могли бы встречаться.

Эта изолированная группировка итальянских народов, возможно, частично объясняется большим смещением населения Италии к югу от Альп и даже к югу от Апеннин; но самая ранняя история Италии показывает, что даже близкородственные расы латинов, умбрийцев и сабеллинов не были связаны гораздо более тесными узами международного характера, чем те, которые связывали каждую из них с этрусской, иапигской, галльской и греческой. Правда, с течением времени в чисто итальянской группе возникло нечто вроде этнического чувства, что имело огромные последствия для мировой истории. После того как умбрийская держава, некогда простиравшаяся от моря до моря, была ослаблена слева этрусками, справа кельтами, Рим становится великой пограничной державой, оплотом группы кровно родственных народов против иноязычных тосканцев и галлов, о родстве с которыми она забыла; но эти отношения вскоре стали политическими, а значит, более чем международными. Та совокупность смутных человеческих чувств, которую называют международным правом, в сфере кровного родства не была юридически сильнее, чем в сфере итальянской группы народов.

В этой более широкой сфере человечества, которая еще не была "италийской", сохранились следы соблюдения Римом обычаев, касающихся ведения войны и переговоров о заключении мира - обычаев, которые самим своим существованием показывают, что, хотя ранний римлянин использовал одно и то же слово для обозначения чужака и врага, состояние войны не рассматривалось как постоянное отношение даже между *хозяевами*; которые своим развитием доказывают древность некоторого чувства международного обязательства, и которые демонстрируют постоянство, с которым они применялись, существование взаимных форм и обязанностей, которые враждебное государство должно было выполнять перед Римом. Функции *фетиалов*, жреческих послов (*oratores*)[1386], которые требовали возмещения ущерба, объявляли войну и ратифицировали мир, похоже, никогда не ограничивались теми народами, с которыми Рим имел договорные отношения, но распространялись на любую нацию, которая не вела войну с Римом конкретными актами. Четверо из гильдии священников *Фетиалеса* были назначены для поиска возмещения ущерба. Они избрали одного из своих представителей, который должен был на время стать "ратификационным отцом римского народа" (*pater patratus populi Romani*). На границах обиженного племени *патер* со многими проклятиями призывал Юпитера в свидетели того, что жалоба обоснована, требование разумно. Трижды он обращался с одним и тем же призывом - к первому встречному на чужой территории, к дозорному у ворот и к магистрату в стенах. На ответ отводилось тридцать дней; первого из них на цитадели Рима поднимался штандарт, а бюргерская армия собиралась для угрожающей войны. Если умиротворяющий ответ не приходил в течение этих дней, *патер* снова выходил вперед и запускал обугленное копье (доисторическое оружие из закаленного дерева) на территорию нарушителя со словами, содержащими угрозу войны.[1387] Когда борьба заканчивалась, он поражал мир и жертву кремнем, символизирующим бдительного Юпитера (*Jupiter lapis*). [1388] Святость посланников, кроме этих священнослужителей, соблюдалась в италийском мире так же строго, как и в греческом. Насильственная смерть во время посольства была мученичеством, достойным бессмертия, и на древних рострах в Комиции была изображена группа статуй, воздвигнутых тем, кто встретил свою судьбу за мир. [1389] Нейтралитет послов соблюдался с такой же тщательностью, и катастрофа Аллии могла рассматриваться как возмездие за нечестивую опрометчивость Фабиев, которые, забыв о своем священном характере, сражались в рядах Клузиума против кельтских полчищ. [1390]

В соглашениях, заключаемых полководцами и посланниками с чужим народом, ярко проявляется свойственная большинству примитивных умов идея о том, что именно клятва делает обещание обязательным. Мы уже касались огромного конституционного значения этой концепции в ее связи с вопросом, поставленным, но так и не получившим полного ответа слишком патристичными юристами: "Кто может принести присягу от имени римского народа?". Но возобладавшая в целом теория, согласно которой ее не мог давать полководец на поле боя, не только аннулировала данное обещание и превращала его в простое соглашение (*sponsio*), действительное между гражданами, но не между чужаками, но и подвергала опрометчивого клятвopеступника жесточайшим наказаниям. Со странной непоследовательностью суждений считалось, что клятва, которая не была клятвой, возлагала вину за лжесвидетельство на совесть народа, если только человек, заставивший народ невольно согрешить, не был принесен в качестве искупительной жертвы. Обнаженный и связанный, как жертвенная человеческая жертва доисторических времен, приготовленная для алтаря, *император* был отдан оскорбленному народу. Неудивительно, что последние - будь то самниты, испанцы или нумидийцы[1391] - отказались принять бесполезный дар из рук *pater patratus* и предпочли продолжить конфликт с народом, все еще осужденным за грех. Индивидуальная клятва вернуться, которую давал военнопленный, освобожденный условно-досрочно, хотя и была обязательна только для его души и, будучи

религиозным обязательством, не подлежала наказанию гражданской властью, была принудительно исполнена общественной совестью. Один из римских пленников, посланных Ганнибалом после Канн для переговоров об обмене пленными, отказался возвращаться, так как переговоры сорвались. Предлогом послужило то, что они вернулись в лагерь завоевателя *после* принесения клятвы. Традиции расходятся в оценке наказания, наложенного Римом; одни говорят об обычном аресте и принудительном возвращении в финикийский лагерь, другие - о разжаловании цензором и публичном осуждении, доведшем лжесвидетеля до самоубийства[1392].

Таковы некоторые из дошедших до нас отдельных примеров норм международного права, которые Рим считал причитающимися каждому народу. Но, помимо таких универсальных обязанностей, римский разум, с его простой дихотомией мира на врагов (*hostes*)[1393] и друзей (*amici*), признавал различные степени обязательств, причитающихся каждому из этих классов. *К врагам* относились все государства или лица, с которыми у Рима не было договорных отношений. С ними не предполагалось даже постоянных дипломатических отношений, и их отсутствие символизировалось тем, как принимали посланников из таких государств. Традиция "говорить с врагом в воротах" неукоснительно сохранялась до конца Республики, и сенат должен был встречать посланника от врага за стенами.[1394] Друзьями Рима были те, с кем у него были отношения, приближающиеся к федеративным. Не могло быть ни определенного договора, ни конкретного обмена обязательствами; но расплывчатый термин *amicitia* с родственными названиями привязанностей применялся как к самой неопределенной ассоциации, так и к самому тесному союзу с Римом; он был безразлично символом величайшей независимости или практического подчинения договаривающегося государства. Члены военной симмахии в Италии могли разделить этот титул с далеким Карфагеном,[1395] и даже варварские аэды - "родственники и братья" римского народа.[1396] Даже в случае этих сообществ постоянное представительство взаимных интересов посредством постоянных послов - институт, еще только зарождавшийся в XVII веке нашей эры, - естественно, было неизвестно; но признание их друзьями обеспечивало их посланникам или представителям вход и аудиенцию в стенах сената.[1397]

Более тесные отношения между Римом и его "друзьями", как правило, были обусловлены этническими и соответствующими им религиозными связями. Но иностранный элемент в раннем Риме показывает, что так было не всегда. Изнасилование сабинянок в наименьшей степени раскрывает факт тесной связи между Римом и нелатинской общиной; первый договор с Карфагеном свидетельствует о торговых отношениях с финикийской державой, которые сопровождались определенной формой международной юрисдикции[1398].

Первыми, поскольку наиболее универсальными, связями, которые привлекают наше внимание как основанные на договорных отношениях, являются торговые. Торговые договоры с иностранцами привели в самом начале римской истории к созданию общих судов и общего кодекса.

В поздней Республике и в Империи мы часто встречаем упоминания о гражданском суде, который, как считалось, имел международное происхождение. Были предприняты попытки приписать этому суду *rescuperatores* чисто римский источник;[1399] но его существенные особенности - большое неравное число присяжных, три или пять, когда обычные гражданские суды знали только одного; быстрота и простота процедуры; *формула*, составленная магистратом, а не взятая из *legis actiones* гражданского права - лучше всего объясняются как пережитки того времени, когда это был смешанный суд международной юрисдикции.[1400] Два или четыре присяжных, вероятно, представляли договаривающиеся государства в равных пропорциях, третий или пятый мог быть арбитром, выбранным из

другого сообщества; магистрат, давший *формулу*, был чиновником города, в котором заседал смешанный суд.

Но *формула* подразумевала систему правовых принципов, а их нелегко было найти в гражданском праве (*jus civile*) каждого договаривающегося государства. Не римская гордость мешала иностранцу участвовать в ее родном праве; это было нежелание иностранца подчиняться кодексу, характеризующемуся чрезмерной громоздкостью, опасностью и задержкой, и встречное возражение римлянина стать жертвой подобных неудобств в договаривающемся государстве. Ни один купец, для которого время означало деньги, не стал бы принимать громоздкую форму передачи, известную как *mancipatio*, когда право собственности можно было получить путем простой передачи (*traditio*), известной всем народам; никто не стал бы повторять *формулу* (которую можно было узнать только от римского понтифика), малейшей ошибки в произнесении которой было достаточно, чтобы уничтожить свое право; а символические действия перед претором, хотя, возможно, и были дороги римскому уму, не могли быть привлекательными для иностранца. Удобство диктовало компромисс, и он был найден в постепенном собирании свода прав (*jus*) из обычаев "мира" (*gentes*), известных римлянам. Этот *jus gentium*, или свод прав, которыми обладает человек как гражданин мира, был кодексом международного частного права, и его нельзя считать даже чисто итальянским. Народ, заимствовавший свой алфавит из халкидского города, подражавший военной организации эллинов, торговавший в VI веке с Сицилией, Сардинией, Ливией и Карфагеном, должен был быть глубоко пропитан обычаями греческого и финикийского мира. Этот кодекс также не был порождением господства Рима, ведь его коммерция предшествовала его политическому величию. Его происхождение относится ко времени, вероятно, предшествующему Республике, и уж точно намного раньше института преторства. Мы уже отмечали, как в течение более чем столетия один и тот же гражданский судья управлял обоими законами - государственным и *гражданским*,^[1401] и как *jus civile* незаметно изменялся в результате контакта со своим младшим родственником.

Но между Римом и государствами, связанными с ним соседством или родством, могли существовать и более тесные отношения, чем торговые. Обмен правами частного права, собственности и брака, который греки называли ἰσοπολιτεία, был естественным следствием итальянской тенденции к тесной политической ассоциации. Такое общение делало каждого члена договаривающихся государств в частном праве *гражданином* другого; *conubium* нес с собой *patria potestas* и все семейные права, вытекающие из этой власти; *commercium* позволял гражданину договаривающегося государства владеть римской землей, передавать имущество по римским формам, заключать договор по обряду *sponsio*, наследовать от римлянина или делать римлянина своим наследником, а гражданину Рима давал соответствующие права в чужом городе. Здесь не могло быть и речи о смешанных трибуналах или международном частном праве. Суды каждого государства были полностью компетентны; если судить по ранним отношениям Рима с латинскими городами, место, в котором был заключен договор, или, другими словами, формы договора, определяли компетенцию суда^[1402].

Еще более определенными узами союза, чем эти отношения частного права (хотя зачастую они были их первичным условием), были некоторые политические образования, которые делали связи между государствами чем-то большим, чем международные. Это было ядро, приближающееся к федеративному правительству, которое дало первый импульс к расширению римской власти в Италии. Рим, известный нам по легенде, никогда не был городом-государством. Она является ответвлением Альба-Лонги, титулярной главы Латинской лиги. По преданию, завоевание материнского города привело к тому, что она

заняла необычное положение по отношению к тридцати городам этой лиги. Она была одной из договаривающихся сторон, города - другой; она была равной, а не членом группы. Принятие этого положения городами-конфедератами показывает их стремление к защите пограничного города; но протекторат стал обременительным, последовала война, и римское правление было поколеблено только для того, чтобы быть вновь навязанным на более твердых линиях сильной рукой этрусской династии, представленной Тарквинами. Теперь Рим стал одним из религиозных центров лиги, а Диана с Авентина символизировала прочный союз латинского народа.[1403] Изгнание царей, хотя и лишило Рим территории, на время поколебало верность лиги, и только в 493 г. до н. э. старые условия были возобновлены; ведь детали, которые в исторические времена можно было прочесть в договоре, приписываемом Сп. Кассий, несомненно, был лишь копией старых условий союза. Был установлен вечный мир, взаимная поддержка в войне, и каждая из сторон должна была поровну делиться добычей. Верховное командование в войне должно было принадлежать то римскому генералу, то командующему войсками конфедератов.[1404] Но самой тесной связью была *ἰσπολιτεία*, [1405] взаимное участие в *commercium* и, несомненно, также в *conubium*, которое сопровождалось оговоркой, что суд государства, в котором был заключен договор и рассматривалось дело, должен дать быстрое удовлетворение истцу от каждой общины. [1406] Взаимность, подобная этой, естественно сопровождалась свободой в выборе местожительства. Римлянин, поселившийся в латинском городе, и латинянин в римском сохраняли частные права обеих общин. Сомнительно, что в этот период передача места жительства сопровождалась долей в избирательных правах государства, в котором проживал иммигрант[1407].

К этому объединению вскоре добавился третий фактор - Эрнийская лига.[1408] Расширение конфедерации за пределы этнических границ было грандиозным стратегическим шагом, ведь благодаря включению Эрнийцев Рим теперь представлял компактную цепь крепостей против своих врагов на востоке и юге, Эквов и Вольсков. Их военное значение объясняет, почему вновь принятые члены были подняты до уровня старых союзников. Они могли похвастаться той же взаимностью частных прав с Римом, делили третью часть военных трофеев и вместе с римлянами и латинянами занимались общей колонизацией.

Эта колонизация была одновременно военной и социальной мерой, а также средством, с помощью которого лига расширяла свои географические и политические границы. Военный обычай, позволявший италийским племенам присоединять треть всех завоеванных земель, всегда использовался могущественной лигой как средство экспансии. И эта экспансия была вполне реальной, ведь латинские колонии (*coloniae Latinae*), как их называли, были полноправными членами общества, которое их породило. Такие города, как Суэсса Пометия, Кора и Велитрея, были военными форпостами на территории вольсков, а теперь вольски, рутульцы и даже этруски оказались под гнетом новых устоев трех великих держав. Но 384 год, кажется, знаменует собой странный и необъяснимый перелом в истории этого расширения. Из всех латинских колоний, основанных после этой даты, только одна упоминается в качестве члена конфедерации, что позволяет сделать вывод о том, что Рим (с согласия или без согласия других членов) отрезал все будущие совместные основания от религиозных и федеральных привилегий лиги. В остальном последствия этого исключения были невелики; новые города были военными союзниками лиги, а не Рима, и их граждане по-прежнему обладали теми частными правами, которые всегда составляли суть *латинства*. Сорок семь городов - частично старые латинские города, частично латинские колонии, возникшие ранее 384 года, - все еще участвовали в Латинском фестивале; то, что в этом кругу проводилось различие между тридцатью голосующими и семнадцатью не голосующими членами, - неуверенный вывод, основанный на попытках анналистов восстановить

традиционное число в тридцать латинских городов; возможно, тридцать голосов все же было, но они вполне могли быть каким-то образом распределены между сорока семью городами лиги. О том, что закрытие Латинской конфедерации было вызвано в основном римским давлением, свидетельствует серия опасных восстаний среди ее городов, которые часто вставали на сторону своих древних врагов - вольсков. Герники так же стремились сбросить иго; но Рим вышел из обоих кризисов, укрепив свою власть и расширив содружество. Последний результат был достигнут благодаря повторному использованию старого метода поглощения. Тускулум в 381 году и Сатрикум вскоре после этого уничтожили свои государства, а были вынуждены, в качестве меры наказания, принять полное или частичное римское гражданство.^[1409] По окончании борьбы в 358 году лиги были возобновлены, а отношения Рима с двумя группами государств перестроены, вероятно, на более жестких условиях. В последовавшей за этим самнитской войне латинские города сначала держались за Рим, поскольку предпочитали родную гегемонию сабеллианской; но быстрое заключение Римом договора о мире и союзе с самнитами, который лиге было предложено принять, но не ратифицировать, было воспринято как последнее доказательство фактического подчинения, скрытого под именем гегемонии. Латины выдвинули свои последние требования; они отказались от своего положения военной конфедерации, но не пожелали быть поглощенными политическим телом Рима. Они просили золотой середины - системы федерального правления, но такой, которая сохраняла бы фундаментальное различие между Римом и городами-конфедератами. Один из консулов должен был быть римлянином, другой - латином, а половина сената должна была избираться из Лациума. Но гражданское чувство было слишком сильно в Риме; она не хотела сама отказаться от общинной конституции, которую так часто вырывала у других; она отвергла альтернативу, которая парализовала бы ее мощь как государства-завоевателя и сделала бы из нее лишь федеральную столицу. Ее "Нет!" латинянам стало одним из поворотных моментов в истории Италии и всего мира.

Битвы при Везерисе и Трифануме принесли ей победу, но она была в тягостном недоумении, как ее использовать. Лига должна была быть разрушена, ее члены изолированы, и эта работа по дезинтеграции была проведена со всей тщательностью; не только федеральные собрания (*concilia*) были упразднены, но и между городами не допускалось ни права брака, ни права торговых сношений (*jus conubii et commercii*).^[1410] Но как поступить с отдельными общинами, было гораздо более сложной проблемой. Инкорпорация, которая была наказанием за отдельные восстания, не могла быть применена к *disjecta membra* целой лиги, так как это превратило бы город-государство в нацию. Поэтому принятый план был компромиссом между старой политикой поглощения и новым принципом - союзом. Ариция, Педум и Ланувий потеряли свою независимость и получили полную римскую власть, а Тибур, Праенеста и Лавиний были вынуждены заключить с Римом отдельные договоры (*foedera*) и составили ядро постоянно растущего класса *civitates foederatae*. Тридцать лет спустя (306 г. до н. э.) аналогичная судьба постигла оставшуюся лигу герников. Их лояльность не выдержала испытания второй Самнитской войной, но среди городов были свои степени вины. Анагния, главный центр восстания, и другие уличенные города получили лишь частные права гражданства; трем лояльным городам - Алетрию, Ферентину и Веруле - действительно было предложено полное гражданство, но после того, как они выразили предпочтение собственным местным конституциям и кодексам, им было позволено сохранить автономию, гарантированную отдельными договорами.^[1411] Распад лиги герников был лишь инцидентом в триумфальной карьере завоеваний, за которыми никогда не последовало аннексий. Самнитские войны и борьба с Пирром закончились признанием верховенства Рима всеми народами к югу от Макры и Рубикона. Три цивилизации - Греция, Тоскана и Италия - безразлично снабжали ее союзниками; город и племенной союз были одинаково

представлены в ее симмахии. Тибур и Праенеста в Лациуме, Алетрий и Ферентинум среди герников, Волатерра и Клузиум в Этрурии, Игувиум в Умбрии, Пиценты, Марсы и Пелины среди сабеллинов, греческие города, такие как Неаполис в Кампании или Регий среди бруттиев, - вот типы государств и народов, которые она причисляла к своим *социумам*.

Результатом этого объединения и предшествовавших ему тенденций стало разделение жителей Италии на два широких класса - граждан (*cives*) и союзников (*socii*) Рима. Первый класс (гораздо меньший по численности) представлял собой более раннюю попытку инкорпорации; второй был следствием более поздней политики, которая основала военную лигу. Мелкие различия в правах, которые требуют перекрестных делений в классификации государств, иногда заслоняют этот фундаментальный анализ; но он никогда не упускался из виду и был путеводной звездой для римского юриста, как и для нас, в его пути через лабиринт сложной организации Италии.

Римские граждане носят это название либо в полном, либо в частичном смысле; они могут быть гражданами с правом голоса или гражданами только в частном праве (*cives sine suffragio*). Если мы сосредоточим свое внимание на первом из этих классов, то обнаружим, что исторически существовало два способа получения *civitas* коммунной за пределами города. Это могло произойти в результате присоединения к уже существующему государству, или это могло быть следствием насаждения римской колонии. Слияние некоторых латинских общин в Риме[1412] уже дало примеры первого способа получения статуса; римские колонии, иллюстрирующие второй (*coloniae civium Romanorum*), были отдаленными фрагментами популяций, посаженных в качестве оборонительного гарнизона на третьей части завоеванной земли, которая была законной добычей захватчика. С самого начала военные цели сочетались с социальными; однако вынужденное бегство части бюргерского корпуса в некоторых случаях[1413] доказывает, что в этой форме колонизации интересы государства стояли выше интересов индивида. По сути, это был военный сбор, установленный законом, хотя добровольная профессия обычно заменяла обязательный призыв регулярного *дилекта*. В военном строю, с развевающимися штандартами[1414], эскадра маршировала к назначенному месту под руководством комиссаров, назначенных народом. Когда нужно было основать новый город или восстановить старый, это делалось с теми же пышными церемониями, что и при рождении и расширении Рима. После того как воля богов была проверена и получены счастливые предзнаменования, уполномоченные, с покрытыми головами и подпоясанными чреслами, направляли плуг, к которому были привязаны бык и корова. Таким образом, они чертили *помер* государства, оставляя лишь борозду, в которой должны были находиться городские ворота.[1415] Большинство таких поселений римских граждан предназначалось для защиты италийских берегов, а члены морских колоний (*coloniae maritimae*) были освобождены от действительной военной службы.[1416] Немногочисленные (часто всего горстка в 300 человек), поселенные в уже существующем политическом обществе, колонисты составляли привилегированный патрициат среди его старших членов. Городской совет и такие подчиненные магистраты, которых им позволял иметь Рим, вероятно, выбирались только из новых поселенцев; но поскольку автономия, которой они пользовались, была невелика, поскольку у них не было собственных высших судебных магистратов и поскольку их право голоса в Риме было скорее потенциальным, чем фактическим, они мало чем отличались от местных жителей, которые, будучи *cives sine suffragio*, в равной степени находились под юрисдикцией римских судов и их представителей.

Независимо от того, естественным или искусственным путем выросла община римских граждан, в ранние времена она никогда не была настоящим государством (*civitas*). Римское право знало *ισοπολιτεία*, но не более тесные узы *συμπολιτεία*; и принцип, согласно которому ни один римский гражданин не мог быть полноправным членом другого государства, хотя в поздней Республике он уступил место теории муниципальной независимости *civis*, всегда сохранялся в международных отношениях с государствами внешнего мира.^[1417] Поскольку отрицание государственной жизни подразумевало отрицание независимости общин, мы не удивляемся тому, что ни одна из этих общин римских граждан не обладала собственной подлинной гражданской организацией. Мы не можем определить права их городских советов, не можем утверждать абсолютное отсутствие народных собраний для определенных целей; но отсутствие *imperium* и настоящей судебной магистратуры прослеживается четко. Эти коммуны находились под непосредственной гражданской юрисдикцией, первоначально консулов, позже - городского претора. Первоначально, возможно, было необходимо, чтобы каждое дело, не урегулированное добровольным арбитражем, доставлялось в Рим, но удаленность некоторых из этих городов от столицы вскоре сделала бы этот принцип юрисдикции невозможным. Современное решение, согласно которому судья должен выезжать на место, не могло быть придумано в государстве, где коллегия состояла из одного человека, и где этому человеку законом запрещалось покидать город более чем на десять дней в течение года пребывания в должности.^[1418] Единственной альтернативой был излюбленный римский прием делегирования. Претор назначал префектов по юрисдикции (*praefecti iuri dicundo*), и они рассылались, иногда как постоянные магистраты, иногда, возможно, как простые окружные судьи, по римским городам, которые затем назывались *praefecturae*.^[1419] Делегирование подразумевает либо разделение компетенции, либо, в случае если нижестоящий суд обладал полной юрисдикцией, апелляцию к делегирующему органу. От последней практики в Риме не осталось и следа, а систематическое разделение полномочий, хотя мотивы удобства иногда могли заставить претора разрешить его, несовместимо с римским представлением о юрисдикции, исходящей непосредственно от *imperium*. Возможно, претор позволял префекту регулировать почти все виды спорной юрисдикции, имея при этом право вызывать делегата в Рим на любое дело по своему усмотрению. Юридическая фикция заключалась в том, что суды префектов находились в пределах компетенции претора, то есть в пределах одной вехи города; они были, если использовать техническое римское выражение, *judicia legitima*. Не сохранилось никаких следов уголовной процедуры, применявшейся к таким общинам. Тот факт, что префект был делегатом гражданского магистрата, не доказывает, что он был неспособен осуществлять уголовную юрисдикцию, поскольку юрисдикция любого рода скрыта в *imperium* претора. Вся высшая юрисдикция принадлежала народу, но существовал только один *populus Romanus* - город Рим. Поэтому, когда гражданина Остии или Тускулума обвиняли в преступлении, наказание за которое требовало народной санкции, мы можем предположить, что он либо мог подать апелляцию с помощью фикции, подобной той, что лежит в основе гражданской юрисдикции, несмотря на его местное отделение от Рима, либо что он переступил или был приведен в пределы первой вехи города, границы, внутри которой провокация могла быть законно осуществлена.

Второй тип *цив* - это лица без избирательного права (*sine suffragio*). Можно не сомневаться, что идея этого статуса была заимствована из отношений Рима с городами Латинской лиги; однако в процессе поглощения она наделила им города, которым не предоставила других типично латинских прав; таким образом, она сделала этот статус независимым. Этрusco-латинский город Каэре, как говорят, получил это право в 353 году в качестве подарка за хорошую службу Риму. После распада Латинской лиги в 338 году до н. э. группа кампанских городов, Капуя, Кумы, Ателла и Калатия, вместе с (тогдашними латинскими) Фунди и Формией были

приведены в такое отношение с теперь доминирующим городом Лациума;[1420] другие, расположенные ближе, такие как Арпинум у вольсков, были аналогичным образом вознаграждены или поглощены (303 г. до н. э.),[1421] другие города, расположенные ближе к дому, такие как Арпинум у вольсков, были аналогично вознаграждены или поглощены (303 г. до н. э.). 1421 г.), в то время как *статус* был навязан как средство унижения и приведения в бессилие мятежных городов, таких как Анагния, ведущий город герников. 1422 г. Мотив присвоения статуса, хотя и мог иметь значение для прав городов, не привел к изменению отношений их соответствующих *цив* с Римом.

Гражданин без права голоса назывался *municeps*, а государство, все полноправные члены которого обладали этим *статусом*, получило от своих обитателей название *municipium*. Название этого типа граждан - "взваливающий на себя бремя" - удачно выражает его подчинение главным обязанностям (*munera*) римского гражданства, таким как служба в римских легионах, принудительный труд на строительстве оборонительных сооружений, уплата военного налога (*tributum*), и его лишение обычно соответствующих избирательных прав и должностей;[1423] он подчеркивает странный для раннеримского ума факт общественных обязанностей, не уравновешенных общественными правами, но не содержит никаких намеков на самую странную характеристику *муницепса* - почти неизвестную в древних правовых системах - обладание личностью в частной жизни, которая не является результатом личности в публичном праве. *Муницепс* обладает *commercium* со всеми вытекающими отсюда последствиями; он обладает *conubium* с Римом; он, с точки зрения частного права, во всех смыслах является гражданином.

Обладание гражданством влекло за собой как необходимое следствие подчинение суду претора. Таким образом, его дом, *муниципалитет*, в равной степени с общиной полноправных римских граждан является *префектурой*, и правила юрисдикции в обоих классах государств были одинаковыми. К префектам, назначенным претором, со временем добавились другие, избранные *трибутной комиссией* и причисленные к мелким магистратам, известным как *viginti-sex-viri*. 1424] Этими последними были четыре префекта Капуи, Кумы и Кампанского побережья; но в том, что касается способа избрания, нет никакой разницы между судебными магистратами *муниципалитета* и общин римских граждан. Избранные префекты посещали *муниципалитет* Капуи и римскую колонию Путеолы, а назначенные префекты вершили суд в колонии Сатурния и муниципальном городе Анагния[1425].

Но префект далеко не во всех *муниципиях* представлял высшие функции власти. Эти города делятся на два больших подразделения, не в зависимости от прав, которые они получают, а в зависимости от прав, которые они сохраняют. Звание *civitas sine suffragio* могло быть предоставлено *honoris causa* государству, сохранившему полную независимость или общинную автономию. Таким образом, оно было предоставлено Капуе, Кумам, Формиям и Фундам,[1426] и дар частичного гражданства на этих условиях был ценной привилегией. Оно позволяло капуянцу владеть римской землей, селиться на *ager publicus*, вступать в брак с представителями знатных домов Рима и служить не во вспомогательной когорте, а в ее армии или в легионе, сформированном из *муниципиев*. Но тем временем его собственный магистрат, *meddix tuticus*, применяет в кампанских судах исконно сабеллинские законы,[1427] его сенат обсуждает, а народное собрание принимает решения. Иногда, как в случае с Капуей, государство все еще связано договорными отношениями с Римом, и два противоречивых принципа - вооруженного союза и поглощения - на время смешиваются[1428].

И все же, несмотря на их независимость, есть все основания полагать, что эти государства посещали неизбежные префекты. Мы должны предположить, по крайней мере в тех случаях, когда автономия достигала той степени, которая наблюдается в Капуе, что в этих сообществах преобладала двойная система права; суд и процедура следовали форме договора, будь то сабеллианская или римская, а стороны могли предстать безразлично перед капуанским *меддиком* или римским префектом. В других случаях, когда видна значительная степень административной автономии, но в государстве нет магистрата с рангом выше, чем эдил,[1429] возможно, что преобладало только римское право, а римский префект был единственным судьей.

Низший класс *муниципалитетов* был представлен государствами, "все содружество которых было слито с Римом"[1430]. Анагния, деградировавший город герников, была типом этого класса.[1431] Лишенные всех активных прав гражданства и находящиеся под прямым управлением римского префекта, члены таких городов не обладали никакой личностью в публичном праве. Их положение было положением свободных плебеев до принятия их в *suffragium* и *honores*.

Второй принцип италийской политики Рима, впервые задуманный после окончания Латинской войны и доведенный до конца после борьбы с Пирром, привел к большой военной гегемонии над государствами, договорные отношения с которыми позволяли им называть себя "союзниками" (*socii*) Рима. Вскоре были придуманы собирательные названия, указывающие на тесноту образовавшегося союза; сначала конфедераты были "носителями тоги" (*togati*), название, которое в равной степени относилось к латинам, сабеллинам и этрускам. Но введение в лигу греческого *паллиума* разрушило эту основу классификации, и впоследствии появился термин *Italic*, слово, географическое значение которого подчеркивает идею территориального ограничения определенных прав - которое, как мы увидим, не было строго сохранено, но которое обозначает различие, действительное в равной степени для Республики и Принципата, между Италией как привилегированным и провинциями как непривилегированным миром.

Состояние завоеванного города, будь то в Италии или в провинции, до его союза с Римом описывается словом *deditio*, термином, который подразумевает абсолютную передачу власти (*ditio, potestas*)[1432] или чести (*fides*)[1433] римского народа, причем два последних выражения для римского ума юридически равнозначны.[1434] Такая *dediticia civitas* находится в негативном состоянии абсолютного приостановления прав и остается в этом случае до тех пор, пока некоторые из них не будут возвращены Римом с гарантией их неизменности. Таким образом, *deditio* - это временный *статус*, хотя иногда он может быть продлен в качестве меры наказания, как это было в случае с восставшими Бруттиями после Ганнибаловой войны.[1435] В Италии, как правило, условия, которые диктовал Рим, были условиями военного союза, условиями членства в котором были, во-первых, внешний суверенитет (*libertas*), обусловленный условиями и целями лиги;[1436] во-вторых, внутренняя независимость - условие, которое греческие города называли *αὐτονομία* и которое в латинской хартии провинциального города представлено в форме *permit suis legibus uti*;^[1437] в-третьих, основа для этих прав, а также для обязательств, которые эти государства должны были выполнять перед Римом. В отношениях с внеиталийским миром таким основанием была либо хартия (*lex data*), данная римским народом и подлежащая его отмене, либо договор (*foedus*), в равной степени санкционированный народом, но безотзывный, поскольку в нем клялись обе договаривающиеся стороны; его отмена могла быть следствием только подлинного *casus belli*. В первом случае государство является *libera civitas*, во втором - *libera et foederata civitas*,^[1438] или, в более общем и кратком обозначении, *foederata*

civitas.^[1439] В Италии позитивные свидетельства предоставляют нам только *foederatae*, но существование *liberae civitates* должно быть предположено, поскольку сразу после начала провинциальной организации в Сицилии принимается этот *статус*.

В Италии также, несомненно, существовало различие между высшим и низшим типом *foedus* - *foedus aequum* и *foedus iniquum*. Во всех договорах, заключенных между Римом и городами в его симмахии, признавалась частичная зависимость последних; но некоторые из этих договоров содержали пункт о "сюзеренитете", согласно которому данное государство должно было "в дружеском духе уважать величие римского народа". Эта оговорка не уменьшала *libertas* принявшего ее государства, а лишь укрепляла позиции Рима.^[1440] Она была характерна для *iniquum foedus*^[1441].

Обязанности городов-федератов, выраженные в их названии (*socii*, σύμμαχοι), заключались прежде всего в предоставлении реквизиций, будь то людьми или кораблями. Последние требовались от греческих городов побережья, но Италия в целом обеспечивала вспомогательные сухопутные армии Рима, *могаты*, подлежащие обложению налогом.^[1442] Каждое государство должно было вести реестр своих эффективных сил в соответствии с принципом оценки (*формулой*).^[1443] Общие требования Рима были указаны в договорах; специальные сборы, требуемые в каждый конкретный момент, диктовались сенатом и консулами.^[1444]

Военные реквизиции неизбежно влекут за собой денежные тяготы. Но все они были косвенными. Каждый город полностью контролировал свои финансы; Рим не взимал никакой дани, и антитезой *socius* был *stipendiarius*.^[1445] Этот иммунитет первоначально основывался на теории договорных отношений; позднее, когда сформировалось мнение, что дань, выплачиваемая государствами-стипендиатами, была результатом их неустойчивого владения как *possessores*, италийки стали считаться собственниками своих земель. *Итальянское право (jus Italicum)* княжества наделяло любое государство, которому оно было предоставлено, квинтским правом собственности и, следовательно, иммунитетом от налогов на землю.

Собственные законы и контроль над собственными судами были другими символами автономии союзников. Рим не мог издавать законы для италийских *социев*, и они находились вне судебной власти римского магистрата в Италии.

Но необходимость социального и торгового общения привела к тому, что италийские союзники, особенно латины, должны были вступить в тесные правовые отношения с Римом, и принятие последним бесчисленных гражданских законов центрального государства засвидетельствовано Цицероном.^[1446] Известно, что италийки были связаны *плебисцитом* о займах^[1447], который, однако, делал недействительными только договоры определенного рода между ними и римлянами и, возможно, не требовал их согласия; но их формальное согласие должно было потребоваться для дидийского закона, который распространял на всех *италиков* предписания *lex Fannia* о роскоши.^[1448] "Свободный", равно как и "федеративный" город имел право принять или отклонить законодательное предложение, выдвинутое римским правительством.^[1449]

Ближе всех к Риму находились латины. Как члены городов-федератов они входили в число *socii*,^[1450] и только как класс с особыми привилегиями отличались от последних.^[1451]

Latinitas благодаря усилиям колонизаторов давно утратила свое географическое и этническое значение. Так назывался *статус*, который часто принимали римские граждане и который сочетал в себе аномалии суверенитета и частичного римского гражданства. Суверенные права принадлежат *socii*, гражданские привилегии первоначально принадлежали *municipia*; но возможно, что после основания Ариминума и последних двенадцати латинских колоний[1452] только *commercium* был предоставлен, *conubium* отказался.[1453] Наиболее характерной привилегией латинов была уступка возможностей для приобретения римских политических прав. Латинянин, переселившийся из своего города и ставший домицилированным иммигрантом (*incola*) Рима, сохранял свои гражданские права в рамках частного права и получал ограниченное избирательное право.[1454] Он мог даже путем полной экспатриации (*exilium*) отказаться от своего *civitas* и получить полное римское гражданство. Но условия, наложенные впоследствии на это право[1455], уклонялись, иммиграция продолжалась бесконтрольно, и возникла опасность обезлюдения районов, из которых прибывали изгнанники. Это зло подсказало более поздний метод, который давал латинянам допуск в *civitas*. Владелец магистратуры в родном городе по факту своего положения становился полноправным гражданином Рима. Маловероятно, что это право заменило право изгнания, которым обладали уже существующие латинские города, и дата его возникновения неизвестна; но, возможно, оно сопровождало перестройку латинских прав в 268 году до н. э. и отныне является типичной привилегией латинской колонии.[1456] Другой способ, с помощью которого отдельный латин мог получить римский *civitas*, заключался в успешном судебном преследовании по аквилонским и сервилианским законам о вымогательстве.[1457]

Свобода городов, будь то латинских или италийских, похоже, снискала жесткое уважение со стороны Рима и его магистратов. Бремя военной службы, действительно, неравномерно распределялось между центральным городом и союзниками,[1458] а военные трофеи доставались в основном римлянам. Но когда в 173 г. до н. э. консул лично потребовал от федеративного города Праенесте, это стало шоком и неожиданностью. 1459 г. Урок был усвоен, и незаконные требования римских чиновников сопровождались актами капризного насилия. 1460 г. Но бремя службы и злоупотребление властью были не единственными мотивами, побуждавшими союзников искать римское *гражданство*; это не было просто сентиментальное желание носить римское имя. Гражданство имело положительное значение и как защита, и как источник выгоды. Защита от капитальных и телесных наказаний, молчаливо предоставляемая римлянам провинциальными губернаторами, не могла быть востребована союзниками, и, хотя нет никаких доказательств того, что Рим в своей окончательной организации Италийской конфедерации продолжал свою раннюю политику, препятствующую *торговле* между городами, гражданство все же имело коммерческую ценность. Владение землей в провинциях защищалось претором и проконсулом, но только в том случае, если она принадлежала римлянину. Для римлянина торговля с варварами была безопасной, для италийца - ненадежной; и везде ему приходилось сталкиваться с конкуренцией торговых компаний римских рыцарей. Интересы совпали с чувствами, и возникло требование, которое прогрессивная партия среди римлян попыталась удовлетворить. Первая попытка была предпринята законом консула Флакка в 125 году до н. э.[1461], вторая - законом К. Гракха в 121 году; последний закон, вероятно, предлагал права гражданина латинам и права латина другим союзникам.[1462] Последнее предложение Ливия Друза в 91 году, вероятно, представляло собой неизменное расширение *civitas*,[1463] и именно провал этой меры привел к восстанию в Италии. Новое предложение по решению проблемы отношений Рима с Италией возникло в результате организации враждебных государств. Была создана федеральная столица Корфиний, ныне Италика, и образована временная федерация из восьми государств, которая в конечном итоге должна

была охватить всю Италию. В новой конституции был использован римский или, скорее, италийский образец; в ней было два консула, двенадцать преторов и сенат из пятисот человек;^[1464] но и магистратура, и сенат были федерального типа. Вопрос войны заключался в том, должен ли Рим остаться ведущим государством или стать простым членом италийской конфедерации, хотя маловероятность того, что гигантский город смиритсся с таким положением, возможно, привлекала некоторых федеральных лидеров.^[1465] Если бы не перераспределение территории и населения, Рим стал бы Фивами лиги, и судьба империи оказалась бы в подвешенном состоянии, поскольку способность федерального правительства к императорскому правлению еще не была проверена. Своевременными уступками Рим сохранил свое положение главы конфедерации. В соответствии с *lex Julia* (90 г. до н. э.) всем италийским государствам, которые не восстали, была предложена *civitas*,^[1466] а за ней последовал *lex Plautia Papiria* (89 г. до н. э.), который предложил *civitas socii* и *incolae* восставших союзных городов. Эти меры привели к значительному расширению гражданства, но для постепенной инкорпорации общин, многие из которых еще долгое время оставались в состоянии восстания против Рима, должны были использоваться другие средства, о которых мы не знаем^[1468].

В процессе инкорпорации сразу же возникли две проблемы. Первая - это вопрос об избирательных правах новых граждан. Поначалу эти права предоставлялись неохотно, чтобы новые граждане не подавляли старых. Новые граждане были зачислены только в восемь из существующих триб.^[1469] Но этот компромисс не мог продолжаться долго; перераспределение стало партийным кличем, и даже консерваторы почувствовали ущерб, нанесенный их делу длительным противодействием голосованию италиков. Мера Сульпиция (88 г. до н. э.), распределявшая новых граждан по всем племенам, действительно была отменена вместе с другими его законами; но ее принцип, похоже, был принят в декрете сената 84 г. до н. э.^[1470], и равенство голосов римлян и италиков отныне никогда не подвергалось сомнению. Само голосование не имело того значения, которое ожидалось. Прежде всего, оно оказалось неэффективным из-за отсутствия системы представительства. Даже если бы такая система, запланированная в небольшом масштабе Августом,^[1471] была реализована, сомнительно, что она смогла бы спасти Республику. Империя должна была быть гарнизонирована профессиональными армиями, а таковых в Италии не нашлось. Военная и гражданская власть в любом случае оказались бы в противостоянии, и конфликт должен был закончиться победой первой. Но если расширение *civitas* повлияло на будущую политику, то лишь для того, чтобы создать дуализм между римским пролетариатом и итальянскими сельскими избирателями. У них были разные идеалы и разные лидеры. Но первые были на месте, готовые к любой законодательной работе, и в беспокойной политике, которая привела к монархии, именно они поддерживали тех поборников свободы, которые заменили сенаторское правление военным деспотизмом. Идеалом итальянца было спокойствие; разрозненные избиратели, не имеющие корпоративной организации, были более склонны обращать внимание на личности, чем на причины; иногда возникала волна муниципального энтузиазма, но многие италийские поселения не признавали никакого лидера, кроме своего римского покровителя, и видели в его успехе на выборах высшее применение, к которому они могли применить свое избирательное право.

Вторая большая проблема заключалась в будущих административных отношениях Рима с этими объединенными поселениями. Рост муниципальной идеи не был чем-то новым. Уже в начале II века до н. э. была продемонстрирована возможность сочетания активной внутренней независимости с обладанием полноценным римским гражданством. Арпинум

получил полное гражданство в 188 году до нашей эры, и его граждане отныне голосуют в племени корнелиев;^[1472] но его внутренняя автономия не была уничтожена, поскольку в 115 г. до н. э. город все еще принимал законы самостоятельно.^[1473] Между тем есть признаки того, что римские колонии получают более высокий тип организации; по крайней мере дуовиры, которые могут быть *duoviri juri dicundo*, найдены в ПUTEОЛАХ в 105 г. до н. э.^[1474] Эта идея о некоторой политической и судебной независимости волостей, ставших частью Рима, получила широкое развитие после социальной войны; но последовавшие за ней беспокойные времена не способствовали принятию всеобъемлющего муниципального законодательства, и вряд ли до эпохи Августа была разработана определенная система, уравнивающая местную и центральную власть. Однако кое-что было сделано во времена Цицерона. То тут, то там мы находим переделанные местные конституции,^[1475] и есть свидетельства того, что уже существовало некоторое разделение компетенции между местным магистратом и *городским претором* в гражданской юрисдикции - в некоторых случаях ответчик был вынужден давать залог (*vadimonium*), чтобы доставить свое дело в Рим.^[1476] Этот принцип ограничения власти местных судов получает полное развитие в *lex Rubria*, посвященном организации Цизальпинской Галлии. Этот округ занимал аномальное положение со времен социальной войны. Хотя она все еще оставалась провинцией, ее города получили латинские права в 89 г. до н. э.^[1477] Это было истолковано демократической партией как прогноз гражданства, поскольку Gallia Cisalpina, несомненно, была зачислена в Рим революционным правительством Цинны или его преемников.^[1478] Однако это пожалование не было утверждено при Сулланской реставрации, и его действительность оспаривалась до тех пор, пока Цезарь не возобновил дарение в 49 или 48 году до н. э.^[1479] Двумя или тремя годами ранее он занялся созданием италийской организации в галльских городах;^[1480] но даже после предоставления гражданства включение округа в состав Италии не было осуществлено сразу. Формально она оставалась провинцией до 42 г. до н. э., когда Октавиан добился согласия сената на ее "автономию"^[1481], то есть на признание ее как группы италийских городов. Сомнительно, относится ли *lex Rubria* к эпохе юлианской или августовской организации;^[1482] но практически несомненно, что он распространяет уже существующую итальянскую систему на новый округ. Главной особенностью этой системы является разделение власти между претором в Риме и магистратом в муниципальном городе. В том фрагменте закона, которым мы располагаем, это разделение проявляется в двух аспектах. Право объявлять банкротство (*missio in possessionem*) принадлежит претору, хотя временный арест должника (*duci jubere*) может быть назначен местным магистратом. Опять же, в исках о взыскании займа и в, вытекающих из других обязательств, все дела на сумму свыше 15 000 сестерций должны передаваться в Рим, причем местный магистрат имеет право требовать от сторон залога (*vadimonium*) за их явку туда.^[1483] Эти фрагментарные заметки являются указателем на принцип, который, несомненно, был полностью разработан в законодательстве Августа.

Допустимая степень единообразия была обеспечена и в политической структуре городов Италии. Это было лишь развитием типичной италийской конституции магистратов (*magistratus potestatesve*),^[1484] сената (*senatus, curia*, состоящего из *декурионов conscriptive*) и народного собрания (*comitia conciliumve*, состоящего из *муниципалов* и иногда из *инколов*); а *lex Julia municipalis* Цезаря (45 г. до н. э.) устанавливает единую квалификацию для местных магистратов и сенатов и предписывает, что местная перепись должна проводиться совместно с римской. Но, хотя общие черты организации были одинаковыми, это единообразие было в основном результатом роста, а не создания. Не было предпринято никаких усилий, чтобы обеспечить общую номенклатуру ни для государств, ни для их должностных лиц. В муниципальном праве Цезаря *муниципалитеты, колонии и префектуры* существуют бок о бок,^[1485] а надписи показывают титулы должностных лиц,

такие как диктатор или претор, которые могут быть такими же древними, как и титулы римских магистратов[1486].

ГЛАВА VIII

ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ ПРОВИНЦИЯМИ

Когда Рим утвердил свое господство над большей частью Сицилии в конце первой Пунической войны, перед ним встала новая организационная проблема. Она считала, возможно, справедливо, что эти новые зависимые территории с их переходным положением, переменчивой политикой и в некоторых случаях карфагенскими симпатиями не могут быть безопасно включены в военную симмахию Италии; поэтому она заменила дань военной службой, передала командование городами обширного района под руководство личного *imperium* и создала первый постоянный внешний департамент управления (*provincia*). Управление, принятое для эллинских городов, было еще более необходимым для варваров Испании, страны, которую Рим не искал, но которую только военные соображения предупреждали ее не покидать. Признание империи на Западе было быстрым и легким, ведь эффективное управление Италией, казалось, подразумевало контроль над Тирренским морем. Сенат проявил большую нерешительность в принятии аналогичной адриатической политики и отказался признать, что Рим имеет постоянные интересы даже в восточной Европе такого масштаба, который должен привести к империи. Война следовала за войной, Греция один раз и Македония дважды оказывались у ее ног, но каждый раз она отказывалась от аннексии. Только после того, как опыт доказал дороговизну и опасность протектората, в 146 году до н. э. Македония была признана провинцией с присоединенной к ней Ахайей. Непростые отношения с Карфагеном тем временем закончились войной и аннексией, и то, что до сих пор было довольно отдаленной проблемой - отношения Рима с азиатскими правителями - стало, по мере того как шли годы и римская торговля пускала все более глубокие корни на Востоке, одной из первостепенных проблем. История восточной Европы повторилась в Азии, и хотя Рим уже закрепился в Анатолии, приняв Пергамское царство, смертельный удар по системе протектората в этих регионах впервые нанесла организация Помпеем Востока в конце Митридатских войн (65-63). Дальнейшие расширения на западе и севере, приведшие к завоеванию дальней Испании и Галлии, были обусловлены предприимчивостью отдельных полководцев или поиском границы, которая должна была стать постоянной защитой от вторжения варваров; к концу Республики список римских провинций увеличился до пятнадцати.[1487]

Идея провинции заключалась в совокупности государств (*civitates*); там, куда проникала греческая или финикийская цивилизация, эти государства были городами, но иногда, как в Галлии и Испании, это были кантоны или племена. В качестве единицы управления обычно выбирались естественные политические объединения, хотя грозные комбинации распадались, а численное регулирование центров управления в провинции было неотъемлемой частью ее организации. Так, в Сицилии насчитывалось 68 общинных союзов,[1488] в Азии - 44,[1489] а в Трансальпийской Галлии - 64.[1490] К таким объединениям, вероятно, относятся свободные и федеративные государства, которые, хотя географически, юридически вообще не входили в состав провинции. Города, которые были *liberae*, и города, которые были *liberae et foederatae*, различались, иногда, возможно, по степени, но всегда по основанию их прав. Последние получали свои права, закрепленные клятвенным договором (*foedus*), который в ранней Республике был продуктом сената и

народа, а в поздней - любой из этих властей[1491], - гарантией, которая должна была быть вечной, и нарушение которой было либо актом войны, либо ее результатом. С другой стороны, хартия (*lex data*)[1492], которая делала город только "свободным", могла быть отменена в любой момент. Права, общие для обеих групп государств, практически аналогичны правам итальянских коммун[1493] - контроль над собственными финансами, свободное владение землей, освобождавшее от уплаты дани, и, прежде всего, использование и применение собственного законодательства[1494] - и обе эти группы согласны с тем, что находятся полностью вне сферы юрисдикции правителя. [Хотя для удобства большие центральные города, которые были свободными, такие как Антиохия в Сирии и Фессалоника в Македонии, были, в силу их положения как естественных столиц, выбраны в качестве резиденции правителя, он просто осуществлял юрисдикцию в этих городах, а не над их гражданами. Еще более отдаленными от провинциального правления были союзные цари (*reges socii*) на границах. Их независимость была менее обусловлена, чем независимость свободных и союзных городов, поскольку они были обязаны оказывать менее определенную помощь Риму в случае необходимости, и их внешняя деятельность не была полностью уничтожена. Но главная причина, по которой в списке друзей Рима они фигурируют в отдельной категории[1496], заключается в том, что договор с царем, как и с республикой, не считался вечным. Это было личное обязательство, и его вечная сила зависела от возобновления при каждом последующем занятии трона.

Государства, не принадлежавшие ни к одной из этих категорий, были подданными или, как говорили, данниками (*stipendiariae*), причем критерием подданства была обычная для древнего мира уплата налога вышестоящему лицу. Однако и у них были свои права и своя хартия. Гарантии, однако, были уже не индивидуальными, а коллективными и содержались в законе провинции (*lex provinciae*). Этот закон обычно был делом рук самого полководца-завоевателя, которому помогали десять сенаторских комиссаров (*decem legati*), назначенных сенатом, и он продолжал носить имя своего главного создателя, как мы видим на примере *lex Rupilia* в Сицилии, *lex Aemilia* в Македонии,[1498] и *lex Pompeia* в Вифинии.[1499] Хотя он восстанавливал государства завоеванной области, он также давал им определенные окончательные права. В нем определялось бремя дани, указывались конкретные окружные суды, которые должны были посещать граждане различных городов, и устанавливались правила, которые должен был соблюдать правитель, относительно национальной и международной юрисдикции. Но эти правила, незначительные и общие, не являются достаточным критерием для определения степени автономии в управлении и юрисдикции, которой фактически пользовались подвластные города. Большая часть их независимости была попустительской и зависела от воли правителя. Но правитель, честный или нечестный, был практически обязан предоставить ее, поскольку римское правительство не предоставило ему никакого персонала, который мог бы взять на себя мелкие административные обязанности; если он был просвещенным человеком, он лелеял фикцию, что штаты свободны;[1500] если непросвещенным, он, по крайней мере, знал, что, разрешая самоуправление, он избавляет себя от проблем. В случае с восточными городами пренебрежение губернатора было почти таким же большим злом, как и его поборы[1501].

Теория римского налогообложения изначально заключалась в том, что это была военная компенсация. Это объясняет тот факт, что на ранних этапах отношений Рима с завоеванными народами налог мог взиматься даже с тех народов, которые были объявлены свободными,[1502] а также название *stipendium* ("плата за армию"), которое носили прямые налоги, взимаемые римскими комиссарами с провинциалов.[1503] Эта справедливая теория, согласно которой собираемые налоги должны лишь покрывать расходы на военную оккупацию и управление провинцией, кажется, была реализована на практике там, где

римское правительство брало на себя труд организовать собственную систему. Македонцев заставили выплачивать лишь половину того, что они платили своим царям,[1504] испанские провинции, должно быть, стоили больше, чем приносили, а во времена Цицерона только азиатские провинции, где налоги взимались по совершенно иной системе, давали излишек.[1505] Именно эта система, которую римляне обнаружили в Сицилии, Сардинии и Азии и со свойственной им небрежностью решили сохранить, изменила всю теорию римского налогообложения. Принцип заключался в том, что земледelec (*arator*) платил десятину (*decuma*) с урожая своей земли. Римский юрист неизбежно должен был связать этот налог с *вектигалом*, выплачиваемым жильцами *ager publicus*, и вывести из этого сравнения странную теорию, согласно которой земля в провинциях не принадлежит, а просто "находится во владении" ее держателей.[1506] Главными практическими последствиями десятинной системы были излишки в казне и поборы с посредников (*publicani*) через косвенную систему сбора, которую она предусматривала.

Прямой налог (*stipendium*) взимался в виде дани, начисляемой либо на землю (*tributum soli*), либо на личное имущество отдельных лиц (*tributum capitis*).[1507] Римляне Республики, кажется, никогда не пытались составить точную оценку ресурсов, обеспечиваемых землей и личным богатством провинции; несомненно, в эллинизированных районах они использовали существующие системы, такие как таблицы, которые составляли основу *εἰσφοράι*: в Испании среди других грубых методов они, кажется, приняли оценочный налог на долю продукции земли;[1508] в то время как в других местах, как в Македонии,[1509] они устанавливали общую сумму на существующей основе сбора. Прямой налог обычно собирался самими общинниками и выплачивался квестору правителя.

Десятина (*decuma*) собиралась по контрактной системе, и разница в способе ее сбора в *vectigales provinciae* зависела от того, где проводились торги - в самой провинции, где местные компании или даже общины[1510] могли конкурировать за ее сбор, или же десятина всей провинции должна была выставляться на торги в Риме, и в этом случае провинция могла стать добычей одной римской компании. В Сицилии первая система была принята в соответствии с принципами, изложенными Иеро, последним великим царем (*lex Hieronica*);[1511] вторая система была разработана К. Гракхом для Азии и, несомненно, была распространена на восточные провинции, впоследствии организованные, такие как Киликия.[Предлогом для изменений, несомненно, послужила неспособность азиатских городов самостоятельно собирать подати,[1513] а также слабость государств, которым нравилось иметь рядом с собой римских капиталистов, у которых они могли брать в долг в случае необходимости; но это создало пагубную связь между капитализмом и администрацией, которая сделала управление азиатскими зависимыми территориями самой мрачной сценой римского правления. Десятинная система в Азии и, возможно, в других провинциях, где она преобладала, была отменена Цезарем в 48 г. до н. э.[1514] Портовые и пограничные сборы (*portoria*), источник дохода, следующий по ценности после прямой дани или десятины, собирались частными компаниями (*portitores*), возможно, по всему имперскому миру, как это было с древнейших времен в Италии.[1515] Другие сборы, требуемые от провинции, оплачивало римское правительство. Таковыми были кукуруза, поставляемая для претора и его свиты (*frumentum in cellam* или *frumentum aestimatum*),[1516] и вторая *декума*, иногда требуемая государством (*frumentum emptum*) и собираемая по приказу сената и народа.[1517] В обоих этих случаях римское правительство устанавливало разумную цену.

Теперь мы переходим к наместнику и его сотрудникам. Ранний институт преторов и более позднее использование промагистратуры для управления провинциями уже были

описаны.[1518] Но мы видели, что даже Сулла формально не отделил консульство и преторство от управления провинциями.[1519] Последствия этой продолжающейся связи были любопытны. По закону К. Гракха, направленному на уничтожение одного из самых ценных видов патронажа, которым располагал сенат, консульские провинции должны быть назначены до избрания их обладателей[1520]. Они являются строго консульскими, и технически их обладатели вступают в должность 1 марта года своего правления, хотя нет необходимости приходить к определенному соглашению об их разделе до декабря следующего года[1521] - самого раннего срока, когда консулы поздней Республики могли оставить свои городские обязанности. 1 марта стало началом военного и провинциального года, как с 152 г. до н. э. 1 января стало началом года гражданской службы в Риме. Причина, по которой было выбрано 1 марта года вступления в должность в Риме, а не та же дата в следующем году, заключалась в том, что промагистратура еще не была признана в качестве отдельной должности и что, если бы было принято второе решение, промежуток между 29 декабря и 1 марта вызвал бы перерыв в *imperium*. [1522] В результате аномалии наместник провинции занимал свою должность только два месяца сам по себе и десять месяцев в ожидании своего преемника. На практике это было безобидно, поскольку закон Суллы предписывал наместнику сохранять *imperium* до возвращения в Рим и покидать свою провинцию только через тридцать дней после прибытия преемника,[1523] и лишь случайно привело к ссоре между Цезарем и сенатом, а затем и к падению Римской республики. Впервые промагистратура была выделена в отдельную должность благодаря помпеянскому закону 52 года до н. э., который предписывал губернаторам искать свои провинции через пять лет после занятия должности в Риме. Это был закон, который, уменьшая близость награды, должен был сделать консульство и преторство меньшим объектом незаконных амбиций в Риме. Таким образом, он мог принести небольшую косвенную выгоду провинциалам, но быстрый крах республиканского правительства не позволил проверить его адекватность. Номинально срок пребывания в должности наместника провинции был годовым, но даже после того, как Сулла увеличил число преторов до восьми, на пятнадцать провинций приходилось всего десять магистратов, и нам известны три пропретора - Веррес в Сицилии, К. Цицерон в Азии и Фонтей в Нарбонской Галлии, - которые по три года подряд занимали свои провинции.

Главными членами штаба наместника были один подчиненный магистрат, квестор, и несколько сенаторских комиссаров (*legati*), один из которых обычно назначался в преторианскую, а три - в консульскую провинцию. Магистерская должность квестора не давала ему права на самостоятельную сферу обязанностей. Правда, он был в основном финансовым чиновником, получал от сената деньги или кредит на покрытие расходов по управлению своей провинцией,[1524] получал доходы от *stipendium* и должен был в конце года отчитываться о доходах и расходах от своего имени и от имени своего начальника;[1525] но даже здесь реальную ответственность нес губернатор, чьи приказы были непреодолимы, а во всех остальных отношениях квестор - это самый скромный делегат, который осуществляет юрисдикцию или любую административную работу, повинаясь голосу, который должен был передавать отцовскую власть.[1526] Он даже мог, как и легаты, быть уволен за некомпетентность или недобросовестное управление до истечения срока полномочий. [1527] Изначально *легаты* были представителями правительства в Риме, но, чтобы избежать трений, возник обычай позволять губернаторам предлагать отдельных лиц на эту должность.[1528] Однако до конца Республики их имена представлялись в сенат, и они должны были быть подчиненными должностными лицами государства. Однако никаких специальных департаментов за ними не закреплялось; любые полномочия, которые они осуществляли, делегировались правителем, будь то командование легионом или председательство в суде. Еще более независимым был подбор неофициальных членов

штаба. Товарищами" (*comites*) правителя были молодые люди, которых он посвящал в тайны официальной и дипломатической жизни и услугами которых он пользовался для любых целей, в которых они казались ему компетентными.^[1529] Но сколько бы инструментов ни использовал правитель, существовало такое полное единство ответственности, что, когда речь идет об управлении провинцией, мы имеем дело с полномочиями одного человека.

Эти полномочия осуществлялись в основном в трех сферах - военной, административной и судебной. В провинции, где кипела война, летние месяцы проводились в лагере, а зимние - в более мирных делах; но в оседлом районе губернатор мог наметить свои маршруты по своему усмотрению и посвятить некоторое время неблагодарному занятию - инспектированию дел подвластных ему муниципалитетов. Если не считать необходимых дипломатических сношений с соседними правителями или вождями, находящимися под защитой, объем административной работы, которую брал на себя губернатор, был настолько большим или меньшим, насколько ему было угодно. Их количество зависело от его мнения о том, насколько самоуправление было симптомом здоровья или болезни. О том, что иногда оно имело последний характер, свидетельствует поразительное открытие, сделанное Цицероном, когда он предпринял неожиданное расследование финансовых дел подвластных ему государств. Он обнаружил, что местные греческие магистраты Киликии в течение последних десяти лет расхищали свои казны.^[1530] Но сама возможность такого открытия свидетельствует о лучшем аспекте провинциального правления в Республике - о благородной, но иногда ошибочной вере в способность людей управлять собой.

Однако была одна систематическая функция, на которую в мирное время была направлена большая часть усилий губернатора, - это юрисдикция, как гражданская, так и уголовная. Общие положения о юрисдикции содержались в уставах провинций, но они не могли быть одинаковыми для всех стран, поскольку судебный механизм некоторых групп государств был гораздо совершеннее, чем у других. Сицилия, единственная провинция, детали *лекса* которой известны, пользовалась особым благосклонностью, и ее привилегии можно рассматривать как лучший образец тех, что предлагал Рим. Было постановлено, что в случае иска между двумя гражданами одного государства суд должен проводиться в этом государстве и по его законам,^[1531] что, безусловно, гарантировало местный суд и местный кодекс, но, возможно, не препятствовало обращению к правителю и не отнимало у него право толковать закон. Далее хартия предусматривает случаи межполитической юрисдикции. Если сицилиец одного государства судится с сицилийцем другого, губернатор должен по жребию выбрать *судей*,^[1532] которые, возможно, в этом случае должны быть римскими гражданами.^[1533] Когда тяжба возникает между отдельным человеком и не принадлежащей ему общиной, судьей должен быть сенат какого-то третьего государства, если любой из тяжущихся сторон бросил вызов одному из трех предложенных сенаторских органов.^[1534] В исках между римскими гражданами и сицилийцами *судья* должен был быть по национальности ответчика. ^{1535]} Во всех остальных делах *судьи*, выбранные магистратом (*selecti*), должны были назначаться из римских граждан, проживающих в пределах *ассизы*.
^{1536]}

Очевидно, что на Сицилии *судьи-пeregрины* были постоянным институтом. В других местах, даже на эллинизированном Востоке, его существование в большей степени зависело от милости правителя. Цицерон, управляя Киликией, следуя примеру Муция Сцевола, идеального правителя Азии, предоставил наибольшую свободу местным законам, судам и судьям и отметил, что их использование вдохнуло новую жизнь в провинциалов. ^{1537]} Попытка заменить местный закон своим была отвратительна для политического чувства

Рима, и самые амбициозные его представители никогда не пытались превратить свои эдикты в кодексы. Важность эдикта ощущалась главным образом в вопросах международного частного права, административной юрисдикции и процедуры. В нем излагались принципы, которые должны регулировать отношения между членами различных государств или между провинциалами и римлянами, устанавливались правила урегулирования претензий *publicani*, и он дополнял закон провинции, устанавливая правила ведения частных исков. Эдикт каждой провинции был отдельной единицей и получал свое название от страны, к которой непосредственно относился,^[1538] и имел непрерывное существование, хотя единство и непрерывность его жизни слишком сильно зависели от усмотрения отдельного правителя.^[1539] Эдикт мог быть составлен в Риме,^[1540] и его автор мог копировать с нескольких оригиналов. Постановления его предшественника, несомненно, были хорошо известны; существовали эдикты других провинций, работы знаменитых администраторов прошлого;^[1541] и, как плодотворный источник общих правил процедуры, существовал *эдикт* столицы (*edictum perpetuum*). В собственном эдикте Цицерона, краткое описание которого он приводит, были четко и полно изложены принципы, регулирующие деловые и торговые отношения (особенно те, которые существовали между римскими компаниями и провинциалами). Столько же внимания было уделено общим правилам наследования и банкротства, разработанным римским *imperium*, которые, несомненно, должны были не отменять обычаи различных общин, а стать общим законом для всей провинции. Однако многое еще не было сформулировано. Провинция таила в себе безграничные сюрпризы, и Цицерон считал более мудрым оставить третью часть своего эдикта "ненаписанной". Принципы городского претора должны были использоваться по мере необходимости.^[1542] Цивильная юрисдикция наместника, основанная на эдикте, была либо личной, либо делегированной, и в обоих случаях требовала посещения округов (*conventus*, *διοικήσεις*),^[1543] на которые провинция была разделена при ее организации. Составлялась программа ассизы, точно определялось время пребывания в каждом округе,^[1544] и губернатор проводил суд (*forum egit*) в каждом из них по очереди^[1545].

Делегированная юрисдикция осуществлялась обычно квестором и легатами; в обоих случаях она была обусловлена мандатом губернатора,^[1546] который мог назначать им ликторов, если ему было угодно,^[1547] и всегда мог контролировать их приговоры^[1548].

Губернатор обладал неограниченной уголовной юрисдикцией над членами стипендиальных штатов, но нельзя полагать, что он часто пользовался ею. Он мог вызвать любое дело в свой суд, но обычные преступления он, несомненно, оставлял на усмотрение судебной машины самих штатов.^[1549] С другой стороны, считалось, что преступление может быть настолько важным, что выходит за рамки его компетенции; и хотя законных способов избежать его юрисдикции не существовало, считалось целесообразным, чтобы он отправлял дела серьезного политического характера - например, связанные с мятежом или народным восстанием - на суд в Рим.^[1550] Единственным сдерживающим влиянием на юрисдикцию губернатора была необходимость, налагаемая обычаям, советоваться с советом советников.^{1551]} Этот *консилиум*, однако, был чисто римским, состоящим из римских граждан, проживающих в *конвенте*, и членов свиты губернатора,^[1552] и хотя совета, состоящего полностью из последних, обычно избегали, не было никаких юридических препятствий для такого узкого выбора. ^{1553]}

Над римскими гражданами в провинциях наместник обладал такой же самодержавной властью; ведь его юрисдикция здесь находится на одном уровне с юрисдикцией лагеря, и он выносит приговор в сфере, на которую *provocatio* не распространяется.^[1554] Однако сильный обычный закон, которому редко кто не подчинялся, предписывал ему передавать в

Рим все дела, в которых римских граждан должны были судить по обвинению в смертной казни, и, если он сам выносит приговор, то не должен подвергать их унижительным наказаниям.[1555]

Почти каждый элемент провинциальной организации, которую мы описали, показывает, в чем заключалась ее внутренняя слабость. Она заключалась в бесконтрольной власти губернатора. Однако эта слабость была более очевидна на практике, чем в теории. Существовало множество контролирующих сил, которые, как надеялись организаторы и правительство, будут эффективными. Существовали уставы городов и провинций, а в провинции - постоянный, пусть и импровизированный, комитет сената, с которым губернатор должен был советоваться, прежде чем решиться на какой-либо важный шаг.[1556]

Существовало беспрецедентное количество законов, предназначенных для защиты провинциалов и выраженных в постановлениях, касающихся порядка в провинциях, прав магистратов и вымогательства (*de provinciis ordinandis, de jure magistratuum, repetundarum*); и, наконец, существовала уголовная ответственность, которую должны были обеспечивать суды, исполнявшие эти законы. Некоторые из этих сдержек - хартии привилегированных городов, сенаторская комиссия - были реальными, но не настолько масштабными, чтобы серьезно повлиять на форму провинциального правления. Некоторые из этих законов были практически недействительны, поскольку, хотя правительство, предложившее их, имело коллективную совесть, отдельные его члены, обязанные их выполнять, не имели ее, а суды, которые должны были обеспечивать соблюдение этих законов, стали добычей партийных распри и оружием партийных фанатиков. Но правительство, которое зависит от защитного законодательства и принуждения к уголовной ответственности, должно находиться в опасном состоянии. Дефект должен быть в принципе правления, а не только в его работе. И на самом деле республиканская теория провинциального правления представляет собой фундаментальную непоследовательность идеи. Эта теория направлена на невозможное сочетание военного положения с муниципальной независимостью. Если бы права всех штатов были обеспечены более надежными гарантиями, их самоуправление могло бы быть более реальным, а самодержавие губернатора - пропорционально ограничено. Но такое решение противоречило бы идее неограниченного *imperium*, цепкому суеверию, которое римляне унаследовали из истории своего государства и дней его завоеваний. Римская империя возникла из протектората; она до конца республиканского периода сохранила следы своего происхождения и, в силу отсутствия организации, производит впечатление лишь временного правительства. Достоинства такой системы, какая существовала, нельзя игнорировать. Неограниченный *imperium* был необходим во время войны и, при благосклонном деспоте, мог быть полезен даже в мирные дни, а само отсутствие организации выдавало благородную веру в то, что совокупность государств, составлявших провинцию, была скорее конфедеративным сюзеренитетом, чем составной частью империи. Но ее недостатки более очевидны и заключаются в отсутствии какой-либо центральной власти внутри страны, не заинтересованной в провинциальном произволе, которая могла бы заставить губернаторов нести ответственность; в существовании ежегодных команд и преувеличении рутины, что делало неизбежными чрезвычайные назначения, такие как у Помпея; и в отсутствии организованной гражданской службы, которая, с ее механической рутинной и самосоздающимися правилами, является, возможно, самым надежным из всех сдерживающих факторов для самодержавия.

ГЛАВА IX

РЕВОЛЮЦИЯ И ПЕРЕХОД К КНЯЖЕСТВУ

Партия реформ, которая в последнее столетие Республики дала новое развитие эластичной римской конституции, постепенно создав более сильный исполнительный орган, чем тот, который был известен со времен монархии, имела две отличительные черты. Одна из них заключалась в противостоянии, иногда рациональном, иногда слепом, сенаторскому правительству; другая - в изложении позитивной программы по исправлению бед, которые могли видеть все, кроме самых черствых и беспечных. Характер их нападок менялся в зависимости от того, что представлял собой объект нападения. Сначала она была направлена против предполагаемого безразличия Сената к внутренним реформам и его неспособности предложить поспешные средства для устранения экономических недовольств. В этом заключалась основная черта движения Гракхов; но, хотя его пример был опасен, непосредственные последствия этой первой революции были в высшей степени преходящими. Сенат вышел из-под удара пошатнувшимся, но победителем. Италия не имела большого значения, когда весь мир лежал у ног знатных семейств, составлявших великий государственный совет, и сенат можно было представить как единственно верное правительство для империи. К сожалению, эта теория была грубо поколеблена. Жалкая война в защищенном государстве, в которую правительство было втянуто крайне неохотно, была сочтена достаточной, чтобы показать, что достоинства сенатского управления империей были иллюзией. Эпоха Югуртинской войны стала поворотной точкой в истории этого периода. Партия реформаторов, проводящая имперскую политику, должна была объединиться с военной силой. Перемены произошли быстро. Трибуны, общины, собрания по-прежнему представляют номинальных государей, но их оружие - слишком мощное для пользователей - это *император*, армия и лагерь. Отныне мы видим вечную связь милитаризма с демократией, которая может иметь только один результат - монархию, опирающуюся на меч.

Но для реформаторов того времени окончательное решение конституционной проблемы было чем-то гораздо менее насущным, чем программа реформ, которая передавалась от вождя к вождю, почти не меняясь с тех пор, как ее породил гений К. Гракха. Она содержала аграрные законы, меры по распределению кукурузы и созданию колоний за морем, средства для облегчения социальных бедствий и изобилия крупного капитала, а иногда допускала и самую насущную необходимость - предложения по исправлению незаконных отношений, которые закон допускал между должниками и кредиторами. Новое и неожиданное развитие получила деятельность партии, когда в ее программу были включены предложения о предоставлении итальянцам избирательных прав. Эта мера, как и многие другие в народных программах, была порождением демагога и вызвала глубокое отвращение у его приверженцев. Ее принятие либералами (*populares*) было чистой случайностью, вызванной желанием сломать грозное оружие оппозиции вигов, которые, подобно Сципиону Аэмилиану, проводили опасную политику противопоставления прав итальянцев правам городского пролетариата. Но, поскольку вера обычно следует за принятием, есть некоторые основания считать вопрос о франшизе, по крайней мере, окончательно, планом демократической программы. В многообразных усилиях недовольных мы также можем разглядеть спазматическую попытку создать компетентную центральную военную власть для Рима, как единственное средство обеспечения безопасности кукурузы, торговли и империи.

Это была отнюдь не однородная партия, разработавшая эту программу и попытавшаяся заменить правительство, которое они считали некомпетентным. Даже самые убежденные ее члены не могут быть названы одним именем. Среди *populares* было много либералов,

которым революция была ни к чему; но среди них также было много тех, кто был демократом по необходимости, а также по убеждению, революционный элемент, который часто был занозой в боку реформирующих конституционалистов, класс *improbi*, который пополнил так называемый "заговор" Катилины и превратил его в подлинное демократическое движение, и чьи стремления впоследствии были представлены Казелием Руфом и Долабеллой. Не следует также полагать, что между *населением* и сенаторами существовала четкая линия разграничения. Нигде сенат не подвергался более ожесточенным нападениям, чем внутри своего собственного тела. Лидеры крайних партий добились магистратур, дававших им право на место в курии, и выборы, если они не были получены благодаря семейному влиянию или подкупу, проходили по партийной линии. Даже среди конституционалистов не было недостатка в реформаторах более умеренного толка. Старший Катон и кружок Сципионов, стремясь сохранить сенаторское правление, осознавали некоторые его недостатки; и по мере того, как крик о необходимости нововведений набирал силу, образовалась партия, которая, заимствуя многое из радикальной программы, пыталась примирить привилегии своего ордена с уступками Италии, чистотой императорской администрации и заботой о бедняках Рима. Эта попытка была разбита судьбой младшего Друза, и отныне сенаторской партии реформ не существует. Даже Цицерон, с его широкими симпатиями и острым чувством зла того времени, может предложить лишь *concordia ordinum*, лишь средство подкрепить существующую конституцию союзом имущественных и, следовательно, "лояльных" классов (*boni*). Муниципальный государственный деятель действительно хотел видеть "итальянское", а не "римское" правительство, но у него не было схемы, с помощью которой Италия могла бы обеспечить себе представительство в Риме, и перед концом своей жизни он принял неизбежное решение - личное правление. Должен был *быть модератор публичных дел, гражданский принц*;[1557] но эта монархия не должна разрушать конституцию; его принц должен быть верным коадьютором сената, а не выразителем военной деспотии.

Вероятно, при таком равновесии партий, как *populares* и *optimates*, не было бы достигнуто никакого решающего результата, если бы в государстве не существовало совершенно однородного слоя людей с небольшими идеалами, но очень определенными желаниями. Это был верхний средний класс крупных и умеренных капиталистов, который по случайной номенклатурной ошибке стали называть *equites*. [1558] Это был класс, обладавший узкой честностью торговца и полным безразличием ко всей политике, не связанной с бизнесом. Как и все другие классы, они были готовы грабить провинции, пока государственные чиновники делали то же самое; но они желали сильного правительства больше, чем грабежа. Они жаждали такого управления, которое обеспечило бы им надлежащую защиту в завоеванном мире, по которому они распространяли сеть своей торговли, и которое также обеспечило бы свободу от революции внутри страны. Отсюда их колеблющаяся, но всегда решительная позиция. Для достижения первой цели они присоединяются к атакующей партии, для достижения второй - примыкают к правительству, и их приверженность или недовольство всегда решают судьбу дня. Именно *эквиты* помогли демократам возвести к власти Мария, заставили свое собственное создание отказаться от своего революционного коллеги Сатурнина, разрушили планы младшего Друза и навели комита Вариана на след его приверженцев; именно их враждебность оказалась одинаково фатальной для планов Суллы и Катилина, их коммерческие инстинкты привели Помпея к власти и заставили их во время кризиса 60 года до н. э. отказаться от сената и оказать полную поддержку Цезарю. Есть что-то трагическое в безжалостной расправе *над эквитами*, которая положила начало монархии Августа; ведь ни один класс не сделал больше для ее существования и ни для кого она не стала большим благом.

Чтобы понять суть этой борьбы, в которую были вовлечены все партии, мы должны осознать ее двоякий аспект - как борьбу за социальное и политическое обновление, и рассмотреть отдельно судьбу детальной программы реформ и изменения конституции, к которым привели нападки на сенат. С первой точки зрения усилия демократической партии увенчались безусловным успехом; каждый пункт ее программы был осуществлен, с необходимыми изменениями, Цезарем и принципатом. Аграрный вопрос был настолько близок к разрешению, насколько могут быть разрешены такие вечные вопросы, особенно когда он влился в движение трансмаринной колонизации, которое применялось в принципате для более бедных граждан и для ветеранов. Расширение франшизы было завершено, насколько это касалось территории к югу от Альп, возобновлением Цезарем дара гражданства транспаданцам и включением Августом их территории в состав Италии, [1559] в то время как Принципат был либерален с предоставлением латинских прав провинциям, таким как Сицилия, Приморские Альпы и Испания, и полное гражданство постепенно завоевывало себе дорогу в провинциальном мире путем индивидуальных даров и набора в легионы. Законы о долгах были дополнены справедливыми законами о банкротстве Цезаря и Августа, и даже *leges frumentariae* потребовали лишь незначительных изменений, чтобы превратить их в настоящую схему помощи бедным. [1560] *Эквиты*, класс, которому К. Гракх дал официальное признание, стали еще более признанным орденом при принципате и самым полезным колесом в административном механизме.

Сложнее решить, можно ли считать радикальные изменения в правительстве, к которым привела агитация, подлинным триумфом реформаторов. Военная монархия может вызывать сожаление у тех, кто видит в ней признание неспособности сочетать императорское правительство с республиканскими институтами; но с точки зрения партии реформаторов, это было лишь разочарованием, если представить себе, что их лидеры думали, что правительство посредством *комиций* может заменить правление сената. Но от этой идеи не осталось и следа. На протяжении всего этого периода не было предпринято никаких усилий, чтобы сделать *комицию* работоспособным или действительно демократическим институтом; а личное правление, как единственное выражение демократии, заявило о себе в самом начале движения. Единственный открытый вопрос заключался в том, будет ли это периклийская *тирания* типа той, которой пользовался К. Гракх, или наполеоновское правление, как у Цезаря. В сущности, принципат извлек урок из обоих решений - гракханского и марианского - и утвердился на совместной основе *tribunicia potestas* и *proconsulare imperium*.

Если мы поищем другие возможные решения, то обнаружим два слабо предвещаемых, но оба обреченных на провал. Первое - это реформированный сенат, не просто искусственно усиленный существующий орган, как это сделал Сулла, а орган, действительно представляющий Италию благодаря свободному включению *в него новых людей*. Этой идеи придерживался Цицерон, но ни одна схема, которая могла бы воплотить ее в жизнь, никогда не рассматривалась. Для достижения этой цели выборы в те магистратуры, из которых набирался сенат, должны были перестать быть в руках римской *комиции*; но никто, за исключением императора Августа, насколько нам известно, не думал о возможности выборов муниципальных городов. [1561] Помощи можно было бы ожидать и от реформированного собрания, которое стало бы представителем всего италийского народа. Союзники почти выработали для себя это средство спасения, [1562] но величина Рима сама по себе была камнем преткновения на пути решения проблемы по федеральной линии. Мы вряд ли можем винить мыслителей того времени за то, что они не видели возможности создания представительного собрания национального типа; ведь итальянский, как и

греческий, ум, хотя и был достаточно знаком с идеей представительства городов, не дошел до концепции представительства отдельных лиц через избирательные округа.

Причина, по которой создание итальянского сената или итальянской ассамблеи могло бы отпугнуть монархию, заключается в том, что такой орган мог бы вызывать уважение даже у армии провинций. Правда, такое соответствие настроений могло потребовать, чтобы армия оставалась преимущественно итальянской; и попытка Августа придать Италии что-то вроде представительного характера могла быть оставлена из-за страха перед конфликтом между армией, которая становилась провинциальной по составу, и итальянским пролетариатом, когда нужно было решать вопрос о выборе принцепса. И все же, хотя обстоятельства были неблагоприятны для слияния Италии и провинций, и принципат не должен был быть итальянским, не стоит забывать, что он имел и народный характер. Римские граждане из легионов, составлявшие принцепс[1563], были лучшего типа, чем *городской плебс* Рима; поскольку не только был устранен элемент вольноотпущенников, но и дисциплина заменила деморализацию, их жизнь проходила под более здоровым влиянием, и, хотя их часто двигал к выбору простой *esprit de corps*, в целом им удалось посадить на трон очень способного человека.

Цезарь был первым единоличным правителем Рима; и мы могли бы склониться к мысли, что полномочия, которыми он пользовался, были приняты им сознательно, просто как полномочия временного правительства, если бы не признаки того, что к концу жизни он был удовлетворен принятым им решением. Ранние диктатуры 49 и 48 гг. до н. э., вторая и более продолжительная из которых длилась всего год,[1564] были лишь попытками преодолеть кризис; то же самое можно сказать и о более позднем сроке пребывания на этом посту, который был предоставлен ему на десять лет в 46 г. до н. э.[1565] Но в последний год своей жизни (44 г. до н. э.) он вступил в вечную диктатуру,[1566] возрождая римскую монархию как в действительности, так и по имени. Правда, титул *rex* не был принят из уважения к чувствам народных масс, которые видели в нем лишь синоним восточной деспотии; по той же причине была отклонена диадема.[1567] Но каждый образованный римлянин знал, что римская монархия была ничем иным, как неограниченным *imperium*, и многие, возможно, считали, что диктатор или "повелитель народа" был самым значительным из титулов царя. Таким образом, это был *regnum*, под которым жил Рим,[1568] и не было никакого сокрытия его военного характера, поскольку титул *imperator* теперь носил регент в стенах города. [1569] Это обозначение было просто символом военного командования и самой полной юрисдикции; оно не было описанием основы, действительной или будущей, на которой могла бы покоиться власть Цезаря, поскольку для римского ума не существовало неограниченного *imperium*, и, если он должен быть неограниченным, он должен быть либо королевским, либо диктаторским.

Что касается других полномочий, которые взял на себя Цезарь, то *praefectura morum*, данная на три года в 45 г. до н. э.,[1570] имеет вид специального пожалования для определенной цели; но *tribunicia potestas* была дарована в начале периода его правления (48 г. до н. э.) и давалась пожизненно; должно быть, даже сейчас она рассматривалась как идеальное дополнение к прочному *imperium*, ценное за неприкосновенность, которую оно давало, и за "гражданскую" и народную окраску, которую оно придавало своему обладателю. Чтобы понять природу власти Цезаря, нужно было поразмыслить над основами его могущества; но никто не хотел отмечать внешние символы царской власти - триумфальную мантию, портретную голову на монетах, статую, установленную среди статуй семи царей в Капитолии. Именно эти символы были приняты в качестве проверки того, какой должна быть будущая монархия, и привели в отчаяние не только жестких конституционалистов, но даже умеренных

и склонных к компромиссу людей. У Цезаря примирение не сопровождалось необходимым дополнением - компромиссом; он был нежен ко всему, кроме чувств, и не заботился о том, чтобы оценить силу того, что он, должно быть, считал простым предрассудком; но, несмотря на изменения, внесенные в его теорию правления Августом, именно он указал, что необходимой основой будущего принципата является трибунская власть в сочетании с неким подобием военного *imperium*.

Убийство Цезаря, по выражению того времени, упразднило *rex*, но не *regnum*,^[1571] и Триумvirат 43 года до н. э. был лишь приостановкой военных действий между соперничающими претендентами. По форме он был временным правительством, как и ранний Децемvirат, для реформы конституции и получил санкцию народа;^[1572] но настолько чисто он был соглашением между соперничающими личностями, что его возобновление было предпринято в 38 г. до н. э. без всякой ссылки на *comitia*. [В течение десяти лет (38-28 гг. до н. э.) положение Октавиана было гораздо более неупорядоченным, чем положение Цезаря, и даже после поражения и смерти Антония его единственным притязанием на власть был *imperium*, который никогда не был пожалован, а незаконно продолжался от узурпированного Триумvirата. Эти неопределенные полномочия, опирающиеся, по его собственному выражению, "на всеобщее согласие"^[1574], были необходимы для выполнения работы, которую нужно было проделать до восстановления форм конституции. Занимаемые им должности консулов не давали необходимого авторитета, а значение *tribunicia potestas*, которой он обладал с 36 года до н. э.^[1575], было скорее отрицательным, чем положительным. Во время своего шестого консульства (28 г. до н. э.) он счел, что настало время для окончательного урегулирования. Оно приняло форму капитуляции. Он издал торжественный декрет, в котором отменил незаконные постановления Триумvirата,^[1576] и назначил 1 января 27 года до н. э. датой, когда он откажется от своей чрезвычайной власти.^[1577] В этот день "он вернул государство на усмотрение сената и народа".^[1578] Возвращение ожидалось и, несомненно, было организовано, но подарок, сделанный благодарным сенатом, казался небольшим по сравнению с тем, что было сдано. Однако этого было достаточно, чтобы сделать отрекшегося монарха очень влиятельным главой исполнительной власти государства. Август, как его впервые обозначили,^[1579] получил *imperium* на десять лет с управлением определенными провинциями,^[1580] в то же время он стал пожизненным главнокомандующим всеми силами государства, с исключительным правом сбора налогов, ведения войны и объявления мира^[1581]. Ежегодные консулаты по-прежнему были главной основой его достоинства, если не власти, в столице, а трибунская власть сохранялась, но использовалась пока редко.

Таков был порядок, который официально и неофициально приветствовался как восстановление Республики,^[1582] но который более поздние авторы с равным основанием считали началом легитимной монархии.^[1583] Слабым местом в этом механизме была власть принца в столице. Консульство вызывало восхитительные республиканские ассоциации, но было ограничено неудобными рамками. Его юрисдикция почти исчезла, его инициатива была скована коллегиальностью, технически он не был высшей властью в государстве, а постоянная узурпация принцепсом одной из двух должностей высшего титулярного ранга была препятствием для законных амбиций честолюбивых дворян. Отсюда возникла необходимость в новом урегулировании, которое было достигнуто в 23 году до н. э. Подробности изменений, которые придали принципату его окончательную форму, будут описаны в другом месте. Его существенными чертами были отказ от постоянной инвеституры консулов, перемещение *tribunicia potestas* с заднего плана, чтобы стать главным символом власти принцепса в Риме и Италии, и возобновление и, возможно, увеличение *imperium*,

который теперь должен быть описан как *proconsulare*.^[1584] Далее были сделаны отдельные гранты, чтобы заполнить пробелы в этом разнородном объединении полномочий и возвысить нового чрезвычайного магистрата Республики на необходимую высоту над обычными чиновниками государства.

ГЛАВА X ПРИНЦИПАТ

§ 1. Полномочия принцепса

Мы видели, что полномочиями, на которых Август основывал свое положение принцепса, были *proconsulare imperium* и *tribunicia potestas*. В теории конституции, которую он представил миру, первая из этих прерогатив должна была установить его власть за пределами Рима и Италии, а вторая, с ее чисто гражданскими традициями, стать основой его влияния внутри центрального государства. Возвышая трибунскую власть на первое место в Риме и его италийских зависимых территориях, теперь слившихся с городом, он стремился как можно тщательнее скрыть военную основу своего правления. Неограниченный *imperium* должен был ощущаться только его армией и его провинциальными подданными.

Не нужно было долго размышлять, чтобы понять, что этот принцип, хотя внешне и был самым важным из тех, что лежали в основе принципата, практически был неисполним. Правительство в Риме было немыслимо без *imperium*, а верховное правительство - без *imperium* столь неопределенного характера, что оно, казалось бы, должно было стоять в стороне от регулярной и ограниченной *imperia* консулов и преторов. Эта власть обеспечивалась простым юридическим приемом. По специальному исключению, имевшему свои прототипы в республиканской истории, императору разрешалось *сохранять* полную *imperium* в пределах стен;^[1585] и юристы были осторожны, чтобы не заявить прямо, что подразумевалось под этим сохранением. Это могло означать - как и во времена Республики, - что император не лишен права командовать за границей благодаря своему присутствию в Риме. Это могло означать, что ограничения, наложенные городскими стенами, теперь превращали проконсульство в квазиконсульское *imperium*, и, возможно, именно такая теория была господствующей. Но другая линия интерпретации позволила бы легко показать, что *imperium* здесь, как и в других местах, был неограниченным. Туманная атмосфера этой насмешки над магистратурой так же хорошо подходила деспоту, как и конституционному правителю. В фактическом положении принцепса в Риме мы находим следы всех этих теорий. Как провинциальный правитель он управляет из столицы; как главнокомандующий он держит свою преторианскую гвардию в Италии и свои флоты в Равенне и Мизенуме; а как носитель неопределенного, но гражданского *imperium* он вершит правосудие, как суд первой инстанции или апелляционный суд, и издает эдикты, дополняющие законы.

Но одного признания *imperium* внутри Рима было недостаточно. Даже когда к нему присоединялась трибунская власть, оставались большие пробелы в том положении, которое должен был занимать настоящий глава государства. Чтобы заполнить их и тем самым заложить прочный фундамент для самодержавия, требовалось новое наделение отдельными полномочиями; и эти наделения, хотя в теории они были эпизодическими, на практике вскоре стали постоянными. Император, как и трибун, не имел отличительной официальной одежды, пока проживал в Риме: поэтому необходимо было предоставить консульские *знаки*

отличия;[1586] он обладал в силу своей трибунской власти только правом вносить третье предложение в сенат: отсюда пожалование *jus primae relationis*. [1587 г. Подобные гранты допускали неопределенное расширение, и о том, какой стадии они достигли к моменту воцарения Веспасиана, нам частично известно из единственного официального документа, проливающего свет на полномочия раннего принципата. В существующем фрагменте этой хартии, который, по-видимому, является декретом сената, предназначенным для представления народу для формального утверждения, [1588] мы видим, что император наделен разнородными полномочиями заключать договоры, расширять *pomerium*, одобрять кандидатов в магистраты и издавать эдикты, истолковывающие человеческие и божественные законы. Кроме того, мера освобождает его от действия некоторых постановлений и дает ему определенные привилегии, которыми не обладали другие магистраты, в отношениях с сенатом. Эти полномочия не могут быть подведены под какое-либо одно юридическое обозначение; но, поскольку большинство из них более или менее непосредственно связано с каким-либо видом *imperium*, мнение, что они были присовокуплены к законопроекту о наделении трибунской властью, который получил формальную ратификацию плебса, неправдоподобно. С другой стороны, нельзя сказать, что они изначально принадлежали к закону о наделении *imperium*; ведь в императорских биографиях часто говорится о даровании *proconsulare imperium* (сенатом) и *tribunicia potestas* (сенатом и народом) без какого-либо намека на общий закон о наделении "imperium". [1589] Тем не менее, дарение *imperium* иногда упоминается, [1590] и если отрывки юристов II и III веков, в которых говорится о наделении *imperium* посредством *lex*, [1591] являются подлинными, мы должны заключить, что центр тяжести в полномочиях принцепса сместился с течением времени. Первоначально случайный набор полномочий, который фигурирует в законе, санкционирующем правление Веспасиана, должен был быть простым дополнением к двум главным прерогативам - проконсульской и трибунской. Но вполне возможно, что с течением времени обширное развитие и огромное значение этих дополнительных привилегий привело к тому, что содержащий их закон, известный сегодня как *lex de imperio*, затмил другие источники императорской власти.

Однако был один источник, наиболее ярко выражающий характер княжества, который не нашел своего выражения в законодательных актах. Военная присяга (*sacramentum*), которая в последние годы Республики стремилась стать узами личной верности между легионом и его начальником, в принципате, естественно, приносилась всей армией своему единственному командиру. [1592] Но при первой же передаче трона было сделано новое отступление. При вступлении Тиберия на престол клятва верности была добровольно принесена гражданскими орденами; [1593] ее исполняли наместники провинций и обновляли дважды в год - первого января и в годовщину восшествия императора на престол. [1594] Тот факт, что солдатская присяга связывала весь римский мир, как нельзя лучше выражал военный характер новой деспотии.

Детальная классификация полномочий императора с попыткой вывести каждую из них из прерогативы, дарованной ему при восшествии на престол, затрудняется тем, что ни один римский юрист не позаботился и не осмелился разработать полную теорию императорской конституции, и что здесь, как и во многих других областях римской истории, мы имеем дело с ведомством, которое по мере своего роста постепенно вбирало в себя новые сферы влияния. Принципат, по сути, окончательно поглотил государство, и единственная адекватная формула его власти, которую смогли найти поздние юристы, заключалась в том, что народ передал свою суверенную власть своему делегату. Однако при рассмотрении сфер деятельности императора становится ясно, что одни из них связаны с *imperium*, другие - с

трибунской властью, третьи - с пережитками республиканских должностей, занимаемых принцепсом, или вытекают из некоторых чрезвычайных прав, предоставленных ему статутом.

(i.) Первые права, связанные с *imperium*, которые привлекают наше внимание, это права, осуществляемые в военной сфере - права, которые в огромных масштабах отражают и расширяют полномочия, которыми обладал император Республики. Принцепс имеет право собирать сборы,[1595] назначать офицеров и присваивать военные отличия. При объявлении войны он заменил вековую *comitia*; а законодательное признание его права заключать договор[1596] разрешило спорный вопрос республиканской процедуры 1600 г.[1597] Это признание федеративной власти произошло не ранее правления первого Клавдия,[1598] но уже стало постоянным элементом императорской власти к воцарению Веспасиана. Право расширять *pomerium* города, которое также датируется правлением Клавдия, встречается среди списка императорских прерогатив в 69 году н. э.[1599].

Республиканский генерал часто сопровождал успешную кампанию выделением земель и посадкой колоний. Эти действия совершались по мандату народа; но новый главнокомандующий не нуждался в подобном разрешении. Принцепс делит территории, принадлежащие римскому народу, и основывает колониальные поселения по своему желанию. Дарование франшизы также иногда вверялось республиканскому полководцу,[1600] а теперь оно полностью перешло в руки императора. Он наделяет этими дарами как общины, так и отдельных людей. Он дает латинские права *peregrinae civitates*[1601] и гражданство латинским городам, а также может изменить номинальный статус общины, превратив *муниципалитет* в колонию или колонию в *муниципалитет*[1602]. Его право давать гражданство отдельным лицам было столь же неоспоримым,[1603] и он мог исправить дефект рождения, дав *ingenuitas* вольноотпущеннику[1604].

С *imperium* также, очевидно, связано управление теми провинциями, которые были специально вверены заботам принцепса. Управление этими провинциями, равно как и содержание армии, требовало финансового управления, отдельного от государственного и свойственного ему самому, и это сопровождалось правом чеканки монет. Его уголовная и гражданская юрисдикция над гражданами и солдатами также связана с некой неопределенной идеей *imperium*, а его полномочия по толкованию законов, хотя и специально наделены, не отличаются по сути от полномочий претора и прослеживаются из того же источника. Подробное рассмотрение этих полномочий следует отложить до того момента, когда мы рассмотрим то разделение власти между Цезарем и Сенатом, которое придало формальный характер принципату.

(ii.) *Потестарная трибуна*, которая была дарована Августу в 36 г., вновь передана в 30 г. и стала главной внешней опорой его власти в 23 г. до н. э.,[1605] продолжала служить императорам как мнимое средство, с помощью которого все другие магистратуры подчинялись их контролю,[1606] и приобрела искусственную известность благодаря использованию ее в качестве средства датировки лет их правления. В позитивном плане она давала *sacrosanctitas*, которой была наделена республиканская трибуна,[1607] право обращаться к собранию плебса, которое имело ценность до тех пор, пока императоры соглашались принимать законы по народным каналам, и, возможно, единственную строго конституционную власть, которой они обладали для ведения дел с сенатом. [1608] Но ее негативные стороны теперь, как и прежде, имели большую ценность, чем ее позитивные полномочия. *Intercessio* делало его обладателя модератором государства,[1609] и против каждого непокорного чиновника могли быть применены самые суровые средства трибунского принуждения; в то время как это вето, когда оно использовалось в сенате,

становилось либо средством приостановления юрисдикции этого органа, либо методом помилования преступника, которого он осудил.[Право помощи (*auxilium*)]^[1611], основанное на апелляции (*appellatio*), также становится, как мы увидим, одним из средств создания первой настоящей апелляционной юрисдикции, которую увидел римский мир.

(iii.) Что касается других республиканских должностей, в которых *Princeps* был непосредственно заинтересован, нам остается рассмотреть только консульство и цензуру, поскольку они были единственными двумя, чьи титулы или полномочия были достаточными, чтобы оправдать их принятие главой государства.

Консулат не был неотъемлемой частью императорской власти после того, как Август перестал использовать его таким образом;^[1612] но он часто принимался принцепсом в качестве эпизодической должности, которая занималась им на короткое время, обычно в начале его правления.

Цензура исчезла как республиканское ведомство, и можно было бы ожидать, что ее огромные полномочия в сочетании с республиканскими традициями сделают ее ценным дополнением к власти князя. Но были причины против ее принятия. В чистом виде это была эпизодическая должность, и ее постоянное пребывание в должности могло бы шокировать республиканские настроения; в то время как тот факт, что оценка римского народа для *комиции* и армии вскоре перестала быть необходимой, сделал ее отсутствие едва ли ощутимым. По аналогии с *tribunicia potestas*, полномочия должности без самой должности были в форме *cura legum et morum* предложены Августу, но он их отклонил.^[1613] Не было никаких конституционных трудностей в осуществлении некоторых функций цензуры через *imperium*, будь то консульский или квазиконсульский, и это было сделано Августом, когда он пересмотрел список сената в 29 и 18 гг. до н.э. Однако два последующих принципата, Клавдий и Веспасиан, сочли нужным принять должность в ее прежней временной форме, а Домициан осуществил замысел сделать ее неотъемлемой частью принципата, приняв должность пожизненного цензора (*ensor perpetuus*).^[1615] Его прецеденту не последовали, поскольку в этом не было необходимости. Пересмотр списка сената и *экви́тов* - единственное значение, которое теперь имела *cura morum*, - был установлен по согласию как признанное право принцепса,^[1616] и даже право создавать патрициев было признано как присущее его должности. Эта власть была предоставлена законом Цезарю 1600 и Августу; Клавдий и Веспасиан осуществляли ее в качестве цензоров;^[1617] но, очевидно, без дальнейшего принятия закона, эта власть облагораживания, исчезнувшая с начала Республики^[1618] и не входившая в республиканскую перепись, стала признанной императорской прерогативой. Только когда назначенный принцепс сам стал плебеем, эта честь, считавшаяся необходимым условием для занятия должности, была возложена на него сенатом^[1619].

(iv.) Главными из чрезвычайных прав, предоставленных принцепсу специальным указом, были те, которые касались сената, право рекомендации на должность (*commendatio*) и освобождение от действия некоторых законов.

Особые привилегии, которые отличали императора от других магистратов при ведении дел с сенатом, состояли из трех пунктов. Во-первых, он не только имеет право вносить предложение (*referre*), присутствуя в палате, но и может направить письменную рекомендацию (*relationem facere*), когда сенат собирается под председательством другого магистрата.^[1620] На таких заседаниях император, как правило, претендует на приоритет только по одному вопросу за одно заседание (*jus primae relationis*); поэтому мы иногда встречаем, как особую привилегию, право приоритета, предоставленное ему по трем,

четырем или пяти.[1621] Право, которым он обладает, разделять палату по его предложению без обсуждения (*senatus consultum per discessionem facere*), не является новым, но могло быть использовано консулом поздней Республики. Во-вторых, император имеет право отозвать свою собственную *реляцию*, которая уже находится на рассмотрении палаты (*relationem remittere*); и, в-третьих, привилегию приказывать сенату собираться под председательством другого магистрата.

Второе особое право относится к выборам магистратов и заставляет нас задуматься о том, насколько принцепс мог их контролировать. Наши власти приписывают ему две функции: выдвижение и похвалу; но последствия этих двух действий совершенно различны. *Номинация* - это просто отрицательная власть, которой обладает республиканский магистрат, принимающий имена и исключаящий из числа претендентов не прошедших отбор. В отношении большинства должностей - претуры, например, - она осуществлялась принцепсом совместно с консулами, и число кандидатов, которых он выдвигал, было ограничено, по крайней мере, в раннем Принципате.[1622] Практическое влияние выдвижения принцепса на выборы могло быть большим, но его юридическое влияние было *нулевым*. [1623] *Commendatio*, с другой стороны, привилегия, развившаяся из республиканской практики, когда кандидаты рекомендовались для избрания выдающимися людьми, является правом, предоставленным законом, и правом, которое абсолютно гарантирует выбор избирательным органом человека, которого так рекомендуют. 1624] Степень, в которой она могла быть использована, отличалась в различных магистратурах; так, в правление Тиберия из по крайней мере двенадцати кандидатов на преторство только четыре были рекомендованы императором.[1625] Магистраты, получившие свое положение благодаря этому акту императорской благосклонности, назывались *candidati Caesaris*. 1626] Высшая должность - консул - кажется, по крайней мере в раннем Принципате, никогда не присуждалась по формальной императорской рекомендации; описание метода, с помощью которого Тиберий замещал эту должность по своему желанию, показывает, что император добивался своего путем ловкого использования номинации.[1627] Возможно, это было ограничение практики, а не теории, поскольку слова закона в том виде, в котором он существует, не освобождают ни одну должность от императорского контроля, и несомненно, что со времен Веспасиана и далее консульский пост также подлежал *commendatio*. [1628]

Принцепс, согласно постановлению, наделяющему Веспасиана полномочиями, был освобожден от некоторых законов (*legibus solutus*). [1629] Здесь нет никакого намека на освобождение от действия обычного гражданского и уголовного права. Принцепс не стоит выше законов, равно как и суды общины не являются его судами; и если он был освобожден от судебного преследования в течение года пребывания в должности, это было обычной привилегией республиканского магистрата. Имеется в виду освобождение от некоторых принципов конституции или постановлений, которые принципат как магистратура неизбежно нарушал или которые считались неудобными для принцепса. Такими были *leges annales*, или правило, запрещавшее держать *imperium* в стенах. При выборе наследника император также освобождался от соблюдения точных формальностей адрогации; [1630] он мог манумитировать без *vindicta* [1631] и не был подвержен ограничениям юлианского и папистского права [1632].

(v.) Отделение религиозных обязанностей от политических, которое было характерно для Республики, теоретически сохранялось и при Принципате. Император ни в коем случае не был первосвященником, и ритуал по-прежнему оставался функцией священнических коллегий. Но он был членом великих религиозных гильдий, занимавшихся авгурами и *jus*

divinum, [1633] и закон давал ему право исполнять распоряжения таких обществ, если он считал, что это отвечает интересам государства. [1634] Однако мы имеем не просто явление гражданской помощи религиозной ветви, поскольку принц, как *pontifex maximus*, представляет обе в своем собственном лице. Главный понтификат был специально передан ему вместе с другими императорскими полномочиями; возможно, первоначально он, как и понтифик Республики, был инвестирован собранием семнадцати племен, [1635] но позднее его создание, похоже, было полностью делом сената, хотя формальное объявление результата (*renuntiatio*) все же было сделано перед собранием. [Когда Принципат признал принцип коллегиальности, только один из Августов стал главным понтификом, [1637] и объединение высшей религиозной и гражданской власти продолжалось до тех пор, пока благочестие Грациана не отвергло эту кражу [1638].

Очевидно, что попытка разделить роли понтифика и принцепса, даже если бы она была предпринята, никогда не увенчалась бы успехом. Там, где преступление было грехом, понтифик мог теперь изрекать авторитетные законы и применять принуждение; мирской и религиозный характер странным образом смешивался в методах, принятых Домицианом для наказания за кровосмешение, [1639] а когда *jussio principis* высказывался по вопросу погребального права, [1640] должно было быть трудно определить, кто выносит свое решение - князь или понтифик.

Помимо влияния на право, главный понтификат был ценен своими полномочиями покровительства. Мало кто из молодых дворян так усердно стремился к отличию, как поступление в религиозные колледжи, и путь к ним лежал в основном через принцепса. Его влияние могло осуществляться благодаря праву выдвижения или похвале избирательного органа [1641].

§ 2. Титулы, знаки отличия и почести принцепса

Говоря о титулах принцепса, следует начать с тех, которые не вошли в список официальных титулов, поскольку, будучи наложенными на правителя в соответствии с существующей практикой, они часто были наиболее значимыми. Слово *Princeps*, хотя оно не описывало никакой должности или особых полномочий, все же было полуофициальным обозначением; даже в том виде, в каком оно использовалось в поздней Республике, оно означало политическое превосходство над другими гражданами, [1642] а теперь оно обозначало не столько "главного гражданина", сколько "главу" или "главного человека" в государстве, руководителя Республики, к которому все обращались за руководством, который отвечал за ее неудачи и ставил в заслугу ее успехи, даже если они были результатом действий других магистратов. [1643] Это был прежде всего титул, который подчеркивал непрерывность жизни республиканского правительства при новом режиме, и предполагал мысленный контраст, одновременно с положением императора как командующего своими легионами, выраженным в титуле *imperator*, и с тем абсолютным главенством, которое в семейной жизни Рима было известно как *dominium*. [1644] Имя *dominus* внушало такой ужас уму Августа, что он не хотел, чтобы этот способ обращения (привычный для членов семьи к ее главе) использовали даже его сыновья и внуки, [1645] а Тиберий настаивал, что он был *dominus* только для своих рабов. [1646] Но язык придворной жизни, возможно, в моменты настоящей привязанности, заставлял использовать этот титул, и младший Плиний постоянно использует его в своей переписке с Траяном. Однако только при Севере он появляется в публичных обращениях корпораций, а Аврелиан - первый император, который на своих монетах именуется *dominus*. [1647] Вероятно, эти тонкости западной номенклатуры всегда были утеряны для восточного ума. Для него принципат - это монархия, а цезарь, когда он не бог, - это либо αὐτοκράτωρ, либо βασιλεύς.

Если мы теперь обратимся к титулам принцепса, то обнаружим, что они состоят частично из должностных, частично из почетных титулов. Слово *imperator* занимает сомнительное место между и тем, и другим; поскольку, не обозначая никакой должности, оно означает обладание активной и неограниченной властью. В списке титулов оно занимает двоякое место. Август использовал его как *praenomen*, возможно, в соответствии с мнением, что он унаследовал титул от своего дяди, который носил его (очевидно, как *cognomen*[1648]) в последние годы своей жизни, и как *praenomen* он использовался большинством последующих императоров.[1649] Но во второй раз оно появляется в титульном обозначении принцепса с его старым республиканским значением - как прозвище, которое носил полководец, прославленный после победы. 1650] В таком виде оно было снабжено цифрами, обозначающими количество приветствий; среди них было и то, которое провозгласило его императором, и, следовательно, после первой победы, одержанной под его эгидой, он появляется как *imperator II*.

Более характерный титул должности - *проконсул*. Хотя он просто выражает факт *проконсульского imperium*, ранние принципаты избегали этого названия, вероятно, из уважения к сенатскому управлению государственными провинциями, которое осуществлялось через проконсулов, и впервые его использовал Траян. Его использование намекает на практическое исчезновение двойного управления за границей и предполагает всеобъемлющий характер императорского *imperium*.

Среди почетных титулов императора первое место занимают *Цезарь* и *Август*. Последнее, хотя и прилагалось к имени императора как *cognomen*, никогда не рассматривалось как фамильное обозначение. Это был высший из всех личных почетных титулов, поскольку он выражал освященное величие одного только принца,[1651] и его не носил даже тот подчиненный партнер на троне (*consors imperii*), обладатель *proconsulate imperium* или *tribunicia potestas*, с помощью которого ранние императоры иногда облегчали бремя своего правления. Только после полного признания принципа коллегиальности в 161 году н. э. появляется *дуэт Августов*.

Цезарь, с другой стороны, изначально был чисто семейным обозначением, поскольку это был наследственный титул той ветви дома Юлиев, которая возшла на трон, и все императоры до Калигулы могли претендовать на законное право на него, будь то по происхождению или усыновлению. Даже Клавдий и Нерон, связанные с исчезнувшим родом Цезарей, могли использовать его с некоторым признаком семейного права. Только при Гальбе и его преемниках *Цезарь* становится строго апеллятивом; это утверждение фиктивных династических притязаний, подобных тем, что заставили принцев дома Эмеса принять почитаемое имя Антонин, и может быть косвенно связано с претензией на наследование коронного имущества.[1652] Имя, даже когда оно использовалось искусственно, продолжало быть *cognomen*; его разделял правящий принцепс со своими сыновьями и внуками.

В правление Адриана мы видим начало ограничения его использования. Цезарь стал презумптивным наследником трона;[1653] выборная монархия была признана если не наследственной, то, по крайней мере, способной передаваться по наследству путем выдвижения, и выбор носителя имени осуществляется правящим императором, хотя он может быть предложен сенатом.[1654] После начала III века имя появляется как *nobilissimus Caesar*, Гета был первым принцем, носившим этот титул. Признание двойной монархии сделало неизбежным одновременное назначение на трон двух цезарей.

Другие почетные *cognomina*, такие как *Germanicus*, *Pius*, *Felix*, даже когда передавались, были сугубо личными, хотя их принятие теперь было зарезервировано за императором, и такие обозначения больше не носили другие вельможи в государстве. Обозначение *pater patriae* имеет более четкое отношение к политическому положению принцепса. Титул, некогда присвоенный Цицерону народным одобрением, теперь в равной степени принадлежит народу, представленному сенатом. Поскольку его присвоение не было необходимо для власти принципата, пожалование этого титула, каким бы результатом лести оно ни было, всегда рассматривалось как награда за заслуги[1655].

Порядок императорских титулов допускает колебания, но, как окончательно установлено, обычно это *pontifex maximus*, *tribunicia potestate* (II. III. и др.), *imperator* (II. III. и др.), *consul* (II. III. и др.), *ensor* (когда эта должность была принята, как это было при Клавдии, Веспасиане, Тите и Домициане), *proconsul* (титул, принятый Траяном и занимавший последнее место после правления Адриана)[1656].

Обычные *знаки отличия* принцепса - это знаки отличия республиканского магистрата. В стенах он носит мантию в алую полоску (*toga praetexta*); за их пределами он может надеть алый *палудаментум*. Но лавровый венец, который он может носить в любом месте и в любое время,[1657] и *фасции* с лавровым венком[1658] присущи только ему. На празднествах и играх на него может быть надета расшитая одежда триумфатора (*vestis triumphalis*). Как и у других магистратов, у него есть ликторы[1659] и *виаторы*, но кроме преторианских когорт он может похвастаться и особой телохранительницей. Эта гвардия состояла из конных иностранных наемников, обычно из германских всадников.

Но и другие особые почести, казалось, возвышали принцепса до более чем магистерского ранга. Консулы и коллегии священников регулярно приносили за него, как и за государство, обеты (*vota*); день его рождения и дни его побед отмечались как общественные праздники;[1661] его статуя и образ священны и не могут быть осквернены даже соприкосновением с нечистыми вещами;[1662] его *гений* - самая обязательная сила, которой человек может поклясться; ибо если лжесвидетельство именем богов карается только небом, то лжесвидетельство именем императора - это измена на земле.[1663] На монетах, отчеканенных сенатом или императором, изображалась только его голова или голова членов императорского дома.

Дом Цезарей, по сути, был поднят гораздо выше положения других знатных домов в государстве. Особенно почитались агнатические потомки основателя династии, а римское представление о единстве рода даже привело к включению имени родственников Цезаря в солдатскую клятву верности.[1664] Их изображения также появлялись на монетах - право, первоначально ограниченное теми членами семьи, которые фактически участвовали в управлении, но в более поздние времена предоставлявшееся в качестве комплимента дамам императорского дома. [1665] Родственники Цезаря также могли выделяться командами, которые можно было истолковать как обещание престолонаследия. Мы еще поговорим об этом значении, которое можно было вложить в дар проконсульской или трибунской власти, и почти столь же значительным было назначение какого-нибудь молодого члена семьи почетным командиром корпуса *конников* (*princeps juventutis*).[1666] Был, правда, один титул, который, казалось, означал достоинство, абсолютно равное достоинству самого принцепса. Это было имя *Августа*, которое носили некоторые дамы из правящей семьи. Изначально оно предназначалось для одного члена семьи, например, матери, бабушки или жены правящего императора, и, возможно, первоначально подразумевало некоторую долю в троне. Принципат не был регулярной магистратурой, и не было никаких веских конституционных оснований для исключения женщин из престола, хотя фактическое влияние цариц-матерей,

таких как Ливия, Агриппина или Мамай, каким бы сильным оно ни было, было совершенно неофициальным.[1667] Имя *Августа*, однако, стало использоваться только как почетное обозначение, которое носила такая женщина, как Марциана, ненасытная сестра Траяна.[1668] Более странный титул был разработан честолюбием дам второго и третьего века. Фаустина, жена Марка Аврелия, и Юлия Домна, жена Септимия Севера, были названы "матерями лагеря" (*mater castrorum*). Одним из важных и катастрофических результатов такого возвышения императорского дома стало то, что его члены, как и его глава, были защищены от всех нападков *laesa majestas*. Поскольку даже самое косвенное посягательство на принцепса считалось изменой, так как он представлял государство, аналогичным образом рассматривались и конструктивные проступки членов императорской семьи, поскольку они были едины с принцепсом. Этот взгляд был слишком чисто римским, чтобы требовать времени на его развитие. Даже в правление второго принцепса мы видим, что поэт должен был искупить смертью глупость некролога, посвященного живому сыну императора[1669].

Поскольку принцепс не был царем, у него не было двора, и "Август или Траян покраснели бы, если бы наняли самых жалких римлян на те низшие должности, о которых в доме и опочивальне ограниченного монарха так охотно просят самые гордые вельможи Британии"[1670]. И все же, хотя *окружение* первых принцепсов было само по себе простым, величественная жизнь республиканской знати уже создала прецеденты для разделения классов и привилегий тех, кто добивался присутствия императора. Младшие Гракхи и Ливий Друз при ежедневном *приветствии* проводили различия между своими многочисленными приверженцами; на утренней аудиенции одних принимали поодиночке, других - большими или меньшими группами;[1671] и неудивительно, что эти различия должны были возродиться для огромной толпы званых, заполнивших зал императорского дворца. *Амичи* принцепса были теми, кого "принимали при дворе", и делились на друзей первой и второй "аудиенции"[1672]. Из них выбирали судебных и административных советников императора (*consilium*), а также товарищей (*comites*), которых он брал с собой, когда уезжал из Италии по государственным делам. Из последних, которые состояли из сенаторов или рыцарей, он выбирал группу для специального путешествия[1673] и использовал их в качестве делегатов в административных, судебных и военных делах.

§ 3. Создание, передача и отмена принципата

В теории конституции княжество было выборной должностью, основанной на принципе случайного делегирования полномочий. Для жизни государства было необходимо, чтобы существовала магистратура,[1674] но не было необходимости, чтобы существовал принцепс. Поэтому не существовало такого института, как республиканское *междущарствие*, чтобы заполнить пробел, оставленный вакантным тронном,[1675] и тот факт, что такие пробелы имели место в истории Принципата, показывает, что возможность правления магистратов, сената и народа не была простой фикцией. Абстрактная идея принципата действительно была полностью реализована после смерти самого первого принцепса, поскольку ответственные люди в римском мире имели совершенно определенное представление о том, какими именно полномочиями должен обладать человек, чтобы спасти этот мир от анархии. Однако Тиберий может сделать вид, что колеблется не только по поводу вступления в должность, но и по поводу характера должности, которую он принимает;[1676] и, хотя при вступлении на престол его преемника, Гая Цезаря, *почести soliti* были предоставлены *en bloc*, идея о том, что создание *Princeps* было актом особого инвестирования, всегда сохранялась за этой должностью. Она была очевидна в том, что касалось выбора лица, но она затрагивала даже полномочия, и мы видели, что пожалования императорам второго и

третьего веков, по всей вероятности, отличались как по форме, так и по сути от пожалований императорам первого века[1677].

Выборным органом был римский народ, представленный главным образом сенатом, но сохранивший в своих руках формальную ратификацию большинства предоставленных полномочий. Но бессилие этого суверена составляет самую суть истории принципата. Как правило, все, что он может сделать, - это признать *imperium*, уже установленный армией, будь то молчаливое согласие преторианцев или легионеров или активное использование их мечей. Решающим моментом в создании императора является его приветствие армией как *imperator*. Такое приветствие не означало, что принявший его генерал - принцепс; оно означало лишь, что он - кандидат на княжество. Сам акт был революционным; его законность зависела от его успеха. Если легионы в других провинциях принимали кандидатуру, сенат немедленно выполнял свою формальную задачу; если соперничающие претенденты встречались в бою, он всегда был готов приветствовать выжившего. Быть настоящим принцепсом означало получать от сената обычные почести и должности, и Вителлий действовал в истинном духе конституции, когда принял за формальную дату своего воцарения (*dies imperii*) день, когда его претензии были утверждены отцами. [1678] Веспасиан действовал вопреки этому духу, когда считал началом своего правления момент, когда его приветствовали императорские легионы Египта. [1679]

И хотя история империи представляет собой беспрецедентную серию успешных революций, не следует думать, что важность формальной передачи престолонаследия сенатом когда-либо подвергалась сомнению или затушевывалась. Авторитет сената был устойчив благодаря многочисленным мирным случаям династического престолонаследия; его авторитет повышали такие выступления, как против тирана Максимиана; его поддерживал тот факт, что, когда во времена "тридцати тиранов" империя распадалась, Италия все еще оставалась единственным формальным центром мировой державы; она была связана с магическим именем Рима и даже в III веке с облегчением приветствовалась армией, уставшей от собственного незаконного насилия[1680].

Но независимо от того, делаем ли мы больший акцент на фактическом или юридическом элементе в акте избрания, мы должны признать, что выборный принцип не был единственным определяющим фактором в передаче принципата. Он пересекался с двумя другими, оба из которых были типично римскими. Это были принципы номинации и наследственного престолонаследия.

Номинация принимала форму назначения каким-либо значимым актом. Одним из наиболее значимых способов, с помощью которого принцепс мог указать на свой выбор преемника, было наделение человека приближенными к тем полномочиям, которые составляли суть принципата, и тем самым сделать его в некотором смысле коллегой в империи (*collega, consors imperii*). В качестве полномочий были выбраны проконсульство империи (*proconsulare imperium*), трибунам (*tribunicia potestas*) или и то, и другое. Так, Август в разное время назначал на трон Агриппу и Тиберия,[1681] Тиберий указывал на Германика и Друза как на своих будущих преемников, Нерва выдвигал Траяна, Траяна Пия и Пия Марка Аврелия.[1682] Хотя такая должность описывается как коллегиальная в императорской власти, она все же не давала в отношении империи наиболее характерных прав принципата. Коллега не обладал ни совместным командованием преторианской гвардией или флотом, ни совместным управлением всеми цезарианскими провинциями,[1683] если только эти права не были предоставлены специальным мандатом, как это было у Тиберия в последние годы жизни Августа;[1684] и коллега, хотя и обладал независимым *imperium*, не имел права на триумф, кроме как по воле принцепса,[1685] поскольку его победа была обусловлена

легионами, которые передали *sacramentum* другому. Имя *imperator* этот помощник престола носил только в случае особого пожалования, как это было при Веспасиане для Тита и при Адриане для Антонина Пия. [1686] Неясно, должен ли был обладатель *tribunicia potestas* и *proconsulare imperium* в его низшей форме получить эти полномочия при вступлении на престол. В случае с *imperium*, поскольку он не соответствовал тому, что требовалось для императорской должности, передача полномочий вполне вероятна. Но все же обладание такой властью, казалось, создавало преемственность в княжестве, и государство, казалось, никогда не теряло своего главы.

Второй способ выдвижения заключался в том, что князь назначал своего преемника своим наследником. Дело не только в том, что это был эффективный способ выразить свою волю, но и в том, что он фактически указывал на передачу коронного имущества (*patrimonium*), которое сопровождало княжество. Гай попытался использовать этот способ обозначения в пользу своей сестры Друзиллы, [1687] а Тиберий показал, что либо оставил престолонаследие открытым, либо планировал совместное августейшее правление, сделав своего внучатого племянника Гая и его внука Тиберия Гемелла совместными наследниками [1688].

Усыновление было столь же эффективным средством подчеркнуть свои намерения. Такое усыновление принцепса могло быть оформлено завещанием, но оно не обязательно должно было следовать юридическим формам и требовало лишь публичного объявления через *contio* - на Форуме, в сенате или в лагере. [1689] Именно так Гальба назвал Пизона своим преемником, но усыновление обычно сопровождалось передачей квазиимператорской власти, как в случаях Тиберия, Траяна, Антонина Пия и Марка Аврелия. [1690].

Мы уже отмечали способ, с помощью которого принцепс, иногда при содействии сената, мог объявить о своих желаниях относительно престолонаследия путем дарования имени Цезаря. [1691] Этот был конституционным признанием принципа назначения, который до сих пор был неформальным.

Три из упомянутых нами способов номинации - наследство, усыновление и дарение имени Цезаря - очевидно, очень близко подходят к принципу наследственного престолонаследия. Усыновление в особенности создавало для римского ума связь, лишь менее сильную, чем естественное рождение; и, какой бы из трех методов ни использовался, считалось почти невыносимым, чтобы человек отказался от своего собственного сына или агнатического потомка в пользу чужого. Как в Республике сын сменял отца на посту, так и в Принципате было легко добиться признания династии; и, как правило, только когда последний представитель рода был насильственно свергнут из-за неправильного управления или по другим причинам, принцип отбора находил свободное применение. Магия имени Цезаря могла призвать на трон даже Клавдия; Веспасиан, *novus homo*, легко передавал свою власть; династия, основанная Севером, просуществовала четыре поколения, несмотря на убийство Каракаллы и скандал правления Элагабала; смерть двух старших Гордиев сделала неизбежным воцарение третьего; Каруса, последнего из грубых солдатских императоров, могли сменить мягкий Нумериан и экстравагантный Карин.

Отсутствие какого-либо определенного принципа престолонаследия в сочетании с враждующими силами внутри империи превращало положение правящего императора в ослепительную неопределенность. Возможность избрания легионами создавала грубый стандарт заслуг, и сомнительно, что на римском троне когда-либо сидел действительно неспособный человек. Но за узурпацией часто следовало свержение, за тиранией - смерть или посмертный позор; и хотя такие изгнания, казни и порицания были практически делом

армии, для конституционной теории принципата важно определить правовую форму, которую принимало свержение или осуждение.

Как сенат, представлявший народ, давал, так эта власть и отнимала принципат; акт низложения засвидетельствован в делах Нерона, Дидия Юлиана и Максимиана.[1692] За низложением следовала смерть, а затем наступало осуждение правления, которое могло последовать даже, когда смерть тирана не была непосредственно приказана правительством.[В своей крайней форме это было осуждение памяти (*damnatio memoriae*) покойного правителя на том основании, что он был предателем (*perduellis*).[1694] Его акты были отменены, его имя стерто из записей. Более мягкой формой порицания было простое игнорирование его актов, выражавшееся в том, что магистраты и сенаторы не приносили клятву соблюдать их.[1695] В последнем случае не происходило массового аннулирования актов, и каждый особый случай, в котором покойный император принял решение, одобрялся по его индивидуальным достоинствам.

С другой стороны, принятие правления принимало двойную форму: клятва соблюдать *acta* умершего императора[1696] и голосование за то, чтобы он занял место среди обожествленных цезарей. Перспектива такого посмертного признания заслуг правления, должно быть, часто оказывала стимулирующее влияние на занимающего трон,[1697] хотя и была несколько испорчена сознанием того, что решение сената в значительной степени будет определяться желаниями его преемника на посту.

§ 4. Другие власти в государстве - магистратура, комиция и сенат

(1) Магистратура

Как республиканская конституция сохраняла свою форму, так и ее наиболее существенная черта - магистратура, хотя и подвергалась изменениям, все еще оставалась неотъемлемым элементом управления Римом и Италией в период Принципата. Радикальных изменений в квалификацию и карьеру магистратов было немного; нововведения коснулись лишь возраста вступления в должность, отправной точки в *cursus honorum* и одной из ступеней в *certus ordo magistratuum*. Минимальный возраст для квесторства теперь составлял двадцать пять лет, для преторства - тридцать,[1699] а для занятия квесторства требовались две новые квалификации. Одним из них было членство в вигинтивирате, совокупности низших магистратур, до которых теперь сократился *sex-et-vigintiviratus* Республики. [1700] Другим, возможно, первоначально практическим, а не юридическим требованием, было пребывание в военном трибунате,[1701] который обычно занимался после управления одной из магистратур в вигинтивирате. Это изменение, хотя и было формальным, означало фундаментальное изменение духа нового дворянства. Культурные возможности, которые можно было приобрести в школах Афин и Родоса, теперь почти исчезли. С восемнадцати лет претендент на высшие государственные почести мог служить в легионах Цезаря на границе. По милости императора он достигал военной должности, которая была, по крайней мере, практически необходимой квалификацией для магистратуры; в двадцать пять лет молодой солдат вступал в гонку за высшими наградами; как бывший претор, а иногда и как бывший кваэстор, он мог стать генералом бригады (*legatus legionis*), а затем перейти к управлению военной или гражданской провинцией. Ничто так ясно не показывает истинный военный характер новой монархии, как тот факт, что даже гражданские и республиканские должности управлялись солдатами; ничто не объясняет более адекватно подчинение сената, чем тот факт, что он состоял в основном из бывших офицеров, воспитанных в привычках жесткого повиновения и непоколебимого уважения к *sacramentum* - людей, для которых Цезарь был не Princeps, а Imperator.

Что касается ступеней должности, которые следовали за квесторством, то дальнейшее изменение было связано с нежеланием кандидатов обременять себя эдильством, поскольку его подкупные полномочия были бесполезны, и трибунатом плебса, который теперь ничем не выделялся. Было установлено правило, что между квесторством и преторством патриций должен занимать должность курульного эдила, плебей - одну из двух эдильских должностей или трибуна.[1702] Освобождение от этого длительного курса, однако, можно было получить, воспользовавшись императорским правом *adlectio*. Это было присвоение искусственного магистерского ранга. По форме это была власть, осуществляемая при пересмотре списка Сената и возведении из низшего в высшее сословие в рамках этого порядка. Но *adlectio* также давала право на занятие магистратуры, расположенной непосредственно над искусственно присвоенным рангом. Тот, кто был *adlectus inter quaestorios*, мог претендовать на трибунат, один *adlectus inter tribunicios* - на преторство, а один *adlectus inter praetorios* - на консульство. Среди гражданских магистратур консульство по-прежнему было венцом политической карьеры; отсюда и редкость *adlectus inter consulares*[1703].

Меньшей честью было присвоение сенатом, обычно по предложению принцепса, *орнамента* магистратуры (*quaestoria, praetoria, consularia*) тому, кто не занимал саму магистратуру. Эта честь не давала права на вступление в сенат и на занятие магистратуры, следующей по рангу за той, чьи орнаменты были присвоены,[1704] но лишь привилегию носить *знаки отличия* должности на праздниках и в других общественных случаях;[1705] она, однако, могла давать право голоса среди сенаторов, чьи *орнаменты* были присвоены, если человек, удостоенный чести, уже имел место в сенате.[1706] Этот знак отличия ни в коем случае не предназначался для лиц, имеющих законное право на занятие магистратуры; он мог быть предоставлен рыцарям, занимающим высокие посты на императорской службе, таким как префекты гвардии[1707] и стражи[1708] или провинциальные прокураторы.[1709] Клавдий предоставил его императорским вольноотпущенникам,[1710] и мы видим, что даже сенаторам, исключенным из курии, иногда оставляли *орнамент* их ранга.[1711]

Разрешение на использование украшений триумфа (*ornamenta triumphalia*) стало результатом ограничения права на сам триумф. Применение принципа, что это право несовместимо с подчиненным *imperium*,[1712] в применении к принципату привело к тому, что триумфы были законодательно ограничены только принцепсом; ведь губернаторы его собственных провинций были всего лишь его делегатами, а губернаторы сенатских провинций, хотя номинально и имели независимую власть, как правило, не имели под своим началом армий.[1713] Триумфальные *знаки отличия*, однако, могли быть предоставлены сенатом по предложению принцепса.[1714]

Избрание в магистратуры будет более уместно рассматривать в связи с *комициями* и сенатом. Обязательства, которыми их обладатели связывали себя при назначении, были республиканскими, за исключением того, что *jus jurandum in leges* был усилен включением действительных *актов* принцепса, то есть живого или предыдущего императора, чей обязательный характер был признан присягой[1715].

Если мы теперь обратимся к отдельным должностям, то обнаружим, что консулы по-прежнему являются официально признанными главами республики и сената. После приостановки принципата они являются представителями государства,[1716] и мы видим, что они действуют в соответствии с этим характером. Именно консулы при низложении Нерона отправили Гальбе депеши с известием о его избрании,[1717] и именно путем передачи консулу его кинжала было совершено отречение Вителлия от престола.[О

достоинстве этой должности говорит тот факт, что она была единственной, на которой гражданин мог иметь принцепса в качестве коллеги, а еще больше - мнение милостивого императора, что, когда он исполнял функции этой должности, огромное достоинство принципата на мгновение терялось в достоинстве консулата. [1719] Как председатели сената, консулы были партнерами в его номинальном суверенитете. Они руководили его юрисдикцией, как в гражданских, так и в уголовных делах, а в первых могли выступать в качестве его комиссаров. Кроме того, они обладали высокими судебными функциями - например, в вопросах доверия (*fidei commissa*), - которые первоначально были делегированы им принцепсом и о которых мы поговорим в другом месте.

Но сам факт, что консульский пост был таким призом, а также то, что его занятие вело к заполнению других высоких должностей - управление некоторыми сенаторскими и императорскими провинциями и префектура города, - привели к сокращению срока его пребывания в должности и последующему увеличению числа лиц, которые могли пользоваться его привилегиями и становиться квалифицированными для выполнения других обязанностей. Возможно, этому способствовала и дороговизна должности, поскольку увеличение числа занимающих ее лиц уменьшало денежное бремя, связанное с проведением игр.[1720] Даже полугодовые консулаты раннего принципата со временем становятся очень редкими, и впоследствии мы находим срок пребывания в должности всего четыре или два месяца.[1721] Назначенные на 1 января были *ordinarii*, остальные - *suffecti*,[1722] и весь год датировался именами первых.

Число преторов варьировалось при Августе и его преемниках от десяти до восемнадцати. В разное время встречаются двенадцать, четырнадцать, пятнадцать и шестнадцать, а окончательный предел в восемнадцать человек сохранялся и во времена Адриана.[1723] Причиной такого расширения числа преторов была их полезность для расширенной юрисдикции того периода. Республиканские функции *претора города* и *претора peregrина* продолжались до тех пор, пока последний не исчез, возможно, вскоре после предоставления гражданства всему римскому миру Каракаллой (212 г. н. э.);[1724] в то время как другие преторы были проводниками *quaestiones perpetuae*, пока эти комиссии не исчезли к концу II в.[1725] Но новые сферы чрезвычайной юрисдикции требовали внимания других. Так, Клавдий учредил двух преторов для решения вопросов, связанных с трастами (*fidei commissarii*),[1726] Нерва - для решения дел, возникающих между *фиском* и частными лицами (*fiscalis*),[1727] а Марк Аврелий - для предоставления и, возможно, контроля над опекунами (*tutelar*).[1728] В течение короткого времени управление *аэропиумом* также находилось в руках преторов.[1729]

Большинство специфических функций, которые эдилы выполняли во времена Республики, теперь перешли в другие руки или лишились своего значения. История поздней Республики показала, насколько некомпетентны были эти чиновники для адекватного контроля над рынком, и *cura annonae* перешла к принцепсу и учрежденной им префектуре. Их полицейские функции были в значительной степени поглощены префектурой города, но они по-прежнему уничтожали книги, осужденные сенатом,[1730] и пытались исполнять законы о роскоши[1731]. *cura urbis* по-прежнему вменяла им в обязанность содержание в чистоте улиц Рима[1732] и надзор за местами общественного отдыха.[1733] Большая часть их уголовной юрисдикции, должно быть, утратилась с исчезновением судов перед *комициями*, но они все еще сохраняют право налагать штрафы и изымать залогов, которое было ограничено и регламентировано во времена правления Нерона[1734], а особая гражданская юрисдикция курульных эдилов все еще сохраняется[1735].

Квесторы по-прежнему выполняли функции финансовых чиновников и общих помощников магистратов. Их число было увеличено Цезарем до сорока, но Августом вновь сокращено до двадцати.[1736] Некоторое время два квестора опекали *aerarium*,[1737] а другие были в государственных провинциях финансовыми и судебными помощниками проконсулов.[Еще четверо были приставлены к консулам, по два к каждому, в качестве их агентов и помощников,[1739] а сам принцепс нанял двух, одобренных им самим (*quaestores Augusti, quaestores candidati principis*), главным образом для чтения своих депеш в сенате.[1740] Во время правления Клавдия был предпринят шаг, который "выставил квесторство на продажу"[1741] и связал его с функцией, которая держалась за него дольше, чем любая другая. Это была выставка гладиаторских игр за счет экспонента,[1742] денежное бремя, которое отныне ложилось на каждого претендента на высшую должность, пока Север Александр не постановил, что только *кандидаты в квесторы* должны сами оплачивать расходы на эти зрелища, а стоимость игр, проводимых остальными, оплачивалась из *фиска*. [1743]

Трибуны плебса не были коллегами принцепса, так как *tribunica potestas* не была трибунатом, и действия в силу этого даже теоретически не могли быть подвергнуты вето трибунов. Но их огромные негативные полномочия все еще время от времени осуществлялись в некоторых государственных департаментах в течение первого века принципата. Однако, как и сама должность, они были лишь тенью тех, что были в Республике.[1744] *Intercessio* против постановлений сената могла быть предпринята, когда обсуждались неважные вопросы, такие как право бичевать актеров,[1745] или могла быть использована как предупреждение сенату, что принцепс должен быть проконсультирован по рассматриваемому делу.[В высших государственных делах его осуществление могло означать опасность или смерть для трибуна, который принимал фиктивную республику за настоящую или, признавая тиранию, решал отважиться на гнев императора.[1747] Право *auxilium* все еще использовалось против претора в 56 г. н.э,[1748 г.] и было обжаловано императором в 69 г. [1749 г.] Но и оно вскоре исчезло, не оставив следов. В раннем Принципате трибуны, по-видимому, обладали некоторым правом созыва гражданских дел из италийских городов в Рим,[1750] вероятно, посредством применения права вето; и, хотя их уголовная юрисдикция исчезла вместе с *комициями*, они сохранили некоторую власть налагать штрафы (*multae*), которая была ограничена в период правления Нерона.[1751] Есть также свидетельства, что они все еще обладали правом вето в гражданском судопроизводстве.[1752] Среди позитивных полномочий сохранилось их председательство в сенате, как мы увидим при рассмотрении этого органа.

Должность трибуна, поскольку она не давала особых отличий, ни в коем случае не была предметом честолюбия; а трудности с заполнением десяти мест приводили к включению этой магистратуры, как одной из необходимых ступеней, в *cursus honorum*,[1753] а иногда и к более радикальным мерам, таким как выбор бывших квесторов по жребию при Августе,[1754] или прием членов конного ордена при Клавдии.[1755] Однако, несмотря на все свои недостатки, трибунат пережил Принципат, и трибуны упоминаются в императорских депешах IV века.[1756]

(2) Комиция

Одним из элементов восстановления республики Августом, после того как временное правительство Триумvirата закончилось, было возобновление жизни народных собраний.[1757] Но было невозможно, чтобы их чисто местный характер был согласован с императорскими интересами того времени, или чтобы их народный характер был совместим с правлением принцепса и его знати. На какое-то время они в определенной степени

остались реальностью, и на протяжении всего княжества они осуществляли тень власти, достаточную для выражения все еще сохранившейся теории народного суверенитета.

С самого начала значительная часть полномочий *comitia* была полностью передана принцепсу; ему принадлежали права объявления войны, заключения мира и союзов;[1758] в то время как уголовная юрисдикция, которой пользовался народ в конце Республики, больше не была необходима, поскольку если более определенная ее часть была передана *quaestiones*,[1759] то более неопределенная теперь находилась под чрезвычайным контролем сената. Законодательная власть все больше и больше сосредоточивалась в руках принцепса и сената, и только в первом веке упоминаются законы, имеющие истинную форму *leges* и *plebiscita*. [1760] Право избрания было самой постоянной из народных прерогатив. При Августе народ все еще выбирал своих магистратов, хотя на этот выбор значительно влиял принцепс;[1761] и после того, как Тиберий в первый год своего правления передал все реальные элементы выборов - профессию, выдвижение, голосование - сенату,[1762] формальное *renuntiatio* победивших кандидатов (неотъемлемая часть выборов)[1763] все еще продолжало осуществляться народом вплоть до III века. [1764] Только в отношении консульства возникает сомнение, что в течение первого века н.э, не происходило ли в *comitia* нечто большее, чем простое объявление результатов. Свидетельства противоречивы, но признаки формального народного контроля над этими назначениями в целом перевешивают те, которые относят к сенату реальные элементы выборов, которые иногда становились недействительными из-за того, как принцепс осуществлял свои полномочия по назначению. [1765] Однако вряд ли можно сомневаться, что в позднем Принципате консульские, как и все другие выборы были переданы сенату. Сохранившаяся в III веке *comitia*, будь то для целей *renuntiatio* или для ратификации полномочий принцепса, не была простым массовым собранием, собранным неофициально. Сохранялись величественные формы Республики, и когда собирались столетия, красный флаг все еще развевался над Яникулом[1766].

(3) Сенат

Именно через сенат Принципата идея народного суверенитета была выражена наиболее практически и даже наиболее формально; и поскольку Принципат претендовал и даже пытался быть не более чем чрезвычайной магистратурой Республики, с этим органом были проведены самые бесконечные мероприятия, чтобы придать ему достоинство, стабильность и вес. В другом месте мы будем говорить о сенаторском "ордене", который был создан во времена принципата; именно из него набирался сенат, и воля принцепса могла быть очень четко выражена при выборе членов великого совета. Вход в сенат, как и в Республике, осуществлялся главным образом через магистратуру, причем пребывание в должности квестора давало право на место в совете. Таким образом, когда сенат сам стал избирательным органом, принцип вступления стал кооптацией; а поскольку принцепс не оказывал значительного влияния на выбор квесторов посредством своих *commendatio*, [1767] этот принцип был чем-то большим, чем просто теория. Но мы увидим, что он часто давал *latus clavus*, который допускал к сенаторскому званию; мы видели, что он продвигал в военный трибунал, что стало одним из требований к квестору; [1768] он мог также оказывать влияние на формальное выдвижение кандидатов на эту должность; а его право *adlectio*, [1769] когда оно осуществлялось по отношению к лицам, которые не были магистратами, давало ему власть фактически создавать сенаторов.

Квалификационные требования к кандидатам в сенат касались возраста, богатства и происхождения. Поскольку минимальный возраст для квестора составлял двадцать пять лет, человек мог стать сенатором в двадцать шесть. [1770] Требуемая *перепись*, хотя и менялась

время от времени во время правления Августа, в конце концов была установлена в миллион сестерций.[1771] Требовалось *врожденное происхождение* - Клавдий даже требовал свободного рождения в трех поколениях[1772] - и это считалось одним из злоупотреблений тиранического правления, когда по милости императоров в сенат допускались вольноотпущенники.[1773] Некоторое время совет сохранял преимущественно римский характер, но при цензорах Клавдия и Веспасиана в него проникли "новые люди" из Италии и провинций, [1774] а бывший император даже разрешил прием галльских эдуев, возможно, воспользовавшись своим правом *adlectio*. [1775 г. Прием провинциалов стал настолько частым, что для придания им итальянских интересов Траян постановил, что треть их имущества должна быть вложена в землю в Италии, 1776 г. Марк Аврелий изменил эту норму на четвертую часть. 1777 г.

Исключение из Сената принадлежало императору либо как цензору, когда он осуществлял дискреционный моральный суд, связанный с республиканской *lectio*, [1778] либо в силу полномочий по пересмотру, которые, как мы видели, стали связаны с принципатом. 1779] Главными основаниями для исключения были отсутствие необходимой переписи, отказ принести присягу *in acta Caesaris*, которую требовали от сенаторов, как и от магистратов, [1780] или осуждение за преступление. Сам сенат, пользуясь своей судебной властью, мог добавить к приговору, который он выносил сенатору, наказание в виде изгнания из палаты; [1781] он мог даже сделать это изгнание наказанием за клеветнические обвинения. [1782] Пересмотренный список сената (*album senatorium*) вывешивался публично каждый год, [1783] и император появлялся во главе этого списка как *princeps senatus*. [1784] Число членов сената было установлено Августом в 600 человек, [1785] и, поскольку число квесторов, похоже, практически не менялось, размер органа, в который они переходили, мог быть довольно постоянным. Август также установил определенные дни для заседаний. Эти регулярные заседания (*senatus legitimi*) проходили дважды в месяц, в календы и иды, за исключением осенних месяцев - сентября и октября, и присутствие в эти дни было обязательным. [1786] Однако даже на эти заседания можно было попасть, вызвав эдикт. [1787 г. Внеочередные заседания (*senatus indicti*) также могли проводиться, когда магистрат считал это необходимым. 1788 г. Председательство и созыв принадлежали главным образом консулам, но, как и в Республике, ими обладали также преторы и трибуны. [Когда созывался сенат, принцепс участвовал в председательстве в качестве магистрата, и весьма сомнительно, что он когда-либо появлялся в совете в качестве простого сенатора. [Как магистрат он мог обратиться к палате в любой момент, и, по крайней мере, во времена раннего принципата, обычай предписывал делать паузу при открытии и закрытии дебатов, которую принцепс мог заполнить выражением своего мнения, если пожелает. 1791] Мы уже отмечали особые привилегии, которыми он обладал в вопросе передачи дел на рассмотрение палаты. 1792

Среди полномочий Сената формально самым большим было право назначать и смещать принцепса. Мы уже видели, как это право было ограничено на практике; [1793] но его номинальное осуществление было выражением мнения, что суверенитет римского народа теперь нашел свое главное выражение в древнем совете. Та же идея выражена в сенатском праве отменять законы - как в пользу принцепса и членов его дома, [1794] так и в административных вопросах, таких как право на создание ассоциаций. [1795] Выборность, которой сенат пользовался с начала правления Тиберия [1796], также свидетельствует об увековечивании им власти народа.

Над внешней администрацией, бывшей когда-то великим оплотом его власти, сенат теперь почти не имеет контроля. Хотя он по-прежнему получает сообщения о победах принцепса и дарует ему триумф,[1797] он утратил все независимые права на войну, мир и союз. Но он получает посланников из провинций, находящихся под его контролем,[1798] и из городов Италии,[1799] и, по крайней мере в первом веке принципата, может выступать в качестве совещательного органа принцепса в сферах, полностью ему подвластных. Тиберий консультировался с сенатом по военным вопросам;[1800] Веспасиан отказался от неловкого предложения помощи со стороны парфян, убедив их отправить посольство в сенат; а Децебал после завоевания Траяном получил окончательные условия мира тем же путем.[1801] Такие уступки, несомненно, были актами милости со стороны принцепса, но они также представляют конституционный принцип, который в конце концов исчез - принцип консультации с представителями народа по вопросам, представлявшим первостепенный интерес для государства.

Другие полномочия сената, которые выражают его суверенитет или партнерство в управлении с принцепсом, мы должны оставить для следующего раздела, в котором мы попытаемся проиллюстрировать теорию двойного контроля, пронизывающую конституцию принципата.

§ 5. Главные департаменты государства; двойной контроль сената и принцепса

Мы уже видели, что в самом существенном факте суверенитета - создании принципата - сенат и народ, или, скорее, сенат, представляющий народ, теоретически был верховным. [1802] Атрибут суверенитета, который ближе всего подходит к этому, - это законодательная власть, поскольку именно ее "определяющий человеческий начальник" обычно оставляет в своих руках. Другие функции, которые обычно ассоциируются с высшей властью в сообществе, такие как контроль над общим управлением, юрисдикцией, финансами, культом и чеканкой монет, могут быть легче делегированы. Если делегирование временное, то разделения суверенной власти не происходит; если же оно вечное, то такое разделение происходит, если только законодательная власть не считает себя способной отозвать мандат. Мы уже видели, в какой значительной степени народ делегировал свои полномочия принцепсу, и мы также видели, что это делегирование фактически, хотя и не теоретически, было бессрочным. [1803] Но в тех сферах власти, которые мы сейчас рассмотрим, не существует ни теории полного сохранения, ни теории полного делегирования суверенной власти. Суверен частично сохранил, а частично делегировал на вечные времена каждую из перечисленных нами функций правительства, и этот своеобразный дуализм затрагивает не только административную, но даже законодательную деятельность государства.

(i.) *Законодательство...* В отношении законодательства уже было показано, как *comitia* все еще произносили свои общие мандаты до периода, по крайней мере, до правления Нервы. [1804] Но еще до того, как законодательная власть народа исчезла, эта власть перешла к сенату; а согласно строгой теории конституции, истинная законодательная власть должна быть в конечном итоге найдена только в великом совете, который представляет народ.

Истоки этого сенатского законодательства, несомненно, следует искать в советах по правовым вопросам, которые республиканский сенат часто давал магистрату, и в толковании обычного права или законодательных актов, которые часто сопровождали эти советы.[1805] Действительно, было отмечено, что *сенатские консультации* Принципата, предписывающие общие приказы, которые в Республике были бы предметом *leges*, часто выражены в этой консультативной форме;[1806] декреты Сената никогда не достигали

формальной структуры закона;[1807] они также лишены императивного способа произнесения, и по этим двум причинам они никогда не были названы *leges*. Высшей степенью юридической силы, которую мог придать им юрист, была "обязательная сила законов";[1808] но этой силы было достаточно, чтобы сделать их источниками *jus civile*,[1809] и вплоть до III века такие общие повеления, которые были направлены на изменение фундаментальных правовых отношений римских граждан друг к другу, обычно выражались в форме *senatus consulta*.

Принцепс, с другой стороны, не наделен непосредственно никакими законодательными полномочиями; но способность издавать *jus*, которая была присуща *imperium* каждого римского магистрата и особенно очевидна для претора, была проявлена принцепсом в беспрецедентной степени. Его методы изречения - эдикт, декрет и рескрипт. *Эдикт*, как и эдикт претора, формально является толкованием закона; но творческая сила, связанная с толкованием, здесь доведена до крайних пределов, и статутное право дополнило эту способность, присущую *imperium*, прямо заявив, что любые постановления принцепса должны (с определенными ограничениями, установленными прецедентами) считаться действительными.[1810] Обязывал ли эдикт одного принцепса его преемника, должно быть, в определенной степени зависело от степени формальности его произнесения. Тиберий выражает уважение даже к *obiter dicta* Августа;[1811] но это уважение было преувеличено, и ни один из формальных эдиктов, выраженных в письменной форме, как правило, не мог быть включен в *acta*. Ни в коем случае нельзя с уверенностью утверждать, что даже они всегда включались в *акты*, на которых приносилась присяга;[1812] но если эдикт признавался действительным несколькими последующими принципатами, а затем отменялся, то, по-видимому, требовался какой-то формальный способ отречения.[1813]

В строгом смысле слова *decretum* был приговором принцепса, заседавшего в качестве высшего суда;[1814] как *res judicata* он обязательно обладал абсолютно обязательной силой для дела, по которому был издан, и препятствовал любому возобновлению этого процесса; но, если он не был официально отменен в последующее царствование, его действительность как прецедента, похоже, не подвергалась сомнению, и слова *Caesar dixit* обращаются к юристам почти с силой закона.[1815]

Третий способ изречения - письмо (*epistola*) или рескрипт (*rescriptum*).[1816] Эти письма содержали инструкции либо по административным, либо по судебным вопросам. В первом случае они могли быть адресованы либо отдельным чиновникам, подчиненным императору, либо провинциальным диетам,[1817] сфера их применения зависела от усмотрения императора в момент издания и от интерпретации рескрипта после его смерти. В вопросах правосудия, адресованные судье или тяжущемуся, они могли разрешать сомнительные вопросы права или распространять принцип на новые случаи. Право толкования в рескрипте не менее велико, чем в эдикте; но рескрипт был более мощным средством законотворчества. Он поддерживал постоянную связь принцепса с провинциальным миром, и был главным способом, с помощью которого формировалось единообразие его администрации и законодательства. Кроме того, благодаря точности и неизменности формы рескрипты имели более бесспорную юридическую силу как вечные акты, чем эдикты или декреты. Когда упоминаются *акты* императора, имеются в виду главным образом они, а также хартии или привилегии (*leges datae, beneficia*), которыми он мог наделять государства. Рескрипты могли быть получены либо в результате *консультации* сомнительного чиновника, подчиненного императору в качестве администратора или судьи, либо написаны в ответ на прошение (*libellus, supplicatio*) одной из сторон в судебном процессе. В последнем случае они часто служили удобной заменой личной явке апелланта в императорский суд.

Эдикты, декреты и рескрипты со временем стали называть "императорскими конституциями" (*constitutiones principum*), и хотя, как мы уже видели, каждый из этих способов изложения мог иметь разную степень неизменности, для юриста II века все они имели силу закона.^[1818] Из этой категории нормативных актов, имеющих обязательную силу, один важный класс императорских распоряжений, похоже, формально был исключен. Этот класс состоял из *мандатов*, или общих инструкций, которые принцепс давал подчиненным ему чиновникам. В раннем Принципате они по большей части выдавались губернаторам провинций Цезаря, но постепенное ущемление полномочий императора в сенатской администрации привело к тому, что мандаты стали выдаваться и проконсулам. Когда мандат касался конкретного пункта *jus civile* и повторялся следующими императорами, он, несомненно, приобретал силу рескрипта;^[1819] но чаще всего он касался общих административных обязанностей подчиненных, направляя их в сомнительных случаях, и, следовательно, не обязательно устанавливал правила, имеющие вечную силу. В одном смысле мандат стоит выше рескрипта, поскольку он, как правило, имеет более общую форму, а *мандатум* может быть результатом серии *рескриптов* по одному и тому же вопросу; но в другом смысле он стоит ниже, поскольку подразумевалось, что он может быть в любой момент отозван издавшим его принцепсом и не соблюдаться его преемником. Поразительные различия в обращении с христианами в период принципата объясняются главным образом тем, что, насколько это обращение вообще было делом центрального правительства, оно осуществлялось на основании мандата.

Обзор полномочий принцепса, осуществляемых через его "конституции" и мандаты, показывает, что он не считался настоящим законодательным органом власти, и что обязательная сила его постановлений технически уступала той, которой обладали декреты сената. Но теория законодательства никогда не имела в Риме большого практического значения. Римляне веками жили в основном под властью толкуемого или выработанного судьей закона, и теперь римский мир, расширенный и единый, обращался за руководством не к *comitia*, которые приходили в упадок, и не к сенату, чей контакт с провинциями становился все меньше, а к одному толкователю, которого знал каждый судья и каждый тяжущийся, и чьи слова были слышны на самых дальних концах земли. Именно сила обстоятельств, а не какая-либо конституционная теория, сделала принцепса высшей из всех законодательных и величайшей из всех интерпретирующих властей.

(ii.) *Юрисдикция*. - Если мы перейдем от законодательной к судебной сфере, то обнаружим то же самое теоретическое утверждение о двойном контроле. Но в данном случае все осложняется тем, что Сенат не является единственным представителем республиканской стороны администрации. Государство все еще утверждает себя через старые органы, такие как преторы и суды, но оно приобрело новый орган в совместной деятельности консулов и сената. В параллельной с ними сфере действует принцепс, иногда осуществляя собственную юрисдикцию, иногда посягая на их полномочия, но всегда занимая положение, которое выставляет его для провинциального ума как высший суд римского мира. Юрисдикция этих нескольких судов должна рассматриваться в отдельных аспектах - гражданском и уголовном, юрисдикции в первой инстанции и в порядке апелляции. Также необходимо рассмотреть право отмены приговоров и право на помилование.

Гражданская юрисдикция Республики с ее разделением на *jus* и *judicium* сохранялась на протяжении большей части периода Принципата, и претор по-прежнему выносил свои правовые решения в форме формулы, которую передавал *на рассмотрение iudex*. Но эти *ordinaria* постепенно вытеснялись личным познанием (*cognitio*) магистрата, которое,

осуществлявшееся в ограниченном масштабе претором во времена Республики, с самого начала Принципата стало характерной чертой юрисдикции самого императора и вскоре было распространено на губернаторов провинций и его великих делегатов, префектов. Эта юрисдикция называлась *extra ordinem* и, как и другая форма, допускала различие между магистратом и судьей. Но новый *judex extra ordinem datus*^[1820] по своему характеру полностью отличается от *judex ordinarius* старой формы процесса. Новая процедура не допускает различия между *jus* и *judicium*; *judex* является настоящим делегатом, назначается без формулы и принимает решение по закону, а также по фактам дела. Сфера *cognitio* принцепса, вероятно, была неограниченной в теории и, возможно, была предоставлена первому императору по статуту. 1821 г. Это была добровольная юрисдикция, о которой мог просить любой человек и в которой император мог отказать. В случае такого отказа дело принимал претор. Первые принципаты, однако, проявляли нежелание вмешиваться в юрисдикцию обычных судов и ограничивали свое внимание делами по справедливости, например, вытекающими из вопросов доверия (*fidei commissum*) и опеки (*tutela*). Но число даже таких дел вскоре стало слишком большим для рассмотрения императором и его случайными делегатами, и мы видели, как последовательно назначались специальные преторы для участия в этой справедливой юрисдикции^[1822].

Апелляционные суды по гражданским делам, существовавшие при Принципате, частично объясняются сохранением республиканского принципа апелляции к магистрату с правом вето, частично - принципом (новым для Рима, но не для провинций) делегированной юрисдикции, а частично - совершенно новым принципом апелляции, которая может полностью отменить решения нижестоящего суда, что в основном связано с попыткой централизации высшей провинциальной юрисдикции в Риме. Теперь, как и раньше, решение судьи в ординарной судебной системе не подлежит обжалованию в какой-либо инстанции, хотя, как мы увидим, приговоры судей при определенных условиях могли быть отменены властью претора или принцепса. Решение претора *in jure*, как и прежде, могло быть обжаловано в равной или более высокой инстанции,^[1823] а право вето в силу *major potestas* или *majus imperium*, естественно, принадлежало принцепсу. Когда мы видим Тиберия в суде претора, он, возможно, находится там для того, чтобы отменить решения этого магистрата^[1824]. Его присутствие, похоже, показывает, что ограничения старого *auxilium* - который должен быть предложен лично^[1825] - были сохранены. Было ли вето наложено в силу *imperium* или в силу *tribunicia potestas* - вопрос безразличный; то, как вето действовало, - действительно важный момент. По аналогии с республиканским заступничеством его последствия должны были быть чисто кассационными, и, возможно, в ранний период принципата этот принцип соблюдался. Но следует помнить, что принцепс находится в совершенно ином положении, чем консул или трибун Республики, наложивший вето, или даже республиканский претор, возглавляющий ведомство, отличное от того, которое он контролирует своим вето. Эти магистраты могут отменить решение нижестоящего суда, но не могут заменить его положительным собственным решением. Принцепс же обладает теоретически неограниченной властью гражданской юрисдикции.^[1826] Поэтому он может дополнить свое отрицательное решение положительным, и это уникальное сочетание власти накладывать вето и власти судить почти бесспорно является основой той апелляции к Цезарю, которая приводит к изменению приговора. Не исключено, что подобная апелляция действовала даже в отношении претора, хотя, даже если бы это было не так, эффект от вето Цезаря действительно был бы реформаторским. Даже трибуны Республики могли оказать давление на претора, чтобы побудить его изменить свою формулу,^[1827] и мы с трудом можем представить себе претора, который бы выдержал внушение, сопровождающее вето, наложенное обладателем *tribunicia potestas*. Юрисдикция муниципальных городов Италии, насколько это была "обычная" юрисдикция, все еще

находилась под контролем консулов, преторов и трибунов, по крайней мере до правления Нерона. 1828 г. Эти муниципальные суды технически принадлежали *претору города*, и принцепс, вероятно, вмешивался (если вообще вмешивался) в их юрисдикцию только через свой контроль над решениями претора в Риме. В другом месте мы проследим, как чрезвычайная юрисдикция одного из делегатов Цезаря, префекта города, стала вторгаться в обычную юрисдикцию римских судов.

Другой способ обжалования вытекает из принципа делегированной юрисдикции. Цезарь, желая осуществить гражданскую юрисдикцию, может осуществлять ее либо лично, либо через мандатариев, и при этом обязательно происходит апелляция мандатария к вышестоящей инстанции, если только эта инстанция четко не заявляет, что апелляции не будет. 1829] Апелляция в таком случае, если она поддерживается, заключается не просто в наложении вето, а в изменении приговора мандатария. Цезарь, конечно, может привлекать делегатов по своему усмотрению. Август использовал *praetor urbanus* и *consulares* для внутренних и внешних *appellationes*, 1830] слово, которое в данном контексте, вероятно, означает просто "просьбы о рассмотрении", подаваемые принцепсу. Императорская юрисдикция в вопросах доверия (*fidei commissa*) передавалась консулам или преторам. 1831] Но, помимо этого обычного делегирования, император мог поручить любому человеку быть его *судьей вне очереди*, когда он не хотел сам браться за дело.

Апелляция провинциальных губернаторов была, пока речь шла о государственных или сенаторских провинциях, результатом сознательного стремления к единству управления, хотя и не была полностью лишена связи с республиканскими прецедентами; что касается провинций Цезаря, то она была прямым следствием того, что губернаторы этих провинций были всего лишь его легатами, хотя частота, с которой апелляция разрешалась, свидетельствует о том же стремлении к централизованной юрисдикции. Принцип, который в раннем Принципате регулировал апелляции из государственных провинций, заключался в том, что они должны были неизменно поступать в сенат, и этот принцип диархии, которым, как правило, пренебрегали, был решительно подтвержден Нероном в начале его правления. 1832] Вероятно, это было развитием республиканского обычая, в соответствии с которым некоторые важные дела вызывались из провинций в Рим консулами и сенатом (*Romam revocatio*); 1833] но теперь этот принцип, похоже, был распространен на настоящие апелляционные дела, а также на дела об отказе в юрисдикции. Когда такие апелляции по гражданским делам поступали в Рим, вероятно, сенат делегировал их рассмотрение консулам.

Тот факт, что этот принцип апелляционной юрисдикции сената потребовал повторного изложения в 54 году н. э., подготавливает нас к тому, что в конечном итоге он оказался в забвении. Несомненно, что к концу второго и началу третьего века Цезарь или его великий делегат префект преторианской гвардии становится универсальным апелляционным судом для всего провинциального мира. Этот результат не может быть связан с властью, которой обладал принцепс над проконсулами государственных провинций; ведь утверждение, что он обладал *maius imperium* над такими губернаторами 1834], может означать только то, что в любом столкновении полномочий принцепс не уступает проконсулу. Всемирная апелляционная юрисдикция принцепса росла очень постепенно, и возникла она не из идеи его прерогативы, а из непреодолимой тенденции провинциальных губернаторов, как сенаторских, так и императорских, обращаться со своими трудностями к высшей толковательной инстанции римского мира, принцепсу и его *консилиуму* судебных советников. Неудивительно, что человек, ставший центральным источником права, должен был стать и универсальным авторитетом для его подробного толкования.

Когда мы переходим к уголовной юрисдикции, то обнаруживаем, что и здесь есть три источника *jus*. Республика представлена *quaestiones perpetuae* с их преторами и конными судьями, а также новой уголовной юрисдикцией, которая была прикреплена к консулам и сенату; Принципат представлен юрисдикцией *Princeps* и его делегатов. Юрисдикция *квесторов*, пока она сохранялась, [1835] осуществлялась по старым правилам. Они судили только в тех случаях, когда дело, по ходатайству сторон, принятому вышестоящим судом, освобождалось от их юрисдикции. Высшими судами, которые могли прекратить свою юрисдикцию, приняв дело, были сенат и принцепс. Оба они были высшими судами добровольной юрисдикции, и апелляция из одного в другой не допускалась. [1836] Добровольная юрисдикция по своей природе трудно поддается определению; но обычай склонялся к тому, чтобы ограничить компетенцию Сената определенными категориями дел. Эти классы определялись либо положением обвиняемого, либо характером преступления. Сенат рассматривал обычные преступления, такие как убийство, прелюбодеяние, кровосмешение, когда они совершались представителями высших слоев общества, [1837] и росло чувство, которое впоследствии получило нечто вроде юридического признания, что сенатор должен быть судим своими сверстниками. [1838] Но характер преступления был главным фактором, определявшим юрисдикцию Сената. Любое преступление прямого политического характера, даже в раннем Принципате нарушение договора иностранным принцем, [1839] как правило, передавалось на рассмотрение. Это был обычный суд по делам о вымогательстве или других злоупотреблениях властью со стороны провинциальных губернаторов; [1840] он рассматривал преступления против величия государства; [1841] а когда величие принцепса стало отождествляться с величием государства, его можно было использовать как удобный механизм судебной тирании. [1842] Его полезности способствовал неограниченный и произвольный характер его юрисдикции. Он толковал и судил; он мог расширить действие закона и установить новые наказания; он мог даже наказывать в тех случаях, когда закон не устанавливал наказания; [1843] и здесь был допущен запрещенный в *quaestiones* принцип объединения нескольких преступлений в одном обвинении. [1844] Эта юрисдикция была технически, , возможно, *cognitio* консулов. [1845] Но сенат был их постоянным совещательным органом, и приговор принимал форму *senatus consultum*. Вскоре мы увидим, как присутствие императора в совете позволяло ему влиять на юрисдикцию, которая технически была независима от его контроля.

Добровольная юрисдикция принцепса в уголовных делах теоретически была неограниченной и могла осуществляться в любое время и в любом месте. От него зависело, возьмет ли он на себя рассмотрение дела (*cognitionem suscipere*) по просьбе одной из сторон, [1846] или передаст его в обычные суды, то есть в *quaestio*, компетентную рассматривать его. Отношения двух высших судов добровольной юрисдикции с обычным судом необходимой юрисдикции прекрасно иллюстрирует процедура, принятая в суде над Пизоном за убийство Германика (19-20 гг. н. э.). С самого начала предполагается, что дело, связанное с отравлением, будет рассматриваться специальной комиссией, созданной в соответствии с *lex Cornelia de veneficis*. Однако обвинитель просит императора о разрешении, и Тиберий со своим *консилиумом* действительно слушает предварительные слушания. Но вскоре император понимает, насколько неблагоприятным будет вынесение приговора по делу, в котором расследуется убийство его родного племянника и приемного сына, и поэтому беспристрастно передает дело в сенат с просьбой об осуществлении добровольной юрисдикции - просьбой, которая, исходя от принцепса, практически, хотя и не юридически, не могла быть отклонена сенатом [1847].

Но, хотя любая просьба о рассмотрении дела могла быть выслушана , Принцепс обычно ограничивал свою личную юрисдикцию определенными сферами. К ним относились

серьезные преступления, совершенные членами высших слоев общества, но особенно преступления, совершенные императорскими слугами или офицерами армии.[1848] Император, конечно, мог делегировать эту юрисдикцию, хотя делегирование особых случаев, по-видимому, было необычным.[С другой стороны, регулярное делегирование определенных видов преступлений происходит достаточно часто и является основой уголовной юрисдикции императорских слуг, различных префектов, осуществлявших надзор за городом, преторианской гвардией, кукурузными поставками и часовыми[1850].

Своеобразное право принцепса рассматривать дела из провинций, в которые были вовлечены жизни римских граждан, возможно, возникло в период принципата. В начале этого периода его точно не существовало. Примерами сохранения республиканского принципа, согласно которому обвинения в смертной казни, выдвинутые против римских граждан, должны направляться в Рим, действительно являются такие дела, как дело вифинских христиан при Траяне,[1851] и, возможно, апелляция святого Павла при Нероне;[1852] и, возможно, такое требование суда в Риме сопровождалось просьбой, обычно принимаемой, быть судимым перед принцепсом; но есть столько же примеров, доказывающих неограниченную юрисдикцию провинциального губернатора, по крайней мере, когда речь идет об обычных преступлениях. Так, Марий Приск бичевал и душил римского рыцаря в провинции Африка, а Гальба, будучи губернатором Тарраконенсиса, распял опекуна, который был римским гражданином, за отравление своего подопечного.[Однако есть признаки того, что право убивать (*jus gladii*), если это выражение относится как к обычной, так и к военной юрисдикции, было специально предоставлено императором по крайней мере администраторам его собственных провинций,[1854] что показывает, что частые просьбы того, кто стоял "перед судьейским местом Цезаря", быть судимым Цезарем, вылились в какое-то постоянное правило. В более позднее время, когда всеобщая апелляция к Цезарю по уголовным делам стала более распространенной, некоторые лица - сенаторы, офицеры и декурионы - были освобождены от смертных или суровых наказаний, вынесенных губернаторами провинций,[1855] и эта юрисдикция, зарезервированная за принцепсом, осуществлялась *префектом претория* без апелляции.

Принцепс ни в коем случае не был (особенно в ранний период Принципата) универсальным апелляционным судом по уголовным делам для всего римского мира. К нему не обращались из *quaestiones perpetuae*, хотя он мог обладать некоторым правом отмены несправедливых решений таких судов (*in integrum restitutio*); теоретически к нему не обращались и из сената, хотя принцепс обладал, через *tribunicia potestas*, практической властью отменять решения этого органа.[1856] Что касается юрисдикции, делегированной его префектам, то апелляция возможна, если только он не завещал ее, как это делается в пользу *praefectus praetorio*. Что касается провинций, то принцип двойного управления, который мы проиллюстрировали на примере гражданской юрисдикции,[1857] должен был первоначально применяться и в отношении уголовной юрисдикции; однако в этом отношении диархия была в конечном итоге ликвидирована. К концу II века Цезарь, представленный в большинстве случаев своим безызвестным префектом, был высшей апелляционной инстанцией по уголовным делам для всего римского мира.

Помимо права апелляции, в большинстве политических обществ существует некая власть, которая является или приближается к таковой - власть помилования. Иногда ее рассматривают как важный атрибут суверенитета, но несколько неправомерно, поскольку право отменять приговоры или назначать новое судебное разбирательство может принадлежать простому исполнительному органу, такому как кассационный суд, который не обладает ни одним из других атрибутов, которые мы обычно связываем с сувереном. В

конституции принципата это, конечно, не рассматривается как суверенное право, поскольку власть ограничена и, как и большинство проявлений общественной жизни, теоретически разделена между органами республики и принцепса.

Сенат не обладал общей властью помилования, кроме унаследованного от Республики права аннулировать обвинения и таким образом освобождать людей, находящихся под судом, в определенных общественных и праздничных случаях[1858] Это право объявлять *abolitiones publicae* было одним из проявлений его права амнистии.[1859] Но кроме того, Сенат, как высший суд, имел право отменять свои собственные прежние приговоры (*in integrum restitutio*).[1860] С ним также мог иногда советоваться принцепс о целесообразности отмены приговоров императорских судов, как правило, вынесенных прежними императорами.[1861] Но такие консультации были не правом Сената, а всего лишь уступкой императора.

Император, по отношению к римским судам, обладал полной властью *restitutio* только в отношении своих собственных приговоров и приговоров своих предшественников на посту.[1862] Он не имел права вмешиваться в *restitutio* в отношении решений сената, поскольку власть, которой он обладал, препятствуя получению обвинения[1863] или исполнению приговора, была лишь практическим и случайным следствием применения трибунской власти к постановлению сената.[1864] Также нет никаких явных доказательств того, что он обладал властью отменять приговоры *quaestiones perpetuae*, хотя вмешательство в них по справедливости не является невероятным, и, кажется, там, где это разрешалось, принимало форму согласия на новый суд (*retratactio*).[Что касается обычных гражданских судов, то претор обладал правом справедливой реституции,[1866] но есть свидетельства, что принцепс, также являясь судом справедливости, мог отменять несправедливые приговоры как обычных судей, так и центумвиров[1867].

Принцепс также обладал правом отмены обвинительных приговоров (*abolitio*), которое, по-видимому, не ограничивалось его собственной юрисдикцией, но распространялось и на другие уголовные суды.[1868] Его происхождение можно объяснить двумя причинами. Первое связано с тем, что любое дело могло быть передано в императорский суд по просьбе обвинителя или обвиняемого. Император мог, выслушав предварительные слушания, отказаться рассматривать такое дело, не "передавая" его в другой суд,[1869] и очень маловероятно, чтобы какая-либо другая инстанция хоть на минуту прислушалась к обвинению, которое император отказался рассматривать. Прекращение дела принцепсом было практически властью отмены; но это право могло быть использовано еще более непосредственно. В республиканской истории известен случай, когда трибун запретил председателю *quaestio* принимать обвинение,[1870] и очевидно, что *tribunicia potestas* принцепса могла быть использована таким же образом, чтобы помешать первому шагу в юрисдикции каждого уголовного суда.

Что касается провинций, то подобно тому, как апелляция по уголовным делам в конце концов переходит к императору,[1871] так и пересмотр приговоров местных судов, когда пересмотр предлагается судьей,[1872] а также назначение наказаний, в которых судье отказано, например, смертной казни для декурионов или депортации для любого[1873], в конце концов переходит в руки принцепса. Право пересмотра и реституции, правда, не отрицалось за провинциальным губернатором,[1874] но если оно было ограничено определенными правилами, то право императора на реституцию, похоже, в конечном итоге было неограниченным. "Эта власть могла быть использована императором таким образом, чтобы принять форму свободного помилования,[1875] но теоретически это была просто справедливая помощь. Как юридически неограниченная власть отмены приговоров, она

очень близка к власти помилования; но это скорее обязанность исполнительной власти, чем право суверена, и мы тщетно ищем в Принципате власть помилования, рассматриваемую как признанное конституционное право суверена"[1876].

(iii.) *Администрация.* Принцип двойного контроля проявляется в административных вопросах так же, как и в любых других. Сферами управления являются Рим, Италия и провинции. Что касается первых двух, то очевидно, что одним из немногих оправданий сохранения республиканского правительства было то, что, оставляя обычные административные обязанности, связанные с Римом и Италией, сенату и обычным магистратам, это позволяло принцепсу сосредоточить свое внимание на его собственной сфере - внешнем и провинциальном мире. Но даже провинции не заслуживали безраздельного внимания принцепса. Те из них, управление которыми не представляло особых трудностей и не требовало военной силы, могли быть оставлены на попечение римского народа. Такое разделение ответственности могло бы оставаться реальностью, если бы принципат оставался тем, чем он был изначально, - временным правительством отдельного человека, в распоряжении которого было мало личной помощи. Но поскольку это правление постепенно приобрело форму огромного правительственного департамента, затмевающего все остальные, с организованной гражданской службой, которая заменила помощь вольноотпущенников и рабов, оно неестественным образом начало вторгаться в республиканские сферы управления. Мотивом этой тенденции был, прежде всего, тот факт, что в глазах всех людей принцепс был главой не департамента, а государства, и ответственность, от которой он охотно отказался бы, за действия всех чиновников, даже республиканских, была возложена на него.[1877] Нет особых оснований считать, что принцепс управлял такими департаментами, как Рим или Италия, лучше, чем республиканские чиновники. Важным фактом было то, что общественное мнение вынудило его управлять ими, хорошо это или плохо.

(iv.) *Финансы.* Финансы в Риме всегда были так тесно связаны с управлением провинциями, что разделение провинций на государственные и императорские само собой подразумевало существование двух отдельных финансовых департаментов. Сенат по-прежнему контролирует *азрарий* и дает указания хранителям сундука. Квалификация этих хранителей варьировалась от времени к времени. Диктатор Цезарь в 45 году до н. э. передал эту должность двум эдилам, но квесторы, похоже, снова стали председателями казначейства[1878], пока Август в 28 году до н. э. не учредил двух *praefecti aerarii Saturni*, ежегодно выбираемых сенатом из числа бывших преторов.[1879] Даже это изменение было недолгим, и вскоре префекты были заменены двумя преторами года, которые получали свои *провинции* по жребию. [1880] Клавдий в 44 г. н. э. восстановил республиканский метод управления через квесторов; но это уже не были ежегодные чиновники, назначаемые по жребию, а выбираемые императором на три года.[1881] Наконец, при Нероне (56 г. н. э.) элементы августовской и клавдиевой систем были объединены[1882] в положении о том, что два бывших претора должны быть назначены префектами казначейства, но что они должны быть назначены, как правило, на три года принцепсом.[1883] Тот факт, что принцепс назначал хранителей общественного сундука, ни в коем случае не означал, что он контролировал его средства, и, хотя его косвенное влияние на *aerarium* было несомненно велико, эта казна в принципе оставалась под управлением только сената. Даже во II веке он проголосовал за заем Марку Аврелию на ведение войны[1884].

Принцепс стал финансово независимым от сената благодаря наличию собственной казны (*фиска* или *фиска Цезаря*),[1885] в которую поступали доходы от его собственных провинций, некоторые пошлыны, причитавшиеся государственным провинциям, и некоторые

чрезвычайные доходы, такие как конфискованное имущество осужденных преступников или утраченное наследство (*bona damnatorum, bona vacantia*), в притязаниях на которое *фиск* окончательно заменил *aerarium*. Принцепс был владельцем *фиска*, но рассматривался как доверенное лицо содержащегося в нем богатства. Судиться с *фиском* означало судиться с принцепсом; но, хотя он и был единственным субъектом прав в отношении этой казны, он не относился к деньгам, которые в ней содержались, как к своей частной собственности. Даже в раннем Принципате есть свидетельства существования коронной собственности (*patrimonium* или *patrimonium privatum*), использование которой в частных целях возлагалось на принцепса.[1886] Вначале *patrimonium*, несомненно, был сугубо личной собственностью первой семьи цезарей, и большая его часть была приобретена по завещанию; [1887] но когда принципат перестал быть наследственным в линии Юлиев, он, похоже, рассматривался как собственность короны, которая передавалась только преемнику трона. Завещание этого имущества, которое подразумевалось, когда принцепс выбирал наследника, можно рассматривать как способ обозначения; хотя, если намеченный наследник не преуспевал, *patrimonium* переходил к его успешному сопернику. Вероятно, именно из-за неопределенности владения *патримониум* при Септимии Севере мы видим создание новой совокупности частной собственности, *res privata*, [1888] управление которой было совершенно отличным от *управления патримониум*. Всем имуществом цезаря, будь оно в доверительном управлении для государства или короны, или использовалось для нужд его семьи, в равной степени управляли его личные слуги. О них мы поговорим, когда будем рассматривать функционеров принцепса в целом.

Еще одна казна под императорским контролем, служившая общественным целям, была создана для выплаты пенсий уволенным в запас солдатам. Необходимость в ней остро ощущалась в последние годы Республики, когда наемная армия искала свое последнее вознаграждение в грабежах или политическом влиянии своих генералов; и когда Август создал профессиональную армию, введя систему долгой службы, он счел необходимым учредить пенсионный фонд для тех, кто отдал двадцать лучших лет своей жизни военному делу. В результате был создан *военный сундук (aerarium militare)*, который император наделил большим капиталом [1889] и на который в качестве постоянного источника дохода были возложены два налога - *vicesima hereditatum* и *centesima rerum venalium*. [1890] Управление этим сундуком было поручено трем префектам (*praefecti aerarii militaris*), которые оставались на своем посту три года и выбирались из бывших преторов, первоначально по жребию, а затем принцепсом [1891].

(v.) *Cultus*. - В вопросах религии и культа снова проявилась диархия. Пока у государства был религиозный глава, принцепс, в силу главного понтификата, занимал это положение, и мы видели, какое влияние давало ему это главенство. [1892] Но сенат не утратил полностью своего контроля над культом общины или своего права высказываться по поводу иностранных культов, когда их социальные достоинства или законность были под вопросом. Именно с сенатом советуется по поводу роста египетского и иудейского культа в Риме [1893] и права на убежище в провинциях [1894]. Клавдий задает ему вопрос о восстановлении коллегии *гаруспиков* [1895], а Аврелиан просит у него понтифика для посвящения великого храма бога Солнца в Пальмире. [Поскольку назначение в великие жреческие коллегии не контролировалось принцепсом, дарение этой чести теперь находилось в руках сената.

(vi.) *Чеканка монет*. Право чеканки монет, хотя его обладание государством может быть воспринято как признак суверенных прав, которыми пользуется это сообщество, едва ли является существенным признаком суверенитета внутри государства. Обладал ли этим

правом сенат или принцепс, не имеет большого значения для теории конституции. На самом деле этим правом обладали обе власти, что служило дополнительной иллюстрацией принципа диархии. С 15 года до н. э. принцепс занимается чеканкой золотых и серебряных монет, а сенат - медных. Владение последней было привилегией, поскольку обменная стоимость меди была выше ее внутренней стоимости, и платежи на любую сумму могли производиться в той валюте, которая на самом деле была жетоном[1897].

Теперь мы представили систему двойного контроля в том виде, в каком она существовала во всех главных департаментах государства. Легко доказать, что почти в каждом конкретном случае она может быть превращена в фикцию. Законодательная власть сената в такой степени направляется императорской инициативой, что вместо декрета сената, который его породил, иногда цитируют *oratio* принцепса;[1898] независимость сенатской юрисдикции часто нарушается трибунской властью императора, а его власть прямо или отдаленно противоречит власти других судов на каждом шагу; Его префекты стремятся узурпировать управление Римом и Италией, в то время как его прокураторы сдерживают деятельность проконсулов государственных провинций; его влияние на *aerarium* можно утверждать всякий раз, когда он берет на себя труд инициировать или поддержать в сенате предложение о денежной субсидии для себя". [1899] Но такой контроль над ведомствами, если его разумно утвердить, ни в коем случае не сделает диархию ничтожной. При благоразумном принце республиканская конституция была достаточна для своей сферы, возможно, в девяносто девяти случаях из ста; поскольку в сотом случае ощущалось давление со стороны главы государства, мы не можем объявить диархию фикцией. Если власть князя утверждается жестоко и неразумно, пусть и на законных основаниях, он, по общему мнению, не князь, а тиран. Мы должны судить о княжестве по его лучшим именам, по Нерве, Траяну, Марку Аврелию, Александру, Децию. В правление всех этих князей диархия была живым существом. Если возразить, что она становится живой только благодаря уступке принцепса, то можно ответить, что эта уступка, конечно, не представлялась этим императорам как акт милости, а рассматривалась как простое повиновение конституции; и поддерживать теорию, что конституция, требующая повиновения от мудрых, является явной фикцией, потому что она не может принудить к повиновению сильных духом, значит вырвать странное признание из политической науки.

§ 6. Сенаторская и конная аристократия

Хотя власть принцепса практически опиралась на поддержку армии, его положение могло быть небезопасным и неудобным, если бы он не обеспечил для административной работы внутри страны и за рубежом чиновничий класс, который в определенной степени зависел от императорской креатуры и, следовательно, работал в согласии с ним самим. Старое республиканское дворянство, насколько оно не было уничтожено, могло быть использовано; но оно могло быть использовано только при условии, что его держали в оковах, а принцепс имел право набирать его ряды по своему усмотрению. Мы уже рассмотрели его контроль над должностями, его право *adlectio* и его власть создавать патрициев. Но требовалась более широкая власть, родственная дару патрициата, чтобы сделать его родоначальником знати, из которой должны были выбираться только сенаторы и магистраты. Такая власть была узурпирована Августом, и признание "сенаторского ордена" стало ее результатом. Возможно, в поздней Республике общество уже признавало право будущего сенатора носить широкую алую полосу (*latus clavus*) на своей тунике, но с началом Принципата это право стало более четко определенным; *laticlavii* - это будущие сенаторы и обладатели

республиканских должностей, либо признанные принцепсом, либо наделенные им символом сенаторского ранга. Сын сенатора имеет право носить *latus clavus* и присутствовать на заседаниях *курии*, в которых он однажды примет активное участие;[1900] эквы, получившие этот символ, могут претендовать на сенат через вигинтивират и квесторство. Первые шаги к должности и к сенату, как мы видели, обычно проходили через армию; но молодой солдат, предназначенный для сената, отличался по службе и по титулу от своего чисто конного товарища. *Трибуны-латиклавиусы*[1901] - особый класс офицеров, которые, возможно, часто начинали свою службу, как конные офицеры легионов, с бреветного звания трибуна, и чья служба была короче, чем у других конников, чтобы они могли быть квалифицированы для квесторства к двадцатипятилетнему возрасту.[Обладатели *latus clavus*, должно быть, всегда рассчитывали на сенаторскую карьеру;[1903] ко времени Клавдия их могли принудить к этому, наказанием за отказ было лишение широкой полосы, а иногда и конного звания[1904].

Большое внимание уделялось сохранению достоинства и чистоты этого сенаторского ордена. *latus clavus* давался только тем, кто мог проследить свободное происхождение через четыре поколения, и Клавдий был вынужден оправдываться за свое поведение, дав его сыну вольноотпущенника.[1905] Юлианские брачные законы запрещали браки с вольноотпущенницами или актрисами не только сенаторам, но и их сыновьям, внукам и правнукам.[1906] "Орден" считался включающим жен сенаторов и всех потомков по мужской линии,[1907] вместе с приемными детьми, пока они не были эмансипированы, и даже с теми родными детьми, которые были эмансипированы. [1908] Коммерческие ограничения сенаторов были увековечены и ужесточены. Республиканский запрет на то, чтобы они не были покупателями государственных заказов[1909], был возобновлен эдиктом Адриана.[1910] Им было разрешено вкладывать капитал под умеренный процент, но иногда даже это запрещалось.[1911]

Эти ограничения, однако, в некоторой степени компенсировались привилегиями. Поскольку сенаторы перестали быть чисто римскими, пришлось рассмотреть вопрос об их обязанностях по отношению к родным государствам, и было установлено правило, согласно которому, хотя им разрешалось сохранять свое родовое местожительство (*origo*), они не несли никаких общественных обязанностей (*munera*) по отношению к городам своего рождения.[1912] Мы уже упоминали о развитии принципа, согласно которому уголовная юрисдикция в отношении сенатора передавалась в сенатский суд.[1913]

В раннем Принципате для этого ордена не было отдельного титула, но после конца I века к его членам стали применять эпитет *clarissimus*, а титул *clarissima* дается даже женщинам сенаторского ранга.[1914] Различие в должности и достоинстве, но не различие в ранге отделяет принцепса от сенаторов. Они являются его "пэрами" (*ὁμότιμοι*),[1915] и это пэрство проявляется главным образом в их единоличном участии в республиканских должностях. Они, правда, могут быть делегатами принцепса, но не его слугами в том смысле, в каком ими были прокураторы. Помимо замещения обычных государственных должностей, сенаторы обладали монополией на провинциальное управление, когда управляемая страна была настоящей *провинцией*, а не департаментом, временно или постоянно переданным в ведение прокуратора или префекта; Они были единственными командирами легионов и, будучи выдвиженцами Цезаря, занимали должность префекта города и различные должности *кураторов* (*curationes*) для выполнения взятых им на себя обязанностей, таких как забота о водоснабжении, дорогах, общественных работах, берегах и русле Тибра (*curatores aquarum, viarum, operum publicorum, alvei et riparum Tiberis*).[1916]

Мы уже говорили о военной подготовке и отношении к службе этого дворянства,[1917] а также о его постепенно усиливающемся провинциальном характере.[1918] Обе эти характеристики находились в гармонии со сферой его обязанностей, которые были в основном провинциальными. Успешный член ордена мог мало что увидеть в Риме или Италии до своих преклонных лет. Если его ранняя военная служба была реальной, а не номинальной,[1919] то большую часть лет между восемнадцатью и двадцатью пятью он провел в лагерях и на границах. Если он проявлял военные способности, его могли отправить обратно в качестве бывшего квестора, чтобы он принял командование легионом, хотя такая легатская должность обычно предназначалась для людей преторианского ранга. 1920] Преторство и консульство давали право на длительную службу в последовательных цезарианских провинциях и на ежегодное управление теми, которые еще находились под контролем сената. 1921] Эта идентификация с провинциальной жизнью была идентификацией с принципатом, поскольку было мало республиканских ассоциаций, чтобы произвести впечатление на разум, когда границы Италии были пройдены. Принципы отбора, обучения и привыкания, которым подвергалось это дворянство, были направлены на то, чтобы внушить ему веру в принятый порядок вещей, если не энтузиазм по отношению к нему.

Вторым орденом, который поддерживал трон и выполнял работу империи, были эквиты. Слово *equies* теперь, как и в Республике, имеет двойное значение. Тацит использует его для обозначения класса капиталистов, предположительно обладателей переписи в 400 000 сестерций,[1922] и очевидно, что современная терминология не принимала ограничений, которые Принципат, возможно, хотел наложить на использование этого термина. Неясно, какими были эти ограничения, поскольку в литературе и надписях упоминаются два способа присвоения конного звания, и неизвестно, были ли эти способы - дарение звания через золотое кольцо и через общественного коня - иногда альтернативными или всегда одновременными. Но пожалование рыцарства вольноотпущенникам описывается как осуществленное посредством дара золотого кольца[1923] - дара, который еще во времена Адриана стал означать только свободное рождение (*ingenuitas*), а не конное звание,[1924] и нельзя доказать, что общественный конь всегда давался членам этого класса, когда они были наделены *знаками* рыцарства.[Однако не исключено, что, когда золотое кольцо утратило свое прежнее значение и стало лишь средством присвоения свободного рождения, был признан только один орден официальных эквитов, а титул в его собственном смысле был ограничен тем орденом, члены которого со времен Августа были преимущественными носителями этого имени. Этим орденом был старый орден *equites equo publico*, который был реорганизован и значительно расширен в самом начале принципата. Нам рассказывают, что даже при Августе на ежегодном параде могли появиться пять тысяч рыцарей,[1926] и это была лишь часть ордена, так как многие члены корпуса должны были быть заняты на финансовых, административных и военных работах в провинциях. Увеличение численности, по-видимому, привело к отказу от старой центуриатной организации, поскольку конники княжества объединялись в *турмы* и командовали ими *севир*ы. 1927 г. Отбор в орден был полностью в руках принцепса, 1928 г. И, вероятно, любой, кто обладал необходимыми качествами - свободным рождением, хорошим характером и имуществом в 400 000 сестерций, - мог получить этот дворянский патент из рук императора. В те времена, когда цензура была возрождена в лице принцепса,[1929] отбор и отсеивание эквитов мог осуществляться по правилам, преобладавшим в республиканской системе ревизии:[1930] но, поскольку цензура не была частью конституции принципата, с самого начала должен был существовать какой-то отдел для регистрации имен претендентов. В итоге для этой цели было создано постоянное бюро. Оно носило титул *censibus equitum Romanorum* и, по-видимому, было отделением общего департамента прошений (*a libellis*).[1931] Хотя это бюро занималось в основном приемом в орден, его сотрудники должны были указывать принцепсу

на случаи, когда квалификация, необходимая для рыцарства, переставала существовать, и таким образом они должны были действовать как совет, который действительно контролировал получение этого звания. Формальный контроль в этой области, однако, осуществлялся, как и в Республике, торжественным и публичным актом. Этот акт, хотя и пережил республику, не использовался в его республиканском значении. Парад рыцарей (*transvectio equitum*) в июльские иды во времена Республики был просто шествием; теперь он приобрел значение цензорского смотра на форуме, [1932] и стал средством проверки квалификации членов ордена (*probatio equitum*). [1933] Рыцари теперь проезжали верхом, а не пешком; они не могли просить о своем увольнении (*missio*), так как пребывание в звании больше не было обусловлено военной службой, хотя Август в конце концов разрешил всем членам в возрасте тридцати пяти лет, которые не желали продолжать службу в корпусе, вернуть своих общественных лошадей; [1934] но рыцарей по-прежнему допрашивали и заставляли давать отчет о своем поведении, [1935] а тех, чьи ответы были неудовлетворительными, увольняли из рядов. [О том, что Август серьезно относился к этой обязанности, говорит тот факт, что он не раз просил сенат о создании комитетов из трех или десяти членов для помощи ему в этой работе. 1937 г. Но, хотя этот парад встречается и при последующих императорах, [1938] и может быть прослежен вплоть до IV века нашей эры, [1939] серьезная обязанность отклонения, вероятно, все больше и больше выполнялась постоянным бюро, которое принимало заказы.

Восемнадцать веков римские рыцари даже в конце Республики не теряли связи с армией. Они перестали быть гражданской кавалерией, но состояли из молодых аристократов, которые составляли конный офицерский состав легионов. Этот второстепенный военный характер сохранился за корпусом и в Принципате; но он имел и дополнительное значение. Нет сомнений, что именно из *equites equo publico* императоры выбирали тех членов чиновничьей иерархии - прокураторов и префектов - которые имели конный чин. Менее определенно можно сказать, что этот корпус обеспечивал все *судебные органы* в период раннего принципата. Юрисдикция, гражданская или уголовная, была бременем (*munus*), и ее могли налагать на всех, кто обладал необходимой переписью, независимо от того, посвящали они себя ордену или нет [1940].

Естественно, что орден, сформированный таким образом и ставший с течением времени более жестким, должен был в конце концов получить почетные титулы, свойственные ему самому. Эта стадия была достигнута ко второму веку; но титульные обозначения относятся не столько к конному ордену, сколько к должностям, к которым он приводил. После правления Марка Аврелия конная иерархия была разделена на три класса: в первый входил только префект преторианской гвардии, который назывался *vir eminentissimus*; во второй - другие конные префекты и высшие прокураторы, носившие титул *perfectissimi*; в третий - обладатели всех остальных конных должностей - *egregii*. [1941] Конные офицеры армии не имели подобной шкалы рангов, а муниципальные рыцари Италии обозначались только старым республиканским и неофициальным эпитетом *splendidi*. [1942] Более определенный, но столь же неофициальный эпитет *illustris*, возможно, применялся к лицам, обладавшим сенаторским цензом и *latus clavus*, но проходившим конную службу в армии (*equestris militia*), которая была подготовительной к поступлению в сенат. [1943] Но это название более точно обозначало людей, которые, обладая сенаторским состоянием, предпочитали сохранять свой конный ранг, и даже, возможно, любых эквитов, обладающих состоянием и достоинством, таких как обладатели великих префектур [1944].

§ 7. Функционеры принцепса

Принцепс, поскольку он не король, не имеет ни магистратов, ни министров, подчиняющихся его воле; но у него есть ряд делегатов и слуг, которые помогают ему в выполнении его обширных обязанностей по управлению. Некоторые из них, такие как легаты, префекты и кураторы, находят аналогии в республиканской конституции; другие, такие как прокураторы и секретари департаментов, заимствованы из организации римского домашнего хозяйства и перенесены из дворцовой жизни в государственную. На данный момент мы можем пренебречь легатами и провинциальными префектами, которые будут рассмотрены в разделе, посвященном организации провинций, и сосредоточить наше внимание на должностях центрального правительства, которые либо свойственны Риму и Италии, либо являются общими для них и провинциального мира.

(i.) *Префекты*. Четыре великие префектуры, которые первоначально занимались управлением Италией и Римом, были городскими (*urbi*), преторианской гвардией (*praetorio*), кукурузными поставками (*annonaе*) и дозором (*vigilum*). Первая из них совершенно не связана с остальными в том, что касается карьеры и квалификации ее обладателей; ведь если префектура города была сенаторской должностью, то все остальные были, в течение большей части принципата, конными. Из трех последних должностей префектура преторианской гвардии была самой высокой по рангу, затем шла должность кукурузника, а в третью очередь - должность часового[1945].

Префектура города была продолжением по названию и в некоторой степени по функциям одной из старейших должностей в Риме;[1946] но историческая преемственность стала несколько несовершенной из-за того, что древняя префектура, которая возникла при царях и перестала быть реальностью только с назначением первого претора,[1947] все еще продолжала существовать в теневой форме во время принципата как префектура, созданная, когда дни латинского фестиваля отвлекли магистратов от Рима.[Но новая должность принципата была в некотором смысле продолжением старой должности монархии. Оба они были продуктами личного правления и основывались на теории делегирования; более поздние должности были порождены более ранними, и обе имели практически одинаковую сферу управления. Связь между республиканской должностью и должностью принципата прослеживается в механизмах диктатора Цезаря и в более ранней процедуре Августа. Эта связь была разорвана, когда при Тиберии префектура стала постоянной, а не эпизодической должностью. В 46 году до н. э. Цезарь оставил в Риме шесть *префектов* для управления делами города во время своего отсутствия;[1949] Меценат получил от Августа аналогичную, хотя и менее определенную должность;[1950] а когда последний стал принцепсом, префектура между 27 и 24 годами до н. э. стала более постоянной, хотя все еще эпизодической, и время от времени возобновлялась Августом во время его отлучек из столицы.[1951] Длительные периоды отставки Тиберия сделали ее практически вечной, [1952] а в последующие правления префект оставался на своем посту даже тогда, когда принцепс находился в Риме. [1953] Возможно, именно из-за ассоциаций с республиканской магистратурой эту должность занимали сенатор и консуляр.[1954] Этими же ассоциациями можно объяснить тот факт, что префект города, хотя и является делегатом принцепса и назначается им на неопределенный срок, [1955] все же считается магистратом и даже наделяется *imperium*.

Один из первых лиц, занимавших эту должность[1957], подал в отставку через шесть дней после своего назначения на том основании, что он обладал *incivilis potestas*; и действительно, объем обязанностей префекта и степень суммарной юрисдикции и принудительной власти, которые они предполагали, могли бы легко заставить

чувствительный ум уклониться от такой нереспубликанской власти. Вкратце префект был опекуном города (*custos urbis*), и ничто, что могло быть истолковано как часть этой *tutela*[1958], не выходило из-под его контроля. Его обязанностью было поддерживать порядок повсюду, как на играх, так и на рынке, и для этого в его распоряжении были городские когорты (*cohortes urbanae*), созданные Августом,[1959] три подразделения которых были расквартированы в Риме во время правления Тиберия.[1960] Но поддержание порядка предполагало вмешательство во многие сферы гражданской жизни. Префект контролировал театр, менял, торговлю мясом, торговые и религиозные гильдии; он выслушивал жалобы рабов или жалобы *патронов* на своих вольноотпущенников и, наконец, даже рассматривал серьезные преступления, совершенные опекунами.[Уголовная юрисдикция, дополнявшая его власть, была настолько неопределенной, что в очень ранний период пересекалась с юрисдикцией *quaestiones perpetuae*,[1962] и, поскольку тенденция принципата состояла в том, чтобы заставить последнюю уступить место первой, мы не удивляемся неограниченной уголовной юрисдикции, описанной Дионом Кассием и зафиксированной в *Дигестах* как принадлежащая префекту в III веке н.э.[1963] В это время он мог применять самые суровые наказания, вплоть до депортации или осуждения на рудники. [1964] Его полицейский контроль и уголовная юрисдикция распространялись на пределы ста миль от Рима. [1965] В пределах города он мог судить лично; юрисдикцию в Италии он осуществлял через делегатов.[Он также обладал определенной гражданской юрисдикцией, связанной с его функциями по поддержанию порядка,[1967] и, наконец, стал апелляционным судом по гражданским делам чиновников в Риме. 1968 г. Но он не был окончательным судом, так как префект мог еще раз обратиться к императору.

Префект претория (praefectus praetorio) изначально был командиром телохранителей императора. Этот *корпус элиты*, который еще во времена Республики группировался вокруг полевого командира, получил определенное существование и организацию в 28 году до н. э.[1969] и стал полицией Италии, отборной домашней силой, состоявшей, в отличие от легионов, в основном из итальянских граждан[1970], и защитником, а часто и передатчиком трона. Его префекты на этой ранней стадии представляют военный характер деспотии, возможно, более чисто, чем любые другие должностные лица, и даже правление второго Цезаря может показать в Сеяне одного из самых грозных префектов, которые были почти партнерами трона. Опасность, которой угрожала эта должность, иллюстрирует ее силу, и это было признано, когда Веспасиан в поисках безопасности отдал префектуру своему собственному сыну Титу,[1971] или Северус женил своего старшего сына на дочери своего префекта Плаутиана.[1972] Более излюбленным методом было увеличение числа ее обладателей. Часто назначались двое, а трое встречаются в двух случаях со времен Коммода.[1973] Постепенно военные функции этой должности перестали быть самыми важными, хотя военная история определила ее характер. Префект гвардии всегда был человеком, стоявшим рядом с троном; он был более верным *alter ego* принцепса, чем префект города, поскольку его деятельность не ограничивалась Римом и Италией. Именно он издавал быстрые предписания по организации армии или руководству гражданской службой по всей империи, а иногда мы видим двух префектов, таких как Адвентус и Макринус в правление Каракаллы, представлявших соответственно военную и гражданскую сферы. Но юрисдикция, самая постоянная из забот императора, и составление правовых постановлений также требовали внимания префекта, и поэтому необходимо было доверить эту должность первым юристам империи. Папиниан, Ульпиан и Паулюс были префектами гвардии. Изменение характера должности, возможно, началось с Адриана; оно продолжалось во время правления императоров Антонинов и окончательно завершилось

при Септимии Северусе. Теперь судебный аспект должности был первостепенным. Префект стал высшим уголовным судьей в Италии за пределами сотой вежи;[1974] он является апелляционным судом по уголовным делам всех провинциальных губернаторов,[1975] а также судьей по тем делам, которые провинциальный губернатор не был компетентен решать.[1976] Он также является апелляционным судом провинциальных губернаторов по гражданским делам.[1977] Такая обширная юрисдикция была результатом централизации судебной власти императора, которую мы уже проследили.[1978] Ее необходимо было делегировать, и не нашлось более подходящего делегата, чем префект. Удобство также диктовало, что делегирование должно быть окончательным, и в итоге был выработан принцип, согласно которому префект не должен был подавать апелляцию императору.[1979] Это не означало, что император перестал судить; ведь в любой момент он мог сместить своего префекта и сам рассмотреть дело. Поскольку префект судил *vice principis*, естественно предположить, что он председательствовал в императорском *consilium*,[1980] который достиг определенной организации в правление Адриана;[1981] и эту вероятность едва ли поколеблет тот факт, что мы находим специальные *consilarii*, назначенные для префекта,[1982] поскольку он осуществлял разнообразную юрисдикцию и мог вести суд одновременно с императором. Помимо юрисдикции, его общие мандаты и ордонансы имели юридическую силу при условии, что они не противоречили законам или императорским конституциям[1983].

На протяжении большей части Принципата конный чин был необходимым условием для получения этой префектуры. Сенаторы впервые стали занимать эту должность со времен Севера Александра, который наделил своих префектов *сенаторским достоинством* и титулом *clarissimus*,[1984] поскольку считалось, что тот, кто выносит приговор сенатору, сам должен быть сенаторского звания.[1985] В те времена, когда префект был рыцарем, отстранение от должности часто принимало форму превращения его в сенатора или члена сенатского ордена.[1986]

Praefectus annonae стал конечным результатом решения вопроса, который не переставал волновать Рим с момента окончания Пунических войн. Беспокойство по поводу снабжения столицы кукурузой возвело Помпея в чрезвычайное положение в 57 г. до н. э.,[1987] а в 43 г. сенат, встревоженный возможными замыслами Антония и Октавиана, согласился, чтобы больше не назначался индивидуальный *куратор* кукурузы.[1988] В раннем Принципате эта обязанность технически принадлежала учрежденным Цезарем *aediles cereales*,[1989] но в эпохи нехватки ее стали исполнять принцепсы. Август принял эту задачу в 22 г. до н. э.,[1990] но была ли она постоянной, неизвестно,[1991] а в 18 г. до н. э. и 6 г. н. э. были предприняты попытки осуществить ее путем назначения *кураторов* преторианского или консульского ранга.[1992] Наконец, как определенная *кура* принцепса, она была возложена на префекта. *Cura annonae*, осуществляемая принцепсом, включала в себя две обязанности: во-первых, безвозмездную раздачу кукурузы бедным слоям населения Рима, а во-вторых, размещение кукурузы на римском рынке для покупателей и получателей. Именно последней из этих обязанностей префект занимался в основном, а может быть, и исключительно.[1993] Он должен был следить за тем, чтобы на рынок поступала необходимая масса зерна и чтобы оно продавалось по умеренной и стабильной цене.[1994] Ему помогали подчиненные чиновники в самом Риме, в гаванях Италии и в провинциях, как сенаторских, так и императорских; но число этих прокураторов было невелико, поскольку низшие отделы кукурузных поставок управлялись гильдиями, такими как *меноры* и *навикулярии*, [1995] "ассоциации, которые первоначально сдавали свои услуги государству, а затем стали его инструментами" [1996] Префект обладал юрисдикцией, вытекающей из его административных обязанностей. Он слушал уголовные дела, касающиеся государственных поставок кукурузы,[1997] и, похоже,

даже рассматривал некоторые гражданские иски, связанные с торговлей кукурузой.[1998] Апелляция на его решение немедленно направлялась императору.[1999]

Учреждение *praefectus vigilum* было в равной степени результатом того, что император взял на себя особый отдел управления, который раньше принадлежал республиканским магистратам. Охрана города от пожаров и ночных беспорядков принадлежала главным образом *triumviri capitales*,[2000] а в более общем смысле - *aediles*. Но республиканские средства были признаны недостаточными, и Август уже на раннем этапе разработал план предоставления курульным эдилам пожарной бригады из шестисот рабов[2001]. Даже это оказалось неудовлетворительным, и в 6 г. н. э. он предпринял новую *курую*, за которой последовало создание семи когорт *дружинников*, по одной на каждые две из четырнадцати областей города, и учреждение префектуры над трибунами, которые были командирами этих подразделений.[2002] Этот префект, как и префект кукурузника, был конным, и оба они мало чем отличались по рангу, так как, хотя *praefectura annonae* считалась высшей, встречается прямое продвижение из командования *вигилов* в преторианскую гвардию.[2003] Префект охранял город и патрулировал улицы ночью; он осуществлял юрисдикцию, тесно связанную с его полицейскими функциями и напоминающую, в меньшей степени, юрисдикцию префекта города. Он рассматривал дела о поджогах, грабежах, кражах со взломом и кражах в банях;[2004] но высшая юрисдикция в таких делах принадлежала *praefectus urbi*, и префект стражи не мог судить римских граждан по обвинению в смертной казни.[2005] В III веке он обладал некоторой гражданской юрисдикцией в вопросах, связанных с арендой и наймом домов.[2006]

(ii.) *Кураторы*... Были некоторые *курации*, которые Август поручил не конным префектам, а сенаторским *кураторам*. Эти *кураторы* дорог Италии, общественных работ, общественного водоснабжения, русла и берегов Тибра (*viarum, operum publicorum, aquarum publicarum, alvei et riparum Tiberis*) назначались принцепсом, но их обладатели, возможно, как и префекты *азрария*, считались должностными лицами народа или сената, а не императора; Причина такого мнения, вероятно, в том, что забота о дорогах, *opera publica* и т. п. касалась *solum publicum*, а "общественная земля в Риме и Италии даже после основания принципата была собственностью не императора, а народа или сената". "Поэтому в раннем Принципате денежные средства для этого управления гарантировались из *aerarium*, а *фиск* лишь вносил свой вклад. 2008 г. Отсюда и занятие этих должностей сенаторами и способ их назначения. В 11 г. до н. э. Август назначил *кураторов аквариума* с согласия сената (*ex consensu senatus, ex senatus auctoritate*);[2009] *кураторы operum publicorum* и *viarum*, возможно, были назначены таким же образом, а *кураторы* Тибра в правление Тиберия назначались по жребью[2010].

(iii.) *Прокураторы*. Квaziмагистерское положение лиц, занимавших высшие императорские посты, не могло отразиться на более низких должностях. Что касается подробных *ministeria principatus*[2011], то принцепс использовал аналогию римского дома, а не римского государства, и нанимал либо генеральных агентов (*procuratores*), либо помощников, обозначенных по секретарским или другим обязанностям, которые они выполняли (*ab epistulis, a rationibus* и т. д.). Между этими двумя классами всегда существовало различие, которое сохранилось и теперь, когда они стали официальными. Агент домашней жизни действительно мог приближаться к состоянию простого судебного исполнителя и быть рабом; но необходимость представлять отсутствующего *господина* в судах сделала удобным, чтобы прокуратор был свободным человеком; и идея агентства, обычно общего агентства (*procuratio omnium rerum*),[2012] была тесно связана с этим словом. С другой стороны, рабы и

вольноотпущенники, которые переписывали и вели счета, не были агентами; и в соответствии с этим должностные лица принципата, носящие такие титулы, как *ab epistulis*, *a libellis*, *a rationibus*, не называются прокураторами, хотя одна из этих должностей может возвышаться до достоинства прокуратора, как, например, *a rationibus*.

Хотя с точки зрения функций эти два класса должны быть разными, с точки зрения квалификации их можно рассматривать вместе. В обоих случаях мы наблюдаем тенденцию к превращению домашнего хозяйства в бюро, к тому, что вольноотпущенник и раб уступают место римскому рыцарю. Семья Тиберия состояла в основном из вольноотпущенников,[2013] и их влияние достигло своего зенита в правление Клавдия. Император, стремившийся к популярности, мог, подобно Вителлию, передать *министерии* принципата римским рыцарям;[2014] но, похоже, до времен Адриана не было предпринято никаких комплексных попыток реорганизовать бюрократию на этой основе.[2015] Отныне высшие ранги, как правило, занимали рыцари, а низшими безразлично владели только эквиты или вольноотпущенники. [2016] Прокураторство было патентом конной знати (*equestris nobilitas*), [2017] и мы видели, что в конце концов были придуманы титулы, чтобы выразить различия в прокурорских рангах.[2018] Гражданская служба теперь стала тесно связана с армией, и гражданские должности занимали в основном отставные офицеры, люди, которые занимали по крайней мере одну из трех должностей в конной службе, [2019] а после II века вообще занимали все должности, прежде чем занять должность прокуратора. [2020] Эта милитаризация административной службы - одна из самых любопытных особенностей принципата. Она придала этой службе точность, жесткость, тенденцию работать как отлаженная машина почти независимо от личного контроля. Эта тенденция была благом в той мере, в какой она была рассчитана на уменьшение влияния, обусловленного идиосинкразией принцепса или любого отдельного должностного лица; но нельзя не подозревать, что большая часть административной тирании, которая омрачила последние годы Принципата и ослабила Империю, была обусловлена неискоренимыми привычками к рутине, внушенными военной жизнью, и что греческий или греко-азиатский вольноотпущенник, хотя и более испорченный, был, в целом, более способным администратором. Однако военного обеспечения было недостаточно, и со времен Адриана открылась возможность гражданской карьеры, которая давала шанс начинающему юристу.

Теоретически обязанности прокуратора сводились к простому поручению, у него было мало дискреционных полномочий и никакой общей официальной власти. Резкое заявление Тиберия о том, что дело прокуратора заключалось лишь в управлении рабами и личным имуществом императора[2021], находит отклик в языке *Дигест*, где говорится, что обязанности этих слуг императора были строго определены, что они отвечали перед своим господином за использование финансов или имущества под их опекой, что они не могли дарить, продавать или передавать его, и что "тщательное управление" было пределом их власти.[2022] Только когда они держались в этих рамках, их действия обладали авторитетом самого принцепса.[2023] Но расширение сферы их деятельности не позволяло строго соблюдать эти рамки. Клавдий попросил и добился того, чтобы его прокураторам была разрешена юрисдикция в пределах их собственных финансовых департаментов[2024] - почти необходимый результат того факта, что в провинциях (особенно в тех, которые находились под сенаторским управлением) не было удобного третейского суда, который мог бы решать, когда деньги были или не были должны принцепсу.[2025] Согласие принцепса на действия прокуратора также должно было в конечном итоге означать согласие главного бюро в Риме; ведь, несмотря на необычайную способность римских императоров к личному управлению, фискальная система была слишком сложной, чтобы каждая деталь могла дойти до их ушей.

Главные обязанности прокураторов были финансовыми, и большинство этих агентов можно объединить под названием *procuratores fisci*. Встречается ряд титулов, которые явно относятся к центральному ведомству в Риме. Таковы *procurator summarum*, найденный в надписи времен Нерона и носимый вольноотпущенником,[2026] *procuratores rationum summarum*,[2027] *rationalis summae rei*,[2028] *dispensator* или *dispensator summarum*,[2029] и *vilicus summarum*. [2030] Эти титулы относятся к разным эпохам, и трудно установить их точное значение. По общему мнению, со времен Клавдия титул *a rationibus* был зарезервирован за главным контролером *фиска*. После правления Адриана этот пост был зарезервирован для *equites*, [2031] а члены центрального бюро имели более высокое положение, чем финансовые агенты в провинциях. Титул *procurator rationum summarum*, относящийся ко II веку, обозначал какого-то высокопоставленного чиновника, связанного с этим центральным сундуком; но, поскольку он не идентичен титулу *a rationibus*, считается, что он представляет подчиненного контролера, возможно, учрежденного Марком Аврелием. [2032] Титул *rationalis*, который часто был идентичен с *procurator*, [2033] кажется, в какой-то период в течение III века заменил *a rationibus* в качестве обозначения главного чиновника *фиска*. [2034]

Среди провинциальных прокураторов мы можем перечислить прежде всего тех, кто занимался только имперскими провинциями. Прокуратор здесь занимал то же положение, что и квестор в государственных провинциях; он был главным должностным лицом провинциального *фиска*, собирал причитающиеся ему налоги и распоряжался расходованием его средств. Кроме того, в провинции существовала казна, связанная с военной частью (*fiscus castrensis*), и во главе ее стоял *прокуратор* (*procurator castrensis*), который следил за выплатами солдатам [2035] и военными расходами в целом. Другие прокураторы были общими для всех провинций; ведь даже те из них, которые были "публичными", платили императору определенные пошлины: наследство и имущество осужденных (*bona caduca* и *damnatorum*) после того, как *фиск* предъявил свои права на эти доходы, [2037] а также налоги, которые римские граждане должны были платить повсюду, такие как *vicesima hereditatum* и *centesima rerum venalium*. Но государственные провинции были обязаны принцепсу и более прямыми пошлинами. Так, Африка, снабжавшая кукурузой, но не являвшаяся императорской провинцией, была самым тесным образом связана с его *cura annonae*, и даже самые мирные районы должны были покрывать расходы на необходимую военную защиту и передавать определенные доходы для сбора императорскими чиновниками.

Общими для всех провинций были также агенты, управлявшие императорскими владениями (*procuratores patrimonii* или *patrimonii privati*). [2038] Мы уже отмечали, что после Севера было проведено различие между *res privata* и *patrimonium* императора. [2039] С этого времени *procurator rerum privatarum* отличается от *procurator patrimonii*. [2040]

О нефинансовых прокураторах, которые фактически являлись губернаторами округов, мы поговорим, когда будем рассматривать организацию провинций.

Срок пребывания в должности прокуратора был неопределенным и зависел от императорского благоволения. Формально срок их полномочий истек после смерти назначившего их принцепса, [2041] а возобновление должности его преемником, хотя это и должно было быть правилом, рассматривалось как новое назначение. Должности хорошо оплачивались, и прокураторы носили титулы *треценариев*, *дученариев*, *центенариев* и *сексагенариев*, поскольку их жалованье варьировалось от 300 000 до 60 000 сестерций.

Жалование прокураторов в Риме, вероятно, было выше, чем у сотрудников тех же ведомств в Италии и провинциях. Таким образом, *частный прокуратор* в Риме, вероятно, был *третенарием*, в провинциях - *дученарием*, в Италии, где он был всего лишь филиалом центрального офиса, - *столетним прокуратором*.^[2042] Продвижение по службе, похоже, определялось в основном заслугами, и одной из сильных сторон системы было отсутствие механической системы продвижения по службе. Секретарь, который никогда не был собственно прокуратором, мог быть назначен на должность префекта,^[2043] но, как правило, проходило несколько прокураторских должностей, прежде чем достигалась эта вершина конных амбиций^[2044].

(iv.) *Личные помощники*. Секретариат принцепата, как мы видели, был лишь деловой стороной организации римского домашнего хозяйства, но значение и официальный аспект этих должностей развивались так быстро, что уже в правление Нерона римский аристократ, содержащий помощников с такими титулами, как *ab epistulis* и *a libellis*, мог быть заподозрен в измене.^[2045] Эти секретариата стали, фактически, хотя и не юридически, большими государственными должностями. Они требовали более высокой квалификации, чем большинство прокураторских должностей, и, поскольку их обладатели вступали в тесные отношения с принцепсом, влияние и власть покровительства, которые они предоставляли, должны были быть огромными.

Чиновник *ab epistulis* придавал форму всем решениям принцепса, которые принимали форму писем, если они не были написаны лично самим принцепсом. Через его руки проходили ответы на *консультации* чиновников, депеши генералов и провинциальных губернаторов, депутации от иностранных общин, а также назначение чиновников и офицеров и предоставление привилегий^[2046].

Чиновник *a libellis* составлял ответы на прошения (*preces, libelli*)^[2047], поданные императору частными лицами. Ответ обычно давался в кратком *subscriptio*, прилагавшемся к документу.^[2048] Составление таких ответов требовало значительных юридических знаний, поэтому неудивительно, что эту должность занимали такие юристы, как Папиниан и Ульпиан.

Чиновник *a cognitionibus* был советником императора по правовым вопросам, которые решались императорским указом. Вопросы, по которым давались советы, возможно, полностью относились к гражданской юрисдикции и, вероятно, были такими, которые не нуждались в рассмотрении императорским *консилиумом*.^[2049] Эта должность существовала в начале III века,^[2050] но считается, что впоследствии она была объединена с *должностью a libellis*.^[2051]

Должностное лицо *a memoria* впервые упоминается примерно во времена императора Каракаллы. Его функция, вероятно, заключалась в том, чтобы придать форму и свести к письму (часто под диктовку секретарю)^[2052] такие речи и устные решения императора, которые не входили в компетенцию других чиновников.

(v.) *Консилиум*. *Консилиум* принцепса^[2053] был всего лишь обновленным проявлением того вечного принципа римской общественной жизни, который предписывал магистрату искать советников. Совет был необходим для общественного доверия, но императорский *консилиум* изначально не входил в конституцию принцепата. Тиберий, подражая Августу, обращался за советом, прежде чем принять решение по важным вопросам;^[2054] однако, когда он заседал в качестве высшего суда уголовной юрисдикции, его коллегия заседателей могла быть описана как состоящая из "нескольких друзей"^[2055] Возможно, в последующие царствования коллегия стала более определенной, но первым принцепсом, о котором мы слышим, что он придал ей определенную организацию, был Адриан. Этот император, как

нам рассказывают, когда проводил суд, созывал в качестве своих советников юристов, одобренных сенатом.[2056] Здесь описан только *судебный* совет, и ничто не указывает на то, что с этими знатоками права обязательно советовались по административным вопросам. Однако была заложена основа для постоянного государственного совета, а *consilarii Augusti* этого периода стали определенным и оплачиваемым классом.[2057] Среди них были как сенаторы, так и эквиты,[2058] а некоторые носили титул *jurisperiti*. [2059] Другие могли не обладать особыми знаниями в области права и привлекаться в случаях, когда общие способности или опыт могли быть более ценными, чем юридическая подготовка. Фактическая юрисдикция, однако, не была единственным случаем, когда юридические знания были необходимы советнику. К помощи юриста приходилось обращаться при составлении императорских *конституций*, [2060] и нам рассказывают, что для этого Северу Александру помогали двадцать *jurisperiti* из *консилиума*, насчитывавшего в общей сложности семьдесят человек. [2061] Разница в персонале для разных отраслей управления легко объяснима, поскольку вряд ли императору нужно было созывать всех своих советников по каждому случаю, когда он обращался за советом. [2062] Способ консультаций был полностью неформальным и зависел от усмотрения принцепса. В рамках своей юрисдикции Август раздавал своим советникам таблички для голосования (*tabellae*), на которых они могли написать оправдание, осуждение или измененный вердикт. [2063] Мы не можем представить, что голоса подсчитывались, как в системе присяжных. *Таблички* предназначались для просвещения принцепса, и он, возможно, принимал решение в зависимости от веса имен тех, кто их подавал. Нерон, как нам рассказывают, принимал мнения на бумаге и, прочитав их, высказывал свое собственное суждение, как если бы это было мнение большинства его советников. [2064] При Севере Александре мнения высказывались устно и записывались от руки. [2065]

Мы уже показали, что, вероятно, императорский *консилиум* в его развитой форме использовался префектом преторианской гвардии, когда он выносил приговор *наместнику* принцепса [2066].

ГЛАВА XI ИТАЛИЯ И ПРОВИНЦИИ ПОД ВЛАСТЬЮ ПРИНЦИПАТА

§ 1. Организация Италии

Главной особенностью организации Италии в период раннего принципата было завершение усилий, предпринятых в период поздней республики для объединения ее городов с Римом. Единство, к которому стремились, было главным образом юрисдикционным, но у нас нет свидетельств о шагах, которые предпринял Август, чтобы усовершенствовать систему судебной централизации, разработанную еще в конце Республики. [2067] В то же время этот император принял решение, которое, хотя его полные детали и последствия неизвестны, казалось, предвещало более поздний принцип тесного административного объединения Италии со столицей. Он разделил полуостров, за исключением непосредственно территории Рима, на одиннадцать областей (*regiones*). [2068] Непосредственная цель, которую преследовало это деление, неизвестна; но оно заложило основу для последующего распределения многих отраслей итальянской администрации. Государственные домены, налоги, уплачиваемые римскими гражданами, такие как *vicesima hereditatum*, и результаты переписи населения были организованы или подсчитаны по областям. [2069] Они

использовались, таким образом, для работы, которая неизбежно ложилась на центральное правительство, и эта организация пока не предполагала никакого нарушения общинной автономии городов. Такое ущемление стало необходимым результатом влияния личности принцепса, который в конце концов стал доминировать в Италии так же эффективно, как и в Риме. Но его приход был очень постепенным. Окончательные изменения можно проиллюстрировать исчезновением муниципальной *комиции*, ограничением местной юрисдикции, потерей независимой системы местных финансов и контролем, который в конечном итоге взяло на себя центральное правительство над фактическим управлением многих итальянских государств.

Из всех этих изменений падение *comitia*, пожалуй, менее примечательно, чем их сохранение в течение столь длительного периода после того, как собрания перестали быть реальностью в Риме. Латинская колония времен Домициана все еще избирает своих магистратов на *comitia curiata*,^[2070] и перенос этого принципа в Испанию показывает его распространенность в то время в Италии. Примечательна скудость надписей раннего принципата, в которых говорится о выборах единственным альтернативным органом, местным сенатом, и есть явные признаки сохранения принципа народного избрания до времен Антонина Пия.^[2071] Несомненно, он сохранился в Италии так же поздно, как и в западных провинциях; его исчезновение из всей муниципальной сферы стало результатом новой системы создания магистратов, особенности которой мы проследим, когда будем рассматривать провинции этого периода.^[2072] Выборная власть собраний, несомненно, сохранила все их административные функции. Даже в раннем Принципате наблюдалась тенденция к тому, чтобы передать их местным сенатам, которые считались более ответственными органами и были гораздо лучшими инструментами центральной контролирующей власти Рима.

Ограничение местных судов не может быть полностью проиллюстрировано, но оно в определенной степени связано с созданием высоких индивидуальных органов юрисдикции в Италии, которое началось с Адриана. Этот император разделил Италию на четыре больших округа и подчинил каждый из них *консуляру*.^{2073]} При Марке Аврелии эти магистраты были заменены *juridici*^[2074] преторианского ранга, чья чисто гражданская юрисдикция в конечном итоге касалась той части Италии, которая была отделена от *urbica dioecesis*, сферы компетенции претора.^[2075] Эти должностные лица упоминаются только в связи с экстраординарной юрисдикцией, связанной с трастами, назначением опекунов^[2076] или вопросами административного права, такими как споры о квалификации в декурионы.^[2077] Но поскольку экстраординарная юрисдикция все больше преобладала над *jus ordinarium*, а подобные административные вопросы в более ранний период решались самими муниципалитетами,^[2078] полномочия *juridici* можно рассматривать как вполне реальное ограничение полномочий местных магистратов и сенатов. Мы уже видели, что вся высшая уголовная юрисдикция этих городов исчезла. В пределах ста миль от Рима такая юрисдикция принадлежала префекту города, за пределами этого предела - префекту стражи^[2079].

Финансовые трудности, в которых оказались многие итальянские города, потребовали создания еще одной системы императорского контроля. Он принял форму института *кураторов публичных городов* (*curatores rei publicae*), сенаторского или конного ранга, существование которых прослеживается с конца I века н. э. и которые были назначены принцепсом в качестве чрезвычайных комиссаров для оживления финансовой жизни нищих муниципалитетов^[2080].

Но намечался еще более жесткий контроль, который должен был приблизить Италию к состоянию провинции. Чрезвычайные комиссары, известные как *корректоры* (*διορθωταί*),

которых княжество часто давало вольным городам или округам в провинциях,[2081] были наконец переданы Италии.[2082] Когда ее муниципалитеты были переданы под эту опеку, между их состоянием и состоянием подвластных городов оставалось лишь формальное различие, и для превращения Италии в провинцию не требовалось ничего, кроме более регулярной системы управления и введения прямого налогообложения. Оба эти изменения были осуществлены во времена правления Диоклетиана. Италия, правда, не была разделена на *провинции*, но ее районы были переданы под управление регулярно назначаемых *корректоров*, а ее земли приносили доход императорскому двору и Риму. Эта кульминация централизации была, вероятно, неизбежным результатом имперской системы и внешних обстоятельств того времени. Для принцепса итальянские и провинциальные проблемы были одинаковыми; Италия не всегда была страной, в которой император устанавливал свою постоянную резиденцию, и, поскольку наступление варваров угрожало даже итальянской границе, не было никаких возможных причин, почему бы Италии не платить свою долю в общем налогообложении. Однако экономические и социальные проблемы могли способствовать посягательствам императора на итальянскую администрацию. Слабые места, которые привели к имперскому контролю, возможно, были теми, которые императоры стремились излечить. Это были бедность и депопуляция, и насколько серьезно с ними боролись, можно увидеть, взглянув на систему государственной поддержки, известную как *алиментарии*. Главная идея этого учреждения - наделение штата или округа фондом, который должен частично обеспечивать детей, стимулируя тем самым производство и снимая ответственность с родителей или опекунов. В ранний период такие благотворительные усилия предпринимались частными лицами;[2083] а со времен правления Нервы государство в лице принцепса взяло на себя это предприятие. Примеру Нервы последовал Траян,[2084] который расширил и организовал эту систему, и аналогичные усилия предпринимали Адриан, Антонин Пий, Марк Аврелий и Север Александр.[2085] Форма, которую обычно принимал фонд, заключалась в авансировании принцепсом средств, которые вкладывались под хороший земельный залог под умеренный процент, 5 или 2½ процента. Из этих процентов определенное число мальчиков и девочек должны были получать поддержку, даря либо определенное количество кукурузы, либо денежную сумму - двенадцать, шестнадцать или двадцать сестерций в месяц. Эта поддержка гарантировалась до достижения юношами восемнадцати, а девушками - четырнадцати лет.[2086] За деталями этой организации в каждом населенном пункте следил *quaestor alimentorum*, а общий контроль над средствами в большом районе обычно поручался кураторам дорог[2087], проходящих через этот район, которые иногда носили титул *praefectus*, иногда - *curator alimentorum*. [2088] Этот мудрый метод благотворительной помощи, который пробуждал интерес к сельскому хозяйству, облегчал бедность и способствовал росту населения, действовал до конца принципата, а *префектов*, управлявших этим ведомством, можно проследить до времен Диоклетиана. 2089]

§ 2. Организация провинций

Имперская проблема поздней Республики - задача определения границ - занимала неустанную энергию первых принципатов, и в этом случае, как и в других подобных случаях в мировой истории, делимитация влекла за собой расширение. Иногда взгляды на правильную границу менялись, и продвижение сменялось отступлением. Так, Август стремился к Эльбе, чтобы затем вернуться на Рейн, а Траян проводил против великой восточной державы героическую политику аннексии, которая не понравилась его преемнику. В одном случае - в Британии - было сделано движение вперед, которое едва ли можно объяснить как поиск научной границы. Но в целом медленный и упорядоченный прогресс был направлен не на территории, а на границы, и движение требовало

расширения, будь то присоединение диких районов к югу от Дуная или постепенное поглощение королевств и княжеств, которые находились между старыми азиатскими провинциями и Евфратом или африканскими владениями и морем. Дунай, Рейн и Германский океан; Евфрат и Сирийская пустыня; Эфиопские королевства, Сахара и Атлантика - вот пределы, в которых княжество должно было стремиться наилучшим образом использовать средства, оставленные победившей Республикой для управления миром. Республика действительно заложила прочный фундамент для упорядоченного правления, и хотя мы привыкли думать о Римской империи в основном в связи с тремя мирными веками Принципата, не следует забывать, что работа последнего была главным образом внедрением не оригинальных идей, а тех незначительных, но решающих изменений, которых достаточно, чтобы превратить неуклюжую машину в работоспособную. Более эффективная, хотя и далеко не совершенная система военной обороны, более четкое разделение полномочий между органами власти, более тщательная оценка бремени провинций, компетентная, хотя, возможно, и слишком жесткая гражданская служба - таковы были непосредственные дары княжества миру. Результатом стали комфорт и мир; но комфорт, который слишком часто был лишен даже местного патриотизма, и мир, который был необычайно лишен интеллектуальных идеалов. Всеобщее гражданство также было одним из скрытых сокровищ Империи, но этот дар был пропорционален его бесполезности, а Принцепс, чей эдикт должен был сделать весь мир городом, был расчетливой транжирой, стремящимся лишь к увеличению налогов своих подданных. Но поскольку золотую середину империи еще только предстояло найти, мы не можем винить Принципат в том, что он слишком много делал того, что Республика делала слишком мало. Любая реакция бывает бурной, и в данном случае, по крайней мере, чрезмерное правительство было задумано в интересах подданных. Подданный одобрил его, по крайней мере на начальных этапах,^[2090] хотя его потомку предстояло найти в нем бремя, по сравнению с которым его республиканского проконсула показалось бы пустяком.

Август со свойственной ему скромностью и благоразумием берег свои силы для самых трудных провинций - тех, что находились на границе и требовали военной оккупации и необычайной бдительности в управлении, и таким образом создал различие между провинциями Цезаря и теми, которые были общественными (*publicae*) и вверялись заботе сената и народа.^[2091] Время от времени соправители менялись провинциями. Так, Ахей и Македония были отторгнуты сенатом в 15 г. н. э., но возвращены ему в 44 г. н. э.^[2092], а Марк Аврелий захватывал или сдавал области в зависимости от необходимости войны.^[2093] Но в середине принципата сенат владел лишь одиннадцатью,^[2094] принцепс - двадцатью одной под управлением регулярных губернаторов,^[2095] девять управлялись прокураторами,^[2096] одна, Египет, управлялась конным префектом.

Как и в Республике, единственными настоящими провинциальными *цивитатами* были *стипендиарии*. Свободные или свободные и союзные общины по-прежнему технически освобождались от контроля правителя. Однако число свободных городов было сокращено, а привилегии ограничены. Предполагаемое злоупотребление своими полномочиями по самоуправлению со стороны *foederata civitas* могло привести к аннулированию договора и передаче государства под прямое провинциальное управление;^[2097] в то время как, даже если *libertas* сохранялась, ее достоинства могли быть заподозрены, и государство могло быть передано под финансовую опеку *кураторов* (λογισταί) или административную опеку *корректоров* (διορθωταί), назначенных принцепсом.^[2098] Также несомненно, что *libertas* больше не давала иммунитета от налогообложения. Мы знаем, что из городов Азии, которые описываются как данники в правление Тиберия,^[2099] два, Магнезия ад Сипилум и Аполлонидея, были *liberae*,^[2100] а Византия, которая была в союзе с Римом во времена

Республики, также платила дань в правление Клавдия.[2101] Это изменение, особенно заметное на Востоке, с большой вероятностью приписывается Помпею. Выдавая или продлевая хартии и привилегии, он оставлял за Римом право взимать налоги,[2102] и таким образом разделил идеи *libertas* и *immunitas*, которые до сих пор были неразделимы. Новый принцип был настолько полно принят принципатом, что даже обладание латинскими правами не могло освободить государство от налогообложения,[2103] а иммунитет городов стал скорее исключительной политической привилегией. Иногда он принимал форму освобождения только от специального налога, как, например, свобода от портовых пошлин Иллирикума, на которую претендовало государство Тирас в Моэзии[2104]. Реже это была свобода от всех внешних обременений, как, например, та, которой пользовался, в силу своих исторических ассоциаций, город Илиум.[Но излюбленным средством предоставления иммунитета государству было право, известное как *jus Italicum* - право, подразумевающее, что члены города, как и жители Италии, являются квинтскими собственниками своей земли и, следовательно, освобождены от земельного налога. Это право обычно сопровождало почетное присвоение городу статуса *колони*, хотя титул мог быть присвоен и без права,[2106] или сопровождаться лишь частичным иммунитетом.[2107] Многие государства в Лузитании, Галлии, Германии, Сирии и Финикии получили статус *колоний* и право *jus Italicum*.][2108]

Две большие проблемы в налогообложении, которые стояли перед ранним Принципатом, заключались в составлении сметы ресурсов империи и распределении бремени с учетом возможностей различных стран. Обе задачи были энергично решены Августом. К обеим относятся его бюджет ресурсов империи,[2109] географические работы, проведенные под эгидой Агриппы,[2110] и всесторонние оценки, сделанные в различных провинциях. Право на проведение таких оценок принадлежало принцепсу,[2111] и, по-видимому, не ограничивалось его собственными провинциями, хотя именно к ним в основном относятся наши конкретные сведения. Первая известная перепись такого рода была проведена в трех Галлиях в 27 году до н. э.[2112], которую мы находим возобновленной в 14, 17 и 61 годах н. э.[2113] Есть следы августовской переписи в Испании[2114], и аналогичное задание было выполнено в Сирии.[2115] Когда эти большие предварительные подсчеты были закончены, необходимо было предусмотреть периодический пересмотр оценки. Это делалось под императорским контролем и для каждой провинции отдельно. Издавался специальный императорский указ, по которому уполномоченный (*цензор*, *censitor*, *ad census accipiendos*)[2116] составлял новую смету при содействии делегатов в лице конных офицеров и прокураторов для особых общин или округов в провинциях, подлежащих переписи. Первоначально главные должностные лица были сенаторского ранга, но после конца II века перепись обычно поручалась конным прокураторам[2117], что, вероятно, объясняется тем, что с течением времени обязанности по составлению деклараций стали более автоматическими и, следовательно, более простыми.[Неизвестно, существовали ли фиксированные даты для регулярного повторения переписи в каждой провинции;][2119] но были налоги, такие как *tributum capitis* в Сирии, которые платили только люди в возрасте, пригодном для работы,[2120] которые требовали повторной регистрации через несколько коротких промежутков времени; а в Египте существовал четырнадцатилетний цикл для уплаты, по крайней мере, налога, который восходит к временам Тиберия и, возможно, Августа.[2121] О тщательности исчисления земельного налога свидетельствует сохранившаяся официальная форма таблицы возвратов (*forma censualis*). В нем указывались община и *пагус*, в котором находилась ферма, имена двух соседей и характер оцениваемой земли][2122].

Налоги взимались либо с земли (*tributum soli*), либо с человека (*tributum capitis*). Земельный налог в большинстве провинций выплачивался либо деньгами, либо зерном, чаще всего первым; но в некоторых мелких округах он полностью или почти полностью вносился натурой. Кирена посылала свой знаменитый сильфий, санны в Понте - воск, а фризы в Германии - шкуры волов.[2123] Личный налог мог быть на профессию, доход или движимое имущество. Это редко был чистый и простой налог, хотя он встречается в Египте[2124] как пережиток птолемеевской организации; среди евреев, когда *ḏibrahim* был перенесен из еврейского храма в храм Юпитера Капитолина;[2125] в Британии,[2126] где было бы трудно собрать любой другой личный налог с массы народа; и на крошечном острове Тенос,[2127] чья бедность, вероятно, не допускала никакого другого метода оценки. Однако, возможно, он существовал во многих провинциях наряду с другими личными налогами как бремя, налагаемое на тех, чье имущество было ниже определенного уровня.

Сбор главных императорских налогов теперь был прямым, поскольку система *decumae* с сопровождавшими ее фермерами-налогоплательщиками (*decumani*) была упразднена.[2128] Но, похоже, степень прямого метода была разной. Проводится различие между *stipendium* государственных и *tributum* провинций Цезаря,[2129] и поскольку это различие вряд ли может быть связано с методом налогообложения, оно должно быть основано на методе сбора. Возможно, в государственных провинциях налоги по-прежнему собирались самими государствами и выплачивались ими квестору, тогда как в императорских провинциях прокуратор вступал в непосредственный контакт с налогоплательщиком. Но многое по-прежнему зависело от усилий частных компаний, и отмена *декумани* была, пожалуй, единственным посягательством на обширную деятельность *publicani*. О том, в какой степени все еще использовалась система подряда, можно судить по тому, что "компании римских рыцарей", как говорят, до сих пор собирали *pecuniae vectigales*, под которыми в основном подразумеваются *portoria*, и другие *publici fructus* - доходы от рудников, [2130], что в правление Нерона пришлось принять суровые меры, чтобы подавить поборы *publicani*,[2131] и что эти государственные посредники имеют титул, посвященный им в *Digestis* Юстиниана. [Даже такие налоги, которые поступали в императорскую казну, как *vicesima hereditatum*, в правление Траяна собирались подрядчиками.[2133] Договоры заключались уже не центральной властью в Риме, а чиновником, который контролировал ведомство, с которым был связан налог. В большинстве случаев это был императорский прокуратор, который сдавал налог в аренду и, возможно, в некоторой степени контролировал его сбор.[2134] Прямые налоги платились квестору в государственных провинциях, а в императорских собирались прокураторами, о функциях и деятельности которых мы уже говорили.[2135] В связи с фиском каждой провинции существовало бюро (*tabularium*)[2136], в котором хранились начисленные суммы.

Метод управления в государственных провинциях претерпел значительные изменения, но практически не подвергся формальным переменам. Срок пребывания в должности по-прежнему был годовым, а положение о том, что между командованием внутри страны и за рубежом должно пройти пять лет, которым пренебрег Цезарь,[2137] было возрождено Августом,[2138] но соображения пригодности и другой способ определения старшинства значительно мешали применению последнего принципа. Некоторых квалифицированных кандидатов сенат отстранял от участия в выборах либо по собственной инициативе, либо по совету императора,[2140] а *jus liberorum* допускал к *sortitio* одних, предпочитая других.[2141] Все наместники государственных провинций теперь назывались проконсулами, независимо от того, занимали они ранее должность консула или нет,[2142] чтобы отличать их от легатов провинций Цезаря, которые все носили титул *pro praetore*. Две величайшие из государственных провинций, Азия и Африка, всегда отдавались консулам, в то время как

другие правительства могли занимать люди преторианского ранга. Теперь наместнику назначалось определенное жалованье (*salarium*),^[2143] что, должно быть, устраняло некоторый соблазн к вымогательству. Каждого проконсула сопровождали ликторы и другие *знаки отличия* его ранга. Но во многих отношениях *proconsulare imperium* был лишь тенью своего прежнего положения. Его обладатель не носил ни меча, ни военной одежды,^[2144] чтобы показать, что его командование не было военным, и из почтения к полному *proconsulare imperium*, которым обладал принцепс. Исключением из этого правила было то, что до времен императора Гая легион в Африке находился под командованием наместника этой провинции;^[2145] но даже здесь, где требовалось активное использование военной силы, назначение проконсула практически возлагалось на принцепса.^[2146] Наместнику также мешали ассессоры^[2147], подобранные более тщательно, чем *легаты* республиканских времен. *Legati proconsulis pro praetore*, трое из которых были назначены в провинции высшего класса, такие как Азия и Африка, а один - в низшие, такие как Сицилия и Баэтика, хотя номинально и выбирались самими проконсулами, должны были утверждаться принцепсом; и тот факт, что они носят титул, указывающий *на imperium*, показывает, что хотя они по-прежнему были делегатами правителя, их юрисдикция была более определенной и независимой в назначенных им диоцезах, чем это было в республиканские времена. Даже квестор теперь носил титул *quaestor pro praetore*,^[2148] и выполнял, помимо своих финансовых функций, определенную судебную ответственность - такую, какая была в руках курульного эдила в Риме.^[2149] Мы уже показали возможности императорского вмешательства в управление и юрисдикцию проконсульских губернаторов через присутствие прокураторов в их провинциях и через тенденции, которые привели к превращению императора в апелляционный суд для всего провинциального мира.^[2150]

В своих собственных провинциях Цезарь был единственным обладателем *проконсульского imperium*.^[2151] Поэтому его наместники были всего лишь легатами (*legati Caesaris pro praetore*). Однако они не считались простыми делегатами. Они осуществляли независимую юрисдикцию, которую могли делегировать своим подчиненным - на что простой мандатарий не способен.^[2152] Их военное командование было делегировано, но некоторые из них, по крайней мере, осуществляли власть жизни и смерти над солдатами в своей провинции.^[2153] Все легаты носили военное платье и меч,^[2154] поскольку все управляли провинциями, в которых стояли легионы. Но даже их военная свобода действий была в некоторой степени ограничена тем, что легионы теперь имели своих собственных регулярных командиров (*legati legionum*), а их гражданская власть была ослаблена тем, что финансовые дела провинции находились в основном в руках прокуратора, ответственного перед принцепсом или бюро, и что во многих провинциях после Адриана и Антонинов мы находим специального легата, назначенного для юрисдикции (*legatus juridicus*),^[2155] который, хотя и уступал губернатору по рангу, был делегатом не от него, а от принцепса.

Одним из секретов лучшего управления провинциями Цезаря был срок, в течение которого один из этих легатов мог находиться в одной провинции. Так, в правление Тиберия Сабин управлял Мезией двадцать, а Силий Галлией семь лет,^[2156] в то время как несколько позже Гальба находился в Испании восемь лет.^[2157] В каждом случае срок пребывания в должности зависел от усмотрения императора,^[2158] а сами легаты получали фиксированное жалованье из императорской казны. [В провинции более высокого класса, такие как Сирия, посылались *консулы*; провинциями более низкого класса, такими как Аквитания и Галатия, могли управлять люди преторианского ранга.

В сферу императорского правления входил целый класс зависимых территорий, которые еще не стали или не считались достойными быть организованными в качестве определенных

провинций и переданными под управление сенаторских легатов. Ими управляли личные представители Цезаря, которых в этом случае называли *procuratores Caesaris pro legato*.^[2160] Некоторые из этих округов, такие как три альпийские провинции, были сравнительно небольшими: но другие, такие как Мавретания, Фракия, Иудея,^[2161] были значительных размеров, и присутствие простых прокураторов в таких странах должно быть объяснено тем, что они не были важными военными пунктами, а защищались каким-то большим командованием в соседней провинции. Прокуратор, правда, иногда находился под частичным контролем соседнего императорского легата; так, Иудея была в некотором роде присоединена к более крупной провинции Сирия, и Пилат был смещен с должности Вителлием, ее губернатором.^[2162] Но даже в этом случае прокуратор является делегатом не губернатора, а принцепса. Так, когда святой Павел обжаловал юрисдикцию Феста, апелляция была подана непосредственно к кесарю.

Аномальные методы управления были приняты для двух величайших военных и стратегических позиций в империи - Германии, которая была разделена на верхнюю и нижнюю провинции, и Египта. Две полосы земли к западу от Рейна, где располагались гарнизоны не только речной границы, но и Галлии, не были переданы под управление обычных провинциальных легатов. Два консульских *легата*, не отдельных легионов, а армий, сами были губернаторами округов; они носили титул *pro praetore*,^[2163] и, за исключением тех случаев, когда верховное командование над Галлией и Германией переходило к коллеге императора,^[2164] не находились подчинении ни у одного губернатора соседних галльских провинций. Египет, в некотором смысле частный домен принцепса,^[2165] и, как ключ суши и моря, охраняемый даже от приближения человека сенаторского ранга,^[2166] был вверен конному префекту (*praefectus Aegypti*), который осуществлял реальность без имени *imperium*,^[2167] обладал всеми полномочиями губернатора,^[2168] и имел под своим контролем армию.

Романизация провинций все еще осуществлялась по незаметным каналам, действовавшим во времена Республики, - социальное общение, торговля и формы провинциальных эдиктов. Но более осознанные усилия в том же направлении были предприняты в западном мире. Основание муниципалитетов итальянского типа, поощрение латиноязычных иностранцев к карьере на императорской службе, государственная поддержка римских систем образования - все это привело к тому, что отдельные провинции, такие как Галлия и Испания, стали центрами такой же чистой латинской культуры, как и в самой Италии. Даже если полный *civitas* не был сразу признан, подготовка к нему осуществлялась путем предоставления латинских прав, которые теперь распространялись на целые провинции, такие как Сицилия, Приморские Альпы и Испания,^[2169] и делали жителей этих регионов участниками всех частных прав римского права. Общая тенденция заключалась в том, чтобы возвысить Запад за счет Востока, или, скорее, отказаться от борьбы с эллинской цивилизацией и довольствоваться романизацией варварства земель, окружавших Италию. Несмотря на это, величайшие триумфы юридического гения были найдены на Востоке; теоретический дар, казалось, все еще был свойственен греческому или восточному уму, и именно Азия, Финикия и Сирия породили имена Гая, Ульпиана и Папиниана. У таких людей было огромное преимущество сравнивать и даже практиковать две совершенные системы; ведь до начала III века греко-ориентальные формы были общим правом восточной половины империи, а эдикт Каракаллы, который, предоставляя *civitas*, подразумевал будущую валюту римских форм, должен был произвести нечто вроде юридической революции в этой части римских владений^[2170].

Вездесущность римского права была подходящим следствием и символом ровной, гармоничной, неторопливой работы провинциальной жизни и единого механизма, который устранял национальные особенности и сводил все провинции к одному уровню совершенства или упадка. Но, несмотря на высокоорганизованный характер провинциальной администрации, город-государство (*civitas*) оставался единым целым, и характер его общественной жизни во все времена оставался критерием эффективности римской системы.

Среди яркого разнообразия городской жизни Империи некоторое единообразие было обеспечено еще во времена Республики благодаря тому, что Рим склонялся к аристократическому типу организации. Но для того чтобы привести местный механизм в гармонию с центральным правительством, достаточно было лишь слегка изменить существующие формы конституции, и не было сделано никаких попыток создать единый тип управления или рассматривать провинциальное государство как простой муниципалитет, приспособленный только для того, чтобы служить целям имперской системы. Принципат открывает эту последнюю тенденцию, но поначалу она проявляется очень постепенно. На начальных этапах она проявляется в виде отеческого интереса, будь то со стороны губернаторов или императоров, к делам местных корпораций, в виде подробных предписаний, касающихся обязанностей магистратов, использования государственных средств и заботы о государственной собственности.^[2171] Возможно, на какое-то время такие меры были полезны; Конечно, в течение почти двух столетий, несмотря на то, что то тут, то там наблюдалась тенденция уклоняться от муниципальных должностей как от бремени,^[2172] жизнеспособность городов, поддерживаемая миром и большими доходами от торговли, была достаточно сильна, чтобы противостоять ослабляющему воздействию этого вмешательства, и сотни надписей показывают нам богатство, величие, щедрость в жертвоприношениях и жажду муниципальной славы, что кажется достаточной наградой неустанным усилиям беспокойного правительства. Но это правительство в конце концов стало опираться на то, что оно взрастило. Те же тенденции, еще очень несовершенные, которые превратили профессии в корпорации, ремесла в гильдии и сделали даже военную службу наследственным бременем, наложили свой отпечаток на города, и правительство стремилось найти в них класс, который бы отвечал исключительно за местные и имперские обязанности. В конечном счете он был найден в местном сенате - ордене *декурионов* или *куриалов*, который всегда был стержнем муниципальной администрации, контролируемой или созданной Римом, но который теперь стремился резко отделиться от других классов в общинах и, будучи наделенным только привилегиями должности, удерживал эти привилегии на срок, от которого он с радостью отказался бы. Юридические тексты нашего периода еще не показывают сокрушенную и разбитую аристократию более позднего времени; но они показывают начало движения, которое должно было заставить людей рассматривать членство в сенате как несомненное разорение и бежать от должности, как от чумы. Прежде всего, местная магистратура переставала быть ступенькой к сенату. Наблюдается тенденция к пополнению ордена через *adlectio* неквалифицированных членов,^[2173] что свидетельствует о стремлении сохранить максимальную численность ордена. Этот прием осуществляется самой коллегией и подготавливает нас к практике поздней Империи, когда орден набирает себя из всех квалифицированных лиц, обязанных служить. Другим образом, прежнее отношение магистрата к сенату было перевернуто. Принцип прежнего закона, в соответствии с которым предыдущее обладание должностью является необходимым условием для вступления в *курию*,^[2174] был заменен на принцип, в соответствии с которым никто, кроме декуриона, не может быть магистратом. Появилось определенное сословие муниципальной знати, была создана чиновничья каста, а декурионы резко отделились от плебса^[2175].

Каждое сословие имеет свои обязанности, и, хотя самые тяжелые из них в конечном итоге должны были лечь на *куриалов*, муниципальное право *Дигест* призывает всех членов коммун выполнять свои обязанности перед государством и Империей. Каждое сословие имеет свои соответствующие обязанности; декурионам принадлежат высшие ветви управления, но каждая категория граждан имеет свою *munera congruentia*.^[2176] Правоведы делят тяготы общественной жизни на две категории. К первой относятся функции государственных чиновников, например, те, которые занимаются финансами государства, осмотром рынка, дорог, зданий и акведуков, поддержанием мира или представлением интересов города. Но муниципальные обязанности отнюдь не исчерпывали категорию подобных обременений. Государство, наконец, возложило на муниципалитеты обязанности по проведению переписи населения и сбору доходов в виде кукурузы или денег и возложило на сборщиков ответственность за любой дефицит.^[2178] Расходы на имперский транспорт и почту также стали муниципальным бременем.^[2179] Эти последние обязанности вводят нас в понятие родовых повинностей, которые существовали везде, где по закону или обычаю расходы несли лица, их выполняющие. Таких расходов было немного, и политика умирающего княжества заключалась в наложении тяжелых пошлин на капитал, которые увеличивались пропорционально уменьшению численности богатых классов. Когда усилия встречали такое вознаграждение, они, как правило, ослабевали, и результатом гнета правительства стали упадок сельского хозяйства и ослабление торговли. Какой бы ни была главная причина этих бед - военной, социальной или экономической, - они, несомненно, усугублялись неумолимой системой имперской администрации, которая собирала граждан, как солдат, относилась ко всем классам как к подходящим инструментам официальной жизни и рассматривала подданных как существующих для империи, а не империю для подданных.

§ 3. Поклонение императору

Одним из результатов описанной нами дисциплины, несомненно, было создание сильных, хотя и не теплых, имперских чувств. Более мягкие узы союза между провинциями и привязанности к императорскому дому можно было найти в тщательно культивируемой мировой религии, которая выражалась в форме поклонения Цезарю.

Культ императора, хотя и стимулировался и поощрялся императорским правительством, ни в коем случае не был чисто искусственным продуктом. Если бы он противоречил римским или итальянским чувствам, он был бы задушен в момент своего рождения; если бы он не встретил искреннего отклика у подвластных народов, принуждение^[2180] и вознаграждение, вероятно, обеспечили бы ему лишь шаткое и преходящее существование. Поклонение приняло две формы, и ни одна из них не нарушала религиозных представлений эпохи. В применении к живому императору это было просто почитание его духовной личности, этого *нумена* или *гения*, абстрактного дубликата человека, вечно присутствующего ангела-хранителя, которому, как реализованному в себе, римлянин часто пил или молился. Если в сознании варвара гений и самость были еще более реальным единым целым, то концепция нового поклонения была более простой, но отнюдь не менее сильной. Почитание мертвого Цезаря было еще более естественным усилием благодарного благочестия, нежелательным для культурного общества, принимавшего эвemerистические объяснения богов, и коренным, по крайней мере, среди грекоязычной и восточной части империи. В провинциях же все гнусные аспекты имперского гуманизма были отброшены; для провинциального ума Цезарь

был могущественной и невидимой силой, далеким воплощением мудрости и порядка, существом, чья власть была гораздо шире, чем власть любого местного бога, чьи постановления проникали на край земли, и в чьих руках находились безопасность и счастье человеческой расы.[2181] Идеализм, который сегодня делает из короля нечто большее, чем человека, в менее придирчивой религиозной среде делал из римского императора бога, и даже на более прозаическом Западе, в таких странах, как Галлия, Испания или Британия, где поклонение Цезарю требовало определенной культивации, мы должны предположить наличие глубинного течения подлинной веры.

Первый шаг в открытии нового культа был счастливым. Почтить память предшественника, который был правителем римского мира и мог считаться мучеником за его дело, было изящным поступком, и Октавиан разрешил освятить храм *богу Юлию*,[2182] который рассматривался, если не с юридической, то с сентиментальной точки зрения, как основатель новой династии. Его собственное поклонение император запретил в Италии, и он отказался от алтаря в *курии*. [2183] Но в 20 году до н. э. в Паниуме в Палестине появился храм, посвященный ему под именем Августа,[2184] а в следующем году форма посвящения "Роме и Августу", которая связывала его *нумен* с *нуменом* города и скромность которой обеспечила его согласие,[2185] начала распространяться по провинциям. Храм с этим обрядом возник в Пергаме,[2186] а в 12 г. до н. э. аналогичный культ, заменивший культ родного бога солнца Луга, был установлен для галльской знати в Лугдунуме.[2187] Была также предпринята попытка укрепить младенческую организацию новой провинции Германии, установив алтарь в *Oppidum Ubiorum* (Кельн) в качестве центра ее религиозной жизни.[2188] Сам Рим не мог быть полностью лишен культа, который становился всеобщим, и в 8 г. до н. э. было разрешено признание божественности Августа в той единственной форме, которую он допускал при жизни. Его *гений* ассоциировался с домашними богами или *ларами* в поклонении столичных *vici*. [2189] Это движение распространилось по всей Италии. Старые *magistri vicorum* становятся *magistri Larum*, а вскоре получают титул *magistri Augustales*. Их можно найти во всех частях Италии, а за ее пределами - в Сардинии, Нарбоненсии, Испании, Дакии и даже Египте.[2190] После смерти первого принцепса его полное обожествление было одобрено сенатом,[2191] за признанием последовало разрешение возводить храмы в провинциях,[2192] а частная и государственная инициатива способствовала распространению культа *божества Августа*. Прецедент, созданный в делах первых двух императоров, прочно утвердил практику посмертного обожествления, и отказ в нем принцепсу был почти равносителен осуждению его правления. [Хотя достоинства Клавдия как божества могли быть поставлены под сомнение, а Веспасиан со скептической терпимостью относился к собственному обожествлению как к неизбежному следствию своего положения,[2194] тем не менее к концу II века добродетели Антонинов сделали поклонение обожествленному императору более подлинным культом, чем когда-либо, и человек считался нечестивым, если у него в доме не было какого-нибудь изображения Марка Аврелия.[2195] Это поклонение цезарям оказало два долгосрочных влияния на социальную и политическую жизнь римского, итальянского и провинциального мира.

(1) Она создала священническую аристократию. После смерти и обожествления Августа в Риме была создана коллегия *Sodales Augustales*, состоявшая из двадцати одного вельможи и содержавшая в своем списке членов императорского дома.[2196] *Flamines Augustales* занимали такое же достойное положение в своих провинциях или в родных городах и были набраны из аристократии государств. *Фламин* из культа Ромы и Августа, центр которого находился в Нарбо, носил *претексту*, сопровождался ликтором, занимал первое место на играх и имел право участвовать в заседаниях местного сената. Его жена, *Фламиника*, в праздничные дни одевалась в белое или пурпурное, и, как и *Фламиника Диалис* в Риме, не

могла быть принуждена к присяге.[2197] Низшие и средние классы не были забыты при распределении этих религиозных почестей. Из *magistri Augustales*, о которых мы уже упоминали, развился *ordo Augustalium*, существовавший до смерти Августа как в Италии, так и в провинциях, и культ, с которым он был связан, имел отчасти стихийное происхождение, отчасти культивировался императорским правительством, а в некоторых случаях мог быть основан самими муниципальными городами. *Августалы* не были священниками, как *фламिंगи* и *сакердоты*, а просто орденом с определенными знаками *отличия - претекста, фасции, трибунал*, - которые они демонстрировали при исполнении своих официальных обязанностей, и их сравнивали с магистратами без светских магистерских функций. [Орден состоял в основном из вольноотпущенников, то есть тех, чье рождение не позволяло им занимать государственные должности в своих государствах, но которые, составляя значительную часть торгового населения, способствовали, возможно, больше, чем кто-либо другой, экономической жизнеспособности городов. Поклонение Августу, даровав им *знаки отличия* и некоторые гордые моменты, когда они представляли перед публикой в ослепительном блеске, в некоторой степени компенсировало потерю привилегий, которых лишал закон.

(2) Поклонение цезарю было единственной силой, которая давала провинциям некую представительную жизнь. Большие провинциальные собрания (*concilia, communia, κοινά*) появились как в восточном, так и в западном мире. В Азии уже существовали храмы, посвященные царям, проконсулам и городу Риму;[2200] а в эллинском мире национальные собрания, пережившие римское завоевание, возможно, предполагали или даже иногда продолжали существовать в этих новых амфикионийных собраниях. Благосклонность, проявленная императорским правительством к этому доказательству лояльности, вскоре заставила Запад последовать примеру Востока, и установление культа Рому и Августа в Лугдунуме, путем создания *консилиума* для трех галлов, стало прототипом подобной организации в других европейских провинциях. В конце концов, в каждой провинции империи, по-видимому, был создан какой-то вид диеты, и даже Британия, наименее организованная из римских зависимых территорий, имела в Колчестере храм обожествленного Клавдия. [Верховные жрецы культа (*sacerdotes provinciae, ἀρχιερεῖς*) выбирались ежегодно из самых знатных семей, а делегаты (*legati, σύμβοι*) от различных округов или государств, составлявших провинцию, посылались на ежегодные собрания (*concilia, κοινά*). Эти делегаты избирали первосвященников и голосовали за суммы, необходимые для целей культа. Но они чувствовали себя представителями провинции; они выражали ее национальность и представляли ее коллективные интересы так, как никакая другая власть, и было бы невозможно, кроме как силой, ограничить их выступления чисто религиозными вопросами. Правительство и не пыталось принудить их к этому. Оно разрешало, а возможно, и поощряло этих делегатов делать сообщения о состоянии провинции[2202] и даже высказывать жалобы на поведение римских чиновников.[2203] Жаль, что императорское правительство не сделало еще больше для сохранения быстро растущего чувства национальности; но ценность того, что оно сделало, доказывается тем, что эти собрания и созданные ими достойные ордена сохранились и в христианской империи. Такие титулы, как Асиарх, Сириарх, Финиарх, происходившие от первосвященства культа Цезаря, были уважены законодательством Константина[2204] и сохранились, как призраки языческого прошлого, чтобы некоторое время преследовать жизнь новой "экуменической" церкви, которая благодаря более полной вере и более высокой преданности одержала победу над старой.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ДВА СОБРАНИЯ ПЛЕМЕН

Существование *народной трибутной комиссии* в отличие от *плебейской трибутной консилиума* было впервые продемонстрировано Моммзеном (*Römische Forschungen, Die patricisch-plebejischen Tributcomitien der Republik*). Главные доказательства, на которые опирается доказательство существования этого парламента, таковы:.

(i.) У нас есть ряд отрывков, которые доказывают постоянное различие между населением и плебсом, патрицианскими и плебейскими магистратами, и которые показывают, что эти магистраты могли созывать только те органы, представителями которых они соответственно являлись. Вот эти отрывки:...

Festus p. 293 "Scita plebei appellantur ea, quae plebs suo suffragio sine patribus jussit, plebeio magistratu rogante."

ib. p. 330 "Scitum populi (est, quod eum magistra)tus patricius (rogavit populusque suis suf)fragis jussit..... Plebes autem est (populus universus) praeter patricos."

ib. p. 233 "cum plebes sine patri(bus a suo magistratu rogatur) quod plebes scivit, plebi(scitum est: plebs enim cum) appellatur, patrum com(munio excluditur)."

(ii.) Имеется множество свидетельств раннего существования *комиции* племен: (а) закон Двенадцати племен.

(а) Закон Двенадцати таблиц (451 г. до н.э.) предписывал в отношении юрисдикции "de capite civis nisi per maximum comitiatum ... ne ferunto" (Cic. *de Leg.* iii. 4, 11). Упоминание "наибольшей *комиции*" явно подразумевает существование меньшей, наделенной судебными полномочиями; а поскольку таковой, скорее всего, не являлась *comitia curiata* того периода, вряд ли это может быть какое-либо другое собрание, кроме *комиции* племен.

(b) Впервые квесторы были избраны народом в 447 г. до н. э. (Тас. *Ann.* xi 22), а в более поздние времена их назначение производилось *комицией* племен (Cic. *ad Fam.* vii 30).

(с) Первый законодательный акт народа, собравшего *трибутов*, относит к 357 году до н. э. (Liv. vii. 16 (консул) "legem novo exemplo ad Sutrium in castris tributim de vicensima eorum, qui manu mitterentur, tulit").

Народная трибутная комиссия, вероятно, была создана между 471 годом до н. э., когда плебеи начали собираться на *трибутные* собрания, и 451 годом, когда на существование такого собрания намекается в "Двенадцати таблицах".

(iii.) В развитой Республике мы находим собрание, собирающееся по трибам.

(а) которое возглавляют народные магистраты, например, консулы Манлий (Liv. vii. 16) и Т. Квинций Криспин (Frontinus *de Aquaed.* 129), диктатор Цезарь (Cic. *ad Fam.* vii. 30) и П. Клодий в качестве курульного эдила (Cic. *pro Sest.* 44, 95; *ad Q. fr.* 2, 3);

(b) которая избирает народных магистратов, например, квесторов (Cic. *ad Fam.* vii. 30 "comitiis quaestoriis institutis ... ille (Caesar) ... qui comitiis tributis esset auspicatus") и курульных эдилов (Gell. vii. 9 "[Cn. Flavius] pro tribu aedilem curulem renuntiaverunt");

(в) который законодательствует. Об этой законодательной власти свидетельствует лекс *Quinctia de aquaeductibus* от 9 г. до н. э. (Frontinus *de Aquaed.* 129);

(d) и осуществляет судебную власть. О судебной власти свидетельствует суд над Милоном в 56 г. до н. э. (Cic. *pro Sest.* 44, 95; *ad Q. fr.* 2, 3). Обвинителем был курульный эдил, а суд проходил на Форуме ("ejectus de rostris Clodius", l.c. § 2).

Возможно, наиболее яркое свидетельство существования этого собрания содержится в предписании к *lex Quinctia de aquaeductibus* (Frontinus l.c.), которое гласит: "T. Quinctius Crisp.

"T. Quinctius Crispinus consul populum jure rogavit populusque jure scivit in foro pro rostris aedis divi Julii pr(idie) [k.] Julias. Tribus Sergia principium fuit, pro tribu Sex.... L. f. Virro [primus scivit]".

Здесь мы видим собрание популяров под председательством народного магистрата, собравшихся на Форуме и голосующих по трибам. Таким образом, это может быть не что иное, как *народная трибутная комиссия (comitia tributa populi)*.

Хотя формальное различие между этим собранием и *concilium plebis tributim* было велико: одно созывалось народными магистратами, другое - плебейскими; одно избирало на народные, другое - на плебейские должности; одно принимало *законы*, другое - *плебисциту*, материальное различие между этими двумя органами было невелико. Оно заключалось в исключении патрициев из плебейских собраний. Когда консул или претор созывал трибы, на них могли присутствовать члены немногих патрицианских семей; когда трибун созывал трибы, эти члены должны были держаться в стороне.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ОГРАНИЧЕНИЕ ТРИБУНАТА В ПРАВЛЕНИЕ НЕРОНА

Тацит в "*Анналах*" (xiii. 28, 2), описывая некоторые ограничения полномочий трибунов и эдилов, которые были введены в 56 году н. э., упоминает одно из них, касающееся трибуната, природа которого до сих пор не была объяснена. Он выражает его словами "prohibiti tribuni jus praetorum et consulum praeripere, aut vocare ex Italia cum quibus lege agi posset" - "трибунам было запрещено узурпировать власть преторов и консулов или вызывать из Италии лиц, подлежащих судебному разбирательству". Кажется, все согласны с тем, что *aut* здесь является конъюнктивным, а не дизъюнктивным, т. е. что существует самая тесная связь между "jus praetorum et consulum praeripere" и "vocare ex Italia", и кажется, что так и должно быть; ведь Тацит, как ни расплывчаты его ссылки в этой главе, никогда не мог бы упомянуть о чем-то столь неопределенном, как "узурпация власти преторов и консулов", без некоторого уточнения сферы или объема этой узурпации. Поэтому я предположу, что второй пункт поясняет первый и что "вызов из Италии" каким-то образом определяет "узурпацию" - хотя, как мы увидим, это предположение ни в коем случае не является необходимым для моего основного аргумента, который будет сосредоточен вокруг выражения "vocare ex Italia".

Комментарии комментаторов к этому отрывку в большинстве своем сводятся к выражению недоумения по поводу конституционных аномалий, которые он демонстрирует. Они неизбежно отмечают, что трибун не имел права *vocatio*, хотя иногда и пользовался им (Varro ap. Gell. xiii. 12), и что, если даже он обладал этим правом, оно не должно было осуществляться за пределами городских стен. Единственный положительный факт, который можно извлечь из таких заявлений, - это то, что *vocatio*, о котором здесь идет речь, является своего рода личным вызовом; кто вызывается и с какой целью - это вопросы, на которые они, похоже, не могут дать ответа. Мнение выдающегося писателя по римскому праву, который пытается углубить свой анализ, демонстрирует лишь отчаянный характер средств, которые приходится применять, чтобы извлечь смысл из этого отрывка. Карлова (*Röm. Rechtsgesch.* i. p. 530) предполагает, что трибуны позволяли обвиняемым избегать повесток в уголовных процессах, которые должны были проходить в сенате - инициирование таких процессов принадлежало только консулам и преторам. Похоже, он не чувствует препятствий, которые стоят на пути к этому выводу. Он вынужден принимать *lege agere* в необычном смысле юридического исполнения уголовного закона; он не показывает, почему Тацит должен был написать "*vocare ex Italia*" вместо более естественного "*vocare a senatu*"; он не помнит, что трибунское заступничество в уголовном процессе перед сенатом еще при Тиберии превратилось в право помилования, принадлежащее принцепсу, и что его использование обычным трибуном могло привести к смерти опрометчивого заступника (Tac. *Ann.* vi. 47; ср. xvi 26).

Чтобы понять истинный смысл этого отрывка, мы должны найти какую-то сферу, в которой трибунское вето оставалось неприкосновенным во время принципата; но прежде чем сделать это, мы должны спросить, дают ли слова, использованные Тацитом, какие-либо предположения о такой сфере. Можно перевести слова "*vocare ex Italia*" как "вызывать из любой части Италии", "вызывать, то есть из Рима и Италии"; но я осмелюсь предположить, что *ex Italia* исключает идею Рима, и что смысл этих слов - "вызывать из муниципального города Италии в Рим". На каком основании может быть сделан такой вызов, показывают слова "*cum quibus lege agi posset*". Сферой вызова является гражданская юрисдикция в *муниципии*, разделенная между римскими и местными властями в соответствии с законом об урегулировании, которое последовало за окончанием социальной войны - урегулирование, известное нам главным образом благодаря *lex Rubria*. Все предложение, если перевести его буквально, хотя и несколько неуклюже, гласит: "Трибунам было запрещено вызывать тяжущихся из италийского города в тех случаях, когда в этом городе можно было подать гражданский иск".

Согласно этой гипотезе, сфера власти трибуна, о которой идет речь, - это хорошо знакомое нам вето на апелляцию в гражданской юрисдикции. Насколько частой была *апелляция* к трибунам в вопросах гражданской юрисдикции в период поздней Республики, показывает тот факт, что из четырех частных ораций Цицерона две - в честь Квинкция и Туллия - фиксируют использование этой апелляции (Cic. *pro Quinct.* 7, 29; *pro Tullio* 16, 38, 39); а то, что эта апелляционная инстанция продолжала действовать и в период принципата, показывает очевидная интерпретация известных строк Ювенала (vii. 228) -

Rara tamen merces quae cognitione tribuni

Non eget-

слова, которые почти наверняка означают "редко бывает, чтобы такие *мерки* не привели к апелляционному суду".

Может показаться странным, что вето этих чисто городских магистратов должно рассматриваться в связи с муниципальной юрисдикцией, пока мы не вспомним аномальный характер урегулирования, принятого после социальной войны. По этому решению юрисдикция в Италии является простым приложением к юрисдикции в Риме; формально она является юрисдикцией в Риме, как показывает Гай (iv. 103-105), который не признает никакого промежутка между юрисдикцией закона *intra primum miliarium* и юрисдикцией *imperium* в провинциях. Преторская формула и преторское предписание распространяются на всю Италию, хотя сам претор не может покидать Рим более чем на десять дней в течение года своего пребывания в должности (Cic. *Phil.* ii. 13, 31); и если апелляционная власть трибуна должна была сохраниться, она должна была считаться соэкстенсивной с *imperium* магистрата, на которого он наложил вето. Заступничество трибуна в муниципальной юрисдикции не требовало создания закона; это было все то же вето одного городского магистрата другим в стенах Рима. Если бы даже постановления трибуна и его *coercitio* были действительны за пределами стен, это можно было бы объяснить в соответствии с преобладающей фикцией; но предположение о таком расширении не является абсолютно необходимым, как покажут следующие картины того, что, вероятно, происходило в конфликте между центральным и местным судами.

Предположим, Аурус Агерий подает иск против Нумерия Негидия в городе Арпинум. Местный магистрат решает принять дело к рассмотрению. Нумерий Негидий отрицает компетенцию суда и подает апелляцию; кому? В первую очередь, вероятно, к коллеге местного магистрата, поскольку *lex Rubria* (с. хх.) запрещает вступать в дело только в том случае, если местный суд признан компетентным. Этот коллега накладывает вето, *judicium* отменяется; все, что теперь может сделать местный магистрат, - это заставить стороны заключить *вадимониум*, чтобы предстать перед претором, и дело переходит в Рим. Но предположим, что, когда оно дойдет до Рима, претор решит, что дело действительно находилось в компетенции муниципального магистрата, и издаст приказ о его возвращении? Теперь Нумерий обращается к трибуну. Накладывается вето, и, если дело вообще должно быть рассмотрено, претор обязан его принять.

Можно также представить себе дело с теми же прелиминариями, в котором Нумерий обращается к коллеге местного магистрата с жалобой на компетенцию местного суда, но тот отказывается вмешиваться. Остался ли Нумерий в затруднительном положении? Несомненно, в таком случае должна была быть дальнейшая апелляция в Рим, к претору или, возможно, в данном случае, к его высшему коллеге - консулу. Но претор или консул теперь принимает решение не в пользу Нумерия. Апелляция подается трибуну, и постановление консула или претора может быть отменено. Дело, если оно вообще должно быть рассмотрено, должно быть рассмотрено в Риме.

В обоих случаях трибун накладывает свое вето в пределах города, и все же в обоих случаях, если его решение неправомерно, он занимает позицию "*vocare ex Italia cum quibus lege agi posset*". В обоих случаях это не является истинным использованием *magisterial vocatio*, и таким образом снимается одна из трудностей, обнаруженных комментаторами в этом отрывке; это просто иллюстрация положительного влияния отрицательной власти. Как трибун может настойчивым вето заставить претора изменить свою формулу (Cic. *Acad. Prior.* ii. 30, 97; *pro Tullio* 16, 38), так и он может настойчивым отрицанием распоряжений претора местным магистратом заставить претора судить. Мы не знаем, каким образом в этом случае обеспечивался положительный эффект вето, но очевидно, что должны были быть

предусмотрены какие-то средства для рассмотрения муниципального иска в Риме, когда муниципальный суд был признан некомпетентным.

Но, помимо процедуры, вытекающей из этих жестких правил компетенции, есть некоторые свидетельства дискреционных полномочий, так называемого *Romam revocatio*, которые использовались и злоупотреблялись магистратами к концу Республики. *Фрагмент Аместинума* (возможно, часть *lex Rubria*) устанавливает (l. 16 sq.) в отношении муниципальной юрисдикции: "ejus rei reque[n]t[ia]e quo magis privato Romae revocatio sit ... ex hac lege nihilum rogatur", то есть этот закон не позволяет (или подразумевает) *revocatio* в Рим в указанных случаях. Мы не знаем, какой магистрат осуществлял этот *revocatio*. Что касается уголовной юрисдикции в провинциях, то она была обязанностью консулов (Cic. *in Verr.* i. 33, 84); и если они осуществляли эту власть и в гражданской юрисдикции, то *jus consulum praeripere* из нашего отрывка может относиться к вмешательству трибунов в эту консульскую прерогативу. Стоит отметить, что Плутарх (*Caes.* 4) связывает эту власть с трибунами; его рассказ о суде над П. Антонием почти бесспорно неверен, но можно считать, что, по его мнению (т. е. по мнению, бытовавшему во времена принципата), трибуны имели какое-то отношение к вызову дел в Рим.

До сих пор мы имели дело с претором и *ординарной судебной системой*. Возможно ли, что трибун также вмешивался в экстраординарную юрисдикцию, созданную во времена принципата, и, таким образом, в судебные полномочия консулов? Консульская юрисдикция в *fideicommissa* была передана преторам Клавдием (*Dig.* 1, 2, 2, 32), но не вся. Квинтилиан показывает, что в более важных вопросах она по-прежнему принадлежала первым (*Inst. Or.* iii. 6, 70 "non debes apud praetorem petere fideicommissum sed apud consules, major enim praetoria cognitione summa est"). Если консулы рассматривали дела, когда *фидеикомисс* был очень большим, а преторы - когда меньшим, то не исключено, что муниципальные магистраты могли рассматривать местные дела, когда сумма, являвшаяся предметом траста, была незначительной. Таким образом, возможно, что в связи с этим вопросом могли возникнуть вопросы о компетенции местных и римских магистратов; Хотя я предпочитаю объяснять *jus consulum praeripere* Тацита на основе уже упомянутых гипотез о некоем консульском праве *vocatio* или *revocatio* в вопросах обычной юрисдикции.

Многое должно оставаться неясным; мы не можем вникнуть в детали процедуры. Все, что мы можем сделать, - это показать, что существуют доказательства вмешательства трибуна в права магистратов в вопросах муниципальной юрисдикции, и предложить методы такого вмешательства. Мы также не можем определить точные ограничения его полномочий, введенные изменениями 56 г. н.э. Но оно явно отняло у трибуна окончательное решение о том, когда гражданское дело должно быть вызвано из муниципального города в Рим. Либо его *intercessio* в этом вопросе муниципальной юрисдикции была упразднена, либо его вето стало чисто отлагательным. В этой же главе Тацита мы видим, что исполнение трибунской *multa* подчиняется решению консула. Аналогичным образом, в отношении власти, о которой мы говорили, городской претор или консул могли быть объявлены абсолютно компетентными решать после рассмотрения дела, когда оно должно рассматриваться в местных судах, а когда должно быть передано в трибунал в Риме.

ССЫЛКИ:

[1] *Pagus* (этимологически связанный с πᾱγῶν, *pago, pango*) подразумевает идею "основания" или "урегулирования".

[2] Cp. Liv. ii. 62 "Incendiis deinde non villarum modo, sed etiam vicorum, quibus frequenter habitabatur, Sabini exciti."

[3] Так Сервий Туллий, согласно одной версии, разделил территорию Рима на двадцать шесть *пагов*. *Pagus* - это δῆμος по-гречески (Festus p. 72), но это мало что доказывает в отношении его происхождения; таким образом переводится именно *лаг* как часть государства. В Греции δῆμος или δᾶμος часто был (как в Элисе) самостоятельной общиной.

[4] Liv. ii. 16. Однако даже здесь *род Клавдия* представлен как изгнанный из *civitas*.

[5] Древние выводили *Palatine* от *balare* или *palare* скота (Festus p. 220) или от пастушеского бога Палеса (Solinus i. 15). Возможно, оно происходит от корня *pa* (*pasco*). См. O. Gilbert *Geschichte u. Topographie der Stadt Rom in Altertum* i. p. 17.

[6] Tac. *Ann.* xii. 24.

[7] Эта тенденция лучше всего видна на карте Рихтера, показывающей расширение Рима (Baumeister *Denkmäler* art. "Rom" Karte v.).

[8] Festus pp. 340, 341. См. Gilbert *Topographie* i. pp. 38, 162.

[9] Varro *L.L.* v. 45 ff.

[10] т.е. в четырех городских племенах - *Палатине* (Палатин, Цермал, Велия), *Эсквилине* (Оппий, Циспий, Фагутал), *Субурани* или *Сукусане* (Козлий, Субура), *Коллине* (Квириналис, Виминалис - область за пределами старого Септимонтиума). См. Belot *Histoire des Chevaliers Romains* i. p. 401.

[11] Сабинское происхождение титиев, возможно, основывалось на сабинских *сакрах* содалов *Тутия* (Tac. *Ann.* i. 54). Ср. фракийское происхождение, приписываемое Эвмолпидам в Афинах в связи с характером их культа.

[12] Cic. *de Rep.* ii. 8, 14 "populumque et suo et Tatii nomine et Lucumonis, qui Romuli socius in Sabino proelio occiderat, in tribus tris ... discriperat."

[13] Например, как ионические племенные имена были навязаны Афинам после того, как их примитивное значение было утрачено.

[14] Cp. Niese *Grundriss der röm. Gesch.* pp. 20 sq.

[15] Cincius ap. Festum p. 241 "Patricios Cincius ait in libro de comitiis eos appellari solitos, qui nunc ingenui vocentur." Cp. Liv. x. 8 (300 г. до н.э.; из речи Деция Муса) § 9 "Semper ista audita sunt eadem, penes vos auspicia esse, vos solos gentem habere, vos solos justum imperium et auspiciū domi militiaeque"; § 10 "en unquam fando audistis, patricios primo esse factos non de coelo demissos sed qui patrem ciere possent, id est nihil ultra quam ingenuos?"

[16] Мистер Страхан-Дэвидсон замечает (Smith *Dict. of Antiq.* ii. p. 354), что, по мере развития прав плебеев, они тоже должны были стать *патрициями*, но слово *patricius* сохранилось как "знак задержанного развития".

[17] *Plebs* связано с корнем, который появляется в *compleo, impleo*, πλῆϋος.

[18] Liv. i. 28 "populum omnem Albanum Romam traducere in animo est, civitatem dare plebi, primores in patres legere." Дионисий (ii. 35) представляет жителей Каенины и Антемны как после их подчинения зачисленных в εἰς φυλὰς καὶ φράτρας.

[19] Ср. рассказ Дионисия об учреждении Ромулом клиентуры (ii. 9 παρακαταθήκας δὲ ἔδωκε τοῖς πατρικίοις τοὺς δημοτικούς, ἐπίτρεψας ἑκάστῳ ὃν αὐτὸς ἐβούλετο νέμειν προστάτην ... πατρωνεῖαν ὀνομάσας τὴν προστασίαν).

[20] *jus commercii* читается в отношениях Рима с Карфагеном, как это изображено во втором договоре Полибия [Polyb. iii. 24, 12 ἐν Σικελίᾳ, ἧς Καρχηδόνιοι ἐπάρχουσι, καὶ ἐν Καρχηδόνι πάντα καὶ ποιεῖτω καὶ πωλεῖτω (римский) ὅσα καὶ τῷ πολίτῃ (карфагенский) ἔξεστιν]. Но юрисдикция здесь могла быть делом какого-то международного суда, а *jus commercii*, без *jus exulandi*, вряд ли сделало бы иностранного иммигранта гражданином Рима.

[21] Цицерон показывает, что существовал спор о том, соответствует ли *applicatio exilium* (*de Orat.* i. 39, 177): "Quid? quod item in centumvirali judicio certatum esse accepimus, qui Romam in exilium venisset, cui Romae exulare jus esset, si se ad aliquem quasi patronum applicavisset intestatoque esset mortuus, nonne in ea causa jus applicationis, obscurum sane et ignotum, patefactum in judicio atque illustratum est a patrono?"

[22] Zonaras vii. 15. П. Хлодий впервые попробовал этот метод; когда ему воспротивились, он прибег к хитрости усыновления. Придворные писатели представляли себе *transitio* для плебея Октавия, Suet. *Aug.* 2 "Ea gens a Tarquinio Prisco rege inter minores gentes adlecta ... mox a Servio Tullio in patricias transducta, procedente tempore ad plebem se contulit."

[23] Liv. ii. 16 (504 г. до н. э.) "Attus Clausus (изгнанный из Региллума) magna clientium comitatus manu Romam transfugit. His civitas data agerque trans Anienem ... Appius inter patres (т.е. сенат) lectus haud ita multo post in principum dignationem pervenit." Cp. Suet. *Tib.* 1.

[24] Savigny *Recht des Besitzes* (7-е изд.) p. 202. Об общем состоянии клиента см. Ihering *Geist des röm. Rechts* i. p. 237.

[25] Dionys. ii. 9, 10.

[26] ἐξηγεῖσθαι τὰ δίκαια ... δίκας λαγχάνειν ... τοῖς ἐγκαλοῦσιν ὑπέχειν (Dionys. ii. 10). Если имеется в виду представительство в гражданских судах, то оно должно было напоминать представительство *paterfamilias*, который подает иск от своего имени, поскольку прокуратурство было неизвестно в раннем римском судопроизводстве (Just. *Inst.* iv. 10 "cum olim in usu fuisset alterius nomine agere non posse").

[27] Verg. *Aen.* vi. 609 "fraus innexa clienti". Cp. Servius ad loc.

[28] Gell. v. 13 "Conveniebat ... ex moribus populi Romani primum juxta parentes locum tenere pupillos debere, fidei tutelaeque nostrae creditos; secundum eos proximum locum clientes habere, qui sese itidem in fidem patrociniūque nostrum dediderunt." Третье место занимали *хоспиты*, четвертое - *когнаты* и *адфины*.

[29] Liv. ii. 56.

[30] Suet. *Claud.* 24 "(Claudius) Appium Caecum censorem (312 до н.э.) ... libertinorum filios in senatum allegisse docuit; ignarus temporibus Appii (312-280 до н.э.) et deinceps aliquamdiu 'libertinos' dictos, non ipsos qui manu emitterentur, sed ingenuos ex his procreates."

[31] Plut. *Mar.* 5.

[32] Festus p. 94 "gentilis dicitur ex eodem genere ortus et (?) is qui simili nomine appellatur."

[33] p. 5.

[34] Cic. *Top.* 6, 29 "Gentiles sunt inter se, qui eodem nomine sunt; qui ab ingenuis oriundi sunt; quorum majorum nemo servitutem servivit; qui capite non sunt deminuti."

[35] Тест иллюстрируется спором между патрицием Клавдием и плебеем Клавдием Марцеллием, Cic. *de Orat.* i. 39, 176 "Quid? qua de re inter Marcellos et Claudios patricos centumviri judicarunt, cum Marcelli ab liberti filio stirpe, Claudii patricii ejusdem hominis hereditatem gente ad se rediisse dicerent, nonne in ea causa fuit oratoribus de toto stirpis et gentilitatis jure dicendum." Суетоний (*Tib.* 1) говорит о роде Клавдиев Марцеллиев, по сравнению с их патрицианскими тезками, "nec potentia minor nec dignitate".

[36] Liv. x. 8, цит. по с. 5.

[37] p. 5.

[38] Cic. *in Verr.* i. 45, 115 "Minucius quidam mortuus est ante istum (Verrem) praetorem; ejus testamentum erat nullum. Lege hereditas ad gentem Minuciam veniebat"; *de Leg.* ii. 22, 55 "Jam tanta religio est sepulchrorum, ut extra sacra et gentem inferri fas negent esse; idque apud majores nostros A. Torquatus in gente Popilia judicavit."

[39] Теория искусственного происхождения *gens* основана на симметричных цифрах, приведенных традицией. Полная численность ранних *gentes* указана как 300; они симметрично разделены, по десять на каждую из тридцати *курий*, как *курии* разделены на три первоначальных племени. Поэтому Нибур (*Hist. Rome* i. p. 319) говорит: "Числовая шкала *gentes* является неопровержимым доказательством того, что они были не более древними, чем конституция, а корпорациями, сформированными законодателем в гармонии с остальной частью его схемы".

[40] Niebuhr op. cit. p. 333; из Лаэлия Феликса (ap. Gell. xv. 27) "Cum ex generibus hominum suffragium feratur, curiata comitia esse" (*род*, потому что в собрание входили плебеи, некоторые из которых не имели *gentes*).

[41] Cic. *ad Fam.* ix. 21, 2.

[42] Momms. *Staatsr.* iii. p. 31.

[43] Cic. *de Rep.* ii. 20, 35 "(L. Tarquinius) duplicavit illum pristinum patrum numerum; et antiquos patres majorum gentium appellavit, quos priores sententiam rogabat; a se ascitos minorum"; Liv. i. 35 "(Tarquinius) centum in patres legit; qui deinde minorum gentium sunt appellati."

[44] p. 3.

[45] *Миноры (gentes minores)* иногда отождествляются с *гентами* последнего допущенного из этих племен, *луцерамы* (Ortolan *Hist. of Roman Law* i. § 33).

[46] Momms. *Hist. of Rome* bk. i. ch. v.

[47] Liv. i. 30; Dionys. iii. 29.

[48] Dionys. ii. 46.

[49] Liv. iv. 4 "nobilitatem vestram per cooptationem in patres habetis"; Suet. *Tib.* 1 "gens Claudia in patricos cooptata". Так Сервий и Нума, как говорят, были переведены Популом из сословия δῆμος в сословие πατρίκιοι.

[50] Как подразумевается в Suet. *Aug.* 2 (цитируется по с. 7).

[51] Dionys. v. 13.

[52] Liv. ii. 2 "Brutus ad populum tulit ut omnes Tarquiniae gentis exsules essent"; Varro ap. Non. p. 222 "omnes Tarquinius ejicerent, ne quam reditionis per gentilitatem spem haberent."

[53] Suet. *Tib.* 1 "Patricia gens Claudia ... orta est ex Regillis, oppido Sabinorum ... post reges exactos sexto fere anno, in patricias cooptata. Agrum insuper trans Anienem clientibus, locumque sibi ad sepulturam sub Capitolio, publice accepit." Ср. Liv. ii. 16 (цитируется по с. 7).

[54] Dionys. v. 40.

[55] *ib.* ii. 7.

[56] Cic. *de Rep.* ii. 14, 26.

[57] Momms. *Staatsr.* iii. p. 23.

[58] Varro *R.R.* i. 10, 2; ср. Plin. *H.N.* xix. 4.

[59] Festus p. 53 "Centuriatus ager in ducena jugera definitus, quia Romulus centenis civibus ducena jugera tribuit."

[60] Возможно, однако, что *manus* в таких выражениях - это просто символ власти.

[61] "Si adgnatus nec escit gentiles familiam habento."

[62] Suet. *Caes.* 1, об отказе Цезаря развестись с Корнелией; в результате он стал "uxoris dote, et gentiliis haereditatibus multatus".

[63] p. 10.

[64] "Si furiosus escit, ast ei custos nec escit, adgnatum gentiliumque in eo pecuniaque ejus potestas esto."

[65] Cic. *pro Domo* 13, 35.

[66] Suet. *Tib.* 1.

[67] Cic. *Phil.* i. 13, 32.

[68] Maine *Ancient Law* pp. 6, 27.

[69] Cic. *pro Domo* 13, 35 "Quas adoptiones (т.е. законные) ... hereditates nominis, pecuniae, sacrorum secutae sunt. Tu ... neque amissis sacris paternis in haec adoptiva venisti. Ita perturbatis sacris, contaminatis gentibus, et quam deseruisti et quam polluisti, etc."; *de Leg.* ii. 19, 48 "haec jura pontificum auctoritate consecuta sunt, ut ne morte patris familias sacrorum memoria occideret, iis essent ea adjuncta, ad quos ejusdem morte pecunia venerit." Таким образом, передача была частью *jus pontificium*, а не *jus civile*. Ср. Serv. in *Aen.* ii. 156.

[70] Ср. историю Вергинии в Liv. x. 23 (296 г. до н. э.) "Verginiam Auli filiam patriciam plebeio nuptam L. Volumnio consuli matronae, quod e patribus enupsisset, sacris arcuerant." Затем она основывает алтарь в честь "Pudicitia plebeia", в подражание алтарю в честь "Pudicitia patricia".

[71] ἀνδρὶ κοινωνὸν ἀπάντων χρημάτων τε καὶ ἱερῶν (Dionys. ii. 25).

[72] Plut. Qu. Rom. 30 Διὰ τί τὴν νύμφην εἰσάγοντες λέγειν κελεύουσιν- "Ὅπου σὺ Γαῖος ἐγὼ Γαῖα;

[73] например, усыновление по завещанию публичным актом в *comitia calata*.

[74] *Familia* этимологически означает "домашнее хозяйство". Ср. санскр. *dhâ* "селиться", *dhâman* "поселение".

[75] Первоначальным термином, возможно, был *manus*, означающий "власть" (см. с. 32), но со временем это слово стало обозначать контроль над женой, ставшей членом семьи.

[76] Плутарх (Rom. 22) цитирует закон Ромула, разрешающий развод с женой ἐπὶ φαρμακείᾳ τέκνων ἢ κλειδῶν ὑποβίλῃ καὶ μοιχευθεῖσαν.

[77] Dionys. ii. 15.

[78] Этот *jus noxae dationis* впервые окончательно исчезает в законе Юстиниана (*Inst.* iv. 8, 7; *Dig.* 43, 29, 3, 4). До его отмены была введена модификация, согласно которой, когда ребенок приобретал эквивалент за причиненный им ущерб (*quantum damni dedit*), владелец должен был быть вынужден его манумитировать.

[79] Даже при Константине была разрешена продажа новорожденных детей (*sanguinolenti*), но только *propter nimiam paupertatem* (*Cod.* 4, 43, 2).

[80] "Pater si filium ter venum duuit, filius a patre liber esto". Считается, однако, что ко времени Двенадцати таблиц продажа стала просто фиктивной.

[81] В более позднем римском праве эта *vindicatio filii* была заменена предписанием претора (*interdictum de liberis exhibendis*), действие которого было подобно Habeas Corpus.

[82] Dionys. ii. 26, 27.

[83] Gell. v. 19, 9.

[84] Адриан наказывал убийство сына депортацией (*Dig.* 48, 8, 5); Константин объявил это *parricidium*.

[85] Примеры приведены у Фойгта (*Zwölf Tafeln* ii 94). М. Фабий Бутео (223-218 гг. до н. э.) предал смерти своего сына в наказание за воровство (*Oros.* iv. 13), а некий Понтий Ауфидиан - свою дочь за безнравственность (*Val. Max.* vi. 1, 3); есть также примеры изгнания, совершенного отцом, предположительно под угрозой смертной казни, если дети вернутся.

[86] Мы можем привести два примера, лежащие в самых крайних точках республиканской истории: полумифический случай с Л. Юнием Брутом в 509 году (*Plut. Popl.* 6, 7) и исторический случай с А. Фульвием Нобилиором, который в 63 году до н. э. предал смерти своего сына за участие в заговоре катилинистов (*Sall. Cat.* 39).

[87] Современные авторы склонны отвергать апелляцию римских юристов к *sexus fragilitas* и считать, что первоначальным мотивом было желание сохранить имущество семьи (ср. Czychlarz *Inst.* p. 275); но поскольку этот мотив не действовал в случае сыновей, трудно понять, почему он должен был действовать в случае жены или дочерей, если не считать веры в

неспособность женщин защитить свои притязания. О мотиве, лежащем в основе *tutela mulierum*, см. с. 31.

[88] p. 16.

[89] Ulp. Reg. 12, 2 "Lex xii. Tab. prodigum, cui bonis interdictum est, in curatione jubet esse agnatorum"; ср. Ulp. in Dig. 27, 10, 1 "Lege xii. Tab. prodigo interdicitur bonorum suorum administratio". Не может быть никаких сомнений в древности этого запрета "продигуса", исходящего из теории, что имущество принадлежит семье, а не ее главе; но из какого авторитета он исходил в самый ранний период римской истории, неясно.

[90] См. рассказ в Val. Max. v. 8, 2 (p. 23) "adhibito propinquorum et amicorum consilio".

[91] Val. Max. ii. 9, 2 "M. Val. Maximus et C. Junius Brutus Bubulcus censores ... L. Annium Senatu moverunt, quod, quam virginem in matrimonium duxerat, repudiasset, nullo amicorum in consilio adhibito." См. Greenidge *Infamia in Roman Law* p. 65.

[92] Dionys. ii. 26, 27.

[93] О предполагаемом позднем разводе в Риме, даже после того, как Двенадцать таблиц свободно разрешили его, см. Gell. iv. 3 (*Infamia in Roman Law* p. 65).

[94] Dig. i. 6, 9 (Помпоний) "filius familias in publicis causis loco patris familias habetur, veluti ut magistratum gerat, ut tutor detur." Сравните рассказ в Liv. xxiv. 44 (213 г. до н. э.) "Pater filio legatus ad Suessulam in castra venit" - консул вышел ему навстречу; и старик верхом на лошади проехал мимо одиннадцати ликторов - "ut consul animadvertere proximum lictorem jussit et is, ut descenderet ex equo, inclamavit, tum demum desiliens, "Experiri," inquit, "volui, fili, satin" scires consulem te esse". Ср. Gell. ii. 2.

[95] Festus s.v. *Duicensus* (p. 66) "dicebatur cum altero, id est cum filio census."

[96] Вероятно, посредством *mancipatio fiduciae causa*, т.е. формальной передачи (*mancipavit*) своего тела на условии, что оно не будет захвачено в течение определенного времени, и что передача должна быть расторгнута (*solutio nexi*), если долг будет выплачен в течение этого времени.

[97] Ulpian Reg. 19, 1; Gaius ii. 15. В более поздний период к *Res Mancipi* относились земли в Италии (с их сервитутами), рабы и четвероногие, над которыми господствовали *dorso collove*. В выражении *familia pecuniaque* "familia", вероятно, обозначает рабов. Пьеррон (*Du sens des mots familia pecuniaque*) показал несостоятельность теории Иеринга и Кука, согласно которой первое обозначает *res Mancipi*, а второе *res nec Mancipi*.

[98] Plut. Cato maj. 3.

[99] Plut. Cor. 24.

[100] См. раздел о цензоре.

[101] Paulus in Dig. 28, 2, 11 "in suis heredibus evidentius apparet continuationem dominii eo rem perducere, ut nulla videatur hereditas fuisse, quasi olim hi domini essent, qui etiam vivo patre quodammodo domini existimantur." То, что приобретает *filius familias* после смерти отца, является лишь *libera bonorum administratio*.

[102] Gell. i. 9 "Tamquam illud fuit anticum consortium, quod jure atque verbo Romano appellabatur 'ercto non cito'"; Serv. in *Aen.* viii. 642 "'citae' divisae, ut est in jure 'ercto non cito', id est patrimonis vel hereditate non divisa."

[103] Gell. xv. 27 "Isdem comitiis, quae 'calata' appellari diximus, et sacrorum detestatio et testamenta fieri solebant. Tria enim genera testamentorum fuisse accepimus; unum, quod calatis comitiis in populi contione fieret, alterum in procinctu, cum viri ad proelium faciendum in aciem vocabantur, tertium per familiae emancipationem, cui aes et libra adhiberetur"; Gaius ii. 101 "aut calatis comitiis faciebant, quae comitia bis in anno testamentis faciendis destinata erant; aut in procinctu, id est, cum belli causa arma sumebant." Ср. Ульпиан (*Reg.* 20, 2) о *testamentorum genera tria*.

[104] Это завещание никогда не ассоциируется с адрогацией, хотя она имела место на том же собрании.

[105] В Gell. (цитируется в п. 1) оно связано с *sacrorum detestatio* (см. с. 16), и, возможно, это было его главной целью. Понтифики и народ должны были убедиться, что *sacra* будет продолжаться, а род не исчезнет.

[106] См. отрывки Геллия, Гая и Ульпиана, приведенные в п. 1, и сравните Festus p. 225 "procincta classis dicebatur, cum exercitus cinctus erat Gabino cinctu confestim pugnaturus." Во II веке до н. э. мы находим некое военное завещание, названное этим именем, составленное римскими солдатами в Испании (Velleius ii. 5 "facientibus ... omnibus in procinctu testamenta, velut ad certam mortem eundum foret").

[107] Gaius ii. 102 "Qui neque calatis comitiis, neque in procinctu testamentum fecerat, is, si subita morte urgebatur, amico familiam suam, id est, patrimonium suum mancipio dabat, eumque rogabat, quod cuique post mortem suam dari vellet."

[108] Gaius ii. 104 "Familiam pecuniamque tuam endo mandatela tutela custodelaque mea, quo tu jure testamentum facere possis secundum legem publicam, hoc aere esto mihi emptum." О *familia pecuniaque* см. с. 24.

[109] Оговорка о том, что это траст, все равно полностью лишила бы завещателя наследства в течение оставшейся жизни. Мы ничего не слышим о формальном резервировании пожизненной доли.

[110] "Cum nexum faciet mancipiumque, uti lingua nuncupasset ita jus esto."

[111] Gaius ii. 104 "Haec ita, ut in his tabulis cerisque scripta sunt, ita do, ita lego, ita testor, itaque vos, quirites, testimonium mihi perhibetote."

[112] Plut. *Comp. Lys.* с. *Num.* 4 λέγεται γοῦν ποτε γυναικὸς εἰπούσης δίκην ἰδίαν ἐν ἀγορᾷ πέμψαι τὴν σύγκλητον εἰς θεοῦ, πυνθανομένην, τίνος ἄρα τῇ πόλει σημεῖον εἴη τὸ γεγεννημένον.

[113] Например, *lex Claudia*, отменивший законную опеку агнатора (Gaius i. 171).

[114] След старой неспособности сохранился в запрете на защиту женщин; преторы отказывались предоставлять им формулу от имени других. Некая Карфания (Гайя Афрания) "inverecunde postulans et magistratum inquietans", как говорят, послужила поводом для этого правила (Ulp. in *Dig.* 3, 11, 5).

[115] Это употребление сохранилось в эдикте претора; он говорил о "qui quaeve ... capite deminuti deminutaeve esse dicentur" (*Dig.* 4, 5, 2, 1), имея в виду то, что позднейшие юристы называют *cap. dem. minima*, т. е. потерю семьи.

[116] См. Eisele "Zur Natur u. Geschichte der capitis deminutio" в *Beiträge zur Römischen Rechtsgeschichte* p. 160. Он борется с противоположным мнением, что *capitis dem.* означает уничтожение личности. Моммзен (*Staatsr.* iii. 8) придерживается этой последней точки зрения - естественного результата юридического усовершенствования, но концепции, которая была бы совершенно непонятна для первобытной общины.

[117] Gaius i. 162 "Minima capitis deminutio est, cum et civitas et libertas retinetur, sed status hominis commutator; quod accidit in his qui adoptantur, item in his quae coemptionem faciunt, et in his qui mancipio dantur, quique ex mancipatione manumittuntur."

[118] Liv. i. 32.

[119] Gell. i. 12, 14; x. 24, 3.

[120] Моммзен (*Staatsr.* iii. 3, п. 2) связывает это слово с *populari. Magister populi* (т.е. диктатор) является начальником пехоты.

[121] Varro ap. Dionys. ii 48. Другие мнения выводят его из сабинского города Cures (Varro *L.L.* v. 51; Strabo v. 3, 1) или связывают с *Curia* (Lange *Röm. Alt.* i. p. 89; Belot *Hist. d. Chev. Rom.* i. p. 312).

[122] Suet. *Jul.* 70.

[123] Capito ap. Gell. i. 20 "Plebes ... in qua gentes civium patriciae non insunt: plebiscitum ... est ... lex, quam plebes, non populus, accipit." Cf. Festus p. 233.

[124] Согласно примитивному представлению, частные права зависят от общественных; см. с. 31. Но рост плебса и союзы с другими государствами внесли много изменений в эту концепцию.

[125] Nonius, s.v. *plebitas*, p. 101 "Hemina in annalibus, "Quicumque propter plebitatem agro publico ejecti sunt." Cp. Liv. iv. 48.

[126] p. 17.

[127] Cic. *de Leg.* ii. 13, 32 (по вопросу о том, были ли покровители просто направлены на *утилиту* государства или составляли истинный метод гадания) "si enim deos esse concedimus ... et eosdem hominum consulere generi, et posse nobis signa rerum futurarum ostendere; non video cur esse divinationem negem."

[128] Cic. *de Div.* ii. 33, 70 (трудность ответа за результаты может понравиться *авгуру с Марса*, но не римлянину) "non enim sumus ii nos augures, qui avium reliquorumve signorum observatione futura dicamus." Cp. i. 58, 132: "Non habeo ... nauci Marsum augurem, non vicanos haruspices, non de circo astrologos, non Isiacos conjectores, non interpretes somniorum. Non enim sunt ii aut scientia aut arte divini."

[129] См. рассмотрение эгиды в разделе о магистратуре (с. 163).

[130] Как ни странно, греческая вера в прорицательскую или пророческую силу не привела к концепции священства, отделенного от народа. Но греческая наука гадания, хотя и связанная с оракулами и пророчествами, не ставила перед собой более высоких целей, чем римская. Ее целью, как правило, было получить одобрение намеченного курса действий.

[131] Cic. *de Leg.* ii. 8, 21 "Quaeque augur injusta, nefasta, vitiosa, dira defixerit, inrita infectaque sunt; quique non paruerit, capital esto."

[132] Serv. ad *Aen.* vi. 190 "auguria aut oblativa sunt, quae non poscuntur, aut impetrativa, quae optata veniunt." О категориях этих двух видов покровительства см. обсуждение покровительства в разделе о магистратуре (с. 162).

[133] Liv. vi. 41 "Auspiciis hanc urbem conditam esse, auspiciis bello ac pace, domi militiaeque omnia geri, quis est qui ignoret?"

[134] Эта точка зрения наиболее полно выражена в формальностях *междоусобия*. См. раздел, посвященный этому институту (с. 147).

[135] Cic. *de Div.* i. 16, 28 "Nihil fere quondam majoris rei, nisi auspiciato, ne privatim quidem, gerebatur: quod etiam nunc nuptiarum auspices declarant, qui, re omissa, nomen tantum tenent." В i. 17, 31 мы имеем историю о том, как Аттус Навий принимал эгиду *от авлов* в частном деле. Ср. Liv. vi. 41.

[136] Cic. *de Div.* i. 16, 28 (см. последнее примечание); Suet. *Claud.* 26; Tac. *Ann.* xi. 27.

[137] Liv. iv. 2 "Quas quantasque res C. Canuleium adgressum? Conlusionem gentium, perturbationem auspicio publicorum privatorumque adferre." Однако в этом отрывке есть лишь косвенная ссылка на супружескую *ауспицию*. Аргумент состоит в том, что межбрачные отношения приведут к исчезновению чистого патрициата, а вместе с ним и общего права на получение *auspicia impetrativa*.

[138] Cic. *de Div.* ii. 36, 76 "a populo auspicia accepta habemus". Отношение *auspicia habere* к *spectio* заключается в том, что первое обозначает абстрактное право задавать вопросы богам, а второе - его осуществление в конкретном случае (Momms. *Staatsr.* i. 89 n. 3). Указание магистратом знаков, которые он хотел бы увидеть, было известно как *legum dictio* (Serv. ad *Aen.* iii. 89; ср. p. 43 n. 2).

[139] Аналогичная путаница была внесена в более ранний период в отношении дарителей эгиды. Говорится, что они даются народом (Cic. *de Div.* ii. 36, 76; p. 39), но большая часть народа (т. е. плебс) ими не обладала.

[140] p. 3.

[141] Dionys. iv. 14 (Servius Tullius) τὰς καταγραφὰς τῶν στρατιωτῶν καὶ τὰς εἰσπράξεις τῶν χρημάτων ... οὐκέτι κατὰ τὰς τρεῖς φυλὰς τὰς γενικάς, ὡς πρότερον, κ.т.л. Varro *L.L.* v. 181 "Tributum dictum a tribubus, quod ea pecunia, quae populo imperata erat, tributim a singulis pro portione census exigebatur."

[142] От *legere*, Varro *L.L.* v. 87.

[143] Varro *L.L.* v. 89 "milites quod trium milium primo legio fiebat, ac singulae tribus Titiensium, Ramnium, Lucerum milia singula militum mittebant."

[144] *ib.* 81 "tribuni militum quod terni tribus tribubus Ramnium, Lucerum, Titium olim ad exercitum mittebantur." С другой стороны, Сервий (в *Aen.* v. 560) говорит, что *трибуны* назывались так потому, что они руководили одной третью всех войск.

[145] *p.* 12.

[146] *Liv.* i. 36.

[147] Например, Калабра, Фориенсис, Велиенсис. Другие имена (например, Тиция) могут быть эпонимами.

[148] *Festus* *p.* 62 "curionia sacra, quae in curiis fiebant"; *p.* 64 "curiales flamines curiarum sacerdotes."

[149] *ib.* *p.* 49 (s.v. *curia*) "locus est, ubi publicas curas gerebant."

[150] См. прим. 1.

[151] *Festus* *p.* 126; *Liv.* xxvii. 8.

[152] *Festus* *p.* 55 "Celeres antiqui dixerunt, quos nunc equites dicimus ... qui primitus electi fuerunt ex singulis curiis deni, ideoque omnino trecenti fuere."

[153] *Liv.* i. 26; *Cic. de Rep.* ii. 31, 54.

[154] *Dionys.* ii. 14.

[155] "Generale jussum" (*Capito ap. Gell.* x. 20).

[156] *Lex*, вероятно, этимологически связан с немецким *legen* (готским *lagjan*), как θεσμός с τίθημι.

[157] В бизнесе мы имеем *leges locationis, venditionis*, в структуре корпораций - *lex collegii*. С другой стороны, в *legum dictio* авгура, который представляет собой изложение способа ответа богов на просьбу, в *lex data*, которые даются отдельным лицам магистратом (например, *leges censoriae*) или предоставляются Римом в качестве хартии подвластному государству, возникает идея чисто одностороннего постановления.

[158] *Dionys.* iii. 62; *Cic. de Rep.* ii. 17, 31.

[159] *Tac. Ann.* xi. 22; *Ulp. in Dig.* i. 13.

[160] *Varro L.L.* v. 80 "Praetor dictus, qui praeiret jure et exercitu." Но титул, возможно, чисто военный (*prae-itor*, "человек, который идет перед войском").

[161] *Festus* *p.* 198 "in magistro populi faciendo, qui vulgo Dictator appellatur."

[162] *Cic. de Rep.* i. 26, 42. *Regnum* обозначает положение короля как главы государства (*ib.* ii. 27), но не царскую власть.

[163] *Lictor*, вероятно, происходит от *licere*. Другие попытки деривации см. в *Gell.* xii. 8. Они созывают не только в собрание, но и в суды, и таким образом являются главным признаком юрисдикции и принудительной власти (*coercitio*). Отдельные *курии*, вероятно, созывались тридцатью *lictors curiatii*, которые сохранились и в поздней Республике. См. *Momms. Staatsr.* i. *p.* 392. О количестве ликторов, сопровождавших царя, см. *Cic. de Rep.* ii. 17, 31; *Liv.* i. 8; *Dionys.* ii. 29; iii. 61, 62.

[164] Serv. in *Aen.* vii. 188, 612; xi. 334; Ov. *Fast.* ii. 503.

[165] Cic. *de Fin.* ii. 21, 69; Dionys. iii. 61.

[166] Festus p. 49 "currules magistrates appellati sunt, quia curru vehebantur."

[167] Dionys. iv. 74.

[168] Festus p. 209 "Picta quae nunc toga dicitur purpurea ante vocitata est eaque erat sine pictura." Во времена Полибия (Polyb. vi. 53) это уже было *picta* (διάχρυσος).

[169] Liv. i. 56.

[170] "Arvi et arbusta et pascui lati atque uberes" (Cic. *de Rep.* v. 2, 3). Cp. Liv. ii. 5.

[171] p. 8.

[172] Cic. *de Rep.* ii. 12, 24 "Nostri illi etiam turn agrestes viderunt virtutem et sapientiam regalem, non progeniem quaeri oportere." Cp. App. *B.C.* i. 98.

[173] Liv. i. 7 и 18.

[174] Liv. i. 17; Cic. *de Rep.* ii. 17, 31.

[175] *Интеррегнум*, хотя и был лишь случайной должностью в Республике, представлен как неизменная часть процедуры передачи царской власти (Liv. i. 47).

[176] Dionys. v. 1; Liv. xl. 42.

[177] Tac. *Ann.* i. 14 и 81; Dio Cass. liii. 21, 7; lviii. 20, 3.

[178] Cic. *de Rep.* ii. 12, 23; Liv. i. 17; Dionys. ii. 57.

[179] [Cic.] *ad Brut.* i. 5, 4.

[180] Cp. Serv. in *Aen.* vi. 808 "Romulo mortuo cum ... Senatus ... regnasset per decurias."

[181] Dionys. ii. 57 διακληρωσάμενοι.

[182] Dionys. ii. 57 τοῖς λαχοῦσι δέκα πρώτοις ἀπέδωκαν ἄρχειν τῆς πόλεως τὴν αὐτόκρατορ' ἀρχήν: Liv. i. 17 "decem imperitabant, unus cum insignibus imperii et lictoribus erat."

[183] В рассказах об этой процедуре, вероятно, опущен важный элемент, а именно то, что каждый отдельный *интеррекс* выдвигал своего преемника. Первый не мог выдвинуть короля, так как не получил эгиды в должной форме.

[184] Моммзен (*Staatsr.* i. pp. 213, 214) придерживается иного мнения, утверждая, что король в каждом случае назначался не *rex*, а *interrex*, на том юридическом основании, что назначение преемника было бы одним из тех "actus legitimi qui non recipiunt diem vel condicionem" (таких как *hereditatis aditio*, *tutoris datio*), и которые "in totum vitiantur per temporis vel condicionis adjectionem" (Papin. in *Dig.* 50, 17, 77). Но даже в царский период, возможно, существовало одно условие, которое не лишало силы такие акты, а именно смерть (см. с. 29).

[185] Liv. i. 17, 22, 32, 41, 47.

[186] Cic. *de Leg. Agr.* ii. 10, 26; ii. 11, 28; *ad Fam.* i. 9, 25.

[187] Cic. *de Rep.* ii. 13, 25 "Numam ... qui ... quamquam populus curiatis eum comitiis regem esse jusserat, tamen ipse de suo imperio curiatam legem tulit."

[188] Liv. i. 41 "Servius, praesidio firmo munitus, primus injussu populi, voluntate patrum regnavit."

[189] Cic. *de Rep.* ii. 17, 31 "Tullum Hostilium populus regem, interrege rogante, comitiis curiatis creavit, isque de imperio suo ... populum consuluit curiatim."

[190] Последний *injustus dominus* Рима управлял "neque populi jussu neque auctoribus patribus" (Cic. *de Rep.* ii. 24, 45; Liv. i. 49).

[191] Так Ромул принимает свое покровительство на Палатине (Liv. i. 6).

[192] p. 39.

[193] Liv. i. 18 "de se ... deos consuli jussit."

[194] Labeo ap. Gell. xv. 27, 1; Liv. xl. 42, 8.

[195] Dionys. ii. 14; iv. 74; Plut. *Ti. Gracch.* 15.

[196] Festus p. 185; Labeo ap. Gell. xv. 27; Ov. *Fasti* ii. 21.

[197] Об этом свидетельствуют его жертвоприношения на Календы и на Ноны (*sacra nonalia*) и принесение барана в жертву Янусу в *регии* на *Агоналии* (9 января) (Festus p. 10; Varro *L.L.* vi. 12; Ov. *Fasti* i. 317).

[198] Festus p. 113; Macrob. i. 15, 19.

[199] Liv. i. 20 "Numa Pontificem ... Numam Marcium M. f. ex patribus legit, eique sacra omnia exscripta exsignataque attribuit, quibus hostiis, quibus diebus, ad quae templa sacra fierent, atque unde in eos suraptus pecunia erogaretur. Cetera quoque omnia publica privataque sacra Pontificis scitis subjecit, ut esset, quo consultum plebes veniret: ne quid divini juris, negligendo patrios ritus, peregrinos que adsciscendo, turbaretur, etc.". Но впоследствии (в 449 г. до н. э.) Ливий (iii. 54) подразумевает существование коллегии, не упоминая о ее учреждении. Ср. iv. 44.

[200] Cic. *de Rep.* ii. 14, 26.

[201] Liv. x. 6.

[202] Bouché-Leclercq *Les Pontifes de l'ancienne Rome* p. 9. О том, что царь был понтификом, говорят Плутарх (*Numa* 9), Сервий (ad *Aen.* iii. 81) и Зосима (iv. 36), но доказательства могут быть искажены положением принцепса как *pontifex maximus*.

[203] Liv. i. 20 (p. 51 n. 5); ср. Ambrosch *Studien* p. 22.

[204] Cic. *de Rep.* ii. 9, 16; *de Div.* i. 2, 3.

[205] Liv. i. 20 "Tum sacerdotibus creandis animum adjecit, quamquam ipse plurima sacra obibat, ea maxime quae nunc ad Dilem flaminem pertinent."

[206] Как, например, номинация Фламинов принадлежала латинскому диктатору (Ascon. in *Milon.* p. 32).

[207] Gaius i. 130. То же самое было и с весталками (Gell. i. 12).

[208] О Фламене см. Liv. xxxi. 50; Festus p. 104. О весталке - Gell. x. 15.

[209] Plut. *Numa* 10.

[210] Liv. i. 20 (цитируется с. 51).

[211] *Supplicium*, от *sub-placo*, смерть в жертву за грех (Festus p. 308 "*supplicia ... sacrificia a supplicando*"); *castigatio* ("*castum agere*") очищение через искупление. С другой стороны, *poena*, *multa*, *talio* свидетельствуют о теории компенсации и частной мести. См. Rein *Criminalrecht* p. 39.

[212] Liv. i. 26; Dionys. iii. 22; Festus pp. 297 и 307.

[213] Festus p. 222; Gell. iv. 3.

[214] Macrob. i. 16, 10 "*prudentem expiare non posse*".

[215] Cic. *de Leg.* ii. 9, 22.

[216] Dionys. ii. 10; Serv. ad *Aen.* vi. 609.

[217] Festus p. 230.

[218] Dionys. ii. 74; Festus p. 368.

[219] Plin. *H.N.* xviii. 3, 12.

[220] Bouché-Leclercq *Les Pontifes* p. 196. В *lex sacrata*, защищавшем трибунов, мы встречаем это различие (Liv. iii. 55).

[221] Festus p. 318 "*At homo sacer is est, quem populus iudicavit ob maleficium; neque fas est eum immolari, sed qui occidit, parricidi non damnatur.*" Таково значение слова *sacer*, используемое в *leges sacratae* ранней Республики (Liv. ii. 8; iii. 55).

[222] *sacramentum* (буквально "клятва") в *actio sacramento* лучше всего объясняется как искупление (*piaculum*) в виде денежной выплаты за простительное, потому что непроизвольное, лжесвидетельство тяжущегося, который поддержал ложный иск. Когда процесс секуляризировался, *sacramentum* стал рассматриваться как простое пари. См. Danz *Der sacrale Schutz* pp. 151 ff.

[223] Cic. *de Rep.* ii. 17, 31 "*constituitque jus, quo bella indicerentur; quod per se justissime inventum sanxit fetiali religione, ut omne bellum, quod denuntiatur indictumque non esset, id injustum esse atque impium iudicaretur.*"

[224] Varro *L.L.* v. 86 "*Fetiales ... fidei publicae inter populos praeerant; nam per hos fiebat ut justum conciperetur bellum et inde desitum, ut foedere fides pacis constitueretur. Ex his mittebantur, antequam conciperetur, qui res repeterent, etc.*"

[225] Cic. *de Leg.* ii. 9, 21 "*Foederum, pacis, belli, indutiarum ratorum fetiales iudices nuntii sunt; bella disceptant.*" Слово *fetialis*, вероятно, связано с *fateri* (и осканским *fatium*). Таким образом, "фетиалы" - это ораторы (*oratores*), ср. Festus p. 182. Дионисий (ii. 72) приписывает создание фетиалов Нуме; Ливий (i. 32) говорит, будто они принадлежат Анку Марцию, но в другом отрывке (i. 24) подразумевает их более раннее существование. Цицерон приписывает их Туллу Хостилию (Cic. *de Rep.* ii. 17, 31). Церемонии коллегии описаны в Dionys. ii. 72 и Liv. i. 32.

[226] Иногда, чтобы заручиться божественной помощью, враг, его города и земли посвящались богам. Заклинание см. в Macrob. iii. 9, 10: "*Dis pater Vejovis Manes, sive quo alio*

nomine fas est nominare ... uti vos eas urbes agrosque capita aetatesque eorum devotas consecratasque habeatis ollis legibus, quibus quandoque sunt maxime hostes devoti; eosque ego ... do devoveo." Место расположения таких городов было проклято, как в республиканские времена Фрегеллы, Карфаген и Коринф.

[227] Macrob. iii. 9, 7 "Si deus, si dea est, cui populus civitasque ... est in tutela, teque maxime, ille qui urbis hujus populi que tutelam recepisti ... a vobis peto ut vos populum civitatemque ... deseratis ... proditque Romam ad me meosque veniatis, nostraque vobis loca templa sacra urbs acceptior probatorque sit."

[228] Cincius ap. Arnob. iii. 38 "solere Romanos religiones urbium superatarum partim privatim per familias spargere, partim publice consecrare."

[229] Например, *evocatio* при осаде Вейи, *devotio* при падении Карфагена.

[230] Plut. *Ti. Gracch.* 15; Tac. *Ann.* iii. 26. См. следующую цитату.

[231] Tac. *Ann.* iii. 26 "nobis Romulus, ut libitum, imperitaverat: dein Numa religionibus et divino jure populum devinxit, repertaque quaedam a Tullo et Anco. Sed praecipuus Servius Tullius sanctorum legum fuit, quis etiam reges obtemperarent."

[232] Pomponius in *Dig.* 1, 2, 2 "et ita leges quasdam et ipse (Romulus) curiatus ad populum tulit; tulerunt et sequentes reges. Quae omnes conscriptae extant in libro Sexti Papirii, qui fuit illis temporibus, quibus Superbus Demarati Corinthii filius, ex principalibus viris. Is liber, ut diximus, appellatur jus civile Papirianum, non quia Papirius de suo quicquam ibi adjecit, sed quod leges sine ordine latas in unum composuit." Этот кодекс прокомментировал Граний Флакк (Paul. in *Dig.* 50, 16, 144), современник Юлия Цезаря. К. Папирий, как говорят, был *pontifex maximus* (Dionys. iii. 36), а Моммзен (*Staatsr.* ii. p. 41) считает, что *leges regiae* были просто понтификальными постановлениями, определяющими, среди прочего, такие правонарушения, которые мы упомянули как подпадающие под *fas* (p. 54).

[233] Sall. *Cat.* 6 "imperium legitimum, nomen imperii regium habebant".

[234] "Regium consilium" (Cic. *de Rep.* ii. 8, 14). Функцией сената было περὶ παντὸς ὅτου ἂν εἰσηγῆται βασιλεὺς διαγινώσκειν (Dionys. ii. 14).

[235] Festus p. 246 "Praeteriti senatores quondam in opprobrio non erant, quod, ut reges sibi legebant sublegebantque, quos in consilio publico haberent, ita post exactos eos consules quoque et tribuni militum consulari potestate conjunctissimos sibi quosque patriciorum et deinde plebeiorum legebant."

[236] p. 13.

[237] Liv. i. 8.

[238] *ib.* 17 и 35; ii. 1. О природе этого увеличения см. Willems *Le Sénat* p. 21.

[239] p. 13.

[240] p. 12.

[241] Liv. i. 32.

[242] Dionys. ii. 14. Одной из привилегий народа было περὶ πολέμου διαγινώσκειν ὅταν ὁ βασιλεὺς ἐφῆ.

[243] Cic. *de Rep.* ii. 9, 15 "Cum ipse (Romulus) nihil ex praeda domum suam reportaret, locupletare cives non destitit"; ii. 14, 26 "ac primum agros, quos bello Romulus ceperat, divisit viritim civibus." Cp. Dionys. ii. 28 и 62.

[244] Liv. i. 49 "cognitiones capitalium rerum sine consiliis per se solus exercebat."

[245] *ib.* 59; см. с. 41.

[246] Tac. *Ann.* vi. 11 "namque antea, profectis domo regibus ac mox magistratibus, ne urbs sine imperio foret, in tempus deligebatur qui jus redderet ac subitis mederetur ... duratque simulacrum, quotiens ob ferias Latinas praeficitur qui consulare munus usurpet." Cp. Liv. i. 59; Dionys. ii. 12.

[247] Тем не менее, Ливий и Дионисий представляют *tribunus celerum* как созыв собрания (Liv. i. 59; Dionys. iv. 71).

[248] Dionys. ii. 14 (среди полномочий царя были) τῶν τε ἀδικημάτων τὰ μέγιστα μὲν αὐτὸν δικάζειν, τὰ δ' ἐλάττωνα τοῖς βουλευταῖς ἐπιτρέπειν. Трудно, однако, определить, идет ли речь о гражданских правонарушениях или о преступлениях.

[249] *ib.* iv. 25 ἐκεῖνος (Servius Tullius) διελὼν ἀπὸ τῶν ἰδιωτικῶν (ἐγκλημάτων) τὰ δημόσια, τῶν μὲν εἰς τὸ κοινὸν φερόντων ἀδικημάτων αὐτὸς ἐποιεῖτο τὰς διαγνώσεις, τῶν δὲ ἰδιωτικῶν ἰδιώτας ἔταξεν εἶναι δικαστάς, ὅρους καὶ κανόνας αὐτοῖς τάξας, οὓς αὐτὸς ἔγραψε νόμους. Описанный здесь принцип, возможно, относится скорее к делегированию, чем к различию между *jus* и *judicium* в гражданском процессе.

[250] Производные от *jus* см. в Clark *Pract. Jurisprudence* pp. 16-20; Bréal "Sur l'origine des mots designant le droit en Latin" in *Nouvelle Revue Historique de droit* vol. vii. (1883) pp. 607 sq.

[251] Dionys. l.c.

[252] Liv. i 26.

[253] Zonaras vii. 13 (который приписывает их учреждение Публиколе) отождествляет *quaestores* с *quaestores parricidii*, οἱ πρῶτον μὲν τὰς θανασίμους δίκας ἐδίκαζον, ὅθεν καὶ τὴν προσηγορίαν ταύτην διὰ τὰς ἀνακρίσεις ἐσχήκασιν καὶ διὰ τὴν τῆς ἀληθείας ἐκ τῶν ἀνακρίσεων ζήτησιν. Cp. Varro *L.L.* v. 81. Моммзен (*Staatsr.* ii. pp. 523 sq.) считает, что финансовые квесторы как постоянные должностные лица возникли в Республике; но он полагает (p. 539), что они ведут свое происхождение от уголовных квесторов (слово, которое имеет такое же отношение к квесторам, как *sartor* к *sarcitor* или *quaero* к *quaesivi*, p. 537). Cp. Tac. *Ann.* xi. 22 (p. 81); Ульпиан в *Dig.* i. 13.

[254] Liv. l.c.

[255] Cic. *pro Mil.* 3, 7; *de Rep.* ii. 31, 54; Festus p. 297.

[256] Liv. i 26 "Si a duumviris provocarit provocatione certato ... auctore Tullo, ... "provoco" inquit."

[257] *ib.* viii. 33.

[258] Cp. Ihering *Geist des röm. Rechts* i. pp. 257 ff.

[259] *Provocatio*, по-видимому, означает вызов, т.е. вызов обвиняемого магистрату, чтобы он предстал перед другим судом, на том основании, что он действует не в своем праве; ср. Gaius iv. 93 (o *actio per sponsionem*) "Provocamus adversarium tali sponsione".

[260] "В этом конфликте компетенций положение короля было гораздо более благоприятным, чем положение народа, поскольку народ мог быть призван только королем. Таким образом, доля народа в уголовной юрисдикции была сведена к минимуму" (Ihering *Geist des röm. Rechts* i. p. 258).

[261] "Judiciis regiis" (Cic. *de Rep.* v. 2, 3).

[262] p. 56.

[263] Savigny *System*, vi. p. 287; Bernhöft *Staat und Recht der Königszeit* p. 230. Идея о том, что это нововведение, иногда связывается с описанием Дионисием (iv. 25, см. с. 62) изменений в юрисдикции, введенных Сервием Туллеем.

[264] Cic. *pro Cluent.* 43, 120 "Neminem voluerunt majores nostri non modo de existimatione cujusquam, sed ne pecuniaria quidem de re minima esse judicem, nisi qui inter adversarios convenisset."

[265] Ihering *Geist des röm. Rechts* i. p. 169.

[266] Dionys. iv. 22 ὁ δὲ Τύλλιος καὶ τοῖς ἐλευθερουμένοις τῶν θεραπόντων ... μετέχειν τῆς ἰσοπολιτείας ἐπέτρεψε ... καὶ πάντων ἀπέδωκε τῶν κοινῶν αὐτοῖς μετέχειν, ὧν τοῖς ἄλλοις δημοτικοῖς.

[267] Изменение, однако, не предполагалось (за исключением, возможно, Тацита *Ann.* iii. 26, см. с. 58) на основании *rogatio*. Моммзен (*Staatsr.* iii. p. 161) объясняет эту традицию, отмечая, что изменение было простым административным актом, который входил в компетенцию царя.

[268] Возможно, эти три племени были в какой-то степени местными; но местность была случайностью. Принадлежность к ним передавалась по рождению.

[269] Дионисий (iv. 22) делает их в более позднее время членами *курии*.

[270] Dionys. iv. 14; Gell. xv. 27.

[271] Cic. *pro Flacco* 32, 80 "sintne ista praedia censui censendo, habeant jus civile, sint necne sint Mancipi?... in qua tribu denique ista praedia censuisti?". В число триб не входили *ager publicus*, а также Капитолий и Авентин, поскольку они были не частной, а общественной собственностью (Liv. vi. 20; Dionys. x. 31 и 32).

[272] Liv. i. 43 "Quadrifariam urbe divisa, regionibusque et collibus, qui habitabantur, partes eas tribus appellavit"; Dionys. iv. 14 ὁ Τύλλιος, ἐπεὶ δὴ τοὺς ἐπὶ τῶν ἀλόφους ἐν τείχει περιέλαβεν, εἰς τέτταρας μοῖρας διελὼν τὴν πόλιν ... τετράφυλον ἐποίησε τὴν πόλιν εἶναι, τρίφυλον οὖσαν τέως... Так, у Феста p. 368 "urbanas tribus appellabant, in quas urbs erat dispertita a Ser. Tullio rege." Ср. Varro *L.L.* v. 56. Моммзен (*Staatsr.* iii. p. 163) теперь считает, что племена были "частями города-государства, ограниченного *померием*". Остия, которую раньше считали принадлежащей Палатину, была отнесена к Ветурии. Но причиной этого может быть последующая потеря *территории* города. См. с. 68.

[273] Momms. *Staatsr.* iii. p. 168. В это время Рим был большим торговым государством (см. договор с Карфагеном, 509 г. до н. э.). Невозможно представить, чтобы в это время существовал такой примитивный институт, как аренда язычников.

[274] Dionys. iv. 15 διεῖλε δὲ καὶ τὴν χώραν ἅπασαν, ὥς μὲν Φάβιος φησιν, εἰς μοῖρας ἕξ τε καὶ εἴκοσιν, ἃς καὶ αὐτὰς καλεῖ φυλάς. Моммзен (*Staatsr.* iii. p. 169), кажется, склоняется к мнению, что эти сельские округа, включающие земли, не находящиеся в квиритском владении, были *пагами*.

[275] Сукусана (или Субурана), Палатина, Эсквилина и Коллина. См. с. 3.

[276] Ср. Momms. *Staatsr.* iii. p. 125 "Четыре племени - это, вероятно, не что иное, как три ромула, увеличившиеся за счет *территории* города на Квиринале"; p. 164 "Сервианский Рим, вероятно, двойной город, состоящий из старого города, Палатина и Эсквилина, и нового города Коллина".

[277] Такие районы, как Остия, которые, должно быть, принадлежали племенам сервов, теперь составляли часть новых творений (см. с. 67).

[278] Сервий, как говорят, по этой причине запретил передачу домицилия или надела. Dionys. iv. 14 (Servius) τοὺς ἀνθρώπους ἔταξε τοὺς ἐν ἑκάστη μοίρᾳ τῶν τεττάρων οἰκοῦντας, ὥσπερ κωμήτας, μήτε μεταλαμβάνειν ἐτέραν οἴκησιν μήτ' ἄλλοθι που συντελεῖν.

[279] Momms. *Staatsr.* iii. pp. 182, 184.

[280] Laelius Felix ap. Gell. xv. 27 "Cum ex generibus hominum suffragium feratur, "curiata" comitia esse, cum ex censu et aetate "centuriata", cum ex regionibus et locis, "tributa"."

[281] Самому Сервию приписывают введение *aes signatum* - *тщательно* выверенных медных гирь с печатью авторитета. Plin. *H.N.* xviii. 3 "Servius rex ovum boumque effigie primus aes signavit". Моммзен (*Römisches Münzwesen*) считает, что клеймо было гарантией не веса, а чистоты металла. В этом случае металл должен был использоваться как средство обмена; в качестве средства бартера было бы достаточно веса. По мнению Моммзена (op. cit. p. 175), регулярная чеканка медных монет была введена в Риме только в период *децемвиров* (450-430 гг. до н. э.), а более поздние нумизматы считают даже эту дату слишком ранней.

[282] Momms. *Staatsr.* iii. p. 247.

[283] Существование гильдий в царские времена (Plut. *Num.* 17) скорее доказывает, чем опровергает конкурирующее производство рабами.

[284] Cic. *pro Flacco* 32, 80. См. p. 66.

[285] Об этом различии доспехов см. Liv. i. 43; Dionys. iv. 16, 17. Оно сохранилось и во времена Полибия (Polyb. vi. 23 οἱ δὲ ὑπὲρ τὰς μυριάς τιμώμενοι δραχμὰς ἀντὶ τοῦ καρδιοφύλακος οὖν τοῖς ἄλλοις ἀλυσιδωτοῦς περτίθενται θώρακας).

[286] Gellius vi. (vii.) 13 "'Classici' dicebantur non omnes, qui in quinque classibus erant, sed primae tantum classis homines, qui centum et viginti quinque milia aeris ampliusve censi erant. 'Infra classem' autem appellabantur secundae classis ceterarumque omnium classium, qui minore summa aeris, quod supra dixi, censebantur"; Festus p. 113 "infra classem significantur qui minore summa quam centum et viginti milium aeris censi sunt."

Белот (*Hist. d. Chev. Rom.* i. 204, 205) считает, что 125 000 ослов, упомянутых здесь, были цифрой самой низкой переписи - пятого класса - во времена *lex Voconia* (169 г. до н. э.), упомянутого в связи с этим Фестом. Обозначение в ассах было сохранено, но теперь цифра должна быть умножена на 10 (12 500 × 10 = 125 000 ассов). Белот исходит из гипотезы, что *as* переписи - это старый либральный *as*. См. таблицы на следующей странице. Моммзен

(*Staatsr.* iii. p. 249 n. 4), с другой стороны, предполагает, что закон относился к переписи первого класса, и что его толкование было направлено на ограничение его действия, когда стоимость денег изменилась, выражаясь в *centum milia aeris* либральных ассов. О том, что он был истолкован именно так, свидетельствует тот факт, что *centum milia aeris* вонийского закона (*Gaius* ii. 274) стал *centum milia sestertium* (*Schol. to Cic. Verr.* ii. 1, 41, 104, p. 188 Orell.), т. е. 25 000 денариев (*Dio Cass.* lvi. 10).

[287] Плут (*Num.* 17) упоминает τέκτονες и χαλκεῖς среди *коллеги* (*Momms. Staatsr.* iii. p. 287 n. 1).

[288] Также и Полибий (vi. 23, цит. с. 70).

[289] *Plin. H.N.* xxxiii. 3 "Maximus census CXX assium fuit illo (Servio) rege, et ideo haec prima classis." *Festus* p. 113 (цитируется по с. 70).

[290] *Staatsrecht* iii pp. 249, 250. Бёкх (*Böckh, Metrologische Untersuchungen* p. 444) также придерживается мнения, что ослы были *секстантами*. Он делает уточнения в терминах либрала и двух унций соответственно: 20 000 = 100 000, 15 000 = 75 000, 10 000 = 50 000, 5000 = 25 000, 2000 = 10 000.

[291] *Histoire des Chevaliers Romains* (таблица в начале тома I).

[292] *Festus* p. 18 "accensi dicebantur qui in locum mortuorum militum subito subrogabantur, dicti ita, quia ad censum adiciebantur"; p. 369 "velati appellabantur vestiti et inermes qui exercitum sequebantur, quique in mortuorum militum loco substituebantur." Ср. с. 14: "adscripticii veluti quidam scripti dicebantur, qui suppledis legionibus adscribebantur. Hos et accensos dicebant, quod ad legionum censum essent adscripti. Quidam velatos, quia vestiti inermes sequerentur exercitum."

[293] *Liv.* i. 43 "hoc minor census reliquam multitudinem habuit; inde una centuria facta est immunis militia"; *Dionys.* iv. 18 (остальных граждан с квалификацией менее 12½ мины Сервий поместил в один λόχος στρατείας τε ἀπέλυσε καὶ πάσης εἰσφορᾶς ἐποίησεν ἀτελεῖς. Ср. vii. 59 οὗτοι στρατειῶν τε ἦσαν ἐλεύθεροι τῶν ἐκ καταλόγου καὶ εἰσφορῶν τῶν κατὰ τιμήματα γενομένων ἀτελεῖς καὶ δι' ἄμφω ταῦτ' ἐν ταῖς ψηφοφορίαις ἀτιμώτατοι. Ср. *Cic. de Rep.* ii. 22, 40 "in quo etiam verbis ac nominibus ipsis fuit diligens; qui, cum locupletes assiduos appellasset ab asse dando, eos, qui aut non plus mille quingentos aeris aut omnino nihil in suum censum praeter caput attulissent, proletarios nominavit; ut ex iis quasi proles, id est quasi progenies civitatis, exspectari videretur. Illarum autem sex et nonaginta centuriarum in una centuria tum quidem plures censebantur, quam paene in prima classe tota."

[294] *Ulpian in Fragm. Vat.* 138 "ii qui in centuria accensorum velatorum sunt, habent immunitatem a tutelis et curis."

[295] Это слово недостаточно технично, чтобы использовать его в качестве аргумента в пользу того, что в *сословие* входили только землевладельцы. Любимое древнее происхождение - от *ab asse dando* (*Cic. de Rep.* ii. 22, 40, см. с. 72), будь то для уплаты налогов или для снабжения военным снаряжением.

[296] *Capite censi*, если верить Цицерону (*de Rep.* ii. 22, 40, см. с. 72), означало тех, кто ниже 1500 ассов (последующий предел обложения). Предел переписи для военной службы также был снижен до 4000 ослов (*Polyb.* vi. 19) и, наконец, до 375 (*Gell.* xvi. 10, 10), а те, кто был ниже этой цифры, продолжали называться *capite censi* (*Gell. l.c.*; *Sall. Jug.* 86). *Aerarius*, с другой стороны, кажется, сохранил свое старое значение тех, кто был исключен из веков - *Ps. Asc. in*

Divin. p. 103 "(Censores) prorsus cives sic notabant ... ut, qui plebeius (esset) ... aerarius fieret, ac per hoc non esset in albo centuriae suae, sed ad hoc [non] esset civis, tantummodo ut pro capite suo tributi nomine aera praeberet."

[297] p. 41.

[298] Неизвестно, когда они перестали быть патрициями; Моммзен (*Staatsr.* iii. p. 254) считает, что после реформы сервской конституции, около 220 г. до н.э.

[299] Liv. i. 36.

[300] Cic. *de Rep.* ii. 22, 39.

[301] Festus p. 221 "paribus equis, id est duobus, Romani utebantur in proelio, ut sudante altero transirent in siccum. Pararium aes appellabatur id, quod equitibus duplex pro binis equis dabatur."

[302] Liv. i. 43 "ita pedestri exercitu ornato distributoque equitum ex primoribus civitatis duodecim scripsit centurias. Sex item alias centurias ... sub isdem, quibus inauguratae erant, nominibus fecit: ad equos emendos dena millia aeris ex publico data [т. е., как понимает Ливий, 10 000 ослов секстантариев = 1000 денариев], et, quibus equos alerent, viduae adtributae, quae bina milia aeris in annos singulos penderent" [2000 ослов = 200 денариев]. Ср. Gaius iv. 27.

[303] Число века здесь было фиксированным, а не, как в случае с *classici*, экспансивным.

[304] Ср. Liv. i. 43 "neque eae tribus ad centuriarum distributionem numerumque quicquam pertinere." Нет никаких доказательств, например, что каждое племя обеспечивало определенное количество веков.

[305] *Tributum*, однако, не может быть производным от *tribus* (как у Варро, цитируемого с. 40). Параллельные слова *attribuere*, *contribuere*, *ultro tributa* и т. д., по-видимому, показывают, что оно означает нечто добавленное к, дарованное или собранное для другого.

[306] p. 48.

[307] В таком виде оно было дано в Республике для цензоров. Cic. *de Leg. Agr.* ii. 11, 26 "maiores de singulis magistratibus bis vos sententiam ferre voluerunt; nam cum centuriata lex censoribus ferebatur, cum curiata ceteris patriciis magistratibus, tum iterum de eisdem iudicabatur."

[308] p. 43.

[309] p. 63.

[310] p. 60.

[311] Liv. i. 48 "id ipsum tam mite ac tam moderatum imperium tamen, quia unius esset, deponere eum in animo habuisse quidam auctores sunt, ni scelus intestinum liberandae patriae consilia agitanti intervenisset."

[312] *ib.* 49.

[313] Cic. *de Rep.* ii. 22, 44.

[314] Cic. *de Rep.* ii. 30, 52; Liv. ii. 1; App. *B.C.* ii. 119. Иногда его представляют как закон, который делал *священным* любого, кто стремился к королевской власти (Liv. ii. 8). Для двойной санкции клятвы и закона сравните средства, с помощью которых обеспечивалась *сакросанкция* трибунов (p. 100).

[315] Странно, что в этом случае не упоминается *интеррегнум*, который обеспечил бы преемственность. Выборы первых консулов, как предполагается, проводил *praefectus urbi*, который почти наверняка не имел *jus rogandi* (p. 61). Liv. i. 60 "duo consules inde comitiis centuriatis a praefecto urbis ex commentariis Servii Tullii creati sunt, L. Junius Brutus et L. Tarquinius Collatinus."

[316] О титуле *praetores* см. Cic. *de Leg.* iii. 3, 8 "regio imperio duo sunt iique a praeundo judicando consulendo praetores judices consules appellamino"; о титуле *judices* - Varro *L.L.* vi. 88, который цитирует из *commentarii consulares* формулу, использованную при созыве *comitia centuriata*: "qui exercitum imperaturus erit, accenso dicito: "C. Calpurni, voca in licium omnes Quirites huc ad me. Accensus dicito sic "Omnes Quirites in licium visite huc ad judices. 'C. Calpurni," consul dicito, "voca ad conventionem omnes Quirites huc ad me. Accensus dicito sic "Omnes Quirites ite ad conventionem huc ad judices."

[317] См. раздел о магистратуре (с. 187).

[318] Эта ратификация действительно сохранилась. Даже если выборы проводились до начала веков, *курия* все равно принимала *лекс*, ратифицирующий эти выборы (p. 49); и *patrum auctoritas* все равно должен был санкционировать каждое новое назначение.

[319] Если это и существовало раньше, то только в священнических коллегиях, но они, кажется, были скорее консультативными органами при короле.

[320] От *con-salio*, т. е. люди, которые прыгают или танцуют вместе, "партнеры" (в танце). Momms. *Staatsr.* ii. p. 77 n. 3; он сравнивает *praesul* и *exul*.

[321] Liv. ii. 8 (509 г. до н. э.) "Latae deinde leges ... ante omnes de provocatione adversus magistratus ad populum"; Cic. *de Rep.* i. 40, 62 "Vides ... Tarquinio exacto, mira quadam exultare populum insolentia libertatis; tum annui consules, tum demissi populo fasces, tum provocationes omnium rerum" (т. е. *провокация* стала *всеобщей*, а не ограничивалась определенными сферами).

[322] К этому времени прямая столичная юрисдикция понтификов, вероятно, исчезла.

[323] Liv. iii. 20 "neque provocationem esse longius ab urbe mille passuum, et tribunos si eo (lake Regillus) veniant, in alia turba Quiritium subjectos fore consulari imperio." Но вопрос между *померием* и первой вехой и в более поздние времена оставался спорным (Liv. xxiv. 9).

[324] Cic. *l.c.*

[325] p. 63.

[326] Квесторы *parricidii* и *aerarii* отождествляются Зонарасом (vii. 13), вслед за Дио. См. с. 63. Они назывались *quaestores*, οἱ πρῶτον μὲν τὰς θανασίμους δίκας ἔδίκαζον (откуда и их название), ὕστερον δὲ καὶ τὴν κοινῶν χρημάτων διοίκησιν ἔλαχον. Так, Варро (*L.L.* v. 81), "quaestores a quaerendo, qui conquirerent publicas pecunias et maleficia." Идентичность этих двух должностей отрицается Помпонием в *Dig.* 1, 2, 2, 22 и 23.

[327] *Quaestores parricidii* упоминаются в Двенадцати таблицах (Pompon. в *Dig.* 1, 2, 2, 23).

[328] Liv. i. 26.

[329] Они упоминаются в суде над М. Вольцием (459 г. до н. э.) за обычное уголовное преступление (Liv. iii. 24), а также в публичных процессах над Сп. Кассия в 485 г. до н. э. (Liv. ii. 41; Cic. *de Rep.* ii. 35, 60) и Камилла в 396 г. до н. э. (Plin. *H.N.* xxxiv. 3, 13); но о процедуре этих двух процессов рассказывается по-разному.

[330] Plut. *Public.* 12 ταμειῶν μὲν ἀπέδειξε τὸν τοῦ Κρόνου ναόν ... ταμίας δὲ τῷ δήμῳ δύο τῶν νέων ἔδωκεν ἀποδείξει. Первыми квесторами были назначены Публий Ветурий и Марк Минуций. Помпоний (р. 80) помещает создание финансовых квесторов после первого отделения плебса; Лид (*de Mag.* i. 38) приписывает их закону Лициния от 367 г.

[331] Tac. *Ann.* xi. 22 "Sed quaestores regibus etiam tum imperantibus instituti sunt, quod lex curiata ostendit ab L. Bruto repetita. Mansitque consulibus potestas deligendi, donec eum quoque honorem populus mandaret. Creatique primum Valerius Potitus et Aemilius Mamercus sexagesimo tertio anno post Tarquinius exactos, ut rem militarem comitarentur" (т. е. 447 г. до н. э.; поэтому Моммзен, *Staatsr.* ii. р. 529, считает, что изменение было связано с Валерио-горицианскими законами 449 г. до н. э.). Плутарх (см. прим. 1) считает, что они избирались с самого начала. Смысл приведенного Тацитом отрывка, по-видимому, заключается в том, что царь назначал своих квесторов после своего собственного избрания, а затем их назначение утверждалось *lex curiata*. Другое объяснение заключается в том, что в *lex curiata* говорилось о том, что цари назначали квесторов и уполномочивали на это консулов. Ср. Ульпиан в *Dig.* 1, 13.

[332] Festus p. 246, цитируется с. 59.

[333] Зонара (vii. 9) заставляет Сервия Туллия вводить плебеев в сенат.

[334] Liv. ii. 1 "Deinde, quo plus virium in senatu frequentia etiam ordinis faceret, caedibus regis diminutum patrum numerum primoribus equestris gradus lectis ad trecentorum summam explevit: traditumque inde fertur, ut in senatum vocarentur qui patres quique conscripti essent: conscriptos videlicet in novum senatum appellabant lectos"; Festus p. 254 "'Qui patres, qui conscripti': vocati sunt in curiam, quo tempore regibus urbe expulsis P. Valerius consul propter inopiam patriciorum ex plebe adlegit in numerum senatorum C. et LX. et IIII. ut expleret numerum senatorum trecentorum" (об этих числах см. Plut. *Public.* 11 τοὺς δ' ἐγγραφέντας ὑπ' αὐτοῦ λέγουσιν ἑκατὸν καὶ ἑξήκοντα τέσσαρας γενέσθαι). Так *adlecti*, Festus p. 7 "*adlecti* dicebantur apud Romanos, qui propter inopiam ex equestri ordine in senatorum sunt numero adsumpti: nam patres dicuntur qui sunt patricii generis, conscripti qui in senatu sunt scriptis adnotati." Плутарх (*Qu. Rom.* 58, *Rom.* 13) делает добавленных членов плебеями. Тацит (*Ann.* xi. 25) ошибочно отождествляет этих добавленных членов с *minores gentes*. (Клавдий создает патрициев в 48 г. н. э. - "paucis jam reliquis familiis, quas Romulus majorum et L. Brutus minorum gentium appellaverant.")

[335] Виллемс (*Le Sénat* ii. 39 ff.) делает *patres conscripti* просто эквивалентными "собранным отцам".

[336] Первый четкий пример плебейского сенатора датируется 401 годом. Liv. v. 12. П. Лициний Кальв, созданный военным трибуном с консульской властью, был "vir nullis ante honoribus usus, vetus tantum senator et aetate jam gravis." Ср. Liv. iv. 15. Из Сп. Маэлия (439 г. до н. э.) спрашивается: "quem senatorem concoquere civitas vix posset, regem ferret."

[337] p. 60.

[338] Liv. ii. 18; Festus p. 198; Pompon. in *Dig.* 1, 2, 2, 18.

[339] Возможно, первоначально этот титул был *претором*. Это было бы естественно, если бы теория Моммзена о том, что они считались высшими коллегами консулов, была верна (*Staatsr.* ii. p. 153). Самый ранний официальный титул, известный нам, - *magister populi*, и это был технический титул в августейших книгах. Cic. *de Leg.* iii. 3, 9 "isque ave sinistra dictus populi magister esto". Cp. *de Rep.* i. 40, 63: "Gravioribus vero bellis etiam sine collega omne imperium nostri penes singulos esse voluerunt, quorum ipsum nomen vim suae potestatis indicat. Nam dictator quidem ab eo appellatur quia dicitur; sed in nostris libris vides eum, Laeli, magistrum populi appellari." Более поздний титул "*диктатор*", возможно, был принят в знак уважения к республиканским настроениям; Моммзен (*Staatsr.* ii. p. 145) предполагает, что в подражание латинскому dictator, конституционное выживание монархии. Значение этого слова совершенно неясно. Древние догадки говорят (i.) от *dicitur* (Cic. *de Rep.* l.c.); (ii.) от *dicto audiens* (Varro *L.L.* v. 81 "quod dicto audientes omnes essent"); (iii.) от *dictare* (Priscian viii. 14, 78), или (iv.) потому что они издавали эдикты (Dionys. v. 73).

[340] Pompon. in *Dig.* 1, 2, 2, 19 "Et his dictatoribus magistri equitum injungebantur sic, quo modo regibus tribuni celerum: quod officium fere tale erat, quale hodie praefectorum praetorio, magistratus tamen habebantur legitimi."

[341] Cic. *de Leg.* iii. 3, 9 "Ast quando duellum gravius, discordiae civium escunt, oenus, ne amplius sex menses, si senatus creverit, idem juris, quod duo consules, teneto"; Imp. Claudius *Oratio* i. 28 "Quid nunc commemorem dictaturae hoc ipso consulari imperium valentius repertum apud majores nostros quo in asperioribus bellis aut in civili motu difficiliore uterentur?"

[342] Цицерон (*de Rep.* ii. 31, 53) называет суть первого закона Валериана "ne quis magistratus civem Romanum adversus provocationem necaret neve verberaret." Дионисий (ст. 19) добавляет ζῆμιον εἰς χρήματα κ' ἀποκτείνειν ἢ μαστιγοῦν, и Плутарх (*Publ.* 11), кажется, дает ему такой же широкий охват. Он также считает, что Валерий установил *multa suprema* (l.c.), т.е. самый большой штраф, который магистрат мог наложить без апелляции. Эти утверждения, однако, могут быть выводами из более позднего *provocatio*.

[343] Pompon. in *Dig.* 1, 2, 2 (§ 3) "exactis deinde regibus ... omnes leges hae exoleverunt iterumque coepit populus Romanus incerto magis jure et consuetudine aliqua uti quam per latam legem, idque prope quinquaginta (MSS. "viginti") annis passus est." После Двенадцати таблиц (§ 6) "ex his legibus ... actiones compositae sunt, quibus inter se homines disceptarent: quas actiones ne populus prout vellet institueret, certas sollemnesque esse voluerunt ... Omnium tamen harum et interpretandi scientia et actiones apud collegium pontificum erant, ex quibus constituebatur, quis quoquo anno praeesset privatis."

[344] p. 64.

[345] Позднейшие преторианские запреты (*de locis sacris, de mortuo inferendo*) действительно относятся к сфере *fas* и, должно быть, в свое время были исполнены понтификами.

[346] p. 78.

[347] Mommsen *Staatsr.* iii. p. 93.

[348] p. 35.

[349] Привилегия не могла быть основана на квинритском владении, так как это владение было ненадежным.

[350] Договор *nexum* был фактически обусловленным манципацией, подобно завещанию, *nuncupatio* совершалась продавцом, который, возможно, покупал за одну монету (*nummo uno*), как в более поздних *mancipationes fiducia causa* (Bruns Fontes).

[351] Кроме как в качестве меры наказания, предписанной государством. *furem manifestum*, согласно Геллию (xx. 1), "in servitutem tradit" (lex); Гай (iii. 189) более правильно называет его *addictus*. Сговорщик мог быть продан в рабство (Cic. *pro. Caecin.* 34, 99). Позднее свободный человек, который по сговору позволил продать себя как раба, чтобы разделить с продавцом деньги за покупку, был признан рабом в качестве наказания за обман (*Dig.* 40, 13, 3; *Inst.* 1, 3, 4; *Cod.* 7, 18, 1).

[352] p. 24.

[353] Gell. xx. 1 "Aeris confessi rebusque jure judicatis triginta dies justi sunt. Post deinde manus injectio esto, in jus ducito. Ni judicatum facit aut quis endo eo in jure vindicit, secum ducito, vincito aut nervo aut compedibus.... Si volet suo vivito. Ni suo vivit, qui eum vinctum habebit, libras farris endo dies dato. Si volet plus dato". *Зависимый*, как и *нексус*, не становился рабом, но сохранял свое положение в переписи и в своем племени (Quinctil. *Decl.* 311).

[354] В случае нексального договора не могло быть больше одного кредитора. Человек не мог, по природе дела, быть манкированным сразу несколькими людьми.

[355] Liv. ii. 23 "Fremebant se, foris pro libertate et imperio dimicantes, domi a civibus captos et oppressos esse; tutioremque in bello quam in pace, et inter hostes quam inter cives, libertatem plebis esse."

[356] ib. 27.

[357] Dionys. vi. 45.

[358] Liv. ii. 28. Сенаторы жалуются, что "nunc in mille curias contionesque (cum alia in Esquiliiis, alia in Aventino fiant concilia) dispersam et dissipatam esse rem publicam."

[359] Varro *L.L.* v. 81 "tribuni plebei, quod ex tribunis militum primum tribuni plebei facti, qui plebem defenderent, in secessione Crustumerina."

[360] Принцип кооптации, как говорят, был признан в *carmen rogationis* трибуната, и в этом случае было решено, что патриции имеют на это право. Liv. iii. 65 (449 г. до н. э.) "Novi tribuni plebis in cooptandis collegis patrum voluntatem foverunt. Duos etiam patricios consularesque, Sp. Tarpeium et A. Aternium, cooptavere". Но, когда этот принцип перестал использоваться, плебейская квалификация была соблюдена.

[361] Cic. ap. Ascon. *in Cornel.* p. 76 "Tanta igitur in illis virtus fuit, ut anno xvi. post reges exactos propter nimiam dominationem potentium secederent, ... duos tribunos crearent.... Itaque auspicio postero anno tr. pl. comitiis curiatis creati sunt," (Для числа два Аскон. в *loc.* цитирует Tuditanus и Atticus.) Цицерон, очевидно, понимает под этим смешанное собрание *курий*; так же поступает и Ливий (ii. 56, о *lex Publilia*, передающем выборы трибунов племенам), "quae patriciis omnem potestatem per clientium suffragia creandi, quos vellent, tribunos auferret."

[362] Должно быть, вначале он был так ограничен. Позже (как мы увидим при рассмотрении вопроса о заступничестве) *auxilium* был распространен на весь народ.

[363] Cic. *de Rep.* ii. 33, 58 "contra consulare imperium tribuni plebis ... constituti."

[364] Gell. xiii. 12 "(tribunis) jus abnoctandi ademptum, quoniam, ut vim fieri vetarent, adsiduitate eorum et praesentium oculis opus erat." Ср. iii. 2. Plut. *Qu. Rom.* 81 ὅθεν οὐδ' οἰκίας αὐτοῦ κλείεσθαι νενόμισται θύραν, ἀλλὰ καὶ νύκτωρ ἀνέωγε καὶ μεθ' ἡμέραν, ὥσπερ λιμὴν καὶ καταφυγὴ τοῖς δεομένοις.

[365] Об увеличении до четырех см. Diodor. xi. 68 (471 г. до н. э. в связи с *lex Publilia*); по другим данным, первоначальное число было равно пяти (Ascon. l.c. p. 93, и Livy ii. 33; двое избирались, трое кооптировались; ср. примечание к р. 93). Увеличение числа до десяти человек Ливий и Дионисий относят к 457 г. до н. э. (Livy iii. 30; трибуны разрешили сбор "non sine pactione tamen ut ... decem deinde tribuni plebis crearentur. Expressit hoc necessitas patribus"; ср. Dionys. x. 30).

[366] Liv. ii. 35 "contemptim primo Marcius audiebat minas tribunicias; auxilii, non poenae, jus datum illi potestati; plebisque, non patrum, tribunos esse." Кориолан, вероятно, был привлечен к ответственности перед плебсом как *hostis tribuniciae potestatis* в связи с тем, что он советовал отменить трибунат (Liv. ii. 34). См. Rein *Criminalrecht* p. 484. Ср. Liv. ii. 56 (471 г. до н. э.; трибун захватывает некоторых *нобилей*, не желающих подчиниться его *виатору*) "Consul Appius negare jus esse tribuno in quemquam, nisi in plebeium; non enim populi, sed plebis, eum magistratum esse."

[367] Dionys. vii. 17 δημάρχου γνώμην ἀγορεύοντος ἐν δήμῳ μηδεὶς λεγέτω μηδὲν ἐναντίον μηδὲ μεσολαβεῖτω τὸν λόγον. ἐὰν δὲ τις παρὰ ταῦτα ποιήσῃ, διδόντω τοῖς δημάρχοις ἐγγυητὰς αἰτηθεὶς εἰς ἔκτισιν ἧς ἂν ἐποθῶσιν αὐτῷ ζημίας. Тот, кто не дает ценных бумаг (ἐγγυηταί), должен быть наказан смертью καὶ τὰ χρήματ' αὐτοῦ ἱερὰ ἔστω. τῶν δ' ἀμφισβητούντων πρὸς ταύτας τὰς ζημίας αἱ κρίσεις ἔστωσαν ἐπὶ τοῦ δήμου. Ср. vi. 16, и Cic. *pro Sest.* 37, 79 "Fretus sanctitate tribunatus, cum se non modo contra vim et ferrum, sed etiam contra verba atque interfationem legibus sacratis esse armatum putaret."

[368] p. 66 note 5.

[369] Dionys. x. 31, 32; см. Mr. Strachan-Davidson в Smith *Dict. of Antiq.* s.v. *plebiscitum*.

[370] p. 39.

[371] Dionys. vi. 90 ἄνδρας ἐκ τῶν δημοτικῶν δύο καθ' ἕκαστον ἐνιαυτὸν ἀποδεικνύναι τοὺς ὑπηρετήσοντας τοῖς δημάρχοις ὅσων ἂν δέωνται καὶ δίκας, ἃς ἂν ἐπιτρέψωνται ἐκεῖνοι, κρινοῦντας ἱερῶν τε καὶ δημοσίων τόπων καὶ τῆς κατὰ τὴν ἀγορὰν εὐετηρίας ἐπιμελησομένους: Gell. xvii. 21 "tribunos et aediles tum primum per seditionem sibi plebes creavit"; Pompon. in *Dig.* 1, 2, 2, 21 "Itemque ut essent qui aedibus praeessent, in quibus omnia scita sua plebs deferebat, duos ex plebe constituerunt, qui etiam aediles appellati sunt."

[372] Дионисий (l.c.) предполагает, что первоначально они носили другой титул. Помпоний (l.c.) выводит название от их должности в храме Цереры; Варро - от их заботы о ремонте священных и частных *аэдов* (Varro *L.L.* v. 81 "aedilis, qui aedes sacras et privatas procuraret"), производное, которому отдает предпочтение Моммзен (*Staatsr.* ii. p. 480). Их отношение к эдилам латинских городов совершенно неясно. Моммзен (ib. p. 474) твердо придерживается мнения, что латинская должность эдилов была заимствована у римской. Другой взгляд см. в Ohnesseit *Ztschr. der Savigny-stiftung* 1883, pp. 200 sq.

[373] Plut. *Coriol.* 18 (трибун Сициний) προσέταξε τοῖς ἀγορανόμοις ἀναγαγόντας αὐτὸν ἐπὶ τὴν ἄκραν εὐθὺς ὥσαι κατὰ τῆς ὑποκειμένης φάραγγος. Так же позднее в суде над П. Сципионом. Liv. xxix. 20; xxxviii. 52.

[374] Liv. iii. 31 (456 г. до н. э.; консулы продают добычу, взятую у эквов) "itaque ergo, ut magistratu abiere ... dies dicta est, Romilio ab C. Calvio Cicerone, tribuno plebis, Veturio ab L. Alieno, aedile plebis."

[375] Однако Ливий относит обоих к пятому веку; они выполняют полицейские функции в 463 году (Liv. iii. 6), а забота о государственной религии возложена на них в 428 году (Liv. iv. 30).

[376] Ливий, однако (iii. 55, цит. прим. 2), представляет *sacrosanctitas* эдилов как основанную только на законе.

[377] Dionys. vi. 89. *Сакросанктитас* трибуна гарантируется νόμῳ τε καὶ ὄρκῳ. Ср. App. B.C. ii. 108 ἡ τῶν δημάρχων ἀρχὴ ἱερὰ καὶ ἄσυλος ἦν ἐκ νόμου καὶ ὄρκου παλαιοῦ. Об этих двух основаниях неприкосновенности см. Liv. iii. 55 (восстановление трибуната в 449 г.) "et cum religione inviolatos eos, tum lege etiam fecerunt, sanciendo "ut qui tribunis plebis, aedilibus, iudicibus, decemviris nocuisset, ejus caput Jovi sacrum esset, familia ad aedem Cereris, Liberi Liberaeque venum iret. Hac lege juris interpretes negant quemquam sacrosanctum esse; sed eum, qui eorum cuiquam nocuerit, sacrum sanciri. Itaque aedilem prendi ducique a majoribus magistratibus: quod etsi non jure fiat (noceri enim ei, cui hac lege non liceat) tamen argumentum esse, non haberi pro sacro sanctoque aedilem: tribunos vetere jurejurando plebis, cum primum eam potestatem creavit, sacrosanctos esse" (cf. Liv. ii. 33 "sacratam legem latam" на Mons Sacer).

[378] Соппротивление воле *magistratus populi* в позднем римском праве не является *perduellio*, а скорее *vis*. Но сопротивление трибуну всегда *majestas*.

[379] Dionys. vii. 17. См. с. 96.

[380] Liv. ii 56 (Публилий Волепон) "rogationem tulit ad populum, ut plebei magistratus tributis comitiis fierent" (далее следуют слова, приведенные на с. 94).

[381] Это мнение Ливия (l.c.): "nec, quae una vis ad resistendum erat, ut intercederet aliquis ex collegio ... adduci posset."

[382] Основанием для возражения, приводимого Ливием (ii. 56, цит. с. 94), служит мнение, что трибуны раньше избирались *куриальной комиссией*.

[383] Aemilia, [Camilia], Claudia, Cornelia, Fabia, [Galeria], Horatia, [Lemonia], Menenia, Papiria, [Pollia], [Pupinia], Romulia или Romilia, Sergia, [Voltinia], Voturia или Veturia (из Momms. *Staatsr.* iii. p. 168; имена, которые он заключает в скобки, - это те, которым не сохранились патрицианские *генты*).

[384] Dionys. vii. 64.

[385] Momms. *Staatsr.* iii. p. 153.

[386] См. Приложение.

[387] Ливий (iii. 9) говорит: "ut viri creentur legibus de imperio consulari scribendis". Даже если это выражение вызвано неправильным пониманием титула децемвиров "консульские императорские законы" (Momms. *Staatsr.* ii. p. 702), оно, несомненно, выражает факт. О природе и цели децемвирата см. Pompon. in *Dig.* 1, 2, 2, 4 (о назначении децемвиров) "datumque est eis jus eo anno in civitate summum, uti leges et corrigerent, si opus esset, et

interpretarentur neque provocatio ab eis sicut a reliquis magistratibus fieret"; ib. (о публикации законов) "quas in tabulas eboreas perscriptas pro rostris composuerunt, ut possint leges apertius percipi." Ср. Dionys. х. 1, 60.

[388] Ливий (iii. 11, 26 и 29), кажется, говорит о том, что закон не был допущен в Плебс; но тогда он не признает двух стадий законодательства. См. с. 97.

[389] Liv. iii. 31.

[390] ib. 33; ср. Momms. *Staatsr.* ii. p. 714.

[391] Liv. iii. 32 "postremo concessum patribus, modo ne lex Icilia de Aventino, aliaeque sacratae leges abrogarentur." Что касается *сакральных законов*, то эдильство должно было перейти к трибунату; и больше *сакральным законам* нечего было защищать.

[392] Их титул был *Decemviri consulari imperio legibus scribendis* (Капитолийские Фасты). Ср. Liv. iii. 32 ("placet creari xviros sine provocazione, et ne quis eo anno alius magistratus esset") и Pompon. in *Dig.* (цит. с. 102).

[393] Liv. iii. 34 "se ... omnibus, summis infimisque jura aequasse."

[394] Dionys. х. 58; Liv. iii. 35.

[395] Liv. iii. 57. Рассказы о материале "Таблиц" различны. Ливий (l.c.) говорит "in aes incisae in publico proposuerunt"; Помпоний (в *Dig.*, цит. стр. 102) говорит "in tabulas eboreas perscriptas" (возможно, *roboreas* или *aereas*, Kipp, *Quellenkunde des R.R.* p. 8). Возможно, они были деревянными.

[396] Liv. iii. 34 "fons omnis publici privatique est juris"; Tac. *Ann.* iii. 27 "creatique decemviri et accitis quae usquam egregia compositae duodecim tabulae, finis aequi juris."

[397] Cic. *de Leg.* ii. 23, 59 "Discebamus enim pueri XII, ut carmen necessarium; quas jam nemo discit."

[398] Liv. iii. 34.

[399] p. 19.

[400] Ulpian *Reg.* ii. 4.

[401] p. 10.

[402] p. 91.

[403] Cato *R.R.* praef.

[404] Plin. *H.N.* xviii. 3, 12.

[405] Cic. *de Rep.* iv. 12.

[406] Gell. xx. 1.

[407] Marcian in *Dig.* 48, 4, 3 "Lex duodecim tabularum jubet eum, qui hostem concitaverit quive civem hosti tradiderit, capite puniri."

[408] Pompon. in *Dig.* 1, 2, 2, 23. См. p. 80.

[409] Cic. *de Rep.* ii. 31, 54 "ab omni iudicio poenaeque provocari licere indicant XII Tabulae compluribus legibus."

[410] Cic. *de Leg.* iii. 4, 11.

[411] *Decl. in Catil.* 19.

[412] Это правило, как говорят, было взято из закона Солона (Gaius in *Dig.* 47, 22, 4). Другие следы греческого влияния, возможно, можно обнаружить в правилах сумбура, особенно в тех, что касаются похорон, и, возможно, в запрете на погребение в пределах города. Гай также находит солонскую параллель с *actio finium regundorum*, предписанным законом (*Dig.* 10, 1, 13).

[413] Liv. vii. 17 "in duodecim tabulis legem esse, ut quodcumque postremum populus jussisset, id jus ratumque esset."

[414] Liv. iii. 53.

[415] *ib.* 54 "ibi extemplo, pontifice maximo comitia habente, tribunos plebis creaverunt."

[416] *ib.* "Confestim de consulibus creandis cum provocatione M. Duilius rogationem pertulit". Такое решение не нуждалось в подтверждении народом, поскольку после падения децемвиров естественно наступал *интеррегнум*, а это было делом сената. Но Ливий также представляет трибуна, который (в соответствии с *senatus consultum*) принимает акт об амнистии, iii. 54 "Tribunatu inito, L. Icilius extemplo plebem rogavit, et plebs scivit, ne cui fraudi esset secessio ab decemviris facta." В более позднем римском праве амнистия принадлежит сенату.

[417] Liv. iii. 55 "ne quis ullum magistratum sine provocatione crearet, qui creasset, eum jus fasque esset occidi: neve ea caedes capitalis noxae haberetur."

[418] p. 79.

[419] p. 79.

[420] p. 99.

[421] Liv. iii. 55 "omnium primum, cum velut in controverso jure esset, tenerentur patres plebiscitis, legem centuriatis comitiis tulere "ut quod", etc. Cp. Dionys. xi. 45.

[422] Г-н Страхан-Дэвидсон в *Smith Dict. of Antiq. s.v. plebiscitum*, и *English Historical Review* №№ 2 и 19.

[423] p. 97.

[424] p. 107.

[425] Типы таких законов между 449 и 287 гг. до н.э. - *lex Terentilia* (462), *Canuleia* (445), *Licinia* (367), *Ogulnia* (300).

[426] Liv. iii. 55 "M. Duilius deinde tribunus plebis plebem rogavit, plebesque scivit: "qui plebem sine tribunis reliquisset, quique magistratum sine provocatione creasset, tergo ac capita puniretur."

[427] Liv. iv. 1 "de conubio patrum et plebis C. Canuleius tribunus plebis rogationem promulgavit."

[428] См. с. 39 и ср. Liv. iv. 6; консулы (in a *contio*) называли в качестве официальной причины "quod nemo plebeius auspicia haberet; ideoque decemviros conubium diremissem, ne incerta prole auspicia turbarentur."

[429] Liv. iv. 1 "et mentio, primo sensim inlata a tribunis, ut alterum ex plebe consulem liceret fieri, eo processit deinde, ut rogationem novem tribuni promulgarent, "ut populo potestas esset, seu de plebe, seu de patribus vellet, consules faciendi."

[430] Ситуация в начале года описывается Ливием (iv. 2) так: "eodem tempore et consules senatum in tribunal, et tribunus populum in consules incitabat." Наконец (Liv. iv. 6) "victi tandem patres, ut de conubio ferretur, consensere."

[431] Liv. iv. 6.

[432] *ib.* 35.

[433] Claudius in *Tab. Lugd.* "quid (commemorem) in pluris distributum consulare imperium tribunosque militum consulari imperio appellatos, qui seni et saepe octoni crearentur."

[434] Ливий иногда говорит о восьми (v. 1, vi. 27); ср. *Tab. Lugd.* цитируемое примечание 3. Вероятно, в это число входят шесть трибунов и два цензора (Momms. *Staatsr.* ii. p. 184); например, Ливий дает восемь трибунов на 403 год, *Fasti Capitol.* на тот же год (351 A.U.C. *C.I.L.* i. p. 428) - шесть и два цензора.

[435] Pompon. in *Dig.* 1, 2, 2, 25 "cum ... plebs contenderet cum patribus et vellet ex suo quoque corpora consules creare, et patres recusarent, factum est ut tribuni militum crearentur partim ex plebe, partim ex patribus consulari potestate."

[436] Liv. v. 12. Это утверждается как ошибка Моммзеном, *Röm. Forsch.* i. 66; *Staatsr.* ii. p. 188. Он считает, что в 445 г. до н. э. один Л. Атилий Лонг был плебеем, а в 400, 399, 396 гг. плебеи составляли большинство. Мнение Ливия поддерживает Виллемс *Le Sénat* i. 58-60.

[437] Если принять это за доказательство того, что перевес голосов в *comitia centuriata* все еще был на стороне патрициев, это бросит ценный боковой свет на относительное экономическое положение двух орденов.

[438] *Imperium* (*Tab. Lugd.*, цит. с. 112); *potestas* (Liv. iv. 6); *jus* (Tac. *Ann.* i. 1).

[439] Liv. iv. 7 "et imperio et insignibus consularibus usos."

[440] *ib.* v. 13, 52.

[441] "Proconsularis imago" (Liv. v. 2).

[442] Zonar. vii. 19.

[443] Liv. iv. 55 "pervincunt, ut senatus consultum fiat de tribunis militum creandis"; iv. 12 "cum ... obtinuisset, ut consulerentur patres, consulum an tribunorum placeret comitia haberi." Дионисий (xi. 60) представляет, что с народом тоже советуется.

[444] т. е. в соответствии с законом, если таковой существовал, устанавливающим эту должность.

[445] Momms. *Staatsr.* ii. p. 191.

[446] Liv. iv. 8 "ortum autem initium est rei, quod in populo, per multos annos incenso, neque differri census poterat, neque consulibus, cum tot populorum bella imminerent, operae erat id negotium agere." Cp. Dionys. xi. 63.

[447] Liv. l.c. "Idem hic annus censurae initium fuit, rei a parva origine ortae."

[448] Liv. iv. 24. Моммзен действительно считает (*Staatsr.* ii. p. 349), что этот *lex Aemilia* впервые сделал цензуру независимой магистратурой с фиксированным сроком полномочий. Вероятно, она и раньше была независимой магистратурой, но без определенного срока полномочий. Отсюда и мнение, что цензоры первоначально занимали свой пост в течение пяти лет - срока *люструма* (Liv. l.c., cf. ix. 34).

[449] pp. 81, 102.

[450] Liv. iv. 43 (разногласия между патрициями и плебсом) "exorta est, coepta ab duplicando quaestorum numero ... praeter duos urbanos quaestores duo ut consulibus ad ministeria belli praesto essent." Трибуны потребовали "ut pars quaestorum ... ex plebe fieret". В результате был достигнут компромисс: "quattuor quaestores promiscue de plebe ac patribus libero suffragio populi fierent".

[451] *ib.* 54. Плебс, возмущенный избранием консулов вместо военных трибунов, "eum dolorem quaestoriis comitiis simul ostendit, et ulta est, tunc primum plebeiis quaestoribus creatis: ita ut, in quattuor creandis, uni patricio K. Fabio Ambusto relinqueretur locus". Об избрании на *comitia tributa* см. с. 102.

[452] p. 83 note 2.

[453] Liv. iv. 25. *Принципаты плебса*, придя в отчаяние от того, что выбор военного трибуна всегда падал на патрициев, пришли к выводу, что это "честолюбие артибутов" патрициев. Отсюда и трибунская мера "ne cui album in vestimentum addere petitionis liceret causa". После большого сопротивления "vicere tribuni ut legem perferrent".

[454] "Principes plebis" (Liv. l.c.).

[455] *ib.* vi. 31 "conditiones impositae patribus, ne quis, quoad bellatum esset, tributum daret, aut jus de pecunia credita diceret."

[456] *ib.* 35 "omnium igitur simul rerum, quarum immodica cupido inter mortales est, agri, pecuniae, honorum, discrimine proposito, conterriti patres, etc."

[457] Liv. vi. 37 "Novam rogationem promulgant, ut pro duumviris sacris faciundis decemviri creentur; ita ut pars ex plebe, pars ex patribus fiat."

[458] *ib.* 38. Его заявления непоследовательны. Он говорит о том, что коллегия была единодушна, и в то же время утверждает, что на собрании использовалось *intercessio*.

[459] Liv. vi. 42 "concessum ... a plebe nobilitati de praetore uno, qui jus in urbe diceret, ex patribus creando", вероятно, оговорка, внесенная в рогации Лициния, когда они были представлены консулом популусу (см. с. 97). Истинный мотив приводит Помпоний в *Dig.* 1, 2, 2, 27: "Cum consules avocarentur bellis finitimis neque esset, qui in urbe jus reddere posset, factum est ut praetor quoque crearetur, qui urbanus appellatus est, quod in urbe jus redderet."

[460] Моммзен (*Staatsr.* ii. p. 204) сомневается в этом, главным образом на том основании, что не упоминается закон, открывающий эту должность для плебеев тридцать лет спустя. Вероятно, по поводу преторства витало такое же сомнение, как и по поводу второго места в

консулате, то есть оставлял ли закон Лициния, резервируя одну должность консула для плебеев, другие должности открытыми для обоих орденов или нет.

[461] Liv. vii. 1 "collegam consulibus atque iisdem auspiciis creatum". Cp. Gell. xiii. 15.

[462] Случай наложения консульского вето на судебное решение претора в 77 г. до н. э. сохранился у Валерия Максима (vii. 7, 6).

[463] Liv. viii. 15 "eodem anno Q. Publilius Philo praetor primus de plebe, adversante Sulpicio consule, qui negabat rationem ejus se habiturum, est factus; senatu, cum in summis imperiis id non obtinuisset, minus in praetura intendente."

[464] p. 98.

[465] Liv. vi. 42 "Factum senatus consultum, ut duo viros aediles ex patribus dictator populum rogaret."

[466] ib. vii. 1 (366 г. до н. э.) "verecundia inde imposita est senatui ex patribus jubendi aediles curules creari. primo, ut alternis annis ex plebe fierent, convenerat; [это было правилом в 213 г. (Polyb. x. 4)]. postea promiscuum fuit" [Моммзен (*Staatsr.* ii. p. 482) считает, что это конец последнего века Республики].

[467] ib. 17 "dictator C. Marcius Rutilus primus de plebe dictus"; он назначил плебея хозяином коня.

[468] ib. 22. Тот же К. Марций Рутил "professus censuram se petere" был избран.

[469] ib. viii. 12 "ut alter utique ex plebe ... censor crearetur".

[470] ib. Ep. 59 "Q. Pompeius et Q. Metellus, tunc primum utrique ex plebe facti, censores lustrum condiderunt."

[471] Liv. vii. 42. Закон был предложен трибуном Л. Генуцием. Однако только в 172 г. до н. э. оба консула стали плебеями (Liv. xlii. 9; Fast. Cap. C.I.L. i. 1 p. 25).

[472] p. 52.

[473] Ливий (x. 6) удивляется этому факту; он считает, что он, должно быть, был случайным ("morte duorum"), поскольку августейшая коллегия должна была состоять из трех или кратного им числа. Цицерон (*de Rep.* ii. 9, 16) говорит, что Ромул взял (*cooptavit*) по одному от каждого из трех племен, поэтому их было четыре; Нума добавил двух (ib. ii. 14, 26). Таким образом, их стало шесть, что Ливий (l.c.) считает нормальным числом во время принятия огульнийского закона.

[474] Liv. x. 6. Эти числа оставались неизменными до времени Суллы (81 г. до н. э.), который увеличил коллегии понтификов и авгуров до пятнадцати (Liv. Ep. 89). Шестнадцатая была добавлена к обеим коллегиям Юлием Цезарем (Dio Cass. xlii. 51).

[475] Liv. xxxiii. 42. Впоследствии их число было увеличено до семи, и с этого времени коллегия стала называться коллегией *VIIviri epulones*.

[476] Marquardt *Staatsverw.* iii. p. 333.

[477] Liv. iii. 32 "augur (mortuus est) C. Horatius Pulvillus; in cuius locum C. Veturius eo cupidius, quia damnatus a plebe erat, augures legere." *Понтифекс максимум* рано стал исключением из этого правила; см. *comitia sacerdotum* в разделе, посвященном народу.

[478] Cic. *de Leg. Agr.* ii. 7, 18; Vell. ii. 12.

[479] Liv. viii. 12.

[480] p. 109.

[481] Г-н Страхан-Дэвидсон предполагает, что закон Публилия Филона "мог исключать промежуточные консультации сената и требовать, чтобы консул сразу же передавал петицию плебса на рассмотрение попула" (Smith *Dict. of Antiq.* s.v. *plebiscitum*, ii. p. 439).

[482] p. 83.

[483] Единственным свидетельством того, что они были, является рассказ Ливия о *lex Manlia* от 357 г. до н.э. (Willems *Droit Public* p. 183). См. Liv. vii. 16 (консул Манлий) "*legem, novo exemplo ad Sutrium in castris tributim de vicesima eorum, qui manumitterentur, tulit. Patres, quia ea lege haud parvum vectigal inopi aerario additum esset, auctores fuerunt.*"

[484] *ib.* viii. 12 "*ut legum, quae comitiis centuriatis ferrentur, ante initum suffragium patres auctores fierent.*"

[485] Cic. *Brut.* 14, 55. Cp. Liv. i. 17 "*hodie ... in legibus magistratibusque rogandis usurpatur idem jus (the patrum auctoritas), vi adempta.*"

[486] Laelius Felix ap. Gell. 15, 27 "(plebi scitis) ante patricii non tenebantur, donec Q. Hortensius dictator legem tulit, ut eo jure quod plebs statuisset, omnes quirites tenerentur"; Plin. *H.N.* xvi. 10, 37 "*ut quod ea (plebs) jussisset, omnes quirites teneret.*"

[487] Gaius i. 3 "*olim patricii dicebant plebi scitis se non teneri, quia sine auctoritate eorum facta essent; sed postea lex Hortensia lata est, qua cautum est, ut plebi scita universum populum tenerent, itaque eo modo legibus exaequata sunt*"; Pompon. in *Dig.* 1, 2, 2, 8 "*pro legibus placuit et ea (plebiscita) observari lege Hortensia: et ita factum est, ut inter plebis scita et legem species constituendi interesset, potestas autem eadem esset.*"

[488] Pompon. l.c.

[489] Таким образом, *lex Agraria* 111 г. до н.э. (Bruns *Fontes*) ссылается на *lex Sempronia* 123 г. до н.э., "[ex] lege plebeive scito, quod C. Sempronius Ti. f. tr. pl. rogavit." Cp. *lex Rubria* (*ib.*) "*ex lege Rubria seive id pl. sc. est.*"

[490] Таким образом, Цицерон, изгнанный *плебисцитом*, был восстановлен *lex centuriata*. См. раздел о народе.

[491] Из многочисленных примеров один из самых примечательных можно найти в Sall. *Jug.* 84, "*Marius ... cupientissima plebe consul factus, postquam ei provinciam Numidiam populus jussit.*" Здесь *plebs* должно быть *populus* и *populus, plebs*.

[492] "Законодательный" здесь используется в современном смысле. В Риме судебный и выборный акт народа был в равной степени *lex*.

[493] По крайней мере, в 304 г. до н. э. они не имели права *сношений* с сенатом (Liv. ix. 46).

[494] Gaius iv. 23.

[495] Varro *L.L.* viii. 105 "Нос (условие *nexum*) C. Poetilio Libone Visolo dictatore (313 г. до н. э.) sublatum ne fieret; et omnes, qui bonam copiam jurarunt, ne essent nexi dissoluti." Ливий (viii. 28), который относит эту меру к 326 г. до н. э., делает ее универсальным освобождением *nexi*:

"jussique consoles ferre ad populum, ne quis, nisi qui noxam meruisset, donec poenam lueret, in compedibus aut in nervo teneretur: pecuniae creditae bona debitoris, non corpus obnoxium esset."

[496] Liv. ix. 46 "Cn. Flavius ... patre libertino ... civile jus, repositum in penetralibus pontificum, evulgavit, fastosque circa forum in albo proposuit, ut quando lege agi posset, sciretur"; Pompon. in *Dig.* 1, 2, 2, 7 "postea cum Appius Claudius composuisset (для "proposuisset") et ad formam redegisset has actiones, Cn. Flavius scriba ejus libertini filius subreptum librum populo tradidit ... hic liber, qui actiones continet, appellatur jus civile Flavianum."

[497] Pompon. l.c. §§ 37, 38. Гаю Сципиону Насику был предоставлен дом для консультаций. Первый профессор, Ти. Корунканий ("qui primus profiteri coepit", ок. 280 г. до н. э.), был также первым плебейским *понтификом*.

[498] Polyb. vi. 53.

[499] Cic. in *Verr.* v. 14, 36 "togam praetextam, sellam curulem, jus imaginis ad memoriam posteritatemque prodendae."

[500] Другими словами, в *атриуме* могли быть установлены изображения не курульных предков.

[501] p. 22.

[502] Sallust. *Jug.* 95 (о Сулле) "gentis patriciae nobilis fuit, familia prope jam extincta majorum ignavia."

[503] Cic. *pro Mur.* 7. 16; Ascon. in *Scaurian.* p. 22.

[504] Dionys. vii. 71.

[505] Cp. Cic. *de Off.* ii. 17, 58 "Vitanda tamen suspicio est avaritiae. Mamercus, homini divitissimo, praetermissio aedilitatis consulatus repulsam attulit."

[506] Liv. xxii. 34 (о выборах Варро, 217 г. до н. э.) "Patres summa ope obstabant, ne se insectando sibi aequari adsuescerent homines."

[507] Sallust. *Jug.* 63 "consulatum nobilitas inter se per manus tradebat; novus nemo tam clarus neque tam egregiis factis erat, quin indignus illo honore, et is quasi pollutus, haberetur."

[508] Cic. *pro Domo* 14, 38 "Ita populus Romanus brevi tempore, neque regem sacrorum, neque flamines, neque salios habebit, nec ex parte dimidia reliquos sacerdotes, neque auctores centuriatorum et curiatorum comitiorum: auspiciaque populi Romani, si magistratus patricii creati non sint, intereant necesse est, cum interrex nullus sit, quod et ipsum patricium esse et a patriciis prodi necesse est." За этим отрывком внимательно следит Ливий vi. 41, в речи против *лициниево-секстианских* законов, которую он приписывает Аппию Клавдию. Мы встречаем и другие архаичные пережитки в связи с сенатом - например, различие между "большим и меньшим *родом*" (стр. 12) никогда не было утрачено, а глава сената, первый член в списке, всегда выбирался из *большого рода* (см. стр. 12).

[509] Ulpian *Reg.* v. 8 "conubio interveniente liberi semper patrem sequuntur; non interveniente conubio matris conditioni accedunt, excepto eo qui ex peregrino et cive Romana peregrinus nascitur, quoniam lex Mensia ["Minicia" было прочитано в веронском палимпсесте

параллельного отрывка Gaius i. 78, ed. Krueger and Studemund] ex alterutro peregrino natum deterioris parentis conditionem sequi iubet."

[510] Или, в эпоху принципата, административный акт. См. раздел о полномочиях принцепса.

[511] p. 6.

[512] Beloch *Der Italische Bund* pp. 101, 102.

[513] Тас. *Ann.* xi. 25; Beloch *op. cit.* p. 78. По мнению Белоха (l.c.), сравнение между доимперской и послеимперской переписью порочно из-за того, что *аэрарии* были исключены из первой и включены во вторую. См. раздел о цензоре.

[514] *Lex Acilia Repetundarum* 1. 76.

[515] Cic. *pro Balbo* 10, 25 "quod iis ... liceat, si populus Romanus permiserit, ut ab senatu, ab imperatoribus nostris, civitate donentur."

[516] Cic. *Brut.* 20, 79; *pro Balbo* 21, 48.

[517] См. раздел, посвященный *comitia*.

[518] Suet. *Aug.* 40; Senec. *de Vit. Beat.* 24.

[519] Это подразумевало *imperium*. В Риме такими магистратами были консул, претор, диктатор или интеррекс; в провинциях - губернаторы.

[520] Gaius iv. 16.

[521] "Praetor addicit libertatem". См. Cic. *ad Att.* vii. 2, 8.

[522] Ибо цензор как таковой не имел полномочий предоставлять свободу (Mommsen *Staatsr.* ii. p. 374). Цицерон (*de Orat.* i. 40, 183) упоминает о юридическом споре, был ли раб свободен с момента объявления или с момента *люструма*, который придавал силу цензорским постановлениям. *Servi publici* освобождались магистратами, но только ли консулом или любым другим магистратом, неизвестно (Momms. *Staatsr.* i. p. 321). Самым крупным случаем освобождения государства является освобождение *Волонов* в 214 г. до н. э. (Liv. xxiv. 16).

[523] В первом случае она называется *directa libertas* (Dig. 40, 4, 35), во втором - *libertas fidei commissa* (Dig. 40, 4, 11).

[524] Феофил (i. 5, 4) называет их φυσικὴ τρόποι ἐλευθερίας.

[525] Suet. *Claud.* 24 (Клавдий говорит, что Апп. Саекус, цензор в 312 г. до н. э., выбрал в сенат сыновей *либертины*) "ignarus, temporibus Appii et deinceps aliquamdiu, 'libertinos' dictos, non ipsos, qui manu mitterentur, sed ingenuos ex his procreatos."

[526] Justin. *Inst.* i. 4 "qui statim ut natus est liber est"; Cic. *de Nat. Deor.* iii. 18, 45 "in jure civili, qui est matre libera, liber est". Именно в этом смысле Цинций (*Ap. Fest.* p. 241) и Ливий (x. 8) объявляют, что *patricius* изначально был эквивалентен *ingenuus*. См. с. 5.

[527] *s(ine) p(atre) filii* Гая (i. 64) и Плутарха (*Qu. Rom.* 103) было предположением юристов, основанным на сокращенной форме *sp(urii) filii* (Momms. *Staatsr.* iii p. 72 n. 4). *Spurii filii* было официальным обозначением, в то время как *liberi naturales* обозначало естественное родство с отцом (Meyer *Der römische Concubinatus*).

[528] p. 35.

[529] p. 131.

[530] p. 45.

[531] p. 98.

[532] *Lex Coloniae Genetivae* (основание Цезаря в 44 г. до н. э. в Осуне в Испании) с. 98
"Quamcumque munitionem decuriones hujusce coloniae decreverint ... eam munitionem fieri liceto, dum ne amplius in annos singulos ... operas quinas ... decernant."

[533] Другими главными личными обременениями являются опека (*tutela*) и служба в суде присяжных; но рассмотрение того и другого относится скорее к гражданскому и уголовному, чем к публичному праву.

[534] p. 69.

[535] p. 74.

[536] p. 73.

[537] Liv. xxxiii. 42 (196 г. до н. э.) "Pecunia opus erat, quod ultimam pensionem pecuniae in bellum conlatae persolvi placuerat privatis." Ср. ст. 20 и Plin. *H.N.* xxxiv. 6.

[538] Cic. *de Off.* ii. 22, 76 "Paulus tantum in aerarium pecuniae invexit, ut unius imperatoris praeda finem attulerit tributorum"; Plutarch, *Paul.* 38.

[539] *Lex Acilia Repetundarum* с. 79; среди наград, предоставляемых латинянину, который успешно преследовал по этому закону, - "militiae munerisque poplici in sua quojusque civitate vocatio immunitasque".

[540] Cic. *pro Caec.* 34.

[541] Cic. *l.c.*; *de Orat.* i. 40.

[542] Cic. *pro Caec.* 34; Dionys. iv. 15

[543] p. 32.

[544] Eisele *Beiträge zur römischen Rechtsgeschichte* p. 205.

[545] Gaius i. 159-162; Ulp. xi. 10-13.

[546] p. 31.

[547] О форме *deditio* см. Liv. ix. 10; App. *de Reb. Hisp.* 83. Речь идет о двух крупных исторических примерах в Каудинских вилах (321 г.) и Нумантии (137 г.).

[548] Liv. xxxviii. 42 (188 г. до н. э.) "eo anno L. Minucius Myrtilus et L. Manlius, quod legatos Carthaginienses pulsasse dicebantur, jussu M. Claudii praetoris urbani per fetiales traditi sunt legatis, et Carthaginem avecti."

[549] *ib.* v. 36; Suet. *Caes.* 24.

[550] p. 138.

[551] p. 91.

[552] Gaius i. 159.

[553] Cic. *pro Balbo* 11, 28; *pro Caec.* 34, 100.

[554] p. 55.

[555] Ulp. *Reg.* xi. 13 "per quam, et civitate et libertate salva, status dumtaxat hominis mutatur."
Cp. Gaius i. 162.

[556] p. 32.

[557] т. е. через *adrogatio*, см. с. 32.

[558] Justin. *Inst.* i. 12, 5 "postliminium fingit eum qui captus est semper in civitate fuisse"; Gaius i. 129 "hi qui ab hostibus capti sunt, si reversi fuerint, omnia pristina jura recipiunt."

[559] p. 18.

[560] Cic. *pro Mur.* 12, 27 "mulieres omnes propter infirmitatem consilii majores in tutorum potestate esse voluerunt; hi invenerunt genera tutorum, quae potestate mulierum continerentur."

[561] По *jus postliminii*; см. с. 140.

[562] Plaut. *Capt. Prol.* 34.

[563] Liv. x. 42, 46.

[564] Caesar *B.G.* iii. 16.

[565] Polyb. xxx. 15 (Paulus) πέντε δὲ καὶ δέκα μυριάδας ἀνθρώπων ἐξανδραποδίσασθαι.

[566] Strabo xiv. p. 668.

[567] Marquardt *Privatleben* pp. 135 sq.

[568] Appian *B.C.* i. 8.

[569] Gaius in *Dig.* 50, 17, 133 "melior condicio nostra per servos fieri potest, deterior fieri non potest."

[570] Gaius iv. 69-74; Justin. *Inst.* iv. 7.

[571] Cic. *Part. Orat.* 34, 118; *pro Cluent.* 63 и т. д. Поскольку, однако, необходимо было получить согласие хозяина, показания и пытки рабов в государственных судах были редкостью. В домашней юрисдикции инквизиция над рабами проводилась перед семейным *консилиумом*.

[572] Gaius iii. 210, 217, 222, 223.

[573] Cato *R.R.* 5; Dionys. vii. 69.

[574] Cic. *ad Fam.* iv. 12; Tac. *Ann.* xiv. 42.

[575] Liv. xliii. 16; Gell. xiii. 13. О публичных услугах в муниципальных городах см. *Lex Coloniae Genetivae* с. 62.

[576] *Actor publicus* - в Риме (Tac. *Ann.* ii 30); в муниципальных городах (Plin. *Ep.* vii, 18, 2).

[577] *Libertinus* описывает политическое положение вольноотпущенника, *libertus* - его отношение к своему господину.

[578] Ulp. in *Dig.* 1, 16, 9, 3.

[579] Macer in *Dig.* 48. 2, 8; Paul. *Sent.* v. 15, 3.

[580] Ulp. in *Dig.* 2, 4, 4, 1 "Praetor ait "parentem, patronum, patronam, liberos parentes patroni patronae in jus sine permissu meo ne quis vocet"."

[581] Gaius iii. 40-44.

[582] Ulp. in *Dig.* 38, 2, 1, 1. Моммзен (*Staatsr.* iii. p. 433) считает, что автором изменения был знаменитый П. Рутилий Руф, консул 105 г. до н.э.

[583] Suet. *Caes.* 48; Val. Max. 6, 1, 4. Виллемс (*Droit Public* i. p. 125 n. 8) замечает, что ничто не указывает на то, что эта власть осуществлялась над *justi liberti*. Вольноотпущенники, наказанные таким образом, могли быть неофициально манумитированы. О низведении вольноотпущенника его *патроном* см. Тас. *Ann.* xiii 26.

[584] Ср. Plut. *Poplic.* 7. Плутарх в этой истории о воображаемом вольноотпущеннике Виндиции представляет его сословие как не имеющее права голоса в начале Республики. Аппий Клавдий (312 г. до н. э.), по его словам, впервые дал им ἐξουσίαν ψήφου: но он не называет собрания, в которых это право осуществлялось.

[585] См. раздел о цензоре (стр. 223).

[586] Liv. ix. 46.

[587] *ib.*; Val. Max. ii. 2, 9. Ничего не говорится об их разделении на *классы*; согласно устройству реформированной *comitia centuriata* (см. раздел о *comitia*), это ограничение четырьмя коленами дало бы им в распоряжение только сорок веков.

[588] Liv. xlv. 15.

[589] *Auct. de Vir. Ill.* 72 (M. Aemilius Scaurus) "consul legem de sumptibus et libertinorum suffragiis tulit"; Willems *Droit Public Rom.* p. 123.

[590] Dio Cass. xxxvi. 25.

[591] Liv. *Ep.* 84.

[592] Исключения, вызванные напряжением времени, относятся к 296 (Liv. x. 21) и 217 годам (Liv. xxii. 11). Даже во время социальной войны они формировали когорты отдельно от легионов.

[593] Впервые упоминается в 217 г. до н. э. (Liv. xxii. 11).

[594] См. раздел о магистратуре (с. 184).

[595] Например, институт цензора, претора, курульных эдилов и (хотя они не являются частью разработанной конституции) консульских трибунов.

[596] p. 121.

[597] Cic. *ad Att.* ix. 9, 3 "in libris (т. е. в августейших книгах) habemus non modo consules a praetore, sed ne praetores quidem creari jus esse."

[598] p. 47.

[599] p. 47.

[600] См. раздел о магистратуре (с. 165).

[601] Cic. *de Leg.* iii. 3, 9 "ast quando consoles magisterve populi (i.e. dictator) nec escunt, auspicia patrum sunt, ollique ex se produnt qui comitiatu creare consules rite possint"; *ad Brut.* i. 5, 4 "dum unus erit patricius magistratus, auspicia ad patres redire non possunt."

[602] В 43 г. до н. э., в связи со смертью Гиртия и Пансы, это сообщение не могло быть сделано вовремя. Отсюда чрезвычайная мера - назначение двух *privati c consularis potestas* для проведения выборов на должность консула (Dio Cass, xlv. 45).

[603] На *сенатский консилиум*, содержащий это предложение, мог наложить вето один из трибунов. Аскон, в *Milon.* p. 32 "dum ... Pompeius ... et T. Munatius tr. pl. referri ad senatum de patriciis convocandis qui interregem proderent non essent passi."

[604] p. 47.

[605] Liv. v. 31, 8 "interrex creatur M. Furius Camillus".

[606] Техническое выражение *prodere interregem* относится в республиканские времена не только к назначению первого интеррекса путем выборов, но и к назначению каждого из других *интеррексов* его предшественником (Liv. vi. 41; v. 31).

[607] Liv. vi. 1; viii. 23.

[608] Cic. *pro Dom.* 14, 38, цитируется с. 131.

[609] Willems *le Sénat* ii. pp. 14, 16.

[610] p. 126.

[611] См. Приложение о *comitia tributa*.

[612] p. 89.

[613] Власть этого органа значительно возросла в результате длительных войн, которые велись на Западе и Востоке; но его верховенство было обеспечено еще до начала этих войн. См. раздел о Сенате.

[614] Пример его кумулятивного употребления см. у Цикла в *Verr. act.* i. 13, 37 "erit tunc consul Hortensius cum summo imperio et potestate"; одно из его дизъюнктивных употреблений см. в *Dig.* 4, 6, 26, 2 "consulem praetorem ceterosque qui imperium potestatemve quam habent."

[615] p. 79.

[616] Моммзен (*Staatsr.* i. p. 203) отрицает право квестора издавать эдикты; но отсутствие четких упоминаний об эдиктах квестора не является основанием для отказа ему в том, что, по-видимому, было общим правом магистратуры.

[617] О промагистратах см. разделы о консулах и провинциях.

[618] В период Республики *imperium* стал обозначать заграничное командование *par excellence*, что было естественно, поскольку только здесь власть была свободна. Отсюда фраза *cum imperio esse*, характеризующая магистрата, который может утвердить эту скрытую власть (Cic. *ad Fam.* viii. 8, 8 "qui praetores fuerunt neque in provincia cum imperio fuerunt"), и противопоставление *magistratus* и *imperium*. *Lex Tab. Bant.* 1. 16 "quibus quisque eorum

mag(istratum) imperiumve inierit"; *Lex Acilia Rep.* 1. 8 "dum magi(stratum) aut imperium habebunt."

[619] Liv. iii. 42; xxviii. 45.

[620] Polyb. vi. 19, 21. Клятва была произнесена так (с. 21): ἡ μὴν πειθαρχήσῃ καὶ ποιήσῃ τὸ προσταττόμενον ὑπὸ τῶν ἀρχόντων κατὰ δύναμιν.

[621] О солдате говорят "jurare in verba consilium" (Liv. ii. 52).

[622] Liv. iii. 20.

[623] *ib.* viii. 34 "latrocinii modo caeca et fortuita pro sollemni et sacrata militia sit."

[624] Dionys. xi. 43.

[625] p. 79.

[626] См. раздел о *intercessio*.

[627] Liv. vii. 5.

[628] *ib.* xxvii. 36.

[629] *Lex Acilia* 1. 2.

[630] Они назывались *Rufuli* (Liv. vii. 5; Festus p. 260).

[631] Liv. xlii. 31 (171 г. до н. э., начало войны с Персеем) "consoles ex senatus consulto ad populum tulerunt, ne tribuni militum eo anno suffragiis crearentur, sed consulum praetorumque in iis faciendis iudicium arbitriumque esset." Cf. xliii. 12.

[632] Polyb. vi. 13.

[633] p. 117.

[634] См. Greenidge, "The provocatio militiae and provincial jurisdiction" в *Classical Review* x. p. 225.

[635] Тот факт, что делегаты, а иногда и преступления были разными в этих двух случаях, не делает военную юрисдикцию *императора* отличной от его обычной уголовной юрисдикции, как считает Моммзен (*Staatsr.* i. p. 123). Доказательства единства концепции jurisdiction *militiae* см. в статье, цитируемой в последнем примечании.

[636] Однако в конце Республики обычай предписывал наместнику отправлять в Рим дела о капитале, в которые были вовлечены римляне. См. раздел о провинциях.

[637] Tac. *Ann.* iii. 74 "Tiberius ... Blaeso tribuit, ut imperator a legionibus salutaretur, prisco ergo duces honore, qui bene gesta republica gaudio et impetu victoris exercitus conclamabantur." Самый ранний случай, зафиксированный в документах, относится к старшему Сципиону Африканскому (Liv. xxvii. 19). В конце Республики титул мог быть присвоен сенатом. Cic. *Phil.* xiv. 4, 11 (чтобы подчеркнуть тот факт, что Антоний был врагом народа, Сервилий предложил *прошения*) "Sed hoc primum faciam, ut imperatores appellem eos, quorum virtute... periculis... liberati sumus". Ибо кто, спрашивает он, не был назван *императором* в течение последних двадцати лет "aut minimis rebus gestis, aut plerumque nullis"? (ср. Cic. *ad Att.* v. 20, 3).

[638] Dio Cass. xxxvii. 40.

[639] О консульском трибуне см. с. 114.

[640] Важное исключение зафиксировано в Liv. vii. 11 (360 г. до н. э.). Здесь консул торжествует после отречения диктатора, и эта честь явно является уступкой последнего.

[641] Liv. xxviii. 9 (207 г. до н. э.).

[642] В этом случае иногда предоставлялась меньшая честь - "оvation" (Liv. xxvi. 21; xxviii. 9).

[643] Liv. xxxix. 29 (185 г. до н. э.).

[644] Gell. v. 6; Val. Max. ii. 8, 7. В этом случае также иногда устраивались овации, например, во время войн с рабами в 99 и 71 гг. до н. э. (Cic. *de Orat.* ii. 47, 195; Gell. v. 6). По этой причине триумф Цезаря в 46 году проходил над Галлией, Египтом, Понтом и Африкой, а триумф Августа в 29 году - над Далмацией и Египтом. Ни в том, ни в другом случае он не был проведен над гражданами, которых они разгромили".

[645] Val. Max. ii. 8, 1.

[646] Liv. xxxiii. 23; xlii. 21.

[647] Моммзен также считает, что его использовали (*Staatsr.* i p. 132), например, что именно из-за отсутствия *provocatio* были казнены *cives Romani Campani* в 271 году (Val. Max. ii. 7, 15).

[648] Например, Л. Постумий Мегелл в 294 г. до н. э. (Liv. x. 37), Апп. Клавдий в 143 г. до н. э. (Suet. *Tib.* 2).

[649] "Senatus consulto jussuque populi" (Liv. iv. 20).

[650] Polyb. vi. 15 τοὺς ... θριάμβους ... οὐ δύνανται χειρίζειν ὡς πρέπει, ποτὲ δὲ τὸ παράπαν οὐδὲ συντελεῖν, ἔὰν μὴ τὸ συνέδριον συγκατάθῃται καὶ ᾧ τὴν εἰς ταῦτα δαπάνην.

[651] Liv. xxvi. 21. Ср. Liv. xlv. 35, где просьба сената к трибуну передается через претора. В этом случае нельзя сказать, что *imperium* передается на день, поскольку плебс не имел права передавать *imperium*.

[652] *ib.* xxviii. 38; ср. xxxi. 20.

[653] Например, два триумфа Помпея в 80 и 71 гг. до н. э. См. Cic. *pro Lege Man.* 21, 62 "quid tam incredibile, quam ut iterum eques Romanus ex senatus consulto triumpharet?".

[654] Сокращенная форма *conventio*. Ср. S. C. *de Bacchanalibus* (Bruns *Fontes*) l. 23 "haice uti in conventionid exdeicatis."

[655] Gell. xiii. 16 "cum populo agere est rogare quid populum, quod suffragiis suis aut jubeat aut vetet, contionem autem habere est verba facere ad populum sine ulla rogatione."

[656] Это был, например, способ, с помощью которого народ призывался в свидетели публичных казней вне Померия (Cic. *pro Rab.* 4, 11; Tac. *Ann.* ii. 23).

[657] S. C. *de Bacch.* цитируется с. 158.

[658] Liv. xxxix. 15 "contione advocata cum sollemne carmen precationis, quod praefari priusquam populum adloquantur magistratus solent, peregisset, consul ita coepit."

[659] Messala ap. Gell. xiii. 16 включает *magistratus minores*. Моммзен, руководствуясь (в данном случае, вероятно, ложной) аналогией с *jus cum populo agendi*, исключил бы эдилов и квесторов (*Staatsr.* i. p. 200).

[660] Gell. l.c.

[661] Cic. *ad Att.* iv. 1, 6 "habui contionem, omnes magistratus praeter unum praetorem et duos tribunos pl. dederunt"; i. 14, 1 "Pisonis consulis impulsu levissimus tribunus pl. Fufius in contionem producit Pompeium"; ii. 24, 3 "Caesar is qui olim, praetor cum esset, Q. Catulum ex inferiore loco jusserat dicere, Vettium in rostra produxit."

[662] Sall. *Jug.* 34 "ubi Memmius (a tribune) dicendi finem fecit et Jugurtha respondere jussus est, C. Baebius tribunus plebis ... regem tacere jubet."

[663] См. прим. 1.

[664] Cic. *de Leg.* iii. 4, 10 "cum populo patribusque agendi jus esto consuli praetori magistro populi equitumque eique quem patres produnt consulum rogandorum ergo." Вопрос о том, имел ли префект города это право, см. с. 61; аргументом в пользу того, что он обладал им в Республике, является его право советоваться с сенатом.

[665] О курульных эдилах см. Cic. *in Verr.* i. 12, 36; Val. Max. viii. 1, 7.

[666] Liv. iii. 24; Dionys. viii. 77.

[667] Liv. xliii. 16 (169 г. до н. э., P. Rutilius tr. pl.) "C. Claudio diem dixit ... et utrique censori perduellionem se judicare pronunciavit, diemque comitiis a C. Sulpicio praetore urbano petiit ... absoluto Claudio, tribunus plebis negavit se Gracchum morari." Antias ap. Gell. vi. 9 "Licinius tribunus plebi perduellionem ei diem dixit et comitiis diem a M. Marcio praetore peposcit."

[668] Председательствовал ли трибун на этом собрании, точно не известно. Когда трибун в Ливии (l.c.) прерывает такое собрание, это может означать просто его отставку в качестве прокуратора (см. последнее примечание).

[669] Liv. x. 23; xxv. 2; xxxiii. 42; Gell. x. 6.

[670] *De Leg.* iii. 4, 10, цитируется с. 160.

[671] Gell. xiv. 7 "(Varro ponit) per quos more majorum senatus haberi soleret eosque nominat "dictatorem, consules, praetores, tribunos plebi, interregem, praefectum urbi" ... "deinde extraordinario jure tribunos quoque militares qui pro consulibus fuissent ... jus consulendi senatum habuisse."

[672] Это право трибунов возникло позднее 304 г. до н. э.; см. с. 127.

[673] Liv. xxii. 30; xl. 52. Cp. Wilmanns n. 27 "L. Mummi. L. F. Cos. duct(u) auspicio imperioque ejus Achaia capt(a) Corinto deleta Romam redieit triumphans."

[674] p. 39.

[675] Festus p. 261 "quinque genera signorum observant augures publici, ex coelo, ex avibus, ex tripudis, ex quadripedibus, ex diris."

[676] *Silentium* определяется отрицательно; см. Cic. *de Div.* ii. 34, 71 "id enim silentium dicimus in auspiciis, quod omni vitio caret." Cp. Festus p. 351.

[677] Например, падение шапки с головы жреца, приносящего жертву (Val. Max. i. 1, 5). Ср. Festus p. 64.

[678] Val. Max. i. 1, 5 "occentusque soricis auditus Fabio Maximo dictaturam ... deponendi causam praebuilt."

[679] ib. 4, 2 (предзнаменования, с которыми столкнулся Т. Гракх, добиваясь трибуната).

[680] ib. 4, 7.

[681] Plut. C. *Gracch.* 11.

[682] Cic. *de Div.* ii. 34, 72 "Illi autem, qui in auspicium adhibetur, cum ita imperavit is, qui auspicatur 'Dicito, si silentium esse videbitur'; nec suspicit nec circumspicit: statim respondet, 'silentium esse videri.'"

[683] Plin. *H.N.* xxviii. 2, 11.

[684] Cic. *de Div.* ii. 35, 77.

[685] Liv. i. 36; Cic. *de Leg.* iii. 3, 9.

[686] Cic. *de Div.* ii. 33, 71 "haec certe quibus utimur, sive tripudio sive de coelo, simulacra sunt auspiorum, auspicia nullo modo."

[687] Liv. xxiii. 31 (215 г. до н. э., Марцелл) "cui ineunti consulatum cum tonuisset, vocati augures vitio creatum videri pronunciaverunt."

[688] Cic. *de Div.* ii. 35, 74 "Fulmen sinistrum auspicium optimum habemus ad omnes res, praeterquam ad comitia."

[689] ib. i. 15, 27 "nam nostri quidem magistratus auspiciis utuntur coactis. Necesse est enim, offa objecta, cadere frustum ex pulli ore, cum pascitur. (28) Quod autem scriptum habetis, tripudium fieri, si ex ea quid in solidum ceciderit: hoc quoque, quod dixi, coactum, tripudium solistimum dicitis." Ср. ii. 34, 72; 35, 73. Об их использовании в лагере см. Cic. *de Div.* i. 35, 77; Val. Max. i. 4, 3. В последнем отрывке описывается инцидент, связанный с П. Клавдием Пульхером (249 г. до н. э.).

[690] Messala ap. Gell. xiii. 15 "Patriciorum auspicia in duas sunt divisa potestates. Maxima sunt consulum, praetorum censorum.... Reliquorum magistratuum minora sunt auspicia."

[691] Gell. iii. 2.

[692] "Oriens de nocte silentio" (Liv. viii. 23).

[693] То, что в лагере, посредством священных кур, естественно, должно было быть освобождено от этих формальностей.

[694] Cic. *de Nat. Deor.* ii. 4, 11; эти палатки назывались *minora templa* (Festus p. 157).

[695] Манипуляции с эгидой в конце Республики привели к тому, что квалифицированным помощником стали пренебрегать (Cic. *de Div.* ii. 34, 71 "apud majores nostros adhibebatur peritus, nunc quilibet").

[696] Liv. ix. 39 и т. д.

[697] См. раздел, посвященный полномочиям народа. *Витий* осуществлял выборы даже трибунов плебса - но исключительно в результате *auspicia oblativa*. См. Liv. x. 47 (293 г. до н. э.) "exacto jam anno novi tribuni plebis magistratum inierant: hisque ipsis, quia vitio creati erant, quinque post dies alii subfecti."

[698] *ib.* v. 31, etc.

[699] Моммзен считает, что покровительство консулов могло чередоваться, как и их фасции, из месяца в месяц (*Staatsr.* i. p. 95).

[700] Так, перед Каннами Варро выходит на поле боя, несмотря на плохое самочувствие, выявленное наблюдением его коллеги Паулюса (Liv. xxii. 42).

[701] Val. Max. ii. 8, 2.

[702] Cic. *de Leg.* iii. 3, 6 "magistratus nec oboedientem et noxium civem multa, vinculis, verberibus coerceto, ni par majorve potestas populusve prohibessit, ad quos provocatio esto." Закон *Порция* запрещал бичевать римского гражданина с помощью *gravis poena* (Liv. x. 9); но то, что технически он просто представлял угрозу такого *принуждения* к обжалованию, показывает тот факт, что этот закон отнесен к числу тех, которые регулируют *provocatio* (Cic. *de Rep.* ii. 31, 54).

[703] pp. 79, 109.

[704] Liv. x. 9 "cum eum qui provocasset virgis caedi securisque necari vetuisset, si quis adversus ea fecisset, nihil ultra quam improbe factum adjecit." Значение этой санкции вызывает много споров: возможно, она означает "неспособный составить завещание", по аналогии с "improbis (т. е. qui probare non potest) intestabilisque esto". Моммзен (*Strafrecht* p. 632) считает, что это выражение означает, что действия магистрата будут рассматриваться как "неоправданные", т. е. как обычное уголовное преступление.

[705] Cic. *de Rep.* ii. 31, 54.

[706] p. 95.

[707] Dio Cass. liii. 17.

[708] Plin. *H.N.* vii 44; Liv. *Ep.* 59.

[709] Liv. ii 55; vii. 4.

[710] *virgis caedi* в третьем *lex Valeria* (прим. 2), вероятно, относится как к бичеванию, так и к смерти от жезла.

[711] Capito ap. Gell. iv. 10 "Caesar consul viatorem vocavit eumque (Catonem), cum finem non faceret (of speaking in the Senate) prendi loquentem et in carcerem duci jussit." Cp. Suet. *Caes.* 17.

[712] Самый ранний случай зафиксирован в Liv. *Ep.* xlvi. (Momms. *Staatsr.* i. p. 154). Типичный случай, относящийся к 60 году до н. э., описан в Cic. *ad Att.* ii. 1, 8; Dio Cass. xxxvii. 50.

[713] Именно так было предотвращено заключение в тюрьму М. Бибула, консула 59 г. (Cic. *in Vat.* 9, 21), и М. Красса, консула 55 г. (Dio Cass. xxxix. 39).

[714] В анналах залог вводится уже во время суда над Кесо Квинктием в 461 г. до н. э. (Liv. iii. 13).

[715] Liv. xxv. 4 (212 г. до н. э.).

[716] Моммзен (*Staatsr.* i. p. 143 n. 1) придерживается мнения, что квестор не обладал властью *принуждения* через *multa* и *pignus*. Противоположное мнение см. в Karlowa *Rechtsgesch.* i. p. 171 и Huschke *Multa* p. 36.

[717] Dionys. x. 50 ἐπὶ τῆς λοχίτιδος ἐκκλησίας νόμον ἐκύρωσαν (консулы Sp. Tarpeius и A. Aternius) ἵνα ταῖς ἀρχαῖς ἐξῇ πάσαις τοὺς ἀκοσμοῦντας ἢ παρανομοῦντας εἰς τὴν ἑαυτῶν ἐξουσίαν ζημιοῦν- τῶς γὰρ οὐχ ἅπασιν ἐξῆν ἀλλὰ τοῖς ὑπάτοις μόνοις. Ср. Cic. *de Rep.* ii. 35, 60.

[718] Dionys. l.c.; Gell. xi. 1. Дионисий (вероятно, по ошибке переписчика) представляет штраф в размере двух волов или тридцати овец.

[719] Cic. *de Rep.* ii. 35, 60 "levis aestimatio pecudum in multa lege C. Julii, P. Papirii consulum constituta est"; Liv. iv. 30 "legem de multarum aestimatione pergratam populo ... ipsi (the consuls Julius and Papirius) praeoccupaverunt ferre"; Gell. xi. 1 "in oves singulas aeris deni, in boves aeris centeni ... Suprema multa est ejus numeri, ... ultra quem multam dicere in dies singulos jus non est". Геллий, однако, приписывает денежную оценку *lex Aternia*.

[720] Иногда придерживались мнения, что *multa suprema* - это сумма, за которую магистрат не мог зайти ни при каких обстоятельствах. В данном случае неизвестен предел, после которого апелляция стала возможной. Однако о том, что он существовал, свидетельствует *провокация ab omni judicio*, разрешенная Двенадцатью таблицами (Cic. *de Rep.* ii. 31, 54. См. с. 106).

[721] p. 246.

[722] *Lex Tab. Bant.* 1. 12 "Sei quis mag(istratus) multam inrogare volet [*quei volet, dum minoris*] partus familias taxsat, liceto."

[723] например, в случае продолжения сопротивления вето. См. Liv. xliii. 16 (169 г. до н. э., П. Рутилий) "Ti Gracchi primum bona consecravit, quod in multa pignoribusque ejus, qui tribunum adpellasset, intercessioni non parendo, se in ordinem coegisset"; или о предполагаемом клейме, наложенном цензором на трибуна (Plin. *H.N.* vii. 44). Цицерон, *pro Domo* 47, 123, упоминает освящение имущества Л. Метелла К. Атинием (131 г. до н. э., Plin. l.c.) как пример "ярости трибунов плебса, ductus ex nonnullis perveterum temporum exemplis". П. Хлодий (58 г. до н. э.) освятил имущество Цицерона и консула Габиния (ib. § 124).

[724] *Lex Quinctia de aquaeductibus* (Bruns *Fontes*) l. 20 "tum is praetor ... multa pignoribus cogito coerceto."

[725] Cic. *de Orat.* iii. 1, 4, "pignora caedere" или "concidere"; разрушение было произведено в качестве примера "in conspectu populi Romani".

[726] *Auct. de Vir. Illustr.* 72, 6. Ср. процедуру консула Сервилия против революционного претора Каэлия Руфа в 48 г. до н. э. Dio Cass. xlii. 23 τὸν τε δῖφρον αὐτοῦ συνέτριψεν.

[727] Varro ap. Gell. xiii. 12 "vocationem (habent), ut consoles et caeteri, qui habent imperium; prensionem, ut tribuni plebis et alii, qui habent viatorem; neque vocationem neque prensionem, ut quaestores et ceteri, qui neque lictorem habent neque viatorem. Qui vocationem habent, idem prendere, tenere, abducere possunt."

[728] p. 94.

[729] См. Varro ap. Gell. l.c.

[730] Эдилы использовались в суде над Кориоланом (Dionys. vii. 26, см. с. 98); Гракх послал одного из своих *viatores*, чтобы вытащить своего коллегу Октавия из Ростры (Plut. *Ti. Gracch.* 12). Ср. Liv. xxv. 4 (дело Постумия 212 г. до н. э.) "tribuni ... ni vades daret ... prehendi a viatore ... jusserunt."

[731] Варро, как антиквар, отказался подчиниться такому вызову, сославшись на его незаконность (Gell. xiii. 12.).

[732] Donatus *ad Ter. Ad.* iv. 2, 9 "qui malam rem nuntiat, obnuntiat, qui bonam adnuntiat; nam proprie obnuntiare dicuntur augures, qui aliquid mali ominis scaevumque viderint." Ср. Cicero *Phil.* ii. 33, 83; *de Div.* i. 16, 29 (*dirarum obnuntiatio*).

[733] Плебейские магистраты иногда следили за такими знаками, чтобы помешать, и тогда неправильно говорили *servare de coelo* (Cic. *ad Att.* iv. 3, 3). Слова правильно использовать только в отношении *spectio*. См. Greenidge, "The Repeal of the Lex Aelia Fufia" в *Class. Rev.* vii. p. 158.

[734] p. 163.

[735] Cic. *pro Sest.* 36, 78; Dio Cass. xxxviii. 13. Обсуждать, как это было сделано, был ли действителен *obnuntiatio* патрицианских магистратов против трибунов, значит поднимать довольно пустой вопрос. *Lex Aelia Fufia* не могла искусственно регулировать религиозные верования, а плебс был так же подвержен *ауспициям*, как и популы (см. с. 39).

[736] Gell. xiii. 15; *minor* здесь означает просто "ниже консула".

[737] Они регулировали старшинство *комиций* при выборах и принятии законов (Cic. *ad Att.* i. 16, 13).

[738] Cic. *in Pis.* 4, 9; *de Prov. Con.* 19, 46; *in Vat.* 7, 18.

[739] Cic. *Phil.* ii. 32, 80 и 38, 99; *ad Att.* iv. 9, 1; 16, 7 и др. См. *Class. Rev.* vii. p. 160.

[740] На осуществление *coercitio*, конечно, может быть наложено вето, и в этом случае запрет был бесполезен. См. Liv. ix. 34 (n. 7).

[741] p. 159.

[742] Liv. xliii. 16 (169 г. до н. э., P. Rutilius tr. pl.) "C. Claudio diem dixit, quod contionem ab se avocasset."

[743] *ib.* xxvii. 5 (210 Г. ДО Н. Э.). Консул отказался задавать народу вопрос о назначении диктатора, "quod suae potestatis esset", и запретил претору делать это.

[744] p. 172.

[745] Ср. историю в Suet. *Tib.* 2: "Etiam virgo vestalis fratrem (App. Claudius, consul 143 B.C.) injussu populi triumphantem, adscenso simul curru, usque in Capitolium prosecuta est, ne vetare aut intercedere fas cuiquam tribunorum esset."

[746] Liv. ix. 33-34. П. Семпроний, трибун, пытался заставить Апп. Клавдия, который пытался продлить свою цензуру более чем на восемнадцать месяцев, отречься от престола. Он попытался заключить цензора в тюрьму, но ему помешало вето трех коллег.

[747] *Auct. de vir. illustr.* 72, 6 (по поводу этого случая см. с. 171); консул "ne quis ad eum (praetorem) in jus ire edixit". Dio Cass. xlii. 23; среди других наказаний, наложенных Сервилием

Исавриком на Каэлия Руфа (см. с. 171), была передача его функций другому претору, τὰ τε προσήκοντα τῇ ἀρχῇ αὐτοῦ ἄλλῳ τῷ τῶν στρατηγῶν προσέταξε.

[748] Cic. *in Verr.* iii. 58, 134 "quaestores, legates, praefectos, tribunos suos, multi missos fecerunt et de provincia decedere jusserunt, quod illorum culpa se minus commode audire arbitrarentur, aut quod peccare ipsos aliqua in re judicarent."

[749] Liv. iii. 27; vii. 9.

[750] C.I.L. vi. n. 895.

[751] Liv. iii. 3; Cic. *Phil.* v. 12, 31.

[752] Liv. iii. 5; vi. 7; Cic. l.c.

[753] Моммзен полагает, что по случаю каждых публичных похорон на форуме объявлялся короткий *justitium* (*Staatsr.* i. p. 251 n. 4).

[754] Liv. x. 21.

[755] Cic. *de Har. Resp.* 26, 55 "justitium edici oportere, jurisdictionem intermittere, claudi aerarium, judicia tolli". Ср. Plut. *Ti. Gracch.* 10; Cic. *pro Plancio* 14, 33.

[756] Liv. vi 7.

[757] Cic. *Brut.* 89, 304 "exercebatur una lege iudicium Varia, ceteris propter bellum intermissis."

[758] p. 119.

[759] Plut. *Ti. Gracch.* 10.

[760] "(Feriae) imperativae sunt, quas consules vel praetores pro arbitrio potestatis indicunt" (Macrob. *Saturn.* i. 16, 6).

[761] Например, у Ливия (x. 37).

[762] Не известно ни одного случая применения такого вето в Риме, но оно признается в муниципальном праве Сальпенсы (Bruns *Fontes*) с. 27.

[763] Или *decretum*. Формальное различие незначительно; к концу Республики *edictum* - это общее, *decretum* - более специальное (и, как правило, судебное) распоряжение.

[764] Liv. iv. 55.

[765] Caes. *Bell. Civ.* iii. 20 (Caelius Rufus) "tribunal suum juxta C. Treboni praetoris urbani sellam collocavit, et si quis appellavisset ... fore auxilio pollicebatur." О вытекающей отсюда необходимости присутствия трибунов в Риме см. с. 94.

[766] Таким образом, Веррес, который был *претором города*, накладывал вето на свои решения Пизоном, который, вероятно, был *претором Перегрином*, в случаях, когда Веррес принимал решение вопреки своему собственному эдикту. Cic. *in Verr.* i. 46, 119; ср. Caes. l.c.

[767] Из четырех частноправовых речей Цицерона две - для Квинкция и Туллия - показывают просьбу о вмешательстве трибуна в юрисдикцию претора. Ср. Cic. *Acad. Prior.* ii. 30, 97 "postulant ut excipiantur haec inexplicabilia. Tribunum aliquem censeo adeant (*al. videant*); a me istam exceptionem nunquam impetrabunt."

[768] Liv. xxxiii. 42.

[769] Трибуны обещают, что "cognituros se de quo appellati essent" (Liv. xlii. 32).

[770] Liv. xlii. 33.

[771] Ascon. *in Milon.* p. 47.

[772] p. 174.

[773] Liv. iv. 50; xxv. 2.

[774] Cic. *de Leg. Agr.* ii. 12, 30.

[775] Plut. *Ti. Gracch.* 10.

[776] Cic. *ad Att.* iv. 16, 6; Ascon. *in Cornel.* p. 58.

[777] Liv. xlv. 21 "cum ita traditum esset, ne quis prius intercedat legi, quam privatis suadendi dissuadendique legem potestas facta esset."

[778] Momms. *Staatsr.* i p. 285.

[779] Liv. xxvii. 6.

[780] Cic. *pro Sest.* 31, 68.

[781] *ib.* 34, 74.

[782] Cic. *ad Fam.* x. 12, 3 и 4.

[783] Liv. xxx. 43. Консульское заступничество против претора было излишним, так как претор обычно не созывал сенат, пока консул находился в Риме.

[784] Val. Max. ii. 2, 7 "Illud quoque memoria repetendum est, quod tribunis plebis intrare curiam non licebat, ante valvas autem positae subselliis decreta patrum attentissima cura examinabant, ut, si qua ex eis improbassent, rata esse non sinerent. Itaque veteribus senatus consultis C. litera subscribi solebat, eaque nota significabatur illa tribunos quoque censuisse." В S.C.C., переведенном на греческий язык, оно представлено как ἔδοξε (S.C.C. *de Thisbaeis*, Bruns *Fontes*). В тех, что приведены в Cic. *ad Fam.* viii. 8, 6, буквы "i. n." (иногда трактуемые как "intercessit nemo"), вероятно, представляют собой искажение слова "censuere".

[785] Momms. *Staatsr.* i. p. 282 n. 7; опровергается Виллемсом *Le Sénat* p. 200 n. 2.

[786] Liv. xxvi. 26; xxx. 40; ср. xlii. 10 "Popillius ... prae se ferens si quid decernerent, intercessurum, collegam deterruit."

[787] Val. Max. ii. 2, 7.

[788] Cic. *ad Fam.* x. 12, 3.

[789] Liv. xxxvi. 40.

[790] Cic. *ad Fam.* viii. 8, 6 "qui impedierit prohibuerit, eum senatum existimare contra rem publicam fecisse."

[791] Cic. *de Prov. Con.* 8, 17; *pro Domo* 9, 24. Заступничество в вопросах юрисдикции и управления иногда запрещено в муниципальных законах: *Lex Rubria* i. 50; *Lex Ursonensis* c. 72 (Bruns *Fontes*).

[792] Varro ap. Gell. xiii. 13 "Qui potestatem neque vocationis populi viritim habent neque prensionis, eos magistratus a privato in jus quoque vocari est potestas." Из контекста следует, что они были практически так же свободны, как и высшие магистраты.

[793] Ничего не известно о ранней истории *peculatus*. Само слово, "незаконное присвоение скота", который собирался в качестве штрафов, показывает древность преступления, описанного Варро (*L.L.* v. 95) как *peculatus publicus*. О ранней процедуре см. Mommsen *Strafrecht* p. 768.

[794] Во времена Полибия взяточничество было смертным преступлением в Риме (Polyb. vi 56).

[795] Polyb. vi. 14. Народ часто судит о денежных наказаниях, когда преступление может быть оценено в деньгах, καὶ μάλιστα τοὺς τὰς ἐπιφανεῖς ἐσχηκότας ἀρχάς, θανάτου δὲ κρίνει μόνος. Ср. с. 15. Величайшим источником власти народа является то, что ἀποτιθεμένους τὴν ἀρχὴν ἐν τούτῳ δεῖ τὰς εὐθύνας ὑπέχειν τῶν πεπραγμένων.

[796] Liv. xxiv. 43 (214 г. до н. э., трибун Метелл преследует цензоров Фурия и Атилия) "Sed novem tribunorum auxilio vetiti causam in magistratu dicere dimissique fuerant"; Suet. *Caes.* 23 (Цезарь отправляется в Галлию) "a L. Antistio, tr. pl., postulatus, appellato demum collegio, obtinuit, cum reipublicae causa abesset, reus ne fieret." В случае с судом над цензорами 169 г. до н. э. (Liv. xliii 16) обвиняемые соглашались предстать перед судом во время пребывания в должности.

[797] Liv. xxix. 22 (204 Г. ДО Н. Э.). Племиний и его коллеги были "producti ad populum ab tribunis".

[798] *ib.* vi. 1 "Q. Fabio ... ab Cn. Marcio tribuno plebis dicta dies est, quod legatus in Gallos, ad quos missus erat orator, contra jus gentium pugnasset."

[799] *ib.* *Ep.* 69 "L. Appuleius Saturninus ... Metello Numidico, eo quod in eam (the agrarian law) non juraverat, diem dixit."

[800] *ib.* xxv. 3 (Postumius a *publicanus*, за кораблекрушение и ложные сообщения о кораблекрушении).

[801] Например, ведение войны без разрешения (Ascon. *in Cornelian.* p. 80, 104 г. до н. э.), позорное бегство, угрожающее безопасности других (Liv. xxvi. 2, 211 г. до н. э.).

[802] Превышение установленного законом срока пребывания в должности, в данном случае диктатуры (Cic. *de Off.* iii. 31, 112). Этот случай, хотя и типичный, не является историческим.

[803] Liv. xliii. 7, 8 (170 г. до н. э.).

[804] Tac. *Ann.* xi. 22 "apud majores ... cunctis civium, si bonis artibus fiderent, licitum petere magistratus."

[805] Festus p. 231 "plebeium magistratum neminem capere licet, nisi qui ex plebe est." Cp. Suet. *Aug.* 10.

[806] Это, кажется, показано в Suet. *Claud.* 24 (см. с. 135).

[807] Momms. *Staatsr.* i. p. 488. Исключительные выборы сыновей вольноотпущенников встречаются в 304 г. до н. э. (Liv. ix. 46, Сн. Флавий (см. с. 185) в качестве эдила) и в 100 г. до н. э. (App. B.C. i. 33).

[808] *Lex Julia Municipalis* (Bruns *Fontes*) l. 92 "in castreis inve provincia".

[809] Plut. *C. Gracch.* 2.

[810] Есть также доказательства того, что это минимальный возраст в период, более ранний, чем политическая карьера Цицерона; см. Cic. *in Verr.* ii. 49, 122.

[811] В муниципальном праве Цезаря (45 г. до н.э.) квалификацией для получения муниципальной магистратуры является либо тридцатилетний возраст, либо определенный стаж службы - шесть лет в пешем строю или три в конном (*L.J.M.* l. 89).

[812] Liv. ix. 46 (об избрании Кн. Флавия в курульные эдилы) "Invenio in quibusdam annalibus, cum adpareret aedilibus ... neque accipi nomen, quia scriptum faceret, tabulam posuisse et jurasse, se scriptum non facturum."

[813] Cic. *de Off.* i. 42, 150; в более позднем римском праве упоминается как *vilitas*; см. Greenidge *Infamia in Roman Law* pp. 12, 193.

[814] Cic. *pro Cluent.* 42, 119; Schol. Bob. in Cic. *pro Sulla* 5, 17, p. 361 Orell.; Cic. *pro Rosc. Com.* 6, 16; Tertull. *de Spect.* 22; Ascon. *in orat. in Tog. Cand.* p. 115; *Lex Julia Munic.* l. 104; *Dig.* 48, 7, 1. Все эти отрывки обсуждаются в Greenidge *Infamia in Roman Law* pp. 18-40 и 187.

[815] Liv. iii. 35 "Ars haec erat, ne semet ipse creare posset; quod praeter tribunos plebi (et id ipsum pessimo exemplo) nemo unquam fecisset." В революционный период Цинна и Карбо выдвигают себя в консулы на два года подряд (Liv. *Ep.* 83), а Цезарь в качестве диктатора председательствует на собственных выборах в консулы (Caes. B.C. iii. 1, 1).

[816] Cic. *de Leg. Agr.* ii. 8, 21 "Licinia est lex atque altera Aebutia, quae non modo eum, qui tulerit de aliqua curatione ac potestate, sed etiam collegas ejus, cognatos, affines excipit, ne eis ea potestas curatiove mandetur."

[817] Liv. vii. 42 "aliis plebiscitis cautum ne quis eundem magistratum intra decem annos caperet; neu duos magistratus uno anno gereret." Cf. x. 13.

[818] Cic. *de Leg. Agr.* ii. 9, 24 "ne in iis quidem magistratibus quorum certus ordo est."

[819] Liv. xl. 44 "eo anno rogatio primum lata est ab L. Villio tr. pl., quot annos nati quemque magistratum peterent caperentque." Вероятно, он принял возраст в двадцать восемь лет для квесторства; минимальный возраст для консульства во времена Цицерона составлял сорок три года (*Phil.* v. 17, 48); возраст для преторства совершенно неизвестен; предполагается, что тридцать пять и сорок лет.

[820] Cic. *ad Fam.* x. 25, 2 "non est annus hic tibi destinatus, ut, si aedilis fuisses, post biennium tuus annus esset" (т. е. для избрания в преторы). Быть избранным в самый ранний год, когда человек подходит по промежутку, значит получить магистратуру "anno sibi destinato" (l.c.) или "suo anno" (Cic. *pro Mil.* 9, 24). Momms. *Staatsr.* i. pp. 527, 529. Принцип по крайней мере годичного перерыва, по-видимому, применялся при переходе от плебейской к патрицианской магистратуре в форме запрета выдвижения кандидатуры во время занятия любой должности (Momms. *Staatsr.* i. p. 533).

[821] App. B.C. i. 100 καὶ στρατηγεῖν ἀπέϊπε πρὶν ταμиеῦσαι καὶ ὑπατεύειν πρὶν στρατηγῆσαι, καὶ τὴν ἀρχὴν τὴν αὐτὴν αὖθις ἄρχειν ἐκώλυσε πρὶν ἔτη δέκα διαγενέσθαι.

[822] Cic. *ad Fam.* xvi. 12, 3 "se praesentem trinum nundinum petiturum"; Sallust, *Cat.* 18 "post paulo Catilina pecuniarum repetundarum reus prohibitus erat consulatum petere, quod intra legitimos dies profiteri nequiverit." Интервал, вероятно, составлял двадцать четыре дня. См. раздел о *комициях*.

[823] Plut. *Aem. Paul.* 3; *Sull.* 5.

[824] Cic. *de Leg. Agr.* ii. 9, 24 (63 г. до н. э.) "praesentem profiteri jubet, quod nulla alia in lege unquam fuit, ne in iis quidem magistratibus quorum certus ordo est"; Suet. *Caes.* 18 (60 г. до н. э.) "cum edictis jam comitiis ratio ejus haberi non posset ... et ambienti ut legibus solveretur multi contradicerent, coactus est triumphum, ne consulatu excluderetur, dimittere." Ср. Plut. *Caes.* 13.

[825] Dio Cass. xl. 56 (Pompeius) τὸν περὶ τῶν ἀρχαιρεσιῶν νόμον τὸν κελεύοντα τοὺς ἀρχὴν τινα ἐπαγγέλλοντας ἐς τὴν ἐκκλησίαν πάντως ἀπαντᾶν, ὥστε μηδένα ἀπόντα αἰρεῖσθαι, παρημελημένον πῶς ἀνενεώσατο.

[826] Отсюда их связь с *sequestres* - агентами, в руки которых кандидат отдавал деньги. Cic. *pro Planc.* 18, 19; Q. Cic. *de Pet. Cons.* 14, 57.

[827] *Lex Jul. Munic.* l. 132 "neve quis ejus rationem comitiis conciliove [habeto, neve quis quem, sei adversus ea comitiis conciliove] creatum est, renuntiato". В 67 г. до н. э. консул Пизон на вопрос "Palicanum num suffragiis populi consulem creatum renuntiaturus esset" ответил "non renuntiabo" (Val. Max. iii. 8, 3).

[828] p. 47.

[829] Моммзен (*Staatsr.* i. p. 599) относит это изменение к 222 г. до н. э. Liv. xxxi. 5 и т. д.

[830] *Fasti Praenestini* (C.I.L. i. p. 364) "[ann]us nov[us incipit], quia eo die mag[istratus] ineunt: quod coepit [p. R.] c. a. DCI."

[831] Квесторы (Cic. *in Verr. Act.* i. 10, 30; *Lex de XX. quaest.* in Bruns *Fontes* l. 15); трибуны (Dionys. vi 89).

[832] Dio Cass. xl. 66; Cic. *in Verr.* i. 41, 105; Liv. xxi. 63.

[833] Экзекуция приводится Плинием (*Paneg.* 64): "explanavit verba quibus caput suum, domum suam, si sciens fefellisset, deorum (Jupiter and the Dii Penates) irae consecraret."

[834] Cic. *ad Att.* ii. 18, 2 "habet ... Campana Lex (о консуле Цезаре в 59 г. до н. э.) execrationem in contione candidatorum."

[835] Liv. xxxi. 50; если исходить из муниципального права (*Lex Salpens.* c. 26), то неявка по простой небрежности каралась в первую очередь штрафом.

[836] Liv. l.c.

[837] Cic. *ad Fam.* v. 2, 7; *pro Sulla* 11, 34; *in Pison.* 3, 6; *pro Domo* 35, 94. Цицерон в конце 63 г. изменил клятву, поклявшись, что спас государство.

[838] p. 45.

[839] Liv. v. 41.

[840] Кинжал упоминается чаще, чем меч (*гладий*), как отличительный знак военной силы. Momms. *Staatsr.* i. p. 434 n. 1.

[841] Отсюда такие фразы, как *decedere via, descendere equo, adsurgere sella, caput aperire*. Сенаторы имели обыкновение подниматься со своих мест, когда консул входил в курию (Cic. *in Pis.* 12, 26).

[842] Декрет авгуров в 426 г. до н. э. объявил консульских трибунов способными к этому назначению (Liv. iv. 31).

[843] p. 165.

[844] Liv. viii. 12 "Aemilius, cujus tum fasces erant, collegam dictatorem dixit"; iv. 26 "Sors, ut dictatorem diceret (nam ne id quidem inter collegas convenerat) T. Quinctio evenit"; iv. 21 "Verginius, dum collegam consuleret, moratus, permittente eo, nocte dictatorem dixit."

[845] Liv. iv. 17 "senatus ... dictatorem dici Mam. Aemilium jussit"; vii. 12 "dictatorem dici C. Sulpicium placuit. Consul ad id additus C. Plautius dixit."

[846] *ib.* xxii. 57 (216 г. до н. э.) "dictator ex auctoritate patrum dictus M. Junius."

[847] *ib.* *Ep.* 19; Suet. *Tib.* 2 (вынужденное отречение Клавдия Глиция, выдвинутого Клавдием Пульхером). В Liv. iv. 26 *принуждение* трибуна представлено как используемое против непокорных консулов.

[848] Mommsen в *C.I.L.* i. p. 557.

[849] Liv. xxvii 5 (210 г. до н. э., на предложение консула назначить диктатора в Сицилии) "patres extra Romanum agrum (eum autem in Italia terminari) negabant dictatorem dici posse."

[850] *ib.* ix. 38-39.

[851] Polyb. iii. 87; но, как правило, ему предшествовали только двенадцать человек в стенах (Liv. *Ep.* 89 "Sulla, dictator factus, quod nemo umquam fecerat, cum fascibus viginti quatuor processit").

[852] Liv. ii. 18 "Creato dictatore primum Romae, postquam praeferri secures viderunt, magnus plebem metus incessit."

[853] p. 85.

[854] Например, диктатор, названный Ливием (ix. 26) "quaestionibus exercendis" (314), упоминается в *Fast. Капитолий* как "rei gerundae causa" (Momms. *Staatsr.* ii. p. 157 n. 2); диктатор "seditionis sedandae et rei gerundae causa" упоминается в *Фастах* под 368 годом.

[855] Liv. vii. 24 "qui aegris consulibus comitia haberet". Ср. с. 26 (отсутствие консулов на местах) и ix. 7.

[856] *ib.* xxiii. 22. В 216 г. до н. э. М. Фабий Бутео был назначен диктатором "qui senatum legeret".

[857] *ib.* viii. 40.

[858] *ib.* vii. 28 (за учреждение *ферий* по случаю *продигий*); "диктатор латинских ферий" (dictator Latinarum feriarum causa) в *Fast. Cap.* (*C.I.L.* i. p. 434) за 257 г. до н.э.

[859] Первый случай произошел по случаю великой моровой язвы в 363 г. до н. э. (Liv. vii. 3 "Lex vetusta est ... ut, qui praetor maximus sit, Idibus Septembribus clavum pangat"). Ср. Fest. p. 56.

[860] Cic. *de Off.* iii. 31, 112 (см. с. 183); ср. Liv. vii. 3. Л. Манлий, назначенный "clavi figendi causa", действовал "perinde ac reipublicae gerendae ... gratia creatus esset", и был вынужден отречься от престола.

[861] p. 84.

[862] Это интерпретация Моммзена (*Staatsr.* ii. p. 160 n. 4) Liv. xxx. 39. К. Сервилий Гемин был назначен диктатором *комиции причин* - "Saepe comitia indicta perfici tempestates prohibuerunt. Itaque, cum prid. Id. Mart. veteres magistratus abissent, novi subfecti non essent, respublica sine curulibus magistratibus erat."

[863] Liv. iv. 41. О консуле здесь говорится "auspicio dictatoris res gerere".

[864] *ib.* ii. 32 "quamquam per dictatorem dilectus habitus esset, tamen, quoniam in consulum verba jurassent, sacramento teneri militem rati."

[865] Эта точка зрения привела к преувеличенному утверждению Полибия (iii. 87), что при установлении диктатора *παράχρημα διαλύεσθαι συμβαίνει πάσας τὰς ἀρχὰς ἐν τῇ Ῥώμῃ πλὴν τῶν δημάρχων*: которое было скопировано последующими греческими писателями.

[866] Это хорошо видно на примере поведения диктатора Л. Папирия Курсора, когда он преследует своего непокорного хозяина коня (Liv. viii. 34). Диктатор надеется, что вето не будет применено ("optare ne potestas tribunicia, inviolata ipsa, violet intercessionem suam Romanum imperium"). Зонара выражает факт, а не закон (vii. 13 οὐτ' ἐγκαλέσαι τις αὐτῷ οὐτ' ἐναντίον τι διαπράξασθαι ἴσχυεν οὐδὲ οἱ δήμαρχοι).

[867] Zonar. vii. 13 οὐτε ἐκ τῶν δημοσίων χρημάτων ἀναλῶσαι τι ἐξῆν αὐτῷ, εἰ μὴ ἐψηφίσθη.

[868] Liv. *Ep.* 19 (249 г. до н. э.) "Atilius Calatinus primus dictator extra Italiam exercitum duxit"; Dio Cass. xxxvi. 17 (диктатура была ограничена Италией) καὶ οὐκ ἂν εὐρεθείη δικτάτωρ οὐδεὶς ἄλλοσε, πλὴν ἐνὸς ἐς Σικελίαν, καὶ ταῦτα μὴδὲν πράξαντος, αἰρεθείς.

[869] Festus p. 198 "optima lex in magistro populi faciendo, qui vulgo Dictator appellatur, quam plenissimum posset jus ejus esse significabatur ... postquam vero provocatio ab eo magistratu ad populum data est, quae ante non erat, desitum est adici 'ut optima lege,' ut pote imminuto jure priorum magistrorum."

[870] p. 168. Это не могло быть следствием Валерио-Горацианских законов 449 г. до н. э. (см. с. 109).

[871] Liv. xxii. 8.

[872] Ливий (xxii. 25) описывает его как *rogatio* "de aequando magistris equitum et dictatoris jure". Ср. с. 26 "de aequato imperio".

[873] Liv. xxii. 57, M. Junius Pera.

[874] *Fast. Капитолий.*

[875] Сулла был назначен интеррексом (хотя его полномочия были предоставлены законом), Цезарь - претором. Плутарх (*Marc.* 24) говорит, что претор мог назначать диктатора, но

Цицерон объявляет эту процедуру полностью неконституционной, *ad Att.* ix. 15, 2 (49 г. до н. э.) "volet (Caesar)... vel ut consules roget praetor vel dictatorem dicat, quorum neutrum jus est. Etsi si Sulla potuit efficere, ab interrege ut dictator diceretur, cur hic non possit?". Выдвижение Цезаря было регулярным в той мере, в какой был принят специальный лекс, уполномочивавший претора выдвигать кандидатуру (Caes. B.C. ii. 21; Dio Cass. xli. 36).

[876] Исключение составляет 216 г. до н. э. М. Fab. Бутео был назначен "диктатором без магической и сенатской легенды" (см. с. 193).

[877] В единственном случае избрания диктатора был также избран *magister equitum* (Liv. xxii. 8).

[878] Dio Cass. xlii. 27; Антоний, как *magister equitum* Цезаря, имел шесть ликторов.

[879] Cic. *de Leg.* iii. 3, 9 "equitatumque qui regat, habeto pari jure cum eo, quicumque erit juris disceptator."

[880] Pompon. in *Dig.* 1, 2, 2, 19 "et his dictatoribus magistri equitum injungebantur sic, quo modo regibus tribuni celerum: ... magistratus tamen habebantur legitimi."

[881] Liv. iv. 34 "jussoque magistro equitum abdicare se magistratu, ipse deinde abdicat."

[882] Liv. ix. 38 "Papirius C. Junium Bubulcum magistrum equitum dixit: atque ei, legem curiatam de imperio ferenti, triste omen diem diffidit."

[883] Cic. *de Leg.* iii. 4, 10; см. с. 160.

[884] Liv. viii. 32 sq.; cp. xxii. 27 "in ... civitate, in qua magistri equitum virgas ac secures dictatoris tremere atque horrere soliti sint."

[885] *ib.* iv. 27 "relictoque (at Rome) L. Julio magistro equitum ad subita belli ministeria."

[886] *ib.* ii. 18; Dio Cass. xlii. 21 (Caesar τὸν Ἀντώνιον, μηδ' ἐστρατηγηκότα, ἵππαρχον προσελόμενος).

[887] Dionys. ii. 6 τῶν δὲ παρόντων τινὲς ὀρνιθοσκόπων μισθὸν ἐκ τοῦ δημοσίου φερόμενοι.

[888] Cic. *post Red. ad Quir.* 5, 11. Первое заседание сената в ранние времена проводил старший из двух консулов (ὁ πρεσβύτερος τῶν ὑπάτων Dionys. vi. 57).

[889] Cic. *pro Planc.* 25, 60 "honorum populi finis est consulatus".

[890] App. B.C. ii. 19. При формальной датировке были добавлены имена двух главных преторов. См. *Senatus Consultum de Asclepiade* (Bruns Fontes).

[891] Suet. *Tib.* 31; см. с. 191.

[892] Liv. xlv. 17 (169 г. до н. э.) "designatos extemplo sortiri placuit provincias."

[893] *ib.* ii. 33 "consul alter Romae mansit, alter ad Volscum bellum missus"; cp. Dionys. vi. 91; Liv. ix. 42.

[894] Cic. *de Rep.* ii. 31, 55.

[895] Festus p. 161 "majorem consulem L. Caesar putat dici, vel eum penes quem fasces sint, vel eum, qui prior factus sit." Первое объяснение, несомненно, является правильным.

[896] Suet. Caes. 20.

[897] Polyb. vi. 12 πασῶν εἰσι κύριοι τῶν δημοσίων πράξεων.

[898] Цицерон приводит пример для 54 г. до н. э., *ad Att.* iv. 15, 5 "Reatini me ad sua Τέμπη duxerunt, ut agerem causam contra Interamnates apud consulem et decem legatos, quod lacus Velinus ... in Nar defluit."

[899] p. 167.

[900] Выбор консула, Cic. *de Fin.* ii. 16, 54, в 141 г. до н. э., "decreta a senatu est consuli quaestio"; претора, Liv. xlii. 21, в 172 г. до н. э.: "C. Licinius praetor consuluit senatum quem quaerere ea rogatione vellet. Patres ipsum eum quaerere jusserunt."

[901] Cic. *de Rep.* iii. 18, 28 (год 136 до н. э.) "Consul ego quaesivi, cum vos mihi essetis in consilio, de Numantino foedere." Моммзен (*Staatsr.* ii. p. 112 n. 3) считает, что *консилиум* был сформирован фетийцами (ср. Cic. *de Leg.* ii. 9, 21).

[902] По вопросу о том, был ли *помериум* или первая веха границей полного *imperium*, см. с. 79.

[903] О ротации *империи* перед Каннами (216 г. до н. э.) см. Polyb. iii. 110, Liv. xxii. 41.

[904] Liv. xxii. 27 "Ita (Fabius, после назначения Минуция своим коллегой в 217 г. до н. э.) obtinuit uti legiones, sicut consulibus mos esset, inter se dividerent."

[905] *ib.* xxx. 1 (203 г. до н. э.) "censuerunt patres, ut consules inter se compararent sortirenturve, uter Bruttios adversus Hannibalem, uter Etruriam ac Ligures provinciam haberet."

[906] Италия и Македония (*ib.* xxxii. 8, xlii. 31, xliii. 12), Италия и Греция (xxxvii. 1).

[907] Италия и какая-то чужая страна все еще являются консульскими *провинциями* в 112 и 111 гг. до н. э. (Sall. *Jug.* 27, 43). Когда консул назначался в одну из старых преторианских провинций, он не вытеснял претора, а командовал вместе с ним и над ним.

[908] Liv. xxx. 1 "ut consules inter se compararent sortirenturve". Ср. *ib.* xxxii. 8, xxxvii. 1, и другие отрывки, приведенные в примечании 3.

[909] *ib.* viii. 16; ср. Cic. *pro Domo* 9, 24. В 205 г. до н. э. Сципион получил Сицилию *extra sortem*, поскольку его коллега был *pontifex maximus* (Liv. xxviii. 38).

[910] Liv. xxi. 17 (218 г. до н. э.) "nominatae jam antea consulibus provinciae erant; tum sortiri jussi." Ср. *ib.* xxviii. 38.

[911] Sall. *Jug.* 27; Cic. *pro Domo* 9, 24.

[912] Cic. *ad Att.* viii. 15, 3 "consules quibus more majorum concessum est vel omnes adire provincias". Лукулл отправился в качестве консула в Азию в 74 г. до н.э.

[913] p. 153.

[914] Этот ярый консерватор К. Катул с удовольствием размышлял: "Non saepe unum consulem improbum, duos vero nunquam, excepto illo Cinnano tempore, fuisse" (Cic. *post Red. in Sen.* 4, 9). Под словом *improbi* Катул подразумевал "радикалов".

[915] Консул был "законным опекуном" государства (Cic. *post Red. ad Quir.* 5, 11) и "quasi parens bonus aut tutor fidelis" (*de Or.* iii. 1, 3).

[916] p. 120.

[917] Два претора для Сицилии и Сардинии (Liv. *Ep.* хх.), еще два для испанских провинций (Liv. xxxii. 27). О *lex Baebia* см. Liv. xl. 44. О восстановлении числа шесть см. Vell. ii. 16. Помпоний говорит, что четыре были добавлены Суллой (*Dig.* 1, 2, 2, 32), но восемь встречаются в 47 г. до н. э. (Dio Cass. xlii. 51).

[918] Претор имел право на шесть ликторов (στρατηγὸς ἑξαπέλεκτος, App. *Syr.* 15; ср. Polyb. iii. 40) и появлялся с полным числом в провинции (Cic. *in Verr.* v. 54, 142 "sex lictores circumsistunt"); но, осуществляя свою юрисдикцию в пределах города, он нанимал или получал разрешение только на двух (Censorinus *de Die Nat.* 24, 3; ср. Cic. *de Leg. Agr.* ii. 34, 93).

[919] *Praetor urbanus* (S. C. *de Bacch.* ll. 5, 8, 17, 21), *praetor qui inter cives jus dicet* (*lex Agraria* от 111 г. до н. э.), *provincia* или *sors urbana* (Liv. xxiv. 9, xxv. 3, xxvii. 7, xxviii. 10, xxix. 13), *jurisdictio urbana* (ib. xxxii. 28, xlii. 31)- претор *qui inter peregrinos jus dicet* (*lex Acil.* ll. 12 и 89; *lex Jul. Munic.* ll. 8 и 12), *jurisdictio inter peregrinos* (Liv. xl. 1), *provincia peregrina* (ib. xxvii. 7, xxviii. 10). Об этих преторах, в отличие от тех, кто командовал иностранцами, говорится, что они имеют *городские провинции* (ib. xliii. 11), *городскую провинцию* (xxxii. 1), *городскую юрисдикцию* (xxv. 41, xxx. 1).

[920] p. 197.

[921] App. *B. C.* ii. 112.

[922] Cic. *Phil.* ii. 13, 31.

[923] p. 174.

[924] Liv. xlii. 21.

[925] ib. xxvii. 5.

[926] ib. xliii. 14.

[927] ib. xlii. 21; см. с. 199.

[928] например, в *дилекте* (ib. xxv. 22, xxxix. 20, xlii. 35).

[929] После Канн два городских претора созвали сенат (ib. xxii. 55). В 197 г. до н. э., получив известие о беспорядках в Испании, "декретированные преторы заявили, что comitiis praetorum perfectis, cui praetori provincia Hispania obvenisset, is primo quoque tempore de bello Hispaniae ad senatum referret" (ib. xxxiii. 21).

[930] *Провинции*, назначенные четырем преторам, - *urbana*, *peregrina*, Sicilia, Sardinia (ib. xxviii. 10), шести преторам - то же самое с добавлением двух Испаний (ib. xxxii. 28, xl. 1).

[931] ib. xxv. 3 (212 г. до н. э.) "Et praetores provincias sortiti sunt; P. Cornelius Sulla urbanam et peregrinam, quae duorum ante sors fuerat." Ср. ib. xxxvii. 50 (189 Г. ДО Н. Э.).

[932] ib. xxix. 13 (204 г. до н. э.) "M. Marcio urbana, L. Scribonio Liboni peregrina et eidem Gallia."

[933] ib. xxiv. 9 (215 г. до н. э.) "comitiis praetorum perfectis, senatus consultum factum ut Q. Fulvio extra ordinem urbana provincia esset."

[934] Gaius *Inst.* iv. 30 "per legem Aebutiam et duas Julias sublatae sunt istae legis actiones; effectumque est ut per concepta verba, id est, per formulas, litigaremus"; Gell. xvi. 10, 8 "cum ... omnis ... illa duodecim tabularum antiquitas nisi in legis actionibus centumviralium causarum lege Aebutia lata consopita sit."

[935] Маркиан в *Dig.* 1, 1, 8 "nam et ipsum jus honorarium viva vox est juris civilis."

[936] Cic. *de Leg.* i. 5, 17 "Non ergo a praetoris edicto, ut plerique nunc, neque a XII Tabulis, ut superiores ... hauriendam juris disciplinam putas." Cp. *de Leg.* ii. 23, 59: "discebamus enim pueri XII, ut carmen necessarium: quas jam nemo discit."

[937] Папиниан в *Dig.* 1, 1, 7, 1 "jus praetorium est, quod praetores introduxerunt adjuvandi vel supplendi vel corrigendi juris civilis gratia propter utilitatem publicam."

[938] Об эдикте как выражении обычного права см. Cic. *de Invent.* ii. 22, 67 "Consuetudine autem jus esse putatur id, quod voluntate omnium sine lege vetustas comprobarit..... Quo in genere et alia sunt multa et eorum multo maxima pars, quae praetores edicere consueverunt."

[939] Cic. *in Verr.* i. 42, 109 "qui plurimum tribuunt edicto, praetoris edictum legem annuam dicunt esse."

[940] Ascon. *in Cornel.* p. 58; Cic. *in Verr.* i. 44, 114. *Perpetuum* означает "непрерывный", *tralaticium* - "передаваемый".

[941] Cic. *in Verr.* i. 46, 119. Cf. p. 178.

[942] Ascon. *in Cornel.* p. 58 "Aliam deinde legem Cornelius, ... tulit, ut praetores ex edictis suis perpetuis jus dicerent, quae res ... gratiam ambitiosis praetoribus, qui varie jus dicere assueverant, sustulit." Cp. Dio Cass. xxxvi. 23.

[943] p. 202.

[944] Cic. *in Verr.* Act. i. 8, 21; *pro Mur.* 20, 42. Самый полный отчет о распределении таких функций между членами коллегии относится к 66 году до н. э. (ib. *pro Cluent.* 53, 147; Ascon. *in Cornel.* p. 59).

[945] Например, в *lex Cornelia de sicariis et veneficis* рассматривались убийства, отравления и поджоги, в *de falsis* - подделка документов и завещаний, а также чеканка монет.

[946] После *sortitio* 62 г. до н. э. претор К. Метелл Целер получил провинцию Цизальпийская Галлия (Cic. *ad Fam.* v. 2, 3 и 4). Во время своего преторства (63 г. до н. э.) он был призван к командованию в Северной Италии.

[947] Cic. *de Leg.* iii. 3, 7 "Suntoque aediles, curatores urbis, annonae ludorumque sollemnium: ollisque ad honoris amplioris gradum is primus ascensus esto." Cp. *lex Jul. Munic.* l. 24.

[948] p. 122.

[949] Cic. *in Verr.* v. 14, 36.

[950] Ливий (iii. 55), указывая на неэффективность *sacrosanctitas*, дарованной законом, а не присягой, говорит: "itaque aedilem prendi ducique a majoribus magistratibus, etc.". Cp. Gell. xiii. 13.

[951] Cic. *de Leg.* iii. 3, 7, цитируется с. 208.

[952] p. 98.

[953] Dio Cass. liv. 36.

[954] *Lex Jul. Munic.* ll. 20, 32-45, 29, 46.

[955] Suet. *Vesp.* 5; *lex Jul. Munic.* l. 68.

[956] Cic. *ad Fam.* viii. 6, 4 (Caelius Rufus, курульный эдил в 50 г. до н. э., говорит) "nisi ego cum tabernariis et aquariis pugnarem, veternus civitatem occupasset."

[957] *ib. in Verr.* v. 14, 36 "mihi sacrarum aedium procurationem, mihi totam urbem tuendam esse commissam."

[958] Liv. xxv. 1 (о распространении чужеземных суеверий в Риме в 213 г. до н. э.) "incusati graviter ab senatu aediles triumvirique capitales, quod non prohiberent." Cp. Cic. *de Har. Resp.* 13, 27.

[959] Macrob. *Sat.* ii. 6 "lapidatus a populo Vatinius cum gladiatorium munus ederet, obtinuerat ut aediles edicerent ne quis in arenam nisi pomum misisse vellet."

[960] Seneca *Ep.* 86, 10 "hoc quoque nobilissimi aediles fungebantur officio intrandi ea loca quae populum receptabant exigendique munditias et utilem ac salubrem temperaturam." Cp. Suet. *Claud.* 38; Tac. *Ann.* ii. 85.

[961] Tac. *Ann.* xiii. 28 (56 г. н. э.) "cohibita artius et aedilium potestas statutumque quantum curules, quantum plebei pignoris caperent vel poenae inrogarent."

[962] *Dig.* 21, 1, 40-42 (из эдикта курульных эдилов) "ne quis canem, verrem vel minorem aprum, lupum, ursum, pantheram, leonem ... qua vulgo iter fiet, ita habuisse velit, ut cuiquam nocere damnumve dare possit."

[963] p. 208 n. 4.

[964] Liv. xxiii. 41; xxxi. 50; xxxiii. 42. Cic. *de Off.* ii. 17, 58 "ne M. quidem Sejo vitio datum est, quod in caritate asse modium populo dedit: magna enim se et inveterata invidia, nec turpi jactura, quando erat aedilis, nec maxima liberavit."

[965] Cic. *ad Fam.* viii. 6, 5 (из Caelius Rufus в 50 г. до н. э.) "alimentariam (legem), qua jubet aediles metiri, jactavit (Curio)."

[966] Liv. xxvi. 10 (211 г. до н. э., когда Ганнибал был у ворот Рима) "Fulvius Flaccus ... inter Esquilinam Collinamque portam posuit castra. Aediles plebis commeatum eo comportarunt."

[967] Для этого нет прямых доказательств, но эдилы жалуются на нарушение законов о роскоши в Tac. *Ann.* iii. 52-55.

[968] Momms. *Staatsr.* ii. p. 499. Он принимает "cum tabernariis pugnarem" (Cic. *ad Fam.* viii. 6, 4, цит. по с. 209) в этом смысле.

[969] *Dig.* 21, 1, 1; Gell. iv. 2.

[970] Cic. *in Verr.* v. 14, 36.

[971] Liv. x. 47; xxvii. 6. Их разделяли оба коллеги (Suet. *Caes.* 10).

[972] Liv. xxiii. 30.

[973] Dio Cass. xliii. 48 (44 г. до н. э.). Здесь по постановлению сената мегалесии празднуются плебейскими эдилами.

[974] Когда во время первой Пунической войны Клодия произнесла свое злосчастное пожелание о римском народе, "C. Fundanius et Ti. Sempronius, aediles plebei, multam dixerunt ei aeris gravis viginti quinque milia" (Gell. x. 6). Ср. Suet. *Tib.* 2.

[975] Цицерон обещает, как эдил, преследовать в судебном порядке тех, кто "aut deponere aut accipere aut recipere aut pollicere aut sequestres aut interpretes corrumpendi iudicii solent esse" (*in Verr. Act.* i. 12, 36).

[976] В качестве примера можно привести преследование Хлодием Милона в 56 г. до н. э. (Cic. *pro Sest.* 44, 95; *ad Q. fr.* 2, 3). Преследование эдила в защиту собственного достоинства или личности является результатом его *принуждения* (*coercitio*). Примером может служить Gell. iv. 14.

[977] Liv. viii. 22; xxv. 2.

[978] *ib.* xxxv. 41.

[979] *ib.* xxxviii. 35. Здесь преступлением была *annona compressa* у торговцев кукурузой.

[980] Осуждение "quia plus, quam quod lege finitum erat, agri possiderent" (*ib.* x. 13). Осуждение *pecuarii* (x. 47). Ср. xxxiii. 42.

[981] *ib.* xxxviii. 35; x. 23.

[982] p. 63.

[983] p. 80.

[984] p. 81.

[985] p. 117.

[986] Tac. *Ann.* xi. 22 "post lege Sullae viginti creati supplendo senatui."

[987] К. Гракх служил квестором три года; один год он провел в Риме, а два - в Сардинии (Plut. *C. Gracch.* 2).

[988] Cic. *in Verr. Act.* i. 4, 11 "quaestura primus gradus honoris".

[989] *ib.* i. 13, 34 "quaestor ex senatus consulto provinciam sortitus es".

[990] Liv. xxx. 33 "Laelium, cujus ... eo anno quaestoris extra sortem ex senatusconsulto opera utebatur" (Сципион в 202 г. до н. э.); Cic. *ad Att.* vi. 6, 4 "Pompeius ... Q. Cassium sine sorte delegit, Caesar Antonium; ego sorte datum offenderem?"

[991] Первое упоминание о *quaestio de sicariis* относится к 142 г. до н. э. (Cic. *de Fin.* ii. 16, 54).

[992] Polyb. xxiv. 9a, 1.

[993] Liv. iii. 69 "signa ... a quaestoribus ex aerario prompta delataque in campum."

[994] Cic. *de Leg.* iii. 20, 46.

[995] Liv. xxxix. 4. В обязанности квесторов входило следить за тем, чтобы они были подлинными. Катон Младший требовал от консулов клятвы в том, что определенный декрет был принят (Plut. *Cat. Min.* 17).

[996] Cic. *Phil.* v. 5, 15.

[997] *ib. in Verr.* iii. 79, 183 "eorum hominum (писцы квесторов) fidei tabulae publicae periculaque magistratuum committuntur."

[998] Залог был передан в *аэрарий* ("subsignare apud aerarium" Cic. *pro Flacco* 32, 80); следовательно, деньги, вероятно, были внесены в эту казну.

[999] Liv. xxxviii. 58 "Hostilius et Furius damnati (за *peculatus* в 187 г. до н. э.) praedes eodem die quaestoribus urbanis dederunt." В *lex Acil. Rep.* (l. 57) говорится о человеке, осужденном "q(uaestori) praedes facito det."

[1000] Plaut. *Capt.* i. 2, 111; ii. 3, 453.

[1001] Hygin. *de Cond. Agr.* p. 115.

[1002] *Auct. ad Herenn.* i. 12, 21 "Cum L. Saturninus legem frumentariam de semissibus et trientibus laturus esset, Q. Caepio, qui per id temporis quaestor urbanus erat, docuit senatum aerarium pati non posse tantam largitionem."

[1003] p. 117.

[1004] p. 213. Если квестора не хватало из-за смерти или по какой-либо другой причине, губернатор назначал одного из своих *легатов* в качестве *pro quaestore* (Cic. *in Verr.* i. 36, 90).

[1005] Cic. *pro Planc.* 11, 28 "morem ilium majorum qui praescribit in parentum loco quaestoribus suis praetores esse oportere."

[1006] *ib. in Verr.* i. 15, 40 "Tu, cum quaestor ad exercitum missus sis, custos non solum pecuniae sed etiam consulis, particeps omnium rerum consiliorumque fueris."

[1007] Lydus *de Mag.* i. 27 κρινάντων Ῥωμαίων πολεμεῖν τοῖς συμμαχήσασι Πύρρῳ τῷ Ἡπειρώτῃ κατεσκευάσθη στόλος καὶ προεβλήθησαν οἱ καλοῦμενοι κλασσικοὶ (οἷονεὶ ναυάρχαι) τῷ ἀριθμῷ δυοκαίδεκα κυαίστωρες. Лидус, возможно, прав относительно первоначального числа, хотя иногда его считают путаной реминисценцией увеличения числа с четырех до восьми.

[1008] Vell. ii. 94; ср. Cic. *pro Mur.* 8, 18 "tu illam (provinciam habuisti), cui, cum quaestores sortiuntur, etiam acclamari solet, Ostiensem non tam gratiosam et illustrem quam negotiosam et molestam."

[1009] Tac. *Ann.* iv. 27. В 24 г. н. э. восстание под Брундизием было подавлено "Curtius Lupus quaestor, cui provincia vetere ex more calles evenerant." Моммзен (*Staatsr.* ii. p. 571), следуя Липсиусу, читает Калес, древнейшую латинскую колонию в Кампании, и поэтому предполагает, что функции этого квестора распространялись на всю Южную Италию. Леса и леса были *провинцией*, которую сенат предназначил Цезарю в качестве проконсула (Suet. *Caes.* 19 "opera optimatibus data est ut provinciae futuris consulibus minimi negotii, id est, silvae callesque, decernerentur").

[1010] Plut. *Sert.* 4.

[1011] Последними остались галльские и остийские, которые, как италийские *провинции*, были упразднены императором Клавдием в 44 г. н. э. (Suet. *Claud.* 24).

[1012] Так, Серторий, будучи галльским квестором в Марсианской войне, получил наставление *στρατιώτας ... καταλέγειν καὶ ὄπλα ποιεῖσθαι* (Plut. *Sert.* 4).

[1013] Цицерон говорит о том, что Ватиний, когда занимал эту должность, был послан в ПUTEОЛЫ по каким-то другим делам (в *Vat.* 5, 12), но это не показывает, что он занимал италийскую квесторскую должность. См. Momms. *Staatsr.* ii. p. 573 n. 3.

[1014] Liv. iv. 8; см. p. 115.

[1015] *ib.* vii. 22 (C. Marcius Rutilus); ср. x. 8.

[1016] *ib.* viii. 12 "ut alter utique ex plebe, cum eo [ventum sit] ut utrumque plebeium fieri liceret, censor crearetur". Мадвиг и Моммзен опускают слово "ventum sit", и таким образом закон Публилия открывает оба места в коллегии для плебеев.

[1017] *ib.* Ep. lix. "Q. Pompeius Q. Metellus tunc primum utrique ex plebe facti censores lustrum condiderunt."

[1018] Messala ap. Gell. xiii. 15, 4.

[1019] Cic. *de Leg. Agr.* ii 11, 26 "maiores de singulis magistratibus bis vos sententiam ferre voluerunt: nam cum centuriata lex censoribus ferebatur, cum curiata ceteris patriciis magistratibus, tum iterum de eisdem iudicabatur."

[1020] Messala ap. Gell. xiii. 15.

[1021] Полибий (vi. 53) говорит, что образ цензора на похоронах был облачен в пурпур. Поскольку все *знаки отличия* других магистратов, о которых он упоминает, относятся к их жизни, это должно быть верно и для цензоров. Возможно, полный пурпур надевался для определенных церемониальных целей. Моммзен (*Staatsr.* i. pp. 411 и 446) считает, что их только хоронили в нем.

[1022] ἀρχὴ ἀνυπεύθυνος (Dionys. xix. 16).

[1023] Liv. xxix. 37; Val. Max. vii. 2, 6.

[1024] Ascon. *in Pison.* p. 9.

[1025] Отсюда беспомощность трибуна перед цензурными преследованиями. Ср. Liv. xlv. 16 "multis equi adempti, inter quos P. Rutilio, qui tr. pl. eos violenter accusarat: tribu quoque is motus et aerarius factus."

[1026] Cic. *ad Att.* iv. 9, 1.

[1027] О более позднем способе рассмотрения этого ограничения см. Liv. iv. 24 "grave esse iisdem per tot annos magna parte vitae obnoxios vivere." Но если срок пребывания в должности был установлен *lex Aemilia* (диктатора Мамерка Аэмилия, 434 г. до н. э., Liv. l.c.), то он возник до того, как цензура стала опасной силой.

[1028] Liv. xxiii. 23 "nec censoriam vim uni permissam et eidem iterum". Запрет приписывается закону Марция Рутила Цензорина, цензора 294 и 265 гг. до н. э. (Plut. *Cor.* 1; ср. Val. Max. iv. 1, 3); но это не могло быть его работой, по крайней мере в качестве цензора, поскольку этот чиновник не обладал *jus rogandi*. См. Momms. *Staatsr.* i. p. 520.

[1029] Это дело Цицерона в *pro Cluentio* (43, 122) представить это расхождение во мнениях как слабость цензуры; ср. Liv. xlii. 10 (173 г. до н. э.) "concors et e re publica censura fuit ... neque ab altero notatum alter probavit". Но это было необходимым условием сохранения должности в свободном государстве.

[1030] Liv. ix. 34 "cum ita comparatum a majoribus sit ut comitiis censoriis nisi duo confecerint legitima suffragia, non renuntiato altero comitia differantur."

[1031] Традиция приписывает происхождение этой роли религиозному скептицизму: "quia eo lustrum (в котором был назначен *suffectus*) Roma est capta: nec deinde unquam in demortui locum censor sufficitur" (Liv. v. 31).

[1032] Цицерон смешивает более ранние и более поздние функции в своем псевдозаконе, который выражает все действия цензоров (*de Leg.* iii. 3, 7), "Censores populi aevitates, suboles, familias pecuniasque censento: urbis, tecta, templa, vias, aquas, aerarium, vectigalia tuento: populi que partes in tribus describunto: exin pecunias, aevitates, ordines partiunto: equitum peditumque prolem describunto: caelibes esse prohibento: mores populi regunto: probrum in senatu ne relinquo."

[1033] Liv. ix. 30.

[1034] *ib.* xxiii. 22; см. с. 193.

[1035] В большом *sublectio* после Канн (216 г. до н. э.) бывшие курульные магистраты, еще не включенные в список, были выбраны в порядке их пребывания у власти; затем бывшие эдилы, бывшие трибуны *плебса* и *квесторы*, и, наконец, знатные люди, не занимавшие магистратуры (Liv. xxiii. 23).

[1036] Festus p. 246 "Ovinia tribunicia intervenit, qua sanctum est ut censores ex omni ordine optimum quemque iurati (*Cod. curiati*, *Mommsen curiatim*) in senatum legerent." Если "ex omni ordine" означает "из всех сословий магистратуры", то необходимо второе толкование.

[1037] *Ораторская речь* Катона как цензора против Л. Квинция Фламиния была произнесена *post notam* (Liv. xxxix. 42); но она предполагает, что цензоры чувствовали себя обязанными иногда обосновывать свои действия.

[1038] Фразы, обозначающие отказ и пропуск, - *movere*, *ejicere*, *praeterire*. Последнее относится как к действующим, так и к ожидающим сенаторам, и связано с публичным чтением списка (*recitatio*) (Cic. *pro Domo* 32, 84 "praeteriit in recitando senatu").

[1039] Liv. xli. 57 "retinuit quosdam Lepidus a collega praeteritos"; ср. Cic. *pro Cluent.* 43, 122.

[1040] Тип *subscriptio* см. в Ascon. *in or. in Tog. Cand.* p. 84 "Antonium Gellius et Lentulus censores ... senatu moverunt causasque subscripserunt, quod socios diripuerit, quod iudicium recusarit, quod propter aeris alieni magnitudinem praedia manciparit bonaque sua in potestate non habeat."

[1041] Обычно преторство или квесторство. Momms. *Staatsr.* i. p. 521 n. 3.

[1042] См. формулу вызова у Varro (*L.L.* vi. 86): "omnes Quirites pedites armatos, privatosque curatores omnium tribuum, si quis pro se sive pro altero rationem dari volet, vocato in licium huc ad me."

[1043] Моммзен верит в особый призыв к *capite censi* (*Staatsr.* ii. p. 366).

[1044] Liv. xliii. 14.

[1045] Катон в 184 г. оценил предметы роскоши в десять раз дороже их стоимости (Liv. xxxix. 44; Plut. *Cat. Maj.* 18).

[1046] Liv. iv. 24 "Mamercum ... tribu moverunt octuplicatoque censu aerarium fecerunt"; Val. Max. ii. 9, 1 "Camillas et Postumius censores aera poenae nomine eos, qui ad senectutem caelibes pervenerant, in aerarium deferre jusserunt."

[1047] См. с. 69.

[1048] Cic. *de Leg.* iii. 3, 7 "familias pecuniasque censento"; *lex Jul. Munic.* l. 147 "rationem pecuniae ... accipito". *Pecunia* здесь относится как к *res mancipi*, так и к *res mancipi*.

[1049] Cic. l.c. "aevitates suboles ... censento"; *lex Jul. Munic.* l. 145 "eorum ... nomina, praenomina, patres ... et quot annos quisque eorum habet ... accipito."

[1050] p. 68.

[1051] Liv. ix. 46 "forensis factio App. Claudii censura vires nacta, qui ... humilibus per omnes tribus divisus forum et campum corrumpit." Ср. Diod. xx. 46 (App. Claudius) ἔδωκε τοῖς πολίταις ὅποι προαίροιντο τιμήσασθαι. Моммзен полагает, что именно в этом году безземельные граждане впервые нашли место в племенах (*Staatsr.* ii. 392 sq., 402 sq.).

[1052] Liv. l.c. "aliud integer populus ... aliud forensis factio tendebat.... Fabius simul concordiae causa, simul ne humilimorum in manu comitia essent, omnem forensem turbam excretam in quattuor tribus coniecit urbanasque eas appellavit."

[1053] *Sexagenarius de ponte*. Ср. Cic. *pro Rosc. Amer.* 35, 100 "Habeo etiam dicere, quem contra morem majorum, minorem annis LX de ponte in Tiberim dejecerit"; Festus p. 334 "quo tempore primum per pontem coeperunt comitiis suffragium ferre, juniores conclamaverunt ut de ponte dejicerentur sexagenari, qui jam nullo publico munere fungerentur, ut ipsi potius sibi quam illi deligerent imperatorem." Если *pons* можно понимать буквально, то любопытную параллель дает раннеславянская процедура. "Вече целыми днями обсуждали одни и те же вопросы, прерываясь лишь на свободные драки на улицах. В Новгороде эти поединки происходили на мосту через Волхов, и более сильная сторона иногда сбрасывала своих противников в реку вниз" (Ковалевский *Современные обычаи и древние законы России*, с. 138).

[1054] p. 221.

[1055] "Eorum qui arma ferre possent" (Liv. i. 44), τῶν ἐχόντων τὴν στρατεύσιμον ἡλικίαν (Dionys. xi. 63), τῶν ἐν ταῖς ἡλικίαις (Polyb. ii 24).

[1056] Momms. *Staatsr.* ii. p. 411.

[1057] p. 72.

[1058] Beloch *der Italische Bund* p. 78.

[1059] p. 73.

[1060] Это изменение традиция относит ко времени осады Вейи (403 г. до н. э., Liv. v. 7 "quibus census equester erat, equi publici non erant adsignati ... senatum adeunt factaque dicendi potestate equis se suis stipendia facturos promittunt"). Ливий здесь предполагает, что перепись существовала для *equites equo publico*, но сомнительно, что она не была

перенесена с этих новых *equites* (*equo privato*, как их называют современные историки) на старые конные века.

[1061] Polyb. vi. πλουτίνδην αὐτῶν γεγενημένης ὑπὸ τοῦ τιμητοῦ τῆς ἐκλογῆς.

[1062] Нет никаких прямых оснований для проведения этой конкретной *переписи* ранее эпохи принципата. Тот факт, что *перепись*, приближенная или идентичная конной, требовалась для *судей* по закону Гракхов, а также уточнение, что они не должны быть сенаторами или членами сенаторских семей, привели к тому, что этих *судей* стали называть "рыцарями". Они были выбраны из класса, практически идентичного классу *equites equo privato*.

[1063] Cic. *pro Cluent.* 48, 134.

[1064] Suet. *Claud.* 16.

[1065] Val. Max. ii. 9, 7.

[1066] Cic. *de Rep.* iv. 2, 2. Так Помпей, консул, который никогда не был сенатором (70 г. до н. э.), требует и получает свое увольнение до вступления в должность (Plut. *Pomp.* 22).

[1067] Plut. C. *Gracch.* 2. См. с. 184.

[1068] Liv. xxvii. 11 (209 г. до н. э.) "(Censores) addiderunt acerbitati (лишение общественной лошади) etiam tempus, ne praeterita stipendia procederent eis, quae equo publico meruerant, sed dena stipendia equis privatis facerent."

[1069] Gell. iv. 12; Festus p. 108.

[1070] Cic. *pro Cluent.* 48, 134; Liv. xxix. 37. Удаление из рядов описывается как лишение коня (*adimere equum*, Liv. xxiv. 18, xli. 2, 7).

[1071] Сохранился фрагмент цензорского эдикта 92 г. до н. э., направленного против "латинян" (Latini rhetores). В нем содержатся слова: "Haec nova, quae praeter consuetudinem ac morem majorum fiunt, neque placent neque recta videntur" (Suet. *de Clar. Rhet.* 1; Gell. xv. 11, 2).

[1072] "Judex domesticus", "domesticus magistratus" (Sen. *Controv.* ii. 3; *de Benef.* iii. 11).

[1073] Cic. *de Rep.* iv. 6, 16 "Nec vero mulieribus praefectus praeponatur, qui apud Graecos creari solet; sed sit censor qui viros doceat moderari uxoribus."

[1074] Dionys. xx. 13.

[1075] p. 55.

[1076] Dionys. l.c.

[1077] Festus p. 344.

[1078] Cic. *de Leg.* iii. 3, 7 "coelibes esse prohibento".

[1079] Val. Max. ii. 9, 1 "Camillus et Postumius censores aera poenae nomine eos, qui ad senectutem coelibes pervenerant, in aerarium deferre jusserunt."

[1080] Liv. xxxix. 19.

[1081] Cic. *Phil.* ii. 28, 69.

[1082] Val. Max. ii. 9, 2 "M. Val. Maximus et C. Junius Brutus Bubulcus censores ... L. Annium senatu moverunt, quod, quam virginem in matrimonium duxerat, repudiasset, nullo amicorum in consilio adhibito."

[1083] Plin. *H. N.* xviii. 3, 11.

[1084] Plut. *Ti. Gracch.* 14; Val. Max. ii. 9, 4. О чрезмерном налогообложении предметов роскоши см. Liv. xxxix. 44; Plut. *Cat. Maj.* 18; и p. 221.

[1085] Cp. Gell. v. 13 "M. Cato in oratione, quam dixit apud censores in Lentulum, ita scripsit: "quod majores sanctius habuere defendi pupillos quam clientem non fallere".

[1086] Greenidge *Infamia in Roman Law* p. 67.

[1087] Даже любительские выступления могли вызвать *ноту*. См. Suet. *Dom.* 8 (Домициан) "suscepta correctione morum ... quaestorium virum, quod gesticulandi saltandique studio teneretur, movit senatu."

[1088] *Lex Julia Municipalis* исключает их, как и актеров, из муниципального сената; *lex Acilia repetundarum* - из судейской коллегии.

[1089] Suet. *Aug.* 39 "notavitque aliquos quod, pecunias levioribus usuris mutuati, graviori foenore collocassent."

[1090] Plut. *Cat. Maj.* 17; *C. Gracch.* 2.

[1091] Gell. xiv. 7 "opus etiam censorium fecisse existimatos, per quos eo tempore (т. е. в незаконное время) senatus consultum factum esset."

[1092] Cic. *de Div.* i. 16, 29 "Appius ... censor C. Ateium (трибун 55 г. до н. э.) notavit, quod ementitum auspicia subscriberet."

[1093] Val. Max. ii. 9, 5 "M. autem Antonius et L. Flaccus censores (97 г. до н. э.) Duronium senatu moverunt, quod legem de coercendis convivorum sumptibus latam tribunus plebi abrogaverat."

[1094] Cic. *pro Cluent.* 42, 119; 43, 121; Suet. *Dom.* 8.

[1095] Liv. xxiv. 18; xxvii. 11 и 25.

[1096] В 204 г. до н. э. цензор М. Ливий лишил права голоса для целей *центуриатной комиции* (*aerarios reliquit*) тридцать четыре из тридцати пяти племен, "quod et innocentem se condemnassent et condemnatum consulem et censorem fecissent" (Liv. xxix. 37).

[1097] *Lex Jul. Munic.* l. 120.

[1098] Cic. *de Off.* iii. 31, 111 "indicant (святость присяги в прежние времена) notiones animadversionesque censorum, qui nulla de re diligentius quam de jure jurando judicabant."

[1099] Этой форме дисквалификации современные юристы дали название "*mediate infamia*".

[1100] Cic. *pro Cluent.* 42, 120 "quos autem ipsi L. Gellius et Cn. Lentulus duo censores ... furti et captarum pecuniarum nomine notaverunt, ii non modo in senatum redierunt. sed etiam illarum ipsarum rerum iudiciis absoluti sunt."

[1101] Liv. xxix. 37 (в 204 г. до н. э., Клавдий Нерон) "M. Livium (его коллега), quia populi iudicio esset damnatus, equum vendere iussit."

[1102] Он постановил: "ut quem populus damnasset cuive imperium abrogasset in senatu ne esset" (Ascon. *in Cornelian.* p. 78).

[1103] Dio Cass. xxxvi. 21.

[1104] Liv. xlv. 15 "omnes iidem ab utroque et tribu remoti et aerarii facti"; xlv. 16 "tribu quoque is motus et aerarius factus"; xxvii. 11; xxix. 37 "aerarios reliquit".

[1105] См. Greenidge *Infamia in Roman Law* pp. 106-110. Моммзен (*Staatsr.* ii. pp. 402 ff.) делает выражения *tribu movere* и *in aerarios referre* идентичными после 312 г. до н.э. и интерпретирует оба как означающие перемещение из высшего племени в низшее.

[1106] Liv. i. 44; Dionys. iv. 22.

[1107] На каждом *lustrum vota* предлагались "quae in proximum lustrum suscipi mos est" (Suet. *Aug.* 97). До цензуры Сципиона Аэмилиана было принято молиться "ut populi Romani res meliores amplioresque facerent"; после нее, по его инициативе, "ut eas perpetuo incolumes servent" (Val. Max. iv. 1, 10).

[1108] Cic. *de Leg. Agr.* ii. 19, 50 и 51; 29, 81. Аренда иногда была очень длительной (Hyginus p. 116 Lachm. "Ex hoste capti agri postquam divisi sunt per centurias ... qui superfuerunt agri vectigalibus subjecti sunt, alii per annos [quinos], alii per annos centenos pluresve: finito illo tempore iterum veneunt locanturque ita ut vectigalibus est consuetudo").

[1109] Например, *lex censoria* предписывал, чтобы на золотых рудниках Верцеллы подрядчик, который их разрабатывает, нанимал не более пяти тысяч рабочих (Plin. *H.N.* xxxiii. 78).

[1110] Юристы сообщают нам, что это истинный смысл *publicanus*; *conductores* - это только *publicanorum loco* (Dig. 39, 4, 12, 13). В просторечии, однако, оба они - *publicani*, и такое употребление этимологически оправдано, поскольку оба они имеют отношение к *publicum*, слову, обозначающему государственный доход и государственную службу (Dig. 39, 4, 1; Tac. *Ann.* xiii. 51; Liv. xxiii. 49, 1).

[1111] *Вектургаль* (ἄποφορά Plut. *Ti. Gracch.* 8; ср. App. *B.C.* i. 7). В случае с пастбищной землей она называлась *scriptura* (Festus p. 833).

[1112] *Lex agraria* l. 85 "ex lege dicta, quam ... censores ... deixerunt, publicano dare oportuit."

[1113] Cic. *in Verr.* ii. 26, 63; 60, 147; iii. 7, 18.

[1114] *ib.* iii. 6, 12 и 14.

[1115] Polyb. vi. 17. Сенат может συμπτώματος γενομένου κουφίσαι καὶ τὸ παράπαν ἀδυνάτου τινὸς συμβάντος ἀπολῦσαι τῆς ἐργωνίας. Ср. раздел о контроле сената над имуществом. В 169 и 59 гг. до н. э. мы видим, как народ освобождается от деспотичного договора (Liv. xliii. 16; App. *B.C.* ii. 13).

[1116] Cic. *de Leg.* iii. 3, 7 "templa, vias, aquas ... tuento"; *ad Fam.* xiii. 11, 1 "sarta tecta (т. е. ремонт стен и крыш) aedium sacrarum locorumque communium tueri".

[1117] Cp. Liv. xxxix. 44 "ultro tributa infimis (pretiis) locaverunt."

[1118] *ib.* xlv. 16 "ad opera publica facienda cum eis (ensoribus) dimidium ex vectigalibus ejus anni attributum ex senatus consulto a quaestoribus esset"; xl. 46 "ensoribus deinde postulantibus ut pecuniae summa sibi, qua in opera publica uterentur, attribueretur, vectigal annuum decretum est."

[1119] *Lex Jul. Munic.* l. 73; Liv. xxxix. 44 (цитируется по п. 2).

[1120] Моммзен (*Staatsr.* ii. p. 446) считает, что эта фраза означает нечто "добровольно предоставленное" сенатом магистрату.

[1121] Liv. xxxix. 44. Позднее, однако, наметилась тенденция к тому, чтобы такие публичные права защищались преторскими запретами.

[1122] *ib.* xl. 51 "complura sacella publica quae fuerant occupata a privatis publica sacraque ut essent paterentque populo curarunt."

[1123] *ib.* xliii. 16 "ensores ad pignora capienda miserunt multamque pro contione privato dixerunt."

[1124] *Lex agraria* ll. 35, 36.

[1125] *ib.*

[1126] p. 208.

[1127] p. 93.

[1128] p. 94.

[1129] pp. 95 ff.

[1130] p. 190.

[1131] p. 162.

[1132] p. 126.

[1133] Cic. *de Leg. Agr.* ii. 7, 17 "toties legibus agrariis curatores constituti sunt triumviri quinqueviri decemviri." Cp. *ib.* ii. 12, 31 "eodem jure ... quo habuerunt (pullarios) tresviri lege Sempronia."

[1134] *ib.* ii. 7, 16 "jubet enim (аграрный закон Рулла) tribunum plebis, qui eam legem tulerit, creare decemviros per tribus septemdecim, ut, quem novem tribus fecerint, is decemvir sit."

[1135] pp. 174, 177.

[1136] Природа сулланских ограничений неизвестна. Цезарь говорит: "Sullam nudata omnibus rebus tribunicia potestate tamen intercessionem liberam reliquisse" (*B.C.* i. 7), а Цицерон: "Sullam probo, qui tribunis plebis sua lege injuriae faciendae potestatem ademerit, auxilii ferendi reliquerit" (*de Leg.* iii. 9, 22). Вероятно, он сформулировал случаи, в которых его нельзя было использовать. Случаи трибунского вето встречаются между 81 г. до н. э. и 70 г. до н. э., когда была восстановлена власть трибуна. См. Momms. *Staatsr.* ii p. 308 nn. 1 и 2.

[1137] p. 162.

[1138] p. 182.

[1139] Cic. *de Leg.* iii. 3, 6.

[1140] Festus p. 233; Dio Cass. liv. 26.

[1141] Liv. *Ep.* xi.

[1142] Cic. *de Leg.* iii. 3, 6; Sall. *Cat.* 55.

[1143] Val. Max. vi. 1, 10; Cic. *pro Cluent.* 13, 38.

[1144] Ascon. *in Milon.* p. 38.

[1145] Plaut. *Amph.* l. 1, 3.

[1146] Pompon. in *Dig.* 1, 2, 2, 30. Полный официальный титул, который впервые появляется в 44 г. до н. э., - *a(uro) a(rgento) a(ere) f(lando) f(eriundo)*. Об этом титуле и его вариантах см. Momms. *Staatsr.* ii. p. 602 n. 3.

[1147] Momms. *Staatsr.* ii p. 601.

[1148] Вербально второй титул может и, возможно, должен относиться к *viae* Италии. Но речь, вероятно, идет о городской магистратуре. См. *ib.* p. 604.

[1149] Liv. iii. 55.

[1150] Cic. *de Leg.* iii. 3, 6. Об их юрисдикции в делах о свободе в цicerоновский период см. Cic. *pro Caec.* 39, 97; *pro Domo* 29, 78.

[1151] Festus p. 233.

[1152] p. 207.

[1153] Так было с К. Клавдием Пульхером (*C.I.L.* i. p. 279), К. Юнием (Cic. *pro Cluent.* 29, 79) и К. Юлием Цезарем (Suet. *Caes.* 11).

[1154] p. 189.

[1155] Cic. *pro Cluent.* 33, 91.

[1156] Моммзен склонен думать, что эта должность следовала как само собой разумеющаяся за эдильством (*Staatsr.* ii. p. 590).

[1157] p. 155.

[1158] Liv. ix. 30.

[1159] p. 234.

[1160] p. 43.

[1161] p. 102.

[1162] p. 126.

[1163] Cic. *pro Caec.* 33, 95; ср. *pro Domo* 40, 106 "Quae tua fuit consecratio? Tuleram, inquit, ut mihi liceret. Quid? Non exceperas ut, si quid jus non esset rogari, ne esset rogatum?"

[1164] Валерий Пробус приводит формулу, которая подчеркивает этот религиозный аспект спасительной оговорки. Это *si quid sacri sancti est quod non jure sit rogatum, ejus hac lege nihil rogatur*.

[1165] См. с. 107.

[1166] Cic. *pro Domo* 20, 53 "quae (est) sententia Caeciliae legis et Didiae nisi haec, ne populo necesse sit in conjunctis rebus compluribus aut id quod nolit accipere aut id quod velit repudiare?". Этот принцип существовал уже в лексе *Acilia Repetundarum* от 122 г. (л. 72). См. Mommsen *Staatsr.* iii. p. 336.

[1167] Liv. viii. 23.

[1168] *ib.* ix. 42. Сравните, однако, х. 22 (296 г. до н. э.), где *плебисцит* и *сенатский консилиум* упоминаются в связи с пророгацией командования Л. Волумния. О признании *imperiū* консула на один день, чтобы он мог одержать победу, см. с. 158.

[1169] Liv. xxxviii. 54-60.

[1170] *ib.* xlii. 21 и 22.

[1171] Cic. *de Fin.* ii. 16, 54.

[1172] *Quaestio Mamilia* от 110 г. до н. э. (Sall. *Jug.* 40).

[1173] p. 14.

[1174] *lex Plautia Papiria* (Cic. *pro Arch.* 4, 7; см. с. 311) был делом рук двух трибунов.

[1175] Cic. *pro Balbo* 21, 48 "lege Appuleia ... qua lege Saturninus C. Mario tulerat, ut in singulas colonias ternos cives Romanos facere posset."

[1176] *ib.* 8, 19 "lege quam L. Gellius Cn. Cornelius (coss. 72 B.C.) ex senatus sententia tulerunt ... videmus satis esse sanctum ut cives Romani sint ii, quos Cn. Pompeius de consilii sententia singillatim civitate donaverit."

[1177] Val. Max. v. 2, 8 "(C. Marius) duas ... Camertium cohortes mira virtute vim Cimbrorum sustinentis in ipsa acie adversus condicionem foederis civitate donavit."

[1178] Momms. *Staatsr.* iii. p. 135 n. 5.

[1179] Cic. *pro Caec.* 35, 101.

[1180] Liv. xxvi. 33 (речь М. Атилия Регула) "Per senatum agi de Campanis, qui cives Romani sunt, injussu populo non video posse. Idque et apud majores nostros in Satricanis factum est (319 г. до н. э.) cum defecissent, ut M. Antistius tribunus plebis prius rogationem ferret sciscereturque plebs uti senatui de Satricanis sententiae dicendae jus esset. Itaque censeo cum tribunis plebis agendum esse ut eorum unus pluresve rogationem ferant ad plebem qua nobis statuendi de Campanis jus fiat. L. Atilius tribunus plebis ex auctoritate senatus plebem in haec verba rogavit ... Plebes sic jussit, "Quod senatus juratus, maxima pars, censeat, qui adsidetis, id volumus jubemusque."

[1181] *ib.* xxxviii. 36 "edocti populi esse, non senatus, jus suffragii quibus velit impertiri, destiterunt incepto."

[1182] p. 229.

[1183] Liv. xlv. 15 (169 г. до н. э.; на предложение цензора Семпрония лишить права голоса вольноотпущенников его коллеги Клавдий) "negabat ... suffragii lationem injussu populi censorem cuiquam homini, nedum ordini universo adimere posse: neque enim, si tribu movee posset, quod sit nihil aliud quam mutare jubere tribum, ideo omnibus quinque et triginta tribubus emovere posse, id est civitatem libertatemque eripere."

[1184] В Liv. vii. 16 (357 г. до н. э.) мы находим рассказ о создании *vicesima manumissionis* по решению *comitia tributa populi*.

[1185] Это изменение было осуществлено *lex Aebutia* (Gell. xvi. 10, 8; Gaius iv. 30).

[1186] p. 205.

[1187] Наиболее полное описание, которое сохранилось, содержится в *lex Quinctia de aquaeductibus*, консульском законе 9 г. до н.э. (Frontinus *de aquaeductibus* 129). Он гласит: "T. Quinctius Crispinus consul populum jure rogavit populusque jure scivit in foro pro rostris aedis divi Juli pr(idie) [k] Julias. Tribus Sergia principium fuit, pro tribu Sex.... L. f. Virro [primus scivit]"

[1188] Ulpian *Reg. praef.* 2 "Minus quam perfecta lex est, quae vetat aliquid fieri et, si factum sit, non rescindit, sed poenam injungit ei qui contra legem fecit." Аграрный закон Лициния-Секстия 367 г. был, по-видимому, такого рода.

[1189] Macrobian *Comm. in Somn. Scip.* ii. 17, 13 "inter leges quoque illa imperfecta dicitur, in qua nulla deviantibus poena sancitur."

[1190] Cic. *ad Att.* iii. 23, 2 "alteram caput est tralatitium de impunitate si quid contra alias leges ejus legis ergo factum sit."

[1191] Ulpian *op. cit.* 3 "Lex aut rogatur, id est, fertur; aut abrogatur, id est, prior lex tollitur; aut derogatur, id est, pars primae (legis) tollitur; aut subrogatur, id est, adjicitur aliquid primae legi; aut obrogatur, id est, mutatur aliquid ex prima lege." Ср. положение в законе, цитируемое Цицероном (*ad Att.* iii. 23, 3) "si quid in hac rogatione scriptum est, quod per leges plebisve scita promulgare, abrogare, derogare, obrogare sine fraude sua non liceat."

[1192] Cic. l.c. 23, 2 "neque enim ulla (lex) est, quae non ipsa se saepiat difficultate abrogationis. Sed, cum lex abrogatur, illud ipsum abrogatur, quo modo eam abrogari [non] oporteat."

[1193] p. 239.

[1194] См. раздел о Сенате.

[1195] Ливий описывает спор о том, стоит ли с этой точки зрения перемирие (*indutiae*) на одном уровне с *pax*: (iv. 30) "cum Veientibus ... indutiae, ... non pax facta ... ante diem rebellaverant ... controversia inde fuit utrum populi jussu indiceretur bellum an satis esset senatus consultum. Pervicere tribuni ... ut Quinctius consul de bello ad populum ferret: omnes centuriae jussere."

[1196] Polyb. vi. 14 ὑπὲρ εἰρήνης οὗτος (ὁ δῆμος) βουλευέται καὶ πολέμου.

[1197] Mommsen *Staatsr.* iii. p. 343.

[1198] См. раздел о Сенате.

[1199] Polyb. i. 62 (договор между Лутатием Катулом и карфагенянами в 241 г. до н. э.) ἐπὶ τοῖσδε φίλιαν εἶναι Καρχηδονίοις καὶ Ῥωμαίοις, ἐὰν καὶ τῷ δήμῳ τῶν Ῥωμαίων συνδοκῇ. Народ отверг договор, но впоследствии утверждалось, что, если бы не эта спасительная оговорка, он был бы обязательным (ib. iii. 29).

[1200] ib. vi. 14 καὶ μὴν περὶ συμμαχίας καὶ διαλύσεως καὶ συνθηκῶν οὗτος (ὁ δῆμος) ἐστὶν ὁ βεβαιῶν ἕκαστα τούτων καὶ κύρια ποιῶν ἢ τοῦναντίον.

[1201] Liv. xxix. 12 (205 г. до н. э., мир с Филиппом Македонским) "jusserunt ... omnes tribus"; xxx. 43 (201 г. до н. э., мир с Карфагеном) "De pace ... omnes tribus jusserunt"; xxxiii. 25 (196 г. до н. э., мир с Филиппом Македонским) "ea rogatio in Capitolio ad plebem lata est. Omnes quinque et triginta tribus, uti rogas jusserunt."

[1202] Так и по завершении второй Пунической войны (Liv. xxx. 43 "M'. Acilius et Q. Minucius tribuni plebis ad populum tulerunt "Vellent juberentne senatum decernere ut cum Carthaginensibus pax fieret, et quem eam pacem dare quemque ex Africa exercitum deportare juberent").

[1203] См. *lex Antonia de Termessibus* (Bruns Fontes).

[1204] p. 47.

[1205] p. 187.

[1206] p. 63.

[1207] См. ниже о компетенции плебейского консилиума.

[1208] См. Momms. *Staatsr.* i. p. 195; ii. p. 618.

[1209] См. p. 161.

[1210] p. 169.

[1211] p. 211.

[1212] p. 161.

[1213] *Anquisitio* (вариант *quaestio* магистрата, когда он проводит расследование по собственной инициативе), возможно, означает "расследование с обеих сторон", т.е. через обвинение и защиту (Lange *Röm. Alt.* ii. p. 470; ср. Festus p. 22 "anquirere est circum quaerere").

[1214] Liv. ii. 52 (трибуны) "cum capitis anquisissent, duo milia aeris damnato multam edixerunt"; xxvi. 3 (денежный штраф был предложен в течение первых двух дней) "tertio ... tanta ira accensa est ut capite anquirendum contio subclamaret."

[1215] Cic. *pro Dom.* 17, 45 "cum tam moderata judicia populi sint a majoribus constituta ... ne inprodicta die quis accusetur, ut ter ante magistratus accuset intermissa die quam multam irroget aut judicet, quarta sit accusatio trinum nundinum prodicta die, quo die iudicium sit futurum." Ср. App. *B.C.* i. 74.

[1216] Cic. *l.c.* "si qua res illum diem aut auspiciis aut excusatione sustulit, tota causa iudiciumque sublatum sit."

[1217] Dio Cass. xxxvii. 27.

[1218] Cic. *pro Domo* 82, 86 "at vero ... Kaeso ille Quinctius (cp. Liv. iii. 13) et M. Furius Camillus et M. Servilius Ahala (cp. Liv. iv. 16, 21) ... populi incitati vim iracundiamque subierunt; damnatique comitiis centuriatis cum in exilium profugissent, rursus ab eodem populo placato sunt in suam pristinam dignitatem restituti."

[1219] Cic. *Brut.* 34, 128; *post Red. in Sen.* 15, 38.

[1220] App. *B.C.* i 31.

[1221] Cic. *pro Planc.* 28, 69; *post Red. in Sen.* 15, 38.

[1222] Cic. *ad Att.* iv. 1, 4.

[1223] *Auct. ad Herenn.* ii. 28, 45.

[1224] Caes. *B.C.* iii. 1 "praetoribus tribunisque plebis rogationes ad populum ferentibus ... in integrum restituit." Cp. Suet. *Caes.* 41; Dio Cass, xliii. 27.

[1225] "de alea condemnatum" (Cic. *Phil.* ii. 23, 56), то есть, вероятно, по *lex Cornelia de falsis* (Rein *Criminalrecht* p. 833).

[1226] См. с. 248.

[1227] Plut. *Mar.* 43; cp. Vell. ii. 21; App. *B.C.* i. 70.

[1228] App. *B.C.* iii. 95.

[1229] Vell. ii. 58; cp. Cic. *Phil.* i. 1, 1.

[1230] Dio Cass. xlix. 43.

[1231] pp. 166, 179.

[1232] p. 239.

[1233] Когда Варро говорит (*L.L.* vi. 30) "magistratus vitio creatus nihilo secius magistratus", он отражает практическую процедуру, а не конституционную теорию, если только эта *сентенция* не подразумевает, что отмена невозможна, потому что не нужна, и что нет полномочий для определения недействительности выборов.

[1234] Цицерон говорит в отношении закона о его изгнании, что был определенный смысл в том, чтобы признать его недействительным как *привилегию*, "sed multo est melius abrogari" (*ad Att.* iii. 15, 5).

[1235] Laelius Felix ap. Gell. xv. 27, 5 "Cum ex generibus hominum suffragium feratur, "curiata" comitia esse, cum ex censu et aetate "centuriata", cum ex regionibus et locis, "tributa"."

[1236] О том, как легко одна *комиция* могла переплавиться в другую, свидетельствуют слова Цицерона [*ad Fam.* vii. 30 (44 г. до н. э.)] "Ille autem (Caesar), qui comitiis tributis esset auspicatus, centuriata habuit."

[1237] См. Приложение о *comitia tributa*.

[1238] p. 49.

[1239] Messala ap. Gell. xiii. 15, 4 "Minoribus creatis magistratibus tributis comitiis magistratus, sed justus curiata datur lege."

[1240] Dio Cass. xxxix. 19.

[1241] ib. xli. 43.

[1242] Cic. *de Leg. Agr.* ii. 12, 30 "consuli, si legem curiatam non habet, attingere rem militarem non licet."

[1243] Закон Суллы гласил, что магистрат должен сохранять *imperium* до тех пор, пока не вернется в город, очевидно, не упоминая *lex curiata*. Апп. Клавдий, консул 54 г. до н. э., которому трибунское вето помешало провести свой *lex curiata*, исходил из этого молчания и сказал: "legem curiatam consuli ferri opus esse, necesse non esse; se, quoniam ex senatus consulto provinciam haberet, lege Cornelia imperium habiturum quoad in urbem introisset" (Cic. *ad Fam.* i. 9, 25).

[1244] Cic. *de Leg. Agr.* ii. 12, 31.

[1245] p. 26.

[1246] Gell. xv. 27, 1 "'calata' comitia esse, quae pro conlegio pontificum habentur aut regis aut flaminum inaugurandorum causa. Eorum autem alia esse 'curiata', alia 'centuriata' ... Isdem comitiis, quae 'calata' appellari diximus, et sacrorum detestatio et testamenta fieri solebant." Неизвестно, какие именно действия были предназначены для "калатной комиссии", собравшейся в *столетие*; Моммзен считает, что это было открытие Марциального пламени за городом (*Staatsr.* iii. p. 307).

[1247] p. 107.

[1248] pp. 107, 246.

[1249] p. 244.

[1250] Liv. i. 43 "Nec mirari oportet hunc ordinem, qui nunc est post expletas quinque et triginta tribus duplicate earum numero centuriis juniorum seniorumque, ad institutam ab Servio Tullio summam non convenire." Ср. Dionys. iv. 21. Описание Цицерона (*de Rep.* ii. 22, 39 и 40), вероятно, относится к сервианскому устройству, хотя Моммзен (*Staatsr.* iii. p. 275) считает, что оно относится к реформированной *комиции*. Описание, приведенное в тексте, по сути, соответствует описанию Пантагата (умер в 1567 г.) *an. Ursinum* в Liv. i. 43. О различных системах, которые были приняты, см. Willems *Le Droit Public* p. 97. Моммзен (l.c.) признает 70 голосов за 70 веков первого класса, но считает, что 280 веков других классов были объединены таким образом, что образовали только 100 голосов; общее количество голосов составляет $70 + 100 + 5 + 18 = 193$, как и прежде.

[1251] p. 73.

[1252] Cic. *Phil.* ii. 33, 82 "Ecce Dolabellae comitiorum dies: sortitio praerogativae: quiescit. Renuntiatur, tacet. Prima classis vocatur: renuntiatur. Deinde, ita ut assolet, suffragia; tum secunda classis."

[1253] Liv. xliii. 16 "cum ex duodecim centuriis equitum octo censorem condemnassent, multaeque aliae primae classis." Создается впечатление, что *sex suffragia* (p. 73) голосовали вместе с первым классом или после него. Дракенборх читает *octodecim* вместо *duodecim*, но это, кажется, дает слишком малое число осуждающих голосов среди *equites*.

[1254] Cic. *pro Planc.* 20, 49.

[1255] Отсюда такие выражения, как *Aniensis juniorum*, *Veturia juniorum*, *Galeria juniorum* (Liv. xxiv. 7; xxvi. 22; xxvii. 6).

[1256] App. *B.C.* i. 59.

[1257] См. Приложение о *comitia tributa*.

[1258] p. 107.

[1259] Liv. xxv. 4 (212 г. до н. э.) "Tribuni plebem rogaverunt plebesque ita scivit, "Si M. Postumius ante K. Maías non prodisset citatusque eo die non respondisset neque excusatus esset, videri eum in exilio esse, bonaque ejus venire, ipsi aqua et igni placere interdici"; ib. xxvi. 3 (211 г. до н. э.) "Cn. Fulvius exulatum Tarquinius abiit. Id ei justum exilium esse scivit plebs."

[1260] Когда Плутарх говорит (С. *Gracch.* 4), что К. Гракх предоставил право разбирательства таких дел τῷ δήμῳ, это слово может включать плебс. По крайней мере, Гракх, кажется, изгнал экс-консула Попилия с помощью *плебисцита* (Cic. *pro Domo* 31, 82 "ubi enim tuleras ut mihi aqua et igni interdiceretur? quod Gracchus de P. Popilio ... tulit").

[1261] App. *B.C.* i. 59.

[1262] Этот вывод был сделан из слов Цицерона (в *Verr.* Act i. 13, 38) "judiciis ad senatorium ordinem translatis sublataque populi Romani in unum quemque vestrum potestate."

[1263] Cic. *de Leg. Agr.* ii. 7, 18 "Quod populus per religionem sacerdotia mandare non poterat, ut minor pars populi vocaretur."

[1264] Об этом председательстве самого молодого понтифика (т. е. того, кто имел меньше всего шансов на избрание) см. Liv. xxv. 5 (212 г. до н. э.). Из Cic. *ad Brut.* i. 5, 4 следует, что консулы имели какое-то отношение к организации выборов, но не то, что они когда-либо были президентами.

[1265] Cic. *de Leg. Agr.* ii. 7, 18; Vell. ii. 12, 3.

[1266] Dio Cass. xxxvii. 37.

[1267] Macrob. *Sat.* i. 16, 29 "Julius Caesar XVI auspicio libro negat nundinis contionem advocari posse, id est cum populo agi ideoque nundinis Romanorum haberi comitia non posse."

[1268] Varro *L.L.* v. 155 "comitium ab eo quod coibant eo comitiis curiatis et litium causa."

[1269] Liv. vi. 20; Plin. *H.N.* xvi. 10, 37.

[1270] Liv. vii. 16.

[1271] Переход на Форум, возможно, произошел после Гракхана; см. Momms. *Staatsr.* iii. p. 385. Ср. предписание *lex Quinctia de aquaeductibus* (p. 242).

[1272] Gell. xiii. 15, 1 "In edicto consulum, quo edicunt quis dies comitiis centuriatis futurus sit." "Comitia edicere" (Liv. xxiii. 31) и "comitia indicere" (Liv. iv. 6) используются в качестве описания этого акта.

[1273] Festus p. 224 "promulgari leges dicuntur cum primum in vulgus eduntur, quasi provulgari."

[1274] Momms. *Staatsr.* iii. p. 370.

[1275] Schol. Bob. to Cic. *pro Sest.* 64, 135 (p. 310) "(lex) Licinia et Junia ... illud cavebat ne clam aerario legem ferri liceret." О регистрации в *аэрарии* во время промультягии см. Cic. *de Leg.* iii. 4, 11. Закон Хлодия о ссылке Цицерона в 58 г. до н. э. был изменен (Cic. *ad Att.* iii. 2 "praesertim nondum rogatione correcta"), но до или после промультягии - неясно.

[1276] Дионисий, Плутарх и Присциан объясняют *trinum nundinum* как третий рыночный день, интервал между которыми составляет *trinarum nundinarum*, т.е. семнадцать дней; но Моммзен обосновал, что это три *nundina*, т.е. интервалы в восемь дней (*Staatsr.* iii. p. 375).

[1277] p. 164.

[1278] p. 38.

[1279] Varro *L.L.* vi. 91 "comitiatum praeco populum vocet ad te, et eum de muris vocet praeco."

[1280] Геральд не упоминается в связи с *concilium plebis*. Куриатные комиции созывались куриальным ликтором (*lictor curiatus*). См. Momms. *Staatsr.* iii. p. 386.

[1281] Gell. xv. 27; Dio Cass. xxxvii. 27.

[1282] Varro *L.L.* vi. 92; Plut. *C. Gracch.* 3.

[1283] "Sollemne carmen precationis" (Liv. xxxix. 15).

[1284] Cic. *de Leg.* iii. 4, 11 "qui agent ... rem populum docento"; Quintil. *Inst. Or.* ii. 4, 33 "Romanis pro contione suadere ac dissuadere moris fuit."

[1285] За исключением, возможно, *comitia centuriata* (Momms. iii. p. 395), но этот орган уже почти перестал быть законодательным собранием.

[1286] p. 247.

[1287] Первоначально *licium*, позднее *saepa* или *ovile*.

[1288] Liv. ii. 56; ср. Asc. *in Cornel.* p. 70 "discedere, quod verbum ... significat ... [ut] in suam quisque tribum discedat, in qua est suffragium laturus."

[1289] Отсюда выражение *ferre punctum* (Cic. *pro Planc.* 22, 53).

[1290] Liv. v. 13; iii. 21.

[1291] Cic. *de Leg.* iii. cc. 15, 16.

[1292] Отсюда обнаружение обмана на выборах с помощью табличек - μιᾷ χειρὶ γεγραμμένοις (Plut. *Cat. Min.* 46).

[1293] Cic. *cum Sen. Gr. eg.* 11, 28; *in Pis.* 15, 36.

[1294] Plin. *H.N.* xxxiii. 2, 31; Cic. *cum Sen. Gr. eg.* 7, 17.

[1295] p. 253.

[1296] Первая курия или триба - *principium*. См. предписание *lex Quinctia* (p. 242). Даже после введения бюллетеня имя первого избирателя в подразделении указывалось (*primus scivit*, l.c.).

[1297] О таких кандидатах говорится *Tribus* или *centurias non explere* (Liv. iii. 64; xxxvii. 47). Ср. Liv. xxii. 35.

[1298] Cic. *in Pis.* 15, 36 "hoc certe video quod indicant tabulae publicae vos rogatores, vos diribitores, vos custodes fuisse tabularum." Цицерон говорит именно о списке голосов, заверенном стражниками и счетчиками, а не об отдельных табличках для голосования. Но сами таблички некоторое время хранились в *loculi* (Varro *R.R.* iii. 5, 18).

[1299] Cic. *de Leg.* iii. 20, 46 "Legum custodiam nullam habemus. Itaque eae leges sunt quas apparitores nostri volunt; a librariis petimus."

[1300] См. свидетельства, собранные Моммзенем (*Staatsr.* iii. pp. 418-419). Именно на основе этой практики *figere* и *refigere* используются для обозначения публикации и аннулирования законов.

[1301] p. 219.

[1302] Cic. *pro Sest.* 65, 137 "senatum reipublicae custodem, praesidem, propugnatorem collocaverunt (maiores); hujus ordinis auctoritate uti magistratus et quasi ministros gravissimi consilii esse voluerunt."

[1303] Festus p. 142 "mulleos genus calceorum aiunt esse, quibus reges Albanorum primi, deinde patricii sunt usi."

[1304] Отсюда различие между патрицианской и плебейской формой обуви (Mommсен *Staatsr.* iii. p. 891). Во времена Катона Старшего эту обувь носил только плебейский сенатор, "qui magistratum curulem cepisset" (Festus l.c.).

[1305] Об инвеституре мальчиков с *latus clavus* ранее правления Августа см. Suet. *Aug.* 94.

[1306] Tac. *Ann.* xi. 22 "post lege Sullae viginti (quaestores) creati supplendo senatui."

[1307] Gell. iv. 10, 8 "Erat ... jus senatori ut sententiam rogatus diceret ante quicquid vellet aliae rei et quoad vellet." Об этой практике *egredi relationem* см. Tac. *Ann.* ii. 33.

[1308] "Delenda est Carthago" (Florus ii. 15); ср. App. *Lib.* 69.

[1309] Попытка нарушить этот порядок была предпринята в 56 г. до н. э.: "cum Lupus tribunus pl.... intendere coepit ante se oportere discessionem facere quam consules. Ejus orationi vehementer ab omnibus reclamatum est; erat enim et iniqua et nova" (Cic. *ad Fam.* i. 2, 2).

[1310] Таким образом, консул Марцелл отстранил сенат в 50 г. до н. э., когда тот поддержал предложение о том, чтобы Помпеи и Цезарь сложили свои полномочия (App. *B.C.* ii. 30).

[1311] Gell. iv. 10, 8.

[1312] *ib.* l.c.; Suet. *Caes.* 20.

[1313] Gell. xiv. 7, 9 (из *Commentarius Bappo*) "singulos autem debere consuli gradatim incipique a consulari gradu. Ex quo gradu semper quidem antea primum rogari solitum qui princeps in senatum lectus esset; tum autem, cum haec scriberet, novum morem institutum refert per ambitionem gratiamque ut is primus rogaretur quem rogare vellet qui haberet senatum, dum is tamen ex gradu consulari esset." Об этом *novus mos* см. Cic. *ad Att.* i. 13, 2 (61 г. до н. э.) "Primum igitur scito primum me non esse rogatum sententiam praepositumque esse nobis pacificatorem Allobrogum" (С. Calpurnius Piso, родственник председательствующего консула).

[1314] Sall. *Cat.* 50 (в дебатах о заговорщиках-катилинистах) "D. Junius Silanus primus sententiam rogatus quod eo tempore consul designatus erat."

[1315] Festus p. 210 "(Pedarius senator) ita appellator quia tacitus transeundo ad eum, cujus sententiam probat, quid sentiat indicat." Ср. Gell. iii. 18. Объяснение, приведенное Фестом, верно лишь в той мере, в какой оно выражает обычное обстоятельство спора. Название *pedarius*, вероятно, происходит от отсутствия кресла для курульных (Gavius Bassus ap. Gell. l.c.).

[1316] Vell. ii. 35 "Hic tribunus plebis designatus ... paene inter ultimos interrogatus sententiam"; Cic. *ad Att.* xii. 21, 1 "Cur ergo in sententiam Catonis? Quia verbis luculentioribus et pluribus rem eandem (т. е. мнение, уже высказанное *консулам*) comprehenderat."

[1317] См. p. 270 n. 2.

[1318] В приблизительном подсчете палаты (61 г. до н. э.) Цицерон упоминает 15 человек на одной стороне вопроса, "довольно 400" на другой (*ad Att.* i. 14, 5). По поводу предложения Курия в 50 г. до н. э., чтобы и Помпеи, и Цезарь сложили свои полномочия, 22 человека не согласились, 370 одобрили (App. *B.C.* ii. 30). В последнем случае, похоже, не было формального разделения (см. p. 268 n. 2); и в обоих случаях малые числа могут быть результатом точного вычисления, большие - либо догадки, либо дедукции, сделанной из уже подсчитанного кворума.

[1319] "Verbo adsentiri" (Sall. *Cat.* 52); ср. Cic. *ad Fam.* v. 2, 9 "sedens iis adsensi".

[1320] "In alienam sententiam pedibus ire" (Gell. iii. 18, 1).

[1321] Приглашение разделить по поводу *sententia* было сформулировано в форме "Qui hoc censetis, illuc transite: qui alia omnia, in hanc partem" (Festus p. 261). Отсюда разговорное выражение "ire in alia omnia" для отрицания предложения в сенате (Cic. *ad Fam.* i. 2, 1).

[1322] Cic. *ad Att.* i. 14, 3 "totum hunc locum, quem ego ... soleo pingere, de flamma, de ferro-nosti illas ληκύθους."

[1323] p. 179.

[1324] Cic. *ad Fam.* viii. 8, 5 ff. В § 6 мы находим формулу "Si quis huic s. c. intercesserit, senatui placere auctoritatem perscribi."

[1325] *ib.* l.c. § 6 "Pr. Kal. Octobres in aede Apollinis scribe. adfuerunt L. Domitius Cn. f. Fab. Ahenobarbus" и т. д.

[1326] p. 148.

[1327] Plut. *Ti. Gracch.* 10; App. *B.C.* i. 12.

[1328] Polyb. xxx. 4. О мотиве вето см. Liv. xlv. 21 "M. Juventius Thalna ... praetor novo maloque exemplo rem ingressus erat, quod, ante non consulto senatu, non consulibus certioribus factis, de sua unius sententia rogationem ferret vellent juberentne Rhodiis bellum indici, cum antea semper prius senatus de bello consultus esset, deinde ex auctoritate patrum ad populum latum."

[1329] Suet. *Caes.* 16 (Цезарь поддержал Метелла в переносе) "turbulentissimas leges adversus collegarum intercessionem ... donec ambo administratione reipublicae decreto patrum submoverentur."

[1330] В этом случае запрет был осуществлен благодаря принудительной власти консула, проистекающей из его *majus imperium* (Dio Cass. xlii. 23).

[1331] Tac. *Ann.* ii. 30 "vetere senatus consulto quaestio in caput domini prohibebatur."

[1332] Cic. *ad Att.* v. 21, 13 (50 г. до н. э.) "cum senatus consultum modo factum sit ... in creditorum causa, ut centesimae perpetuo faenore ducerentur."

[1333] Ascon. *in Cornel.* p. 58.

[1334] М. Брут добился от сената одобрения облигации (*синграфы*), по которой с правительства Саламиса на Кипре требовали непомерно высокий процент. Подобные облигации, по которым провинциалы брали на себя обязательства в Риме, были признаны незаконными *Габинийским законом* 67 г. до н. э. (Cic. *ad Att.* v. 21, 12).

[1335] Cic. *pro Domo* 16, 41 "judicavit senatus M. Drusi legibus, quae contra legem Caeciliam et Didiam latae essent, populum non teneri." Рассказ о том, что ливийские законы были отложены как *contra auspicia* (Ascon. *in Cornel.* p. 68 "Philippus cos.... obtinuit a senatu, ut leges ejus omnes uno s. c. tollerentur. Decretum est enim contra auspicia esse latas neque eis teneri populum") может содержать одно из оснований их отмены.

[1336] Cic. *ad Att.* iii. 15, 5 "Quod te cum Culleone scribis de privilegio locutum, est aliquid, sed multo est melius abrogari."

[1337] p. 204.

[1338] Liv. xxv. 4; Sall. *Cat.* 50; Ascon. *in Milon.* p. 44. Сенат таким образом иногда толкует уголовный закон и расширяет его действие. См. Cic. *de Har. Resp.* 8, 15 "decrevit senatus eos qui id fecissent (т. е. кто нарушил перестройку дома Цицерона) lege de vi, quae est in eos qui universam rem publicam oppugnassent (т. е. vi publica) teneri."

[1339] Cic. *ad Att.* i. 13, 3 "Credo enim te audisse, cum apud Caesarem pro populo fieret, venisse eo muliebri vestitu virum ... mentionem a Q. Cornificio in senatu factam ... postea rem ex senatus consulto ad pontifices relatum, idque ab iis nefas esse decretum; deinde ex senatus consulto consules rogationem promulgasse."

[1340] Liv. viii. 18.

[1341] *ib.* xl. 43 (180 г. до н. э.) "A. C. Maenio praetore (cui, provincia Sardinia cum evenisset, additum erat ut quaereret de veneficiis longius ab urbe decem millibus passuum) literae adlatae se *jam tria millia hominum damnassee*."

[1342] Liv. xxxix. 41 (184 г. до н. э.); ср. ix. 26 (314 г. до н. э.) и пример, приведенный в следующем примечании. В таких случаях, когда *quaestiones* распространялись на Италию, неясно, казнили ли римские магистраты *socii*, а также *cives* в суммарном порядке.

[1343] *ib.* xxxix. 18. По этому вопросу см. Zumpt *Criminalrecht der Römer* i. 2 p. 212.

[1344] C.I.L. i. n. 196 (письмо консулов каким-то неизвестным магистратам *агера Теурана* в Брутиях) l. 24 "eorum (т.е. сенат) sententia ita fuit "sei ques esent, quei avorsum ead fecisent, quam suprad scriptum est, eeis rem capitalem faciendam censuere."

[1345] Консул был вооружен против К. Гракха, консулы - в 63 г.; консулы, преторы и трибуны - в 100 г. до н. э.; интеррекс, проконсул и все другие магистраты с *imperium* - в 77 г. до н. э.

[1346] Декрет, предложенный в ответ на угрожавшую М. Лепиду революцию в 77 г. до н. э., гласил: "quoniam M. Lepidus exercitum privato consilio paratum cum pessimis et hostibus rei publicae contra hujus ordinis auctoritatem ad urbem ducit, uti Appius Claudius interrex cum Q. Catulo pro consule et ceteris, quibus imperium est, urbi praesidio sint operamque dent ne quid res publica detrimenti capiat" (из речи Филиппа в Sall. *Hist. lib. i. frgt. 77, § 22*). Исторические примеры применения этой власти - против К. Гракха и его приверженцев в 121 году до н.э., при Сатурнии (100), при первой сулланской реставрации (88), антисулланцами (82), при угрозе революции М. Лепида (77), при заговоре катилинов (63), во время волнений, поднятых К. Метеллом (62), и во время волнений, предшествовавших единоличному консульству Помпея (52), против Цезаря (49), против Долабеллы и М. Антония (43).

[1347] Cp. Sall. *Cat. 50* "consul... convocato senatu refert quid de eis fieri placeat, qui in custodiam traditi erant. Sed eos paulo ante frequens senatus judivcaerat contra rem publicam fecisse."

[1348] Хотя *окончательный сенатский консилиум* не был принят против Ти. Гракха, осуждение его сторонников без апелляции (Vell. ii. 7; Val. Max. iv. 7, 1) было осуществлением юрисдикции военного положения. Именно эта юрисдикция вызвала *плебисцит* К. Гракха.

[1349] Cic. *pro Rab. 4, 12* "C. Gracchus legem tulit ne de capite civium Romanorum injussu vestro judicaretur."

[1350] Schol. Ambros. p. 370 "Quia sententiam (ошибочно "legem"; см. Zumpt *Criminalrecht* i. 2 p. 73) tulerat Gracchus ne quis in civem Romanum capitale sententiam diceret." Cp. Cic. *pro Sest. 28, 61* "Consule me, (Cato), cum esset designatus tribunus plebis, obtulit in discrimen vitam suam: dixit eam sententiam, cujus invidiam capitis periculo sibi praestandam videbat." Так и Дио Кассий (xxxviii 14), говоря о первом билле Хлодия против Цицерона, говорит: ἔφερε μὲν γὰρ καὶ ἐπὶ πᾶσαν τὴν βουλήν, ὅτι τοῖς τε ὑπάτοις τὴν φυλακὴν τῆς πόλεως ... προσετέταχε.

[1351] Plut. *C. Gracch. 4* τὸν δὲ (νόμον εἰσέφερε) εἴ τις ἄρχων ἄκριτον ἐκκεκρήχοι πολίτην, κατ' αὐτοῦ διδόντα κρίσιν τῷ δήμῳ. δῆμος здесь может означать как *populus*, так и *plebs*; но Гракх, будучи трибуном, ввел в действие свой собственный закон против Popilius (Cic. *pro Domo 31, 82*).

[1352] Cic. *in Cat. iv. 5, 10* "At vero C. Caesar intelligit legem Semproniam esse de civibus Romanis constitutam; qui autem rei publicae sit hostis eum civem esse nullo modo posse."

[1353] Cic. *in Pis. 4, 9; pro Sest. 25, 55; Dio Cass. xxxviii. 13.*

[1354] Cic. *ad Q. fr. ii. 3, 5* (56 г. до н. э.) "senatus consultum factum est ut sodalitates decuriatique discederent lexque de iis ferretur ut, qui non discessissent, ea poena quae est de vi tenerentur." *Содалиты* были клубами по типу греческих ἑταῖρεῖαι, а *декуриаты*, вероятно, избирательными объединениями.

[1355] Cic. *ad Att. i. 16, 12* (61 г. до н. э.) "senatus consulta duo jam facta sunt odiosa ... unum, ut apud magistratus inquiri liceret, alterum, cujus domi divisores habitarent, adversus rem publicam."

[1356] Liv. ix. 8-12; Plut. *Ti. Gracch. 7; Cic. de Off. iii. 30, 109; Sall. Jug. 39.*

[1357] Sall. *Jug. 39* "senatus ita, uti par fuerat, decernit suo atque populi injussu nullum potuisse foedus fieri."

[1358] Polyb. vi. 14 ὑπὲρ εἰρήνης οὗτος (ὁ δῆμος) βουλευέται καὶ πολέμου. καὶ μὴν περὶ συμμαχίας καὶ διαλύσεως καὶ συνθηκῶν οὗτός ἐστιν ὁ βεβαιῶν ἕκαστα τούτων καὶ κύρια ποιῶν ἢ τοῦναντίον.

[1359] Гадитаны обращаются в сенат с просьбой обновить договор, заключенный с промагистратом в 78 г. до н. э. Цицерон ставит под сомнение его действительность (*pro Balbo* 15, 34) на том основании, что с народом не посоветовались. Этот отрывок иллюстрирует как осуществление сенатом этой власти, так и продолжение спора о ее праве.

[1360] Отсюда и институт *Грекоστάσις*. Варро (*L.L.* v. 165) описывает его как "sub dextra hujus (the Rostra) a comitio locus substructus ubi nationum subsisterent legati, qui ad senatum essent missi; is Graecostasis appellatus a parte ut multa."

[1361] Так нумантийские посланники в 36 г. до н. э. были приняты ἔξω τοῦ τεύχους (Dio fr. 79). Как правило, обращение подавалось ближайшему *императору*, и его представительства могли оказывать таким легатам прием в пределах города. См. Momms. *Staatsr.* iii. 2 p. 1150.

[1362] Liv. *Ep.* xlv. "in commune lex lata est ne cui regi Romam venire liceret". Cp. Polyb. xxx. 17.

[1363] Cic. *ad Q. fr.* ii. 13, 3 "Appius interpretatur ... quod Gabinia sanctum sit, etiam cogi ex Kal. Febr. usque ad Kal. Mart. legatis senatum quotidie dare."

[1364] Polyb. xxii. 24; Liv. xlv. 17.

[1365] О попытке, предпринятой *lex Sempronia* для устранения этой власти, см. с. 201.

[1366] Cic. *ad Fam.* v. 2, 3 (Метеллу Целеру, проконсулу Цизальпинской Галлии, 62 г. до н. э.) "Nihil dico de sortitione vestra: tantum te suspicari volo nihil in ea re per collegam meum me insciente esse factum." Cp. *ad Att.* i. 16, 8.

[1367] Liv. xlv. 13; Dittenberger n. 240. Сенат иногда передавал вопросы, касающиеся внутренних дел этих государств, римским *патронам*, с которыми они вступали в клиентские отношения (Liv. ix. 20; Cic. *pro Sulla* 21, 60).

[1368] *lex de Termessibus* ii. 6 "Nei quis magistratus ... meilites ... introducito ... nisei senatus nominatim ... decreverit."

[1369] Sall. *Jug.* 62 "Metellus propere cunctos senatorii ordinis ex hibernis accersi jubet: eorum et aliorum, quos idoneos ducebat, consilium habet." Cp. с. 104 "Марий... Sullam (квестор) ab Utica venire jubet, item L. Bellienum praetorem, praeterea omnes undique senatorii ordinis, quibuscum mandata Bocchi cognoscit."

[1370] Cic. *ad Att.* ii. 16, 4 "Illud tamen, quod scribit (Q. Cicero, governor of Asia) animadvertas velim, de portorio circumvectionis; ait se de consilii sententia rem ad senatum rejecisse."

[1371] Cic. *de Off.* ii. 22, 76 "tantum in aerarium pecuniae invexit (Paulus) ut unius imperatoris praeda finem attulerit tributorum." Cp. Plut. *Paul.* 38.

[1372] Momms. *Staatsr.* iii. 2 pp. 1112-20.

[1373] Plut. *Ti. Gracch.* 14 οὐδὲν ἔφη τῇ συγκλήτῳ βουλευέσθαι προσήκειν, ἀλλὰ τῷ δήμῳ γνώμην αὐτὸς προθήσειν.

[1374] p. 229.

[1375] Сенат признал недействительными *locationes* цензоров 184 г. до н. э. (Liv. xxxix. 44 "locationes cum senatus precibus et lacrimis publicanorum victus induci et de integro locari

jussisset"). В 60 г. до н. э. азиатские *мытари* тщетно просили отменить их контракты (Cic. *ad Att.* i. 17, 9; ср. ii. 1, 8).

[1376] Дело осушения помптинских болот поручено консулу (Liv. *Ep.* xlv.), строительство акведука - претору (Frontin. *de Aquaed.* 7).

[1377] Cic. *ad Att.* iii. 24.

[1378] Это было необходимо, когда припасы предназначались для армии. См. Sall. *Jug.* 104 "(Rufus) qui quaestor stipendium in Africam portaverat." Сравните с разделом о провинциальном управлении.

[1379] Фраза для открытия этого кредита - *attribuere*. См. Liv. xlv. 16 "ad opera publica facienda cum eis (censoribus) dimidium ex vectigalibus ejus anni (169 B.C.) attributum ex senatus consulto a quaestoribus esset."

[1380] p. 194.

[1381] Cic. *ad Fam.* i. 1 sq.

[1382] Cic. *ad Q. fr.* ii. 6, 4 и 5 (56 г. до н. э.) "consul est egregius Lentulus ... Dies comitiales exemit omnes. Nam etiam Latinae instaurantur: nec tamen deerant supplicationes. Sic legibus perniciosissimis obsistitur."

[1383] В поздней Республике эти периоды благодарения достигали запредельной продолжительности - пятнадцать, двадцать и даже пятьдесят дней (Caes. *Bell. Gall.* ii. 35; iv. 38; Cic. *Phil.* xiv. 11, 29). В этот период *supplicatio* считалась обычной предварительной частью триумфа; но Катон объясняет Цицерону, что так было не всегда (*ad Fam.* xv. 5, 2 "Quodsi triumphi praerogativam putas supplicationem et idcirco casum potius quam te laudari mavis, neque supplicationem sequitur semper triumphus," etc.).

[1384] Cic. *pro Domo* 49, 127 "video ... esse legem veterem tribuniciam quae vetat injussu plebis aedes, terram, aram consecrari." Под *jussus plebis*, вероятно, подразумевается также и *populus*. См. Momms. *Staatsr.* iii. 2 p. 1050.

[1385] Только сенат упоминается как постановление о принятии *Magna Mater* в 205 г. до н. э. и как постановление о возведении ее храма (Liv. xxix. 10 и 11; xxxvi. 36).

[1386] См. с. 56.

[1387] Dionys. ii. 72; Liv. i. 32; ср. Plin. *H.N.* xxii. 2.

[1388] Polyb. iii. 25; Liv. i. 24. Однако церемонии, которые они описывают, различны. В той, что описана Полибием, камень имеет пассивное значение; жрец бросает его от себя и молится: "Пусть я буду изгнан, если нарушу клятву, как этот камень сейчас". В описании Ливия "свинья представляет клятвопреступника, а кремневый нож - орудие божественного возмездия" (Strachan-Davidson's Polybius, *Proleg.* viii.), и Юпитер здесь поражает *народ*, который не соблюдает договор. Возможно, эти две формы ритуала использовались в разных видах договоров; первая, возможно, в торговых договорах, вторая - в соглашениях, завершающих войну.

[1389] Liv. iv. 17; Middleton *Ancient Rome* i. p. 245.

[1390] Liv. v. 36.

[1391] См. с. 283.

[1392] Liv. xxii. 61.

[1393] Varro *L.L.* v. 3 "multa verba aliud nunc ostendunt, aliud ante significabant, ut hostis: nam tum eo verbo dicebant peregrinum qui suis legibus uteretur, nunc dicunt eum quem tum dicebant perduellem." Cp. Cic. *de Off.* i. 12, 37.

[1394] p. 284.

[1395] Polyb. iii. 22.

[1396] "Aeduos, fratres consanguineosque saepe numero a senatu appellatos" (Caes. *B.G.* i. 33).

[1397] Cp. с. 284 об этом правиле и об исключении из него, сделанном в 166 г. до н.э.

[1398] В первом договоре с Карфагеном римским торговцам предоставляются два вида правового удовлетворения. В Ливии и Сардинии государство гарантирует долг; в сицилийских городах под карфагенским протекторатом римляне и карфагеняне находятся в равных условиях (Polyb. iii. 22).

[1399] Hartmann (O. E.) *Der ordo judiciorum und die judicia extraordinaria der Römer* Thl. i. pp. 229 ff.

[1400] Festus p. 274 "Reciperatio est, ut ait Gallus Aelius, cum inter populum et reges nationesque et civitates peregrinas lex convenit quomodo per reciperatores reddantur res reciperenturque resque privatas inter se persequantur." См. Keller *Civilprocess* p. 36; Rudorff *Rechtsgeschichte* ii. p. 34.

[1401] p. 207.

[1402] В договоре, предположительно принадлежащем перу Спурия Кассия и датированном 493 г. до н.э. находим следующее положение: τῶν τ' ἰδιωτικῶν συμβολαίων αἱ κρίσεις ἐν ἡμέραις γιγνέσθωσαν δέκα, παρ' οἷς ἂν γένηται τὸ συμβόλαιον (Dionys. vi. 95).

[1403] Dionys. iii. 34, 51.

[1404] *ib.* vi. 95; Festus p. 241.

[1405] Dionys. viii. 70, 74.

[1406] p. 295.

[1407] App. *B.C.* i. 23. Дионисий (viii. 72) говорит о латинах и эрниках, пользующихся правом голоса (ψηφοφορία) в Риме в 486 г. до н. э. Но невозможно, чтобы они были зачислены в веки, которые были списком римской армии, и ни одно собрание племен еще не получило государственного признания.

[1408] Dionys. viii. 69, 72, 74.

[1409] Ливий, приписывая Тускулум *civitas* (vi. 26) и называя тускуланцев *cives* (vi. 36), похоже, подразумевает, что они были полноправными гражданами. В таком случае город не мог быть с самого начала *муниципалитетом*, название которого он носит позже ("municipium antiquissimum" Cic. *pro Planc.* 8, 19). Фест, однако (стр. 127), включает Тускулум в число государств с *civitas sine suffragio*, то есть в число настоящих *municipia*, и мы знаем, что Ливий (х. 1) использует *civitas* для *civitas sine suffragio*. В 319 г. до н. э. сатриканцы *становятся*

римскими cives (Liv. ix. 16). Сатрикум ранее входил в число тридцати латинских городов (Dionys. v. 61).

[1410] Liv. viii. 14 "Ceteris Latinis populis (т. е. кроме тех, с кем были заключены особые соглашения) conubia commerciaque et concilia inter se ademerunt."

[1411] Liv. ix. 43 "Hernicorum tribus populis, Aletrinati, Verulano, Ferentinati, quia maluerunt quam civitatem, suae leges redditae; conubiumque inter ipsos, quod aliquamdiu soli Hernicorum habuerunt, permissum. Anagninis, quique arma Romanis intulerant, civitas sine suffragii latione data: concilia conubiaque adempta, et magistratibus, praeterquam sacrorum curatione, interdictum."

[1412] p. 299.

[1413] Dionys. vii. 13; Plut. *Cor.* 13.

[1414] Hyginus p. 176 "cum signis et aquila et primis ordinibus ac tribunis deducebantur"; Tac. *Ann.* xiv. 27 "non enim, ut olim, universae legiones deducebantur cum tribunis et centurionibus et sui cujusque ordinis militibus."

[1415] Varro *L.L.* v. 143; Serv. ad *Aen.* v. 755.

[1416] Liv. xxvii. 38 (207 г. до н. э.) "colonos etiam maritimos, qui sacrosanctam vacationem dicebantur habere, dare milites cogebant"; xxxvi. 3 (191 г. до н. э.) "contentio orta cum colonis maritimis ... nam, cum cogherentur in classem, tribunos plebei appellarunt."

[1417] Cic. *pro Balbo* 11, 28; *pro Caec.* 34, 100.

[1418] p. 203.

[1419] Festus p. 233 "Praefecturae eae appellabantur in Italia, in quibus et jus dicebatur et nundinae agebantur; et erat quaedam earum res publica, neque tamen magistratus suos habebant; in quas legibus praefecti mittebantur quodannis, qui jus dicerent. Quorum genera fuerunt duo: alterum, in quas solebant ire praefecti quattuor, [qui] viginti sex virum numero populi suffragio creati erant ... alterum, in quas ibant quos praetor urbanus quodannis in quaeque loca miserat legibus." Среди *префектур*, которые он перечисляет, - римские колонии Вольтурнум, Литернум, Путеолы и Сатурния.

[1420] Liv. viii. 14 "Campanis ... Fundanisque et Formianis ... civitas sine suffragio data. Cumanos Suessulanosque ejusdem juris conditionisque, cujus Capuam, esse placuit." Об Ателле и Калатии см. Фестус стр. 131, 233.

[1421] Liv. x. 1.

[1422] *ib.* ix. 43, цитируется с. 299.

[1423] Festus p. 131 "municipes erant qui ex aliis civitatibus Romam venissent, quibus non licebat magistratum capere sed tantum muneris partem, ut fuerunt Cumani, Acerrani, Atellani, qui et cives Romani erant et in legione merebant, sed dignitates non capiebant"; cf. p. 127 "participes ... fuerunt omnium rerum ad munus fungendum una cum Romanis civibus praeterquam de suffragio ferendo aut magistratu capiendo." Слова "qui ex aliis civitatibus Romam venissent" в первом определении не описывают *муниципалитеты* исторических времен; они указывают на возможное происхождение этого института. Сначала эти права обуславливались домицилием в Риме, но впоследствии это условие было отменено".

[1424] p. 235.

[1425] Festus p. 233, цитируется p. 302.

[1426] Liv. viii. 14.

[1427] *ib.* xxiv. 19; xxvi. 6.

[1428] Язык Ливия заставляет сомневаться в том, что он считает, что *foedus* сохранялся после присвоения *civitas*. Это разные стадии прав, но он может иметь в виду их совокупность. В xxxi. 31 мы читаем: "cum... ipsos (Campanos) foedere primum, deinde conubio atque cognationibus, postremo civitate nobis conjunxissemus" (ср. xxiii. 5). Под "*civitas*" здесь, вероятно, подразумевается полное гражданство, предоставляемое отдельным капуанцам. О них говорят как о *socii* в 216 г. до н. э. (xxiii. 5), и хотя это слово иногда употребляется вольно, в прямом смысле оно гармонирует с большими конституционными привилегиями города.

[1429] Как в Арпинуме (Cic. *ad Fam.* xiii. 11, 3).

[1430] Festus p. 127 "quorum civitas universa in civitatem Romanam venit."

[1431] Он не обладал никакой магистратурой для светских целей (Liv. ix. 43 "magistratibus, praeterquam sacrorum curatione, interdictum").

[1432] "in ditionem" (Liv. xxxvii. 45), "in potestatem" (xxxix. 54).

[1433] "in fidem" (*ib.* viii. 2).

[1434] Polyb. xx. 9, 12 παρὰ Ῥωμαίοις ἰσοδυναμεῖ τό τε εἰς τήν πίστιν αὐτὸν ἐγχειρίσαι καὶ τὸ τήν ἐπιτροπὴν δοῦναι περὶ αὐτοῦ τῷ κρατοῦντι.

[1435] Gell. x. 3, 19.

[1436] *Dig.* 49, 15, 7, 1 "liber populus est is qui nullius alterius populi potestati est subjectus".

[1437] *Lex Antonia de Termessibus* i. 8.

[1438] Plin. *Ep. ad Traj.* 92 (93).

[1439] Cic. *in Verr.* iii. 6, 13; ср. App. *B.C.* i. 102 (ἐπὶ συνθήκαις ἔνορκοι).

[1440] *Dur.* 49, 15, 7, 1 "hoc adjicitur, ut intellegatur alterum populum superiorem esse, non ut intellegatur alterum non esse liberum." Ср. Cic. *pro Balbo* 16, 35 "Id habet hanc vim, ut sit ille in foedere inferior."

[1441] *Dig.* l.c. "is foederatus est item sive aequo foedere in amicitiam venit sive foedere comprehensum est ut is populus alterius populi majestatem comiter conservaret."

[1442] *Lex Agraria* 1. 21 "socii nominisve Latini, quibus ex formula togatorum [milites in terra Italia imperare solent]."

[1443] Liv. xxii. 57; xxvii. 10 "milites ex formula paratos esse".

[1444] Необходимое количество войск ежегодно определялось сенатом (Liv. xli. 5 и др.), консулы устанавливали количество, которое каждое государство должно было отправить пропорционально своей боевой силе.

[1445] Cic. *pro Balbo* 9, 24.

[1446] Cic. *pro Balbo* 8, 21 "innumerabiles aliae leges de civili jure sunt latae; quas Latini voluerunt, adsciverunt."

[1447] Liv. xxxv. 7 (193 г. до н. э.) "M. Sempronius tribunus plebis ... plebem rogavit plebesque scivit ut cum sociis ac nomine Latino creditae pecuniae jus idem quod cum civibus Romanis esset." Этот закон был принят в связи с тем, что римские кредиторы избегали ростовщических законов, используя итальянцев в качестве своих агентов.

[1448] Macrob. *Sat.* iii. 17, 6.

[1449] Cic. *pro Balbo* 8, 20 "foederatos populos fieri fundos oportere ... non magis est proprium foederatorum quam omnium liberorum." О формуле принятия ("fundi-i.e. auctores-facti sunt") см. Festus p. 89.

[1450] Cic. *pro Balbo* 24, 54 "Latinis, id est foederatis".

[1451] Различие выражено в знакомых *socii ac nominis Latini* (Liv. xli. 8), *socii et Latium* (Sall. *Hist.* i. 17), и, возможно, в *socii Latini nominis*, если это последнее выражение следует рассматривать как асиндетон.

[1452] Эти двенадцать колоний с датами их основания: Ариминум (268 г. до н. э.), Беневентум (268 г.), Фирмум (264 г.), Эзерния (263 г.), Брундизий (244 г.), Сполетиум (241 г.), Кремона и Плацентия (218 г.), Копия (193 г.), Валентия (192 г.), Бонония (189 г.), Аквилея (181 г.).

[1453] Позднейшие латинские колонисты по праву не имели *конубиума* с Римом (Ulp. *Reg.* v. 4 "Conubium habent cives Romani cum civibus Romanis; cum Latinis autem et peregrinis ita si concessum sit"). Возможно, изменения произошли с этой последней вспышкой латинской колонизации в Италии; но, возможно, они произошли так же поздно, как и распространение *latinitas* на провинции. О праве *торговли*, которым обладали эти колонии, см. Cic. *pro Caes.* 35, 102 "jubet enim (Sulla Volaterranos) eodem jure esse quo fuerint Ariminenses, quos quis ignorat duodecim coloniarum fuisse et a civibus Romanis hereditates capere potuisse?"

[1454] Аппиан (*B.C.* i. 23), говоря о предложении К. Гракха расширить гражданство, предлагает латинское право $\psi\eta\phi\omicron\nu\ \acute{\epsilon}\nu\ \tau\alpha\iota\varsigma\ \rho\omega\mu\alpha\iota\acute{\omega}\nu\ \chi\epsilon\iota\rho\omicron\tau\omicron\nu\acute{\iota}\alpha\varsigma\ \phi\acute{\epsilon}\rho\epsilon\iota\nu$. Ливий, ссылаясь на 212 год до н. э., говорит о *sortitio* в отношении племени или племен, в которых латиняне должны голосовать (xxv. 3, в суде над Постумием "sitella ... lata est ut sortirentur ubi Latini suffragium ferrent").

[1455] Liv. xli. 8 "Lex sociis ac nominis Latini, qui stirpem ex sese domi relinquerent, dabat ut cives Romani fierent."

[1456] Это был *латинум*, данный Цизальпинской Галлии в 89 г. до н. э. по закону консула Кн. Помпея Страбона. Ascon. *in Pison.* p. 3 "Pompeius enim non novis colonis eas (Transpadanas colonias) constituit, sed veteribus incolis manentibus jus dedit Latii, ut possent habere jus quod ceterae Latinae coloniae, id est ut gerendo magistratus civitatem Romanam adipiscerentur." Следовательно, когда Цезарь вновь основал Комум в этом округе, в соответствии с *lex Vatinia* (59 г. до н.э.), новый *civitas* обладал этим правом (App. *B.C.* ii. 26).

[1457] *Lex Acilia* l. 77; Cic. *pro Balbo* 24, 54. Вероятные даты этих законов - 122 и 111 гг. до н. э. соответственно.

[1458] Союзники перед социальной войной считали своей главной жалобой "per omnes annos atque omnia bella duplici numero se militum equitumque fungi" (Vell. ii. 15).

[1459] Liv. xlii. 1 "(L. Postumius Albinus) ... literas Praeneste misit, ut sibi magistratus obviam exiret, locum publice pararet, ubi deverteretur, jumentaue, cum exiret inde, praesto essent. Ante hunc consulem nemo unquam sociis in ulla re oneri aut sumptui fuit ... Injuria consulis ... et silentium ... Praenestinatorum jus, velut probato exemplo, magistratibus fecit graviorum in dies talis generis imperiorum."

[1460] C. Gracchus ap. Gell. x. 3, 3.

[1461] App. B.C. i. 21 и 34. Согласно Валерию Максиму (ix. 5, 1), Флакк предлагал давать *провокацию* тем, "qui civitatem mutare noluissent."

[1462] App. B.C. i. 23. Плутарх делает это простым предложением о гражданстве для союзников (C. Gracch. 5). Географические границы этих предложенных расширений неизвестны. Веллеус (ii. 6) туманно замечает по поводу закона Гракхов: "dabat civitatem omnibus Italicis, extendebat eam paene usque Alpibus."

[1463] App. B.C. i. 35; он обещал вновь ввести закон περί τῆς πολιτείας. Liv. Ep. lxxi. "socios et Italicos populos spe civitatis Romanae sollicitavit"; Vell. ii. 14 "Tum conversus Drusi animus ... ad dandam civitatem Italiae."

[1464] Diod. xxxvii. 2.

[1465] Ср. слова Понтия Телесина, самнитского лидера в позднейшей борьбе у ворот Коллины (Vell. ii. 27): "eruendam delendamque urbem ... nunquam de futuros raptores Italicae libertatis lupos, nisi silva, in quam refugere solerent, esset excisa." Это, однако, выражение скорее самнитского, чем итальянского чувства.

[1466] App. B.C. i. 49; Cic. pro Balbo 8, 21.

[1467] Известен только один пункт этого закона - тот, в котором *гражданство* предоставлялось *инколам*, занесенным в реестры федеративных общин; они получали гражданство, если в течение шестидесяти дней обращались к претору (Cic. pro Arch. 4, 7). Трудно поверить, что это обременительное правило распространялось на граждан городов.

[1468] О постепенном характере инкорпорации свидетельствует выражение Веллея (ii. 16): "paulatim deinde recipiendo in civitatem, qui arma aut non ceperant aut deposuerant maturius, vires refectae sunt."

[1469] Vell. ii. 20 "Itaque cum ita civitas Italiae data esset, ut in octo tribus contribuerentur novi cives, ne potentia eorum et multitudo veterum civium dignitatem frangeret plusque possent recepti in beneficium quam auctores beneficii, Cinna in omnibus tribubus eos se distributurum pollicitus est." Аппиан (B.C. i. 49), кажется, говорит о создании десяти новых племен (δεκατεύοντες ἀπέφηναν ἑτέρας ἐν αἷς ἐχειροτόνουν ἑσχατοί). Попытка примирить эти рассказы, предположив, что они относятся к разным классам союзников или являются соответствующими продуктами двух законодательных актов (Kubitschek *Imp. Rom. trib. descr.*; Beloch *der Italische Bund*), получает некоторую эпиграфическую поддержку, но опирается либо на исправление текста Аппиана, либо на предположение, что его рассказ относится к десяти *старым* племенам.

[1470] Liv. Ep. 84 "Novis civibus senatus consulto suffragium datum est", небрежная фраза эпитомиста или переписчика для распределения по племенам (Drakenborch). Сулла, несмотря на отмену прав некоторых мятежных городов, не нарушил эту договоренность.

[1471] Август разработал план предоставления сенатам (*декурионам*) двадцати восьми колоний, которые он основал в Италии, права голосовать за магистратов в Риме. Они должны были посылать свои голоса за печатью (Suet. *Aug.* 46).

[1472] Liv. xxxviii. 36.

[1473] Цицерон говорит, что его дед во время или незадолго до консульства Скавра (115 г. до н. э.) "restitit M. Gratidio ... ferenti legem tabellariam" (*de Leg.* iii. 16, 36).

[1474] *C.I.L.* i. p. 163.

[1475] Сохранился фрагмент конституции Тарентума, датируемый, по-видимому, временем, недолгим после *lex Julia* 90 г. до н. э. (*Fragmentum Tarentinum* в *L'Année Épigraphique*, 1896, pp. 30, 31). Арпинум подвергнулся реорганизации в 46 г. до н. э. (Cic. *ad Fam.* xiii. 11, 3).

[1476] Cic. *in Verr.* v. 13, 34 "unum illud, quod ita fuit illustre notumque omnibus, ut nemo tam rusticanus homo L. Lucullo et M. Cotta consulibus (74 B.C.) Romam ex ullo municipio vadimonii causa venerit quin sciret jura omnia praetoris urbani nutu ... Chelidonis ... gubernari."

[1477] Ascon. *in Pison.* p. 8.

[1478] Это подтверждается как попыткой Красса, как цензора в 65 г. до н.э., внести транспаданцев в реестр граждан (Dio Cass. xxxvii. 9), так и комментарием Цицерона о действиях Марцелла, который бичевал гражданина Новум Комума в 51 г. до н.э. (Cic. *ad Att.* v. 11, 2 "Marcellus foede in Comensi: etsi ille magistratum non gesserit, erat tamen Transpadanus").

[1479] Dio Cass. xli. 36.

[1480] Cic. *ad Att.* v. 2, 3 "eratque rumor de Transpadanis, eos jussos Illviro creare. Quod si ita est, magnos motus timeo."

[1481] App. *B.C.* v. 3 τὴν τε γὰρ Κελτικὴν τὴν ἐντὸς Ἰαλπεῶν ἐδόκει Καίσαρος ἀξιοῦντος (т.е. Октавиан после Филиппов) αὐτόνομον ἀφίεναι, γνώμῃ τοῦ προτέρου Καίσαρος. Ср. iii. 30 и Dio Cass. xlviii. 12.

[1482] Название, данное округу в законе *Gallia Cisalpeina*, *Gallia cis Alpeis* (сс. 22 и 23), одинаково хорошо подходит для обеих эпох, поскольку Цезарь не сделал его частью Италии. То, что *praetor urbanus* является центральной юрисдикционной инстанцией (сс. 21 и 22), больше подходит для эпохи Августа.

[1483] *Lex Rubria* сс. 21 и 22. О *вадимонии* см. Cic. *in Verr.* v. 13, 34 (цит. с. 313).

[1484] Обычно *quattuorviri*, эта коллегия обычно делится на двух магистратов с высшей юрисдикцией (*duumviri juri dicundo*) и двух полицейских чиновников (*duumviri aediles*). Иногда мы встречаем *Illviri dicundo*, возможно, обозначение объединенной коллегии, или, если речь идет только о магистратах с эдиловой властью, *Illviri aediles* или *aedilicia potestate*. См. Wilmanns *Index* pp. 620-622.

[1485] *Lex Julia mun.* l. 84. Ср. Cic. *in Pis.* 22, 51 "neque enim regio ulla fuit, nec municipium neque praefectura aut colonia, ex qua non ad me publice venerint gratulatum."

[1486] Wilmanns *Index* p. 618.

[1487] Сицилия, Сардиния, Ветвь и Дальняя Испания, Иллирика, Македония и Ахея (отделенные Цезарем), Африка, Азия, Галлия Нарбоненсис, Галлия Цизальпина, Вифиния, Киринея с Критом, Киликия и Сирия.

[1488] Это число приводит Плиний (*H.N.* iii. 88). Во времена Цицерона их было примерно столько же. Он говорит о назначении 130 цензоров (*в Verr.* ii. 55, 137), по два на каждое государство (*ib.* 53, 133).

[1489] Cassiodorus *Chron.* ad A.U.C. 670 "Asiam in XLIII. regiones Sulla distribuit."

[1490] Тас. *Ann.* iii. 44. Это деление может быть делом рук Августа.

[1491] pp. 244, 283.

[1492] p. 245.

[1493] За исключением того, что право собственности на землю не всегда, как в Италии, является основанием для освобождения от налогов. Только вольный город Термесс в Писидии получил "свободное владение".

[1494] См. *lex Antonia de Termessibus* (71 г. до н. э.), особенно положение, предоставляющее автономию "в той мере, в какой это согласуется с настоящим уставом" (i. l. 7 "eique legibus sueis ita utunto ... quod advorsus hanc legem non fiat").

[1495] Cic. *de Prov. Cons.* 3, 6. Об ослаблении этого уважения к αὐτονομία в Цицероновский период и попытке Цезаря укрепить его законом (вероятно, *lex Julia repetundarum* от 59 г. до н. э.) см. Cic. *в Verr.* iii 89, 207; *в Pis.* 16, 37 ("lege Caesaris justissima atque optima populi liberi plane et vere erant liberi").

[1496] Festus p. 218.

[1497] Cic. *in Verr.* ii. 13, 32; 15, 37; 16, 39; 24, 59.

[1498] Liv. xlv. 17 и 32.

[1499] Plin. *ad Traj.* 79 (83), 1.

[1500] Как это делал Цицерон в своем управлении Киликией. См. *ad Att.* vi. 2, 4 "omnes (civitates), suis legibus et judiciis usae, αὐτονομίαν adeptae, revixerunt"; vi. 1, 15 "multaque sum secutus Scaevolae (правитель Азии около 98 г. до н. э.); in iis illud, in quo sibi libertatem censent Graeci datam, ut Graeci inter se disceptent suis legibus ... Graeci vero exsultant quod peregrinis iudiciis utuntur."

[1501] Это мы можем понять из рассказа Цицерона о разбирательстве дел местных магистратов в Киликии (*ad Att.* vi. 2, 5 "Mira erant in civitatibus ipsorum furta Graecorum, quae magistratus sui fecerant: quaesivi ipse de iis, qui annis decem proximis magistratum gesserant; aperte fatebantur").

[1502] При завоевании Эпира в 167 г. до н. э., хотя все иллирийцы были объявлены свободными, только некоторые были объявлены "non solum liberi sed etiam immunes" (Liv. xlv. 26).

[1503] Cp. Тас. *Hist.* iv. 74 "nam neque quies gentium sine armis neque arma sine stipendiis neque stipendia sine tributis haberi queunt."

[1504] Liv. xlv. 29.

[1505] Cic. *pro Leg. Man.* 6, 14 "ceterarum provinciarum vectigalia, Quirites, tanta sunt ut iis ad ipsas provincias tutandas vix contenti esse possimus, Asia vero tam opima est et fertile ut ... facile omnibus terris antecellat."

[1506] Gaius ii. 7 "in eo (provinciali) solo dominium populi Romani est vel Caesaris, nos autem possessionem tantum vel usumfructum habere videmur." Эта теория, возможно, так же стара, как и период Гракхов. Ассоциация К. Гракха с азиатскими налогами и цензором (см. с. 231), должно быть, во многом способствовала ее развитию. Неудивительно, что эта теория привела к мнению, что провинции были "quasi quaedam praedia populi Romani" (Cic. *in Verr.* ii. 3, 7).

[1507] Эти выражения известны только из литературы Империи; возможно, это просто случайность, что в республиканской литературе *tributum*, кажется, никогда не используется для обозначения имперского налогообложения. Предпочтительнее форма *stipendium*. В Liv. xxiii. 32 упоминается *трибут* Сардинии, относящийся к республиканским временам. *venditio tributorum* и ὠνάι в Киликии (Cic. *ad Fam.* iii. 8, 5; *ad Att.* v. 16, 2), вероятно, относятся к местным налогам, неправоммерно проданным *publicani*.

[1508] Liv. xliii. 2 "(Hispani) impetraverunt ne frumenti aestimationem magistratus Romanus haberet."

[1509] p. 319.

[1510] Cic. *in Verr.* iii. 33, 77.

[1511] *ib.* ii. 13, 32; 26, 63 и т. д.

[1512] *ib.* iii. 6, 12 "inter Siciliam ceterasque provincias ... in agrorum vectigalium ratione hoc interest, quod ceteris aut impositum vectigal est certum ... aut censoria locatio constituta est, ut Asiae lege Sempronia."

[1513] Cp. Cic. *ad Q. fr.* i. 1, 11, 33 "nomen autem publicani aspernari non possunt, qui pendere ipsi vectigal sine publicano non potuerint, quod iis aequaliter Sulla discripserat." Речь идет о временной отмене Суллой гракханского принципа сбора.

[1514] App. *B.C.* v. 4; Dio Cass. xlii. 6.

[1515] Об условиях продажи провинциальных *порторий*, например, были ли азиатские портории выставлены в Риме, как *и декумы*, ничего не известно.

[1516] Cic. *in Verr.* iii. cc. 81-96, 188-222.

[1517] Cic. *in Verr.* iii. 70, 163. Cp. Liv. xxxvi. 2 "idem L. Oppio de alteris decumis exigendis in Sardinia imperatum". Иногда такая принудительная продажа кукурузы (*frumentum imperatum*) требовалась от свободных городов, таких как Халеза, Центурипа и Мессана в Сицилии (Cic. *in Verr.* iii 73, 170; iv. 9, 20).

[1518] pp. 201, 202.

[1519] p. 201.

[1520] Sall. *Jug.* 27; Cic. *de Prov. Cons.* 2, 3; *pro Domo* 9, 24.

[1521] Cic. *ad Fam.* i. 9, 25.

[1522] Ср. Cic. *de Prov. Cons.* 15, 87 (если консул 55 г. до н. э. сменил Цезаря 1 марта 54 г. до н. э.) "Fuerit toto in consulatu sine provincia, cui fuerit, antequam designatus est, decreta provincia? Sortietur, an non? Nam et non sortiri absurdum est, et quod sortitus sis non habere. Proficiscetur paludatus? Quo? Quo pervenire ante certam diem non licebit. Januario, Februario provinciam non habebit. Kalendis ei denique Martiis nascetur repente provincia."

[1523] Cic. *ad Fam.* i. 9, 25; xii. 4, 2.

[1524] Cic. *in Verr.* i. 13, 34 "pecunia attributa, numerata est. Profectus est quaestor in provinciam (Verres). Venit exspectatus in Galliam ad exercitum consularem cum pecunia."

[1525] *Rationes referre* (Cic. *in Verr.* i. 13, 36). В соответствии с *lex Julia* (возможно, *repetundarum*) Цезаря, счета должны были храниться в *аэрарии*, а две копии - в двух городах провинции (Cic. *ad Fam.* v. 20, 2; Plut. *Cato Min.* 38).

[1526] p. 215.

[1527] Cic. *in Verr.* iii. 58, 134 "Quaestores, legatos ... multi missos fecerunt et de provincia decedere jusserunt, quod illorum culpa se minus commode audire arbitrarentur aut quod peccare ipsos aliqua in re judicarent."

[1528] Переход отмечен в 169 г. до н. э. (Liv. xlv. 18 "Senatus Cn. Servilio consuli negotium dedit, ut is in Macedoniam, quos L. Aemilio videretur, legaret").

[1529] Цицерон делегирует даже юрисдикцию одному из своих *комитов*, Волусию (*ad Att.* v. 21, 6). Другими членами его свиты были его сын Марк и брат Квинт. Об этих приближенных правителя говорили как о *contubernales*, *cohors amicorum*, даже как о *cohors praetoria* (Cic. *ad Q. fr.* i. 1, 4, 12), хотя этот титул правильно было применять к военной гвардии правителя.

[1530] p. 319, прим. 2.

[1531] Cic. *in Verr.* ii. 13, 32 "Siculi hoc jure sunt ut, quod civis cum cive agat, domi certet suis legibus."

[1532] *ib.* "quod Siculus cum Siculo non ejusdem civitatis (agat), ut de eo praetor judices ex P. Rupilii decreto ... sortiatur."

[1533] Возможно, однако, что принятый здесь принцип заключался в том, что *judex* должен быть гражданином ответчика.

[1534] Cic. *l.c.* "quod privatus a populo petit aut populus a privato, senatus ex aliqua civitate, qui judicet, datur, cum alternae civitates rejectae sunt."

[1535] *ib.* "quod civis Romanus a Siculo petit, Siculus judex datur, quod Siculus a civi Romano, civis Romanus datur."

[1536] *ib.* "ceterarum rerum selecti judices ex conventu civium Romanorum proponi solent."

[1537] Cic. *ad Att.* vi. 1, 15 "multaque sum secutus Scaevolae; in iis illud, in quo sibi libertatem censent Graeci datam, ut Graeci inter se disceptent suis legibus ... Graeci vero exsultant quod peregrinis iudiciis utuntur"; *ad Att.* vi. 2, 4 "omnes (civitates), suis legibus et iudiciis usae, αὐτονομίαν adeptae, revixerunt."

[1538] "Edictum Siciliense" (Cic. *in Verr.* i. 45, 117).

[1539] Крайние изменения могли стать поводом для жалобы отъезжающего правителя. Так, Цицерон пишет из Киликии (50 г. до н. э.) "Appius enim ad me ex itinere bis terve ... literas miserat, quod quaedam a se constituta rescinderem" (*ad Att.* vi. 1, 2).

[1540] Cic. *ad Fam.* iii. 8, 4.

[1541] Так, Цицерон, наместник Киликии, в некоторых отношениях следовал эдикту Муция Скаэвола, бывшего наместника Азии (Cic. *ad Att.* vi. 1, 15).

[1542] Cic. *ad Att.* vi. 1, 15 "unum (genus) est provinciale, in quo est de rationibus civitatum, de aere alieno, de usura, de syngraphis; in eodem omnia de publicanis. Alterum, quod sine edicto satis commode transigi non potest, de hereditatum possessionibus, de bonis possidendis vendendis, magistris faciendis: quae ex edicto et postulari et fieri solent. Tertium, de reliquo jure dicundo ἄγραφοι reliqui. Dixi me de eo genere mea decreta ad edicta urbana accommodaturum."

[1543] Cic. *ad Fam.* iii. 8, 6.

[1544] Cic. *ad Att.* v. 21, 9.

[1545] Cic. *ad Att.* v. 20, 1; *ad Fam.* iii. 8, 4 и 5.

[1546] Suet. *Caes.* 7 "Quaestori (Caesari) ulterior Hispania obvenit; ubi cum, mandatu praetoris, jure dicundo conventus circumiret, etc.". Квесторская юрисдикция была более частой в Сицилии, чем в других провинциях, из-за присутствия второго квестора в Лилибее.

[1547] Cic. *ad Fam.* xii. 30, 7 "Illud non nimium probo quod scribis ... te tuis etiam legatis lictores ademisse."

[1548] Таким образом, Веррес отменяет либо решение, либо исполнение решения, вынесенного его квестором (Cic. *Div. in Caes.* 17, 56 "Lilybaeum Verres venit postea: rem cognoscit: factum improbat: cogit quaestorem suum pecuniam ... adnumerare et reddere").

[1549] Возможно, некоторые виды уголовной юрисдикции были гарантированы городам *lex provinciae*. Сенат Катины в Сицилии судил раба (Cic. *in Verr.* iv. 45, 100).

[1550] Cic. *in Verr.* i. 33, 84 (об эмеуме в Лампсаке) "Non te ad senatum causam deferre ... non eos homines, qui populum concitarant, consulum literis evocandos curare oportuit?"

[1551] Собор, однако, не был юридически необходимым. Ср. Cic. *in Verr.* ii. 30, 75 "Reus plorare ... ut cum consilio cognosceret."

[1552] *ib.* ii. 29, 70; 30, 75.

[1553] *ib.* ii. 30, 75 "hominem innocentem de sententia scribae, medici haruspicisque condemnat."

[1554] Об угрозе смертной казни римскому гражданину см. Cic. *ad Q. fr.* i. 2, 5; о ее очевидном исполнении - Diod. xxxvii. 5, 2.

[1555] Cic. *in Verr.* v. 66, 170 "Facinus est vincere civem Romanum; scelus, verberare: prope parricidium, necare: quid dicam in crucem tollere?". Cf. *pro Rab.* 5, 17.

[1556] См. с. 285.

[1557] Cic. *de Rep.* v. 6, 8 (*ad Att.* viii. 11, 1); v. 7, 9.

[1558] p. 224.

[1559] p. 314.

[1560] Цезарь сократил число получателей кукурузного дола с 320 000 до 150 000 (Suet. *Caes.* 41). В княжестве оно составляло около 200 000. См. Marquardt *Staatsverw.* ii. p. 118.

[1561] p. 312.

[1562] p. 311.

[1563] Правда, принцепс часто назначался армией, а не войском.

[1564] Dio Cass. xlii. 20. Диктатура 49 г. до н. э. продержалась всего одиннадцать дней и, вероятно, была дарована просто *comitiorum habendorum causa*. См. с. 193.

[1565] Dio Cass. xliii. 14 и 33. Это было истолковано как диктатура *rei publicae constituendae causa*.

[1566] *C.I.L.* i. p. 452.

[1567] Plut. *Caes.* 61; *Ant.* 12; Cic. *Phil.* ii. 34, 85.

[1568] Ср. Cic. *ad Fam.* xi. 27, 8 "si Caesar rex fuerit ... quod mihi quidem videtur."

[1569] Dio Cass. xliii. 44. Цезарь, вероятно, использовал его после своего имени, а не в качестве *прегеномена*, как утверждает Суетоний (*Caes.* 76). Оно стало при нем своего рода *когноменом*, и Август, унаследовавший его, изменил его положение в порядке имен.

[1570] Dio Cass. xliii. 14.

[1571] Cic. *ad Fam.* xii. 1, 1 "nam, ut adhuc quidem actum est, non regno, sed rege liberati videmur."

[1572] *Monumentum Ancyranum* i. 8-9 "Populus ... me ... trium virum rei publicae constituendae creavit."

[1573] App. *B.C.* v. 95.

[1574] *Mon. Anc.* vi. 13-15 "In consulatu sexto et septimo, bella ubi civilia exstinxeram, per consensum universorum potitus rerum omnium, rem publicam ex mea potestate in senatus populi que Romani arbitrium transtuli."

[1575] Dio Cass. xlix. 15.

[1576] Tac. *Ann.* iii. 28 "sexto ... consulatu ... quae triumviratu jusserat abolevit."

[1577] Ср. Tac. *Ann.* i. 2 "posito triumviri nomine".

[1578] *Mon. Anc.* l.c.

[1579] *ib.* vi. 16 (после слов на с. 338 прим. 4) "Quo pro merito meo senatus consulto Aug. appellatus sum."

[1580] Dio Cass. liii. 12. Август использует выражение *consulare imperium* для обозначения своей должности в это время (*Mon. Anc.* ii. 5, 8). Она напоминала проконсульское командование, но осуществлялась в пределах города. Сравните положение Помпея в 52 г. до н. э.

[1581] Strabo p. 840 ἡ πατρὶς ἐπέτρεψεν αὐτῷ τὴν προστασίαν τῆς ἡγεμονίας καὶ πολέμου καὶ εἰρήνης κατέστη κύριος διὰ βίου.

[1582] В Календаре на 13 января (день поселения) мы находим "quod rem publicam P. R. restituit" (C.I.L. i. p. 312). Ср. Ovid *Fasti* i. l. 589 "redditaque est omnis populo provincia nostro"; Vell. ii. 89 "prisca illa et antiqua rei publicae forma revocata".

[1583] Dio Cass. lii. 1 ἐκ δὲ τούτου μοναρχεῖσθαι αὐτοῖς ἀρκιβῶς ἤρξαντο. В *Cenotaphia Pisana* (A.D. 2) ii. l. 12 Август называется "custos imperi Romani totiusque orbis terrarum praeses" (Wilmanns n. 883).

[1584] Dio Cass. liii. 32.

[1585] Dio Cass. liii. 32.

[1586] Dio Cass. liv. 10.

[1587] *ib.* liii 32.

[1588] C.I.L. vi. n. 930. Он описывает себя как закон и обычно известен как *lex de imperio Vespasiani*. Но его формулировка больше похожа на формулировку *senatus consultum*. См. Mommsen *Staatsrecht* ii. p. 878.

[1589] *Vitae Macrini* 7; *Alexandri* 8; *Probi* 12; *Maximi et Balbini* 8.

[1590] "Dato imperio" (*Vita Veri* 4), "accepit imperium" (*Vita Alexandri* 1). Возможно, однако, что это просто ссылки на получение титула *императора*; ср. *Vita Iuliani* 3 "imperator est appellatus"; *Vita Probi* 12 "nomen imperatorium". Мнение о том, что всегда существовал *lex de imperio*, см. в Karlowa *Römische Rechtsgeschichte* i. pp. 493 ff.

[1591] Gaius *Inst.* i. 5 (об императорской *конституции*) "nec unquam dubitatum est quin id legis vicem obtineat, cum ipse imperator per legem imperium accipiat"; Ulpian in *Dig.* 1, 4, 1 "Quod principi placuit, legis habet vigorem: utpote cum lege regia, quae de imperio ejus lata est, populus ei et in eum omne suum imperium et potestatem conferat." Мнение о том, что эти отрывки являются интерполяцией, возможно, но опасно. Подлинное выражение веры в *lex regia* появляется у Юстиниана (*Cod.* i. 17, l. 7).

[1592] О монополии принцепса на *совершение sacramentum* можно судить по обвинению, выдвинутому против Агриппины после ее смерти (59 г. н. э.): "Adiciebat crimina ... quod consortium imperii iuraturasque in feminae verba praetorias cohortes ... speravisset" (Тас. *Ann.* xiv. 11).

[1593] "Romae ruere in servitium consules, patres, eques" (Тас. *Ann.* i. 7).

[1594] Тас. *Hist.* i. 55 "Inferioris tamen Germaniae legiones sollemni Kalendarum Ianuariarum sacramento pro Galba adactae." О возобновлении присяги в годовщину вступления в должность см. Plin. *ad Traj.* 52.

[1595] Ср. Тас. *Hist.* iii. 58 (Вителлий) "vocari tribus jubet, dantes nomina sacramento adigit."

[1596] *Lex de imp. Vesp.* 1 "foedusve cum quibus volet facere liceat". Эти полномочия суммирует Dio Cassius liii. 17 (как императоры императоры имеют право) καταλόγους τε ποιεῖσθαι ... πολέμους τε ἀναιρεῖσθαι καὶ εἰρήνην σπένδεσθαι.

[1597] p. 283.

[1598] Dio Cass. ix. 23 (после завоевания Британии Клавдием) ἐψηφίσθη τὰς συμβάσεις ἀπάσας, ὅσας ἂν ὁ Κλαύδιος ἦ καὶ οἱ ἀντιστράτηγοι αὐτοῦ πρὸς τινὰς ποιήσωνται, κυρίας, ὡς καὶ πρὸς τὴν βουλὴν τὸν τε δῆμον εἶναι.

[1599] *Lex de imp. Vesp.* 15 "utique ei fines pomerii proferre promovere cum ex republica censebit esse, liceat ita, uti licuit Ti. Claudio Caesari Aug(usto) Germanico." Cp. Tac. *Ann.* xii. 23.

[1600] p. 240.

[1601] Gaius *Inst.* i. 96.

[1602] Gell. xvi. 13, 5.

[1603] Gaius *Inst.* iii. 72 и 73.

[1604] Это осуществлялось либо косвенно, путем дарения золотого кольца (*jus aureorum anulorum*), либо напрямую, путем фикции *natalibus restitutio*. См. *Dig.* 2, 4, 10, 3; 40, 11, 2; Plin. *ad Traj.* 72 и 73.

[1605] Dio Cass. xlix. 15; li. 19; liii. 32. См. с. 338, 340.

[1606] Tac. *Ann.* iii. 56 "id summi fastigii vocabulum Augustas repperit, ne regis aut dictatoris nomen adsumeret ac tamen appellatione aliqua cetera imperia praemineret."

[1607] Dio Cass. xlix. 15 καὶ τὸ μήτε ἔργῳ μήτε λόγῳ τι ὑβρίζεσθαι- εἰ δὲ μή, τοῖς αὐτοῖς τὸν τοιοῦτό τι δράσαντα ἐνέχεσθαι οἷσπερ ἐπὶ τῷ δημάρχῳ ἐτέτακτο.

[1608] *Дополнительные* права, предоставленные императору в связи с сенатом (см. с. 348), предполагают право сношений с ним.

[1609] Dio Cass. liii. 17 (трибунская власть) δίδωσί σφισι τὰ τε γινόμενα ὑφ' ἑτέρου τινός, ἂν μὴ συνεπαίνῳσι, παύειν.

[1610] Tac. *Ann.* iii. 70 "recipi Caesar (Tiberius) inter reos vetuit ... perstititque intercedere"; xiv. 48 "credebaturque haud perinde exitium Antistio quam imperatori gloriam quaeri ut condemnatum a senatu intercessione tribunicia morti eximeret" (Nero).

[1611] ἀμύνειν (Dio Cass. li. 19); cp. Tac. *Ann.* i. 2 (об Августе) "ad tuendam plebem tribunicio jure contentum".

[1612] p. 340.

[1613] Утверждение Суетония (*Aug.* 27 "Recepit et morum legumque regimen aequae perpetuum") не подтверждается ни *Monumentum Ancyranum*, ни титулами Августа.

[1614] Suet. *Aug.* 35; *Mon. Anc.* ii. 5 "consulari cum imperio lustrum solus feci".

[1615] Dio Cass. lxvii. 4 τιμητῆς δὲ διὰ βίου πρῶτος δὴ καὶ μόνος καὶ ἰδιωτῶν καὶ αὐτοκρατόρων ἐχειροτονήθη.

[1616] *ib.* liii. 17 καὶ τοὺς μὲν καταλέγουσι καὶ ἐς τὴν ἱππάδα καὶ ἐς τὸ βουλευτικόν, τοὺς δὲ καὶ ἀπαλείφουσιν, ὅπως ἂν αὐτοῖς δόξη.

[1617] Tac. *Ann.* xi. 25 "Isdem diebus in numerum patriciorum adscivit Caesar (Claudius as censor) vetustissimum quemque e senatu aut quibus clari parentes fuerant ... exhaustis etiam quas

(familias) dictator Caesar lege Cassia et princeps Augustus lege Saenia sublegere." Cp. Suet. *Otho* 1; и о цензуре Веспасиана *Vita Marci* 1 "Annius Verus ... adscitus in patricios ... a Vespasiano et Tito censoribus."

[1618] p. 14.

[1619] *Vita Juliani* 3 "in patricias familias relatus"; *Macrini* 7 "senatus ... Macrinum ... in patricios allegit novum hominem". Cp. Dio Cass. lxxviii 17.

[1620] *Lex de imp. Vesp.* l. 3 "utique ei senatum habere, relationem facere, remittere, senatus consulta per relationem discessionemque facere liceat." В л. 7 мы находим право принцепса созывать сенат *ex mandatu*.

[1621] *Jus tertiae relationis* (*Vita Probi* 12), *quartae* (*Vita Pertinacis* 5), *quintae* (*Vita Marci* 6, *Alexandri* 1).

[1622] Tac. *Ann.* i. 14 "candidatos praeturae duodecim nominavit (Tiberius), numerum ab Augusto traditum, et hortante senatu ut augeret jure jurando obstrinxit se non excessurum."

[1623] Этот практический эффект, похоже, иногда устранялся тем, что император выбирал своих кандидатов для выдвижения по жребию (Dio Cass. lviii. 20). См. г-н Страхан-Дэвидсон в *Smith Dict. of Antiq.* ii. p. 237.

[1624] *Lex de imp. Vesp.* l. 10 "utique quos magistratum potestatem imperium curationemve cujus rei petentes senatui populoque Romano commendaverit, quibusque suffragationem suam dederit promiserit, eorum comitis quibusque extra ordinem ratio habeatur." Cp. Tac. *Ann.* i. 15 "sine repulsa et ambitu designandos". О прецеденте, созданном использованием этого слова Цезарем, см. Suet. *Caes.* 41.

[1625] Tac. *Ann.* i. 15 "moderante Tiberio ne plures quam quattuor candidatos commendaret, sine repulsa et ambitu designandos."

[1626] Например, *praetor, tribunus, quaestor candidatus* (Wilmanns *Index* pp. 551 ff.).

[1627] Tac. *Ann.* i. 81 "plerumque eos tantum apud se professos disseruit, quorum nomina consulibus edidisset: posse et alios profiteri, si gratiae aut meritis confiderent." Возможно, это был человек, назначенный таким образом, который неточно описывает себя как "per commendation(em) Ti. Caesaris Augusti ab senatu co(n)s(ul) dest(inatus)" (*Inscr. Reg. Neap.* n. 4762; *C.I.L.*, ix. n. 2342).

[1628] *C.I.L.* xiv. n. 3608 "hunc ... Caesar Aug. Vespasianus iterum cos. fecit"; Plin. *Paneg.* 77 (о Траяне) "praestare consulibus ipsum qui consules facit". Моммзен (*Staatsr.* ii. p. 925) считает, что изменения произошли с Нероном.

[1629] *Lex de imp. Vesp.* l. 22 "utique quibus legibus plebeive scitis scriptum fuit, ne divus Aug(ustus), Tiberiusve Julius Caesar Aug(ustus), Tiberiusque Claudius Caesar Aug(ustus) Germanicus tenerentur, iis legibus plebisque scitis imp(erator) Caesar Vespasianus solutus sit."

[1630] Tac. *Hist.* i. 15 (Гальба - Пизону по поводу усыновления последнего) "si te privatus lege curiata apud pontifices, ut moris est, adoptarem."

[1631] Paulus in *Dig.* 40, 1, 14, 1.

[1632] Ulpian in *Dig.* 1, 3, 31.

[1633] Dio Cass. liii. 17 ἐν πάσαις ταῖς ἱερωσύναις ἱερῶσθαι.

[1634] *Lex de imp. Vesp.* l. 17 "utique quaecunque ex usu rei publicae majestateque divinarum ... rerum esse censebit, ei agere fecere jus potestasque sit."

[1635] p. 254.

[1636] Mommsen *Staatsr.* ii. p. 31.

[1637] Dio Cass, liii. 17. В указах Максиму и Бальбину упоминается *pontificatus maximus* (*Vita* 8), и возможно, что его занимали оба этих императора вместе.

[1638] Zosimus iv. 36.

[1639] Suet. *Dom.* 8 "Incesta Vestalium virginum ... varie ac severe coercuit: priora capitali supplicio; posteriora, more veteri."

[1640] Ulpian in *Dig.* 11, 7, 8.

[1641] Dio Cass. liii. 17; Tac. *Hist.* i. 77 "Otho pontificatus auguratusque honoratis jam senibus cumulum dignitatis addidit"; Plin. *ad Traj.* 13 (8) "rogo dignitati, ad quam me provexit indulgentia tua, vel auguratum vel septemviratum, quia vacent, adicere digneris."

[1642] Cic. *ad Att.* viii. 9, 4 "nihil malle Caesarem quam principe Pompeio sine metu vivere"; *ad Fam.* vi. 6, 5 "esset hic quidem (Caesar) clarus in toga et princeps." Cp. Vell. ii. 124 "una tamen veluti luctatio civitatis fuit, pugnantis cum (Tiberio) Caesare senatus populi que Romani, ut stationi paternae succederet, illius, ut potius aequalem civem quam eminentem liceret agere principem."

[1643] Tac. *Ann.* iii. 53 (Тибериус говорит) "non aedilis aut praetoris aut consulis partes sustineo, majus aliquid et excelsius a principe postulatur."

[1644] Dio Cass. lvii. 8 (см. прим. 5); Ovid *Fasti* ii. 142 "Tu (Romule) domini nomen, principis ille (Augustus) tenet."

[1645] Suet. *Aug.* 53.

[1646] Dio Cass. lvii. 8 δεσπότης μὲν τῶν δούλων, αὐτοκράτωρ δὲ τῶν στρατιωτῶν, τῶν δὲ δὴ λοιπῶν πρόκριτός εἰμι. Cp. Tac. *Ann.* ii. 87.

[1647] См. Mommsen *Staatsr.* ii. p. 760.

[1648] Цезарь был *императором* с момента своего первого приветствия в Галлии; но право использовать титул в качестве *имени*, по-видимому, впервые было предоставлено ему в 45 г. до н. э. после победы при Мунде (Dio Cass. xliii. 44 ἐκεῖνῳ τότε πρώτῳ τε καὶ πρώτον, ὥσπερ τι κύριον, προσέθεσαν). Однако не похоже, что он использовал его в качестве *пременомена*, как утверждает Суэтоний (*Caes.* 76). Cf. p. 337.

[1649] Dio Cass. l.c.

[1650] p. 156.

[1651] Dio Cass. liii. 16 Αὔγουστος ὡς καὶ πλεῖόν τι ἢ κατὰ ἀνθρώπους ὧν ἐπεκλήθη.

[1652] Karlowa *Rechtsgeschichte* i. p. 508.

[1653] *Vita L. Veri*, 2.

[1654] Mommsen *Staatsr.* ii. p. 1140.

[1655] App. *B.C.* ii. 7 οὐδὲ γὰρ τοῖσδε καίπερ οὔσι βασιλεῦσιν εὐθὺς ἀπ' ἀρχῆς ἅμα ταῖς ἄλλαις ἐπωνυμίαις, ἀλλὰ σὺν χρόνῳ μόλις ἦδε ὡς ἐντελής ἐπὶ μεγίστοις δὴ μαρτυρία ψηφίζεται: *Vita Hadriani* 6 "patris patriae nomen delatum sibi statim, et iterum postea, distulit quod hoc nomen Augustus sero meruisset." От него полностью отказался Тиберий (Suet. *Tib.* 26 и 67), и его не носили преходящие императоры Гальба, Оттон и Вителлий. См. Mommsen *Staatsr.* ii. p. 780.

[1656] См. Mommsen *Staatsr.* ii. pp. 782-786. В качестве типичного примера можно привести надпись Веспасиана, дающую *препогатиу императора*: "Imp. Цезарь. Vespasianus Aug. pontif. max. tribunic. potest, vi. imp. xiiii. p.p., cos. vi. desig. vii. censor" (Wilmanns n. 855), а также надпись Каракаллы с титулом *проконсула*: "M. Aurelius Antoninus Pius Felix Augustus ... pontif. max., trib. pot. xviii. imp. iiii. cos. iiii. p.p. procos." (ib. n. 2868). *Pater patriae* появляется иногда до, иногда после *консула*.

[1657] Dio Cass. xlix. 15.

[1658] После восстания Гордиана в Африке лавровые *фасции* были немедленно приняты (Herodian vii. 6; *Vita Maximini* 14).

[1659] Первоначально двенадцать, позже двадцать четыре (Dio Cass. lxvii. 4).

[1660] Dio Cass. li. 19.

[1661] *ib.*

[1662] О почитании статуи обожествленного императора см. Suet. *Tib.* 58 "genus calumniae (sc. majestatis) eo processit ut haec quoque capitalia essent: circa Augusti simulacrum servum cecidisse, vestimenta mutasse, nummo vel annulo effigiem impressam latrinae aut lupanari intulisse." О праве *убежища*, принадлежащем живому изображению императора, см. Tac. *Ann.* iii. 36; Gaius *Inst.* i. 53.

[1663] Tertull. *Apol.* 28 "citius ... apud vos per omnes deos quam per unum genium Caesaris rejeratur". В официальной присяге, принесенной магистратами Сальпенсы и Малаки, между Юпитером и *ди Пенатами* стоят обожествленные цезари и гений живого цезаря. (Bruns *Fontes.*)

[1664] На вопрос Сенеки в отношении Агриппины (59 г. н. э.) "an militi imperanda caedes esset", ответ: "praetorianos toti Caesarum domui obstrictos ... nihil ... atrox ausuros". Калигула специально включил имена своих сестер в *sacramentum* (Dio Cass. lix. 9)

[1665] Mommsen *Staatsr.* ii. p. 831.

[1666] *Mon. Ancy.* iii. 5; Dio Cass. lix. 8.

[1667] Имя *Августа*, принятое Викторией в Галлии (268 г. н.э.), несомненно, означало, что она претендовала на роль императрицы.

[1668] Plin. *Paneg.* 84.

[1669] Tac. *Ann.* iii. 49-51.

[1670] Gibbon ch. iii.

[1671] Seneca *de Ben.* vi. 34, 2 "Apud nos primi omnium Gracchus et mox Livius Drusus instituerunt segregare turbam suam et alios in secretum recipere, alios cum pluribus, alios universos. Habuerunt itaque isti amicos primos, habuerunt secundos, numquam veros."

[1672] Seneca *de Clem.* i. 10 "cohortem primae admissionis"; *Vita Alex.* 20 "moderationis tantae fuit ... ut amicos non solum primi aut secundi loci sed etiam inferioris aegrotantes viseret."

[1673] Отсюда такие названия, как "comes divi Hadriani in oriente", "comes Imp. Antonini Aug. et divi Veri bello Germanico" (Wilmanns nn. 1184, 637).

[1674] p. 147.

[1675] *Interregnum* может использоваться метафорически для обозначения промежутка между смертью одного принцепса и воцарением другого. См. *Vita Taciti* 1.

[1676] Tac. *Ann.* i. 12 "dixit forte Tiberius se ut non toti rei publicae parem, ita quaecumque pars sibi mandaretur, ejus tutelam suscepturum."

[1677] p. 343.

[1678] Henzen *Act. Fr. Arv.* p. 64. Адриан, после приветствия солдатами, написал в сенат, что к нему обращались *praepropere* как к *imperator* (*Vita Hadriani* 6). Пертинакс, после того как его назначение было принято преторианской гвардией, сложил с себя полномочия в сенате и был избран вновь (Dio Cass. lxxiii. 1).

[1679] Suet. *Vesp.* 6.

[1680] *Vita Taciti* 2 (после убийства Аврелиана) "exercitus, qui creare imperatorem raptim solebat, ad senatum literas misit ... petens ut ex ordine suo principem legerent. Verum senatus, sciens lectos a se principes militibus non placere, rem ad milites rettulit, dumque id saepius fit, sextus peractus est mensis."

[1681] В 13 г. до н. э. Агриппа получил *tribunicia potestas* на пять лет (Dio Cass. liv. 12). О претензиях Тиберия см. Tac. *Ann.* i 3 "filius, collega imperii, consors tribuniciae potestatis adsumitur."

[1682] Tac. *Ann.* i 14 (Тиберий при вступлении на престол, 14 г. н.э.) "Germanico Caesari proconsulare imperium petivit"; iii 56 (22 г. н.э.) "Tiberius mittit literas ad senatum quis potestatem tribuniciam Druso petebat." О Траяне см. Plin. *Paneg.* 8 "ante pulvinar Jovis optimi maximi adoptio peracta est ... simul filius, simul Caesar, mox imperator et consors tribuniciae potestatis"; *Vita Pii* 4 "adoptatus est (Pius) ... factusque est patri et in imperio proconsulari et in tribunicia potestate collega"; *Vita Marci* 6 (Маркус до вступления на престол) "tribunicia potestate donatus est atque imperio extra urbem proconsulari".

[1683] Mommsen *Staatsr.* ii. p. 1158.

[1684] Vell. ii. 121 "cum ... senatus populusque Romanus postulante patre ejus, ut aequum ei jus in omnibus provinciis exercitibusque esset quam erat ipsi, decreto complexus esset."

[1685] Агриппа дважды отказался от триумфа, предложенного ему Августом (Dio Cass. liv. 11 и 24), а сенат присвоил титул *императора* только по предложению принцепса (Tac. *Ann.* i. 58, Германик в 15 г. н. э. "exercitum reduxit nomenque imperatoris auctore Tiberio accepit").

[1686] Mommsen *Staatsr.* ii. p. 1154.

[1687] Suet. *Gaius* 24 "(Gaius Drusillam) heredem quoque bonorum atque imperii aeger instituit."

[1688] *ib.* 14. Сравните утверждение Домициана после смерти Веспасиана "relictum se participem imperii sed fraudem testamento adhibitam" (Suet. *Dom.* 2).

[1689] Tac. *Hist.* i. 15 (см. с. 350); i. 17 (об усыновлении Гальбой Пизона) "consultatum inde pro rostris an in senatu an in castris adoptio nuncuparetur"; Suet. *Galba* 17 "(Galba Pisonem) perduxit in castra ac pro contione adoptavit". Нерва провозглашает на Капитолии свое усыновление Траяном (Dio Cass. lxxviii. 8).

[1690] См. p. 360, n. 2.

[1691] p. 354.

[1692] Plut. *Galba* 7 (гонец объявляет, что) ὁ δῆμος καὶ ἡ σύγκλητος αὐτοκράτορα τὸν Γάλβαν ἀναγορεύσειεν: Herodian ii. 12 (сенат) ψηφίζεται τὸν μὲν (Ἰουλιανὸν) ἀναιρεθῆναι, ἀποδειχθῆναι δὲ μόνον αὐτοκράτορα τὸν Σεουήρον: *Vita Maximini* 15 "Ubi haec gesta sunt (т.е. после признания Гордианов) senatus magis timens Maximinum aperte ac libere hostes appellat Maximinum et ejus filium."

[1693] Так было и с Калигулой, хотя *damnatio* была неполной. См. Suet. *Claud.* 11 "Gaii quoque etsi acta omnia rescidit, diem tamen necis, quamvis exordium principatus sui, vetuit inter festos referri."

[1694] Со свергнутым Нероном, таким образом, поступили как с предателем (Suet. *Ner.* 49 "codicillos praeripuit legitque se hostem a senatu judicatum et quaeri ut puniatur more majorum").

[1695] *Акты* Тиберия не были приведены к присяге (Dio Cass. lix. 9), хотя его память не была осуждена. Его правление фигурирует среди законных прецедентов для власти Веспасиана в *lex de imperio*, а правление Гая, Нерона, Гальбы, Оттона и Вителлия опущено.

[1696] Dio Cass. lvii. 8 (Тиберий) ἐπὶ ταῖς τοῦ Αὐγούστου πράξεσι τοὺς τε ἄλλους πάντας ὥρκου καὶ αὐτὸς ὥμνυε.

[1697] Тиберий, что характерно, не хотел, чтобы его *acta* присягали при его жизни (Tac. *Ann.* i. 72; Suet. *Tib.* 67), и некоторые считают, что мотивом было "ne mox majore dedecore impar tantis honoribus inveniretur" (Suet. l.c.). Его возражения против собственного обожествления некоторые интерпретировали как признак "degeneris animi" (Tac. *Ann.* iv. 38).

[1698] Dio Cass. iii. 20. Здесь это возраст для вступления в сенат; но имеется в виду завершение двадцатипятилетнего возраста. Ср. Квинтилий. *Inst. Or.* xii. 6, 1 "quaestoria aetas".

[1699] Dio Cass. l.c. Освобождение от этих правил могло быть сделано сенатом в соответствии с *jus liberorum* ("ut singuli anni per singulos liberos remittantur" *Dig.* 4, 4, 2) или для членов императорского дома (Tac. *Ann.* iii. 29 "Per idem tempus (A.D. 20) Neronem e liberis Germanici jam ingressum juventam (Tiberius) commendavit patribus, utque munere capessendi vigintiviratus solveretur et quinquennio maturius quam per leges quaesturam peteret ... postulavit").

[1700] Dio Cass. liv. 26; ср. Tac. *Ann.* iii. 29, цитируется в последнем примечании.

[1701] В надписях раннего принципата vigintivirate иногда не встречается в списке *почестей*. Но более вероятно, что он опущен, чем то, что он был альтернативой военному трибунату. См. Mommsen *Staatsr.* i. p. 544 n. 4.

[1702] Dio Cass. lii. 20.

[1703] Его использование Макрином в третьем веке вызвало возражения (Dio Cass. lxxviii. 13). См. Mommsen *Staatsr.* ii. p. 942.

[1704] Dio Cass. liv. 19 (о Тиберии в 16 г. до н. э.) ἐστρατήγησε γάρ, καίπερ τὰς στρατηγικὰς τιμὰς ἔχων (Тиберий получил *ornamenta praetoria* в 19 г. до н. э., см. с. 10); с. 32 Drusus ἀγορανόμος ... καίπερ τὰς στρατηγικὰς τιμὰς ἔχων ἀπεδείχθη: cf. с. 22.

[1705] Suet. *Aug.* 35; Dio Cass. lviii. 12.

[1706] Mommsen *Staatsr.* i. p. 458.

[1707] Консульские *знаки отличия* были даны Нимфидию и Криспину при Нероне (Tac. *Ann.* xv. 72; xvi. 17); преторианские *знаки отличия* - Сеяну и Макру при Тиберии (Dio Cass. lvii. 19; lviii. 12).

[1708] Квесторские *знаки отличия* были дарованы Лако при Тиберии (Dio Cass. lviii. 12).

[1709] Tac. *Ann.* xii. 21 "consularia insignia Ciloni (procurator of Pontus)... decernuntur"; Suet. *Claud.* 24 "ornamenta consularia etiam procuratoribus ducenariis indulsit".

[1710] Как преторианские *знаки отличия* у Палласа, квесторские у Нарцисса (Tac. *Ann.* xii. 53; xi. 38). Ср. Suet. *Claud.* 28.

[1711] Suet. *Aug.* 35 (Август) "quosdam ad excusandi se verecundiam compulit: servavitque etiam excusatis insigne vestis et spectandi in orchestra epulandique publice jus."

[1712] p. 156.

[1713] В исключительных случаях, таких как командование Юния Блаэса в Африке, проконсул мог приветствовать *императора* с разрешения принцепса (Tac. *Ann.* iii. 74), и первое условие триумфа было выполнено. Но этот инцидент, датируемый 22 г. н. э., был последним в своем роде.

[1714] Suet. *Aug.* 38 "super triginta ducibus justos triumphos et aliquanto pluribus triumphalia ornamenta decernenda curavit"; Wilmanns n. 1145 l. 19 "senatus ... triumphalibus ornamentis honoravit auctore imp. Caesare Augusto Vespasiano"; *Index* p. 609.

[1715] Dio Cass. lix. 9. Обязательство присягать *на актах Цезаря* началось в 45 г. до н. э. (App. *B.C.* ii. 106) и было возобновлено во время триумвирата (Dio Cass. xlvii. 18), формула running *se nihil contra acta Caesaris facturum*. Об обязательстве, сохранившемся в период принципата, см. с. 363.

[1716] Геродиан (ii. 12), ссылаясь на падение Дидия Юлиана, говорит о консулах οἱ τὰ τῆς Ῥώμης διοικεῖν εἰώθασιν ὀπηνίκα ἂν τὰ τῆς βασιλείας μετέωρα ᾗ.

[1717] Plut. *Galba* 8.

[1718] Tac. *Hist.* iii. 68.

[1719] Plin. *Paneg.* 77 "comitia consulum obibat ipse (Trajanus); tantum ex renuntiatione eorum voluptatis quantum prius ex destinatione capiebat.... Adibat aliquis ut principem; respondebat se consulem esse."

[1720] На консулов было возложено бремя некоторых новоучрежденных праздников, таких как празднование *Наталии* Августа и победы при Актиуме (Dio Cass. lvi 46; lix. 20).

[1721] См. Mommsen *Staatsr.* ii pp. 84-87. Кульминация была достигнута двадцатью пятью консулатами за один год (189 г. н. э.) при Коммодe (Dio Cass. lxxii. 12; *Vita Commodi* 6).

[1722] *Vita Alexandri* 43.

[1723] Pompon. in *Dig.* 1, 2, 2, 32.

[1724] Marini *Atti Arvali* p. 784.

[1725] Dio Cassius, lii. cc. 20, 21 (речь Мecenата), возможно, подразумевает их существование в его собственное время. Гейб (*Criminalprocess* pp. 392-397) относит их исчезновение к концу I века.

[1726] Pompon. in *Dig.* 1, 2, 2, 32 "divus Claudius duos praetores adjecit qui de fidei commissio jus dicerent, ex quibus unum divus Titus detraxit: et adjecit divus Nerva qui inter fiscum et privatos jus diceret."

[1727] См. последнее примечание.

[1728] *Vita Marci* 10 "praetorem tutelarem primus fecit, cum ante tutores a consulibus poscerentur, ut diligentius de tutoribus tractaretur."

[1729] См. § 5.

[1730] Об осуждении истории Кремуция Корда в 25 г. н. э. "libros per aediles cremandos censuere patres" (Tac. *Ann.* iv. 35).

[1731] Tac. *Ann.* iii 52-55 (22 г. н.э.).

[1732] О Веспасиане в царствование Калигулы мы слышим ἀγορανομῶντος τε ... καὶ τῆς τῶν στενωπῶν καθαριότητος ἐπιμελουμένου (Dio Cass. lix. 12). Ср. Suet. *Vesp.* 5.

[1733] Tac. *Ann.* ii. 85 (19 г. н.э.) "Vistilia praetoria familia genita licentiam stupri apud aediles vulgaverat."

[1734] *ib.* xiii. 28 (56 г. н.э.) "cohibita artius et aedilium potestas statutumque quantum curules, quantum plebei pignoris caperent vel poenae inrogarent."

[1735] Gaius *Inst.* i. 6 (о *jus edicendi*) "amplissimum jus est in edictis duorum praetorum ... item in edictis aedilium curulium." Их эдикт был кодифицирован при Адриане и фигурирует в *Dig.* 21, 1.

[1736] Карлова (*Rechtsgesch.* i. p. 532) распределяет их таким образом: два городских, четыре консула, двенадцать для государственных провинций и два при императоре.

[1737] См. § 5.

[1738] См. гл. xi.

[1739] Впервые эта практика началась в 38 г. до н. э. (Dio Cass. xlviii. 43). Ср. Tac. *Ann.* xvi. 34 "Tum ad Thraseam in hortis agentem quaestor consulis missus". Их выбирали сами консулы (Plin. *Ep.* iv. 15, 8).

[1740] *Dig.* 1, 13, 1, 2 и 4 "sane non omnes quaestores provincias sortiebantur, verum excepti erant candidati principis ... qui ... epistulas ejus in senatu legunt."

[1741] *Tac. Ann.* xi. 22 (47 г. н.э.) "quaestura ... velut venundaretur."

[1742] Обязательство, наложенное в 47 г., было изменено в 54 г. н.э. (*Tac. Ann.* xi. 22; xiii. 5), но возобновлено при Домициане (*Suet. Dom.* 4).

[1743] *Vita Alexandri* 43 "quaestores candidatos ex sua pecunia jussit munera populo dare ... arcarios vero instituit, qui de arca fisci ederent munera eademque parciora."

[1744] Трибунат для младшего Плиния - "inanis umbra et sine honore nomen" (*Ep.* i 23).

[1745] *Tac. Ann.* i. 77 (15 г. н. э., на предложение *jus virgarum* в *густрионах*) "intercessit Haterius Agrippa tribunus plebei increpitusque est Asinii Galli oratione, silente Tiberio, qui ea simulacra libertatis senatui praebebat."

[1746] *Tac. Hist.* iv. 9 (69 г. н.э., о преторах *аэрария*, объявивших о дефиците) "cum perrogarent sententias consules, Volcatius Tertullinus tribunus plebis intercessit, ne quid super tanta re principe absente statueretur." Это последний зафиксированный случай *intercessio* (Momms. *Staatsr.* ii. p. 309 n. 1).

[1747] *Tac. Ann.* vi. 47 [53] (в 37 г. н. э. женщину обвинили в *majestas*) "qua damnata cum praemium accusatori decerneretur, Junius Otho tribunus plebei intercessit, unde ... mox Othoni exitium." Рустик Арулен, *молодой человек*, предложил наложить вето на постановление сената, осудившего Тразею Паэту в 66 г. н. э. (xvi. 26).

[1748] *ib.* xiii. 28 "inter Vibullium praetorem et plebei tribunum Antistium ortum certamen, quod immodestos fautores histrionum et a praetore in vincla ductos tribunos omitti jussisset."

[1749] *Tac. Hist.* ii. 91 (Вителлий, будучи императором, атакованный Гельвидием Приском в сенате) "commotus ... non tamen ultra quam tribunos plebis in auxilium spretae potestatis advocavit."

[1750] В 56 г. н.э. им было запрещено "говорить из Италии с кем-либо, кто может" (*Tac. Ann.* xiii. 28). См. Приложение.

[1751] *Tac. l.c.*

[1752] *Juvenal* vii. 228 "Rara tamen merces, quae cognitione tribuni Non egeat." Эти слова, несомненно, означают "которые не приводят к *appellatio*". В таком случае даже республиканские трибуны принимали "к сведению" существо апелляции. Объяснение, что теперь трибуны получили некую экстраординарную юрисдикцию в гражданских делах, излишне.

[1753] p. 365.

[1754] *Dio Cass.* liv. 26.

[1755] *ib.* lx. 11.

[1756] например, *Cod.* 6, 60, 1 (319 г. н.э.) "Imp. Constantinus A. consulibus, praetoribus tribunis plebis senatui salutem."

[1757] *Suet. Aug.* 40 "Comitiorum quoque pristinum jus reduxit".

[1758] p. 344.

[1759] Dio Cass. lvi. 40 (Augustus) ἐκ ... τοῦ δήμου τὸ δύσκριτον ἐν ταῖς διαγνώσεσιν ἐς τὴν τῶν δικαστηρίων ἀκρίβειαν μεταστήσας.

[1760], например, юлианские законы, принятые Августом на плебейском консилиуме, *lex Junia Norbana* в правление Тиберия, *plebiscita* Клавдия. Последний известный *lex* - аграрный закон Нервы (*Dig.* 47, 21, 3, 1).

[1761] Dio Cass. liii. 21 (когда избрание было поручено народу, Августу) ἐπεμελεῖτο ὅπως μὴτ' ἀνεπιτήδαιοι μὴτ' ἐκ παρακελεύσεως ἢ καὶ δεκάσμοῦ ἀποδεικνύωνται. Ср. Tac. *Ann.* i. 15 "potissima arbitrio principis, quaedam tamen studiis tribuum fiebant."

[1762] Tac. *Ann.* i. 15. По словам Веллея (ii. 124), это изменение было сделано в соответствии с указаниями Августа.

[1763] p. 188.

[1764] Dio Cass. lviii. 20.

[1765] p. 349. В *C.I.L.* vi. 10213 мы находим уведомление о "improbae comitiae in Aventino, ubi (Sej)anus cos. factus est". Мы видим, как Вителлий агитирует за своих кандидатов в цирке (Tac. *Hist.* ii. 91 "comitia consulum cum candidatis civiliter celebrans omnem infimae plebis rumorem in theatro ut spectator, in circo ut fautor adfectavit"). С другой стороны, мы имеем *ab senatu destinatus* в надписи, процитированной на с. 349 п. 6. Дио Кассий (lix. 20), говоря о временном восстановлении народных выборов Калигулой, упоминает их в связи с консульством.

[1766] Dio Cass. xxxvii. 28.

[1767] p. 369.

[1768] p. 364.

[1769] p. 365.

[1770] p. 364. Отсюда выражение "nondum senatoria aetate" (Tac. *Ann.* xv. 28; *Hist.* iv. 42).

[1771] Dio Cass. liv. 17, 30; Tac. *Ann.* i. 75, ii. 37.

[1772] Он заявил, что "не читает лекций о сенате ни для граждан Рима" (Suet. *Claud.* 24).

[1773] *Vita Commodi* 6 "ad cuius (Cleandri) nutum etiam libertini in senatum atque in patricos lecti sunt"; *Vita Elagabali* 11 "Fecit libertos praesides, legatos, consules, duces."

[1774] Tac. *Ann.* iii. 4 "simul novi homines e municipiis et coloniis atque etiam provinciis in senatum crebro adsumpti"; Suet. *Vesp.* 9 "Amplissimos ordines ... purgavit supplevitque, recenso senatu et equite ... honestissimo quoque Italicorum ac provincialium adlecto."

[1775] Tac. *Ann.* xi 25; Prof. Pelham в *Classical Review* ix. p. 441.

[1776] Plin. *Ep.* vi. 19.

[1777] *Vita Marci* 11.

[1778] О наложении Домицианом такой *ноты* см. в Suet. *Dom.* 8, "quaestorium virum, quod gesticulandi saltandique studio teneretur, movit senatu."

[1779] p. 347.

[1780] Tac. *Ann.* iv. 42 (Тибериий) "Apidium ... Merulam, quod in acta divi Augusti non juraverat, albo senatorio erasit."

[1781] *ib.* iii. 17; vi. 48.

[1782] *ib.* iv. 31; xii. 59.

[1783] Dio Cass. lv. 3; Tac. *Ann.* iv. 42.

[1784] Dio Cass. liii. 1 (Август в 28 г. до н. э. во время цензуры себя и Агриппы) ἐν αὐταῖς (ταῖς ἀπογραφαῖς) πρόκριτος τῆς γερουσίας ἐπεκλήθη: cf. lxxii. 5, где Пертинакс πρόκριτος ... τῆς γερουσίας κατὰ τὸ ἀρχαῖον ἐπωνομάσθη: выражение, которое, кажется, показывает, что это не было постоянным обозначением принцепса в этот период.

[1785] *ib.* liv. 13, 14.

[1786] *ib.* lv. 3; Suet. *Aug.* 35; Merkel ad Ovid. *Fast.* p. vi

[1787] *Lex de imp. Vesp.* l. 9 "ac si e lege senatus edictus esset habereturque".

[1788] *Vita Gordianorum*, 11; *Vita Hadriani*, 7; Dio Cass. liv. 3.

[1789] О вызове претором см. Tac. *Hist.* iv. 39; трибуны - Dio Cass. lvi. 47, lx. 16, lxxviii. 37; трибуны и преторы, *ib.* lix. 24.

[1790] Сомнение вызывает обращение Пизона к Тиберию во время суда по делу о *величестве*: "quo ... loco censebis, Caesar? Si primus, habebo quod sequar: si post omnes, vereor ne imprudens dissentiam" (Tac. *Ann.* i. 74). Дион Кассий также говорит о Тиберии (lvii. 7) καὶ ἄρ αὐτὸς ψῆφον πολλάκις ἐδίδου. Но ни один из авторов, возможно, не использует строго технического язык; и нет уверенности, что у принцепса могли *спросить* его мнение. С другой стороны, когда Цезарь ставил вопрос, другие магистраты высказывали *свое мнение* (Tac. *Ann.* iii. 17). Этот вопрос не имеет большого значения для принципата в целом, поскольку в его поздний период император обычно советовался с сенатом по письму. См. с. 369.

[1791] См. Tac. *Ann.* i. 74, цитируется в последнем примечании.

[1792] p. 348.

[1793] p. 359.

[1794] p. 350.

[1795] Формула образования *легитимной коллегии* гласит: "quibus senatus c(oire) c(onvocari) c(ogi) permisit e lege Julia ex auctoritate Augusti" (*C.I.L.* vi n. 4416).

[1796] p. 372.

[1797] Dio Cass. lxxviii. 29.

[1798] Tac. *Ann.* iii. 60; xii. 62.

[1799] *ib.* xiii 48.

[1800] "de legendo vel exauctorando milite, ac legionum et auxiliorum descriptione" (Suet. *Tib.* 30).

[1801] Tac. *Hist.* iv. 61; Dio Cass. lxxviii. 9, 10. В 49 г. н. э. во время правления Клавдия мы также читаем о приеме парфянских посланников в сенате (Tac. *Ann.* xii. 10).

[1802] p. 358.

[1803] p. 358.

[1804] p. 372.

[1805] p. 275.

[1806] Так, S. C. *Velleianum*, ограничивавший обязательства, которые могли нести женщины, начинается словами: "Quod Marcus Silanus et Velleus Tutor consules verba fecerunt ... quid de ea re fieri oportet, de ea re ita censuere" (*Dig.* 16, 1, 2, 1); ср. *Dig.* 36, 1, 1, 2 (S. C. *Trebellianum*), 14, 6, 1 (S. C. *Macedonianum*), и см. Kipp *Quellenkunde des röm. Rechts* p. 27.

[1807] Юристы называют их по именам их авторов; отсюда такие обозначения, как *Velleianum*, *Trebellianum* (см. последнее примечание). Но такие обозначения не являются официальными. S. C. *Macedonianum* называется по имени преступника, который послужил поводом для декрета.

[1808] Gaius i. 4 "Senatus consultum est, quod senatus jubet atque constituit: idque legis vicem obtinet, quamvis fuerit quaesitum."

[1809] *Dig.* 1, 1, 7; 1, 3, 9.

[1810] *Lex de imp. Vesp.* 1. 17 "utique quaecunque ex usu rei publicae majestateque divinarum humanarum publicarum privatarumque rerum esse censebit, ei agere facere jus potestasque sit, ita uti divo Augusto ... fuit."

[1811] Tac. *Ann.* i. 77 "divus Augustus immunes verberum histriones quondam responderat, neque fas Tiberio infringere dicta ejus."

[1812] p. 363.

[1813] Paulus in *Dig.* 28. 2, 26 "Filius familias, si militet ... aut heres scribi aut exheredari debet, jam sublato edicto divi Augusti, quo cautum fuerat ne pater filium militem exheredet."

[1814] Иногда оно использовалось в более общем смысле для обозначения *constitutio principis*, как, например, когда Папиниан говорит: "Jus ... civile est quod ex legibus, plebis scitis, senatus consultis, decretis principum, auctoritate prudentium venit" (*Dig.* 1, 1, 7).

[1815] *Dig.* 4, 2, 13 "Exstat enim decretum divi Marci in haec verba, etc.... Caesar dixit, etc."

[1816] "Рескрипт" - это, собственно, *ответ* на письмо, но вскоре он стал использоваться как эквивалент *эпистолы*. См. Kipp *op. cit.* p. 37.

[1817] Ср. *Dig.* 1, 16, 4, 5 "imperator noster Antoninus Augustus ad desideria Asianorum rescripsit" (о том, каким образом проконсул должен прибыть в провинцию Азия).

[1818] Gaius i. 5 "Constitutio principis est, quod imperator decreto vel edicto vel epistola constituit; nec unquam dubitatum est quin id legis vicem obtineat." Ср. Ульпиан в *Dig.* 1, 4, 1, 1 "Quodcumque ... imperator per epistulam et subscriptionem statuit vel cognoscens decrevit ... vel edicto praecepit, legem esse constat. Haec sunt quas vulgo constitutiones appellamus."

[1819] Таким образом, солдатское завещание было создано серией мандатов: "divus Julius Caesar concessit ... divus Titus dedit: post hoc Domitianus: postea divus Nerva plenissimam indulgentiam in milites contulit: eamque et Trajanus secutus est et exinde mandatis inseri coepit caput tale. Caput ex mandatis, etc.". (Ulpian in *Dig.* 29, 1, 1).

[1820] Gell. xii. 13, 1 "Cum Romae a consulibus iudex extra ordinem datus pronuntiare ... jussus essem."

[1821] Dio Cass. li. 19 (в 30 г. до н. э. было постановлено) τὸν Καίσαρα τὴν τε ἐξουσίαν τὴν τῶν δημάρχων διὰ βίου ἔχειν ... ἑκκλητὸν τε δικάζειν. Вероятно, последние слова описывают только учреждение *Prinseps* в качестве высшего суда добровольной юрисдикции. См. Гринидж в "*Классическом обозрении*" viii. p. 144.

[1822] p. 368.

[1823] Paulus in *Dig.* 5, 1, 58 "Judicium solvitur vetante eo qui judicare jusserat vel etiam eo qui majus imperium in eadem jurisdictione habet." Вето в силу *par potestas* здесь опущено по причине его исчезновения во времена Павла (около 200 г. н. э.). См. Merkel *Gesch. der klassischen Appellation* ii. p. 19.

[1824] Tac. *Ann.* i. 75 "judiciis adsidebat in cornu tribunalis, ne praetorem curuli depelleret; multaque eo coram adversus ambitum et potentium preces constituta"; Dio Cass. lvii. 7 ἐπεφοίτα δὲ καὶ ἐπὶ τὰ τῶν ἀρχόντων δικαστήρια, καὶ παρακαλούμενος ὑπ' αὐτῶν καὶ ἀπαράκλητος, καὶ ... ἔλεγεν ὅσα ἐδόκει αὐτῷ, ὡς πάρεδρος. Здесь имеются в виду или, по крайней мере, включены гражданские суды; но возможно, что Тиберий часто выступал в них как самозванный советник, а не как орган, к которому можно апеллировать; ср. Suet. *Tib.* 33 "magistratibus pro tribunali cognoscentibus plerumque se offerebat consiliarium; adsidebatque juxtim vel exadversum in parte primori." Согласно Суетонию (l.c.), он оказывал аналогичное влияние на юрисдикцию *квесторов*.

[1825] p. 178.

[1826] p. 382.

[1827] Cic. *pro Tullio* 16, 38 "quid attinuit te tam multis verbis a praetore postulare ut adderet in judicium 'injuria,' et, quia non impetrasses, tribunos plebis appellare et hic in judicio queri praetoris iniquitatem quod de injuria non addiderit?" Таким образом, вето трибуна может быть использовано для того, чтобы добиться исключения. Cic. *Acad. Prior.* ii. 30, 97 "Tribunum aliquem censeo adeant [*al. videant*]: a me istam exceptionem nunquam impetrabunt."

[1828] Tac. *Ann.* xiii. 28 (56 г. н.э.). См. Приложение.

[1829] Dio Cass. lix. 8 ὁ μὲν γὰρ Τιβέριος οὕτως αὐτὸν (Silanus) ἐτίμησεν, ὥστε μήτ' ἑκκλητὸν ποτε ἀπ' αὐτοῦ δικάσαι ἐθελῆσαι, ἀλλ' ἐκείνῳ πάντα αὐθις τὰ τοιαῦτα ἐγχειρίσαι. Мы не знаем, какую должность занимал Силан. Если, как принято считать, он был консулом, то речь может идти об апелляции к юрисдикции в *fidei commissa*, делегированной принцепсом консулу.

[1830] Suet. *Aug.* 33 "Appellationes quotannis urbanorum quidem litigatorum praetori delegabat urbano: at provincialium consularibus viris, quos singulos cujusque provinciae negotiis praeposuisset." На несостоятельность предположения *praefecto delegabat urbis* указывал Моммзен (*Staatsr.* ii. p. 985 note 1).

[1831] О делегировании полномочий преторам см. с. 368; о делегировании полномочий консулам см. Quint. *Inst. Or.* iii. 6, 70 "Non debes apud praetorem petere fidei commissum sed apud consules, major enim praetoria cognitione summa est."

[1832] Tac. *Ann.* xiii. 4 "teneret antiqua munia senatus, consulum tribunalibus Italia et publicae provinciae adsisterent."

[1833] Cic. *in Verr.* iii. 60, 138; *ad Fam.* xiii. 26, 3; *Fragmentum Atestinum* (Bruns *Fontes*) l. 10.

[1834] Когда сенат предоставил Августу *proconsulare imperium* в 23 г. до н. э. ἐν τῷ ὑπὲρ τοῦ πλεῖον τῶν ἐκασταχόθι ἀρχόντων ἰσχύειν ἐπέτρεψεν (Dio Cass. liii. 32). Ср. Ульпиан в *Dig.* 1, 16, 8 ["(проконсул) *maius imperium in ea provincia habet omnibus post principem*"] и в 1, 18, 4. Здесь речь идет о пассивном, а не активном *maius imperium*. Вся схема провинциальной диархии основывалась на предположении, что между проконсулом и принцепсом не должно быть никаких отношений.

[1835] p. 368.

[1836] Ulpian in *Dig.* 49, 2, 1, 2 "sciendum est appellari a senatu non posse principem, idque oratione divi Hadriani effectum." Несомненно, это был первоначальный принцип, подтвержденный, а не созданный Адрианом.

[1837] Tac. *Ann.* iii. 14, xvi. 8; Suet. *Aug.* 5.

[1838] Подобного юридического принципа не существовало. Согласно Дио Кассию (Dio Cassius, liii. 17), монархическая власть простиралась так далеко ὥστε καὶ ἐντὸς τοῦ πωμηρίου καὶ τοὺς ἱππέας καὶ τοὺς βουλευτὰς θανατοῦ δύνασθαι, и сенатор, как Кальпурний Пизон в 20 г. н.э., мог предстать перед императором (Tac. *Ann.* iii. 10). Однако Септимий Север разрешил *принять сенатский консилиум*, согласно которому император не мог предать сенатора смерти без воли сената (Dio Cass. lxxiv. 2; *Vita Severi* 7). Этот принцип был сформулирован ранее Адрианом (*Vita Hadriani* 7 "juravit se nunquam senatorem nisi ex senatus sententia puniturum").

[1839] Август в 29 г. до н. э. привел в сенат Антиоха Коммагенского, Тиберий в 17 г. н. э. - Архелая Каппадокийского (Dio Cass. lii. 43, lvii. 17; Tac. *Ann.* ii. 42). В 19 г. н. э. там же был обвинен Рескупорис Фракийский (Tac. *Ann.* ii. 67).

[1840] Случаи вымогательства можно найти в Tac. *Ann.* iii. 66, xii. 59; *Hist.* iv. 45. В 23 г. н. э. мы видим, как императорский *прокуратор (patrimonii)* Азии предстал перед сенатом за превышение своих полномочий (Tac. *Ann.* iv. 15).

[1841] Tac. *Ann.* iv. 13 (23 г. н. э.) "Carsidius Sacerdos, reus tamquam frumento hostem Tacfarinatem juvisset, absolvitur, ejusdemque criminis C. Gracchus."

[1842] Среди судебных преследований за измену принцепсу, которые обезображивают правление Тиберия, можно упомянуть преследования против Либо Друза (Tac. *Ann.* ii. 27 ff.), против Кремутия Корда (ib. iv. 34, 35) и против Сеяна (Dio Cass. lviii. 9, 10).

[1843] В 37 г. н. э. мы узнаем, что мать, побудившая своего сына к самоубийству, "обвиняется в сенате... urbe... in decem annos prohibita est" (Tac. *Ann.* vi. 49). В 61 г. н. э. мы находим запрет на въезд в Италию, наложенный на человека за своего рода *praevaricatio*, "quod reos, ne apud praefectum urbis arguerentur, ad praetorem detulisset" (ib. xiv. 41).

[1844] Quintil. *Inst. Or.* iii. 10, 1; vii. 2, 20. Примеры см. в Tac. *Ann.* ii. 50, iv. 21; Plin. *Ep.* ii. 11, 3 и далее. В последнем отрывке мы находим поднятым вопрос о законности этой процедуры ("Respondit Fronto Catus deprecatusque est ne quid ultra repetundarum legem quaereretur.... Magna contentio, magni utrimque clamores, aliis cognitionem senatus lege conclusam, aliis liberam solutamque dicentibus").

[1845] Возможно, однако, что сенат продолжал осуществлять чрезвычайную уголовную юрисдикцию *комиций*. Тацит, безусловно, считает *cognitio* принадлежащей сенату (*Ann.* ii. 28 "Statim corripit reum, adit consules, cognitionem senatus poscit").

[1846] Plin. *Ep.* vi. 31, 8 (в деле о подделке завещания) "Heredes, cum Caesar (Trajanus) esset in Dacia, communiter epistula scripta, petierant ut susciperet cognitionem."

[1847] Tac. *Ann.* ii. 79 "Marsus ... Vibius nuntiavit Pisoni Romam ad dicendam causam veniret. Ille eludens respondit adfuturum, ubi praetor, qui de beneficiis quaereret, reo atque accusatoribus diem prodixisset"; ib. iii. 10 "petitum ... est a principe cognitionem exciperet; quod ne reus quidem abnuebat, studia populi et patrum metuens ... haud fallebat Tiberium moles cognitionis quaque ipse fama distraheretur. Igitur paucis familiarium adhibitis minas accusantium et hinc preces audit integramque causam ad senatum remittit." Слово "пересылать" не означает, что сенат был обязан принять дело. О технически добровольном характере его юрисдикции см. ib. iv. 21, xiii. 10, где мы находим выражения "receptus est reus", "recepti sunt inter reos".

[1848] Dio Cass. lii. 22, 33. Дело о прелюбодеянии центуриона с женой трибуна предстало перед императором. Траян изложил основание, на котором он рассматривал это дело (Plin. *Ep.* vi. 31, 6 "Caesar et nomen centurionis et commemorationem disciplinae militaris sententiae adjecit, ne omnes ejusmodi causas revocare ad se videretur").

[1849] Пример упоминает Плиний (*Ep.* vii. 6, 8 "mater, amisso filio ... libertos ejus eosdemque coheredes suos falsi et beneficii reos detulerat ad principem judicemque impetraverat Julium Servianum").

[1850] См. раздел о функционерах принцепса (p. 406 sq.).

[1851] Plin. *ad Traj.* 96, 4 "quia cives Romani erant, adnotavi in urbem remittendos."

[1852] Это не апелляция, а отказ от юрисдикции. Но на каком основании юрисдикция прокуратора была отклонена, неясно. Римское гражданство, на основании которого святой Павел требовал освобождения от бичевания в Филиппах и Иерусалиме, здесь не упоминается. См. *Class. Rev.* x. p. 231.

[1853] Plin. *Ep.* ii. 11; Suet. *Galba* 9.

[1854] О привязанности к прокураторам и лицам с чрезвычайными полномочиями см. примеры, приведенные Моммзеном (*Staatsr.* ii p. 270). Так, префекты гвардии, *дружины* и флота являются *почетными гладиаторами* (*Vita Alex.* 49). В случае с обычными провинциальными губернаторами, возможно, безопаснее сказать, что *jus gladii* принадлежит им или разрешена им, а не что она была закреплена за ними принцепсом (Ulp. in *Dig.* 1, 18, 6, 8 "qui universas provincias regunt, jus gladii habent et in metallum dandi potestas iis permissa est").

[1855] Dio Cass. lii. 22, 33; *Dig.* 48, 19, 27, 1 и 2.

[1856] Уже в правление Тиберия эта процедура стала настолько формальной, что для ее осуществления были разработаны правила. Был установлен определенный промежуток

времени, в течение которого принцепс мог рассмотреть просьбу о заступничестве (Тас. *Ann.* iii. 51 [21 г. н. э.] "factum senatus consultum, ne decreta patrum ante diem *decimum* ad aerarium deferrentur idque vitae spatium damnatis prorogaretur"; ср. Dio Cass. lvii. 20; Suet. *Tib.* 75).

[1857] p. 385.

[1858] "Ob laetitiam aliquam vel honorem domus divinae vel ex aliqua causa, ex qua senatus censuit abolitionem reorum fieri" (Ulp. in *Dig.* 48, 16, 12; ср. 48, 3, 2, 1). Домициан своим эдиктом объявил, что подобные *отмены* не распространяются на рабов, которые находятся под стражей в ожидании суда (*Dig.* 48, 16, 16; ср. 48, 3, 2, 1).

[1859] p. 249.

[1860] Упом. в *Dig.* 3, 1, 1, 10 "De qua autem restitutione praetor loquitur? Utrum de ea quae a principe vel a senatu? Pomponius quaerit: et putat de ea restitutione sensum, quam princeps vel senatus indulsit."

[1861] О Клавдии говорится (Suet. *Claud.* 12) "neminem exulum nisi ex senatus auctoritate restituit"; а об Антонине Пие (*Vita* 6) "His quos Hadrianus damnaverat in senatu indulgentias petit, dicens etiam ipsum Hadrianum hoc fuisse facturum."

[1862] Подобные действия упоминаются при Клавдии (Dio Cass. lx. 4), Отто (Тас. *Hist.* i. 90; Plut. *Otho* 1), Вителлии (Тас. *Hist.* ii. 92), Веспасиане (Dio Cass. lxvi. 9), Нерве (Plin. *Ep.* iv. 9, 2), Антонине Каракалле (*Vita* 3) и Гордиане (Herodian vii. 6, 4).

[1863] Тас. *Ann.* ii. 50 "(Тиберий) освободил ... Appuleiam lege maiestatis, adulterii graviolem poenam deprecatus."

[1864] p. 390.

[1865] О Гордиане говорится как о παλινδικίαν δίδους τοῖς ἀδίκως κατακριθεῖσι (Herodian vii. 6, 4).

[1866] Ulp. in *Dig.* 3, 1, 1, 10.

[1867] Suet. *Claud.* 14 "(Claudius) iis, qui apud privatos iudices pius petendo formula excidissent, restituit actiones"; *Dom.* 8 "(Domitianus) ambitiosas centumvirorum sententias rescidit."

[1868] Этой властью пользовались Август (Suet. *Aug.* 32 "Diuturnorum reorum ... nomina abolevit"), Гай (Suet. *Calig.* 15 "criminum ... si quae residua ex priore tempore manebant, omnium gratiam fecit"; ср. Dio Cass. lix. 6), Веспасиан (Dio Cass. lxvi. 9) и Домициан (Suet. *Dom.* 9).

[1869] p. 388.

[1870] Cic. in *Vat.* 14, 33.

[1871] p. 390.

[1872] *Dig.* 48, 19, 9, 11 "referre ad principem debet, ut ex auctoritate ejus poena aut permutetur aut liberaretur."

[1873] Смертная казнь декурионов была запрещена Адрианом (*Dig.* 48, 19, 15), а самые ранние *мандаты*, определяющие порядок действий губернаторов в таких случаях, исходят от *divi fratres* (ib. 48, 19, 27, 1 и 2). Ко времени Септимия Севера наказание в виде депортации

распространялось только на принцепса и префектов преторианской гвардии и города (ib. 48, 19, 2, 1 и 48, 22, 6, 1; ср. § 7).

[1874] Плиний часто поднимает этот вопрос в своей переписке с Траяном (31 [40], 4; 56 [64], 3; 57 [65], 1). Эти отрывки, по-видимому, показывают (i.) что в то время не существовало фиксированного правила, определяющего полномочия правителя *по restitutio*, по крайней мере, в государственных провинциях; (ii.) что *restitutio* правителя считалась допустимой в определенных случаях.

[1875] Отрывок из Кодекса Юстиниана (9, 51, 1) показывает нам, как Антонин (Каракалла) говорит человеку, который был сослан на остров: "Restituo te in integrum provinciae tuae."

[1876] Greenidge in *Classical Review* viii. p. 437.

[1877] Ср. Tac. *Ann.* iii. 53 (цитируется по с. 352).

[1878] Dio Cass. xliii. 48; Momms. *Staatsr.* ii. p. 557.

[1879] Tac. *Ann.* xiii. 29; Dio Cass. liii. 2; Suet. *Aug.* 36.

[1880] Tac. *l.c.*; Dio Cass. liii. 32.

[1881] Tac. *l.c.*; Dio Cass. lx. 24; Suet. *Claud.* 24. Об избрании принцепса см. надпись Ti. Domitius Decidius "electo (Mommsen, "adlecto" Wilmanns) a T. Claudio Caesare ... qui primus quaestor per triennium citra ordinem praeesset aerario Saturni" (Wilmanns n. 1135).

[1882] Momms. *Staatsr.* ii. p. 559.

[1883] Tac. *l.c.*; Mommsen *l.c.*

[1884] Dio Cass. lxxi. 33 καὶ χρήματα ἐκ τοῦ δημοσίου ᾗτησε τὴν βουλὴν.

[1885] О значении этого слова - большой корзины, в которой хранились деньги в государственных казначействах, - см. Mommsen *Staatsr.* ii. p. 998 n. 1. В начале принципата, возможно, существовали *fisci*, а не *fiscus* (ср. Suet. *Aug.* 101), хотя всегда должен был существовать центральный контролирующий орган.

[1886] Тиберий в 23 г. до н. э. говорит о Луцилии Капито, прокураторе Азии, "non se jus nisi in servitia et pecunias familiares dedisse" (Tac. *Ann.* iv. 15). Он, несомненно, был "procurator patrimonii". Ср. Tac. *Ann.* xii. 60 ("cum Claudius libertos, quos rei familiari praefecerat, sibi et legibus adaequaverit"); xiii. 1 "P. Celer eques Romanus et Helius libertus, rei familiari principis in Asia inpositi."

[1887] Marquardt *Staatsverwaltung* ii. p. 256.

[1888] *Vita Severi* 12 "interfectis innumeris Abani partium viris ... omnium bona publicata sunt.... Tuncque primum privatarum rerum procuratio constituta est." Общепринятым взглядом на отношения этих двух ведомств друг к другу является взгляд Хиршфельда и Марквардта, согласно которому *patrimonium* - это неотъемлемая собственность короны, а *res privata* - сугубо личная собственность принцепса. Карлова (*Rechtsgeschichte* i. p. 505) придерживается прямо противоположного взгляда на их отношения, основываясь отчасти на том факте, что сохранившиеся надписи показывают, что *procurator rationis privatae* имел более высокий ранг, чем *procurator patrimonii*.

[1889] *Mon. Anc.* iii. 39 "HS milliens et septingentiens (170 миллионов сестерций) ex patrimonio meo detuli."

[1890] Dio Cass. iv. 25; Tac. *Ann.* i. 78.

[1891] Dio Cass. l.c.; ср. Tac. *Ann.* v. 8 (vi. 3).

[1892] p. 351.

[1893] Tac. *Ann.* ii 85.

[1894] *ib.* iii. 61.

[1895] *ib.* xi. 15.

[1896] *Vita Aurel.* 31.

[1897] Mommsen *Römisches Münzwesen* pp. 742 ff. Он показывает, что временная узурпация Нероном чеканки медных монет была вызвана тем же желанием получить прибыль, что и снижение стоимости серебра.

[1898] *Dig.* 2, 15, 8 "divus Marcus oratione in senatu recitata effecit ne, etc.". Ср. 24, 1, 23; 27, 9, 1.

[1899] Тацит (*Ann.* vi. 2 [8]) отмечает, ссылаясь на предложения, внесенные в сенат в 32 г. н.э.: "et bona Sejani ablata aerario ut in fiscum cogerentur, tanquam referret."

[1900] Suet. *Aug.* 38 "Liberis senatorum, quo celerius rei publicae assuescerent, protinus ... latum clavum induere et curiae interesse permisit."

[1901] Wilmanns *Index* p. 602; ср. Suet. *Dom.* 10.

[1902] Август предоставил сыновьям сенаторов должность *praefectus alae*, а также *tribunus militum* (Suet. *Aug.* 38). Моммзен (*Staatsr.* i. p. 548) считает, что после Тиберия эти *латиклавии*, как правило, занимали только должность трибуна. Вряд ли им было дано настоящее командование, когда они впервые присоединились к штандартам".

[1903] Поэт Овидий, получивший *latus clavus* по праву рождения, сделал первые шаги к сенаторской карьере, заняв две должности в вигинтивирате, но дальше не пошел и скатился к конному званию (Ovid *Trist.* iv. 10, 29; *Fasti* iv. 383).

[1904] Suet. *Claud.* 24 "Senatoriam dignitatem recusantibus equestrem quoque ademit."

[1905] Suet. *Claud.* 24 "Latum clavum (quamvis initio affirmasset non lecturum se senatorem nisi civis Romani abnepotem) etiam libertini filio tribuit, sed sub conditione si prius ab equite Romano adoptatus esset." Затем Клавдий апеллировал к знаменитому прецеденту, созданному его предком Аппием Цеком.

[1906] *Dig.* 23, 2, 44.

[1907] *ib.* 1, 9, 8; 50, 1, 22, 5.

[1908] *ib.* 1, 9, §§ 5, 6, 7, 10.

[1909] Asc. *in or. in Tog. Cand.* p. 94.

[1910] Dio Cass. lxi. 16 ἐνομοθέτησε δὲ ... ἵνα μηδεὶς βουλευτῆς μητ' αὐτὸς μήτε δι' ἑτέρου τέλος τι μισθῶται.

[1911] Север Александр сначала запретил брать проценты, но впоследствии разрешил 6 процентов (*Vita* 26). Об инвестициях сенатора в более ранний период см. Plin. *Ep.* iii. 19, 8 "sum quidem prope totus in praediis, aliquid tamen fenero."

[1912] *Dig.* 50, 1, 23 "municeps esse desinit senatoriam adeptus dignitatem, quantum ad munera; quantum vero ad honorem, retinere creditur originem." Cp. ib. 1, 9, 11; 50, 1, 22, 5; *Cod.* 10, 40 [39], 8.

[1913] p. 387.

[1914] Friedländer *Sittengesch.* i. 3.

[1915] Dio Cass. lii. cc. 7, 15, 31; lxvii. 2.

[1916] См. с. 413.

[1917] p. 364.

[1918] p. 374.

[1919] Suet. *Claud.* 25 "stipendiaque instituit (Claudius) et imaginariae militiae genus, quod vocatur "supra numerum", quo absentes et titulo tenus fungerentur."

[1920] В 16 г. н. э. в сенате было внесено предложение "ut ... legionum legati, qui ante praetoram ea militia fungebantur, jam tum praetores destinarentur" (Tac. *Ann.* ii. 36).

[1921] Гальба - хороший пример выдающейся сенаторской карьеры. Он получил должность перед законным временем; после преторства он управлял Аквитанией, после консульства - Верхней Германией; затем он был проконсулом Африки и, наконец, в течение восьми лет легатом Тарраконенсиса. См. Suet. *Galba* 6, 7, 8.

[1922] Tac. *Ann.* iv. 6 "(государственные договоры) societatibus equitum Romanorum agitabantur".

[1923] Dio Cass. liii. 30. Антонию Мусе, спасшему жизнь Августу, было присвоено τὸ χρυσοῖς δακτυλίοις (ἀπελεύθερος γὰρ ἦν) χρῆσθαι: ib. xlviii. 45 (Август, о приеме Менаса, бывшего вольноотпущенника пол. Помпея) δακτυλίοις τε χρυσοῖς ἐκόσμησε καὶ ἐς τὸ τῶν ἱππέων τέλος ἐσέγραψε. Эти слова могут означать, что Менас также был сделан *eques equo publico*.

[1924] Цитируется рескрипт Адриана, в котором говорится о *праве ingenuitas*, даваемом золотым кольцом (Ulp. in *Dig.* 40, 10, 6). Другие упоминания об этом праве см. в *Dig.* 38, 2, 3; Justin. *Nov.* 78.

[1925] Узурпация золотого кольца вольноотпущенниками, которая была пресечена Клавдием (Suet. *Claud.* 25) и Домицианом, и инспекция в театре, учрежденная последним (Martial v. 8), похоже, относятся к гражданскому сословию; по крайней мере, нет никаких свидетельств того, что такие люди претендовали на звание *equites equo publico*. Когда Дион Кассий (lvi. 42) говорит о οἱ τε ἱππεῖς, οἱ τε ἐκ τοῦ τέλους καὶ οἱ ἄλλοι, неясно, кто такие "другие", но отрывок показывает, что другие лица, кроме тех, кто был в корпусе, назывались "equites".

[1926] Dionys. vi. 13.

[1927] *Севуры*, по-видимому, указывают на то, что *турмаев* было шесть. См. Hirschfeld *Verwaltungsgesch.* p. 243 n. 1.

[1928] Отсюда такие выражения, как *a divo Hadriano equo publico honoratus* (Wilmanns 1825), *equo publico exornatus ab Impp. Severo et Antonino Augg.* (ib. 1595).

[1929] p. 347.

[1930] p. 225. Вполне вероятно, что ревизия рыцарей, описанных в Suet. *Claud.* 16, *Vesp.* 9, относится к цензуре этих императоров.

[1931] *a censibus equitum Romanorum* (Wilmanns 1275), *a censibus a libellis Aug.* (ib. 1249 b), *a libellis et censibus* (ib. 1257).

[1932] p. 225.

[1933] Suet. *Aug.* 38 "equitum turmas frequenter recognovit, post longam intercapedinem reducto more transvectionis."

[1934] ib. 38 "mox reddendi equi gratiam fecit eis, qui majores annorum quinque et triginta retinere eum nollent."

[1935] ib. 39 "Unum quemque equitum rationem vitae reddere coegit."

[1936] Suet. *Calig.* 16 "palam adempto equo, quibus aut probri aliquid aut ignominiae inesset."

[1937] Suet. *Aug.* 37, 39.

[1938] При Калигуле (Suet. *Calig.* 16) и Нероне (Dio Cass. lxxiii. 13), а также, возможно, при Вителлии (Tac. *Hist.* ii. 62) и Северусе Александре (*Vita* 15).

[1939] Zosimus ii. 29.

[1940] Наряду с такими титулами, как *equo publico judex selectus ex V decuriis* (Wilmanns 2110) и *equum publicum habens adlectus in V decurias* (ib. 2203), мы находим титул *quin. decur. judi(cum) (inter) quatrigenarios* (Henzen 6469), в котором выражена чисто денежная квалификация.

[1941] Wilmanns nn. 1639, 2841, *Index* p. 564; Mommsen *Staatsr.* iii. p. 565.

[1942] Wilmanns n. 2858; Mommsen ib. n. 3.

[1943] Они могли быть включены в число *equites illustres*, которым Август запретил ступать в Египет (Tac. *Ann.* ii. 59 "vetitis nisi permissu ingredi senatoribus aut equitibus Romanis illustribus"), но рыцари, о которых здесь в основном идет речь, несомненно, являются выдающимися постоянными членами ордена.

[1944] Варианты, используемые Тацитом, применимы к обоим этим классам. Он использует *insignis* (*Ann.* xi. 5) и говорит о *primores equitum* (*Hist.* i. 4). Два бывших префекта преторианской гвардии описываются как *equites Romani dignitate senatoria* (*Ann.* xvi. 17). Ср. прим. 3.

[1945] О переходе из одного префекта в другой см. Mommsen *Staatsr.* ii. p. 1042 n. 1.

[1946] p. 61.

[1947] p. 120.

[1948] Tac. *Ann.* vi. 11 [17] "duratque simulacrum, quotiens ob ferias Latinas praeficitur qui consulare munus usurpet."

[1949] Suet. *Caes.* 76 "praefectos ... pro praetoribus constituit, qui absente se res urbanas administrarent"; Dio Cass. xliii. 28 πολιανόμοις τισὶν ὀκτώ, ὥς τισι δοκεῖ, ἢ ἕξ, ὡς μᾶλλον πεπίστευται, ἐπιτρέψας.

[1950] Tac. *Ann.* vi. 11 [17].

[1951] Tac. l.c.; ср. Dio Cass. liv. 19.

[1952] В Tac. *Ann.* vi. 10 [16] говорится о Л. Пизоне (умер в 32 г. н.э.) "praefectus urbi recens continuam potestatem et insolentia parendi graviores mire temperavit."

[1953] Мы находим Максима в качестве префекта во время пребывания Калигулы в Риме в 39 г. н.э. (Dio Cass. lix. 13).

[1954] Tac. *Ann.* vi. 11 [17] "(Augustus) sumpsit e consularibus".

[1955] *Vita Commodi* 14 "praefectos urbi eadem facilitate mutavit"; *Vita Pii* 8 "successorem viventi bono iudici nulli dedit nisi Orfito praefecto urbi, sed petenti." О частом пожизненном пребывании на этой должности см. Dio Cass. lii. 24.

[1956] Paulus in *Dig.* 5, 1, 12, 1 "(Judicem dare possunt) hi quibus id more concessum est propter vim imperii, sicut praefectus urbi ceterique Romae magistratus"; напротив, Pompon. in *Dig.* 1, 2, 2, 33 "nam praefectus annonae et vigillum non sunt magistratus, sed extra ordinem utilitatis causa constituti sunt."

[1957] Мессала Корвин, префект около 25 г. до н. э. (Иероним в Euseb. *Chron.* а. 1991).

[1958] Seneca *Ep.* 83, 14 "L. Piso urbis custos ... officium ... suum, quo tutela urbis continebatur, diligentissime administravit."

[1959] Suet. *Aug.* 49.

[1960] Tac. *Ann.* iv. 5.

[1961] *Dig.* 1, 12.

[1962] Tac. *Ann.* xiv. 41 (61 г. н. э.) "pari ignominia (запрет на въезд в Италию) Valerius Ponticus adficitur, quod reos, ne apud praefectum urbis arguerentur, ad praetorem detulisset, interim specie legum, mox praevaricando ultionem elusus."

[1963] Dio Cass. lii. 21 καὶ τὰς δίκας, τὰς τε παρὰ πάντων ὧν εἶπον ἀρχόντων ἐφεσίμους τε καὶ ἀναπομπίμους καὶ τὰς τοῦ θανάτου, τοῖς τε ἐν τῇ πόλει, πλὴν ὧν ἂν εἴπω, καὶ τοῖς ἔξω αὐτῆς μέχρι πεντήκοντα καὶ ἑπτακοσίων σταδίων οἰκοῦσι κρίνῃ: Ulp. in *Dig.* 1, 12, 1 "Omnia omnino crimina praefectura urbis sibi vindicavit [a praefectura urbis sibi vindicari, *Momms.*], nec tantum ea, quae intra urbem admittuntur, verum ea quoque, quae extra urbem intra Italiam [intra c̄ lapidem, *Momms*, ср. 1, 12, 1, 4] epistula divi Severi ad Fabium Cilonem praefectum urbi missa declaratur."

[1964] *Dig.* 1, 12, 3; 48, 19, 8, 5.

[1965] *Collatio* 14, 3, 2; *Dig.* 1, 12, 1, 4. Ср. прим. 5.

[1966] Ulp. in *Dig.* 1, 12, 3 "Praefectus urbi, cum terminos urbis exierit, potestatem non habet: extra urbem potest jubere judicare."

[1967] *Dig.* 1, 12, 1, 6 "Sed et ex interdictis quod vi aut clam aut interdicto unde vi audire [aut unde vi adiri, *Momms.*] potest."

[1968] Dio Cass. lii. 21 (цитируется по п. 5); *Cod.* 7, 62, 17 (Константин, 322 г. н.э.) "si apud utrumque praetorem, dum quaestio ventilatur, ab aliqua parte auxilium provocationis fuerit objectum, praefecturae urbis iudicium sacrum appellator observet."

[1969] Dio Cass. liii. 11.

[1970] Tac. *Ann.* iv. 5. Отто говорит о корпусе как о "Italiae alumni et Romana vere juvenus" (Tac. *Hist.* i 84).

[1971] Suet. *Tit.* 6.

[1972] *Vita Severi* 14.

[1973] Два считаются нормальным числом у Дио Кассия (lii. 24). Три встречаются при Коммодe, Дидии Юлиане и Севере Александре. См. Mommsen *Staatsr.* ii. p. 867.

[1974] *Collatio* 14, 3, 2. Право давалось конституциями ("jam eo perventum est constitutionibus"). Цитата приведена из Ульпиана, и эта юрисдикция, несомненно, была достигнута до времен Каракаллы. Ср. *Vita Alex.* 21.

[1975] *Cod.* 9, 2, 6, 1 (Гордиан, 243 г. н.э., со ссылкой на апелляцию против *praeses provinciae* на основании осуждения в отсутствие) "praefectos praetorio adire cura."

[1976] *ib.* 4, 65, 4, 1 (Александр, 222 г. н. э.) "si maiorem animadversionem exigere rem deprehenderit (praeses provinciae), ad Domitium Ulpianum praefectum praetorio et parentem meum reos remittere curabit"; cf. 8, 40 [41], 13.

[1977] *Dig.* 12, 1, 40 "Lecta est in auditorio Aemilii Papiniani praefecti praetorio juris consulti cautio huiusmodi"; ср. 22, 1, 3, 3.

[1978] p. 386.

[1979] *Dig.* 1, 11, 1, 1 (Аркадий в начале IV в. н. э.) "praefectorum auctoritas ... in tantum meruit augeri ut appellari a praefectis praetorio non possit. Nam cum antea quaesitum fuisset an liceret ... et extarent exempla eorum qui provocaverint, postea publice sententia principali lecta appellandi facultas interdicta est;" *Cod.* 7, 62, 19 (Константин, 331 г. н.э.) "a praefectis autem praetorio provocare non sinimus."

[1980] Ср. *Vita Marci* 11 "habuit secum praefectos, quorum et auctoritate et periculo semper iura dictavit."

[1981] См. ниже о *консилиуме*.

[1982] Karlowa *Rechtsgesch.* i. p. 549. Рыцарь III в. назначен в *consilium praef. praet. item urb(i) ex sacra iussione* (Henzen 6519). Ср. Mommsen *Staatsr.* ii. p. 1122 n. 1.

[1983] *Cod.* 1, 26, 2 (Александр, 235 г. н. э.) "Formam a praefecto praetorio datam, etsi generalis sit, minime legibus vel constitutionibus contrariam, si nihil postea ex auctoritate mea innovatum est, servari aequum est."

[1984] *Vita Alex.* 21.

[1985] *ib.* "Alexander autem idcirco senatores esse voluit praef. praet., ne quis non senator de Romano senatore iudicaret."

[1986] *ib.* "si quis imperatorum successorem praef. praet. dare vellet, laticlaviam eidem ... summitteret"; cf. *Vita Commodi* 4; *Vita Hadriani* 8 "cum Attianum ex praefecto praetorii ornamentis consularibus praeditum faceret senatorem."

[1987] Cic. *ad Att.* iv. 1, 7; Dio Cass. xxxix. 9.

[1988] Dio Cass. xlv. 39.

[1989] *Dig.* 1, 2, 2, 32.

[1990] Dio Cass. liv. 1; *Mon. Anc. Gr.* iii. 6.

[1991] Mommsen *Staatsr.* ii. p. 1038 n. 1; Hirschfeld *Verwaltungsgesch.* p. 130 n. 1; Karlowa *Rechtsgesch.* i. p. 553.

[1992] Dio Cass. liv. 17; lv. 26.

[1993] *Praefecti frumenti dandi* встречаются, очевидно, с целью распространения, уже во втором веке. Как правило, они были бывшими преторами и назначались *ex senatus consulto*, вероятно, потому, что *aerarium* нес расходы или участвовал в них. См. Mommsen *Staatsr.* ii. p. 673; Karlowa *Rechtsgesch.* i. p. 553.

[1994] Dio Cass. lii. 24; Seneca *de Brev. Vitae* 19, 1.

[1995] Hirschfeld in *Philologus* 1870, pp. 79 ff.

[1996] Karlowa *Rechtsgesch.* i p. 556.

[1997] *Dig.* 48, 2, 13; *cp.* 48, 12, 1.

[1998] *ib.* 14, 5, 8; 14, 1, 1, 18.

[1999] *ib.* 14, 5, 8 "sententiam (praefecti annonae) conservavit imperator"; *cp.* Dio Cass. lii. 33.

[2000] p. 235.

[2001] Dio Cass. liv. 2.

[2002] Paulus in *Dig.* 1, 15, 1 и 3.

[2003] Karlowa *Rechtsgesch.* i. p. 558.

[2004] *Dig.* 1, 15; *cp.* 12, 4, 15; 47, 2, 57 [56], 1.

[2005] *ib.* 1, 15, 3 и 4; *Cod.* 1, 43, 1.

[2006] *Dig.* 19, 2, 56; 20, 2, 9. *Praefecti vigilum* (один из них - юрист Геренний Модестин) принимают участие в споре, дошедшем до нас под названием *lis fullonum* (Bruns *Fontes; C.I.L.* vi. n. 266). Это дело обсуждалось Бетманн-Хольвегом в *Civilprozess* ii. p. 767 n. 60 и Моммзеном в *C.I.L.* l.c.; *Staatsr.* ii. p. 1058 n. 3.

[2007] Karlowa *Rechtsgesch.* i. p. 539.

[2008] Существуют монеты 16 г. до н. э. (Eckhel vi. 105) с надписью "s. p. q. R. imp. Cae(sari), quod v(iae) m(unitae) s(unt) ex ea p(ecunia) q(uam) is ad a(erarium) de(tulit)"; *cp.* *Vita Pert.* 9

"aerarium in suum statum restituit. Ad opera publica certum sumptum constituit. Reformandis viis pecuniam contulit."

[2009] Frontinus *de Aquaed.* 100 и 104.

[2010] Dio Cass. lvii. 14.

[2011] Tac. *Hist.* i. 58.

[2012] Cic. *pro Caec.* 20, 57.

[2013] Tac. *Ann.* iv. 6 "intra paucos libertos domus".

[2014] Tac. *Hist.* i. 58 "Vitellius ministeria principatus per libertos agi solita in equites Romanos disponit." В правление Оттона мы находим упоминание о риторе Секунде ἐπὶ τῶν ἐπιστολῶν γένόμενος (Plut. *Otho* 9).

[2015] Свидетельства об изменении Адриана в основном эпиграфические. См. Hirschfeld *Verwaltungsgesch.* i. p. 32. Два случая встречаются в *Vita Hadr.* 22 "ab epistulis et a libellis primus equites Romanos habuit."

[2016] Dio Cass. lii. 25.

[2017] Tac. *Agric.* 4 "Cn. Julius Agricola ... utrumque avum procuratorem Caesarum habuit, quae equestris nobilitas est."

[2018] p. 405.

[2019] т. е. должности *praefectus cohortis*, *tribunus militum*, *praefectus alae*. См. Suet. *Claud.* 25.

[2020] Hirschfeld *op. cit.* p. 248.

[2021] Tac. *Ann.* iv. 15. См. p. 395.

[2022] Ulp. in *Dig.* 1, 19, 1, 1 "si venditionis vel donationis vel transactionis causa quid agat, nihil agit: non enim alienare ei rem Caesaris, sed diligenter gerere commissum est."

[2023] *Dig.* 1, 19, 1.

[2024] Suet. *Claud.* 12 "ut ... rata essent, quae procuratores sui in iudicando statuerent, precario exegit" (от сената). Тацит преувеличивает характер изменений, когда говорит, что "Claudius libertos, quos rei familiari praefecerat, sibique et legibus adaequaverit" (*Ann.* xii. 60).

[2025] Ср. Ulp. in *Dig.* 1, 16, 9 (в отношении обязанностей проконсула) "sane si fiscalis pecuniaria causa sit, quae ad procuratorem principis respicit, melius fecerit, si abstineat."

[2026] Henzen 6525.

[2027] Wilmanns 1259, 1262.

[2028] *Cod.* 3, 26, 7.

[2029] Suet. *Vesp.* 12; Henzen 6396.

[2030] *C.I.L.* v. n. 737.

[2031] Hirschfeld *Verwaltungsgesch.* i. p. 32.

[2032] *ib.* p. 35.

[2033] Ср. название *Dig.* 1, 19 "De officio procuratoris Caesaris vel rationalis".

[2034] Hirschfeld, *op. cit.* p. 37; Liebenam *Beiträge zur Verwaltungsgesch.* p. 32.

[2035] Strabo iii. p. 167. Название *a copiis militaribus* встречается в надписях (Orelli 2922, 3505).

[2036] Тас. *Ann.* ii. 47. Здесь говорится о городах Азии: "quantum aerario aut fisco pendebant, in quinquennium remisit (Caesar)." Прокуратор Азии из *Ann.* iv. 15 - это, вероятно, *procurator patrimonii*. См. с. 395.

[2037] p. 395. О прокураторах *ad bona damnatorum* см. Wilmanns 1278, 1291. О *procurator a caducis* см. *C.I.L.* iii. n. 1622.

[2038] Wilmanns 1257, 1272, 1273, 1275, 1285.

[2039] p. 396.

[2040] Тимесифей, тесть Гордиана, был *proc. tam patrimonii quam rat. privatar.* в одном округе, *proc. ration. privat.* в другом (Wilmanns 1293).

[2041] Herodian vii. 1 (Maximin) τὴν τε θεραπείαν πᾶσαν, ἣ συγγεγόνει τῷ Ἀλεξάνδρῳ τοσοῦτων ἑτῶν, τῆς βασιλείου αὐλῆς ἀπέπεμψε: cf. *Vita Pert.* 12 "Sane nullum ex eis, quos Commodus rebus gerendis imposuerat, mutavit, exspectans urbis natalem, quod eum diem rerum principium volebat esse."

[2042] Liebenam *op. cit.* p. 55.

[2043] *Vita Nigri* 7 "cum unus ad memoriam, alter ad libellos paruisset, statim praefecti facti sunt (Paulus et Ulpianus)."

[2044] Это можно проиллюстрировать на примере карьеры Бурруса (*proc. Augustae, proc. Ti. Caesaris, proc. divi Claudii, praefecto praetori, C.I.L.* xii. 5842), Вибиана Тертулла (*ab epistulis Graecis, proc. a rationibus, praefectus vigilum, C.I.L.* iii. 6574) и Секс. Вар. Марцелла (*proc. aquarum, proc. Britanniae, proc. rationis privatae, vice-praefectus praetorio, Orelli* 946).

[2045] Тас. *Ann.* xv. 35 (при Нероне, в 64 г. н. э., Торкват Силан был принужден к смерти на различных основаниях) "quin eum inter libertos habere, quos ab epistulis et libellis et rationibus appellet, nomina summae curae et meditamenta"; cf. *ib.* xvi. 8 (65 г. н.э.) "Ipsum dehinc Silanum increpuit isdem quibus patruum ejus Torquatum, tanquam disponderet jam imperii curas praeficeretque rationibus et libellis et epistulis libertos."

[2046] Dio Cass. lii. 33; Stat. *Silv.* v. 1, esp. 83-107; Justinus xliii. 5, 12; Suid. s.v. Διονύσιος.

[2047] Seneca *Cons. ad Polyb.* vi. 4 и 5.

[2048] *Vita Carini* 16 "fastidium subscribendi tantum habuit ut inpurum quendam ... ad subscribendum poneret." Сам принцепс, возможно, написал не больше своей подписи. См. *Vita Commodi* 13: "ipse Commodus in subscribendo tardus et neglegens, ita ut libellis una forma multis subscriberet."

[2049] Karlowa *Rechtsgesch.* i. p. 545.

[2050] Dio Cass. *Ep.* lxxviii. 13.

[2051] Karlowa l.c.

[2052] *Vita Carini* 8 "Julius Calpurnius, qui ad memoriam dictabat." Он присутствовал при принце вместе с другими секретарями; см. *Vita Alex.* 31 "Postmeridianas horas subscriptioni et lectioni epistularum semper dedit, ita ut ab epistulis, a libellis et a memoria semper adsisterent."

[2053] Этот *консилиум* не следует путать с комитетом сената, который действовал при Августе и Тиберии, но впоследствии был упразднен. Эта коллегия, состоявшая из некоторых магистратов и нескольких сенаторов, выбранных по жребию, предварительно рассматривала дела, выносимые на рассмотрение сената (Suet. *Aug.* 35; *Tib.* 55; Dio Cass. liii. 21). Нечто подобное было придумано Мамаем в царствование Севера Александра (Dio Cass. lxxx. 1; Herodian vi. 1).

[2054] Dio Cass. lv. 27; lvii. 7.

[2055] Tac. *Ann.* iii. 10 "paucis familiarium adhibitis" (в суде над Пизоном, 20 г. н.э.). В суде Нерона над Октавией в 62 г. н. э. его советники ("amicos quos velut consilio adhibuerat princeps" Tac. *Ann.* xiv. 62), возможно, рассматривались как *consilium domesticum*.

[2056] *Vita Hadr.* 18 "cum iudicaret, in consilio habuit non amicos suos aut comites solum, sed juris consultos ... quos tamen senatus omnes probasset."

[2057] Hirschfeld *Verwaltungsgesch.* i. p. 215. Вероятно, только конные члены этой коллегии получали жалованье (Mommsen *Staatsr.* ii. p. 990).

[2058] Ср. *Vita Hadr.* 8 "erat ... tunc mos, ut, cum princeps causas agnosceret, et senatores et equites Romanos in consilium vocaret et sententiam ex omnium deliberatione proferret."

[2059] например, "centenario consiliario Aug(usti) ... juris perito" (Wilmanns 1286).

[2060] p. 380.

[2061] *Vita Alex.* 16 "neque ullam constitutionem sacravit sine viginti jurisperitis et doctissimis ac sapientibus viris isdemque disertissimis non minus quinquaginta."

[2062] В предполагаемом совете Мецената Августу, который в этом, как и в других отношениях, вероятно, отражает практику времен Дио Кассия, говорится о *консилиуме* ἄλλοι ἄλλοτε διαγινώσκέτωσαν (Dio Cass. lii. 33).

[2063] Suet. *Aug.* 33.

[2064] Suet. *Nero* 15.

[2065] *Vita Alex.* 16 "ut iretur per sententias singulorum ac scriberetur quid quisque dixisset."

[2066] p. 410.

[2067] p. 314.

[2068] Plin. *H.N.* iii. 46 "nunc ambitum ejus (Italiae) urbesque enumerabimus, qua in re praefari necessarium est auctorem nos divum Augustum secuturos, descriptionemque ab eo factam Italiae totius in regiones XI."

[2069] См. ссылки в Marquardt *Staatsverw.* i. p. 220.

[2070] *Lex Malacitana* c. lii. ff.

[2071] Kuhn *Verfassung des römischen Reiches* i. pp. 236, 237. В надписи времен Адриана мы находим в Остии *Il. vir ... in comitiis factus* (C.I.L. xiv. 375). Об этом и других случаях см. Liebenam *Städteverwaltung* p. 479.

[2072] p. 438.

[2073] *Vita Hadr.* 22 "quattuor consulares per omnem Italiam iudices constituit". Об Антонине Пие, который был одним из них, сказано: "cum Italiam regeret" (*Vita Anton.* 3). Ср. App. B.C. i. 38.

[2074] *Vita M. Anton.* 11 "datis iudicibus Italiae consuluit ad id exemplum, quo Hadrianus consulares viros reddere iura praeceperat."

[2075] Ulpian in *Fragmenta Vaticana* 205, 232, 241.

[2076] Ulp. l.c.; *Dig.* 40, 5, 41, 5.

[2077] Fronto *ad Amicos* ii. 7.

[2078] Marquardt (*Staatsverw.* i. p. 227) отмечает, что такой вопрос, как квалификация декуриона, по законодательству Цезаря (*lex Ursonensis* с. 105) относится к компетенции муниципальных судов.

[2079] pp. 408, 410.

[2080] Mommsen *Staatsr.* ii. p. 1082, Liebenam *Städteverw.* p. 480, и в *Philologus* lvi. 290 и далее. Насколько это кураторство стало постоянной должностью, точно не известно.

[2081] p. 428.

[2082] Первый официальный *ad corrigendum statum Italiae* относится к 214 году н.э., а провинциальный *корректор* восходит ко времени Траяна (Marquardt *Staatsverw.* i. pp. 228, 229).

[2083] См. надпись Атины времен Августа (Wilmanms 1120): "T. Helvio ... legato Caesaris Augusti, qui Atinatibus HS ... legavit, ut liberis eorum ex reditu, dum in aetatem pervenirent, frumentum et postea sestertia singula millia darentur."

[2084] Victor *Epit.* 12; Dio Cass. lxxviii. 5.

[2085] Marquardt *Staatsverw.* ii. pp. 143, 144. Пий, в честь своей жены Фаустины, создал фонд для *puellae Faustinae* (Жумье 8); Александр, в честь своей матери, - фонд для *pueri puellaeque Mammaeani* (Жумье 57).

[2086] Наши знания об этом учреждении получены главным образом из двух металлических таблиц, *Tabula Veleias* (из Велеи в Цизальпинской Галлии) и *Tabula Baebianorum* (из Ligure Baebiani около Беневента). См. E. Desjardins *De tabulis alimentariis*, Mommsen in *I.R.N.* 1354, Wilmanms 2844, 2845. Об этом учреждении см. Marquardt *Staatsverw.* ii. pp. 141-147, Liebenam *Städteverw.* pp. 105, 360.

[2087] p. 413.

[2088] Например, *curator viae Appiae, praefectus alimentorum: curator viarum et praefectus alimentorum Clodiae et coherentium: curator viae Aemiliae et alimentorum* (Wilmanms 1189, 1215, 1211). См. Marquardt, Liebenam ll.cc., и Mommsen *Staatsr.* ii. p. 1079. В районах, не пронизанных большими дорогами, работали прокураторы (*alimentorum, ad alimenta*).

[2089] Marquardt l.c. p. 147.

[2090] Tac. *Ann.* i. 2 "Neque provinciae ilium rerum statum abnuebant, suspecto senatus populique imperio ob certamina potentium et avaritiam magistratuum, invalido legum auxilio, quae vi, ambitu, postremo pecunia turbabantur."

[2091] *ῥῆμος* καὶ *ὑπερουσία* (Dio Cass. liii. 12). Эти провинции - "propriae populi Romani" в отличие от "propriae Caesaris" (Gaius ii. 21).

[2092] Tac. *Ann.* i. 76; Dio Cass. lx. 24; Suet. *Claud.* 25.

[2093] *Vita Marci* 22 "Provincias ex proconsularibus consulares (т.е. управляемые консульскими *легатами*) aut ex consularibus proconsulares aut praetorias pro belli necessitate fecit."

[2094] Азия, Африка, Баэтика, Нарбоненсис, Сардиния и Корсика, Сицилия, Македония, Ахейя, Крета и Кириния, Кипр, Вифиния.

[2095] Tarraconensis, Germania superior, Germania inferior, Brittania, Pannonia sup., Pannonia inf., Moesia sup., Moesia inf., Dacia, Dalmatia, Cappadocia, Syria, Lusitania, Aquitania, Lugdunensis, Belgica, Galatia, Pamphylia and Lycia, Cilicia, Arabia, Numidia. См. Marquardt *Staatsv.* i. p. 494.

[2096] Alpes Maritimae, Alpes Cottiae, Alpes Poeninae, Raetia, Noricum, Thracia, Epirus, Mauretania Tingitana, Mauretania Caesariensis. См. Marquardt l.c.

[2097] Suet. *Aug.* 47, *Claud.* 25, *Vesp.* 8.

[2098] Mommsen *Staatsr.* ii. p. 858; Marquardt *Staatsverw.* i. p. 358. Самый ранний из известных уполномоченных относится ко времени Траяна. Он был "missus in provinciam Achaia ... ad ordinandum statum liberarum civitatum" (Plin. *Ep.* viii. 24).

[2099] Tac. *Ann.* ii. 47.

[2100] Strabo xiii. p. 621; Cic. *pro Flacco* 29, 71.

[2101] Tac. *Ann.* xii. 63.

[2102] Mommsen *Staatsr.* iii. p. 684.

[2103] Моммзен указывает (ib. p. 685), что, если бы это было так, Испания после Веспасиана не платила бы налогов.

[2104] *C.I.L.* iii. n. 781.

[2105] *Dig.* 27, 1, 17; ср. Suet. *Claud.* 25.

[2106] *Dig.* 50, 15, 8, 5 "Divus Antoninus Antiochenses colonos fecit salvis tributis."

[2107] *ib.* 7 "Divus Vespasianus Caesarienses colonos fecit non adjecto ut et juris Italici essent, sed tributum his remisit capitis; sed divus Titus etiam solum immune factum interpretatus est."

[2108] *Dig.* l.c.

[2109] "Rationes imperii" (Suet. *Cal.* 16), λογισμοὺς τῶν δημοσίων χρημάτων (Dio Cass. lix. 9). Ср. Tac. *Ann.* i. 11.

[2110] Marquardt *Staatsverw.* ii. pp. 207-211.

[2111] Dio Cass. liii. 17.

[2112] Liv. *Ep.* 134; cp. Dio Cass. liii. 22.

[2113] Tac. *Ann.* i 31 и 33; ii. 6; xiv. 46.

[2114] Dio Cassius (liii. 22), сказав, что Август сделал ἀπογραφαί в галльских провинциях, добавляет κἀντεῦθεν ἕς τε τὴν Ἰβηρίαν ἀφίκετο, καὶ κατεστήσατο καὶ ἐκείνην.

[2115] Св. Лука ii. 2; Иосиф. *Antiq.* xvii. 355.

[2116] См. надписи, собранные Кубичеком в Pauly-Wissowa *Real-Encyclopädie*, s.v. *census*.

[2117] В "Трех Галлиях" прокуратор почитается как "primus umquam eq(ues) R(omanus) a censibus accipiendis" (Wilmanns 1269). Надпись относится к совместному правлению Севера и Каракаллы.

[2118] Kubitschek l.c.

[2119] Главное свидетельство того, что это было так, исходит из провинции Дакия. В документе о продаже из Альбурнум Майус, датированном 6 мая 159 г. н. э., покупатель дома обязуется "[uti] ... pro ea domo tributa usque ad recensum dep[er]n[er]at]" (Bruns *Fontes*).

[2120] *Dig.* 50, 15, 3 "in Syriis a quattuordecim annis masculi, a duodecim feminae usque ad sexagesimum quintum annum tributo capitis obligantur."

[2121] Grenfell and Hunt *Oxyrhynchus Papyri* ii. pp. 207 ff.

[2122] *Dig.* 50, 15, 4 "Forma censuali cavetur, ut agri sic in censum referantur. Nomen fundi cujusque: et in qua civitate et in quo pago sit: et quos duos vicinos proximos habeat. Et arvum ... vinea ... olivae ... pratum ... pascua ... silvae caeduae."

[2123] Plin. *H.N.* xix. 40; xxi. 77; Tac. *Ann.* iv. 72.

[2124] Josephus *Bell. Jud.* ii. 16, 4; cp. Grenfell and Hunt l.c.

[2125] Josephus *Bell. Jud.* vii. 6, 6. Однако, похоже, евреи платили и другие личные налоги. См. App. *Syr.* 50; Marquardt *Staatsverw.* ii. p. 202.

[2126] Боадикей заставляют сказать, что, кроме поземельного налога, τῶν σωμάτων αὐτῶν δασμὸν ἐτήσιον φέρομεν (Dio Cass. lxii. 3).

[2127] *C. I. Gr.* 2336.

[2128] p. 321.

[2129] Gaius ii. 21 "(provincialia praedia) quorum alia stipendiaria, alia tributaria vocamus. Stipendiaria sunt ea, quae in iis provinciis sunt quae propriae populi Romani esse intelliguntur. Tributaria sunt ea, quae in his provinciis sunt quae propriae Caesaris esse creduntur."

[2130] Tac. *Ann.* iv. 6 "frumento et pecuniae vectigales, cetera publicorum fructuum, societatibus equitum Romanorum agitabantur." Cp. "societates vectigalium" (xiii. 50).

[2131] *ib.* xiii. 50, 51.

[2132] *Dig.* 39, 4.

[2133] Plin. *Paneg.* 37.

[2134] *Procuratores* и *publicani* занимаются одними и теми же налогами в одной и той же провинции, например, *procurator IIII. publicorum Africae* (C.I.L. iii. 3925; Wilmanns 1242), *conductor IIII. p. Afr.* (C.I.L. vi. 8588).

[2135] p. 417.

[2136] *Tabularium censuale* (C.I.L. ii. 4248). О связанных с ним чиновниках, называемых *tabularii*, см. Wilmanns *Index* p. 572.

[2137] p. 323.

[2138] Dio Cass. xlii. 20.

[2139] *ib.* liii. 14.

[2140] Tac. *Ann.* iii. 32. В 22 г. н. э. было вновь решено, что Фламен Диалис не может покидать Италию, "ita sors Asiae in eum qui consularium ... proximus erat conlata" (*ib.* iii. 71).

[2141] Dio Cass. liii. 13.

[2142] *ib.*

[2143] "Salarium proconsulare" (Tac. *Agric.* 42).

[2144] Dio Cass. l.c.

[2145] Tac. *Hist.* iv. 48.

[2146] Tac. *Ann.* iii. 35 (о начале войны с Такфаринном в 21 г. н.э.) "Tiberius ... M'. Lepidum et Junium Blaesum nominavit, ex quis pro consule Africae legeretur."

[2147] *πάρεδροι* (Dio Cass. liii. 14).

[2148] Wilmanns *Index* p. 553.

[2149] Gaius i. 6. Об изменении положения этих помощников проконсулов см. Bethmann-Hollweg *Civilprozess* ii. p. 102; Greenidge in *Class. Rev.* ix. p. 258.

[2150] pp. 417, 385.

[2151] За исключением случаев, когда иногда назначался коллега. См. с. 360.

[2152] *Dig.* 1, 21, 5.

[2153] Dio Cassius (lii. 22) приписывает эту власть ἕς μόνον τὸν ὑπατεύκοντα ἄρχοντα, т.е. *legatus consularis*.

[2154] Dio Cass. liii. 13.

[2155] Wilmanns *Index* p. 559.

[2156] Tac. *Ann.* i. 80; vi. 39; iv. 18.

[2157] Plut. *Galba* 4.

[2158] Dio Cass. liii. 13; Tac. *Ann.* i. 80.

[2159] Dio Cass. liii. 23

[2160] Wilmanns 1267; *procurator vices agens legati* (ib. 1622 a). К ним также применялся титул *procurator et praeses*. Прокуратор *vice praesidis* - это обычный прокуратор, временно исполнявший обязанности регулярного губернатора провинции (Wilmanns *Index* p. 568).

[2161] См. с. 428; и ср. Tac. *Hist.* i. 11.

[2162] Josephus *Antiq. Jud.* xviii. 4, 2.

[2163] *Leg. pro pr. exercitus Germanici superioris, legato pro pr. Germaniae super(ioris) et exercitus in ea tendentis* (Wilmanns 867, 1186). Ср. Tac. *Ann.* vi. 30 "Gaetulicus ea tempestate superioris Germaniae legiones curabat."

[2164] Tac. *Ann.* i. 31.

[2165] Tac. *Hist.* i. 11 "Aegyptum copiasque, quibus coerceretur, jam inde a divo Augusto equites Romani obtinent loco regum: ita visum expedire provinciam aditu difficilem, annonae fecundam ... domi retinere."

[2166] Tac. *Ann.* ii. 59 "Augustus ... vetitis nisi permissu ingredi senatoribus aut equitibus Romanis illustribus, seposuit Aegyptum, ne fame urgueret Italiam, quisquis eam provinciam claustraque terrae ac maris ... insedisset."

[2167] Ульпиан (в *Dig.* 1, 17, 1) говорит о том, что у него был "imperium ... ad similitudinem proconsulis".

[2168] Tac. *Ann.* xii. 60 "divus Augustus apud equestres, qui Aegypto praesiderent, lege agi decretaque eorum proinde haberi jusserat, ac si magistratus Romani constituissent."

[2169] Cic. *ad Att.* xiv. 12, 1; Tac. *Ann.* xiii. 32; Plin. *H.N.* iii. 30.

[2170] См. Mitteis *Reichsrecht und Volksrecht*.

[2171] Ср. Plin. *Epp. ad Traj.* 17 (28), 37 (46), 39 (48), 47 (56), 54 (62), 111 (112).

[2172] Малацитанский устав (устав латинской колонии в Испании, основанной в 81-84 гг. н. э.) содержит (с. li.) подробные положения о принуждении кандидатов к выдвижению на должность (Bruns *Fontes*). Траян в письме к Плинию говорит о тех, кто "qui inviti fiunt decuriones" (Plin. *Ep. ad Traj.* 113 [114]).

[2173] См. Marquardt *Staatsverw.* i. p. 190; Kuhn *Verfassung des römischen Reichs* i. p. 238. Ср. Plin. *ad Traj.* 112 (113) "ii quos indulgentia tua quibusdam civitatibus super legitimum numerum adicere permisit." Напротив, принцип приема в местные сенаты, признанный в *lex Julia Munic.* l. 85 "nei quis eorum quem ... legito neve sublegito ... nisi in demortuei damnateive locum."

[2174] *Lex Julia Munic.* l. 135 "Il vir(atum) III vir(atum) aliamve quam potestatem, ex quo honore in eum ordinem perveniat."

[2175] Paulus in *Dig.* 50, 2, 7, 2 "Is, qui non sit decurio, duumviratu vel aliis honoribus fungi non potest, quia decurionum honoribus plebei fungi prohibentur."

[2176] *Dig.* 50, 2, 1.

[2177] ib. 50, 4, 1, 3 "Illud tenendum est generaliter personale quidem munus esse, quod corporibus labore cum sollicitudine animi ac vigilantia sollemniter extitit, patrimonii vero, in quo

sumptus maxime postulatur." Однако эти две идеи часто были неразделимы. Отсюда и признание Аркадием *mixta munera* (50, 4, 18). Полное перечисление *munera* см. в Kuhn *Verfassung* i. pp. 35 и далее.

[2178] *Dig.* 50, 4, 1, 2; 50, 4, 18, 8, 16 и 26.

[2179] *ib.* 50, 4, 1, 1.

[2180] О том, что иногда применялось принуждение, свидетельствует Тацит *Ann.* iv. 36: "objecta publice Cyzicenis incuria caerimoniarum divi Augusti, additis violentiae criminibus adversum cives Romanos. Et amisere libertatem".

[2181] Ср. Plin. *Paneg.* 80 "velocissimi sideris more omnia invisere, omnia audire, et undecumque invocatum statim, velut numen, adesse et adsistere. Talia esse crediderim quae ipse mundi parens temperat nutu ... tantum caelo vacat, postquam te dedit, qui erga omne hominum genus vice sua fungeris." Буассье (*La Religion Romaine* i. pp. 206, 207) цитирует очень похожий отрывок из Боссюэ, который заключает: "qu'il faut obéir aux princes comme à la justice même; ils sont des dieux et participent en quelque façon à l'indépendance divine."

[2182] Dio Cass. li. 22.

[2183] *ib.* liv. 25.

[2184] Joseph. *Antiq.* xv. 10, 3.

[2185] Suet. *Aug.* 52 "templa, quamvis sciret etiam proconsulibus decerni solere, in nulla tamen provincia nisi communi suo Romaeque nomine recepit."

[2186] Eckhel *Doctrina Numorum* ii. 466.

[2187] Dio Cass. liv. 32; Rhys *Hibbert Lectures* pp. 409, 421, 424.

[2188] Tac. *Ann.* i. 57.

[2189] Egger *Examen critique des historiens du règne d'Auguste* App. ii. pp. 360-375.

[2190] Murlot *Histoire de l'Augustalité dans l'Empire Romain* pp. 29-33.

[2191] Tac. *Ann.* i. 73.

[2192] Так, в 15 г. н. э. был возведен храм в Таррако (Tac. *Ann.* i. 78).

[2193] p. 363.

[2194] Suet. *Vesp.* 23 "Prima quoque morbi accessione, 'Vae,' inquit, 'puto, Deus fio.'"

[2195] *Vita Marci* 18.

[2196] Tac. *Ann.* i. 54.

[2197] См. надпись из Нарбонны в Rushforth *Latin Historical Inscriptions* n. 35. В данном случае *Фламиника* была женой *Фламена*, как и в Риме; но в муниципальных городах это обычно не так. См. Marquardt *Staatsverw.* i. p. 174.

[2198] Mommsen *Staatsr.* iii p. 455.

[2199] Это был обычный тип, но были и местные вариации, и отношение *севира* к *августалису* не всегда было одинаковым. В Цизальпинской Галлии мы имеем *seviri et*

Augustales, где бывший севир сохраняет свой титул. В южной Италии *Augustalis* используется для *sevir*. См. Mourlot *op. cit.* pp. 69-72; Rushforth *op. cit.* p. 64.

[2200] О "храме и памятнике" в честь правителя см. Cic. *ad Q. fr.* 1, 1, 9, 26. Храм РOME был воздвигнут Смирной уже в 195 г. до н. э. (Тас. *Ann.* iv. 56).

[2201] Тас. *Ann.* xiv. 31 "templum divo Claudio constitutum quasi arx aeternae dominationis aspiciebatur."

[2202] Императорские рескрипты к *concilia* или κοινά встречаются часто См. *Dig.* 47, 14, 1; 49, 1, 1; 48, 6, 5, 1. Ср. 1, 16, 4, 5.

[2203] Plin. *Ep.* iii. 4, 2. Там, где, как в этом отрывке, *легаты* провинции представлены как подающие жалобу, они, несомненно, представляют *консилиум*. В 62 г. н. э. был принят *сенатский консилиум* "ne quis ad concilium sociorum referret agendas apud senatum pro praetoribus prove consulibus grates" (Тас. *Ann.* xv. 22).

[2204] *Cod.* 5, 27, 1 (A.D. 336).